

ВЕСТНИК Академии МВД Республики Беларусь

Научно-практический журнал
№ 2 (38), 2019

Издается с января 2001 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель и издатель –
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

Главный редактор *И.И. Басецкий*
Редактор *И.В. Ничипор*
Технический редактор *Ю.С. Романюк*
Корректоры *А.В. Гуринович, М.С. Прушак*

Адрес редакции:
пр-т Машерова, 6, 220005, Беларусь, Минск.
Тел. 289 23 19.
E-mail: vestnik@amia.unibel.by

Индексы издания:
74923 – для индивидуальной подписки;
749232 – для ведомственной подписки

Свидетельство о государственной регистрации
средства массовой информации
от 07.05.2010 № 1352, выданное
Министерством информации Республики Беларусь

Журнал «Вестник Академии МВД
Республики Беларусь» включен приказом ВАК
Республики Беларусь от 04.07.2005 № 201
(в редакции приказа ВАК Республики Беларусь
от 02.02.2011 № 26) в Перечень научных изданий
Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
и в Российский индекс научного цитирования
(лицензионный договор от 13.03.2015 № 14-03/2015)

Подписано в печать 20.12.2019. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 33,95. Уч.-изд. л. 30,02.
Тираж 110 экз. Заказ 337.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
ЛИ № 02330/447 от 18.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск

Редакционная коллегия:

В.А. Ананич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор;
И.И. Басецкий, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь;
А.Ф. Вишневикий, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;
В.Ф. Ермолович, доктор юридических наук, профессор;
Т.В. Казак, доктор психологических наук, профессор;
А.Н. Пастушеня, доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;
А.С. Рубис, доктор юридических наук, профессор;
А.Л. Савенок, доктор юридических наук, доцент;
В.Г. Стуканов, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент;
В.М. Хомич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь;
В.Б. Шабанов, доктор юридических наук, профессор;
А.В. Башан, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Республики Беларусь;
В.С. Гайдельцов, кандидат юридических наук, доцент;
А.А. Подупейко, кандидат юридических наук, доцент;
А.В. Яскевич, кандидат юридических наук, доцент

© УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ОБ АКТУАЛЬНОМ

Родевич В.Ч. Проблемы подготовки научных кадров и пути их решений 5

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Бекещенко А.В., Гиммельрейх О.В. Штабная культура как необходимый компонент профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел 10

Гиммельрейх О.В. О критериях оценки эффективности организационно-управленческой деятельности органов внутренних дел 16

Дегонский С.Ю. Особенности заключения контрактов о службе в органах внутренних дел 24

Жемайтук А.Г. Понятие, основание и порядок осуществления административно-правового обеспечения защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств в Республике Беларусь 28

Иванчикова Л.Д. Административное задержание несовершеннолетнего: понятие, стадии, основания и цели 33

Касьянчик С.С. Категория услуг в системе функций правоохранительных органов 36

Климченя В.С. Правовые принципы организации и проведения массовых мероприятий 42

Коховец О.В., Федчук И.Л. Жалоба в государственном управлении 47

Никель С.А. Методы деятельности субъектов административно-правового регулирования здравоохранения: отдельные направления совершенствования 52

Носкевич И.Д. Служба в Следственном комитете Республики Беларусь как вид государственной службы 57

Семенюк Д.П. Основания разграничения административной ответственности юридических лиц и их должностных лиц 65

КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Беломытцев Н.Н. Специфика следовой картины при совершении хищения с использованием компьютерной техники: практический аспект 70

Вакульчик М.А. Теоретико-правовое обеспечение взаимодействия правоохранительных органов Республики Беларусь в противодействии преступности 74

Изотов А.В. Противодействие грабёжам и разбоям в современных условиях: гносеологический аспект 77

Пашута И.В., Яскевич А.В. Типичные способы совершения преступлений с применением взрывных устройств 82

Пилушин С.В. Интернет как источник оперативно-розыскной информации 86

Толочко А.Н. Предпосылки и принципы совершенствования оперативно-розыскной теории и практики на основе междисциплинарных связей 90

Цынкевич В.Н. Идентификация признаков хищений 95

Юбка Ю.М., Михневич В.Н. Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию: о хищениях, совер-

TOPICAL ISSUES

Rodevich V.Ch. Problems of scientific personnel training and their solution

ADMINISTRATIVE LAW AND MANAGEMENT BODIES OF THE INTERIOR

Bekeschenko A.V., Himmelreikh A.V. Staff culture as an essential component of professional culture of an internal affairs officer

Himmelreikh A.V. Criteria for assessing the effectiveness of organizational and managerial activities of internal affairs bodies

Degonsky S.Y. Features of concluding service contracts in internal affairs bodies

Zhemaituk A.G. The concept, basis and procedure for the implementation of administrative and legal protection of diplomatic missions and consular institutions of foreign states in the Republic of Belarus

Ivanchikova L.D. Administrative detention of minors: the concept stage, the grounds and purpose

Kasyanchik S.S. Category of services in the system of functions of law enforcement bodies

Klimchenya V.S. The legal principles of the organization and holding of mass events

Kokhovets O.V., Fedchuk I.L. The complaint in public administration

Nikel S.A. Methods of activity of the subjects of public health management: some directions of improvement

Noskevich I.D. Service in the Investigative Committee of the Republic of Belarus as a type of state service

Semeniuk D.P. The basis of the limitation of the administrative responsibility of legal entities and their officers

CRIMINALISTICS, OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY

Belomyttsev N.N. The specifics of the trace pattern in the theft using computer technology: a practical aspect

Vakulchik M.A. Theoretical and legal support of the interaction of law-enforcement agencies of the Republic of Belarus in combating crime

Izotov A.V. Counteraction to muggings and robberies in current conditions: epistemological aspect

Pashuta I.V., Yaskevich A.V. Typical ways of committing crimes involving explosives

Pilyushin S.V. Internet as a source operational information

Tolochko A.N. Preconditions and principles of the development of operative searching theory and practice on the base of interdisciplinary links

Tsynkevich V.N. Identification in identifying theft

Yubko Y.M., Mikhnevich V.N. Establishing the circumstances to be proved on the materials and criminal cases of the thefts

шенных должностным лицом ЖКХ путем злоупотребления служебными полномочиями (Часть 2)

committed by an officer of the housing and utilities sector by abusing official authority (Part 2)

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCESS

- Алекперов Р.Р.* О понятии меры пресечения в виде заключения под стражу 104
Якубель М.М. Лицо, совершившее общественно опасное деяние, как субъект уголовно-процессуальных отношений 108

- Alekperov R.R.* About the concept of performance measures in the type of security conclusion
Yakubel M.M. Person who made public dangerous action as a subject of criminal procedure relationships

КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINOLOGY, CRIMINAL LAW, PENAL LAW

- Асабин А.Ю.* Противодействие транснациональной преступности: международно-правовые аспекты 113
Вабищевич В.В. Криминологическое прогнозирование и предупреждение противоправного вмешательства в персональные данные 119
Горбель А.Г. Криминологическая характеристика женщины, страдающей алкоголизмом 123
Жук А.А. Обеспечение режима отбывания лишения свободы осужденными, оставленными в следственных изоляторах и тюрьмах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию 127
Каравалева В.А. Проблемы нормотворческой техники (примечания главы 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь) 131
Кашинский М.Ю. Преступность лиц с психическими расстройствами: историко-криминологический аспект 135
Поляков К.В. О понятии детской порнографии 141
Стальбовский В.В. Концепция предупреждения и профилактики преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних в Республике Беларусь (Часть 2) 147
Тит А.А. Институт пробации: интеграция в общество лиц, освободившихся условно-досрочно из исправительных учреждений 153
Хатеневич Т.Г. Институт освобождения от уголовной ответственности в свете парадигмы целеполагания 156
Шабанов В.Б., Савастей О.М. О правовом регулировании труда осужденных к лишению свободы: проблемы и перспективы 162

- Asabin A.Y.* Current issues on transnational crime counteraction: international legal aspects
Vabischevich V.V. Criminological prediction and prevention of illegal interference with personal data
Gorbel A.G. Criminological characteristics of an alcohol-addict woman
Zhuk A.A. Ensuring the regime for serving deprivation of liberty by the convicts left in the remand centers and prisons for janitorial services
Karavaeva V.A. Problems of legislative technique (notes in chapter 35 of the Criminal code of the Republic of Belarus)
Kashinsky M.Y. The criminality of persons with mental disorders: a historical-criminological aspect
Polyakov K.V. On the concept of child pornography
Stalbovsky V.V. Concept prevention and prevention of crimes against sexual immunity or sexual freedom of minors in the Republic of Belarus (Part 2)
Tit A.A. Institute of probation: integration of persons released on parole from correctional institutions into the society
Khatsianevich T.G. Institute of the refusal from criminal responsibility in the light of the goal-setting paradigm
Shabanov V.B., Savastey O.M. Legal regulation of the labour of persons, sentenced to imprisonment: problems and perspectives

ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

CIVIL AND LABOR LAW, CONSTITUTIONAL AND INTERNATIONAL LAW

- Боровая Е.В.* Трудоустройство несовершеннолетних как условие их социализации 167
Бородич А.И. Международное правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности 171
Бородич А.И., Подупейко А.А. Международное сотрудничество по противодействию организации незаконной миграции 176
Вежновец В.Н., Луговский С.Г. Переговоры как один из способов урегулирования международных конфликтов 180
Кравцова М.А. О взаимодействии органов внутренних дел с природоохранными органами в сфере охраны окружающей среды 184
Мазаник Е.Н. Конституционный контроль в Республике Беларусь 189
Подупейко А.А. Защита прав несовершеннолетних 194
Середа Р.А., Володащук А.Н. Реализация осужденными конституционных прав как условие успешной ресоциализации 199
Смирнов А.В. Конституционные принципы регулирования экономической деятельности в государствах – членах Евразийского Экономического Союза 203

- Borovaya E.V.* Employment of minors as condition of their socialization
Borodich A.I. International legal regulation operatively-search activity
Borodich A.I., Podupeyko A.A. International cooperation on combating illegal migration
Vezhnovets V.N., Lugovskiy S.G. Negotiations as one of the methods of settlement of international conflicts
Kravtsova M.A. Interaction of internal affairs agencies with environmental authorities in the field of environmental protection
Mazanik E.N. Constitutional control in the Republic of Belarus
Podupeyko A.A. Protection of the rights of minors
Sereda R.A., Valadashchyk A.N. Implementation of constitutional rights by convicted persons as a condition for their successful resocialization
Smirnov A.V. Constitutional principles of regulation of economic activity in member states of the Eurasian Economic Union

Черепок А.Р. Разделение функций государства по управлению государственным имуществом как регулятора от функций собственника 208

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Григорьев А.В. Проблема элементного состава правовой нормы в теоретической юридической науке и отраслях белорусского права (Часть 3) 215

Кийко Н.В. Основные этапы становления Департамента исполнения наказаний как элемента системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь 219

Коховец О.В. Правовое регулирование порядка обжалования на территории Беларуси в период Великого княжества Литовского 223

Крыварот А.А. Узаемадзеянне партызан Беларусі і Украіны на Гомельшчыне (лістапад 1942 – люты 1943) 227

Лапанович С.Ф. Организационно-правовые основы создания и деятельности курсов командного состава Милицейской службы при Главном Управлении Рабоче-Крестьянской милиции ССРБ (1921 г.) 232

Мурашко А.И. К истории кинологической службы: использование собак в служебной деятельности железнодорожных жандармов Российской империи 238

Стабровский Е.И. Генезис правового сознания в правовой мысли Беларуси в VI–XVIII вв.: основные тенденции 242

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Везломцев В.Е., Терещенко Т.Г. Формирование антикоррупционного поведения в рамках интеграции учебных дисциплин гуманитарного и профессионального циклов 246

Пастушеня А.Н. Психологическая характеристика преданности профессии сотрудника органов внутренних дел и средства ее формирования в образовательном процессе 251

Стуканов В.Г. Формирование гуманистического образа сотрудника милиции как условие повышения доверия к органам внутренних дел 257

Стульба С.А. Исследование профессиональной деятельности и ее характеристик в современных психологических концепциях 262

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

Басецкий И.И. О терминологии (наименованиях) в теории и практике противодействия преступности 269

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Музыченко П.Б. О проблемах уголовной ответственности за нарушения правил эксплуатации транспортных средств, безопасной работы транспорта и правил дорожного движения в Российской Федерации 273

Тимакина Ю.А., Чубейко С.В. Использование ключевых показателей эффективности деятельности в совершенствовании управления образовательной организацией системы органов внутренних дел 278

Филь С.П. Сравнительная характеристика таможенно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе 282

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Яловик В.С. Слово об учителе! 286

Требования к оформлению статьи в журнал «Вестник Академии МВД Республики Беларусь» 292

Cherepok A.R. Separation of functions of the state on administration of the state property as a regulator of functions of proprietor

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Grigoriev A.V. The problem of elemental composition of legal norms in the theoretical legal science and branches of belarusian right (Part 3) 215

Kiyko N.V. Basic stages of formation of the Department of execution of punishments as an element of the national security system of the Republic of Belarus 219

Kokhovets O.V. Legal regulation of the order of appeal on the territory of Belarus in the period of the Great Duchy of Lithuania 223

Kryvarot A.A. Interaction of the partisans of Belarus and Ukraine on the Gomel region territory (november 1942 – february 1943) 227

Lapanovich S.F. Legal framework creation and activity of team courses military service under the Main Management Working and Peasant Police of the SSRB (1921) 232

Murashko A.I. On the history of the dog service: the use of dogs in the official activities of the railway gendarmes of the Russian Empire 238

Stabrovsky Y.I. The genesis of legal consciousness in the legal thought of Belarus in the VI–XVIII centuries: basic trends 242

JURIDICAL PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Vezlomtsev V.E., Tereshchenko T.G. Formation of anti-corruption behavior within integration of humanitarian and professional subject matters 246

Pastushenya A.N. Psychological characteristics and means of forming devoting to the profession of an officer of the internal affairs bodies in the educational process 251

Stukanov V.G. The formation of the humanistic image of the police officer as a condition of increasing confidence in the internal affairs 257

Stulba S.A. Research of the professional activity and its characteristics in the modern psychological concepts 262

DISCUSSION ORDER

Basetsky I.I. About the terminology (appellation) in the theory and practice of counteraction crime 269

FOREIGN EXPERIENCE

Muzychenko P.B. About problems of criminal liability for violations of the rules of operation of vehicles, safe work of transport and traffic regulations in the Russian Federation 273

Timakina Y.A., Chubeyko S.V. The use of key performance indicators to improve the management of the educational organization of the system of internal affairs bodies 278

Fyl S.P. Comparative characteristics of customs and legal protection of intellectual property rights in the European Union and the Eurasian Economic Union 282

OUR CONGRATULATIONS

Yalovik V.S. A word about the teacher! 286

The requirements of article of the journal „Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus“

УДК 378.2

В.Ч. Родевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе (e-mail: Ord.by@tut.by)

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЙ

Анализируются проблемы подготовки научных кадров и рассматриваются пути их решения. Затрагиваются аспекты планирования, ценности исследовательских работ, механизм развития научного потенциала личности и обосновывается необходимость выстраивания взаимоотношений в творческом коллективе. Предлагается прогноз развития будущего исследователя на основе изменений имеющихся подходов к подготовке научных кадров.

Ключевые слова: научные кадры, исследования, диссертация, стратегия, инновация, соискатель, наука, ученый.

Современное состояние науки характеризуется поиском инновационных способов и средств повышения эффективности подготовки кадров высшей научной квалификации, ее организационной основы, решения проблем методологического и этического характера. Такая работа обуславливает необходимость анализа ряда проблемных аспектов, позволяющих дать ответы на некоторые вопросы. Что надо делать, чтобы улучшить подготовку научных кадров? Какие механизмы организации работы с будущими исследователями являются преобладающими? Какой результат мы стремимся получить в науке? Какого ученого должна получить страна?

Следует отметить, что решение поставленных амбициозных целей в науке невозможно без сформированного аппарата квалифицированных исследовательских кадров. Соответственно, становится очевидной необходимость совершенствования процедуры их подготовки. При этом важно разработать подходы и определить долгосрочные требования к развитию научных учреждений с учетом соотношения их со стратегией «Наука и технологии: 2018–2040», предложенной на II съезде ученых Республики Беларусь.

Сопоставляя заинтересованность и потребность в исследователях, все чаще возникает необходимость в определении фактического положения дел в подготовке ученых и необходимости вывода о перспективах ее совершенствования.

Самостоятельный аспект, требующий внимания в подготовке научных кадров, заключается в существовании иллюзии, что все ученые должны давать одинаковый научный результат. Практика работы в учреждении высшего образования показывает, что невозможно требовать одинакового весомого результата от всех исследователей, так как это заведомо ведет к установлению средних показателей, и, следовательно, прожектеры такого подхода остаются удовлетворенными в достижении количественных показателей в работе. На наш взгляд, довольствуясь усредненными данными, мы замедляем темп развития науки. Необходимо признать очевидное: для всех лиц, включенных в такую работу, одинакового результата не будет; ошибочно требовать от каждого значимых научных исследований. Как показывает практика учреждений высшего образования, наивысший потенциал имеет группа ученых, защитившая кандидатскую диссертацию 10–15 лет назад, так как в это время происходит подготовка основных значимых работ ученого, специалист проявляет себя как исследователь и организатор исследовательских работ (например, имеются защитившиеся ученики).

Так, очевидна востребованность разработки определенной современной модели подготовки научных кадров с выработанными стандартами, которая должна отражать публикации, имеющие отношение к развитию теории, ценность их для развития учебных дисциплин, наличие научных работ в международных изданиях и актов о внедрении результатов научно-исследовательской работы в практику, количество лиц, защитивших диссертацию и соискателей. Такие показатели особенно ценны для оценки работы руководителя кафедры или определенных лидеров научных коллективов.

В этой связи следует обратить внимание на стратегическое планирование в рассматриваемой работе, что позволит увидеть перспективы кадрового состава кафедры и развития его научного потенциала. Вполне очевидно, что быстрого результата ни в науке, ни в подготовке научных кадров нет. На наш взгляд, такое планирование должно носить краткосрочный (5 лет) и долгосрочный (10–15 лет) характер. В 5-летний срок осуществляется реализация научных проектов, однако подготовка научных кадров высшей квалификации вызывает к более длительному времени и не может ограничиваться формальной констатацией установленных сроков.

По данному вопросу требуется содержательный анализ технологии заявленного процесса, который (например, работа над докторской диссертацией) состоит из опубликования ряда значимых научных работ, где на подготовку и выход одной рукописи приходится затратить в среднем два года. Участие в законодательских проектах (для ученых-юристов) и апробация разработанных теоретических основ в виде научно-практических рекомендаций занимает значительное время. Работа над рукописью докторского диссертационного исследования проходит в течение нескольких лет. Очевидно, что указанное должно осуществляться в рамках выработанной стратегии подготовки и реализации крупных научных проектов.

Особенность научного планирования в данном вопросе заключается в постановке рабочих гипотез реализации планов и скрупулезной их апробации в научных изданиях и практических органах. В стратегии подготовки научных кадров и развития науки необходимо видеть объективную значимость конечного результата уже на стадии планирования (потому как, какой он – конкретный научный продукт, – нам пока неизвестно), и что с ним делать дальше, где применить, куда направить. По этой причине цифровые показатели, о которых мы говорили раньше, слабо связаны с ростом научного потенциала учреждения высшего образования. Нас могут подвергнуть критике за столь резкий вывод, но необходимо объективно обращать внимание на произведенный продукт, его качество и востребованность на рынке исследовательских работ.

Чем качественнее научный труд, тем больше спрос на него, тем он известнее за пределами учреждения образования, где произведен, тем выше оценка специалистов научных школ и, соответственно, выше имидж его автора и коллектива, в котором он работает. Указанные подходы для многих очевидны. Но важным представляется создание условий для производства качественного научного продукта через формирование научного потенциала вуза.

Секрет «ясновидения» прост: необходимо внимательно читать то, что сегодня пишут в своих тезисах, статьях, монографиях, и видеть процесс развития исследователя. Следует также помнить, что подготовка научной работы и есть выполнение квалификационного задания, по результатам которого определяется способность лица решать более сложные исследовательские задачи.

Сегодня также видится необходимой собственной вузовская логистика подготовки научных кадров, особенно в подготовке докторских исследований. Такая работа более качественно осуществляется кластерами под руководством лидеров научной сферы. Если ученые разобщены в своих творческих пристрастиях и существуют как самостоятельные единицы, то и в достижении значимых научных результатов будет наблюдаться озабоченность только их собственными результатами. В этой связи важным объединяющим моментом в подготовке высококвалифицированных научных кадров выступает принадлежность соискателя к научной школе, занимающейся разработкой вопросов, значимых для теории и практики.

Следует признать, что ключевым моментом в достижении истинного научного результата является организация данного процесса, направленного на создание работ, необходимых для изыскания и внедрения новых теоретических концептов. Оставление молодого ученого с собственными исследовательскими представлениями о развитии науки и его самостоятельным ростом в ней сказывается на полученном результате, который может характеризоваться слабой

эффективностью в теоретическом и практическом аспектах. Следовательно, ряд таких быстрых собственных побед трансформируют логику научного мышления в логику достижения личного результата. Ограничивая себя собственной сложившейся матрицей, подготовкой исследовательских работ, сам в себе формируешь озабоченность своими же результатами без учета их в системном стремлении достижения крупного научного результата. Такой исследователь делает то, что ему нравится, и в таких условиях обычно ограничивается уже имеющимися знаниями, гипотезами и, возможно, уже встречающимися разработками по исследуемому вопросу. И не надо бояться, что значимый научный результат будет употребляться с местоимением «мы» вместо комплексационного «я». Таким образом, нацеленность молодых исследователей на создание фундаментальных работ как основы развития науки и собственного научного потенциала позволяет двигаться вперед в поисках истины и достигать высоких результатов.

Не менее важно интегрироваться в международную научную деятельность. В данном случае речь идет и о выдвижении собственных идей, и об участии в продвижении уже сформулированных понятий. Именно здесь место в науке найдется для всех желающих. Нельзя оставаться в стороне, если хочешь добиться признания на международном уровне.

Признание за пределами страны – это участие в совместных международных проектах. Достижение такого результата возможно при вовлечении в подготовку кадров известных ученых из других вузов, которые одновременно, прямо или опосредованно, будут заняты решением конкретных исследовательских задач. Такой подход необходим для поиска нового взгляда на интересующие исследовательские вопросы и укрепления научных связей.

На наш взгляд, упущения в подготовке научных кадров заключаются в том, что некоторые молодые ученые к полученному первому результату в науке относятся как к конечному итогу всей своей исследовательской деятельности, потому что как только они подготовили диссертацию и защитили ее, они рассматриваются уже как первоочередные кандидаты для выдвижения на вышестоящие должности и получения различных поощрений. Самое неблагоприятное в данном случае это то, что исследователь убежден в закономерности такого роста: «у меня все хорошо, я успешен, у меня все сложилось; я из зоны комфорта не выйду». Соответственно, мало кто понимает, что такой подход к научной деятельности – это начало конца. В данной ситуации важно изменить отношение к себе, так как в рациональном мире прошлых заслуг не бывает.

С какого момента начинается наука? Очевидно, что с выбора темы и научного руководителя, когда кандидат в соискатели погружается в тайны поиска истины, преисполнен желанием решать проблемные вопросы, мечтает навести порядок в допускаемых упущениях на практике. Когда заканчивается наука? Никогда.

Такая пытливость должна быть сохранена в течение всего процесса исследовательской работы, в том числе и после защиты как кандидатской, так и докторской диссертации. Лучше, если она подкреплена мотивационной составляющей, направленной на результат в науке.

Надо понимать, что мотивированность на результат в науке находится в материальной, социальной, психологической защите соискателя. Здесь важным представляется выстраивание механизмов работы, основанных на приоритетах, которые существенны для лиц, вовлеченных в науку. В основном речь идет о получении денежных вознаграждений. Кроме обеспечения материального благополучия в будущем, в первую очередь надо говорить о создании стимулов, когда у ученого возникла бы мотивация к тому, чтобы «создать не просто новое, но прежде всего действительно необходимое для страны, ее экономики, населения» [1, с. 170].

Все сказанное выше еще раз подтверждает необходимость выстраивания в вузе единой научно-инновационной системы, включающей в себя совместные разработки фундаментальной и прикладной науки. Очень значимо при этом объединение молодых ученых из различных научных специальностей в единый коллектив для решения единой исследовательской задачи. При таком системном взаимодействии должна быть отмечена роль лидера, создающего эффективные механизмы достижения целей в науке, объединяющие целеустремленных молодых людей и разрешающие препятствия на пути создания качественного продукта (анкетирование, интервьюирование, доведение до использования в практической деятельности результатов исследования).

Итоговое знание, полученное в ходе такого творческого союза, представленное как элементы взаимодействующей между собой целой системы знаний, раскроет возможности каждого

участника, выявит те или иные необходимые сведения для решения сложной научной задачи. Ведь часто теоретик до конца не может представить, какое открытие даст осязаемый результат на практике, и, наоборот, прикладная наука не может делать шаги к собственному развитию без фундаментальных знаний. Именно в такой научной дискуссии рождается востребованный материал для развития теории и обогащения практики. Соответственно, участие в создании такого продукта должно явиться главным стремлением ученого.

Желание решения сложных научных задач должно обеспечиваться формированием мотивировки социального характера, которая, на наш взгляд, может заключаться в создании условий как для собственного роста, так и для реализации сформированных возможностей исследователя.

Должно быть понимание того, что исследователь ценен как сейчас, так и в будущем. Приобретая уверенность в завтрашнем дне, формируя корпоративное мышление, становясь частью процесса образования, исследователь понимает и обратную связь: вуз в нем также заинтересован. Чем выше результативность ученых в науке, тем сильнее должна становиться такая связь, потому что в подготовке научных кадров, учреждение высшего образования более заинтересовано, чем сам соискатель. Это уже становится результатом не одного исследователя, а всего научного коллектива целого учреждения образования. Чувство вузовского «локтя» обяжет соискателя с новыми силами трудиться на благо такого коллектива; именно поэтому руководителю важно понимать ту или иную мотивационную составляющую, которая движет соискателем, и принимать решения по их реализации. Таким образом, у исследователя будет формироваться потребность в самовыражении, и этот процесс нельзя затягивать. Несмотря на имеющуюся возможность заниматься длительной исследовательской работой, период максимального творческого подъема не вечен, и его необходимо стимулировать.

Следующим серьезным аспектом в подготовке научных кадров является формирование универсальных ценностей в научном коллективе, основанных на взаимном уважении друг к другу. Насколько универсальными и действенными могут быть нравственные подходы в формировании коллектива, настолько эффективным может стать их применение в формировании творческой атмосферы в учреждении высшего образования. На наш взгляд, должна быть обеспечена консолидация сотрудников, объединение усилий для достижения научных целей. Здесь необходимо вести речь о создании вузовского менталитета (мировосприятия, умонастроения [2, с. 350]) как особого мышления, объединяющего чиновников, научного руководителя и соискателя совместно решать научные задачи. Речь идет о формировании коллективной черты учреждения образования. Следует заметить, что у каждого из них есть свое представление о ценностных ориентациях и установках, отличные от других. В условиях высоких требований к научным результатам необходимо настраивать творческий потенциал исследователей на определенную культуру и традиции в научной деятельности.

Современные тенденции отраслевой науки свидетельствуют о сконцентрированности на предложениях и рекомендациях для практической деятельности, что ведет к формированию определенной ментальности в науке. Нельзя сказать, что это плохо. На наш взгляд, требуется расширение спектра фундаментальных исследований, создающих условия для развития нового вузовского уклада, нацеленного на подготовку значимых научных исследований. Для эффективной работы необходимо сформировать представление об уважительном отношении к ученым, на чьих работах выстраиваются итоговые суждения, понимание роли научных руководителей в росте будущих исследователей. Таким образом, может быть создано гармоничное взаимодействие между учителем и учеником, которое станет основой для дальнейшего творческого союза. В данных вопросах доминирующая роль отводится научным руководителям, которые личным примером вырабатывают мерилы человеческих ценностей, которые на благодатном обучающемся ученике, имеющих устоявшиеся позитивные нравственные основы, приобретают особую ценность и неповторимую культуру межличностного и научного общения.

Итак, процесс творческого становления исследователя должен проходить через критерии оценки уровня освоения исследовательского труда. В данном случае можно наблюдать прямую зависимость. Если в механизме подготовки рассматриваемых лиц предстоит решить ряд последовательных задач, то сбой на любом из его этапов будет серьезным препятствием для решения более сложной задачи – подготовки ученого. Если в этом процессе произошел застой, то это показывает невысокую результативность на каком-то этапе такой работы.

При изучении правил планирования и реализации решений в построении системы подготовки кадров высшей научной квалификации следует обратить внимание на необходимость дифференциации понятий «наука» и «подготовка научных кадров». Нет сомнения в том, что это взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия, но не тождественные, и при этом находящиеся в разных векторах самостоятельного функционирования и развития. Так, если «наука стремится к тому, чтобы создать задел знаний для будущих форм практического изменения мира» [3, с. 224], то в построении эффективной системы подготовки научных кадров важным представляется определить, когда такая работа может считаться выполненной. На наш взгляд, одним из важнейших результатов научного исследования является получение соискателем необходимого продукта, имеющего ценность для теории и практики. В этом процессе в первую очередь необходимо сравнить, уловить тенденцию, выделить уникальность работы, определить степень инновационности продукта, и на его основе составить прогноз развития будущего исследователя. Только таким образом можно вести речь о выполнении качественной работы по подготовке ученого.

Если придерживаться формального подхода, т. е. только выполнения индивидуального плана исследователя, то можно не заметить, как наступает застойный период. Процесс подготовки ученого может быть благополучным только при достижении успехов на различных этапах исследовательской деятельности, и здесь необходимы целеустремленность и желание трудиться на качественный конечный результат.

Список использованных источников

1. Соснина, Т.Н. Семантический статус понятий «инновация», «инновационный процесс», «инновационный продукт» (методологический аспект) / Т.Н. Соснина // Вестн. Самар. аэрокосм. ун-та. – № 3. – 2014. – С. 168–178.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковик, 1997. – 944 с.
3. Философия : учеб. пособие / Я.С. Яскевич [и др.]; под общ. ред. Я.С. Яскевич. – Минск : Выш. шк., 2012. – 474 с.

Дата поступления в редакцию: 16.09.19

V.Ch. Rodevich, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head for Scientific Work of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

PROBLEMS OF SCIENTIFIC PERSONNEL TRAINING AND THEIR SOLUTION

The article deals with the problems of scientific personnel training and their solution. It focuses on the aspects of planning, value of research works, mechanism of development of scientific potential of a person and issues of cooperation and relationship in a creative team. The forecast of development of a future researcher based on the change of the available approaches for training of scientific personnel is given.

Keywords: scientific personnel, research, thesis, strategy, innovation, applicant for a degree, science, scientist.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК 342.9

А.В. Бекещенко, кандидат юридических наук, профессор кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: anatology2305@yandex.ru);

О.В. Гиммельрейх, кандидат юридических наук, доцент кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: gimmelreikh@mail.ru)

ШТАБНАЯ КУЛЬТУРА КАК НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются различные научные подходы к определению понятия, содержания и структуры (в разрезе органа управления и отдельного сотрудника) штабной культуры в органах внутренних дел как части профессиональной культуры.

Аргументируется вывод, что повышение качества и эффективности штабной культуры является важнейшим условием совершенствования управления ОВД в аспекте их целевого назначения – поддержания общественного порядка, противодействия преступности и качественной реализации управленческих функций. Доказывается неправомерность ограничения содержания штабной культуры рамками только составления документов, равно как и отождествления ее полностью с профессиональной культурой.

Предлагаются авторское определение понятия «штабная культура в ОВД» и конкретные меры административно-правового характера, направленные на нормативное закрепление определения понятия, структурных элементов, регулирования общих и прикладных вопросов формирования, поддержания и развития штабной культуры в ОВД.

Ключевые слова: управление органами внутренних дел, штаб, функции управления, профессиональная культура, субъекты реализации управленческих решений, штабная культура, структура и содержание штабной культуры в органах внутренних дел.

Понятие штабной культуры появилось в XX в. с образованием структуры штабов, которые должны были решать сложные вопросы управления войсками (силами). Повышение значимости службы в штабах и масштабность решаемых задач определили высокие требования к штабным офицерам, которым предстояло разрабатывать большой объем служебных документов.

О преимуществах наличия штаба в социальной организации (как военного, так и гражданского назначения) рассуждает в своей научной работе П.М. Керженцев. Он пишет, что «наличие штаба в организации свидетельствует обычно о более высоком характере организационного строительства. Штаб имеет возможность внести в работу научную планомерность, он может отрешиться от текущей повседневности, чтобы разрабатывать вопросы общего характера, намечать новые пути для работы, учитывать необходимое изменение и вообще осмысливать и обобщать всю деятельность организации» [1, с. 41]. Впоследствии выполняемые штабами задачи и функции были в специальной литературе названы общими (штабными) функциями управ-

ления любой социальной организации. Степень качества выполнения управленческих задач и функций общего характера в организации отражает категории профессионализма и культуры.

Любая социальная система, к числу которых относится и система ОВД, ориентированная в развитии на подлинно культурные ценности, более надежно защищена от импульсивности и попыток отдельных руководителей каждый раз начинать все сначала (*ab ovo* – с чистого листа). В этой связи очевидно обуславливается потребность восполнения существующих пробелов теоретического и организационно-правового характера относительно понимания и эффективного использования потенциала штабной культуры в процессе осуществления управленческих задач и функций, реализуемых в служебной деятельности ОВД.

Анализ законодательства и практики государственного управления свидетельствует об отсутствии нормативного закрепления термина «штабная культура органа внутренних дел».

В частности, Положение о штабе МВД Республики Беларусь, утвержденное приказом МВД Республики Беларусь от 31 марта 2015 г. № 85, и Типовое положение о штабе управления, отдела внутренних дел городского, районного исполнительного комитета (местной администрации), отдела внутренних дел на транспорте, утвержденное приказом МВД Республики Беларусь от 30 сентября № 266, не содержат определения понятия «штабная культура», его содержания, структуры, назначения и функций, порядка формирования, поддержания и развития.

Определенный познавательный интерес в контексте настоящего исследования представляет Временное наставление по службе штабов ОВД, утвержденное приказом МВД Российской Федерации от 12 февраля 1997 г. № 86, содержащим упоминание о феномене штабной культуры в органах внутренних дел (действовал до 30 декабря 2016 г.).

Наставлением в качестве требований, предъявляемых к работе штаба, закреплялись: организованность, целеустремленность, оперативность, предвидение и предусмотрительность, точность и исполнительность, инициатива и творчество. В свою очередь оперативность заключалась в способности штаба решать задачи качественно и в установленные сроки с учетом оперативной обстановки, гибко менять формы и методы работы и достигалась постоянным знанием оперативно-служебной обстановки, своевременной и четкой постановкой задач и точным их выполнением; привитием сотрудникам навыков высокой штабной культуры (п. 4.2 данного приказа).

При этом что входило в содержание понятия «штабная культура», какие признаки ее должны характеризовать и с помощью каких способов и технологий ее необходимо прививать, поддерживать и развивать, в вышеуказанном нормативном правовом акте не раскрывалось. Таким образом, отсутствие нормативно установленных требований к формированию, поддержанию и развитию феномена штабной культуры приводит к появлению типичных недостатков, допускаемых в процессе выполнения управленческих задач и функций как отдельными руководителями и сотрудниками, так и коллективами ОВД.

Результаты изучения научной и специальной литературы, в том числе аналитических статей, научных трудов, учебно-методических материалов, диссертационных работ и их авторефератов показали отсутствие теоретических исследований ключевых гипотез, дающих целостное представление о сущности, содержании и функциях штабной культуры в ОВД, ее соотношении с профессиональной и управленческой культурой.

Несмотря на значимость и востребованность штабной культуры для обучения, осуществления организационно-управленческой деятельности по управлению ОВД, разработке ее теоретических основ, содержания и структуры, особенностей формирования и развития в отечественной и зарубежной литературе применительно к деятельности органов внутренних дел уделено недостаточно внимания. Исключения составляют отдельные научные труды, написанные либо в советский период, т. е. в совершенно иных исторических условиях [2], либо применительно к конкретной социальной группе [3].

В этой связи представляется целесообразным начать наш научный поиск с анализа более широкого понятия – «профессиональной культуры», рассмотреть его содержание и элементы, исследовать признаки, особенности, структуру и виды штабной культуры в ОВД как ее частные (предметные) проявления.

Профессия и культура тесно и постоянно между собой взаимодействуют. Первая, соединяясь с общечеловеческой культурой, порождает такое социальное явление, как «профессиональная культура», и охватывает собой область трудовой деятельности человека и качество этой

деятельности, что в итоге составляет саму культуру – уникальный феномен всей человеческой истории, всего человеческого бытия. Следует заметить, что истоки профессионализма, профессиональной культуры в целом необходимо искать в трудовой деятельности людей, в общественном разделении труда и возникновении профессий, которые явились объективными стимулами становления и развития культуры [4, с. 5].

Как отмечает Л.В. Иванова, под профессиональной культурой любой деятельности понимается качественное состояние и развитие данной деятельности, включающее совокупность способностей, знаний, умений, мастерства, опыта, т. е. всех качеств субъекта деятельности, применяемых в определенной профессии [5, с. 14]. Профессиональная культура сотрудника ОВД – результат и показатель высокого уровня его профессиональной подготовленности, основывающиеся на высокой общей культуре личности, образовании, профессиональном мастерстве и опыте работы; способности его к саморазвитию и самосовершенствованию, умения оптимально и эффективно применять имеющийся арсенал профессиональных знаний, умений и навыков в процессе повседневной служебной деятельности [6, с. 394].

Основу профессиональной культуры специалиста составляет общая культура личности, т. е. феномен, позволяющий судить о культурности человека вообще, об определенном уровне его развития в частности, которую ассоциируют с воспитанностью (в широком смысле – развитие определенного уровня сознания, наличие определенных социальных установок, ценностных ориентаций, овладение нормами и правилами социального поведения) и образованностью (владение определенным комплексом знаний, широкий кругозор и умение анализировать имеющуюся информацию как результат познавательного процесса).

Под профессиональными знаниями понимается тот теоретический и эмпирический материал, необходимый сотруднику ОВД для эффективного выполнения своих должностных обязанностей. Профессиональные умения и навыки сотрудника являются средствами его профессиональной деятельности.

Структура профессиональной культуры сотрудника ОВД включает в себя следующие основные элементы: профессиональные знания, умения и навыки, профессиональную этику специалиста, профессионально значимые качества личности, профессиональные интересы, профессиональные идеалы, ценности и предпочтения, нравственную культуру, культуру общения, культуру управления, культуру личного труда, штабную культуру, правовую культуру и т. п. [7, с. 15–17].

И.Г. Панин, исследуя профессиональную культуру офицера Вооруженных Сил России, отмечает ее сложную структуру, которая включает в себя управленческую, психолого-педагогическую, методическую и штабную культуру и последовательно раскрывает содержание названных элементов. При этом под штабной культурой как специфической формой управления кадровыми процессами и исполнения распоряжений командира по этим вопросам автор понимает характерные особенности деятельности работника кадрового органа по составлению и ведению документации по личному составу [8, л. 8–10].

Военные аналитики Н. Степанский и Л. Лобанов обращают внимание на то, что штабная культура офицера – понятие достаточно широкое и многогранное, которое не сводится лишь к умению четко, без помарок написать документ, быстро и качественно нанести обстановку на карту, вычертить график, схему. «В управленческой деятельности более важны высокая организованность и оперативность офицера, способность сохранять хладнокровие и выполнять свои функциональные обязанности в любой обстановке» [9, с. 2]. Штабная культура заключается в «оперативности и инициативной исполнительности, способности в наиболее целесообразной последовательности и наилучшим образом выполнять большой объем разнообразных задач, высококачественно, кратко и четко оформлять все штабные (управленческие) документы; в умелом применении математических моделей операций и методики, научной организации штабного труда» [10, с. 62]. Аналогичный широкий подход к рассматриваемому определению закреплен в военном энциклопедическом словаре как совокупность профессиональных и личных качеств офицера, характеризующая уровень его подготовки и способности к решению задач управления войсками [11, с. 766].

Применительно к условиям функционирования ОВД и внутренних войск МВД Ю.Ю. Козорог рассматривает штабную культуру как целостное, многоуровневое и полифункциональное соци-

окультурное образование, проявляющееся на мировоззренческом и поведенческом уровнях, характеризующееся комплексом свойств, присущих офицерским кадрам управленческого звена, и определенным способом деятельности, а также отражающее качество и меру этой деятельности. К основным качествам штабного офицера исследователь относит: определяющие мировоззрение (чувство долга, ответственность); психологические (внимательность, прозорливость, творческое воображение, наглядно-практическое мышление, глубокий аналитический ум, развитые память и речь, нацеленность на безупречное выполнение поставленных задач, организованность и др.); высокий уровень профессиональной компетенции (широкий профессиональный кругозор, владение большим арсеналом способов решения штабных задач, графические умения, организаторские способности); эмоционально-волевые (эмоционально-волевая устойчивость) и коммуникативные (умение быстро входить в контакт, изучать людей и завоевывать их доверие, способность точно, доступно и оперативно осуществлять обмен информацией и оказывать влияние на собеседников; владение навыками письменной речи и др.) [6, с. 10–11].

Отдельные ученые связывают культуру управленческой деятельности (как составную часть профессиональной культуры) с личностью менеджера и выделяют основные элементы культуры управленческого труда руководителя: личную культуру, культуру речи, содержания рабочего места, внешнего вида, работы с документами, проведения массовых мероприятий; организационную культуру; культуру приема посетителей, рациональное распределение рабочего времени [12, с. 194; 13, с. 283–324; 14, с. 212–215].

Из вышеизложенного следует, что штабная культура распространяется на все вопросы, связанные с управленческой деятельностью, суть которой заключается в умении на высоком организационном уровне реализовать управленческие функции (анализ, планирование, прогнозирование, руководство, взаимодействие, регулирование, координация, контроль и др.), как в процессе управленческой деятельности руководителей ОВД, начальников штабов и функциональных служб, так и иных категорий сотрудников.

Повышение качества и эффективности штабной культуры является важнейшим условием совершенствования управления ОВД в аспекте их целевого назначения: поддержании общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, противодействии преступности и качественной реализации управленческих функций. Полагаем неправомерно ограничивать содержание штабной культуры рамками только составления документов, равно как и отождествления ее полностью с профессиональной культурой. Одновременно следует иметь в виду, что в отличие от управленческой культуры, формируемой и развиваемой в процессе управленческой деятельности руководителя (ОВД в целом, отдельного подразделения), штабная культура должна развиваться у личного состава, выполняющего всевозможные управленческие задачи, но не входящего в число руководителей.

В этой связи представляет определенный интерес позиция И.В. Юдина, который, рассматривая эффективность процесса развития служебной самостоятельности офицеров подразделений национальной гвардии, определяет уровень развития штабной культуры сотрудника ОВД в качестве одного из показателей оценки репродуктивного критерия (наряду с инициативным, творческим и интегративным критериями). Оценка данного критерия производится на занятиях, в ходе повседневной службы, при проведении командно-штабных учений и тренировок и выполнении служебно-боевых задач [15, с. 104, 107]. Заслуживает внимания точка зрения А. Половникова, который обоснованно полагает, что «необходимо четко разделить понятия «штабная культура органа управления» и «штабная культура офицера» (более узкое понятие, степень профессионализма офицера). В то же время из профессионализма офицеров складывается культура всего органа управления, которая определяет профессионализм, способность решать задачи по предназначению и стиль руководства.

Штабная культура офицера – это совокупность качеств, необходимых для успешной управленческой, интеллектуальной деятельности: компетентность, профессионализм, умение грамотно и оперативно работать с документами, компьютерными средствами и средствами связи, коммуникабельность. Она основывается на глубоких знаниях военного искусства, высоких профессиональных качествах, опыте практической работы, организаторских способностях, исполнительности и добросовестном отношении к делу, инициативе, творчестве и самостоятельности [16, с. 28].

Таким образом, рассмотрев имеющиеся научно-теоретические подходы к определению сущности, содержания, структуры феномена штабной культуры сотрудника ОВД, определения характерных особенностей соотношения с профессиональной культурой, ее нормативного закрепления и развития в ОВД, можно сделать следующие выводы.

1. Проведенный анализ отечественной научно-теоретической литературы и национального законодательства, в том числе локальных правовых актов МВД Республики Беларусь, свидетельствует об отсутствии нормативного определения понятия «штабная культура». Однако формирование, поддержание и развитие штабной культуры, повышение качества и эффективности ее применения является важнейшим условием поддержания должного уровня управления ОВД в аспекте их целевого назначения.

2. Штабная культура сотрудников ОВД – это интегративное качество управленческой деятельности, выработанное ее субъектами в процессе правоохранительной службы, проявляющееся на психофизиологическом (когнитивном), мировоззренческом, поведенческом уровнях и выраженное в форме ценностей, норм, профессионально значимых качеств, мировоззренческих установок, позволяющих эффективно выполнять управленческие функции и служебные задачи организационно-управленческого характера по поддержанию общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, противодействию преступности.

Сущность штабной культуры в ОВД заключается прежде всего в умении на высоком организационном уровне осуществлять подготовку и реализацию управленческих функций (анализ, прогнозирование, планирование, руководство, взаимодействие, координация, контроль и др.) в процессе управленческой деятельности руководителей и иных категорий сотрудников. Иными словами, она отражает уровень, степень владения искусством реализации управленческих функций. В структурном отношении следует выделять штабную культуру органа управления и штабную культуру конкретного сотрудника. Штабная культура сотрудника ОВД как часть его профессиональной культуры объективируется в совокупности специфических, социально обусловленных результатов его управленческой деятельности, выражающих степень освоения им правоохранительной и внутриорганизационной среды, в которой он выполняет задачи развития собственной общественной сущности и управленческих способностей.

3. Основное содержание штабной культуры сотрудника ОВД включает в себя: знание нормативных правовых актов, регламентирующих общую организацию деятельности ОВД и выполнения служебных обязанностей по направлениям работы; систему умений, навыков и развитых на их основе способностей, в совокупности образующих необходимый уровень профессиональной компетентности, который формируется в процессе накопления и реализации опыта (их показатель – продуктивность деятельности); умение быстро собирать и анализировать информацию, оценивать оперативную обстановку и четко излагать свои выводы и оценки; инициативную исполнительность; планирование работы, способность рационально распределять и выполнять большой объем поставленных задач; точность и краткость в обработке письменной и графической документации, отдаваемых приказов и распоряжений; эффективность использования организационно-технических средств; умение организовать взаимодействие при выполнении конкретных задач; умение на высоком профессиональном уровне проводить служебные совещания и иные управленческие мероприятия; степень самоорганизованности. Содержание штабной культуры формируется посредством развития и наполнения познавательного, ценностно-ориентационного, побудительного, эмоционально-оценочного, творческого компонентов.

4. С целью привития навыков штабной культуры курсантам учреждений высшего образования системы МВД Республики Беларусь данный феномен следует изучать в виде отдельной темы в рамках преподавания учебной дисциплины «Управление органами внутренних дел».

Успешному усвоению сущности и содержания, последующей реализации навыков штабной культуры как части профессиональной культуры сотрудников ОВД будет способствовать разработка модели развития штабной культуры, которая предполагает выделение и осуществление следующих последовательных этапов:

1) адаптационно-ориентационный, завершающийся развитием у курсанта ценностных ориентаций с четким определением среди них места и значения штабной культуры, а также способов ее развития (1–2 семестр);

2) базовый, формирующий и развивающий умения реализации штабных функций в управленческой деятельности, саморегуляции, мотивационной сферы курсанта (3–6 семестр);

3) закрепляющий, обеспечивающий накопление опыта реализации штабных функций в управленческой деятельности (в ходе стажировок и в 8 семестре).

Результат развития штабной культуры может быть определен по параметру успешности решения учебно-практических задач, связанных с реализацией штабных функций в управленческой деятельности руководителя (начальника) различных управленческих уровней.

5. В качестве основного субъекта выработки единых требований к сущности и содержанию штабной культуры, порядку ее формирования, поддержания и развития для всей системы ОВД, определения критериев оценки штабной культуры должен выступать штаб МВД Республики Беларусь. С этой целью необходимо дополнить гл. 2 «Основные задачи и функции» Положения о штабе МВД Республики Беларусь, утвержденного приказом МВД Республики Беларусь № 85 – 2015 г., нормой следующего содержания: «разрабатывает единые требования к определению понятия и содержания штабной культуры в органах внутренних дел и штабной культуры сотрудника ОВД, критерии оценки уровня ее эффективности и показатели измеримости, осуществляет периодический контроль состояния и динамики уровня штабной культуры в органах внутренних дел, обобщает и распространяет наиболее развитые формы штабной культуры».

6. С целью устранения правового пробела, повышения профессионализма личного состава в части подготовки и реализации управленческих функций представляется перспективным разработать отдельный нормативный правовой акт «Штабная культура в органах внутренних дел», который должен содержать нормативное закрепление определения понятия, структурных элементов, порядка регулирования общих и прикладных вопросов штабной культуры и некоторые другие аспекты.

7. Дальнейшее направление научного поиска видится в теоретико-прикладной разработке правового регулирования способов формирования, поддержания и развития штабной культуры в ОВД, а также в обосновании критериев оценки штабной культуры как в разрезе органа управления, так и применительно к конкретному сотруднику.

Список использованных источников

1. Керженцев, П.М. Принципы организации / П.М. Керженцев. – Изд-е 4-е. – Ленинград – Москва, 1925. – 240 с.
2. Аврутин, Ю.Е. Штабная культура и пути ее повышения в ОВД : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Ю.Е. Аврутин. – М. : Акад. МВД СССР, 1981. – 24 с.
3. Козорог, Ю.Ю. Развитие штабной культуры у курсантов ВУЗов внутренних войск МВД России в процессе обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Ю.Ю. Козорог. – СПб. : С.-Петербург. воен. ин-т внутр. войск МВД России, 2013. – 24 с.
4. Игнатов, В.Г. Профессиональная культура и профессионализм государственной службы: контекст истории и современность : учеб. пособие / В.Г. Игнатов, В.К. Белолипецкий. – Ростов н/Д : Март, 2000. – 256 с.
5. Иванова, Л.В. Профессиональная культура управления: сущность, структура, динамика (культурологический аспект) : дис. ... канд. филос. наук : 17.00.08 / Л.В. Иванова. – М. : Рос. акад. упр., 1993. – 187 л.
6. Базарнов, М.А. Особенности формирования профессиональной культуры сотрудника ОВД в современных условиях / М.А. Базарнов, Р.А. Козеев, О.М. Хабарин // Вестн. эконом. безоп. – 2016. – № 2. – С. 393–397.
7. Ковалев, О.Г. Профессиональная культура сотрудника уголовно-исполнительной системы (психолого-педагогические вопросы и проблемы формирования) / О.Г. Ковалев, С.Н. Емельянов. – М. : Права человека, 2003. – 164 с.
8. Панин, И.Г. Профессиональная культура офицера кадрового органа Российских вооруженных сил (философско-политологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.10 / И.Г. Панин. – М. : Воен. акад. им. Ф.Э. Дзержинского, 1996. – 162 л.
9. Степанский, Н. Штабная культура офицера / Н. Степанский // Военн. вестн. – 1988. – № 6. – С. 2–5.
10. Лобанов, Л.Н. Профессиональная компетентность и штабная культура / Л.Н. Лобанов // Воен. мысль. – 1991. – № 7. – С. 61–67.
11. Военный энциклопедический словарь : в 2 т. / редкол.: А. П. Горкин [и др.]. – М. : Большая Рос. энцикл., РИПОЛ КЛАССИК, 2001. – Т. 2. – 816 с.
12. Кабушкин, Н.И. Основы менеджмента : учеб. пособие / Н.И. Кабушкин. – 11-е изд., испр. – М. : Новое знание, 2009. – 336 с.
13. Леонов, А.П. Научно-методологические основы управления органами внутренних дел : учеб. пособие : в 2 ч. / А.П. Леонов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. – Ч. 2. – 331 с.
14. Петрович, М.В. Управление организацией : учебник / М.В. Петрович. – 2-е изд., стер. – Минск : Акад. управл. при Президенте Респ. Беларусь, 2017. – 479 с.

15. Юдин, И.В. Развитие служебной самостоятельности офицеров подразделений войск нац. гвардии Рос. Федерации : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / И.В. Юдин ; Воен. ун-т Мин-ва обороны России. – М., 2017. – 278 л.
16. Половников, А. Штабная культура и эффективность работы органов управления / А. Половников // Мор. сб. – 2001. – № 10. – С. 28–30.

Дата поступления в редакцию: 22.10.19

A.V. Bekeschenko, Candidate of Juridical Sciences, Professor of Department of Management of the Internal Affairs of the Faculty of Training and Retraining of managerial personnel of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; **A.V. Himmelreikh**, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Department of Management of the Internal Affairs of the Faculty of Training and Retraining of managerial personnel of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

STAFF CULTURE AS AN ESSENTIAL COMPONENT OF PROFESSIONAL CULTURE OF AN INTERNAL AFFAIRS OFFICER

Various scientific approaches to the definition of the concept, content and structure (in terms of administrative body and an individual officer) of staff culture in internal affairs bodies as a part of professional culture are considered.

It is proven that improving the quality and efficiency of staff culture is the most important condition for improving internal affairs management in terms of their main functions – maintenance of public order, combating crime and qualitative implementation of management functions. It is stated that it is unlawful to limit the content of staff culture to drafting of documents as well as to equate it with professional culture.

The author's definition of the concept of "staff culture in internal affairs agencies" and concrete measures of an administrative and legal nature aimed at normative consolidation of the definition of the concept, structural elements, regulation of general and applied issues of formation, maintenance and development of staff culture in the internal affairs agencies are proposed.

Keywords: internal affairs management; headquarters; management functions; professional culture; subjects of management decisions implementation; staff culture; structure and content of staff culture in internal affairs bodies.

УДК 342.9

О.В. Гиммельрейх, кандидат юридических наук, доцент кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: gimmelreikh@mail.ru)

О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Описываются различные подходы к определению понятия и содержания оценки эффективности организационно-управленческой деятельности органов внутренних дел, ее соотношение и взаимосвязь с оценкой правоохранительной деятельности.

Обосновывается вывод о том, что эффективность управления ОВД может рассматриваться как в достаточно широком (как результативность, действенность функционирования всей системы ОВД по достижению заданных целей), так и в более узком понимании (как эффективность деятельности руководителя и его аппарата по осуществлению управленческих функций).

Выделяются базовые группы критериев оценки эффективности организационно-управленческой деятельности ОВД (построение аппарата управления, состояние и качество управленческого процесса, эффективность труда руководителя) и дается их содержательная характеристика. Проводится анализ текущего состояния ведомственного правового регулирования определения критериев и показателей эффективности управленческой деятельности ОВД, предлагаются меры по совершенствованию этого направления.

Ключевые слова: оценка эффективности деятельности ОВД, критерии и показатели оценки, функции критериев оценки, субъекты оценки, внешняя и внутренняя оценка, оценка организационно-управленческой деятельности ОВД.

Отношение системы управления органами внутренних дел к оценке эффективности их функционирования вместе с оценкой различных направлений внешневластной деятельности

представляет собой одну из значимых ее характеристик. В этой связи А.П. Ипакян отмечал, что «основное назначение критерия оценки работы – быть мерилом, которое позволяет оценить эффективность управления, эффективность воздействия на управляемую систему, эффективность достижения целей управления, без чего сами понятия «управление» и «эффективность управления» лишены конкретного содержания, теряют реальные очертания и смысл» [1, с. 38]. Понятие управления наряду с целью регулирования включает в себя «также критерии, по которым оценивается эффективность этого регулирования» [2, с. 35–36]. Если в основании системы оценки ОВД сохраняются цифровые показатели, то и ориентироваться их деятельность будет главным образом на достижение определенных значений этих показателей и, скорее всего, в ущерб более важным ее социально значимым свойствам и качествам. Не умея правильно оценить реальные результаты деятельности ОВД, их отдельных структурных подразделений и сотрудников по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью, довольствуясь критериями оценки, отражающими формальную сторону, внешние показатели работы, мы лишаем себя возможности судить о главном: насколько эффективны наши управляющие воздействия, как хорошо функционирует управляющая система. Достижения в различных областях социальной практики свидетельствуют о том, что они являются следствием высокого уровня организованности и искусства управления. По этой причине проблема оценки организации деятельности ОВД представляется ключевой, так как через совершенствование управленческой деятельности ОВД достигается повышение эффективности их функционирования как управляемой системы.

При этом система оценки должна ориентировать функционирование ОВД на достижение поставленных целей, на соответствие правоохранительной деятельности ее подлинному назначению, определяемому объективным правовым содержанием и потребностями общества. Основная исследовательская задача настоящей статьи заключается в обосновании приоритета организационно-управленческих аспектов оценки в качестве ее главного объекта и выделении базовых критериев (направления) системы оценки организационно-управленческой деятельности ОВД.

Проблема оценки эффективности любой социальной деятельности, особенно такой специфической, какой представляется организационно-управленческая деятельность ОВД, является наиболее сложной с позиций теоретического осмысления и в ее практическом значении.

Начиная с 1970-х гг. интерес к проблемам эффективности вообще и управления в частности заметно возрос, о чем свидетельствуют попытки научных разработок и экспериментальных апробаций различных систем оценки применительно и к производственным сферам деятельности, и к функционированию органов государственного управления. Сегодня имеется значительное количество научных публикаций, защищен ряд диссертационных исследований по различным аспектам оценки деятельности ОВД [3–8]. Среди отечественных ученых-правоведов, обращавшихся в своих исследованиях к данной проблематике, следует назвать научные работы В.А. Ананича [9, с. 225–229], А.П. Леонова [10, с. 229–256] и др.

подавляющая часть теоретических исследований и прикладных разработок, связанных с оценкой деятельности ОВД, посвящено определению критериев оценки результатов самой правоохранительной деятельности, а вопросам эффективности управления уделяется меньше внимания, в частности, в аспекте оценки эффективности отдельных элементов управляющих систем или управленческого процесса [11–14] как обслуживающих оценку правоохранительной (предметной) деятельности. В указанных и некоторых других работах внутриорганизационные аспекты оценки изучены, на наш взгляд, с весьма узких позиций выполнения управленческих функций (анализ, прогнозирование, планирование, организация, контроль и др.). Как представляется, сложность изучения обозначенной темы объясняется прежде всего отсутствием сформировавшейся методологии исследования эффективности социального управления в целом и отдельных элементов и видов этой деятельности в частности, которая, по мнению правоведа Ю.А. Тихомирова, «позволяет раскрыть «технологии» управления, расчленить ее на составные элементы, поддающиеся измерению. Тем самым облегчается следующий шаг в анализе ее эффективности, достигается «удлинение» радиуса управленческих действий до момента их непосредственного воздействия на объекты и достижения материальных, социальных и иных результатов. Сопоставление с этими результатами проведенной управленческой работы позволяет оценить ее действительную полезность, скорректировать последующую деятельность на

основе всестороннего анализа и учета статистических и иных информационных источников, общественного мнения» [15, с. 325].

Анализ предпринятых в разные годы попыток усовершенствовать систему оценок в управлении ОВД показывает, что каждая из них так или иначе представляла собой модифицированный вариант предыдущей, основанной преимущественно на количественных показателях. Это свидетельствует, с одной стороны, о превалировании узковедомственных интересов, а с другой – о недостаточном уровне теоретико-методологического обоснования новых подходов к оценке эффективности работы.

Последнее можно объяснить недостатком теоретико-методологических знаний относительно сочетания в системе управления внутренних и внешних оценок деятельности, конечных и промежуточных результатов, с чем сталкиваются любые организации, в том числе и ОВД, регулирующие свои отношения с институциональной средой. Изменение подхода к оценке эффективности функционирования органов внутренних дел заключается в том, что в достижении целей их реформирования и выполнения их социального назначения определяющую роль играют организационно-управленческие средства, от соответствия которых этим целям и назначению в итоге зависит адекватность правоохранительной деятельности.

В рамках рассматриваемого вопроса интересен подход В.Ю. Касьяна к тому, что «базовым предметом оценки должны быть организационно-управленческие аспекты деятельности ОВД, благодаря которым обеспечивается ее соответствие своему правоохранительному назначению. В то же время это не означает исключения предметной правоохранительной деятельности, ее направленности, содержания, качества и результатов из системы оценки. Они должны будут представлять одно из важнейших направлений анализа и оценки, но перестанут рассматриваться в качестве базового объекта оценки в форме показателей результатов» [3, с. 158].

Таким образом, наиболее методологически обоснованным видится исследовательский подход, согласно которому предполагается изучение ряда составляющих этот процесс позиций: научного толкования содержания понятия «эффективность», поиска критериев оценки эффективности, определения показателей эффективности управленческой деятельности, а также определение методов и уяснение методики оценки эффективности [12, с. 10].

Л.Ш. Берекашвили, например, ограничивая круг признаков эффективности функционирования социальных систем триадой «цель – результаты труда – затраты», приходит к выводу, что «под эффективностью надо понимать выраженную количественно-качественными характеристиками конечных результатов труда и мерой их соответствия произведенным для этого затратам степень достижения целей функционирования системы» [4, с. 17–18].

Более сложный характер эффективности управленческой деятельности вскрывает Н.Н. Иванов: «с гносеологической точки зрения эффективность управления правоохранительной деятельностью представляет собой меру целевой возможности развития ОВД, синтез причинно-следственных, временных и иных зависимостей между потребностями, целями, средствами и результатами управленческих воздействий» [12, с. 10]. По мнению Ю.А. Тихомирова, использование данного понятия эффективности ориентирует прежде всего на целевую предметную управленческую деятельность. При измерении эффективности управления числом выполненных функций – количеством заседаний, обсуждений и принятых решений, проверок, обработанных документов и т. д. – упускаются из виду главные критерии эффективности [15, с. 324–325].

По нашему мнению, исходными позициями для определения эффективности управления являются цели управления, устанавливаемые в нормативном порядке, управленческие действия по их достижению и полученные результаты. Сопоставление фактических результатов с целями и оценка степени их достижения с учетом выполненных действий и дает искомую меру эффективности управления. Способы и характер всей человеческой деятельности, а следовательно, и содержание, формы и методы управления обуславливают цель. Если цель неизвестна, управление системой не имеет смысла, и именно она определяет содержание управления в любой сфере, в том числе в системе управления ОВД. А так как управление – целесообразная деятельность, то центральное место в данном процессе должно занимать определение целей в качестве отправной точки всего управленческого процесса и основы всех организационно-управленческих действий [16].

Итак, эффективность управления есть степень фактического достижения цели на основе осуществленных управленческих воздействий; исходя из целевого предназначения эффектив-

ность управления ОВД может трактоваться развернуто – как результативность, действенность функционирования всей системы по реализации правоохранительной функции.

Таким образом, в широком смысле эффективность управления есть функция множества составляющих: субъекта управления и объектов управления, реализующих стоящие перед системой цели и задачи. В то же время субъект управления (руководитель и его аппарат) представляет собой отдельную подсистему, и поэтому эффективность управления можно рассматривать с позиций его воздействия на управляемый объект. При этом необходимо помнить, что аппарат управления – сложная динамическая совокупность специально созданных, подготовленных и оснащенных органов управления, включающих в себя функциональную и организационную структуры, силы и средства. При этом нельзя не согласиться с мнением о том, что результативность деятельности данного аппарата зависит от оптимального построения функциональной и организационных структур, реального наличия средств, необходимых для достижения поставленных задач, результативности труда его сотрудников [13, с. 8].

Вместе с тем правом принятия управленческих решений обладает только руководитель ОВД, поэтому эффективность управления еще больше зависит от профессиональных, деловых и личных качеств первого лица, его способности принимать объективные, взвешенные, научно обоснованные управленческие решения, подготовленные сотрудниками аппарата управления. При таком понимании эффективность управления (в узком смысле) можно представить как производную от эффективности труда руководителя, оптимального построения и работоспособности его аппарата.

Очень важным при изучении рассматриваемой категории является анализ факторов, влияющих на эффективность управленческой деятельности в ОВД. Многоаспектность взглядов на природу эффективности позволяют классифицировать факторы по различным основаниям. В качестве наиболее распространенного подхода следует назвать деление факторов по социальному содержанию: политические, экономические, правовые, материально-технические, психологические и иные, в совокупности формирующие определенное состояние системы управления. Они подразделяются также на внешние и внутренние, прямые и косвенные, постоянные и переменные, положительные и отрицательные, различающиеся по интенсивности и характеру, объему и силе воздействия, уровню и т. д. [12, с. 10].

Особое значение имеет классификация факторов эффективности, позволяющая учитывать реальную управленческую практику в ОВД. Такому требованию в известной мере отвечает разделение факторов по степени управляемости: нерегулируемые и регулируемые.

Нерегулируемые факторы действуют и корректируются вне компетенции руководства ОВД. Это правовая политика государства, полнота и действенность законодательства, социально-экономическая и демографическая ситуация в регионе, уровень культуры и правосознания населения, объем финансовых, людских и материально-технических ресурсов, выделяемых ОВД, и др. Подобного рода факторы находятся вне пределов досягаемости руководителей и аппаратов управления ОВД, но оказывают существенное влияние на выбор того или иного управленческого воздействия, что в конечном итоге сказывается на эффективности их деятельности.

Регулируемые факторы (по мнению В.Е. Студеникина [8, с. 153–154]) могут быть отнесены к двум группам:

А. *Факторы прямой связи* (характеризуют процессы, непосредственно «отвечающие» за эффективность) оказывают влияние на формирование и реализацию стратегии управления, состояние правового регулирования управленческих отношений, состояние организационно-структурного и штатного построения, уровень материально-технического и информационного обеспечения, качество оперативного управления, материальное и моральное стимулирование персонала, состояние условий труда в аппарате управления и др. К этой же группе следует отнести *факторы технологии управления* – состояние аналитической работы, планирования, выработки и принятия решений, организации их исполнения и контроля.

Б. *Факторы обратной связи* (характеризуют процессы, происходящие «в ответ» на управленческие воздействия) отражают состояние удовлетворенности работников своей деятельностью и профессией, состояние служебной, в том числе исполнительской дисциплины, влияние результатов управленческих воздействий на подчиненных, текучесть управленческих кадров, управленческая активность и инициативность, ответственность руководителей и исполнителей, морально-психологический климат в коллективе и др.

Оценивая содержание управленческой (внутриорганизационной) деятельности, можно отметить, что она является одним из видов профессионально-массовой человеческой деятельности, сущность которой определяется вторичностью функций аппарата по отношению к функциям управления. В этом случае управленческая деятельность рассматривается как средство организации собственно правоохранительной деятельности.

Деятельность аппарата связана в первую очередь с необходимостью поддерживать жизнедеятельность организации, внося по мере необходимости коррективы в ее организационные структуры, технологию осуществления процессов управления и ресурсное обеспечение. Вместе с тем было бы неправильным сводить внутриорганизационную управленческую деятельность только к деятельности аппарата управления. Например, А.П. Ипакян в понятие внутриорганизационного управления включает: формирование управляющей системы ОВД в целом как аппарата государственного управления в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, воздействие вышестоящих звеньев системы МВД на нижестоящие (организация работы нижестоящих со стороны вышестоящих), организационную работу аппарата органа на каждом из уровней системы от МВД до горрайорганов и в каждом из самостоятельных структурных подразделений – уголовном розыске, БЭП и др., на любом из уровней системы (внутриаппаратное управление) [7, с. 15].

Оценка эффективности управленческой деятельности, по сути, представляет собой аналитический процесс, который состоит в применении разнообразных методов познавательной, аналитической работы для сравнения ее результатов с желаемым, измерение степени их приближения к целям функционирования системы управления. В основе системы оценки эффективности деятельности ОВД должны быть определены исходные требования к формированию критериев, позволяющих усилить связи правоохранительных органов с обществом, способность адекватно реагировать на оценки внешней среды по решению задач и реализации функций в соответствии с запросами и потребностями населения в рамках обеспечения безопасности и общественного порядка. Критерии определяют качественную сторону результатов деятельности, поэтому в самом общем виде критерий может быть сформулирован как цель, эталонный образ, показывающий общее направление деятельности или характеризующий то или иное состояние явления [17, 18]. Раскрывая суть критериев, следует отметить, что они должны быть близки к общественной оценке явлений, т. е. в них должна заключаться идея, в которой находит отражение общественное мировоззрение, представление о положительном и отрицательном, полезном и бесполезном.

Критерии, по мнению С.В. Петрова, могут включать в себя несколько показателей. Оптимальность входящего в критерий количества показателей определяется числом, при увеличении которого (количество показателей) оценка изучаемого явления не меняется. При этом автор считает, что «критерий – это упорядоченная совокупность такого числа показателей, когда введение дополнительных или контрольных показателей уже не меняет оценки» [19, с. 71].

Таким образом, основу оценки эффективности составляют критерии как средство отбора вариантов управленческих решений, выполняющие функцию определения тех средств, форм и методов, которые должны привести к намеченной цели, а их количественное содержание выражается показателями, являющимися информационной базой, т. е. так называемой «технической» категорией, наглядным отображением в цифрах, графически результатов какого-либо занятия, чьего-либо труда и т. д. По этой причине показатели призваны обеспечить количественными параметрами руководящую идею, принятую за основу оценки, которые дают возможность анализировать и оценивать эффективность деятельности системы во времени и пространстве и позволять играть производную по отношению к критерию роль.

Изложенное позволяет определить и предложить те основные критерии анализа, которые могут составить предмет оценки организации деятельности ОВД и особенности ее подхода к отдельным составляющим этого предмета. Эффективность собственно управленческой деятельности – это своеобразная совокупность: эффективного построения аппарата управления; состояния и качества управленческого процесса; эффективного труда руководителя.

Оценка эффективности построения управленческого аппарата прежде всего заключается в оценке его функциональной и организационной структур.

В качестве критериев оценки его функциональной структуры следует выделять: наличие четкого определения и нормативного закрепления целей, задач и функций; полноту нормативных актов, регламентирующих порядок деятельности подразделений ОВД; наличие должност-

ных инструкций, определяющих права, обязанности и ответственность сотрудников; правовое обеспечение процессов функционирования информационно-аналитических систем, систем документационного обеспечения, контроля и др.

При анализе и оценке эффективности организационной структуры как совокупности подразделений и должностей аппарата управления в качестве критериев можно определить: количество уровней управления, простоту (сложность) организационного построения, наличие (отсутствие) дублирующих звеньев, наличие систем информационного и организационно-методического обеспечения, систем контроля, подсистем ресурсного и кадрового обеспечения.

Критерии оценки эффективности процессов управления характеризуют динамическую сторону управления, и к числу основных из них принято относить: оперативность (быстродействие) – способность обеспечить ответную реакцию органов управления на изменение оперативной обстановки; ритмичность – способность поддерживать функционирование ОВД в заданном режиме в соответствии с принятым решением; непрерывность – способность обеспечить требуемую периодичность сбора, обработки и выдачи информации; пропускную способность – способность системы переработать определенное количество информации; гибкость – способность, системы перестраивать свою работу в соответствии с изменениями оперативной обстановки [12, с. 16].

Комплексная оценка эффективности аппарата управления должна включать в себя третий элемент – оценку эффективности труда руководителя. Основная оценка труду руководителя дается по целевой, конечной оценке деятельности возглавляемого им подразделения. Вместе с тем, осуществляя управленческую деятельность, руководитель реализует ряд функций, по которым можно судить и оценивать степень его влияния на конечные результаты. Эти функции и могут служить мерилем для оценки его труда.

К таким критериям, на наш взгляд, можно отнести следующие: наличие стратегии в деятельности руководителя, умение выделить приоритетные, крупномасштабные задачи; знание оперативной обстановки; умение принимать управленческие решения в соответствии со складывающейся оперативной обстановкой, прогнозом ее развития; личное участие руководителей в организации выполнения поставленных задач; непосредственное участие в подборе, расстановке, обучении кадров; постоянное взаимодействие с руководителями местных органов власти; формирование позитивного общественного мнения о работе ОВД и т. д.

Предложенный подход позволяет оценить изменения характера и содержания деятельности ОВД в связи с изменением организационных параметров и условий не только в динамике, но и в пространстве применительно к различным территориальным ОВД.

Далее следует определить степень правового регулирования критериев и показателей формирования оценки управленческой деятельности ОВД Республики Беларусь на предмет ее полноты и объективности согласно предложенной выше схеме и методики ее расчета. В частности, приказ МВД Республики Беларусь от 7 марта 2018 г. № 66, утвердивший Инструкцию об организации работы по проведению проверок выполнения ОВД, организациями и подразделениями, входящими в их систему (структуру), функций и задач, возложенных на указанные органы, организации и подразделения законодательством Республики Беларусь, содержит лишь указания на предметы оценки, среди которых имеются и вопросы управленческого характера, например: оценка соответствия деятельности ОВД требованиям законодательства, правовых актов МВД; оценка принимаемых мер по преодолению негативных тенденций в динамике оперативной обстановки, в организации работы ОВД; изучение и оценка уровня управленческого влияния руководства на организацию деятельности ОВД и др. (п. 19 приказа).

Но кроме перечисления направлений управленческой деятельности, как представляется, далеко не полного, никаких конкретных показателей, формирующих оценку данных критериев и методики их подсчета, указанная Инструкция не содержит. Это позволяет контролирующему субъекту производить оценку управленческой деятельности только по своему усмотрению.

Перечень критериев оценки работы руководящих кадров ОВД различного управленческого уровня включает в себя 15 различных направлений и нормативно закреплен в приказе МВД Республики Беларусь от 19 декабря 2011 г. № 420 «О критериях оценки работы руководящих кадров ОВД Республики Беларусь». Однако конкретной методики оценивания данных критериев указанный нормативный правовой акт также не имеет, что оставляет вопрос обоснования конкретных показателей количественной стороны критериев открытым и требующим даль-

нейшей разработки. Аналогичным образом обстоят дела с оценкой деловых и личных качеств руководящих кадров ОВД и внутренних войск, включающей в себя требования по ряду параметров. К ним относятся: деловые качества (умение работать с перспективой на будущее), нравственные качества, интеллектуальные качества, лидерство, психофизиологические черты личности, коммуникативные и культурологические черты личности, организаторские способности. В приложении 7 к приказу они только называются и не содержат методики их оценивания, верхних и нижних пределов применения, что предполагает оценивание по данным критериям фактически только на усмотрение субъекта оценки. Что касается оценки уровня управленческой деятельности ОВД по критерию эффективности построения аппарата управления в разрезе его организационно-функциональных структур, то нормативных правовых актов МВД, регламентирующих такие вопросы, сегодня нет.

Проведенное научное исследование в аспекте рассмотренной темы позволяет сделать следующие выводы и обобщения.

1. Понимание диалектической связи между эффективностью предметной (правоохранительной) деятельности и того, как она организационно обеспечена, позволяет достичь необходимого уровня результативности и эффективности внешневластной деятельности ОВД в соответствии с ее целевым назначением. Сопоставление фактических результатов с целями и оценка степени их достижения с учетом выполненных действий и дает искомую меру эффективности управления. Причины неудовлетворительных результатов оперативно-служебной деятельности ОВД следует искать прежде всего в ее неэффективной организации, которая может быть объяснена сохраняющимися чертами старой модели управления, включая оценку. Любые усилия, направленные только на совершенствование методик, ориентированных на формальные цифровые показатели, способны решать лишь частные задачи обслуживающего характера, но не могут при сохраняющемся традиционном подходе сделать оценку действенным механизмом совершенствования системы управления ОВД.

2. Критерии – это основания для производства оценки эффективности функционирования системы, средство для суждения о степени достижения целей системы, выраженное показателями, характеризующими основные направления деятельности. Показатели – количественное выражение критерия – позволяют анализировать и давать оценку эффективности деятельности системы во времени и пространстве. Важно иметь в виду, что абстрактный, не формализованный критерий, сформулированный в виде цели, утрачивает свойство эталона, так как может по-разному трактоваться и легко становится причиной субъективизма.

С другой стороны, современные знания позволяют в конкретных количественных показателях исследовать многие абстрактные явления, на основании которых можно принимать правильные управленческие решения, так как для того, чтобы управлять, нужно контролировать, чтобы контролировать, нужно измерять, а чтобы измерять, необходимо давать количественную оценку.

3. Исходя из целевого предназначения эффективность управления органами внутренних дел может рассматриваться в широком и узком смыслах.

Эффективность управления в широком смысле заключается в действенности функционирования всей системы по достижению заданных целей, выступающей функцией многих составляющих: эффективности субъекта и результативности объектов управления, реализующих цели и задачи, стоящие перед системой.

Эффективность управления в узком смысле представляет собой эффективность принятых руководителем решений, направленных на реализацию поставленных целей и задач при оптимальном построении и функционировании аппарата управления.

4. Эффективность организационно-управленческой деятельности системы управления ОВД предполагает выделение в качестве базовых критериев оценки таких взаимосвязанных элементов системы управления, как оптимальное структурное и функциональное построение аппарата управления, эффективность управленческого процесса, эффективность труда руководителя. Оценка каждого из названных критериев достигается системой количественных показателей, позволяющих измерить уровень эффективности критерия и методикой их расчета, что обеспечивает комплексный подход и объективность в данном вопросе.

5. Анализ нормативного закрепления в правовых актах МВД Республики Беларусь критериев оценки эффективности управленческой деятельности, построения управленческого аппарата

и труда руководителя свидетельствует об отсутствии четко регламентированной системы конкретных показателей раскрытия количественной стороны перечисленных в данных актах критериев, в том числе методики их оценки. Это предполагает необходимость научно-теоретического переосмысления и нормативного пересмотра самого перечня критериев на предмет их соответствия определенным требованиям (прежде всего научности) и условиям, а также разработку как конкретных показателей, раскрывающих содержание данных критериев и позволяющих их измерить, так и методик их расчета.

Список использованных источников

1. Ипакян, А.П. Методы научной организации управления в органах внутренних дел : лекция / А.П. Ипакян. – М. : Высш. шк. МВД СССР, 1972. – 42 с.
2. Берг, А.И. Информация и управление / А.И. Берг, Ю.И. Черняк. – М. : Экономика, 1966. – 64 с.
3. Проблемы эффективности работы управленческих органов / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М. : Наука, 1973. – 440 с.
4. Берекашвили, Л.Ш. Проблемы оценки деятельности органов внутренних дел / Л.Ш. Берекашвили. – М. : Акад. МВД СССР, 1981. – 211 с.
5. Бунов, Е.Г. Социальная эффективность деятельности ОВД в условиях реформирования системы управления МВД России : дис. ... канд. юрид. наук : 22.00.08 / Е.Г. Бунов. – М. : Акад. упр. МВД России, 2014. – 250 л.
6. Касьян, В.Ю. Оценка организации правоохранительной деятельности органов внутренних дел (вопросы методологии) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / В.Ю. Касьян. – М. : Акад. упр. МВД России, 2007. – 195 л.
7. Ипакян, А.П. Методологические основы оценки эффективности деятельности ОВД : лекция / А.П. Ипакян. – М. : Акад. МВД СССР, 1976. – 48 с.
8. Студеникин, В.Е. Правоохранительная деятельность ОВД как объект организации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / В.Е. Студеникин. – М. : Акад. упр. МВД России, 2004. – 200 л.
9. Ананич, В.А. К вопросу оценки эффективности управления органов внутренних дел по борьбе с преступностью / В.А. Ананич // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : матер. Междунар. науч.-практ. семинара, Минск, 15 фев. 2019 г. / редкол.: Т.А. Савчук (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2019. – С. 225–229.
10. Леонов, А.П. Научно-методологические основы управления органами внутренних дел : учеб. пособие : в 2 ч. / А.П. Леонов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. – Ч. 2. – 331 с.
11. Аврутин, Ю.Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел (государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Ю.Е. Аврутин. – СПб. : С.-Петерб. акад. МВД России, 1998. – 470 л.
12. Иванов, Н.Н. Оценка эффективности управленческой деятельности ОВД : лекция / Н.Н. Иванов. – М. : Акад. упр. МВД России, 1993. – 52 с.
13. Перевозчиков, О.В. Система оценки эффективности управленческой деятельности : лекция / О.В. Перевозчиков. – М. : Акад. упр. МВД России, 1998. – 46 с.
14. Уткин, В.Е. Оценка эффективности управленческой деятельности аппаратов МВД, УВД субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / В.Е. Уткин. – М. : Акад. упр. МВД России, 2000. – 209 л.
15. Тихомиров, Ю.А. Механизм управления в развитом социалистическом обществе / Ю.А. Тихомиров ; отв. ред. Б.М. Лазарев. – М. : Наука, 1978. – 336 с.
16. Максимова, Л.О. Целеполагание в управлении ОВД (теоретический и организационно-правовой аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Л.О. Максимова. – М. : Акад. упр. МВД России, 2003. – 26 с.
17. Диневиц, В.А. Показатели и критерии эффективности управления / В.А. Диневиц, С.В. Рогачев, Н.И. Якунина. – М. : Мысль, 1975. – 72 с.
18. Зубков, Н.А. Критерии и методы оценки эффективности управления социальными процессами / Н.А. Зубков. – М. : Экономика, 1975. – 128 с.
19. Петров, С.В. О понятии критерия эффективности / С.В. Петров // Вестн. штабной работы. – 1975. – № 186. – С. 69–74.

Дата поступления в редакцию: 25.10.19

A.V. Himmelreich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Department of Management of the Internal Affairs of the Faculty of Training and Retraining of managerial personnel of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CRITERIA FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Various approaches to defining the concept and content of the evaluation of the effectiveness of organizational and management activities of internal affairs agencies, its relationship with the evaluation of law enforcement activities are considered.

Conclusion that the management efficiency of internal affairs bodies can be understood in the broadest sense (as affectivity and efficiency of the functioning of the system of internal affairs agencies to achieve the target goals) as well as in the narrow sense (as efficiency of activity of the head and his administrative staff on implementation of administrative functions).

Basic groups of criteria for evaluation of the effectiveness of organizational and management activities of internal affairs agencies (construction of the managing staff; the state and quality of the management process; efficiency of the head's work) are distinguished and their content characteristics is given. The analysis of the current state of departmental legal regulation of determination of criteria and indicators of efficiency of management activities of the internal affairs bodies is carried out and measures to improve this area are proposed.

Keywords: evaluation of the effectiveness of activities of internal affairs agencies; evaluation criteria and indicators; functions of evaluation criteria; subjects of evaluation; external and internal evaluation; evaluation of organizational and management activities of the internal affairs agencies.

УДК 342.9

С.Ю. Дегонский, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: degonskii@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНТРАКТОВ О СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются имеющиеся в юридической науке подходы к определению порядка и условий заключения контрактов. Акцентируется внимание на особенностях прохождения службы в органах внутренних дел и необходимости усовершенствования правового регулирования таких общественных отношений.

Анализируются теоретические разработки, зарубежный опыт правового регулирования отношений при прохождении государственной правоохранительной службы. Предлагается авторская позиция совершенствования порядка и условий заключения контрактов о службе в органах внутренних дел Республики Беларусь.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, милиция, контракт, служба, государственная служба.

После распада в 1991 г. СССР и обретения Республикой Беларусь государственного суверенитета начался новый этап развития правового регулирования отношений службы в ОВД в рамках уже независимого государства. Принятие нового Положения о прохождении службы личным составом органов внутренних дел было вызвано объективными причинами, связанными с происходящими в обществе и государстве переменами. С относительно небольшим перерывом во времени были приняты постановления Совета Министров Республики Беларусь от 23 декабря 1991 г. № 485 и 28 февраля 1994 г. № 113, которыми были утверждены соответствующие Положения. Нововведением Положения 1994 г. стало комплектование должностей рядового и младшего начальствующего состава на договорной (контрактной) основе.

В теории и правоприменительной практике является дискуссионным вопрос о том, что первично: акт назначения на должность или заключаемый контракт?

В п. 11 Положения о прохождении службы в ОВД, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2013 г. № 133 (далее – Положение), выделен ряд обстоятельств, с которыми законодатель связывает начало службы. В зависимости от категории принятых на службу граждан это может быть: дата вступления в силу контракта о службе в ОВД или день назначения на должность; день зачисления в учреждение образования; день, указанный в предписании о прибытии к новому месту службы. В п. 23 Положения предусмотрено, что прием на службу осуществляется на основании контракта о службе приказом Министра или другого начальника согласно компетенции, определяемой Министром. Однако фактически правоотношения при прохождении службы между сотрудником и ОВД возникают после издания приказа о назначении на должность, а контракт заключается после этого. Аналогичную ситуацию отмеча-

ют и отечественные ученые-административисты в области государственной службы [1, с. 143; 2, с. 110–111; 3, с. 215].

По опыту российского законодателя в соответствии со ст. 13 и 26 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» приоритет при поступлении на государственную гражданскую службу отдается именно административному акту о назначении на должность, когда сначала издается акт, а потом заключается контракт. Данной позиции придерживаются многие отечественные и зарубежные ученые [3–6].

На наш взгляд, исходя из административной сущности отношений при прохождении службы в ОВД, первичным правильно считать именно акт назначения на должность, служащий основанием для заключения контракта, который, по мнению Д.М. Овсянко, является приложением к государственному акту назначения [5, с. 69].

В целом представляется, что контрактная форма найма не в полной мере согласуется с прохождением службы в ОВД. Так, уже при поступлении на службу и принесении присяги на сотрудника возлагается большой объем требований и ответственности за их невыполнение, и самое ценное – жизнь сотрудника – переходит из категории личных прав в категорию публичных: «принадлежит» гражданам, обществу и государству. В этом аспекте такая позиция, что срочный трудовой договор – контракт – может быть не продлен с сотрудником по истечении установленного срока без объяснения причин по меньшей мере несправедлива. Вкладываемый в текст присяги смысл беззаветного служения интересам граждан, общества и государства выхолащивается контрактом, переводит смысл службы в разряд «оказания услуг» населению, т. е. из правоохранительной она трансформируется в «сервисную», носящую обслуживающий характер.

Расширение сферы применения контрактов и распространение их на такие разновидности государственной службы, как военная и военизированная, которые являются предметом правового регулирования административного права, дополнительно свидетельствует о том, что существование контрактной формы не влияет на административно-правовую природу государственной службы [3, с. 10].

Вместе с тем стоит согласиться с позицией О.И. Чуприс о том, что в отношении большинства государственных служащих целесообразно отказаться от контрактной формы государственно-служебных отношений с установлением бессрочного порядка ее прохождения [3, с. 215]. Сходной точки зрения придерживается и О.В. Лавриненко, признавая необходимость заключения с сотрудником ОВД бессрочного трудового договора и лишь в исключительных случаях установления его срока [7, с. 186]. В.Б. Гайдов также обосновывает вывод о необходимости заключения контракта о службе в ОВД, как правило, на неопределенный срок, с закреплением в нем исчерпывающего перечня субъективных обязанностей (включая обязательства после прекращения действия контракта) и прав сторон, а также дополнительных условий, не противоречащих законодательству о службе в ОВД [8, с. 9]. При этом С.А. Балашенко справедливо полагает, что при контрактной форме найма появляется жесткая зависимость от субъективизма руководителя и нарушаются другие принципы государственной службы [9, с. 12].

Контрактно-срочная модель, по мнению С.В. Михелькевича, с которым также следует согласиться, противоречит правоохранительной природе милицмейской службы. Принятие лиц на государственную службу означает возникновение публично-правовых отношений между данным лицом и государством. В то же время сущность контракта как основания служебной деятельности заключается в порождении им частно-правовых отношений в ходе ее осуществления. Как следствие, имеет место определенный конфликт между публично-правовыми особенностями организации, осуществлением государственной службы и частно-правовым содержанием контракта.

Существование контракта в определенном смысле сводит службу к простой профессиональной деятельности, выраженной в категориях наемного работника и работодателя. Это выхолащивает высокий нравственный и морально-этический смысл службы государству [10, с. 19]. В частности, Р.В. Нагорных отмечает, что последняя строится на основе неатативных начал – патриотизма, служебного долга, ответственного служения Отечеству [11, с. 19].

Согласно результатам проведенного анкетирования более половины респондентов считают сроки заключения контрактов основанием для руководителя без объяснения причин уволить сотрудника по их окончании. Кроме того, 52 % сотрудников указывают на различие закрепленных в контракте и тексте присяги понятий. При этом практически четверть опрошенных обращают внимание на несогласованность требований контракта и присяги, подчеркивая особую

значимость содержания последней, обязывающей сотрудников «не щадя своей жизни, охранять права, свободы и законные интересы граждан, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств». Таким образом, большинство опрошенных поддерживают позицию о целесообразности бессрочных контрактов, заключаемых с сотрудником ОВД.

Для ФРГ, например, характерна модель пожизненного найма, суть которой состоит в непрерывном характере службы и отсутствии контракта: гражданин принимается на службу на относительно неограниченный срок до достижения пенсионного возраста (65 лет), но даже после выхода на пенсию сохраняет особый статус и привилегии государственного служащего [10, с. 18].

Основой подобных служебных отношений является реализация принципа «службы и верности». Как следствие, сущность служебных отношений раскрывается не только посредством публично-правовых отношений, в которые вступает гражданин с государством, но и при помощи общественно-идеологических категорий, характеризующих принципы «службы и верности». Гражданин, поступающий на службу, изначально мотивирован на пожизненное служение гражданам, обществу и государству [10, с. 18–19].

С точки зрения эффективности управления персоналом ОВД представляется закономерной и обоснованной позиция российского законодателя в этой части. Так, в ч. 2 ст. 22 Закона Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрено, что контракт может заключаться на неопределенный срок или на определенный срок. В ч. 3 данной статьи установлено, что контракт, заключенный на неопределенный срок, действует до достижения сотрудником предельного возраста пребывания на службе в ОВД. При этом законодатель также закрепляет обязанность заключения срочного контракта в ч. 5 в 12 пунктах, и также в соответствии с п. 1 «с гражданином, впервые поступающим на службу в органы внутренних дел для замещения должности в органах внутренних дел заключается контракт на четыре года, если иное не предусмотрено Федеральным законом «О полиции»». В ч. 6 конкретизировано, что «срочный контракт заключается в случаях, когда правоотношения, связанные со службой в органах внутренних дел, не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом замещаемой должности в органах внутренних дел или условий прохождения службы».

Таким образом, с учетом вышеизложенного считаем, что заключение контракта о службе в ОВД до достижения сотрудником предельного возраста пребывания на службе необходимо закрепить. Это будет, с одной стороны, служить гарантией его правовой защиты, а с другой – повышению престижа данного вида государственной службы.

Обращая внимание на сложность и спорность нормативного закрепления правоотношений при замещении должностей в ОВД, следует отметить также несовершенство, в том числе определенную коллизию, норм в отечественном законодательстве, регламентирующем заключение контрактов с сотрудниками ОВД.

Так, в п. 30 Положения о прохождении службы в ОВД установлено, что «условия контракта о службе не могут ухудшать социальное и правовое положение сотрудника по сравнению с законодательством». Развитием этой нормы стало закрепление в п. 36 названного Положения срока действия контракта о службе: от 1 года до 5 лет. Данный срок не противоречит требованиям общего законодательства о труде (ст. 17 ТК Республики Беларусь) и постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 4 «О практике рассмотрения судами трудовых споров, связанных с контрактной формой найма работников» (п. 11).

Вместе с тем некоторую двусмысленность в определении сроков заключения контрактов с гражданами и сотрудниками, зачисляемыми в учреждения образования МВД, имеет предписание Положения о прохождении службы в ОВД: контракт с такими лицами должен предусматривать обязанность прохождения ими службы в течение срока получения данного образования в учреждении образования МВД и 5 лет службы после получения образования, а также возмещение средств, затраченных МВД на их подготовку (п. 37 Положения).

В приложениях 2, 3, 4 к постановлению МВД Республики Беларусь от 8 июня 2012 г. № 164 «О некоторых вопросах заключения контрактов о службе в органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Постановление № 164) приведены типовые формы контрактов о службе в ОВД на период получения образования в учреждениях образования и пяти либо двух (для заочной формы обучения) лет после их окончания. Фактически суммарный срок, на который заключается контракт дневной форме получения образования, составляет 9 лет (8 лет для послевузовско-

го образования – адъюнктуры) и 7 лет при обучении заочно. Указанные сроки зафиксированы в контракте, определяющем даты его вступления в силу и окончания. Очевидно, что они превышают предельно допустимые для заключения контрактов сроки. При этом в п. 11 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда разъяснено, что если контракт заключен на срок свыше пяти лет, то по истечении указанного срока трудовые отношения считаются продолженными на неопределенный срок, что согласно ст. 40 ТК дает «право расторгнуть трудовой договор, заключенный на неопределенный срок, предупредив об этом нанимателя письменно за один месяц».

Названные коллизии обусловлены, на наш взгляд, неверной интерпретацией нормы п. 37 Положения о прохождении службы в ОВД в локальном акте – Постановлении № 164. Согласно ему срок «отработки» после обучения включен в общий срок действия контракта, а не выступает в качестве условия действительности заключаемого контракта в связи с обучением.

Необходимо обратить внимание и на правовую ситуацию, когда, например, сотрудники ОВД после окончания высших учебных заведений МВД Республики Беларусь в дневной форме и обязательного прохождения службы еще в течение 5 лет по Правилам поступления в адъюнктуру (одно из условий – не менее 3 лет практической деятельности) переводятся в учреждение образования для получения послевузовского образования. В таком случае с ними согласно п. 6 Инструкции о порядке заключения контракта о службе в ОВД Республики Беларусь заключается новый контракт о службе. Данный новый контракт является основанием для прекращения действия предыдущего, заключенного с сотрудником при получении высшего образования I степени, по которому он еще не отработал 5 лет (подп. 38.3 п. 38 Положения о прохождении службы в ОВД). В случае досрочного отчисления сотрудника из адъюнктуры и увольнения из ОВД фактически взыскать средства, потраченные государством на обучение сотрудника, получившего высшее образование I степени, не представится возможным в силу прекращения действия, соответствующего контракта по указанному основанию.

Необходимо отметить, что, обучаясь в учебных заведениях МВД, сотрудники замещают определенные должности в системе МВД и на них распространяется общий правовой статус сотрудников ОВД, поскольку они несут службу, т. е. реализовывают задачи и выполняют функции ОВД. Указанное дает повод для признания содержания контрактов для получения образования в качестве не основных, а дополнительных условий прохождения службы в ОВД. Таким образом, условия обучения должны быть оформлены в виде дополнительных соглашений к основным заключенным контрактам о службе в ОВД.

Российский законодатель избежал подобных коллизий, закрепив в ч. 3 ст. 23 Закона о службе в органах внутренних дел Российской Федерации позицию о том, что в контракте предусматривается обязательство гражданина заключить контракт о последующей службе в ОВД или обязательство сотрудника проходить службу в органе внутренних дел, направившем его на обучение, на срок в зависимости от уровня получаемого образования. Данное условие также отражено в типовой форме заключаемых с сотрудником контрактов о прохождении службы в ОВД Российской Федерации, закрепленной приказом МВД РФ от 1 февраля 2018 г. № 50. В частности, в вышеуказанном приказе образец контракта имеет единую форму, и только лишь для отдельных аспектов прохождения службы, как, например, обучение в учебном заведении МВД, имеются соответствующие для заполнения пункты: «4. Гражданин (сотрудник) обязуется: 4.12. Заключить контракт о последующей службе в органах внутренних дел или проходить службу в органе внутренних дел, направившем его на обучение, на период...».

С учетом изложенного считаем целесообразным с сотрудниками, с которыми были заключены контракты на период обучения в учреждениях образования МВД и на срок обязательной службы после обучения (более 5 лет в сумме), заключить новые контракты на срок, определяемый в зависимости от уровня полученного образования.

Кроме того, необходимо принять меры по усовершенствованию законодательства Республики Беларусь в рассматриваемой сфере, разработав типовую форму контрактов, позволяющую исключить указанные выше правовые коллизии.

Список использованных источников

1. Кеник, К.И. Дисциплинарная ответственность: основания и виды / К.И. Кеник // Пром.-торговое право. – 2006. – № 5. – С. 142–147.

2. Кеник, К.И. Правовое регулирование труда государственных служащих / К.И. Кеник. – Минск : Дикта, 2006. – 347 с.
3. Чуприс, О.И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / О.И. Чуприс ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск : Право и экономика, 2009. – 310 с.
4. Костенников, М.В. Административно-правовое регулирование прохождения государственной гражданской службы и противодействие коррупции / М.В. Костенников, А.В. Куракин // Вестн. Всерос. ин-та повышения квалификации МВД России. – 2015. – № 3. – С. 49–57.
5. Овсянко, Д.М. Государственная служба Российской Федерации : учеб. пособие для вузов / Д.М. Овсянко. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Юрист, 2007. – 301 с.
6. Трынченков, А.А. Государственная служба в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации: по материалам Западной Сибири : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.А. Трынченков. – Томск, 1999. – 267 л.
7. Лавриненко, О.В. Специальное трудовое законодательство о службе в органах внутренних дел: проблемы и пути их преодоления / О.В. Лавриненко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2009. – № 2. – С. 184–188.
8. Гайдов, В.Б. Служба в органах внутренних дел как разновидность федеральной государственной службы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / В.Б. Гайдов ; Ом. Акад. МВД России. – Омск, 2001. – 22 с.
9. Балашенко, С.А. Правовые вопросы совершенствования государственного управления / С.А. Балашенко // Развитие и перспективы национальной правовой системы в контексте европейских интеграционных процессов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 июня 2005 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г.А. Васелевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2005. – С. 11–14.
10. Михелькевич, С.В. Административно-правовые модели регулирования и оптимизации службы в органах полиции (милиции) федеративного государства: сравнительно-правовой анализ теории и практики ФРГ и Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С.В. Михелькевич ; Моск. ун-т МВД Рос. Федерации. – М., 2010. – 24 с.
11. Нагорных, Р.В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Р.В. Нагорных ; Моск. гос. юрид. ун-т. – М., 2016. – 40 с.

Дата поступления в редакцию: 29.10.19

S.Y. Degonsky, *Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

FEATURES OF CONCLUDING SERVICE CONTRACTS IN INTERNAL AFFAIRS BODIES

The approaches to determining the procedure and conditions for concluding contracts available in legal science are examined. Attention is focused on the features of serving in the Internal Affairs Bodies and, as a consequence, the need to improve the legal regulation of these public relations.

The theoretical developments, the foreign experience of legal regulation of relations during the state law enforcement service are analyzed, the author's position is proposed to improve the procedure and conditions for concluding service contracts in the Internal Affairs Bodies of the Republic of Belarus.

Keywords: Internal Affairs Bodies, police, militia, contract, service, public service.

УДК 342.9

А.Г. Жемайтук, *начальник управления Департамента охраны МВД Республики Беларусь по охране дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств (e-mail: mr.zhemaytuk@mail.ru)*

ПОНЯТИЕ, ОСНОВАНИЕ И ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ И КОНСУЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Исследуется система государственных органов в сфере защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств в Республике Беларусь. Определены этапы принятия под защиту дипломатических и консульских объектов, способы и формы осуществления защиты дипломатических объектов.

Ключевые слова: дипломатические представительства и консульские учреждения иностранных государств; основания и этапы принятия под защиту дипломатических и консульских объектов; способы и формы осуществления защиты дипломатических объектов.

История дипломатической службы берет начало с момента появления первых государств с развитой письменностью: Древнего Египта, Вавилона, Ассирии, Древней Греции, Древнего Рима и др. Несмотря на то что специальные органы для обеспечения защиты дипломатов в стране пребывания не создавались, им обеспечивалась неприкосновенность и сохранялись привилегии (статус), которые они имели в своем государстве. Это относилось как к дружественным, так и к враждебным странам. Отличалась лишь процедура их приема. Например, в Римской Империи для зарубежных посольств предоставлялось помещение в столице и оказывалось особое уважение и гостеприимство, а для враждебных – на Марсовом поле, в части города, где располагались казармы (кампус), арсенал, тренировочные арены, госпитали и ежедневно проводились учения римских легионеров [3, ст. 10].

Такая политика демонстрации военной мощи (часто показная) была характерна при приеме послов для всех древних цивилизаций и имела основной целью склонение иностранных послов к уступкам в переговорах более «могущественному» государству. Вместе с тем нападение на посла могло быть причиной начала войны, поэтому в интересах государства пребывания было качественное обеспечение его безопасности.

В Средние века развитие дипломатии вышло на новый уровень, который характеризовался возникновением процедуры получения разрешения на въезд в иностранную страну послов и закрепления процедуры их охраны.

Например, в Московской Руси торжественная встреча послов проходила у московского посада. Послов на царских конях ввозили в столицу, селили на специальных посольских подворьях или у знатных москвичей, а также применялось правило постоянной охраны посольства и его передвижения по Москве только в сопровождении русского эскорта [3, ст. 15].

Для периода Нового времени характерно появление первого кодифицированного акта, закрепившего классы дипломатических представителей и старшинства между ними, известного в истории как «Венский регламент» 1815 г. («Положение относительно дипломатических агентов» – приложение № 17 к генеральному акту Венского конгресса, подписанное уполномоченными Австрии, Великобритании, Испании, Португалии, Пруссии, России, Франции, Швеции в 1815 г.). Документ определял вопросы приема и охраны дипломатических представителей.

Что касается современных требований к защите посольств и консульств, то они закреплены в Венской конвенции о дипломатических сношениях (1961 г.) (далее – Венская конвенция 1961 г.) и Венской конвенции о консульских сношениях (1963 г.) (далее – Венская конвенция 1963 г.) и основаны на принципах паритета.

В данном случае речь идет о специальных мерах по защите помещения посольства от доступа посторонних лиц, охране общественного порядка на прилегающей территории, реализация которых призвана обеспечить нормальное функционирование дипломатического объекта и работу каждого его сотрудника.

В белорусском законодательстве существует пробел в части регламентации порядка осуществления административно-правового обеспечения защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств. Для самостоятельного построения системы ее организации следует проанализировать регламентирующие данные вопросы нормы международного права, преломив их через призму общепринятого принципа международного права в части обязанности государства пребывания обеспечить защиту дипломатического объекта иностранного государства.

Согласно требованиям ст. 22 Венской конвенции 1961 г. «на государстве пребывания лежит специальная обязанность принимать все надлежащие меры для защиты помещений представительства от всякого вторжения или нанесения ущерба и для предотвращения всякого нарушения спокойствия представительства или оскорбления его достоинства».

При этом стоит руководствоваться принципом неприкосновенности помещения представительства. Аналогичная норма предусмотрена и для консульских учреждений.

Таким образом, защите подлежит периметр помещения диппредставительства (консульского учреждения) и прилегающая территория, в том числе охраняется общественный порядок в

непосредственной близости от объекта. Внутреннюю безопасность в помещении государство пребывания не обеспечивает, так как это является территорией иностранного государства.

Четкого алгоритма организации защиты диппредставительств и консульских учреждений иностранных государств в законодательстве Республики Беларусь нет. Вместе с тем, руководствуясь нормами международного права, можно определить, что оно основывается на принципе взаимности, исходя из условий защиты, установленных иностранным государством для аналогичных объектов Республики Беларусь.

Учитывая обязанность государства пребывания обеспечивать защиту дипломатических объектов, можно отнести их к объектам, подлежащим государственной охране, на основании чего логично обратиться к Закону Республики Беларусь «О государственной охране». Однако в перечне охраняемых лиц послы и консулы иностранных государств, а также помещения диппредставительств и консульских учреждений не значатся. Следовательно, из субъектов осуществления их защиты орган государственной охраны (Служба безопасности Президента Республики Беларусь) исключен.

В соответствии с требованиями Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) наша страна признает приоритет общепризнанных принципов международного права, поэтому обязанность по защите дипломатических объектов должна быть возложена на какой-либо государственный орган (ст. 8).

Венские конвенции 1961 и 1963 гг. ратифицированы Республикой Беларусь в установленном законом порядке, поэтому дипломатическим представительствам и консульским учреждениям иностранных государств можно придать статус объектов государственной охраны, закрепив это, например, в Законе Республики Беларусь «О государственной охране».

Оптимальным решением являлось бы возложение обязанностей по защите дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств по аналогии с главами иностранных государств и членами их семей на единый орган, в данном случае – орган государственной охраны. В том числе это упростило бы взаимодействие при решении возникающих служебных задач, сократив круг субъектов взаимодействия.

Вместе с тем данный вопрос в законодательстве Республики Беларусь не решен.

При анализе Указа Президента Республики Беларусь от 4 декабря 2007 г. № 611 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел и организаций, входящих в систему органов внутренних дел» можно заметить отсутствие регламентации защиты дипломатических объектов. Данный пробел успешно компенсируется Положением Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», согласно которому Президент Республики Беларусь устанавливает перечень объектов, подлежащих обязательной охране органами внутренних дел (что и есть в нашем случае) (ст. 8).

Конкретное указание на обеспечение защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств содержится только в Положении об управлении Департамента охраны МВД Республики Беларусь по охране дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, утвержденном Приказом Департамента охраны МВД Республики Беларусь от 15 февраля 2013 г. № 35. Так, в указанном нормативном документе определено, что к задачам управления Департамента охраны МВД Республики Беларусь по охране дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств отнесено обеспечение защиты зданий, строений, сооружений, помещений дипломатических представительств, консульских учреждений иностранных государств от всякого вторжения или нанесения ущерба, предотвращение проникновения на объекты лиц, вынашивающих террористические, провокационные и иные недружественные намерения.

Кроме того, указанное управление обязано принять совместно с территориальными органами внутренних дел, органами и подразделениями по чрезвычайным ситуациям, органами государственной безопасности неотложные меры по обеспечению безопасности дипломатических объектов и находящегося в них персонала в случаях возникновения массовых беспорядков в районах их расположения, а также угрозы их захвата, стихийных бедствий, пожаров и иных чрезвычайных ситуаций.

В Указе Президента Республики Беларусь от 4 июня 2004 г. № 268 «О некоторых вопросах органов внутренних дел Республики Беларусь», которым утверждено Положение о Департаменте

охраны МВД Республики Беларусь, отсутствуют ссылки на осуществление защиты диппредставительств подразделениями Департамента охраны. Принимая во внимание, что МИД осуществляет контроль за соблюдением на территории Республики Беларусь дипломатических и консульских привилегий и иммунитетов, при определении порядка и способа организации защиты требуется получение согласования указанного Министерства [2, п. 6.47]. По нашему мнению, данный пробел требует устранения путем внесения дополнений в п. 7 следующего содержания «7.5. осуществление защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств в порядке и на условиях, определяемых законодательными актами Республики Беларусь, по согласованию с Министерством иностранных дел Республики Беларусь». Это устранит имеющуюся правовую неопределенность.

На основании сказанного можно сформулировать определение обеспечения защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, определив его как деятельность специально определенного Президентом Республики Беларусь органа, обеспечивающего защиту охраняемых государством объектов, направленную на недопущение проникновения в помещение дипломатического представительства либо нанесения ему ущерба, на прогнозирование, предупреждение, выявление и пресечение угроз безопасности, осуществляемой способом, согласованным с МИД, основанным на принципе взаимности, исходя из условий защиты, установленных в аккредитуемом государстве.

Венскими конвенциями 1961 г. и 1963 г. также закреплена обязанность государства пребывания принимать все надлежащие меры по защите помещений представительства, однако условия обеспечения защиты (возмездно – за счет средств иностранного государства либо за счет средств государства пребывания) не установлены. И для определения основания осуществления защиты этот фактор имеет основополагающее значение.

Так, основанием осуществления защиты на безвозмездной основе (за счет средств республиканского бюджета) является соответствующий Указ Президента Республики Беларусь, основанный на принципе взаимности (паритета) исходя из условий защиты, установленных в аккредитуемом государстве.

В настоящее время органы, на которые возложена такая защита, а также перечень подлежащих защите диппредставительств определяются Указом Президента Республики Беларусь ограниченного доступа. Основанием осуществления защиты на возмездной основе является заключенный договор между органом, организующим такую защиту, и заказчиком (дипломатическим представительством или консульским учреждением). При этом в обоих случаях требуется обращение диппредставительства о необходимости обеспечения защиты, направляемое в МИД.

Принимая во внимание общеизвестное функционирование такого подразделения ОВД как управление Департамента охраны МВД Республики Беларусь по охране дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, целесообразно создать общедоступный нормативный правовой акт, который бы закреплял основные положения осуществления административно-правового обеспечения защиты дипломатических объектов по аналогии с предоставлением недвижимого имущества дипломатическим представительствам, основанный на положениях Венских конвенций 1961 г. и 1963 г., а также нормах законодательных актов Республики Беларусь.

Для того чтобы определить порядок осуществления административно-правовой защиты, который в законодательстве в настоящее время четко не определен, вернемся к анализу нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы деятельности дипломатических органов.

Как было отмечено ранее, контроль за соблюдением и обеспечением привилегий и иммунитетов дипломатических и консульских объектов иностранных государств в Республике Беларусь осуществляет МВД. Из этого напрашивается вывод о том, что за обеспечением защиты своих помещений послы и консулы обращаются именно в указанный орган.

Следовательно, первый этап в деятельности по принятию под защиту дипломатического объекта можно определить как обращение иностранного дипломатического представительства (консульского учреждения) о необходимости осуществления защиты своего помещения.

Исходя из паритетности (взаимности) при решении вопроса об организации такой защиты, вторым этапом будет изучение вопроса организации и способа защиты дипломатического

представительства и (или) консульского учреждения Республики Беларусь, созданного на территории данного иностранного государства. Указанный вопрос при этом может быть отражен в обращении, что сократит процедуру принятия под защиту дипломатического объекта.

Третьим этапом является непосредственное обследование принимаемого под защиту объекта, в рамках которого определяются система защиты, продолжительность времени защиты, численность сотрудников, необходимая для защиты, дополнительные технические средства и помещения, необходимые для качественной защиты (например, установка видеонаблюдения, служебное помещение, где будет нести службу сотрудник), места парковки дипломатического транспорта и пр. Такое обследование инициируется и проводится МИД комиссионно с привлечением заинтересованных служб. Если исходить из того, что непосредственно защиту организует и осуществляет управление Департамента охраны МВД Республики Беларусь по охране дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, то по умолчанию его должностные лица подлежат включению в состав указанной комиссии.

Четвертый этап – это непосредственная подготовка проекта Указа Главы государства, в котором на основании полученных данных в рамках второго и третьего этапов определяется орган осуществления защиты и способ защиты. Стоит отметить, что Указом Президента Республики Беларусь определяются только те правоотношения в рамках защиты дипломатических объектов, которые осуществляются на безвозмездной основе для иностранного государства (за счет средств республиканского бюджета).

При инициировании иностранным дипломатическим представительством предоставления дополнительной защиты (увеличение количества сотрудников, несущих службу на объекте, увеличение времени охраны и прочее), а также в случае, когда защита дипломатического объекта Республики Беларусь в конкретном иностранном государстве осуществляется за возмездный счет, оформляются договорные отношения непосредственно с управлением Департамента охраны МВД Республики Беларусь по охране дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств. В данном случае Указ Главы государства не издается.

Пятым (заключительным) этапом является решение о начале осуществления либо прекращении осуществления защиты дипломатических объектов, которое по общим правилам делопроизводства в подразделениях Департамента охраны МВД Республики Беларусь оформляется приказом начальника управления Департамента охраны МВД Республики Беларусь по охране дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств.

Защита осуществляется двумя способами: физическая охрана – непосредственная охрана сотрудниками подразделения ОВД, включающая организацию контрольно-пропускного режима, визуальный контроль ситуации на объекте и прочее, а также автопатрулирование.

При этом в обоих случаях фокусными блоками защиты являются:

предотвращение проникновения на объекты лиц, имеющих террористические, провокационные и иные противоправные намерения, выявление и задержание таких лиц;

принятие надлежащих мер для предупреждения каких-либо посягательств на личность, свободу или достоинство дипломатических и консульских должностных лиц;

осуществление охраны общественного порядка на территории, прилегающей к объектам, во взаимодействии с подразделениями Департамента охраны МВД и территориальными органами внутренних дел Республики Беларусь;

принятие совместно с территориальными органами внутренних дел Республики Беларусь, органами и подразделениями по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, органами государственной безопасности Республики Беларусь неотложных мер по обеспечению безопасности объектов и находящегося в них персонала в случаях возникновения массовых беспорядков в районах их расположения, а также угрозы захвата, стихийных бедствий, пожаров и иных чрезвычайных ситуаций;

применение передового опыта осуществления защиты объектов, в том числе с использованием в этих целях технических средств и систем охраны, а также средств телекоммуникаций;

осуществление в установленном порядке взаимодействия с компетентными органами иностранных государств, дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями иностранных государств, представительствами международных организаций в Республике Беларусь.

Нормативное закрепление определения, порядка и оснований осуществления административно-правового обеспечения защиты дипломатических объектов позволит устранить правовые пробелы и систематизировать нормы действующих нормативных правовых актов, регламентирующих указанные вопросы.

Список использованных источников

1. Михалькевич, Г.Н. Основы дипломатии : учеб.-метод. комплекс / Г.Н. Михалькевич. – Минск : БГУ, 2012. – 112 с.
2. Вопросы Министерства иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 июля 2006 г., № 978 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 23.06.2018 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Дата поступления в редакцию: 25.10.19

A.G. Zhemaituk, Head of the Directorate for Safety and Security of Diplomatic Missions and Consular Posts of Foreign Countries of the Department for Safety and Security of the MIA of the Republic of Belarus

THE CONCEPT, BASIS AND PROCEDURE FOR THE IMPLEMENTATION OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF DIPLOMATIC MISSIONS AND CONSULAR INSTITUTIONS OF FOREIGN STATES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article examines the system of state in the sphere of protection of diplomatic missions and consular offices of foreign States in the Republic of Belarus. Stages of acceptance under the protection of diplomatic objects are defined.

Keywords: diplomatic missions and consular offices of foreign States; grounds and stages of acceptance under the protection of diplomatic and consular facilities, methods and forms of protection of diplomatic facilities.

УДК 342.9

Л.Д. Иванчикова, магистр юридических наук, аспирант Академии управления при Президенте Республики Беларусь, заместитель председателя комиссии по делам несовершеннолетних администрации Ленинского района г. Могилева (e-mail: 7576802@tut.by)

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: ПОНЯТИЕ, СТАДИИ, ОСНОВАНИЯ И ЦЕЛИ

Предпринята попытка комплексного научно-теоретического осмысления современного правового института административного задержания, применяемого к несовершеннолетним в Республике Беларусь. С учетом степени научной разработанности темы задержания и особенностей правового статуса несовершеннолетних показано юридическое содержание и значение оснований и целей их задержания применительно к разработанным этапам (стадиям) административного задержания несовершеннолетних лиц.

Ключевые слова: несовершеннолетние; административное задержание несовершеннолетних; основания и стадии административного задержания несовершеннолетних.

В Женевской декларации прав ребенка 1924 г. установлена необходимость особой защиты несовершеннолетних. В развитии современной отечественной системы противодействия правонарушениям лиц, не достигших 18 лет, существенную роль играет Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь, в котором помимо установления единого порядка производства по делам об административных правонарушениях указываются принудительные меры, применяемые к несовершеннолетним, ограничивающие их права и свободы. Одной из таких мер, существенно ограничивающих права и свободы несовершеннолетнего, является административное задержание. Анализ ст. 8.2–8.4 ПИКоАП позволяет выделить следующие концептуальные положения административного задержания несовершеннолетних: административное задержание несовершеннолетнего начинается с фактического ограничения его свободы и продолжается при доставлении и содержании

его в том месте, куда он доставлен. При этом место содержания несовершеннолетнего задержанного определяет орган, ведущий в каждом конкретном случае административный процесс. Принимая во внимание требования ч. 3 ст. 8.4 ПИКоАП, срок административного задержания несовершеннолетнего исчисляется с момента его фактического задержания. Нельзя не акцентировать внимание на том, что согласно ч. 1 ст. 8.2 ПИКоАП с момента задержания несовершеннолетнего в отношении него уже ведется административный процесс. Это положение коррелирует с требованиями, закрепленными в п. 5 ст. 9.5 ПИКоАП.

Следует отметить, что Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 64-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» указанные нормы дополнены положениями, согласно которым административный процесс считается начатым с момента фактического административного задержания физического лица. Однако законодатель не раскрывает юридического содержания фактического задержания несовершеннолетнего (не раскрывается, какие действия следует признавать фактическим задержанием).

Анализ юридической литературы по рассматриваемой проблеме позволяет сделать вывод о том, что под фактическим задержанием можно понимать наличие фактов ограничения свободы передвижения совершившего административное правонарушение несовершеннолетнего, т. е. фактическое ограничение его права на свободное передвижение по Республике Беларусь (ст. 30 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция)).

Изучение правоприменительной практики показывает, что в качестве внешнего выражения (формы) такого ограничения наиболее часто применяется словесное фактическое задержание и физическое фактическое задержание (с использованием физического воздействия). После осуществления фактического административного задержания несовершеннолетнего должностное лицо соответствующего государственного органа обязано выяснить установочные (анкетные) данные задержанного. На практике чаще всего это происходит путем проверки документов, которые могут удостоверить личность задержанного лица.

Задерживают несовершеннолетних за совершение правонарушений в большинстве случаев сотрудники органов внутренних дел. Согласно ст. 25 Закона об ОВД, сотрудник ОВД имеет право проверить у граждан документы, удостоверяющие их личность, при подозрении в совершении ими преступлений и административных правонарушений. Иными словами, законодательным актом (ст. 23 Конституции) установлена возможность применения сотрудниками ОВД в отношении несовершеннолетнего такой принудительной меры как проверка документов только в связи с подозрением его в совершении правонарушения (преступления и административного правонарушения). Без обоснованного подозрения сотрудник ОВД в указанных обстоятельствах не имеет законного права проверить документы, удостоверяющие личность несовершеннолетнего.

Юридическое содержание понятия «подозрение в совершении преступления» достаточно полно раскрыто в ст. 108 УПК, которой и следует руководствоваться в подобных случаях. Понятие «подозрение в совершении административного правонарушения» в административно-деликтном и деликтно-процессуальном законодательстве не разработано в достаточной степени. Как представляется, в данном случае целесообразно руководствоваться нормами ст. 9.1 ПИКоАП. Так, при наличии законного повода к началу административного процесса в отношении несовершеннолетнего данное лицо может быть фактически задержано и в отношении него могут быть проведены действия, направленные на удостоверения его личности.

Таким образом, в настоящее время проверка документов несовершеннолетнего при подозрении его в совершении административного правонарушения фактически осуществляется в правовых рамках его административного задержания, при этом с момента фактического задержания в отношении него начинается административный процесс.

Нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что при административном задержании несовершеннолетнего существенно ограничиваются его права, в том числе право на свободу передвижения. По этой причине законодатель требует от должностных лиц, осуществивших такое задержание, делать отметку о времени начала задержания в соответствующих документах. Это необходимо для обеспечения законности и обоснованности административного задержа-

ния. Однако сотрудники патрульно-постовой службы милиции в соответствии с постановлением МВД Республики Беларусь № 47 от 16 февраля 2018 г. при таком порядке процессуального оформления административного задержания не наделены полномочиями осуществлять процессуальные действия, а именно не могут оформлять соответствующие протоколы и, следовательно, осуществлять административное задержание. С целью обеспечения реализации прав и свобод несовершеннолетних данную проблему необходимо решать в кратчайшие сроки.

Доставление – следующая стадия административного задержания физического лица. В качестве исторической справки целесообразно отметить, что согласно КоАП 1984 г. лишь с момента доставления лица в соответствующий государственный орган начиналось административное задержание физического лица. Например, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях доставление определено в качестве самостоятельной меры административного принуждения.

Изучение юридической литературы и правоприменительной практики позволяет выявить следующие взаимосвязанные обстоятельства: во-первых, под доставлением лица понимается принудительное сопровождение (перевозка) лица, задержанного за совершение правонарушения; во-вторых, задержанные доставляются, как правило, в служебные помещения ОВД; в-третьих, в служебных помещениях доставленные находятся в условиях ограничения их свободы. Как правило, в этот период происходит установление личности задержанного, если на месте задержания сделать это не представилось возможным.

Резюмируя изложенное, представляется обоснованным выделить пять этапов административного задержания несовершеннолетнего лица: фактическое задержание несовершеннолетнего лица, в отношении которого установлен предусмотренный ст. 9.1 ПИКоАП законный повод для начала административного процесса; удержание его на месте задержания (может быть словесным и физическим); доставление несовершеннолетнего в служебное помещение; кратковременное (до трех часов) ограничение его свободы в служебных помещениях (например, ОВД); продолжительная (при задержании на срок свыше трех часов) изоляция несовершеннолетнего в специально предназначенном для этого месте (приемник-распределитель для несовершеннолетних, социально-педагогический центр и др.).

Следует отметить, что в соответствии с действующим законодательством несовершеннолетние не подлежат административному задержанию на срок свыше трех часов, кроме задержанных за совершение административного правонарушения, за которое предусмотрено административное взыскание в виде депортации (ст. 8.4 ПИКоАП), либо если их личность не установлена, либо они не имеют места жительства или не проживают постоянно на территории Республики Беларусь (ст. 22 Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

В нашем случае трехчасовым промежутком времени (задержание до трех часов) охватываются следующие этапы административного задержания несовершеннолетнего: фактическое задержание, удержание на месте задержания, доставление в служебное помещение и содержание там в условиях ограничения свободы. Здесь ПИКоАП предоставляет правоприменителям не более трех часов на работу с несовершеннолетним задержанным (задержать, доставить, установить личность и др.) с момента фактического задержания до оформления решения о его задержании на срок свыше трех часов при наличии соответствующих оснований.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в настоящее время административное задержание несовершеннолетнего представляет собой фактическое задержание лица, не достигшего 18 лет, в отношении которого имеется законный повод для начала административного процесса, последующее удержание его на месте задержания, доставление в орган, ведущий административный процесс, и кратковременное (в случае задержания на срок до трех часов) ограничение его свободы. После этого может быть применена продолжительная (в случае задержания на срок свыше трех часов) изоляция в местах, определяемых органами, ведущими административный процесс, за совершение административного правонарушения, за которое предусмотрено административное взыскание в виде депортации, либо если его личность не установлена, либо если он не имеет места жительства или не проживает постоянно на территории Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Косенко, А.А. К вопросу об административном задержании несовершеннолетних / А.А. Косенко // Борьба с преступностью: теория и практика [Электронный ресурс] : тез. докл. IV Межд. науч.-практ. конф., Могилев, 25 марта, 2016 г. ; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – С. 48–50.
2. Цель // Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М., 2003. – С. 854.
3. Зайцева, Л.Л. Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева, А.Г. Пурс. – Минск : Харвест, 2011. – 221 с.
4. Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 136 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 939 с.
6. Зайцева, Л.Л. Основания задержания подозреваемого в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева, А.Г. Пурс // Юстыцыя Беларусі. – 2010. – № 1. – С. 35–39.

Дата поступления в редакцию: 30.08.19

L.D. Ivanchikova, Master of Laws, graduate student of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus

ADMINISTRATIVE DETENTION OF MINORS: THE CONCEPT STAGE, THE GROUNDS AND PURPOSE

The article attempts a comprehensive scientific and theoretical understanding of the modern legal institution of administrative detention applied to minors in the Republic of Belarus. Taking into account the degree of scientific development of the topic of detention and the peculiarities of the legal status of minors, the legal content of the grounds and objectives of their detention in relation to the developed stages (stages) of administrative detention of minors is shown.

Keywords: minors; administrative detention of minors; grounds and stages of administrative detention of minors.

УДК 342.9

С.С. Касьянчик, кандидат юридических наук, доцент кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: kas.sergey@mail.ru)

КАТЕГОРИЯ УСЛУГ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Исследуется место категории услуг в системе функций правоохранительных органов. Формулируется вывод о целесообразности перевода должностей в системе правоохранительных органов, основные функциональные обязанности по которым составляет оказание государственных услуг, из разряда военизированной службы в категорию аппаратной государственной службы и в общую категорию работников.

Ключевые слова: правоохранительный орган, правоохранительные функции, государственный служащий, военизированная служба, государственные услуги, публичные услуги

Правоохранительные органы представляют собой сложноорганизованную систему государственных органов, осуществляющих на профессиональной основе борьбу с преступностью и обеспечивающих в государстве общественный порядок и общественную безопасность.

Даже при поверхностном взгляде на содержание деятельности государственных органов, подпадающих под приведенную дефиницию правоохранительных органов, нетрудно заметить, что от всех иных организаций они отличаются следующими обязательными присущими им признаками: являя собой один из рычагов государственного управления и олицетворяя государственную власть, при реализации правоохранительных функций они вступают в различные общественные отношения в качестве представителей государства; реализуют правоохранительные функции преимущественно посредством мер правового принуждения; выступая в общественных отношениях от имени государства, строят свою деятельность на императивной основе, предполагающей подчиненность, юридическое неравенство субъектов.

Указанными признаками в подавляющей мере определена специфичность административно-правового статуса каждого из таких органов.

В условиях законодательной неопределенности понятия и системы правоохранительных органов в Республике Беларусь с учетом выделенных признаков и распространенных доктринальных подходов к определению содержания правоохранительной деятельности представляется возможным под правоохранительными органами понимать государственные органы, обладающие специальным административно-правовым статусом, обуславливающим наделение должностных лиц – субъектов правоохранительной деятельности – статусом представителя власти, имеющего своей целью обеспечение законности и правопорядка в государстве, реализующего на профессиональной основе в рамках основного (профильного) направления своей деятельности правоохранительную функцию государства и наделенного для этого специальными полномочиями по применению мер государственного принуждения.

Но при этом следует учитывать диалектику категорий «правоохранительная система» и «правоохранительные органы», ведь равно, как в любых сложноорганизованных объектах целое несводимо к примитивной сумме частей, так и содержание правоохранительной системы не сводимо к простой совокупности правоохранительных органов.

Ключевое значение в организации правоохранительной системы отведено обеспечению выполнения возложенных на государство правоохранительных функций. В условиях развитой системы правоохранительных органов и вспомогательных организаций, обеспечивающих деятельность первых, их слаженное функционирование в своей основе зависит от того, насколько четко распределены между ними предметы ведения. Свою практическую реализацию упомянутое распределение получает в законодательном закреплении задач, функций и обязанностей (а в предметно-практической плоскости – в определении компетенции) каждого такого органа.

Не вдаваясь в дискуссию об исчерпывающем перечне государственных органов, в своем системном единстве образующих правоохранительный блок государственного аппарата, важно признать, что в системе функций каждого из них обнаруживаются такие, которые не связаны напрямую с применением мер принуждения, в силу чего к правоохранительным функциям могут быть отнесены лишь с определенной долей условности. Между тем нередко именно такие функции в литературе рассматриваются как несвойственные, чуждые правоохранительным органам, влекущие необоснованное «распыление» деятельности их профессионального кадрового звена. Логичным выводом подобных умозаключений традиционно выступает необходимость избавления от них со стороны государственных органов «силового блока» с их единовременной передачей иным государственным органам или организациям.

Примером может служить ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об ОВД), оформившая и закрепившая юридически за данными органами задачу оказания помощи гражданам, государственным органам, общественным объединениям и иным организациям в реализации их прав и возложенных на них обязанностей. Реализация задач любого государственного органа (ОВД здесь не исключение) обеспечивается посредством закрепления за ним системы определенных обязанностей (функций), выполнение которых ведет к достижению цели создания и обоснованности существования соответствующего органа. Согласно ст. 22 Закона об ОВД данные органы в целях выполнения возложенных на них задач обязаны проводить обязательную и добровольную государственную дактилоскопическую регистрацию, осуществлять лицензирование (участвовать в осуществлении лицензирования) видов деятельности, вести учет граждан по месту жительства (месту пребывания), выдавать гражданам документы, удостоверяющие их личность, вести централизованный республиканский учет сведений о захороненных умерших (погибших) при отсутствии лиц, взявших на себя организацию погребения, выполнять иные обязанности, предусмотренные настоящим Законом и иными законодательными актами Республики Беларусь. Среди «иных» законодательных актов можно выделить Указ Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан». В числе прочего последним установлен перечень административных процедур, осуществляемых ОВД по заявлениям граждан. Исходя из его содержания, ОВД обязаны осуществлять административные процедуры, отнесенные

к их компетенции. Следовательно, реализация таких административных процедур есть не что иное, как соответствующая обязанность ОВД. Однако нетрудно заметить, что абсолютное большинство административных процедур, закрепленных за ОВД данным Указом, не связано с применением мер организованного принуждения. Ряд современных ученых выразили критические замечания по поводу таких функций, обозначив, что они должны быть признаны несвойственными, чуждыми для ОВД и иных государственных органов силового блока.

Детальный взгляд на суть критических высказываний относительно обоснованности выделения данных функций и их нехарактерности для правоохранительных органов силового блока (в частности, ОВД, включая милицию) позволяет обозначить как минимум два вопроса, необходимых для надлежащего разрешения проблемы: может ли вообще оказание каких-либо услуг быть признано функцией; все ли услуги, оказываемые правоохранительными органами, образуют их функции? Отметим, что ответы на эти вопросы являются дискуссионными [1, с. 806; 2, с. 19]. Однако то обстоятельство, что оказание таких услуг нормативно закреплено в системе обязанностей ОВД, уже само по себе обуславливает необходимость рассмотрения понятия «услуги» в разрезе категориального аппарата функций.

Историко-правовой взгляд на идею избавления правоохранительных органов от функций оказания подобного рода услуг на примере ОВД показывает, что такие функции были отнесены к компетенции последних уже фактически с момента их образования, а наделение органов, ведающих внутренними делами государства, обязанностями предоставления отдельных услуг, имеет достаточно прочную историческую основу.

Обязанности «по обслуживанию населения» такими органами прослеживаются еще в Уставе благочиния, или полицейском, в соответствии с п. 36 которого управа благочиния была обязана принимать «неусыпное старание и попечение, чтоб дороги, улицы, мосты и переправы... в таком исправном состоянии и содержании были, чтоб проезжим не было ни остановки, ни опасности».

Аналогичные функции были закреплены за милицией Постановлением НКВД и НКЮ РСФСР от 13 октября 1918 г. «Об организации Советской рабоче-крестьянской милиции» (подп. 9 п. 26) уже в первые месяцы ее образования. Отдельные пункты, свидетельствующие о возложении на милицию таких обязанностей, содержались и в Положении «О рабоче-крестьянской милиции» от 10 июня 1920 г. (п. «д» § 47; п. «ж» § 64).

Позже, 25 мая 1931 г. нормы «по обслуживанию населения» милицией были закреплены отдельным п. 19 в Положении о рабоче-крестьянской милиции, утвержденном Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 25 мая 1931 г. № 390. Среди таких обязанностей назывались выдача гражданам удостоверений личности, розыск без вести пропавших лиц, прием и хранение находок и пригульного скота. В дальнейшем нормы, аналогичные приведенным, последовательно включались в иные статусные правовые акты. Не стали в данном случае исключением Закон Республики Беларусь от 26 февраля 1991 г. № 637-XII «О милиции» и сменивший его Закон об ОВД.

Важно заметить, что передача функций от одних государственных органов в ведение других традиционно является одним из перспективных направлений оптимизации как правоохранительной системы, так и государственного аппарата в целом. Вместе с тем в рамках процессов оптимизации «перекочевывание» отдельных функций от одних государственных органов к другим иногда осуществлялось исходя не столько из содержания таковых, сколько из их формы.

При этом каждая функция (включая функции оказания соответствующих услуг, облеченных в форму административных процедур), отнесенная законодателем к компетенции правоохранительных органов, обладает правоохранительным потенциалом, в значительной степени предопределенным охранительным характером такой функции.

Бесспорным здесь видится вывод о том, что реализация функций, обладающих правоохранительным потенциалом, но при этом не связанных напрямую с применением мер организованного принуждения, возможна посредством гражданского персонала тех государственных органов, к компетенции которых отнесено решение соответствующей категории задач. Однако вряд ли возможно улучшение качества оказания услуг документирования населения лишь посредством передачи такой функции от Департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь другому государственному органу. Лучшей явилась идея перераспределения данной

функции внутри названного департамента от лиц, наделенных правовым статусом сотрудника ОВД, к гражданскому персоналу.

С учетом вышеизложенного полагаем, что в условиях функционирования Республики Беларусь как социально-ориентированного развивающегося государства не столь важным является то, какой орган государства будет осуществлять такие услуги; более значимо решение вопроса о придании процедуре реализации подобного рода услуг качества и эффективности, об обеспечении необходимого учета кадрового потенциала государственных органов, которым поручается та или иная функция.

Во многих западных государствах для обозначения одной из основных форм взаимодействия гражданина, юридического лица и власти, где статус государства определяется его ролью в качестве «поставщика услуг», традиционно широко применяется термин «государственные услуги». До последнего времени в отечественной юридической науке этот термин употреблялся изредка и очень осторожно. Сравнительно недавно не являющуюся властной деятельностью государственных органов исполнительной власти по взаимодействию с гражданами и организациями в отечественной литературе и законодательстве стали называть государственными услугами, позаимствовав этот термин у европейских стран.

Анализ специальной литературы [2, с. 17; 3, с. 5; 4, с. 9] позволяет выделить отличительные особенности предоставления государственных услуг: они реализуются через специальный аппарат и, как правило, посредством труда государственных служащих; имеют неограниченный круг субъектов, пользующихся ими; не связаны с властно-распорядительными полномочиями; направлены на реализацию субъективных прав и обеспечение законных интересов физических и юридических лиц (услугополучателей), которые не обязаны, но имеют право требовать предоставления такой услуги от государственного органа (организации); обеспечивают деятельность общезначимой направленности.

Характеризуя последний из приведенных признаков государственных услуг, Л.К. Терещенко делает замечание: в осуществлении такой деятельности этот признак показывает наличие публичного интереса и позволяет прийти к выводу о том, что государственная власть обязана обеспечить их выполнение [2, с. 17].

В качестве примера, наглядно иллюстрирующего содержание термина «государственная услуга» применительно к деятельности правоохранительных органов, можно привести оказание на договорной основе охранных услуг по охране объектов (имущества) юридических и физических лиц, предусмотренную подп. 8.2 п. 8 Положения о Департаменте охраны МВД Республики Беларусь и нормативными предписаниями Указа Президента Республики Беларусь от 25 октября 2007 г. № 534 «О мерах по совершенствованию охранной деятельности». Среди иных подобного рода услуг обнаруживаются обязанности подразделений Департамента охраны по оказанию на договорной основе охранных услуг (работ) по охране физических лиц; перевозке и охране перемещаемого имущества; сопровождению товаров и транспортных средств; проектированию средств и систем охраны; техническому обслуживанию средств и систем охраны; ремонту средств и систем охраны; обследованию объектов и выдаче рекомендаций по организации, осуществлению и совершенствованию их охраны; обучению (дрессировке) служебных животных для использования в охранной деятельности; передаче сигналов тревоги, поступающих от средств и систем охраны, без реагирования на эти сигналы; мониторингу осуществления охраны объектов работниками охраны организаций. ГАИ МВД осуществляют услуги по проверке фактов превышения установленной скорости движения. Департаментом по гражданству и миграции МВД реализуются услуги по предоставлению сведений из автоматизированной системы «Паспорт», СМС-информирование о готовности документов к выдаче.

В условиях, когда понятие «государственные услуги» в Республике Беларусь на законодательном уровне нормативно не определено (что в значительной степени дает возможность субъективной интерпретации его содержания), требует констатации и решения проблема концептуального понимания данного института, наличие которой препятствует построению прозрачных и понятных алгоритмов предоставления таких услуг со стороны правоохранительных органов и обеспечению их доступности. Важно понимать, что составление и закрепление перечня государственных услуг, предоставляемых правоохранительными органами, и четкая регла-

ментация соответствующих административных процедур имеют целью не только упорядочение общественных отношений в заданном направлении, четкое распределение прав и обязанностей сторон, но и (что наиболее важно) создание качественного механизма эффективного взаимодействия государства как поставщика услуг (с одной стороны) и гражданина как потребителя этих услуг (с другой). При такой постановке проблемы ее решение предполагает необходимость смещения акцентов с жесткой регламентации перечня предоставляемых документов на результат: обращаясь в государственный орган за предоставлением услуги (и при этом часто оплачивая стоимость такой процедуры), гражданин имеет цель приобрести соответствующее благо в виде услуги или юридической фиксации административного акта (фактически – получение документа). Для удовлетворения требований гражданина в рамках административной процедуры законодатель устанавливает перечень документов, которые ему надлежит предоставить в соответствующий орган (организацию). Вместе с тем отечественное законодательство об административных процедурах в значительной степени отличается отсутствием гибких механизмов, позволяющих оказывать такие услуги в условиях отсутствия реальной возможности со стороны гражданина к выполнению требуемых от него действий (предъявления документов).

Решение такого рода проблем в организации деятельности правоохранительных органов по оказанию административных процедур, полагаем, находится в плоскости дальнейшего совершенствования их нормативного регулирования в части предоставления государственным органам и организациям дополнительной возможности (и необходимости) самостоятельного истребования информации и документов из иных государственных органов и организаций, если лицо, обратившееся за оказанием такой услуги, лишено реальной возможности личного предоставления соответствующих сведений.

Совершенствование процедур обжалования отказа в оказании или некачественного оказания государственной услуги в контексте по-прежнему бытующего мнения о закрытости правоохранительной системы обуславливает актуализацию вопроса перевода государственных услуг в электронную форму, связанного с реализацией проекта «Электронное правительство» и последующим переходом к концепции «Электронное государство». Важнейшим требованием последней выступает критерий проактивности государственных услуг, предполагающий следование правилу: все необходимые документы должны запрашиваться по единому идентификатору из электронных реестров государственных органов. Реализация системы мер государственной программы «Электронное правительство» (а впоследствии и «Электронное государство») в контексте требования комплексного решения жизненных ситуаций гражданина на основании автоматизированных бизнес-процессов (сервисов), полагаем, предусматривает осуществление дальнейшего менеджринга таких услуг на плановой основе посредством принятия программного документа, определяющего векторы развития правоохранительной системы, – концепции.

Вместе с тем рассмотрение функций оказания государственных услуг правоохранительными органами в контексте субъектного состава правоохранительных органов позволяет констатировать, что в отличие от иных государственных органов в системе правоохранительных структур такие услуги нередко реализуются посредством категории государственных служащих, осуществляющих свою профессиональную деятельность в рамках военизированного вида государственной службы. Учитывая, что отличительной чертой государственных услуг, отграничивающей их от иных функций государственных органов, является их несвязанность с властно-распорядительными полномочиями, ситуация возложения таких функций на служащих военизированных видов государственной службы в качестве основного направления их деятельности видится не только не оправданной, но и недопустимой. Данный вывод основан на очевидности, на наш взгляд, того факта, что сам статус служащего военизированной службы (с вытекающими из него социально-правовыми гарантиями, которыми наделяются такие категории сотрудников) определяется не внешними атрибутами профессии, а содержанием – правоохранительным характером служебной деятельности, ее интенсивностью и рискованной предрасположенностью.

Принципиально, что важной особенностью в правовой характеристике оказываемых правоохранительными органами услуг выступает их несвязанность с присущими этим органам властно-распорядительными полномочиями. Отмеченная особенность может вызвать вопрос об обоснованности включения таких услуг в систему выполняемых этими органами функций.

Например, если полагать, что объективно назначение ОВД состоит в защите прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, то следует ли из этого, что приведенные выше обязанности могут образовывать специфическую функцию?

Анализ упомянутой выше задачи оказания помощи гражданам и организациям и направленных на ее решение обязанностей ОВД позволяет рассматривать оказание таких услуг в качестве одного из направлений деятельности современной системы ОВД. Однако в отличие от иных функций ОВД, обладающих ярко выраженным правоохранительным характером, функция оказания государственных услуг по своему содержанию является в большей степени регулятивной, хотя и сохраняет при этом общие признаки правоохранительной, обладая правоохранительным потенциалом.

Качественная работа по закреплению перечня таких функций и определению категорий лиц правоохранительных органов, которые могут и должны на постоянной основе осуществлять такие функции, будет способствовать определению направлений оптимизации и экономии бюджетных средств. Этому же будет способствовать определение в системе военизированных организаций категории должностей, которые могли бы быть переведены в аппаратную (гражданскую) государственную службу. В основу такой оптимизации должен быть положен ответ на вопрос о том, выполнение каких функций (охранительных или регулятивных) положено в основу служебно-должностных обязанностей сотрудника.

Такая характеристика системы функций правоохранительных органов позволяет вести речь о целесообразности перевода в аппаратную (гражданскую) государственную службу должностей, основным видом деятельности которых является техническое обслуживание средств и систем охраны, документирование населения, обследование объектов и выдача рекомендаций по организации, осуществлению и совершенствованию их охраны, а также решение задач информационно-регистрационного характера и ряда других.

Разрешение вопроса о совершенствовании процесса оказания правоохранительными органами государственных услуг при определенной степени их формализации затрагивает проблему их качества и обоснованности конкретными условиями. В частности, наличие такого критерия оценки подразделений охраны МВД Республики Беларусь, как статистические данные о количестве подобранных и принятых под охрану объектов, способно привести к решению сотрудниками несвойственных для строевых подразделений милиции задач (например, организация пропуска транспортных средств на территорию негосударственной организации, физическая охрана имущества коммерческой организации). Такие задачи вполне разрешимы (и при этом за счет отсутствия необходимости обеспечения персонала дополнительными социальными льготами, например льготным периодом выхода на пенсию, экономически эффективны) посредством гражданского персонала (сторожевого состава) территориальных подразделений Департамента охраны МВД, иных государственных органов и организаций. Необходимо также учитывать, что следование отмеченному статистическому критерию ведет и к увеличению штатной численности строевых подразделений милиции Департамента охраны МВД. Потребность в обеспечении исполнения взятых на себя обязательств по охране объектов всех форм собственности сегодня обуславливает качественное снижение требований к кандидатам на службу в подразделения охраны.

Отмеченные обстоятельства возникли вследствие отсутствия системного подхода к качеству оказываемых услуг, а также нормативно определенных критериев, связывающих возможность их оказания с конкретными условиями. Решение данной проблемы предполагает разработку стандартов государственных услуг, что может быть реализовано путем поэтапного совершенствования действующей системы правового регулирования порядка и условий их оказания.

Резюмируя сказанное, необходимо сделать следующие выводы:

1. Государственные услуги, реализация которых возложена на правоохранительные органы Республики Беларусь, необходимо рассматривать в системе функций таких государственных органов.
2. Отечественное правовое регулирование государственных услуг, реализация которых возложена на правоохранительные органы, носит непоследовательный характер, что не столько связано с отсутствием легальной дефиниции понятия «Государственные услуги», сколько с отсутствием гибкости системы и механизма реализации таких услуг.

3. Учитывая, что отличительной чертой государственных услуг, отграничивающей их от иных функций государственных органов, является несвязанность их с властно-распорядительными полномочиями, ситуация возложения таких функций на служащих военизированных видов государственной службы в качестве основного направления их деятельности является неоправданной, так как статус служащего военизированной службы определяется ее содержанием, характеризующимся правоохранительной направленностью служебной деятельности, ее интенсивностью и рисковой предопределенностью.

4. Совершенствование системы государственных услуг, оказываемых органами внутренних дел и иными правоохранительными органами, предполагает разработку комплекса мер организационно-правового характера, осуществимых на концептуальной основе на уровне стратегического планирования. Эффективный менеджмент таких услуг предполагает расширение их перечня и преимущественный перевод в электронную форму, а также оптимизацию их субъектного состава. Перспективными направлениями развития государственных правоохранительных услуг необходимо признать внедрение автоматизированной информационной системы обжалования действий и решений должностных лиц правоохранительных органов; дальнейшее развитие межведомственного информационного взаимодействия в сфере оказания государственных услуг в электронном виде, масштабное внедрение электронных форм подачи заявлений на получение (истребование) государственных услуг.

Список использованных источников

1. Правовое положение полиции МВД России : учебник / С.Ю. Анохина [и др.] ; под ред. Ф.П. Васильева. – М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2015. – 815 с.
2. Терещенко, Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные / Л.К. Терещенко // Журн. рос. права. – 2004. – № 10. – С. 15–23.
3. Тихомиров, Ю. Публичные функции в экономике / Ю. Тихомиров, Э. Талапина // Право и экономика. – 2002. – № 6. – С. 3–9.
4. Шайдуров, С.А. Аутсорсинг в сфере оказания государственных и муниципальных услуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14/ С.А. Шайдуров. – М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2017. – 29 с.

Дата поступления в редакцию: 14.11.19

S.S. Kasyanchik, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Internal Affairs, Faculty of Advanced Studies and Retraining of Senior Personnel of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*
CATEGORY OF SERVICES IN THE SYSTEM OF FUNCTIONS OF LAW ENFORCEMENT BODIES

The article examines the place of the category of services in the system of functions of law enforcement agencies. The conclusion is formulated on the appropriateness of the transfer of posts, the main functional responsibilities of which are the provision of public services, from the category of paramilitary service to the category of civil service apparatus, to other categories of employees.

Keywords: law enforcement agency, law enforcement functions, civil servant, paramilitary service, public services, public services.

УДК 343.85

В.С. Климченя, кандидат юридических наук, декан факультета права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: vsklim@tut.by)

ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Рассматриваются основные правовые принципы организации и проведения массовых мероприятий, рекомендательное закрепление которых на законодательном уровне ориентировано на единообразное применение правовых норм, регулирующих данную сферу общественных отношений, минимизацию усмотрений и субъективных факторов, используемых в правоприменительной деятельности, усложняющих реализацию гражданами конституционных прав и свобод.

Ключевые слова: массовые мероприятия, права и свободы человека и гражданина, правовые принципы, свобода собраний.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2); свобода собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь, гарантируется государством (ст. 35).

Анализ статистики проведения в Республике Беларусь собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования и иных массовых мероприятий (далее – массовые мероприятия) (2015 г. – проведено 67 645 массовых мероприятий, 2016 г. – 45 228, 2017 и 2018 гг. – соответственно 32 607 и 69 107) свидетельствует об активном их использовании гражданами, политическими партиями, общественными объединениями и иными организациями в целях защиты своих прав и свобод, публичного обсуждения, выражения взглядов и отношений к событиям общественно-политической жизни, привлечения внимания к решению социально-экономических проблем, обеспечения коллективных интересов и социокультурных потребностей.

Вместе с тем с 2015 по 2018 гг. по данным МВД Республики Беларусь в стране состоялось более 450 несанкционированных массовых мероприятий, проведение которых повлекло отдельные нарушения нормальной жизнедеятельности населенных пунктов, работы некоторых учреждений и организаций; послужило основанием для задержания сотрудниками органов внутренних дел свыше 2 600 участников незаконных массовых акций с привлечением части задержанных граждан, нарушивших общественный порядок, к административной ответственности.

Положение дел, связанное с проведением несанкционированных массовых мероприятий и задержанием граждан, участвовавших в них и допустивших нарушение общественного порядка, свидетельствует о необходимости всестороннего анализа правоприменительной практики, выявления причин и условий, повлекших правонарушения в рассматриваемой сфере, а также изучения зарубежного опыта обеспечения свободы мирных собраний с целью более широкой имплементации общепризнанных международных стандартов в области прав и свобод человека в национальное законодательство.

В Республике Беларусь порядок организации и проведения массовых мероприятий регулируется Законом «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь» (далее – Закон о массовых мероприятиях). Нормы данного законодательного акта, содержащиеся в гл. 2 (ст. 6, 9, 11), направленные на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, напрямую связаны с определенными ограничениями прав и свобод личности, что влияет на осуществление и иных, закрепленных в Конституции Республики Беларусь прав и свобод: свобода выражения мнений и убеждений (ст. 33); свобода участия в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом (ст. 31); право на получение, распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды (ст. 34); право на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на забастовку (ст. 41) и др.

В связи с этим Конституционный Суд Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд) при проверке конституционности Закона о массовых мероприятиях в решении от 28 октября 2011 г. сформулировал правовую позицию о том, что предусмотренные в указанном Законе ограничения прав и свобод личности соразмерны защищаемым общественным и государственным интересам, выступают средством правовой защиты общественного порядка и общественной безопасности, нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (п. 5).

Одновременно Конституционный Суд обратил внимание на то, что при применении Закона о массовых мероприятиях не должен искажаться конституционно-правовой смысл положений, устанавливающих порядок их организации и проведения, любые ограничения свободы массовых мероприятий должны быть соразмерны и действительно необходимы в демократическом обществе; государственные органы, политические партии, профессиональные союзы и иные организации, а также граждане не вправе вмешиваться и препятствовать массовым мероприятиям, проводимым с соблюдением требований указанного Закона (п. 6).

На основании этого представляется возможным утверждать, что в правоприменительной практике одно из важнейших значений для реализации конституционных прав и свобод граждан, обеспечения общественного порядка имеет неукоснительное соблюдение всеми субъектами складывающихся общественных отношений правовых принципов организации и проведения массовых мероприятий.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» закон определяется как нормативный правовой акт, закрепляющий принципы и нормы регулирования наиболее важных общественных отношений (ст. 14).

Однако в Законе о массовых мероприятиях основные принципы проведения массовых мероприятий не закреплены, что, по мнению ученых и членов Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) Совета Европы, проводивших экспертизу указанного Закона на соответствие его норм международным стандартам прав человека, является существенным недостатком данного законодательного акта, так как именно в законе воплощается воля законодателя, отражается объективная действительность, общественные отношения и связи [1, с. 101; 2, п. 50].

В подтверждение актуальности данной проблемы А.Г. Тиковенко справедливо утверждает, что «правовые принципы позволяют обеспечивать единообразное применения правовых норм, сузить усмотрение субъектов правоприменительной деятельности, свести к минимуму роль субъективного фактора при ее осуществлении, а также снизить правовую неопределенность...» [3, с. 85].

Исходя из этого считаем целесообразным, основываясь на мнениях ученых по данной проблематике, рассмотреть и определить основные правовые принципы организации и проведения массовых мероприятий с целью их дальнейшего использования в законотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Анализ юридической литературы показывает, что на современном этапе стержневое значение для развития различных отраслей права имеет совокупность принципов, которые определяют направление и сущность регулируемой сферы общественных отношений.

В филологическом и философском аспектах в теории права принципы являются широко изученной категорией. Понятие «принцип» (лат. *princēps* – первый, знатнейший) означает «научное или нравственное начало, правило, от которого не отступают», с философской точки зрения термин «принцип» – первоначало, руководящая идея, основное правило поведения.

В теории права А.Ф. Вишневский, рассматривая понятие и основные признаки права, определяет принципы права как «основополагающие начала, отправные положения, руководящие идеи, характеризующие сущность права, его содержание и назначение в обществе» [4, с. 154].

С точки зрения Г.В. Мальцева, правовые принципы как базовые идеи, формулируют право, составляют основу его развития, соучаствуют в создании правовых норм, оправдывают, легитимируют их, контролируя применение юридической нормы, выступая ориентиром при ее толковании, выявлении глубинного смысла [5, с. 668].

В свою очередь В.П. Шиенок с позиции выработки гуманистической методологии юриспруденции, отправной точкой которой является человек во всем единстве и многообразии существования, полагает, что «чем больше людей воспринимают закрепленные в законодательстве принципы в качестве своих мировоззренческих ориентиров, тем стабильнее общество, выше уровень его правовой культуры, ниже его криминогенность, тем устойчивее общество к любым потрясениям» [6, с. 177].

Закрепленные в законодательстве принципы права оказывают определяющее воздействие на организацию и деятельность государственного аппарата и прежде всего правоохранительных органов, так как включаются в основу их правоохранительной практики.

Взаимоотношения государства и личности регулируют принципы демократизма, гуманизма, взаимной ответственности государства и личности, законности, социальной справедливости, гармоничного сочетания общественных и личных интересов.

Л.М. Рябцев утверждает, что принципы права «служат основополагающим, исходным началом для правотворческой, правоприменительной, правозащитной деятельности, несут государственно-правовой характер и положены в основу правового регулирования, которым руководствуются, с одной стороны, государство, а с другой – граждане при реализации прав, свобод и обязанностей» [7, с. 31–32].

Рассматривая проблемы реализации конституционного права граждан на свободу мирных собраний, Л.А. Нудненко отмечает, что в качестве основных принципов реализации свободы мирных собраний в Российской Федерации находятся принципы законности и добровольности участия в публичном мероприятии, закрепленные в ст. 3 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», однако на современном этапе существует необходимость в расширении перечня принципов проведения публичных мероприятий в целях защиты прав и свобод граждан от произвольного вмешательства исполнительных и распорядительных органов [8, с. 8–9].

В связи с этим следует отметить, что в соответствии с положениями международно-правовых актов в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина исполнительные и распорядительные органы при определенных условиях имеют полномочия и обязаны вмешиваться в процесс реализации гражданами прав и свобод в пределах, предусмотренных законом и необходимых в демократическом обществе.

Так, в соответствии со ст. 11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый человек имеет право на свободу мирных собраний, и осуществление этого права не подлежит никаким ограничениям, кроме установленных законом и необходимых в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Указанная статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

На основании этого полагаем, что при проведении массовых мероприятий в целях создания реальных условий для реализации конституционных прав и свобод граждан, обеспечения общественного порядка и безопасности участников массовых мероприятий и посторонних лиц должен использоваться принцип соразмерности ограничений прав и свобод граждан, которые возможны только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Важно отметить, что Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ) и Венецианская комиссия Совета Европы на основе европейских и международных стандартов разработали «Руководящие принципы свободы мирных собраний», которые рекомендуются странам – участницам ОБСЕ для использования при разработке национальных законодательных актов, регулирующих общественные отношения в рассматриваемой сфере, а также в правоприменительной практике уполномоченными исполнительными и распорядительными органами.

Основными принципами свободы мирных собраний являются: презумпция в пользу проведения собраний; позитивное обязательство государства по содействию мирным собраниям и их защите; законность; соразмерность (пропорциональность); недискриминация; надлежащая администрация; ответственность административного органа [9].

Таким образом, на основе анализа юридической литературы, общепризнанных международно-правовых актов в сфере реализации прав и свобод граждан необходимо предложить в качестве основополагающих идей и руководящих начал организации и проведения массовых мероприятий в Республике Беларусь следующие принципы:

1. Принцип законности, предполагающий точное единообразное соблюдение всеми участниками общественных отношений Конституции, Закона о массовых мероприятиях, применения норм Кодекса об административных правонарушениях и Уголовного кодекса за совершение гражданами и должностными лицами правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере.

2. Принцип добровольности участия в массовом мероприятии, согласно которому основой участия физического лица в массовых мероприятиях является свободно выраженная собственная воля, не зависящая от любого воздействия на нее, кроме публичных призывов (агитации) организаторов массовых мероприятий в средствах массовой информации, сети Интернет или иных информационных сетях, а также путем распространения листовок, плакатов и иных материалов. Данный принцип запрещает использовать в отношении физического лица любые способы и средства принуждения, включая все виды насилия, угроз, подкупа и т. п.

3. Принцип признания, уважения, соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, декларирующий, что в соответствии с Конституцией Республики Беларусь права, свободы и законные интересы человека и гражданина признаются высшей ценностью общества и государства, на всех уровнях обеспечивается гарантированность их соблюдения. Законотворческая и правоприменительная деятельность должна осуществляться с учетом содержания прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, интересов других граждан, общества в целом и отвечать такой социальной ценности как справедливость. Государство обязано создать все необходимые условия для организации и проведения массовых мероприятий с целью реализации конституционных прав и свобод граждан, обеспечения общественного порядка при их проведении на улицах, площадях и в иных общественных местах.

4. Принцип соразмерности ограничений прав и свобод граждан, определяющий, что ограничения свободы организации и проведения массовых мероприятий должны быть соразмерны реально складывающимся угрозам национальной безопасности, общественного порядка, нравственности, здоровью населения, правам и свободам других лиц. Целесообразность применения ограничений прав и свобод граждан в каждом отдельном случае должна рассматриваться компетентными органами государственного управления с учетом конкретных обстоятельств и реальных угроз.

В процессе изучения общественного мнения о направлениях совершенствования административно-правового обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий проводилось анкетирование 221 сотрудника ОВД и 207 граждан, в ходе которого 68,8 % сотрудников ОВД и 71,9 % граждан высказались в поддержку необходимости законодательного закрепления вышеуказанных принципов проведения массовых мероприятий.

Таким образом, предполагается, что законодательное закрепление и использование в правоприменительной деятельности перечисленных принципов организации и проведения массовых мероприятий будет способствовать единообразному применению правовых норм, регулирующих данную сферу общественных отношений, укреплению в нашем обществе справедливости, а также приоритета таких универсальных правовых ценностей, как права и свободы человека и гражданина.

Список используемых источников

1. Рябцев, Л.М. Конституционно-правовые аспекты обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий / Л.М. Рябцев, В.С. Климченя // Вестн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2015. – № 2. – С. 94–105.
2. Заключение Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) о соответствии Закона «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь» международным стандартам прав человека (принято 16 марта 2012 г.) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.lawtrend.org/international-mechanisms/zaklyuchenie-evropejskoj-komissii-za-demokratiyu-cherez-pravo-o-sootvetstvii-zakona-o-massovyh-meropriyatiyah-v-respublike-belarus>. – Дата доступа: 17.07.2019.
3. Тиковенко, А.Г. Конституционные принципы как основа динамизма конституционно-правового регулирования общественных отношений / А.Г. Тиковенко // Вестн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2015. – № 2. – С. 84–93.
4. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 479 с.
5. Мальцев, Г.В. Социальные основания права. / Г.В. Мальцев. – М. : Норма, 2011. – 800 с.
6. Шиенок, В.П. Сущность и методологическое значение принципов права / В.П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь – 2014. – № 1. – С. 174–179.
7. Рябцев, Л.М. Административно-правовые основы защиты прав человека : учеб. пособие / Л.М. Рябцев. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999. – 55 с.
8. Нудненко, Л.А. Проблемы правового регулирования конституционного права гражданина России на публичные мероприятия / Л.А. Нудненко // Конституц. и муницип. право. – 2006. – № 6. – С. 6–11.
9. Руководящие принципы по свободе собраний / подгот.: Н. Беляева [и др.] ; Бюро по демократ. интам и правам человека, Орг. по безопасности и сотрудничеству в Европе. – Изд. 2-е. – Варшава ; Страсбург : Agencja KARO, 2011. – 194 с.

Дата поступления в редакцию: 21.10.19

V.S. Klimchenya, Candidate of Juridical Sciences, Dean of the Law Faculty in the Academy of the MIA

THE LEGAL PRINCIPLES OF THE ORGANIZATION AND HOLDING OF MASS EVENTS

This article deals with the basic legal principles of the organization and holding of mass events. Their consolidation at the legislative level would facilitate the uniform application of legal norms governing public relations, minimize discretions and subjective factors used in the law enforcement, complicating the exercise of constitutional rights and freedoms by citizens.

Keywords: mass events, civil rights and freedoms, legal principles, freedom of assembly.

УДК 342.91

О.В. Коховец, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: oleg.kohovec@mail.ru);

И.Л. Федчук, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь

ЖАЛОБА В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Исследуются основные характеристики жалобы в государственном управлении, отражающие существенные признаки последней в целях установления ее роли, места и назначения в сфере исполнительной власти. Рассматривается проблема определения понятия «сущность» и его смыслового наполнения в контексте проводимого исследования. Проанализировано соотношение охраняемых жалобой правовых категорий «права», «свободы» и «законные интересы граждан». Выявлены характерные элементы сущностного наполнения предмета жалобы, отражающие ее правовую природу.

Ключевые слова: жалоба, обжалование, государственное управление, законность, права, свободы, законные интересы.

Анализ основных характеристик жалобы, раскрывающих ее содержание, на наш взгляд, призывает обратить внимание на проблему определения понятия «сущность», так как отсутствие четкого представления о содержании указанного термина не позволяет в полной мере определить ее основные признаки, место и роль в сфере государственного управления. Трудность рассмотрения данного определения заключается в том, что оно в большей степени является философским и его содержание в области права не исследовалось. В связи с этим в юридической литературе отсутствует его характеристика. Например, в Новейшем философском словаре понятие «сущность» трактуется как «совокупность существенных свойств и качеств вещи, субстанциональное ядро самостоятельного сущего» [1, с. 1008]. Сходное определение содержится в философском словаре – «то, что составляет суть вещи, совокупность ее самых существенных свойств, субстанциональное ядро самостоятельного сущего» [2, с. 431]. В энциклопедическом словаре исследуемый термин характеризуется как «совокупность таких свойств предмета, без которых он не способен существовать и которые определяют все остальные его свойства» [3, с. 841]. Обобщив, можно заключить, что сущность выражают основные признаки исследуемого предмета, его содержание, место, роль и назначение.

Жалоба в государственном управлении предполагает действенный способ обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов граждан, и ее практическая ценность заключается не только в защитных функциях, но и имеющейся в ее юридической природе возможности воздействовать на те или иные процессы государственного управления, в обеспечении точного соблюдения действующего законодательства. В подтверждение можно привести заключение Л.Ф. Лесницкой, которая считает право на подачу жалобы одним из действенных способов устранения возможных нарушений законности [4, с. 6].

Чаще всего причиной для подачи жалобы служит возникновение какого-либо конфликта (столкновение, серьезное разногласие, спор [5, с. 292]). По этому поводу Л.А. Атапина говорит о жалобе как реакции лица на нарушение его прав и свобод и как процессуальном основании возникновения административно-правового спора [6, л. 11]. Рассматривая жалобу в качестве

результата возникновения конфликта между лицом, обратившимся с ней, и органами государственного управления, можно привести высказывание Н.Ю. Хаманевой о том, что «жалоба по-является в той сфере правовых отношений, которые возникают из нарушения прав и законных интересов граждан, установленных и закрепленных законодательством и другими нормами, регламентирующими права и личные интересы граждан, т. е. в тех случаях, когда отношения между гражданином и властью выходят за рамки позитивных» [7, с. 12]. Здесь имеется в виду наличие юридического конфликта между гражданином и органами исполнительной власти, их должностными лицами. Относительно данного вопроса В.Н. Кудрявцев указал на особенность юридического конфликта, который связан с исполнением (реализацией) либо нарушением тех или иных норм права и, соответственно, возникновением, изменением или прекращением правовых отношений между физическими или юридическими лицами [8, с. 4].

Н.Ю. Хаманева рассматривает подачу гражданином жалобы «как стадию развития административно-правового спора, которой предшествуют возникновение конфликтной ситуации, выражающейся в нарушении, по мнению гражданина, его прав и свобод, и осознание гражданином своих интересов в этой ситуации» [9, с. 30–31].

Вместе с тем необходимо помнить, что отношения, возникающие между гражданином, обратившимся с жалобой, и органами государственного управления, не всегда носят характер ярко выраженного конфликта или спора и могут являть собой двуединый процесс взаимодействия последних для получения положительных результатов по жалобе. В.В. Мальков, например, указывает, что «в процессе подачи и разрешения жалоб и заявлений определенные отношения возникают между субъектом жалобы и ее адресатом, они представляют совокупность действий, совершаемых как органами управления, так и гражданами с целью восстановления нарушенных прав и достижения искомого результата» [10, с. 40–41]. Так, непосредственно лицо, обратившееся с жалобой в органы государственного управления, выступает в качестве источника возникновения указанных выше отношений, но нельзя говорить о равноправии субъектов этих отношений в данном случае, так как государственный орган наделен государственно-властными полномочиями, и только он может вынести окончательное решение по поступившей жалобе.

Соответственно, можно говорить о жалобе как о последствии юридического конфликта между лицом, обратившимся с ней, и органами государственного управления, разрешение которого будет способствовать укреплению режима законности в государстве.

Жалоба выступает и как средство защиты прав, свобод и законных интересов гражданина, которые были нарушены в результате действий (бездействия) органов государственного управления и их должностных лиц, а также актами государственных органов. Для более глубокого понимания сущности жалобы, исключения нечеткости в толковании ее определения следует провести разграничение и анализ охраняемых последней правовых категорий: прав, свобод и законных интересов. Так, В.А. Бударина отмечает, что «между правами и свободами нет принципиальной разницы, так как по своей юридической природе и системе гарантий они тождественны и отражают социальные возможности человека в различных сферах. Обеспечение их государством означает признанную возможность каждого избирать вид и меру своего поведения как человека и гражданина» [11, л. 39]. Однако право гражданина и законный интерес отличаются по юридическому содержанию и относятся к различным общественным категориям. По мнению В.И. Ремнева, интерес «выражает насущные потребности общественного развития, в нем находит выражение устремление различных групп населения и отдельных людей... стремление получить определенную пользу» [12, с. 9]. Интересы имеют не конкретную, а общую форму, могут переплетаться с правами и гарантироваться нормами права (например, право на образование), не входят в круг прав, но являются категорией интересов, в осуществлении которых заинтересовано государство. Право гражданина, напротив, «предполагает наличное, существующее право, к реализации которого на основании конкретных правовых предписаний можно приступить немедленно» [12, с. 9]. В.А. Бударина, несмотря на существующее отличие указанных правовых категорий, считает, что «посредством административной жалобы можно отстаивать или защищать, а также устранять препятствия для реализации любого права или удовлетворения любого интереса, не противоречащего общим принципам и действующим нормам права» [11, л. 41].

Таким образом, жалоба выполняет как охранительную, так и защитную функцию, направленную на четкое соблюдение органами государственного управления и их должностными лицами режима законности и таких категорий права, как «права», «свободы» и «законные интересы» граждан.

По своей юридической природе жалоба имеет и двуединое значение: является средством защиты и восстановления прав, свобод и (или) законных интересов граждан, которые были нарушены, и также – свидетельством существующих недостатков в системе органов государственного управления. Посредством жалобы гражданин может принимать действенное участие в управлении общественными и государственными делами. Н.Ю. Хаманева отмечает, что «любой человек, обращаясь с жалобой с целью защитить нарушенные права, тем самым доводит до сведения компетентных органов факты, которые, по его мнению, являются негативными, обуславливают нарушение его прав и интересов и нуждаются в устранении» [7, с. 14]. Следовательно, жалоба может служить средством исправления существующих недостатков в работе органов государственного управления, а также тех негативных явлений, которые послужили источником ущемления прав гражданина и нарушением действующего законодательства. По мнению Ю.М. Козлова, «значение жалоб... увеличивается в связи с тем, что тщательное обобщение материалов жалоб и заявлений позволяет установить причины допущенных ошибок, причины недочетов в работе аппарата, ликвидировать возможность их повторения» [13, с. 22]. Подобной точки зрения придерживается В.А. Бударина: «... аспект, раскрывающий значимость жалобы в процессе обеспечения режима законности, связан с возможностью информационно-аналитической работы по обращениям этого рода, что позволяет выявлять наиболее сложные и проблемные стороны функционирования исполнительной власти и принимать соответствующие решения, направленные на устранение недостатков, способствующих зафиксированным жалобами нарушениям» [11, с. 30]. Таким образом, жалобу следует также рассматривать как своеобразное средство фиксации имеющихся пробелов в законодательстве, которые влекут ненадлежащее функционирование органов государственного управления и, соответственно, нарушения прав граждан.

Согласно А.Е. Луневу, «анализ содержания жалоб показывает, что одной из их причин является несовершенство работы некоторых звеньев госаппарата, незнание правовых норм многими работниками этого аппарата, нежелание глубоко разобраться в просьбе гражданина» [14, с. 151]. Исходя из этой посылки жалобу можно рассматривать как средство контроля за деятельностью органов государственного управления и их должностных лиц, соблюдения режима законности в государственном аппарате, поддержания и повышения уровня служебной дисциплины государственных служащих, а также обеспечения качественного выполнения своих должностных обязанностей. В.А. Бударина подчеркнула, что «посредством жалоб определенного содержания в некоторых случаях можно повысить уровень служебной дисциплины и качество внутрисистемного контроля» [11, л. 33].

Анализируя правовую природу жалобы, следует заключить, что последняя всегда связана с определенным действием. Так, поступившая жалоба должна быть рассмотрена в установленные законодательством сроки, на нее должен быть дан обоснованный ответ, а в случае нарушения прав, свобод и (или) законных интересов граждан органы государственного управления и их должностные лица обязаны незамедлительно принять исчерпывающие меры, направленные на их защиту или восстановление. В.А. Бударина по этому поводу отмечает, что «важность административной жалобы проявляется и в том, что подача такого акта в соответствующий орган (должностному лицу) автоматически налагает на орган (должностное лицо) обязанность отреагировать на обращение и, если требуется, устранить допущенное нарушение, а, следовательно, восстановить функционирование режима законности» [11, с. 30]. В данном случае можно сказать, что жалоба представляет собой определенные действия со стороны лица, обратившегося с ней, и органа государственного управления, обязанного принять меры по ее надлежащему рассмотрению в соответствии с законодательством.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что получение объективной и полной картины имеющихся нарушений, допускаемых в сфере функционирования органов государственного управления, напрямую связано с правовой активностью, грамотностью и культурой граждан. Анализ содержания поступающих в органы исполнительной власти жалоб и их обоснованности дает

возможность судить об уровне правовой культуры населения. В свою очередь, при недостаточно высоком правом сознании граждан органам государственного управления, на наш взгляд, необходимо проводить мероприятия, направленные на более четкое и доступное для каждого разъяснение порядка и оснований подачи жалобы. Это, соответственно, будет способствовать значительному уменьшению количества поступающих в органы исполнительной власти необоснованных жалоб и жалоб с нарушением сроков их подачи. А жалоба в данном случае предстает как своеобразный показатель правовой культуры населения государства.

В юридической литературе акцентируется внимание на таком важном свойстве жалобы, как обеспечение субъективных прав и свобод граждан. Одним из примеров нарушения данных правовых категорий является незаконное возложение тех или иных обязанностей. В.А. Бударина указывает, что, «в теории и нормативном регулировании об обжаловании незаконно возложенных обязанностей говорится достаточно редко, а в основном нормы права содержат стандартную формулировку «прав, свобод и интересов», в широком смысле незаконно возложенную обязанность можно рассматривать как нарушение свободы» [11, с. 45]. И в такой ситуации жалобу можно рассматривать как средство противодействия незаконно возлагаемым обязанностям.

В рамках проводимого исследования следует учитывать, что согласно ст. 40 Конституции Республики Беларусь «каждый имеет право направлять личные или коллективные обращения в государственные органы». В данном случае жалоба выступает средством реализации конституционного права на подачу жалобы.

Анализируя юридическую природу жалобы, стоит отметить, что данная форма обращения обладает особым правовым статусом. Так, правом на обращение с жалобой обладает только лицо, чьи права были нарушены, либо его законный представитель. Основанием для подачи жалобы является фактическое или мнимое нарушение прав, свобод и (или) законных интересов гражданина (граждан), для подачи жалобы законодательством установлены соответствующие сроки и др.

Кроме того, на основании справедливого и объективного рассмотрения жалоб происходит формирование положительного правосознания граждан, престижа тех или иных органов государственного управления и представления о государстве в целом. В.Н. Кудрявцев отмечает, что «именно на этих или подобных им фактах, касающихся данного лица, его родных и близких, гражданин и получает представление о режиме законности, приобретает уверенность в его стабильности и устойчивости либо, напротив, разочаровывается в практике его соблюдения» [15, с. 122].

Существует мнение, что жалобу можно отнести к одной из форм информационного права, так как она представляет собой определенным способом структурированную информацию, свидетельствующую о нарушении определенных норм права или иных правовых претензиях. Г.Х. Тоноян указывает, что «кроме того, такая информация должна определять предмет жалобы – решения, действия (бездействие), свидетельствовать о неблагоприятных последствиях, наступивших в результате принятия решений, совершения действий (бездействии)» [16, с. 48–49].

Необходимо обратить внимание и на то, что к жалобе предъявляются определенные требования, которым она должна соответствовать, и они подлежат нормативному определению. В этой связи жалобу как таковую можно отнести к объекту нормативной оценки. Так, например, в жалобе должны быть отражены идентификационные признаки (сведения об авторе, адресате, нарушениях, допущенные в отношении лица, должностных лицах их допустивших, личная подпись автора жалобы и др.).

Таким образом, на основании полученных результатов проведенного исследования сущностное наполнение жалобы можно определить как:

- способ защиты прав, свобод и законных интересов граждан;
- результат юридического конфликта между лицом, обратившимся с ней, и органами государственного управления;
- стадию развития административно-правового спора;
- средство фиксации пробелов в действующем законодательстве, способствующих нарушению прав, свобод и законных интересов граждан;
- средство контроля за деятельностью органов государственного управления;

определенные действия со стороны лица, которое с ней обращается в соответствующие органы государственного управления, и со стороны последних, обязанных незамедлительно принять меры реагирования;

показатель правовой культуры населения;

средство противодействия незаконно возлагаемых обязанностей;

средство реализации конституционного права на обращение;

определенным способом структурированную информацию, свидетельствующую о нарушении определенных норм права;

объект нормативной оценки, так как к ней предъявляются определенные требования, которым она должна соответствовать.

Представленное сущностное наполнение предмета жалобы, на наш взгляд, будет способствовать точному соблюдению действующего законодательства, устранению негативных моментов в деятельности органов государственного управления, порождающих ущемление прав, свобод и законных интересов граждан.

Список использованных источников

1. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. – Минск : Кн. дом, 2001. – 1280 с.
2. Философский словарь / под общ. ред. В.А. Малинина. – М. : Республика, 2003. – 575 с.
3. Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М. : Гаспардарки, 2004. – 1072 с.
4. Лесницкая, Л.Ф. Гражданин обратился с жалобой / Л.Ф. Лесницкая. – М. : Знание, 1990. – 62 с.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1987. – 750 с.
6. Атапина, Л.А. Обжалование в суд постановлений по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Л.А. Атапина. – Саратов, 2000. – 157 л.
7. Хаманева, Н.Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти / Н.Ю. Хаманева. – М. : Ин-т гос. и права, 1997. – 213 с.
8. Кудрявцев, В.Н. Юридическая конфликтология / В.Н. Кудрявцев. – М. : Ин-т гос. и права РАН, 1995. – 316 с.
9. Хаманева, Н.Ю. Теоретические проблемы административно-правового спора / Н.Ю. Хаманева // Государство и право. – 1998. – № 12. – С. 29–36.
10. Мальков, В.В. Советское законодательство о жалобах и заявлениях / В.В. Мальков. – М. : Изд. Моск. ун-та, 1967. – 108 с.
11. Бударина, В.А. Административная жалоба: материальное и процессуальное правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / В.А. Бударина. – Воронеж, 2007. – 224 л.
12. Ремнев, В.И. Предложения, заявления и жалобы граждан / В.И. Ремнев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 71 с.
13. Козлов, Ю.М. Разрешение жалоб и заявлений трудящихся в органах советского государственного управления / Ю.М. Козлов. – М. : Госюриздат, 1955. – 68 с.
14. Лунев, А.Е. Обеспечение законности в советском государственном управлении / А.Е. Лунев. – М. : Юрид. лит., 1963. – 138 с.
15. Кудрявцев, В.Н. Право и поведение / В.Н. Кудрявцев. – М. : Юр. норма, НИЦ ИНФРА – М, 2016. – 192 с.
16. Тоноян, Г.Х. Институт обжалования в административном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Г.Х. Тоноян. – М., 2008. – 205 л.

Дата поступления в редакцию: 12.07.19

O.V. Kokhovets, *Postgraduate Student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*; **I.L. Fedchuk**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department the Administrative Activities of the Internal Affairs Agencies of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

THE COMPLAINT IN PUBLIC ADMINISTRATION

The main characteristics of the complaint in public administration are examined, reflecting the essential features of the latter in order to establish its role, place and destination in the field of executive power. The problem of determining the concept of essence and its semantic content in the context of the study is considered. The analysis and correlation of such legal categories protected by the complaint as the rights, freedoms and legitimate interests of citizens are carried out. The characteristic elements of the essential content of the subject of the complaint, reflecting its legal nature, have been identified.

Keywords: complaint, appeal, state administration, legality, rights, freedoms, legitimate interests.

УДК 342.95

С.А. Никель, соискатель Академии управления при Президенте Республики Беларусь
(e-mail: sergei1975-210175@mail.ru)

МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Обосновывается значимость экономических методов управления, стимулирующих интеграцию в существующую систему оплаты медицинской помощи дополнительных финансовых средств из источников, потенциал которых до настоящего времени реализован не был. Формулируются предложения по повышению эффективности механизмов страхования, формированию персональных медицинских накопительных счетов, оптимизации налоговой политики.

Ключевые слова: здравоохранение, метод, экономический метод, страхование, накопительные счета, акцизы.

Повышение эффективности административно-правового регулирования здравоохранения как эволюционный процесс наряду с преобразованием нормативной правовой основы функционирования данной отрасли, системы субъектов и форм их деятельности обуславливает необходимость оптимизации механизмов непосредственного воздействия на управляемые объекты в целях наступления запланированного результата – удовлетворения потребности человека в здоровье.

В этой связи важно отметить, что качество оказываемой медицинской помощи и ее доступность для различных слоев населения напрямую зависят от объемов финансирования здравоохранения, результативности экономической политики по планированию и распределению финансового обеспечения медицинской отрасли. При этом, по мнению большинства исследователей, вне зависимости от модели такого финансирования (частная, бюджетная или страховая) основным вызовом для государств на современном этапе развития выступает рост затрат по обеспечению необходимых объемов медицинской помощи.

В данных условиях для оптимизации действующих механизмов финансирования и определения основных направлений интеграции в существующую систему оплаты медицинской помощи новых источников финансовых средств особое значение приобретают проблемы совершенствования экономических методов воздействия на исследуемую сферу государственного управления.

В качестве одного из таких источников выступает обязательное и добровольное медицинское страхование. Не умаляя положительные стороны обязательного медицинского страхования (далее – ОМС), отметим, что в Республике Беларусь данный экономический метод практического применения не нашел. Вызвано это несоответствием между механизмами ОМС и проводимой в государстве политикой по обеспечению бесплатной и доступной медицинской помощи.

В частности, к числу наиболее сложных вопросов, обуславливающих антагонизм между закрепленной в ч. 2 ст. 45 Конституции обязанностью государства по созданию условий доступного для всех граждан медицинского обслуживания и страховой формой оплаты медицинских услуг относятся проблемы закрепления исчерпывающего перечня государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи; справедливого согласования долей бюджетного и страхового финансирования бесплатной медицинской помощи; структурная диспропорция в источниках финансирования расходов на здравоохранение; несоответствие тарифов ОМС реальной стоимости лечения отдельных заболеваний; рост расходов на содержание страховых фондов и страховых организаций и пр.

В этой связи представляется целесообразным обеспечить формирование механизмов постепенного перехода к участию граждан в оплате медицинских услуг путем стимулирования развития добровольного медицинского страхования (далее – ДМС), направленного на увеличение размеров софинансирования медицинских расходов со стороны населения.

Согласно оценкам ВОЗ данная форма страхования до настоящего времени не является значимым элементом белорусской системы здравоохранения, а сам рынок ДМС развит недостаточно и его доля в общей структуре финансирования здравоохранения составляет менее 1 % [1, с. 61].

При этом также следует иметь в виду, что в 2017 г. из общего числа застрахованных в рамках ДМС (409 973 человека) лишь около 20 % (91 007) составили физические лица, а 318 966 застрахованных являлись работниками страхователей-юридических лиц [2, с. 53–54].

По данным Белорусской ассоциации страховщиков, обладателями страховых полисов со стороны физических лиц являются в основном менеджеры среднего или высшего звена [2, с. 58], что свидетельствует о недоступности данного продукта для большинства населения.

Кроме того, около 80 % учреждений здравоохранения, с которыми страховые организации сотрудничали по ДМС, – негосударственные организации здравоохранения, аптеки и лаборатории, преимущественно расположенные в г. Минске [2, с. 62], что свидетельствует о не востребоваемости лечебного потенциала государственных организаций здравоохранения и территориальной дискриминации значительных групп населения.

Совокупность указанных обстоятельств обуславливает необходимость создания организационно-правовых стимулирующих условий, при которых управляемые самостоятельно, по собственному волеизъявлению, без прямого участия со стороны государства использовали бы преимущества ДМС и софинансировали расходы на медицинские услуги по личной инициативе и из собственных средств.

В качестве таких условий, как представляется, выступает формирование в Республике Беларусь обществ взаимного страхования (далее – ОВС) как альтернативной формы коммерческого страхования.

В настоящее время взаимное страхование представляет собой вид страхования, в рамках которого обеспечивается страховая защита имущественных интересов физических или юридических лиц на некоммерческой, взаимной основе путем консолидирования необходимых для этого средств в ОВС [3, с. 45].

Проведенное исследование научных взглядов на сущность взаимного страхования [3, с. 45–51; 4, с. 90–94; 5, с. 47–52] позволяет выделить особенности данного экономического метода, его преимущества перед коммерческим страхованием, определить его стимулирующий потенциал и экономический эффект как дополнительного источника финансирования исследуемой отрасли.

Во-первых, в рамках ОВС процесс страхования управляется членами сообщества, а не администрацией коммерческой страховой организации, преследующей цель получения максимальной прибыли.

Во-вторых, стоимость страховых медицинских программ в рамках ОВС является более низкой, поскольку не включает прибыль коммерческой страховой организации, а состоит, как правило, из прямых затрат на страхование, организацию и ведение делопроизводства.

В-третьих, положительно различна между размерами членских взносов и страховыми выплатами не становится прибылью страховой организации, а является финансовым резервом ОВС и используется в дальнейшем для повышения качества страховых медицинских программ.

В-четвертых, члены ОВС самостоятельно разрабатывают страховые медицинские программы, определяют перечень медицинских услуг, наиболее полно учитывающих их потребности, стоимость которых может быть возмещена в случае обращения за медицинской помощью при внезапном расстройстве здоровья.

В-пятых, подотчетность и подконтрольность ОВС перед его участниками. В частности, вопросы стратегии развития общества и результаты его финансово-хозяйственной деятельности обсуждаются на общем собрании.

В-шестых, члены общества наделяются полномочиями совладельцев страхового фонда и прямо заинтересованы в эффективности расходования денежных средств.

В-седьмых, члены ОВС одновременно с уплатой вступительных, членских и дополнительных взносов продолжают участвовать в механизме общего финансирования государственной системы здравоохранения путем уплаты налогов и других выплат, что положительно сказывается на ее финансировании и повышении качества медицинских услуг.

Подчеркнем также, что данное направление медицинского страхования активно развивается во многих странах мира. Например, в Германии ОВС формируют примерно 20 % рынка страхования жизни и здоровья, во Франции рыночная доля ОВС в страховании жизни составляет около 50 %, в Швеции по сбору страховых премий ОВС занимают четвертое место с объемом 980 млн евро [3, с. 45–51].

Развивая мысль далее, отметим, что экономическое стимулирование участия граждан в софинансировании здравоохранения предполагает необходимость формирования механизмов персонализации расходов на медицинскую помощь и обеспечения личного контроля за полнотой и качеством ее оказания со стороны самого пациента.

В основе такого механизма находится апробированная во многих странах мира (Китай, Канада, США, Сингапур, Чехия) система персональных медицинских накопительных счетов (далее – ПМНС).

Применение системы ПМНС закрепляет пациент-ориентированный подход к оказанию медицинских услуг и представляет собой постстраховой социальный продукт, симбиоз бюджетной и страховой моделей финансирования здравоохранения, вобравший положительные черты каждого из направлений консолидации в исследуемую отрасль финансовых средств.

Проведенный анализ научных исследований, посвященных обоснованию экономического потенциала накопительных счетов [6, с. 39; 7, с. 36–48; 8, с. 45], позволяет выделить основные функциональные элементы механизма ПМНС:

открытие целевого персонального счета в государственном банке. Расходование средств с такого счета ограничивается исключительно медицинскими и медикаментозными целями;

формирование и последующее ежегодное пополнение ПМНС финансовыми средствами с реализацией механизмов долевого участия государства. В частности, для индивидуальных предпринимателей, иностранных граждан, лиц без гражданства в качестве источников для образования счета выступают собственные доходы и сбережения; для работников предприятий и организаций всех форм собственности – денежные средства предприятий до уплаты налогов от дохода по месту основной работы; для государственных служащих, сотрудников военных и военизированных организаций – бюджетные средства за счет общих налогов, уплачиваемых по месту основной службы; для социально незащищенных слоев населения, пенсионеров, детей, инвалидов – бюджетные средства;

льготный порядок использования личных средств граждан для формирования ПМНС, выражающийся в возможности пополнения счета из собственных средств и иных источников, не запрещенных законодательством;

льготный режим налогообложения для плательщиков налога на прибыль, состоящий в отнесении выплат на накопительные счета к затратам, не учитываемым при налогообложении;

особый финансовый режим ПМНС, выражающийся в дифференциации средств счета на оказание медицинской помощи в стационарных условиях и на медицинские услуги, оказываемые в амбулаторных условиях;

накопительный механизм функционирования ПМНС, предполагающий сохранение неизрасходованных на медицинские услуги средств счета с последующим получением необлагаемого налогом дохода, начисленного по принципу банковского вклада (депозита), с фиксированной годовой процентной ставкой 2–4 %;

отнесение средств ПМНС к составу наследства. Неиспользованные после смерти владельца счета денежные средства наследуются в установленном законом порядке и переводятся со счета наследодателя на ПМНС наследника (наследников) и в дальнейшем расходуются данным субъектом на медицинские цели.

С учетом изложенного отметим, что механизм ПМНС носит ярко выраженный стимулирующий характер, поскольку его реализация закрепляет право собственности гражданина на накопительный счет, позволяет ему самостоятельно, в безналичной форме рассчитываться за оказанные медицинские услуги, а неиспользованные средства расходовать на удовлетворение иных потребностей.

Указанная мера повышает обоснованность ценообразования медицинских услуг, легализует процесс оплаты медицинской помощи, исключает дублирование в финансировании отрасли из различных источников, а также мотивирует организации и индивидуальных предпринимателей к официальной выплате доходов работнику с отражением соответствующих сведений в бухгалтерском учете.

Концептуально развивая модель накопительных счетов, следует также иметь в виду, что сформированная бюджетная модель финансирования здравоохранения нуждается не только в ее опти-

мизации посредством внедрения новых финансово-экономических инструментов, но и в разработке дополнительных механизмов мобилизации денежных средств в республиканский бюджет.

В данном контексте речь идет об оптимизации налоговой нагрузки субъектов хозяйствования. Подчеркнем, что в области здравоохранения налогообложение выступает в качестве важной экономической меры, направленной на борьбу с факторами риска развития неинфекционных заболеваний, вызванных употреблением алкоголя и табака.

В частности, в соответствии со ст. 6 Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения «По борьбе против табака» ценовые и налоговые меры являются эффективным и важным средством сокращения потребления табака различными группами населения [9].

По мнению экспертов, повышение табачных налогов приводит к росту цен, способствует отказу от курения и удерживает от пристрастия к табаку, результатом чего является значительное сокращение смертности и заболеваний, вызываемых его употреблением [10, с. 11].

Согласно статистическим данным, увеличение розничной цены табака на 10 % в долгосрочной перспективе способствует снижению его потребления в среднем на 4 % в странах с высоким уровнем доходов и на 8 % в странах со средним и низким уровнем доходов [10, с. 22], результатом чего является сокращение смертности и количества соответствующих заболеваний.

Данное обстоятельство актуально и для Республики Беларусь, в которой по информации экспертов странового офиса ВОЗ ежегодно регистрируется 14–15 тыс. смертей, связанных с курением [11].

При этом для процесса налогообложения табачных изделий важны не только способы налогообложения, но и методы определения налоговых ставок для различных видов табачной продукции.

В частности, в Республике Беларусь табачные изделия и табак, используемый в качестве сырья для их производства, относятся к подакцизным товарам, в отношении которых установлены твердые ставки акцизов в абсолютной сумме на физическую единицу измерения.

При этом в соответствии с п. 9 приложения 1 к Налоговому кодексу Республики Беларусь в отношении сигарет с фильтром ставки акцизов дифференцированы в зависимости от трех ценовых групп. И если такие ставки в отношении сигарет первой ценовой группы составляют 20,71 рублей, то аналогичная ставка налога для табачных изделий третьей группы составляет 59,86 рублей.

Такой подход учитывает потребности различных слоев населения в табаке, однако, по оценкам специалистов, при различиях в ставках налога для разных видов табачной продукции создаются стимулы для изменения предпочтений потребителей в пользу более дешевого продукта [12, с. 21].

Иными словами, в случае реализации дифференцированного подхода к установлению и увеличению размера акцизов на табак происходит замещение потребителем дорогих марок сигарет более дешевыми, что в итоге не приводит к сокращению количества лиц, употребляющих табак.

Кроме того, в целях уменьшения налоговых отчислений в бюджет, разграничение ставок акцизов может использоваться производителями табачных изделий для коррекции ценообразования посредством отнесения производимой продукции к нижней ценовой группе.

В этой связи в большинстве стран мира (в 122 из 155) применяются единые ставки налога, которые позволяют снизить стимулы потребителей для замещения между различными марками сигарет и способствуют устранению условий для производителей табачной продукции в минимизации налоговых отчислений [10, с. 56].

Кроме того, налоговые механизмы должны быть адаптированы к изменяющимся условиям на рынке табачной продукции и появлению новых видов изделий, подлежащих налогообложению. В данном контексте речь идет об электронных системах курения, жидкостях для электронных систем курения и системах для потребления табака.

Вместе с тем следует констатировать, что, несмотря на общие подходы к государственному регулированию производства и оборота указанных продуктов и табачных изделий, установленные нормами Декрета Президента от 24 января 2019 г. № 2 «О государственном регулировании производства, оборота и потребления табачного сырья и табачных изделий», стимулирующий потенциал налоговых механизмов для электронных систем курения и жидкостей для них до настоящего времени не реализован.

Следует иметь в виду еще и то, что использование таких устройств наносит вред здоровью человека. Согласно данным Американской кардиологической ассоциации, у лиц, использующих электронные системы курения, повышается риск инсульта на 71 %, инфаркта на 59 %, иных сердечно-сосудистых заболеваний на 40 % [13]. В свою очередь, по информации Центра профилактики и контроля заболеваний США, по состоянию на 15 октября 2019 г. в стране зарегистрировано 433 летальных исхода и 1 479 случаев легочных заболеваний, обусловленных использованием данных систем курения [14].

В таких условиях представляется обоснованным дополнить перечень акцизных товаров новыми видами, к числу которых относятся электронные системы курения, жидкости для электронных систем курения и системы для потребления табака.

Таким образом, в завершение рассмотрения исследуемой проблемы представляется возможным сделать следующие выводы:

В целях экономического стимулирования добровольного участия граждан в финансировании здравоохранения, повышения доли частных расходов в общих расходах на медицинскую помощь, интеграции в механизм добровольного медицинского страхования потенциала обществ взаимного страхования как оптимальной формы страхового обеспечения защиты потребностей его членов в здоровье следует принять Указ Президента Республики Беларусь «О взаимном страховании», закрепляющий правовой статус, порядок и условия деятельности обществ взаимного страхования, права и обязанности его членов.

В целях формирования бюджетно-страхового механизма финансирования здравоохранения, внедрения стимулирующего экономического пациент-ориентированного метода персонализированного государственного субсидирования медицинских услуг и долевого участия организаций и граждан в общем механизме оплаты медицинской помощи следует принять постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Концепции развития финансирования здравоохранения на основе персональных медицинских накопительных счетов», комплексно отражающей основные направления развития данного метода экономического стимулирования.

В целях повышения мотивации граждан к ведению здорового образа жизни, реализации стимулирующего потенциала налогообложения, формирования дополнительных источников финансирования здравоохранения следует внести изменения и дополнения в Налоговый кодекс Республики Беларусь, направленные на оптимизацию ставок акцизов на сигареты с фильтром и включение в перечень подакцизных товаров электронных систем курения, жидкостей для электронных систем курения и систем для потребления табака.

Список использованных источников

1. Беларусь: Обзор системы здравоохранения [Электронный ресурс] : Всемирная организация здравоохранения – Режим доступа: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0007/253546/HiT-Belarus-RU-web.pdf?ua=1. – Дата доступа: 12.11.2019.
2. Страховой рынок Республики Беларусь 2017 год [Электронный ресурс] : Белорусская ассоциация страховщиков. – Режим доступа: <http://www.belasin.by/page13.aspx>. – Дата доступа: 12.11.2019.
3. Журавлева, Н.В. Анализ мирового рынка взаимного страхования / Н.В. Журавлева, Д.С. Лопаткин // Финансы и кредит. – 2014. – № 42. – С. 45–51.
4. Левушкин, А.Н. Государственно-властное регулирование взаимного страхования в РФ и управленческие корпоративные отношения в обществе взаимного страхования / А.Н. Левушкин, А.П. Згонников // Власть. – 2015. – № 9. – С. 90–94.
5. Логвинова, И.Л. Взаимное страхование – перспективное направление развития страховой отрасли в Российской Федерации / И.Л. Логвинова // Финансы и кредит. – 2009. – № 30. – С. 47–52.
6. Гришин, В.В. Медицинские накопительные счета механизм эффективного управления и финансирования охраны здоровья граждан / В.В. Гришин // Право и управление. XXI век. – 2008. – № 2. – С. 37–42.
7. Гончаров, А.И. Концепция финансового обеспечения системы социальной поддержки населения в России / А.И. Гончаров, М.В. Гончарова // Финансы и кредит. – 2007. – № 1. – С. 36–48.
8. Козьминых С.В. Индивидуально-накопительная модель финансирования услуг муниципального учреждения здравоохранения с использованием универсальной электронной карты / С.В. Козьминых // Социальные финансы. – 2013. – № 23. – С. 44–52.

9. Рамочная конвенция Всемирной организации здравоохранения «По борьбе против табака» [Электронный ресурс] : [Заключена в г. Женеве 21.05.2003 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

10. Администрирование табачных налогов [Электронный ресурс] : Всемирная организация здравоохранения – Режим доступа: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/44316/9789244563991_rus.pdf;jsessionid=71DA90F844EB42BD8EC873AF1FA4DC0D?sequence=12. – Дата доступа: 12.11.2019.

11. Распространенность факторов риска неинфекционных заболеваний в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0020/348014/STEPS-Report-for-site-RU-webpage-29082017.pdf. – Дата доступа: 12.11.2019.

12. Заключительный отчет «Рекомендации по совершенствованию политики формирования здорового образа жизни для предупреждения неинфекционных заболеваний» [Электронный ресурс] : Российский союз промышленников и предпринимателей – Режим доступа: <http://media.rspp.ru/document/1/9/0/901953350696c45c324466abad76bbe4.pdf>. – Дата доступа: 12.11.2019.

13. Доказано учеными: электронные сигареты повышают риск инсульта [Электронный ресурс] // Sputnik.by : здоровье. – Режим доступа: <https://sputnik.by/health/20190131/1039841314/Dokazano-uchenymi-elektronnye-sigarety-povyshayut-risk-insulta.html>. – Дата доступа: 12.11.2019.

14. Outbreak of Lung Injury Associated with the Use of E-Cigarette, or Vaping, Products. [Электронный ресурс] : Centers for Disease Control and Prevention. – Режим доступа: https://www.cdc.gov/tobacco/basic_information/e-cigarettes/severe-lung-disease.html. – Дата доступа: 12.11.2019.

Дата поступления в редакцию: 15.11.19

S.A. Nikel, Applicant of the Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus

METHODS OF ACTIVITY OF THE SUBJECTS OF PUBLIC HEALTH MANAGEMENT: SOME DIRECTIONS OF IMPROVEMENT

Justified paramount importance for healthcare implementation of economic methods, to stimulate receipt of additional financial resources in the industry from other potential sources. Suggestions to improve insurance performance, the formation of personal medical savings accounts, tax policy optimization are formulated.

Keywords: healthcare, method, economic method, insurance, savings accounts, excise taxes.

УДК 351.081

*И.Д. Носкевич, Председатель Следственного комитета Республики Беларусь
(e-mail: sk@sk.by)*

СЛУЖБА В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ВИД ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Рассматриваются понятие и содержание службы в Следственном комитете, ее место в системе государственной службы Республики Беларусь. Предлагается классификация работников, выполняющих трудовые функции в Следственном комитете, показывается ее значение в эффективном распределении трудовых ресурсов и оплаты труда, стимулировании роста кадрового потенциала.

Обосновывается отдельное положение о том, что служба в данной структуре как самостоятельный вид государственной службы в системе государственной службы Республики Беларусь представляет собой профессионально-компетентную деятельность должностных лиц со специфическими признаками, присущими органам предварительного следствия.

Ключевые слова: государственная кадровая политика, Следственный комитет Республики Беларусь, кадровый потенциал органов предварительного следствия.

Согласно Закону Республики Беларусь «О государственной службе» от 14 июня 2013 г. № 204-З (далее – Закон о Государственной службе) под государственной службой понимается реализация государственно-властных полномочий и (или) обеспечение функций государственных органов. При этом действие данного Закона не распространяется на лиц рядового и начальствующего состава Следственного комитета (далее – СК), если иное не предусмотрено законодательными ак-

тами (ст. 2, п. 3 ст. 7). В Законе о Следственном комитете Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-3 (далее – Закон о Следственном комитете) определено, что служба в СК представляет собой вид государственной службы (ст. 21). Таким образом, обобщив, можно сказать, что служба в СК – вид государственной службы, посредством которой осуществляется выполнение задач органа предварительного следствия (далее – ОПС), определяются концептуальные основы правового статуса сотрудника и его разграничения с иными категориями работников, обеспечивающими реализацию государственной кадровой политики (далее – ГКП) в ОПС.

Сравнительно-правой анализ законодательства зарубежных стран показывает, что служба в государственных органах, выполняющих функции предварительного следствия (полиция, суд), независимо от того, имеют они статус самостоятельного государственного органа (Республика Армения, Российская Федерация) или входят в структуру иных правоохранительных органов (Великобритания, Франция) [1, л. 44, 46], отнесена к государственной (публичной) службе. Так, согласно Положению о Следственном комитете Российской Федерации от 14 января 2014 г. № 38 служба в СК является федеральной государственной службой (п. 15), согласно Закону Республики Армения «О Следственном комитете в Республике Армения» от 19 мая 2014 г. № ЗР-25-Н служба в СК – специализированным видом государственной службы (п. 1 ст. 2), а согласно Закону Республики Армения «О государственной службе в Департаменте Следственного комитета в Республике Армения» от 10 июня 2014 г. № ЗР-26 в Департаменте СК – специальным ее видом (п. 1 ст. 2). Таким образом, в указанных государствах служба в СК также отнесена к видам государственной (правоохранительной, специализированной) службы. Вместе с тем научное осмысление содержания такого вида государственной службы, его сущностно-содержательных характеристик требует углубленного научного анализа с учетом специфики службы в ОПС.

В юридической литературе государственная служба как ее особый вид в сфере административно-правовых отношений исследовалась в трудах К.И. Кеник [2, 3], И.В. Козелецкого [4], А.Н. Крамника [5], В.В. Подгруши [6], Т.В. Теляцкой [7], А.Г. Тиковенко [8], О. И. Чуприс [1] и др., в которых отражены особенности белорусской государственно-правовой модели развития государства и общества.

Научный анализ теоретических подходов сущностно-содержательных аспектов государственной службы показывает ее двоякое понимание. В широком смысле – как «трудовую деятельность работников, выполнение ими служебных функций в государственных органах и организациях» [9, с. 65]; «одну из сторон деятельности государства по организации и правовому регулированию личного состава государственных органов и саму деятельность этого личного состава (государственных служащих) по практическому и непосредственному осуществлению задач и функций государства» [7, с. 68]. В узком – как «выполнение работниками служебных обязанностей в органах государственной власти», «деятельность административно-управленческого персонала» [9, с. 65].

Особого внимания заслуживает исследование О.И. Чуприс, в котором на основании сущностной концепции государственной службы Республики Беларусь научно обосновывается определение государственной службы как «профессионально компетентной деятельности, осуществляемой государственными служащими, с целью реализации государственной власти в интересах общества» [1, л. 313] и выделяются два его определяющих признака (характерные черты): сущностное назначение и место ее осуществления [9, с. 66], которые позволяют рассмотреть в аспекте соотношения «общего» и «частного» понятия «государственная служба» и «служба в Следственном комитете как вид государственной службы».

Основываясь на указанных научных подходах о понятии государственной службы и службы в СК как ее вида, следует отметить, что сущностно-содержательные характеристики службы в ОПС имеет свою специфику. Заключается она в том, что сотрудники СК при выполнении возложенных на них задач ОПС, реализуя полномочия в сфере досудебного уголовного производства, осуществляют конституционно значимые функции, поскольку «служба в Следственном комитете Республики Беларусь – это вид государственной службы, непосредственно связанный с защитой прав и законных интересов граждан, организаций, государственных и общественных интересов» (абз. 2 п. 6 решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 4 июля 2012 г.

№ Р-737/2012 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закону Республики Беларусь „О Следственном комитете Республики Беларусь“».

Сущностное назначение службы в СК состоит в том, что это деятельность по реализации возложенных на указанный государственный орган задач, напрямую связанных с правоохранительной функцией государства в сфере досудебного уголовного производства. Правоохранительная функция закреплена в Конституции как неотъемлемый атрибут правового и демократического государства.

Кроме отмеченного, обеспечивая качественное и оперативное досудебное производства по материалам и уголовным делам, ОПС реализуют публичный интерес и одновременно создают условия для реализации частного интереса, проявляя уникальное сочетание их начал, в основе которых находится не только приоритет публичных проявлений, но и человек, защищая которого, СК действует в интересах всего общества, реализуя таким образом правоохранительную функцию государства.

Сущность службы в СК как вида государственной службы обусловлена занятием государственной должности, наделением сотрудников соответствующими государственно-властными полномочиями для выполнения функций государственного органа в соответствии с компетенцией, закрепленной в ст. 18 «Полномочия сотрудников Следственного комитета» Закона, а также ст. 35 «Начальник следственного подразделения» и ст. 36 «Следователь» УПК.

Место осуществления рассматриваемого вида государственной службы СК – «единая и централизованная система государственных правоохранительных органов, являющихся органами предварительного следствия и осуществляющих полномочия в сфере досудебного уголовного производства» [3, ст. 1]. Исходя из потребностей государства для выполнения данной правоохранительной функции установлены требования к профессионально-компетентной деятельности сотрудников, регламентированные в Положении о прохождении службы в Следственном комитете Республики Беларусь, а также структура государственного органа, состоящая из подразделений и должностей, предусмотренных в организационно-штатном расписании, в пределах определенной штатной численности. СК как место осуществления государственной службы определяет границы службы в СК на соответствующих должностях, вследствие чего служба в СК формализуется и приобретает конкретные административно-правовые пределы.

Одним из элементов места прохождения государственной службы и ее интегрированной основой выступает стаж государственной службы, который пронизывает единой характеристикой всю ее систему [1, л. 31], в том числе и в ОПС. Обусловлено это тем, что в стаж государственной службы засчитывается служба в СК на должностях, подлежащих замещению лицами среднего, старшего и высшего начальствующего состава СК (ст. 44 Закона о государственной службе в Республике Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З).

Таким образом, служба в СК есть вид государственной службы, представляющий профессионально-компетентную деятельность, осуществляемую сотрудниками СК на соответствующих должностях, в том числе деятельность административно-управленческого персонала, предусмотренную в организационно-штатном расписании СК, с целью реализации его задач и функций как системы органов предварительного следствия, осуществляющих полномочия в сфере уголовного досудебного производства.

Как отмечено в Законе о Следственном комитете, в Республике Беларусь служба в СК определена как вид государственной службы (ст. 21), но в законодательстве не конкретизировано, к какому конкретному виду (видам) государственной службы она относится.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства показывает, что служба в следственных органах разных стран относится к различным видам государственной службы. Во Франции они входят в «старые государственные службы, которые сформировались в сфере властных функций» [1, л. 44], в Великобритании – это «публичная служба» [1, л. 46]. В указанных странах следственные органы не наделены статусом самостоятельных государственных органов предварительного следствия, а соответственно, их место в административно-правовом механизме существенно отличается от белорусских реалий. В связи с этим заслуживает внимания законодательный подход Российской Федерации и Республики Армения, где, как и в Беларуси, статус органов и подразделений СК имеет самостоятельный характер.

Служба в СК РФ является федеральной государственной службой, которую проходят сотрудники СК РФ (п. 15 Положения о Следственном Комитете Российской Федерации). В соответствии с Законом РФ «О системе государственной службы Российской Федерации» данная служба делится на три вида: правоохранительную, военную и государственную гражданскую. Служба сотрудников в СК РФ относится к правоохранительной, не образует самостоятельный вид государственной службы, а отнесена к группе правоохранительной государственной службы.

Служба в СК Республики Армения в соответствии с п. 1 ст. 2 Закона о Следственном комитете Республики Армения – специализированный вид государственной службы, особенности которой установлены в указанном Законе. Порядок несения государственной службы в Департаменте СК устанавливаются Законом о государственной службе в Департаменте Следственного комитета Республики Армения (п. 5 ст. 11), а государственная служба в нем представляет собой специальный вид установленной в Армении государственной службы, которая осуществляется в государственным управленческом учреждении и является профессиональной деятельностью, направленной на обеспечение и реализацию полномочий, предусмотренных Законом о государственной службе в департаменте Следственного комитета в Республике Армения (п. 1 ст. 2). Таким образом, применительно к органам следствия Армении выделены два вида государственной службы: специальная (служащие СК) и специализированная (государственный служащий Департамента СК).

В научной литературе в системе государственной службы Республики Беларусь выделены следующие ее виды: политико-административная, служба представительских органов, судебская, аппаратная, военная и военизированная [1, л. 72]. Данный подход основан на учете особенностей содержательно-функционального назначения элементов государственной службы, которые непосредственно влияют на правовое положение государственных служащих различных государственных органов. Однако такие научные изыскания осуществлялись до образования СК как единой и централизованной системы государственных правоохранительных органов, являющихся органами предварительного следствия и осуществляющих полномочия в сфере досудебного уголовного производства. В связи с этим предложенная классификация требует научного обоснованного уточнения, так как не в полной мере отражает место и роль службы в СК, ОПС, в которую включены как соответствующие подразделения ГКК, МВД и Генеральной прокуратуры.

Следственный комитет – военизированная организация, которая имеет официальные геральдические символы и подчиняется Президенту Республики Беларусь (ст. 1 Закона о Следственном комитете). Служба в СК включает следующие элементы: военизированную организацию (порядок прохождения службы, наличие специальных званий, оперативного подчинения, специфики обеспечения несения круглосуточных дежурств в составе следственно-оперативных групп и пр.); непосредственное подчинение Президенту Республики Беларусь; уголовно-процессуальную самостоятельность следователя и следственных подразделений, особенности социальных и правовых гарантий сотрудников.

Служба в СК также характеризуется наделением его должностных лиц уголовно-процессуальной функцией осуществления процессуального руководства расследованием, а также внутриведомственными функциями, наиболее характерными для исполнительной ветви власти, т. е. для политико-административного вида государственной службы.

Ключевым элементом службы в СК является процессуальная самостоятельность следователя, которая не присуща иным военизированным органам. При этом СК подотчетен Главе государства, не подчинен исполнительной, законодательной или судебной ветви власти, а занимает особое правовое положение в Беларуси (как и в Республике Армения и Российской Федерации) [10–12].

Итак, служба в СК – это профессионально-компетентная деятельность, осуществляемая сотрудниками СК на соответствующих должностях в государственной, правоохранительной, военизированной организации, представляющей собой систему органов предварительного следствия и осуществляющую полномочия в сфере досудебного уголовного производства, в том числе административно-управленческого персонала, в целях реализации задач и функций, возложенных на СК, характеризующуюся единством системы, централизацией управления, независимостью при осуществлении своих полномочий. Она является самостоятельным видом государственной службы в системе государственной службы Республики Беларусь.

Самостоятельность службы в СК как вида государственной службы в Республике Беларусь предопределяет и специфику осуществления ГКП в ОПС посредством дифференцированного подхода к трудовым функциям различных категорий его работников.

В теории управления выделяют следующие основные виды функций: производственную, обеспечивающую и контрольную. Такой подход характерен и для деятельности СК, на который возложены функции, связанные не только с выполнением основных задач СК (ст. 4 Закона о Следственном комитете), но с их обеспечением и техническим обслуживанием. При этом следует разграничивать правовое положение различных категорий работников, осуществляющих трудовые функции в СК: сотрудники СК (ст. 21) и гражданский персонал (ст. 20 согласно указанному Закону).

Сотрудники СК – лица, являющиеся гражданами Республики Беларусь, принятые на службу в СК, которым присвоено специальное звание.

Служба в СК включает следующие элементы ее прохождения: прием на службу; заключение контракта о службе, назначение на должность, перемещение и перевод; временное исполнение обязанностей по должности, отстранение от исполнения служебных обязанностей, временное отстранение от должности, зачисление в распоряжение Председателя СК или другого начальника; прикомандирование, приостановление службы; аттестацию, профессиональную подготовку сотрудников, соблюдение служебной дисциплины и режима рабочего времени; отпуска, денежное довольствие; гарантии компенсации сотрудникам; увольнение сотрудников; предельный возраст состояния на службе, восстановление в должности, специальном звании и на службе. Указанные элементы отражают специфику службы сотрудника СК и направлены на формирование ГКП в ОПС.

Сотрудники СК составляют основу его кадрового потенциала, осуществляют деятельность, направленную на всестороннее, полное, объективное и оперативное расследование преступлений, защиту прав и законных интересов граждан, организаций, защиту государственных и общественных интересов, соблюдение законности при проверке заявлений и сообщений о преступлениях, возбуждении уголовных дел, производстве предварительного следствия; совершение следственной работы; выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие мер по их устранению; деятельность по выполнению иных задач СК. Такая служба непосредственно связана с противодействием преступности, несением круглосуточного дежурства, пресечением преступлений (в том числе вооруженных) в различных сферах и отраслях, защитой жизни и здоровья граждан.

Порядок прохождения службы в СК включает в себя присвоение специального звания: рядового состава (рядовой юстиции); младшего начальствующего состава (младший сержант юстиции, сержант юстиции, старший сержант юстиции, старшина юстиции, прапорщик юстиции, старший прапорщик юстиции); среднего начальствующего состава (младший лейтенант юстиции, лейтенант юстиции, старший лейтенант юстиции, капитан юстиции); старшего начальствующего состава (майор юстиции, подполковник юстиции, полковник юстиции) и высшего начальствующего состава (генерал-майор юстиции, генерал-лейтенант юстиции, генерал-полковник юстиции). Такой подход в части присвоения специального звания указывает на иерархию в системе специальных званий СК, а также косвенно предопределяет выслугу лет сотрудника на определенных должностях. Понятие «юстиция» (лат. *justitia* – справедливость) указывает, с одной стороны, на принадлежность носителя специального звания к государственному органу, обеспечивающему функционирование системы правосудия в Республике Беларусь, с другой – на содержание осуществляемой сотрудником СК следственной деятельности, направленной на реализацию принципов уголовного закона и уголовной ответственности (ст. 3 УК) и задач уголовно-процессуального закона (ст. 2 УПК). Соответственно, специальное звание в СК является средством обеспечения ГКП в ОПС, стимулирующим ответственное отношение сотрудников к выполнению своих служебных обязанностей. Своевременное присвоение специального звания, соблюдение ритуала вручения погон, соблюдение порядка ношения форменного обмундирования, субординации и подчинения, уважительного отношения к носителю соответствующего специального звания формируют корпоративную культуру и укрепляют служебную дисциплину. При этом особое значение имеет присвоение специального звания досрочно или на одну ступень выше как мера поощрения или понижение в специальном звании на одну ступень как мера дисциплинарного взыскания.

Осуществление возложенных на СК задач предполагает наделение сотрудников соответствующими компетенциями, связанными с правом применения физической силы, специальных средств и оружия (ст. 22–25 Закона о Следственном комитете), что и предопределяет его характеристики как военизированного органа.

Гражданский персонал состоит из государственных служащих и работников, осуществляющих обеспечение деятельности и техническое обслуживание СК. Анализ правового статуса гражданского персонала позволяет классифицировать указанную категорию работников, осуществляющих трудовые функции в СК: государственные служащие СК, служащие СК и работники СК.

Государственный служащий СК согласно Закону о государственной службе (ст. 5) и юридической литературе понимается как гражданин Республики Беларусь, занимающий в установленном законодательством порядке государственную должность, наделенный соответствующими полномочиями и выполняющий служебные обязанности за денежное вознаграждение из средств республиканского или местного бюджетов или других предусмотренных законодательством источников финансирования [7, с. 70]. Соответственно, определяющим признаком государственного служащего выступает занятие государственной должности гражданином Республики Беларусь в ОПС исходя из профессионально-качественных характеристик, предъявляемых к ее занятию, наделение соответствующими полномочиями и выполнение служебных обязанностей за денежное вознаграждение из средств республиканского бюджета и иных источников, предусмотренных законодательством.

Отдельные должности в СК могут замещаться гражданским персоналом, в том числе государственными служащими, на которых при осуществлении полномочий, предусмотренных процессуальным законодательством, распространяются нормы законодательства для сотрудников (п. 3 ст. 20 Закона о Следственном комитете).

Перечень указанных должностей, требований к их квалификации, знаниям, умениям, навыкам, практическому опыту согласуется с требованиями, предусмотренным к государственным служащим Республики Беларусь (постановление Министерства труда от 24 октября 2003 г. № 135 «Об утверждении квалификационного справочника «Государственные должности государственных служащих»).

Должности рядового, младшего, среднего и старшего начальствующего состава СК, которые могут замещаться гражданским персоналом, регламентированы соответствующим правовым актом Председателя СК. В нем содержатся управомочивающие нормы, позволяющие замещать гражданским персоналом должности сотрудников за исключением руководителей СК, УСК, МОРО-ГОСК, начальников подразделений оперативно-дежурной службы и их заместителей¹. Различие между государственным служащим и сотрудником проводится непосредственно по принципу военизации и мобилизации службы в СК. Обусловлено это тем, что руководящий состав подразделений и оперативно-дежурной службы не может замещаться гражданским персоналом ввиду специфики выполнения ими соответствующих правомочий. В связи с этим признак военизации является неотъемлемым от следственной функции, а замещение отдельных должностей сотрудников гражданским персоналом – исключением из общего правила. Оно может применяться лишь в том виде, который позволяет обеспечить военно-мобилизационную готовность СК и оперативное расследование уголовных дел. В частности, государственные служащие, замещающие должности следователей, не привлекаются для дежурства в следственно-оперативной группе, за ними не закреплены специальные средства и оружие, они не принимают непосредственного участия в задержании вооруженных преступников.

В то же время возможность замещения отдельных должностей сотрудников государственными служащими позволяет привлекать высококвалифицированных специалистов после достижения ими предельного срока службы, обеспечить преемственность следственной работы и передачу положительного опыта, временное замещение должностей сотрудников, находящихся в социальном отпуске по уходу за ребенком, сэкономить средства на подготовку следователей и оплату их труда.

¹ Об утверждении перечней должностей рядового, младшего, среднего и старшего начальствующего состава Следственного комитета Республики Беларусь, соответствующих этим должностям специальных званий, а также перечней должностей, которые могут замещаться гражданским персоналом Следственного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ Пред. Следств. ком. Респ. Беларусь от 2 мая 2014 г. № 95 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Служащий СК – это работник СК, занятый нефизическим (интеллектуальным, аналитическим) трудом, связанным с выполнением обеспечительных задач и функций управления СК, что согласуется с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 марта 2018 г. № 203 «О порядке и условиях создания структурных подразделений в государственных органах и штатном расписании отдельных государственных органов». В нем устанавливается запрет на наличие государственных должностей для выполнения трудовых функций по обеспечению деятельности и техническому обслуживанию, в том числе ведению документооборота, лингвистическому анализу, редактированию, ведению бухгалтерского учета и отчетности, расчетов, учета и движения ТМЦ, компьютерно-техническому, техническому и транспортному обеспечению, за исключением руководителей структурных подразделений первого уровня управления и их заместителей. Такой подход закреплен соответствующим приказом Председателя Следственного комитета Республики Беларусь от 18 февраля 2013 г. № 36 «Об условиях замещения гражданским персоналом должностей сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь», устанавливающим перечень должностей сотрудников, которые могут замещаться только служащими, в частности, должности главных, ведущих специалистов и главных, ведущих инспекторов, инспекторов, ведущих экономистов, комендантов, старших водителей-сотрудников, водителей-сотрудников в подразделениях финансов, тыла и делопроизводства, которые в соответствии с характером их деятельности и функциональными обязанностями обеспечивают выполнение задач СК.

Рабочий СК – это работник, занятый физическим трудом в СК и выполняющий обязанности по охране и обеспечению зданий и сооружений, а также транспортному обеспечению. В зависимости от содержания функционального предназначения существуют две категории рабочих СК: штатные работники СК и работники, не входящие в общую численность СК.

Перечень рабочих, не включенных в штат СК, установлен приказом Председателя Следственного комитета Республики Беларусь от 30 января 2012 г. № 30 «Об утверждении перечня профессий рабочих по охране и обслуживанию зданий», а расчет их численности проводится в соответствии с нормами, утвержденными постановлением Министерства труда от 30 июня 2003 г. № 79 «О нормах труда на уборку производственных помещений», Межотраслевыми нормативами численности рабочих, занятых обслуживанием зданий, сооружений и ремонтом оборудования, утвержденными постановлением Министерства труда от 19 декабря 2014 г. № 104.

Таким образом, многоуровневая система кадрового обеспечения ОПС основана на государственной службе, обладающей спецификой и образующей самостоятельный ее вид – службу в СК, во взаимосвязи с иными видами трудовой деятельности. Разграничение правового положения различных категорий работников, осуществляющих трудовые функции в СК, позволяет выделить две их основные категории: сотрудники СК и гражданский персонал (государственные служащие СК, служащие СК и работники СК).

Научный подход, связанный с оптимизацией организационно-штатной структуры гражданского персонала и сотрудников СК и их соотношения, является одним из основных направлений осуществления ГКП в ОПС и имеет целью обеспечить объективное распределение трудовых ресурсов и оплаты труда, сохранение кадрового потенциала, стимулирование его роста, минимизацию финансовых затрат, связанных с выплатами в связи с сокращением штатов, сохранение опытных и квалифицированных специалистов с учетом фактического высвобождения соответствующих должностей.

Кроме того, исследование показало, что представленная оптимизация должна осуществляться одновременно с процессами совершенствования системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации, уровня их профессионализма и стимулирования такой деятельности.

В настоящее время указанный научный подход к классификации работников, осуществляющих трудовые функции в СК, реализован в Указе Президента Республики Беларусь «Об изменении Указа Президента Республики Беларусь от 11 ноября 2011 г. № 523», в котором общая штатная численность СК распределена на категории сотрудников, государственных служащих и служащих, что позволяет эффективно обеспечить выполнение задач ОПС.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать соответствующие выводы:

1. Служба в СК – это самостоятельный вид государственной службы в системе государственной службы Республики Беларусь, представляющий собой профессионально-компетентную

деятельность, осуществляемую сотрудниками СК на соответствующих должностях в государственной правоохранительной военизированной организации, являющейся системой органов предварительного следствия и осуществляющей полномочия в сфере досудебного уголовного производства, в том числе административно-управленческого персонала, в целях реализации задач и функций, возложенных на СК, характеризующаяся единством системы, централизацией управления, независимостью при осуществлении своих полномочий.

2. Трудовые функции в СК выполняют следующие категории работников: сотрудники СК и гражданский персонал (государственные служащие СК, служащие СК и работники СК). Данный научный подход позволяет эффективно реализовать ГКП в ОПС и обеспечить объективное распределение трудовых ресурсов и оплаты труда, стимулировать рост кадрового потенциала ведомства, сохранить опытных и квалифицированных специалистов.

Список использованных источников

1. Чуприс, О.И. Теоретические проблемы правового регулирования государственной службы Республики Беларусь : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / О.И. Чуприс. – Минск, 2010. – 368 л.
2. Кеник, К.И. О некоторых вопросах совершенствования законодательства о государственной службе / К.И. Кеник // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2006. – № 1. – С. 116–124.
3. Кеник, К.И. Правовое регулирование труда государственных служащих / К.И. Кеник // Консультант-Плюс. России [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Козелецкий, И.В. Правовое положение Министерств Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / И.В. Козелецкий ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2004. – 133 с.
5. Крамник, А.Н. Административное право Республики Беларусь / А.Н. Крамник. – Минск : Тесей, 2008. – Ч. 1 : Управленческое право. – 672 с.
6. Подгруша, В.В. Правовой закон как критерий утверждения верховенства права / В.В. Подгруша // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении : материалы Междунар. конф., Минск, 27–28 апр. 2017 г. / Конституц. Суд Респ. Беларусь ; редкол.: Н.А. Карпович [и др.]. – Минск, 2017. – С. 215–223.
7. Телятицкая, Т.В. Административное право: ответы на экзаменац. вопр. / Т.В. Телятицкая. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Тетра-Системс, 2009. – 208 с.
8. Тиковенко, А.Г. Начальник и подчиненный: правовые аспекты служебных отношений / А.Г. Тиковенко ; науч. ред.: М.И. Пискотин. – Минск : Наука и техника, 1984. – 160 с.
9. Административное право: научно-методологические основы : учеб. пособие / С.В. Добрян [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 171 с.
10. Бастрыкин, А.И. Десятилетний рубеж Следственного комитета Российской Федерации: успехи и основные направления следственной деятельности / А.И. Бастрыкин // Вестн. Акад. Следств. ком. Рос. Федерации. – 2018. – № 1. – С. 15–20.
11. Гамбарян, А. Конституционный статус следственных органов и единство статуса следователя в РА / А. Гамбарян / Следователь. – 2016. – № 3. – С. 15–23.
12. Защита Следственным комитетом Республики Беларусь прав и законных интересов личности, общества и государства (интервью с членом-корреспондентом Национальной академии наук Беларуси Г.А. Василевичем) // Предвар. расследование. – 2018. – № 1. – С. 19–21.

Дата поступления в редакцию: 23.05.19

I.D. Noskevich, *Chairman of the Investigative Committee of the Republic of Belarus*

SERVICE IN THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS A TYPE OF STATE SERVICE

The concept and content of the service in the Investigative Committee, its place in the system of state service of the Republic of Belarus are discussed. The classification of officers carrying out labor functions in the Investigative Committee is proposed, its role in effective allocation of labor resources and salaries and stimulating the growth of human resources is shown. The particular provision is proved that service in the Investigative Committee is an independent type of public service in the system of state service in the Republic of Belarus and is the professionally competent activity of officials, which has specific features typical for preliminary investigation agencies.

Keywords: state personnel policy, Investigative Committee of the Republic of Belarus, human resources of preliminary investigation agencies.

УДК 339.543 (075.8)

Д.П. Семенюк, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: ns1005@mail.ru)

ОСНОВАНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Рассматриваются основания современной административной ответственности юридических лиц и исторические этапы ее установления. Исследуются вопросы квалификации и разграничения ответственности юридических лиц и их должностных лиц в свете либерализации законодательства. Предлагается внести изменение и дополнение в административно-деликтную норму, устанавливающую административную ответственность юридических лиц.

Ключевые слова: административная ответственность, административная ответственность юридических лиц, уголовная ответственность юридических лиц, либерализация законодательства.

В последнее время в научной литературе и средствах массовой информации широко обсуждается вопрос принятия комплекса мер, направленных на либерализацию уголовного, административного и иного законодательства. Данные меры призваны способствовать установлению баланса интересов государства и общества, эффективному развитию современных общественных отношений, созданию максимально благоприятных условий для осуществления хозяйственной деятельности.

Одним из важных шагов в направлении либерализации законодательства и совершенствования правового регулирования юридической ответственности за правонарушения против порядка осуществления экономической деятельности стало принятие Закона Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь». Наиболее существенными изменениями, внесенными указанным нормативным актом, являются декриминализация уголовной ответственности за нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь (ст. 224 УК), воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 232 УК), лжепредпринимательство (ст. 234 УК), нарушение антимонопольного законодательства (ст. 244 УК) и дискредитацию деловой репутации конкурента (ст. 249 УК). При этом ст. 61 УК «Конфискация имущества» была исключена как и сам вид наказания. Уголовный кодекс дополнен ст. 46¹, установившей такую меру ответственности, как «специальная конфискация». Внесены также и другие значимые изменения и дополнения.

Однако внесенные поправки в наименьшей степени коснулись административно-деликтного законодательства. Например, в КоАП осталась ст. 6.9 «Конфискация», что не в полной мере соответствует единому подходу к установлению мер уголовной и административной ответственности.

Мы солидарны с мнением Д. Александрова в том, что «национальная концепция административной ответственности должна исходить из принципа обоснованности установления административного взыскания, не позволяя устанавливать ответственность за нарушения любых требований независимо от их значимости для прав и законных интересов, в том числе интересов государственной и общественной безопасности, степени угрозы охраняемым отношениям. Эффективная реализация такой концепции позволит снизить масштабы противоправной деятельности, уменьшить административно-деликтное давление на бизнес-сообщество. Фундаментом всей правоприменительной практики должен служить принцип справедливости административной ответственности» [1, с. 28].

В этой связи все более актуальной становится проблема совершенствования административной ответственности юридических лиц и прежде всего – разграничения их ответственности и личной виновной ответственности должностных лиц (работников) организаций. Закрепление в административно-деликтном законодательстве такой ответственности должно соответствовать принципам законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, виновной ответственности, справедливости и гуманизма, а также, что не менее важно, стимулировать развитие производства и деловой инициативы.

В установлении административной ответственности юридических лиц в Республике Беларусь можно выделить три этапа:

Первый: до 1 марта 2007 г. – вступление в силу нового КоАП. Административная ответственность закреплялась отдельными декретами и указами Президента Республики Беларусь за экономические, финансовые и иные правонарушения; являлась, скорее, исключением, чем общим правилом.

Второй: с 1 марта 2007 г. – ответственность юридических лиц нашла более системное закрепление в санкциях КоАП за совершение правонарушений в области финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности, предпринимательской деятельности, против порядка налогообложения, за административные таможенные правонарушения.

Третий: с 31 января 2018 г. – законодательно разграничена ответственность юридического лица и физического лица. Исключена ответственность субъектов хозяйствования за незначительные правонарушения.

Наиболее значимым является второй этап, так как с фактического закрепления в КоАП нового субъекта – юридического лица – начало расти количество привлеченных к ответственности хозяйственных организаций. Это связано с тем, что административная ответственность юридического лица находится в прямой зависимости от противоправного деяния, совершенного его работником.

Как закреплено в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 2014 г. № 15 «О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях», привлечение к административной или уголовной ответственности должностного лица, непосредственно виновного в несоблюдении указанных норм (правил) юридическим лицом, по общему правилу не является основанием для освобождения этого юридического лица от административной ответственности (ч. 9 ст. 4.8 КоАП). Но многие ученые и практики подвергли критике указанную новеллу КоАП.

Так, В.П. Шиенок, например, приходит к выводу, что «в существующем виде институт административной ответственности юридического лица не в полной мере соответствуют задачам КоАП в части обеспечения защиты человека, его прав и свобод, законных интересов, прав и свобод юридических лиц (ч. 1 ст. 1.2), а также общеправовым принципам справедливости и гуманизма». Он указывает на несовершенство правовой регламентации административной ответственности и неприемлемость в методологическом плане использования категории «вина» применительно к административной ответственности юридического лица [2, с. 73].

Д.А. Плетенев в свою очередь отмечает, что «поступок человека, формирующий деятельность юридического лица и деятельность этого юридического лица, – это единое внешнее проявление деятельности. Деяние физического лица, входящего в юридическое лицо, и юридического лица едино, – одно и то же с точки зрения его внешнего выражения, но и вместе с тем это, во-первых, деяние физического лица и, во-вторых, деяние юридического лица, с точки зрения авторства, то есть внутреннего содержания» [3, с. 73].

В этой связи А.И. Сухаркова акцентирует внимание на том, что юридическое лицо не может быть исполнителем административного правонарушения, а приобретает и реализует свои права и обязанности через свои органы, и в предусмотренных законом случаях – через своих представителей. Его вина может быть виной только его руководителя или коллективной виной работников (должностных и недолжностных лиц) и руководящего органа [4, с. 95].

Если физическое лицо не обладает признаками субъекта, то к административной ответственности может быть привлечено только юридическое лицо. Но чаще всего к ответственности привлекаются оба субъекта.

Это порождает правовое явление, которое условно можно назвать двойной административной ответственностью юридического лица и физического лица, осуществляющих хозяйственную деятельность с одной целью, в одном месте, в одно время и при выполнении одних и тех же производственных задач.

В данном случае объект и объективная сторона двух правонарушений будут характеризоваться одними признаками. Различными будут только субъект и субъективная сторона. Совер-

шение одного противоправного деяния влечет двойные негативные (карательные) последствия в виде штрафов, возможной конфискации как для работника (должностного лица), так и для юридического лица, связанных хозяйственными отношениями.

Н.И. Куксин и Э.Ф. Мичулис отмечают, что в реальной жизни может получиться, что представители юридического лица понесут уголовную ответственность, а само юридическое лицо – только административную. При этом строгость мер правового воздействия на юридическое лицо, причастное к совершению правонарушения, зависит от степени общественной опасности совершенного правонарушения и воли законодателя [5, с. 367].

Наличие двух субъектов противоправного деяния определяет необходимость установления вины каждого из них и разграничения ответственности. Как отмечает Д.А. Плетенев, и с чем нельзя не согласиться, вопрос о соотношении ответственности юридического лица и физических лиц, деяния которых являются основой волевой деятельности, достаточно сложен, и административно-правовая литература анализа данной проблемы не содержит [3, с. 94]. В своем исследовании автор рассматривает только специфику обстоятельств, исключающих ответственность юридического лица, и основания освобождения от ответственности юридических лиц в зависимости от освобождения от ответственности физических лиц [3, с. 94–98].

Анализ правоприменительной практики позволяет установить проблему освобождения от административной ответственности юридических лиц за совершение незначительных правонарушений. Практика применения «двойной ответственности» за все без исключения правонарушения приводит к большим финансовым взысканиям, налагаемым на субъекты хозяйствования.

В соответствии с ч. 2 ст. 6.2 КоАП в отношении юридических лиц применяются основные административные взыскания: предупреждение и штраф; дополнительные взыскания в виде конфискации и взыскания стоимости; лишение права заниматься определенной деятельностью, которое может применяться в качестве основного и дополнительного. Анализ административной практики судов показал, что самым распространенным видом административного взыскания являлся штраф, который районными (городскими) судами и экономическими судами областей и г. Минска назначался по 84 % дел, рассмотренных с наложением административного взыскания. Предупреждение назначалось по 1 % дел, административный арест – по 14 %.

При этом минимальный размер штрафа, налагаемого на физическое лицо, не может быть менее 0,1 базовой величины. Минимальный размер штрафа, налагаемого на юридическое лицо, составляет менее 10 базовых величин. Максимальный размер штрафа, налагаемого на физическое лицо, не может превышать 50 базовых величин, за нарушение законодательства в области безопасности движения и эксплуатации транспорта – 100 базовых величин, а за нарушение законодательства о труде, в области финансов, рынка ценных бумаг, банковской деятельности и предпринимательской деятельности, порядка налогообложения и управления – 200 базовых величин. Максимальный размер штрафа, исчисляемого в базовых величинах, налагаемого на юридическое лицо, не может превышать 1 000 базовых величин. Кроме того, штрафы, исчисляемые в процентном либо кратном отношении к стоимости предмета административного правонарушения, сумме ущерба, сделки либо доходу, полученному в результате сделки, могут быть намного больше.

Приведенный анализ законодательства и практики его применения свидетельствует о необходимости установления обстоятельства, исключающего вину юридического лица за совершение незначительных правонарушений и влекущих большие штрафы, которые негативно отражаются на экономической деятельности субъекта.

Как было отмечено выше, третьим этапом можно считать установление разграничения административной ответственности юридических и физических лиц. В целях частичного смягчения двойной административной ответственности ст. 4.8 КоАП в новой редакции Закона Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 95-З устанавливает обстоятельства, при наличии которых такая ответственность будет наступать.

Так, юридическое лицо несет административную ответственность, если это предусмотрено санкцией статьи Особенной части КоАП. При этом за совершение административного правонарушения в области финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности, в области предпринимательской деятельности, против порядка налогообложения, порядка таможенного регу-

лирования юридическое лицо несет административную ответственность при наличии хотя бы одного из следующих условий:

совершенным деянием причинен вред жизни или здоровью людей либо создана угроза причинения вреда жизни или здоровью людей;

совершенным деянием причинен имущественный вред охраняемым КоАП правам и интересам в размере свыше сорока базовых величин;

стоимость предмета административного правонарушения превышает сорок базовых величин;

сумма сделки, внешнеторговой операции либо дохода в совокупности превышает сорок базовых величин – в случаях, когда в санкции статьи (части статьи, когда статья состоит из нескольких частей) Особенной части КоАП предусмотрено определение штрафа в процентном либо кратном отношении к сумме сделки, внешнеторговой операции либо дохода;

сумма дохода превышает сорок базовых величин – в случаях, когда в санкции статьи (части статьи, когда статья состоит из нескольких частей) Особенной части КоАП предусмотрена конфискация дохода, полученного в результате противоправной деятельности;

в санкции статьи (части статьи, когда статья состоит из нескольких частей) Особенной части КоАП предусмотрена обязательная конфискация.

В перечисленных позициях как основаниях освобождения от административной ответственности можно выделить ряд признаков: общественная опасность, размер имущественного вреда, стоимость предмета, сумма сделки и дохода, наличие обязательной конфискации. Однако не все они могут правильно и единообразно применяться. Анализ судебной практики показывает, что в законодательстве отсутствуют четкие правила и методики определения судом стоимости предмета административного правонарушения, и на практике судами используются разные подходы.

Пленумом Верховного Суда в ч. 3, 4 п. 11 Постановления от 25 сентября 2014 г. разъясняется, что при определении размера подлежащей взысканию денежной суммы судом могут учитываться, в частности, первичные учетные документы, договоры, а также рыночная цена, сложившаяся на аналогичные товары с учетом конъюнктуры рынка и действующая на момент проведения оценки. В случае невозможности установить стоимость предмета административного правонарушения, орудий и средств совершения административного правонарушения в указанном порядке она определяется на основании заключения эксперта [6, с. 18].

Также оценочно и неоднозначно понятие «угроза причинения вреда жизни или здоровью людей», которое не всегда может быть верно понято и единообразно применено на практике.

Исследовав правоприменительную практику, В.В. Марчук отмечает: «Правовая реальность показывает, что многие лица, уполномоченные применять уголовный закон, не обладают достаточными профессиональными знаниями и соответствующим уровнем правосознания и понимания, которые позволили бы выполнять, в частности, задачи по толкованию оценочных признаков в процессе квалификации преступления» [7, с. 235]. Представляется довольно сложным правильно оценить данный признак, так как по определению административное правонарушение не должно обладать признаком опасности, характеризующим преступление. В связи с этим словосочетание «создана угроза причинения вреда жизни или здоровью людей» целесообразно исключить из п. 1 ч. 1 ст. 4.8 КоАП.

Кроме того, повторное совершение административного правонарушения должно влечь более строгую ответственность. Правовое значение повторности заключается в том, что она по смыслу административно-деликтного закона свидетельствует о более высокой опасности противоправной деятельности субъекта правонарушения, его неоднократном антиобщественном поведении и не достижении задач наложения взыскания, а также выступает обстоятельством отягчающим ответственность. О последнем содержатся прямые указания в ряде статей Особенной части КоАП либо в перечне обстоятельств, отягчающих административную ответственность, закрепленных в ст. 7.3 КоАП.

По этой причине видится необходимым дополнить перечень условий, при наличии которых юридическое лицо несет административную ответственность, закрепленных в п. 1–6 ч. 1 ст. 4.8 КоАП, п. 7 следующего содержания: «в случае повторного совершения административного правонарушения». Данное условие позволит предупредить повторное совершение административных правонарушений субъектами хозяйствования.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

Проблема административной ответственности юридических лиц не утратила своей актуальности и требует более глубокого научного осмысления и концептуального решения в части установления пределов и видов налагаемых взысканий, а также более точного разграничения ответственности субъектов хозяйствования и физических лиц.

Новая редакция ст. 4.8 КоАП будет способствовать либерализации административной ответственности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, а также иных субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность. Однако отдельные условия освобождения от ответственности требуют уточнения.

Редакция административно-деликтной нормы, в которой предлагается исключить ответственность за создание угрозы причинения вреда жизни или здоровью людей и установить ответственность за повторность совершения административного правонарушения, дает возможность более точно разграничить административную ответственности юридических и физических лиц и устранить отдельные пробелы правового регулирования.

Список использованных источников

1. Александров, Д. Административная ответственность за осуществление незаконной предпринимательской деятельности: анализ правоприменительной практики / Д. Александров // Судеб. вестн. Плюс: экономическое правосудие, 2019. – № 2. – С. 20–28.
2. Шиенок, В.П. Административная ответственность юридических лиц / В.П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 68–73.
3. Плетенев, Д.А. Проблемы административной ответственности юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Д.А. Плетенев ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2004. – 189 с.
4. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. – Минск : Акад. МВД, 2013. – Ч. 2. – 454 с.
5. Куксин, И.Н. Развитие уголовной ответственности юридических лиц в условиях формирования гражданского общества / И.Н. Куксин, Э.Ф. Мичулис // Право и общество. – 2017. – № 1. – С. 179–194.
6. Практика применения судами норм Общей части КоАП при рассмотрении дел об административных правонарушениях (по материалам обзора) // Судовы веснік, 2014. – № 4. – С. 11–22.
7. Марчук, В.В. Теория квалификации преступления / В.В. Марчук. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 339 с.

Дата поступления в редакцию: 23.07.19

D.P. Semeniuk, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Administrative Activities of the Bodies of Internal Affairs of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE BASIS OF THE LIMITATION OF THE ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF LEGAL ENTITIES AND THEIR OFFICERS

The bases of modern administrative responsibility of legal entities, historical stages of its establishment are considered. In the light of the liberalization of legislation, the issues of qualification and delineation of the responsibility of legal entities and their officials are examined. It is proposed to amend and supplement the administrative-tort norm, which establishes the administrative responsibility of legal entities.

Keywords: administrative responsibility, administrative liability of legal entities, criminal liability of legal entities, liberalization of legislation.

КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985

Н.Н. Беломытцев, адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: belomitcev64@gmail.com)

СПЕЦИФИКА СЛЕДОВОЙ КАРТИНЫ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ХИЩЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Предлагается общая характеристика механизма образования электронно-цифровых следов и их разнообразности. Кратко описываются носители электронно-цифровой информации и предлагаются рекомендации по их использованию при расследовании уголовного дела. Перечисляются основные действия, осуществляемые с электронно-цифровой информацией в ходе следствия. На примере рассматриваются образуемые электронно-цифровые следы при совершении хищения. Описываются поэтапно преступные решения злоумышленников и используемые ими программные продукты. Обозначается взаимосвязь между электронно-цифровыми следами, способом совершения преступления и лицами, причастными к его совершению. Предлагается авторское определение электронно-цифрового следа.

Ключевые слова: электронно-цифровой след, механизм следообразования, носитель электронно-цифровой информации.

Для науки криминалистики знания о следах любого преступного деяния выступают системообразующим обстоятельством, вокруг которого и в связи с которым формируется ее понятийный язык, ее общая и частные теории, иные подсистемы и элементы криминалистического знания.

Логично предположить, что, во-первых, дальнейшие исследования следообразования, развитие изобретений и открытие новых способов сбора следов позволят устанавливать следы, пока недоступные следователю и специалисту, во-вторых, очевидно, что по мере улучшения методики и техники изучения следов уменьшается количество тех, которые ранее считались непригодными для каких-либо выводов [1, с. 10–11].

Исходя из общетеоретической позиции отражения, подготовка, совершение и сокрытие всяких преступных деяний, в том числе хищения путем использования компьютерной техники как конкретного события, происходящего в материальном мире, закономерно вызывают изменения в окружающей среде. Отражением преступных действий являются следы. Свойство отражения, присущее всем видам и формам материи, заключается в том, что каждый объект материального мира в процессе взаимодействия с окружающей средой подвергается воздействию внешних факторов, а следы такого воздействия сохраняются на объекте определенное время [2, с. 81].

Итак, механизм следообразования понимается как процесс взаимодействия двух и более объектов, конечная фаза которого представляет собой образование следа. Для всех способов хищений путем использования компьютерной техники такой механизм или его отдельные элементы (операции) будут общими. Основу механизма образования электронно-цифровых следов образуют электромагнитные взаимодействия также двух и более материальных объектов – объективных форм существования (представления) электронно-цифровых данных.

Взаимодействие объективных форм существования электронно-цифровой информации между собой (воздействие одного объекта следообразования на другой), как правило, устанавливается по наблюдаемому различию между тремя основными состояниями. К ним относятся содержание, формат и иные свойства, алгоритм функционирования программы, автоматически

создаваемые программой либо операционной системой скрытно от пользователей сервисные файлы, которые используются для фиксации хода обработки компьютерной информации и ее восстановления на случай какого-либо сбоя в работе программно-технического устройства или его программного обеспечения.

Фиксируемые изменения названных состояний и будут воспринимаемыми человеком следами-отображениями, характеризующими результат взаимодействия следующих объектов: электромагнитного сигнала, файла, компьютерной программы, базы данных, электронного сообщения, электронного документа, электронной страницы или сайта в компьютерной сети.

В свою очередь, следами-предметами (частями предметов) и в то же время типичными материальными носителями электронно-цифровых следов выступают электронно-цифровые (машинные) носители данных, интегральные микросхемы, микроконтроллеры, банковские платежные карточки и иные комбинированные документы, компьютеры, в том числе мобильные устройства и всевозможные гаджеты. Кроме того, в указанных технических устройствах содержится электронно-цифровая информация, связанная с событием преступления; их отдельные электронные модули при работе излучают в находящееся вокруг пространство дополнительную криминалистически значимую компьютерную информацию, которая может быть дистанционно обнаружена, зафиксирована посредством специальных программно-технических устройств (радиоэлектронные, специальные технические средства и др.). В последующем данная информация с помощью специализированных программ и устройств может быть расшифрована (раскодирована), представлена в читаемом виде для использования в процессе расследования уголовного дела [3, с. 32].

При расследовании хищений путем использования компьютерной техники проведение некоторых следственных действий включает обнаружение, фиксацию, изъятие, изучение, а также приобщение к материалам уголовного дела электронно-цифровой информации. Она изымается вместе с ее цифровым носителем либо копируется на иной цифровой носитель данных, когда невозможно или нецелесообразно изымать программно-техническое средство или сам носитель. При обнаружении, фиксации и изъятии электронно-цифровых следов у следователя либо специалиста обычно всегда есть возможность делать это выборочно из всего массива имеющихся данных. В обязательном порядке, как и при сборе любых материальных следов, не только запечатлевается сама доказательственная электронно-цифровая информация, но и фиксируется информация о путях и способах ее получения в соответствующем протоколе следственного действия как необходимое условие ее допустимости по расследуемому уголовному делу.

На практике для неоднократного использования электронно-цифровой информации в процессе расследования уголовного дела (для экспертных исследований, предъявления ее в ходе допроса и (или) судебного разбирательства и т. д.) последняя в обязательном порядке копируется и (или) сохраняется (хранится) на изъятom цифровом носителе.

К электронно-цифровым следам, образуемым при хищении путем использования компьютерной техники, в первую очередь необходимо отнести изменения исходной информации на электронно-цифровых носителях, например, следы модификации информации (текстовые файлы, базы данных, программный код и т. д.). В ходе исследования указанных носителей можно установить следы уничтожения или блокирования – размагничивание носителей, стирание или добавление отдельных файлов. Кроме того, при исследовании программно-технических устройств могут быть обнаружены следы удаленного доступа к информации с использованием глобальных или локальных компьютерных сетей. Возникновение следов обусловлено тем, что программное обеспечение устройства, имеющего доступ к той или иной сети, обычно запрашивает у иного программно-технического устройства, пытающегося с ним соединиться, некоторую техническую информацию о нем. Как правило, это IP-адрес, а при наличии системы защиты – тип и язык операционной системы, часовой пояс, название устройства, MAC-адрес, качественные характеристики дисплея и ряд других параметров программно-технического устройства, которое осуществляло доступ.

При тех или иных действиях с программно-техническими средствами, используемыми для обработки информации, кроме желаемого результата, независимо от воли пользователя, в опре-

деленных случаях автоматически формируется и иная (вспомогательная, сервисная, идентификационная и т. д.) информация. Она также имеет определенное доказательственное значение для расследования хищений путем использования компьютерной техники. Например, по реквизитам файла электронного сообщения, отправленного лицом, причастным к совершению хищения, на электронную почту потерпевшего (либо сотрудника организации, учреждения), в определенных случаях возможно установить электронный адрес почты, используемой преступником, идентификатор его программно-технического устройства (IP-адрес), MAC-адрес, производителя и модель устройства, абонентский номер этого устройства в компьютерной сети оператора связи, физический адрес нахождения устройства, с которого было отправлено сообщение, возможные следы подготовки на данном устройстве, время отправки, что может указывать на дату и время начала совершения преступления и т. д.

Показательными в этом плане являются уголовные дела в отношении группы лиц (участники международной организованной преступной группы Cobalt), совершивших хищение путем использования компьютерной техники из банкоматов белорусского ЗАО «Альфа-Банк». За несколько часов преступных действий преступники завладели 527 тыс. долларов США, 67 500 евро и почти 109 тыс. белорусских рублей из 27 банкоматов, расположенных в Минске, Могилеве и Витебске. Анализ деятельности участников преступной группы позволяет выделить ряд особенностей механизма слеодообразования в процессе совершения данного преступления. Изучение материалов указанных уголовных дел показало, что наиболее полно проявились закономерности образования электронно-цифровых следов [4].

Так, например, на стадии подготовки к рассматриваемому преступлению осуществлялось создание необходимых программ и подбор уже имеющихся программных продуктов. Способом проникновения в банковскую сеть послужила отправка фишингового письма с вложением, которое содержало эксплоит (программа, фрагмент программного кода или последовательность команд, которые используют уязвимости в программном обеспечении) или исполняемый файл в текстовом файле с паролем. Таким образом, на программно-технических устройствах, используемых преступниками, оставались данные программы, а также необходимый программный комплекс для создания эксплоитов и исполняемых файлов. При исследовании этих объектов внимание уделялось их версии, настройке и параметрам, которые в ряде случаев автоматически включались в исходный код создаваемой с их помощью программы (в ходе расследования программно-технические средства, на которых осуществлялась подготовка программного обеспечения, установлены и изъяты не были).

На стадии совершения преступления и проникновения в информационную систему осуществлялась отправка писем с двух серверов с установленными IP-адресами, находящимися в Российской Федерации. В компьютере получателя сообщения в log-файлах регистрировалась информация о том, кто инициировал его, когда и в какое время оно пришло, а также сам текст сообщения и файл .doc, с вшитым в него эксплоитом и исполняемыми файлами для непосредственного проникновения в информационную систему банка.

После запуска вредоносного вложения кем-либо из сотрудников (так как оно было сходно с легальным) начинался процесс его закрепления в системе, следами которого становились замененные файлы с именами iusb3mon.exe (Intel(R) USB 3.0 eXtensible Host Controller) и jusched.exe (Sun Java Update Scheduler). В результате такой замены службы, которые должны были автоматически запускать легальные программы, запускали вредоносные приложения. В тот же каталог, где находились замененные легальные исполняемые файлы, копировалась и библиотека с именем crss.dll для загрузки из интернета модуля Veason в оперативную память для осуществления полезной нагрузки для атакующих систему. Использовались также стандартные инструменты удаленного доступа: протокол удаленного управления Microsoft Remote Desktop Protocol либо иные инструменты удаленного доступа (модифицированный установщик TeamViewer). После успешного осуществления атаки и распространения вредоносного программного обеспечения был осуществлен доступ к программно-техническому устройству или серверу, с которого разрешен доступ к банкоматам. На последние загружалось специальное программное обеспечение eXtensions for Financial Services, которое по команде из внутренней сети банка осуществляло

процесс выдачи купюр банкоматом. Сведения и следы о данных программах были установлены в ходе следствия как на компьютерах сотрудников банка, так и на программно-технических средствах и сервере, с которого разрешен доступ к банкоматам.

После совершения преступления было осуществлено сокрытие следов преступления либо их удаление, в том числе на банкоматах, с использованием легальной и бесплатной утилиты SDelete [5]. Часть указанных следов удалось восстановить только при участии узких специалистов в области информационной безопасности.

Таким образом, на программно-технических средствах, подвергнутых атаке, были установлены следующие электронно-цифровые следы преступной деятельности: появление новых файлов (программ и их фрагментов), переименование файлов, изменение содержания файлов, их удаление и повреждение, изменение времени и даты создания файлов, их атрибутов и размеров, отсутствие доступа к информации, содержащейся в файлах (шифрование содержания, системных областей машинного носителя); помимо прочего в системном реестре операционной системы (в данном случае Windows) были указаны программы, которые были прописаны в «автозагрузке» и др. [6].

С учетом проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

электронно-цифровые следы являются носителями информации не только об отражаемом объекте (программа, электронные сообщения и т. д.), но в некоторой степени и о способе подготовки, совершения и сокрытия преступного деяния, а через них – и о лице (лицах), причастном к совершению хищения путем использования компьютерной техники (его подготовленность, уровень профессионализма, преступные возможности и знания);

под электронно-цифровыми следами понимаются релевантные данные, представленные в форме электрических сигналов, образующих криминалистически значимую информацию, которая хранится, обрабатывается и передается с использованием программно-технических средств.

Список используемых источников

1. Шевченко, Б.И. Научные основы современной трасеологии // Осмотр места кражи, совершенной с применением технических средств : сб. науч. тр. / Б.И. Шевченко. – М. : ЛексЭст, 2004. – 104 с.
2. Вехов, В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки / В.Б. Вехов. – Волгоград : Волгогр. Акад. МВД России, 2008. – 404 с.
3. Вехов, В.Б. Способы совершения преступлений в сфере компьютерной информации и типичные следы // Тактические особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации : науч.-практ. пособие изд. 2-е, доп. и испр. / В.Б. Вехов, В.В. Попова, Д.А. Илюшин. – М. : ЛексЭст, 2004. – 160 с.
4. Завершено расследование против мошенника, который участвовал в краже более 600 тысяч долларов у банков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.tut.by/news585838.html> – Дата доступа: 26.03.2019.
5. Cobalt: эволюция и совместные операции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.group-ib.ru/resources/threat-research/cobalt-evolution.html>, – Дата доступа: 26.03.2019.
6. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2018 г. – Уголовное дело № 1-16/2018.

Дата поступления в редакцию: 29.03.19

N.N. Belomytsev, Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE SPECIFICS OF THE TRACE PATTERN IN THE THEFT USING COMPUTER TECHNOLOGY: A PRACTICAL ASPECT

A general characteristic of the mechanism of formation of electronic-digital traces is proposed, some of which are considered as examples by example. Carriers of electronic-digital information are briefly described and recommendations are given for their use in investigating a corner case. The main actions carried out with electronic digital information during the investigation are listed. The example examines the generated electronic-digital traces during the theft. It describes the stepwise criminal decisions of attackers and the software products they use. The relationship between electronic-digital tracks, the method of committing a crime and the persons involved in its commission is indicated. The author's definition of an electronic digital trace is proposed.

Keywords: electronic digital footprint, the mechanism of formation of traces, storage media of digital information.

УДК 351.74

М.А. Вакульчик, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры расследования преступлений Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: ma.vakulchik@gmail.com)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Рассматриваются актуальные вопросы укрепления теоретико-правовой основы взаимодействия правоохранительных органов Беларуси в противодействии преступности. Предлагаются выводы по предварительным результатам научных исследований каждого автора по текущей и перспективной тематике научно-педагогической школы Академии МВД Республики Беларусь в области юриспруденции «Теория и практика противодействия преступности».

Ключевые слова: обеспечение взаимодействия, теоретическое, правовое, правоохранительные органы, Следственный комитет, Государственный комитет судебных экспертиз (ГКСЭ).

Аналитический обзор литературы по рассматриваемой теме свидетельствует, что научные достижения российских, белорусских ученых и начинающих исследователей позволили еще в конце XX в. начать активно развивать теоретические основы взаимодействия правоохранительных органов в предупреждении, выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений [1, 2]. После распада СССР бывшие союзные республики стали суверенными государствами, а научные исследования в области юриспруденции начали развиваться уже в XXI в.

На первом этапе необходимо было осмыслить состояние преступности, спрогнозировать ее развитие, найти эффективные способы и средства противодействия этому негативному социальному явлению, которое на рубеже эпох и тысячелетий начало приобретать угрожающие размеры и нести серьезную общественную опасность.

На базе результатов комплексного научного исследования и научного анализа российских и белорусских ученых в Академии МВД Республики Беларусь по решению Межведомственной комиссии по борьбе с преступностью при Совете безопасности страны проведено специальное исследование преступности, результаты которого рассмотрены на заседании Комиссии и впоследствии опубликованы [3].

К этому времени на профильных кафедрах Академии МВД определились исследователи, проявившие интерес к изменениям в состоянии и характере преступности, мерам, принимаемым со стороны Президента Республики Беларусь, органов власти и управления Беларуси, к деятельности правоохранительных органов.

Представители профессорско-преподавательского состава профильных кафедр, адъюнкты и соискатели составили основу научно-педагогической школы (далее – НПШ) в Академии МВД Республики Беларусь в области права «Теория и практика противодействия преступности».

На первом этапе деятельности НПШ значительное внимание уделялось актуальным вопросам применения в противодействии преступности оперативно-розыскных сил, средств и методов, в чем нуждалась практика деятельности оперативных подразделений. В свою очередь, правовая основа взаимодействия правоохранительных органов с подразделениями Следственного комитета и Государственного комитета судебных экспертиз не соответствовала требованиям времени: в актах законодательства понятие и содержание, формы и методы взаимодействия не были раскрыты.

За ответами следует обратиться к опубликованным источникам.

В Киевской высшей школе МВД СССР исследуемой теме было уделено внимание в монографии «Теория и практика взаимодействия оперативно-розыскных и иных подразделений органов внутренних дел в раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений» [4].

Еще у Т.В. Аверьяновой при рассмотрении вопросов судебной экспертизы лишь несколько фрагментов можно признать первыми подходами к рассмотрению проблемы взаимодействия, и это оправдано, так как в курсе общей теории экспертизы поставлены и решены другие задачи [5, с. 398 – 471].

Современная оперативно-розыскная реальность в Беларуси, практика оперативно-розыскного (сыскного) и экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования умышленных убийств не могли обойти тематику взаимодействия по крайней мере участников следственно-оперативных групп [6, с. 54–57]. Вопросы теоретико-правового и организационного обеспечения взаимодействия оперативно-розыскных и иных подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь в противодействии преступности целенаправленно рассмотрены в 2017 г. [7, с. 39–41].

Сегодня стало очевидным, что с образованием в стране Следственного комитета и Государственного комитета судебных экспертиз вопросы взаимодействия правоохранительных органов в противодействии преступности приобретают особую актуальность, равно как и их нормативное правовое регулирование.

Десять министерств и ведомств суверенной Беларуси договорились между собой и совместно подготовили межведомственный правовой документ – Инструкцию о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства. Также были утверждены: Инструкция об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь при выявлении (раскрытии) преступлений; Инструкция о порядке проведения судебных экспертиз, экспертиз (исследований) в Государственном комитете судебных экспертиз, Инструкция о порядке взаимодействия подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь в выявлении (раскрытии) преступлений.

Интересен опыт Российской Федерации, касающийся «оптимизации правовой основы противодействия преступности [8], а также в целом всей научной и научно-методической литературы об оперативно-розыскной деятельности» [9, с. 211–231].

Взаимодействие специализированных подразделений субъектов оперативно-розыскной деятельности российские ученые рассматривают в двух аспектах.

В широком смысле – это деловой контакт и сложная работа различных ведомств в борьбе с преступностью: совместная деятельность по выработке стратегии этой борьбы (разработка и координация исполнения федеральных программ по предупреждению или пресечению противоправной деятельности, реализация решений Президента, Федерального собрания и Правительства Российской Федерации по борьбе с преступностью, коррупцией и терроризмом; совместные совещания на разных уровнях, направленные на повышение оперативности взаимного информирования, включение сил обоих ведомств в мероприятия по оперативной проверке, разработке и проведению тактических операций; регулярный обмен опытом борьбы с преступностью, ознакомление с опытом спецслужб криминальной полиции как сопредельных, так и иных государств; совместная разработка тактики с учетом масштабов, усложнение структур и системы отношений в среде организованной преступности; использование в борьбе с организованной преступностью и коррупцией возможностей иных государственных органов, негосударственных предприятий; совместное принятие мер и внесение предложений об устранении условий, способствующих организованной преступности, коррупции, терроризму).

В узком смысле – это отношения оперативных работников различных ведомств, возникающие в связи с конкретными оперативными проверками на разных стадиях – от получения и оценки исходной информации до планирования и материального, оперативно-технического и силового обеспечения реализации собранных данных (оперативно-тактическое взаимодействие) [9, с. 211].

С учетом сказанного выше вопросы ведомственного и межведомственного взаимодействия даже субъектов оперативно-розыскной деятельности, не вторгающиеся в сферу организации и тактики ОРД, расстановку сил и средств, вполне смогут регулироваться нормативными правовыми актами открытого характера, а тем более законами.

Для исследователей в области юриспруденции, предлагающих по результатам научных исследований концептуальные положения, существенным подспорьем и верным ориентиром стал Закон Республики Беларусь 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», обновленная версия которого вступила в силу 1 марта 2019 г.

В п. 1 ст. 1 указанного Закона отмечается, что настоящий Закон определяет систему и виды нормативных правовых актов, принимаемых (издаваемых) нормотворческими органами (должностными лицами), устанавливает порядок их подготовки, проведения экспертиз, принятия (издания), опубликования (обнародования), вступления в силу, действия, толкования и систематизации, кроме случаев, предусмотренных п. 2 настоящей статьи.

Настоящий Закон не рассматривает ни акты Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь, ни нормативные (индивидуальные) правовые акты, локальные правовые акты нормотворческих органов (должностных лиц) (далее, если не определено иное, – локальные акты), международные договоры Республики Беларусь и иные международно-правовые акты, если иное не предусмотрено настоящим законом, а также ни технические нормативные правовые акты в области технического нормирования и стандартизации в части, урегулированной законодательством о техническом нормировании и стандартизации».

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что вопросы межведомственного взаимодействия правоохранительных органов в противодействии преступности не относятся к государственной тайне и служебным секретам, могут и должны регулироваться законодательством, система которого содержится в ст. 4.

Разрабатываются предложения о внесении дополнения в Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 53-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» главой «Взаимодействие правоохранительных органов в профилактике правонарушений и предупреждении преступности».

Список использованных источников

2. Гапанович, Н.Н. Основы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений : учеб. пособие для вузов / Н.Н. Гапанович, И.И. Мартинович. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 104 с.
3. Басецкий, И.И. Преступность: опыт координации противодействия : монография / И.И. Басецкий, И.В. Капелько, Ю.Л. Сиваков. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2001. – 827 с.
4. Ахременко, А.Ф. Теория и практика взаимодействия оперативно-розыскных и иных подразделений органов внутренних дел в раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений : монография / А.Ф. Ахраменко, И.И. Басецкий. – Киев : КВШ МВД СССР, 1980. – 117 с.
5. Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории : монография / Т.В. Аверьянова. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2012. – 480 с.
6. Басецкий, И.И. Оперативно-розыскная деятельность: практика, законодательство, теория / И.И. Басецкий // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 260–262.
7. Басецкий, И.И. Парадигма научного творчества коллективов кафедры оперативно-розыскной деятельности, научно-педагогической школы в области юриспруденции «Теория и практика противодействия преступности с применением оперативно-розыскных сил, средств и методов / И.И. Басецкий, А.Н. Тукало // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 2 – С. 68–71.
8. Оптимизация правовой основы противодействия преступности : сб. науч. тр. / к 25-летию Конституции Российской Федерации : в 2 ч. – Ч. 1 / под ред. Л.Б. Лобановой, С.М. Мкртчян ; редкол. Л.Б. Лобанова (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград : Волгогр. ГУ, 2018. – 336 с.
9. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 794 с.

Дата поступления в редакцию: 28.10.19

M.A. Vakulchik, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Crime Investigation of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THEORETICAL AND LEGAL SUPPORT OF THE INTERACTION OF LAW-ENFORCEMENT AGENCIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN COMBATING CRIME

Actual issues of strengthening the theoretical and legal framework for the interaction of law enforcement agencies of Belarus in combating crime are considered. The conclusions on the preliminary results of scientific research of each author on the current and perspective topics of the scientific and pedagogical school of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus in the field of jurisprudence "Theory and practice of counteracting crime" are proposed.

Keywords: ensuring interaction: theoretical, legal, law enforcement agencies, Investigative Committee, State Committee of Forensic Examination.

УДК 343.985

А.В. Изотов, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ГРАБЕЖАМ И РАЗБОЯМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Раскрывается гносеологический аспект противодействия грабёжам и разбоям в современных условиях. Анализируются формы и методы процесса оперативно-розыскного познания, обнаружения информации, их логического осмысления и обеспечения возможности использования для раскрытия преступлений. Рассматриваются наиболее перспективные направления исследования познавательной природы оперативно-розыскного противодействия на основе достижений информационных технологий и новых возможностей получения оперативно-розыскной информации.

Ключевые слова: оперативно-розыскное противодействие, системный метод, ситуативный подход, познание, гносеологическая природа ОРД, оперативно-розыскная информация, цифровое пространство.

Реализация качеств различных сторон социальных субъектов предопределена тем, что человек не может существовать вне общества, которое является необходимой формой его социального бытия.

Общественные отношения и социальная деятельность взаимодействуют, обуславливают обоюдное возникновение и развитие. С одной стороны, такие отношения возникают как результат поведения людей. С другой – они сами определенным образом влияют на поведение субъектов, предопределяют, а нередко провоцируют его на поступки того или иного рода. Если остановиться на моменте взаимосвязи «преступление – противодействие», то преступление выступает как побочное явление цивилизации. Чтобы объяснить его причины, необходимо иметь представление об особенностях поведения человека, а также о силах и средствах, противодействующих преступлениям и тем самым обеспечивающих порядок в обществе.

Преступность социальна прежде всего потому, что она образуется из специфических актов именно социального поведения людей – конкретных общественно опасных действий. Эти акты поведения представляют собой нарушение социально-нравственных и вместе с тем юридических норм, установленных государством, исходя из социально-экономических, политических, нравственных и иных потребностей и интересов общества [1, с. 53].

Преступность исторична, так как она появилась в определенный период существования общества. Оперативно-розыскная деятельность возникла в целях противодействия ей как объективная социальная необходимость. Например, некоторые сведения о совершаемых грабёжах и разбойных нападениях в XV в. приводит С.М. Соловьев: в Тверской земле убиты и ограблены псковские гонцы, ехавшие в Москву; Новгородские боярские ключники ограбили Псковскую волость Гостятино; сборщик архиепископской дани, полагая, что у святителя Антония Сийского «большие богатства», навел на его монастырь разбойников [2, с. 601–602]. В начале XVI в. на дороге между Москвой и Переславлем происходили сплошные разбои, которые начал какой-то Симон Воронов [2, с. 335]. В это же время преступление стало рассматриваться прежде всего как деяние, нарушающее интересы общества и правопорядок, установленный государством. По этой причине роль государства в расследовании и раскрытии преступлений существенно возросла. Еще в XV в. постепенно начинает складываться процессуальная форма расследования преступлений, получившая название «розыск» или «сыск», а в XVI и XVII вв. она уже становится ведущей, а все расследования осуществляются «государевыми людьми». Так, в раскрытии преступлений приветствовались и негласные методы. В частности, по царскому указу от 2 сентября 1695 г. воеводам в городах предписывалось «про воров и разбойников проведать тайно всякими мерами» [3, с. 35]. Таким образом, можно отметить, что специфический, замаскированный, тайный или очевидный характер преступной деятельности сформировал социальную потребность в контрпреступной деятельности – оперативно-розыскной.

В настоящее время, когда оперативно-розыскная деятельность является эффективным средством противодействия грабёжам и разбоям, возникает необходимость охарактеризовать

ее гносеологическую природу. Познание – обязательный элемент любой человеческой деятельности. От того, как люди познают сферу оперативно-розыскной деятельности в какой степени и форме участвуют в ней, как воспринимают и оценивают окружающие их условия, друг друга и результаты деятельности, зависят характер и способы оперативно-значимых задач и уровень достижения успеха в их решении.

Социальная потребность в противодействии преступлениям играет решающую роль в необходимости возникновения и развития теории и практики познания преступной деятельности. Познание в сфере оперативно-розыскной деятельности в целях противодействия грабежам и разбоям требует выделения определенных закономерностей формирования, развития объектов оперативно-розыскной деятельности и приемов воздействия на такие объекты. По нашему мнению, для решения данной проблемы эффективен системный подход, который является не набором руководящих принципов, а особым способом мышления [4, с. 66].

Благодаря системному подходу (в частности, системному методу) – универсальному инструменту всякой познавательной деятельности – любое явление может быть рассмотрено как система, однако при этом следует учитывать, что не каждый объект научного анализа в этом нуждается. Такой подход представляется незаменимым в познании и конструировании сложных динамических целостностей. Следуя его положениям, значение должно придаваться именно выявлению вероятностного характера поведения анализируемых объектов. Важной особенностью использования рассматриваемого метода является то, что сложную систему представляет не только изучаемая криминальная деятельность, но и сам процесс ее познания [5, с. 118]. Касательно тактики оперативно-розыскной деятельности следует отметить, что в ней при системном подходе одним из важнейших элементов выступает мышление. Оперативно-розыскная тактика – категория ОРД, отражающая мышление оперативника, нацеленное на оценку ситуации (криминального события или угрозы его наступления) сил, качеств и поведения противоположной стороны, своих возможностей и предопределяющее образ действия, линию поведения, избираемые им для достижения целей предупреждения, раскрытия преступлений и розыска преступников [6, с. 709].

Система – некая общность, состоящая из взаимозависимых элементов, каждый из которых вносит определенный вклад в характеристику целого [5, с. 66]. Изучаемое явление – оперативно-розыскное противодействие грабежам и разбоям в современных условиях – тоже является системой, которая содержит в себе множество элементов, связанных между собой, образующих определенную целостность, единство. О системности в оперативно-розыскной деятельности говорят и некоторые ученые. Так, исследователи отмечают, что оперативно-розыскной процесс имеет свою систему, как и иные виды процессуальной деятельности, включающие в себя соответствующие этапы (стадии) [7, с. 28]. В.С. Гайдельцов, например, рассматривает оперативно-розыскную деятельность как систему, представляющую собой совокупность взаимообусловленных основных элементов (цели, задачи, средства, субъекты, объекты и результат), выражающих ее сущность [8, с. 18].

Сама по себе теория систем не указывает, какие элементы системы наиболее важны. Она лишь говорит, что система противодействия грабежам и разбоям состоит из множества взаимозависимых подсистем и является системой, взаимодействующей с внешней средой. Эта теория не выявляет конкретно переменные среды и степень их влияния на эффективность противодействия и результат раскрытия данных преступлений. Это задача ситуативного подхода, являющегося логическим расширением гносеологического аспекта противодействия грабежам и разбоям. Фокусной точкой такого подхода является ситуация, т. е. конкретный набор обстоятельств, наиболее влияющих на оперативную обстановку в определенный момент времени. Таким образом, ситуативный подход подчеркивает значимость «ситуативного мышления». Его использование позволяет оперативному сотруднику лучше понять, какие методы будут наиболее эффективно способствовать достижению целей противодействия грабежам и разбоям в каждой конкретной ситуации.

Познание ситуации в сфере оперативно-розыскной деятельности с целью противодействия грабежам и разбоям, как и в других сферах человеческой деятельности, начинается с двух типов познавательных процедур, связанных с функционированием различных аспектов челове-

ского сознания: чувственного и рационального. Чувственное познание (или живое созерцание [9, с. 162]) – непосредственное отображение внешних сторон и свойств объектов с помощью органов чувств. Чувственное познание в ОРД, как и в других видах познавательной деятельности выражается в ощущении восприятия и представлении. Они формируются в сознании оперативника, когда он пребывает в процессе (например, при наблюдении непосредственно своими органами чувств воспринимаются имеющие значение для ОРД обстоятельства и факты, а затем на основе полученных чувственных данных сначала в сознании создаются образы этих обстоятельств и фактов, а потом фиксируются сведения о них в соответствующем оперативно-служебном документе) [6, с. 95].

В практике противодействия грабежам и разбоям формы отражения познания, развиваясь и совершенствуясь, все-таки не могут в полной мере удовлетворять субъектов ОРД из-за имеющих объективных границ каждой формы познания. Для расширения границ форм отражения действительности в сфере ОРД должны применяться оперативно-технические, информационные и коммуникативные современные возможности.

Познание объекта ОРД в целях осуществления эффективного противодействия грабежам и разбоям имеет свои особенности и происходит в условиях, характеризующихся динамичностью и противоборством объекта познания, неопределенностью ситуации, временным характером (сроками познания), многофункциональным характером деятельности познающего, альтернативностью принимаемых решений, опосредованностью познания объекта, повышенной опасностью и ответственностью, конспиративностью, практической неограниченностью информационного поля познания объекта, повышенной эмоциональной напряженностью, несоответствием сил и средств субъектов масштабам познавательного объекта, трудностями соотнесения познаваемых явлениям категориям ОРД. Перечисленные особенности отражаются на процессе познания, в том числе на своеобразии методов познания.

Так, С.И. Захарцев в структуру методов познания ОРД включает диалектический метод познания и общенаучные методы исследования [7, с. 71]. В этой связи считаем, что если в теории ОРД вышеприведенные методы и приемы познания могут использоваться в качестве самостоятельных, то в практической деятельности оперативных подразделений, оказывающих противодействие грабежам и разбоям, в качестве самостоятельных они применяются реже. Особенности объекта познания в нашем случае заставляют формировать комплекс методов и приемов, объединенных определенной организационной формой. Например, оперативный опрос, наблюдение, оперативный осмотр, а также оперативный поиск, личный сыск, агентурный метод включают в себя элементы опроса, наблюдения, индукции, дедукции, анализа, синтеза и других общелогических методов. Исторически сложилось, что в процессе познания в теории и практике ОРД используются частнонаучные методы социологии, педагогики и других отраслей научного знания. В настоящее время обусловлена необходимость их использования именно в сфере информационных технологий, коммуникаций, систем безопасности. С.И. Захарцев считает, что помимо логических и эмпирических методологических принципов построения теории можно выделить и некоторые другие (например, принцип схематизации – установление наиболее общих и существенных элементов теории; принцип использования знаний и достижений других наук и их прикладного характера). Так, изобретение в XX в. беспроводной мобильной телефонной связи вызвало необходимость разработки новых специальных технических средств для контроля переговоров, что в скором времени было успешно реализовано [8, с. 41–42]. Таким образом, необходимо признать, что информационные процессы и взаимодействия уже составляют основу огромного многообразия современных явлений материального мира, интеллектуальной сферы общества. Признание этого обстоятельства стало достижением научной мысли последних десятилетий.

Противодействие грабежам и разбоям посредством ОРД основывается на осознанной актуализированной познавательной потребности. Под ее влиянием выбирается конкретный объект познания, выступающий в том характерном качестве, которое было закреплено совершенным деянием. Это качество остается неизменным, пока объект познания не включается в новые связи, что в свою очередь формирует новые качества.

Значимое методологическое значение данного положения в ОРД заключается в том, что при изучении объекта познания его необходимо непрерывно включать в новые связи, тщательно

анализируя при этом появляющиеся новые качества объекта и их закономерности. Считаем, что данное включение в связи должно основываться в первую очередь на информационных процессах и взаимодействиях, которые составляют основу огромного многообразия современных явлений материального мира. Насыщение окружающей действительности компьютерными системами и телекоммуникационными сетями открывает новые возможности для познания объекта. Так, Е.П. Ищенко считает, что наряду с традиционно хорошо изученными следами рук, обуви, транспортных средств, орудий взлома и др. становятся все более распространенными и востребованными в доказывании по уголовным делам звуковые и образные следы. Первые связаны с постоянно расширяющимся использованием голосовых коммуникационных средств, главным образом аппаратов мобильной связи. Вторые получают все большее распространение в связи с повсеместным использованием видеорегистраторов и иных телевизионных систем наблюдения. Видеозаписи, производимые такими устройствами, все чаще запечатлевают моменты совершения самых различных преступлений и сокрытия следов содеянного и потому имеют важное доказательственное значение, которое трудно переоценить ввиду их наглядности [11, с. 16–17].

Гносеология исходит из того, что субъект и объект познания существуют объективно, независимо друг от друга. Независимое существование объекта и субъекта познания в сфере оперативно-розыскной деятельности не изолирует их, а предполагает диалектическое единство между ними. Таковы особенности специфики взаимоотношений субъекта и объекта познания в оперативно-розыскной деятельности. Объектом познания являются причины, условия, характер и результаты деятельности людей, имеющие отношение к противоправным фактам. Ассоциальная направленность объекта познания формирует его активность в маскировке противоправных действий и противодействию познанию их субъектом оперативно-розыскной деятельности. В познании объекта ОРД существует объективно заданный алгоритм познавательных действий, на их осуществление в условиях дефицита времени не допускает реализации необходимо положенного комплекса познавательных действий по изучению объекта. Требование гносеологии о полноте и объективности познания в сфере ОРД достигается при целенаправленном, планомерном и комплексном подходе к познанию. Активный характер контрдействий объекта познания, навязывание фактов, переориентирование субъекта на второстепенные обстоятельства, устранение сведений о событии либо чрезмерное перенасыщение информацией затрудняет непосредственное познание. В известной степени познание объекта оперативно-розыскной деятельности осуществляется опосредовано, что заключается в предварительном изучении мнения лиц, имеющих самое разное отношение к объекту, проведением познавательных действий по следам, оставленным на месте происшествия. Опосредованность познания несет опасность отражения многоаспектности элементов объекта и противоречивость оценок действий объекта. Относительная внезапность возникновения объекта познания, которая базируется на трудностях прогнозирования, отражается на развертывании сил и средств познания и мобилизации готовности субъектов к немедленным действиям. В связи с этим считаем, что первоочередные познавательные действия субъекта должны быть направлены на установление образных и цифровых следов. Следует согласиться с мнением ученых о том, что одним из наиболее перспективных направлений приложения усилий криминалистов становится изучение и использование в следственной деятельности цифровых (виртуальных) следов, оставляемых в различных информационных носителях средствами мобильной связи, кредитными, дисконтными картами, проездными документами, снабженными магнитным кодом, персональными компьютерами, подключенными к интернету, электронными товарными бирками, а также специальными чипами и другими подобными устройствами, ассортимент которых стремительно расширяется. Выявление, фиксация, расшифровка таких следов, ставших в последние годы массовым явлением, будет способствовать раскрытию и расследованию преступлений [11, с. 17–18].

Следующей особенностью познания в ОРД является взаимоисключение одновременного существования субъекта и объекта познания, которые взаимно отрицают, противостоят друг другу. Взаимное исключение субъекта и объекта ОРД, их активное противостояние не позволяют субъекту непосредственно наблюдать механизм формирования объекта и изучать его в совокупности связей и отношений.

Многообразие причин и условий, формирующих объект познания, не только не поддается в настоящее время классификации, но и крайне затрудняет точное определение всех связей и зависимостей формирования объекта познания. По мере познания объекта ОРД наблюдается количественное и качественное изменение познания субъекта и объекта. Следующая особенность познания объекта ОРД – выход за пределы непосредственной информации, методология которого еще не разработана. Не определены семантика и границы фактов, которые должны представлять оперативный интерес, и соответствующие им образы явлений и предметов, характеризующие формы существования объекта познания. В практике познания объекта ОРД довольно часто имеет место реальная возможность выхода за пределы непосредственной информации, способствующей познанию объекта. Такую возможность представляют объективные факты, результаты деятельности данного объекта. Эти же факты, непосредственная информация позволяют выявить, оценить и идентифицировать познаваемое явление с объектом ОРД. Например, появление новых вещей или исчезновение их у лиц, представляющих оперативный интерес, не типичных для направленности личности предметов, новые социальные связи, изменение психических состояний, исчезновение людей, отсутствие лиц, представляющих оперативный интерес, изменение потребностей и поведения, посещение мест, представляющих оперативный интерес, повреждение одежды, тела и др.

Важную роль в познании объекта ОРД играют образы – субъективные, идеальные образования в сознании субъекта, своеобразный след ранее воспринимавшегося или воображаемого предмета, явления. В зависимости от времени отражения образ может иметь форму представлений (ранее воспринимаемых явлений), восприятий (отражаемых в настоящее) и воображения (возникающее воображение о будущем). Необходимо иметь в виду, что образ явления, предмета характерен тем, что формируется в соответствии с представлениями людей о действительности, с их опытом предметной деятельности. Принимая во внимание, что процесс формирования образа объекта сопутствует процессу познания, можно констатировать, что процесс формирования образа отражает путь от незнания к знанию. Характеризуя гносеологический образ, необходимо помнить о его непосредственной связи с активно-действенным отношением субъекта оперативно-розыскной деятельности к объекту. Формирование субъективных образов объективного мира в сфере противодействия грабежам и разбоям не может происходить вне конкретной личности. Процессы познания, формирования субъективных образов внешних предметов и явлений, поведения личности детерминированы. Чем выше организация личности оперативного сотрудника, опыт, умение и профессиональные навыки, тем адекватнее и полнее отраженные образы объективной действительности. Адекватность и полнота образов предостерегают оперативного сотрудника от возможных ошибок, продвигают его вперед на пути установления объективной истины в раскрытии грабежей и разбоев. К.К. Платонов, например, утверждает, что субъективные образы объективного мира являются формой психического отражения в виде ощущений, восприятий, памяти, мышления, эмоций, чувств, воли [12, с. 92].

В заключение можно констатировать, что в основе познания механизма развития преступного события заложена теория отражения. Процесс познания в оперативно-розыском противодействии грабежам и разбоям включает все его формы: чувственную, рациональную, интуитивную. Оперативно-розыскное познание проходит этапы от конкретного созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. В ходе него используются общеизвестные научные методы и специальные (применяемые только в ОРД). В современных условиях особого внимания заслуживают этапы познания, обоснование закономерностей обнаружения оперативно-розыскной информации в цифровом пространстве, ее логического осмысления и тщательной проверки, а также обеспечения возможности использования в целях противодействия грабежам и разбоям в современных условиях.

Таким образом, наиболее перспективными направлениями исследования познавательной природы оперативно-розыского противодействия грабежам и разбоям являются: взаимоотношение субъекта и объекта познания на различных этапах антиобщественной деятельности; закономерности активности и противоборства объекта познания; совершенствование процесса познания на основе достижений информационных технологий.

Список использованных источников

1. Дубин, Н.П. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / Н.П. Дубин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. – М. : Политиздат, 1982. – 304 с.
2. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен : собр. соч. в 18 т. / С.М. Соловьев. – М. : Директ-Медиа, 1988–1996. – Т. IV. – Кн. II. – 890 с.
3. Борисов, А. Три века Российской полиции / А. Борисов, А. Малыгин, Р. Мулукаев. – М. : РИПОЛ классик, 2016. – 608 с.
4. Басецкий, И.И. Организованная преступность : монография / И.И. Басецкий, Н.А. Легенченко. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Акад. МВД, 2002. – 551 с.
5. Мескон, М.Х. Основы менеджмента / М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – 3-е изд. ; пер. с англ. – М. : И.Д. Вильямс, 2013. – 672 с.
6. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 832 с.
7. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. В.Б. Рушайло. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Лань, 2000. – 720 с.
8. Гайдельцов, В.С. Оперативно-розыскное право: проблемы формирования новой отрасли законодательства Республики Беларусь / В.С. Гайдельцов. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 83 с.
9. Лойко, Л.Е. Философия : учеб. пособие / Л.Е. Лойко. – Минск : Акад. МВД, 2004. – 216 с.
10. Захарцев, С.И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке : монография / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников. – М. : Норма, 2017. – 400 с.
11. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития : коллективная монография / отв. ред. Е.П. Ищенко. – М. : Проспект, 2019. – 208 с.
12. Платонов, К.К. Система психологии и теория отражения / К.К. Платонов. – М. : Наука, 1982. – 310 с.

Дата поступления в редакцию: 19.09.19

A.V. Izotov, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

COUNTERACTION TO MUGGINGS AND ROBBERIES IN CURRENT CONDITIONS: EPISTEMOLOGICAL ASPECT

The article reveals modern resources of obtaining relevant search information at the initial stage of disclosing robberies and burglaries. The article considers the most perspective directions of the cognitive nature research of investigative counteraction on the basis of achievements in the IT sphere and new opportunities of obtaining investigative information.

Keywords: robbery, burglary, search activities, investigation activities, operational-relevant information, electronic traces, investigative information, digital expanse.

УДК 343.98

И.В. Пащута, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: pashutaiv@yandex.ru);

А.В. Яскевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь

ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

Рассматриваются различные точки зрения на понятие способа совершения преступления. Раскрывается криминалистическое содержание способов совершения преступлений с применением взрывных устройств, включающее в себя действия по подготовке, совершению и сокрытию противоправного деяния. На основе исследования выделены способы анализируемых преступлений в зависимости от действий, образующих их структуру (полноструктурные и усеченные). Рассмотрены типичные действия преступников по подготовке, совершению и сокрытию указанных противоправных деяний.

Ключевые слова: преступление, расследование, взрывное устройство, способ совершения преступления.

К числу опаснейших противоправных деяний, создающих угрозу национальной безопасности, посягающих на жизнь и здоровье граждан, относятся преступления, совершаемые с применением взрывных устройств (далее – ВУ). И хотя количество регистрируемых фактов совершения таких противоправных деяний незначительно, причиняемый практически каждым криминальным взрывом ущерб огромен. Преступники для достижения желаемого результата используют самые разнообразные способы противоправной деятельности: как традиционные, так и все более изощренные, познание которых имеет особое значение для установления необходимых обстоятельств расследуемого преступления.

Исследованию способов совершения преступлений с применением ВУ посвящено немало публикаций отечественных и зарубежных ученых (В.П. Бахин, А.А. Беляков, В.И. Брусницын, И.А. Варченко, М.В. Галезник, Ю.М. Дильдин, Г.А. Зорин, С.М. Колотушкин, С.В. Литвинова, М.А. Михайлов, И.Д. Моторный, К.Б. Немытов, А.А. Юркевич и др.). Вместе с тем отдельные вопросы, связанные с видоизменением традиционных и появлением новых способов совершения преступлений с применением ВУ, не получили должного внимания и нуждаются в дальнейшем изучении.

В самом общем виде под способом понимается «образ, порядок действия, прием, средство» [1, с. 297]. Способ совершения преступления может рассматриваться в криминологическом, уголовно-правовом, уголовно-процессуальном, криминалистическом и иных значениях. Например, в уголовно-правовом аспекте способ связан с другими элементами объективной стороны преступления и отражает деяние, что позволяет классифицировать составы преступлений, используя его в качестве квалифицирующего основания (общеопасным способом, с особой жестокостью, в составе группы и т. д.). При этом способ, во-первых, выражает собственно преступное событие через деяние, а во-вторых, являясь элементом объективной стороны преступления, наполняет событие специфическим содержанием. В конкретном случае преступному деянию соответствует определенный способ его осуществления, применение которого приводит к наступлению общественно опасных последствий [2, с. 45–47]. Уголовно-процессуальное значение способа совершения преступления заключается в том, что он согласно ст. 89 УПК относится к обязательным обстоятельствам, подлежащим доказыванию, по любому уголовному делу. Кроме того, способ совершения преступления должен указываться в справке о результатах проведенного по делу предварительного расследования (ч. 2 ст. 262 УПК), а также в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора (ч. 1 ст. 360 УПК). Отсутствие информации о способе совершения преступления в постановлении о прекращении предварительного расследования либо уголовного преследования может расцениваться как несоответствующее требованиям уголовно-процессуального закона и, соответственно, повлечь его отмену.

Являясь совокупностью действий, приемов, операций, направленных на достижение преступного результата, способ во многом определяет выбор орудия противоправного деяния, что обуславливает механизм слеодообразования. На основании сведений о способе преступления можно предположить, каковы мотив и цели его совершения, поскольку именно способ осуществления человеческой деятельности является инструментом их практической реализации [3, с. 13]. Познание способа совершения преступления позволяет установить характер и порядок действий преступника, что в свою очередь оказывает влияние на определение направления расследования, выдвижение версий о лице, совершившем преступление, его возможном роде деятельности и местонахождении, поэтому он рассматривается как один из важнейших структурных элементов любой криминалистической характеристики преступлений.

Раскрывая криминалистическое значение способа совершения преступления, Г.Г. Зуйков отмечал, что именно способ содержит в себе качественную характеристику преступления: указывает, какие именно действия произведены, выражает субъективные компоненты личности преступника, формы его вины, показывает мотив и цели совершения преступления, характер орудий и средств, применяемых преступником, влияет на способы сокрытия следов [4, с. 10].

Анализ научных публикаций свидетельствует о том, что существуют различные точки зрения на понятие способа совершения преступления. Так, некоторые авторы считают, что он представляет собой совокупность действий лица только во время совершения преступления [5, с. 71; 6, с. 55]. Однако следует согласиться с мнением большинства ученых, которые рассматривают способ совершения преступления более широко и определяют его как совокупность действий

по подготовке, совершению и сокрытию преступления [7, с. 84; 8, с. 24]. Наиболее удачное, по нашему мнению, определение способа совершения преступления предложено Г.Г. Зуйковым, который под ним понимает «систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущих быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени» [4, с. 31].

Вместе с тем необходимо отметить, что способ совершения не каждого преступления обладает полной структурой, т. е. включает в себя действия по приготовлению, совершению и сокрытию противоправного деяния. Способы совершения преступления в зависимости от действий, образующих их структуру, подразделяются на полноструктурные, (включают действия по подготовке, совершению и сокрытию преступления), усеченные первого типа (включают действия по совершению и сокрытию преступления), усеченные второго типа (включают действия по подготовке и совершению преступления), упрощенные или неквалифицированные (включают действия только по совершению преступления) [9, с. 6].

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что для преступлений, совершаемых с применением ВУ, характерны усеченные способы второго типа (76,3 % от общего количества изученных уголовных дел), в остальных случаях имеют место полноструктурные способы.

Типичные действия преступника по подготовке к совершению преступлений с применением ВУ могут включать в себя: разработку плана предполагаемых действий, наблюдение за выбранной жертвой, установление ее распорядка дня, маршрута передвижения, приобретение промышленного или самодельного ВУ либо самостоятельное его изготовление, рекогносцировку места его установки, определение времени совершения преступления и т. д.

В изученных нами уголовных делах о преступлениях рассматриваемой категории приобретение ВУ осуществлялось в 57,7 % случаев, изготовление самодельного ВУ – 42,3 % случаев. При этом преобладало приобретение ВУ промышленного изготовления, из которых ручные гранаты составили 78,5 %, имитационные средства – 21,5 %. Изготовление самодельного ВУ, как правило, выполнялось самим преступником с использованием предметов массового производства, но не относящихся к конструкциям промышленных ВУ. Самодельное ВУ упрощенной конструкции было изготовлено в 78,3 % эпизодов, сложной конструкции с заданным временем срабатывания либо дистанционного управления – в 21,7 %.

Проведенное исследование позволяет дифференцировать действия преступника по непосредственному совершению преступлений с применением ВУ на основные и факультативные.

Основные действия преступника могут подразделяться на сменяющие друг друга стадии: доставка ВУ на место совершения преступления, его последующая установка и приведение в действие (иницирование).

Результаты изучения приостановленных и архивных уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории свидетельствуют о том, что при совершении преступлений с применением ВУ осуществлялось свободное проникновение на место совершения преступления (73,1 %), проникновение с преодолением преград (26,9 %), непосредственная доставка взрывного устройства на место (92,3 %), путем заброса (7,7 %). При этом преступления совершались в таких общественных местах, как магазины, общественный транспорт, рынки и т. п. (63,2 %), на транспортном средстве либо возле него (28,3 %), при проведении массовых мероприятий ВУ использовалось в 8,5 % случаев.

Установка ВУ представляет собой их расположение или закрепление на месте совершения преступления. При этом орудия преступления могут маскироваться под какой-либо бесхозный предмет (9,4 % от всех изученных случаев): пивную банку (35,3 % от общего числа замаскированных предметов), стеклянную емкость (23,6 %), картонную коробку (17,7 %), пакет из-под сока (11,7 %), иное (11,7 %).

Приведение в действие (иницирование) ВУ осуществлялось непосредственно в 76,3 % случаев, с использованием часового механизма – в 20,3 %, дистанционного управления – в 3,4 %.

Факультативные действия преступника по совершению преступления зависят от вида общественно опасного деяния и могут выражаться, например, в тайном либо открытом завладении имуществом, угрозе применения ВУ для завладения имуществом и др.

Под сокрытием преступления в целом понимаются действия, направленные на уничтожения следов преступления [10, с. 217], которые могут подразделяться на:

сокрытие следов подготовки к преступлению (уничтожение неиспользованных деталей ВУ, чертежей, схем, остатков взрывчатого вещества, используемых инструментов, приборов и др.);

сокрытие преступником своего участия в совершении преступления (создание ложного алиби, уничтожение следов на теле, одежде и др.).

Рассматривая взаимную обусловленность способа совершения преступления с другими элементами криминалистической характеристики, следует обратить внимание на вид и мощность используемых ВУ, что в свою очередь влияет на особенности механизма слепообразования. Преступления с использованием ВУ, как правило, совершает лицо, обладающее специальными познаниями и профессиональными навыками по изготовлению и применению взрывчатых веществ или ВУ. Таким образом, анализ способа совершения преступлений с применением ВУ свидетельствует о наличии взаимосвязи между самим способом, орудием преступления, рядом свойств личности преступника, а также их отображением в следовой картине.

Исходя из изложенного можно сделать вывод о том, что установление способа совершения преступления в ходе расследования является одним из ключевых обстоятельств, позволяющих сделать предположения об орудии противоправного деяния, следах его применения, личности преступника, выдвинуть обоснованные версии и наметить направления расследования уголовного дела.

Список использованных источников

1. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1991. – Т. 4. – 663 с.
2. Корноухов, В.Е. Методика расследования преступлений : теоретические основы / В.Е. Корноухов. – М. : Норма, 2010. – 224 с.
3. Жбанков, В.А. Человек как носитель криминалистически значимой информации / В.А. Жбанков. – М. : АПО, 1993. – 36 с.
4. Зуйков, Г.Г. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений / Г.Г. Зуйков // Криминалистика : в 2 т. / Р.С. Белкин [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина, И.М. Лузгина. – М., 1980. – Т. 2. – С. 265–280.
5. Колесниченко, А.Н. Криминалистическая характеристика преступлений : учеб. пособие / А.Н. Колесниченко, В.Е. Коновалова. – Харьков : Харьк. юрид. ин-т, 1985. – 93 с.
6. Овечкин, В.А. Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками / В.А. Овечкин. – Харьков : Харьк. юрид. ин-т, 1975. – 64 с.
7. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. – М. : Юристъ, 1997. – Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – 480 с.
8. Зуйков, Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Г.Г. Зуйков ; ВШ МВД СССР. – М., 1970. – 31 с.
9. Уткин, М.С. Особенности расследования и предупреждения хищений в потребительской кооперации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.С. Уткин ; Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск, 1975. – 22 с.
10. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике / Р.С. Белкин. – М. : Юрид. лит., 1988. – 304 с.

Дата поступления в редакцию: 05.11.19

I.V. Pashuta, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Criminalistics of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; A.V. Yaskевич, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Security of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

TYPICAL WAYS OF COMMITTING CRIMES INVOLVING EXPLOSIVES

The article discusses different points of view on the concept and content of the method of committing a crime. The forensic content of methods of committing crimes using explosive devices is disclosed, including various actions for the preparation, commission and concealment of an unlawful act. Based on the study, types of methods of crime using explosive devices are identified depending on the actions that form their structure (full-structured and truncated). The typical actions of criminals in the preparation, commission and concealment of crimes using explosive devices are considered.

Keywords: crime, investigation, explosive device, method of committing a crime.

УДК 343.985.8

*С.В. Пилюшин, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: SVnovo79@yandex.by)*

ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Рассматривается возможность осуществления поиска в сети Интернет информации, представляющей оперативный интерес при решении ряда задач по противодействию преступлениям в сфере экономики. Акцентируется внимание на необходимости изучения содержания социальных сетей при помощи специализированных программных продуктов.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, поиск в сети Интернет, Интернет-мониторинг, выявление экономических преступлений, первичная информация.

Постоянно увеличивающиеся потоки информации, передаваемые по коммуникационным каналам связи, позволяют сотрудникам оперативных подразделений рассматривать глобальные информационные сети в качестве особой среды для поиска общедоступной информации, в том числе содержащей признаки противоправной деятельности. Организация таких поисковых действий в интернете, как правило, должна основываться на определенной методике с использованием соответствующих информационных ресурсов и специальных программных средств, способствующих оптимизации временных затрат.

Вместе с тем, как показали результаты проведенного нами анкетирования сотрудников подразделений БЭП, в качестве источника информации, представляющей оперативный интерес, интернет не занимает лидирующих позиций, в поиске и анализе необходимых сведений практически не используются специализированные программные продукты, причем большинство респондентов считают, что обладают достаточными навыками поиска информации в глобальной сети.

Полагаем, что, с одной стороны, значительная часть сотрудников БЭП не только недооценивают значимость специализированного поиска информации об объектах оперативного обслуживания в сети Интернет, но и не владеют необходимыми для этого навыками. С другой – непосредственно руководители территориальных ОВД при организации оперативной работы склонны придерживаться традиционных подходов к получению первичной информации, в основу которых заложены научно-обоснованные идеи 60–70-х гг. прошлого столетия. Однако в настоящий момент в связи с интенсивным развитием цифровых технологий от оперативного сотрудника требуется не только постоянное изучение их возможностей, но и понимание процессов функционирования в специфической среде. Тем не менее приходится констатировать, что в силу ряда субъективных и объективных причин разрешению данной проблемы на местах уделяется недостаточное внимание.

В этой связи видится необходимость в разработке и внедрении в повседневную деятельность сотрудников подразделений БЭП методических рекомендаций по использованию ряда программных продуктов, способствующих выявлению информации, размещенной в сети Интернет и представляющей оперативный интерес.

Обращаясь к истории вопроса специализированного поиска в интернете, необходимо отметить, что еще на рубеже 80–90-х гг. XX в. конкурирующие между собой зарубежные компании стали образовывать самостоятельные исследовательские центры, специализирующиеся на сборе данных в глобальной сети, отражающих коммерческую деятельность различных субъектов хозяйствования. Для этого использовались средства лингвистического, семантического и статистического анализа. На первоначальном этапе поиск информации осуществлялся за счет приобретенных у спецслужб устаревающих технических разработок [1, с. 31].

Уже в тот период данные исследования подталкивали не только к разработке соответствующих информационных технологий, но и к переосмыслению взглядов на использование возможностей интернета в борьбе с преступностью. Однако на постсоветском пространстве определению места и роли в теории ОРД поисковых действий, осуществляемых оперативными со-

трудниками в сети Интернет, в том числе возможности их отнесения к отдельному виду ОРМ, было уделено внимание гораздо позже.

Данное направление поисковой деятельности можно рассматривать как разновидность оперативного поиска. Например, А.Л. Осипенко предлагает использовать термин оперативно-розыскной мониторинг сетевого информационного пространства. Применительно к борьбе с преступностью он определяет его, как комплексную систему наблюдения за состоянием криминальных процессов в сетевой социальной среде, а именно как сбор, обработку и анализ информации о различного рода криминальных явлениях, представляющих интерес, а также оценку и прогноз изменения состояния оперативной обстановки в сетевом информационном пространстве [2, с. 28].

Понимая под термином «мониторинг» регулярное, полное и комплексное наблюдение явлений и первичный их анализ [3], нам видится, что предлагаемая система наблюдения применительно к подразделениям БЭП может выступать составной частью оперативного обслуживания различных сфер экономической деятельности.

Так, А.Ю. Шумилов предлагает рассматривать данную поисковую деятельность как самостоятельное ОРМ «компьютерный поиск», заключающееся в обнаружении информации в компьютерных сетях, включая интернет, ее сбор, анализ, обработку и фиксацию» [4].

Данное предложение нашло свое отражение в Модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», принятом постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 6 декабря 1997 г. № 10-12. В указанном документе «мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем» определен как ОРМ, проводимое в целях «получения сведений, необходимых для решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности, и их фиксации путем наблюдения с применением специальных технических средств за характеристиками электромагнитных и других физических полей, возникающих при обработке информации в информационных системах и базах данных и ее передаче по сетям электрической связи, компьютерным сетям и иным телекоммуникационным системам».

Нам близка научная позиция А.Л. Осипенко, в связи с чем представляется, что поиск первичной информации, содержащейся в сети Интернет, в случаях, не связанных с вторжением в частную жизнь граждан, не следует вообще считать ОРМ, что может повлечь за собой правовые ограничения на его проведение, так как это вопрос достаточно дискуссионный. Большинство пользователей сети, используя возможности социальных сетей, инициативно размещают в интернете сведения о себе и своих близких, месте жительства или пребывания, номерах контактных телефонов, адресах электронной почты и многое другое, и ознакомиться с их содержанием может любое лицо, не являющееся субъектом ОРД. Но следует подчеркнуть, что такого рода «открытость», с одной стороны, способствует развитию коммуникабельности социума, а с другой – проявлению интереса к данным, находящимся в открытом доступе, и не только со стороны оперативных подразделений.

Действующий Закон об ОРД не предусматривает ограничений на порядок проведения поисковых мероприятий в интернете. Вместе с тем сбор сведений о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении (в случаях, не связанных со взломом установленных пользователем логинов, паролей и т. п.) может быть осуществлен путем проведения ОРМ – исследованием предметов и документов. В случае необходимости фиксации обнаруженной в интернете информации для последующего анализа и исследования может быть проведено ОРМ – сбор образцов.

Таким образом, действующее законодательство позволяет в пределах оперативного поиска и проведение вышеуказанных ОРМ, что, по нашему мнению, является достаточным и не требует введения дополнительной правовой нормы, определяющей отдельный вид ОРМ, связанный с поиском в интернете.

Процедура поиска в интернете объектов или сведений об объектах оперативной заинтересованности, как правило, определяется в рамках изучения медиапространства, включающего в себя многочисленные веб-сервисы, позволяющие, во-первых, создавать публичный или анонимный профиль в пределах определенной системы; во-вторых, выстраивать список контактов, с которыми они имеют связь; в-третьих, просматривать социальные связи, созданные другими в рамках системы [5, с. 211].

По мнению ряда исследователей, современные социальные медиа могут быть классифицированы следующим образом: блог (микроблог) – веб-сайт, основное содержание которого составляет регулярно добавляемая текстовая или мультимедийная информация (LiveJournal, Blogger, Twitter, Qaiku и др.); службы обмена данными – сервисы, предоставляющие пользователям услуги хранения, доставки и показа видео, фото, музыки (YouTube, Instagram, MySpace Music, Flickr, Picasa и др.); виртуальные службы знакомств – интернет-сервисы, предоставляющие пользователям интернета услуги по виртуальному общению с другими пользователями, аналог реальных служб знакомств (LovePlanet.ru, Фотострана, Mamba и др.); вики во всех формах – веб-сайты, содержание которых пользователи могут самостоятельно изменять с помощью инструментов, предоставляемых самим сайтом (Wikipedia, PBworks, Wikimedia и др.); сетевые и онлайн-игры – компьютерные игры, использующие постоянное соединение с сетью Интернет (Second Life, World of Warcraft, World of Tanks, War Thunder и др.) [6, с. 17–18; 7, с. 70; 8, с. 229–231].

Для правоохранительных органов также интерес представляют такие медиа, как мессенджеры – веб-ресурсы, предполагающие моментальный, в реальном времени обмен информацией (Viber, WhatsApp, Telegram, VIPole); электронная почта – служба по пересылке сообщений, предоставляющая возможность хранения больших массивов информации, иногда выделяя под контент некоторый объем облачных хранилищ (Gmail, Yandex, Mail.ru и т. д.); социальные сети, предоставляющие возможность организации взаимоотношений между различными субъектами социума («ВКонтакте», Facebook, «Одноклассники» и др.); доски объявлений, позволяющие публиковать объявления самого различного характера, а также искать необходимые товары, услуги и прочее посредством поисковых систем на данных сервисах.

На сегодняшний день практически каждый субъект, осуществляющий финансово-хозяйственную деятельность, имеет свой представительский информационный ресурс в сети Интернет – официальный сайт (веб-сайт). Как правило, на таком сайте размещаются общие сведения, отображающие вид деятельности, режим работы, осуществляемые административные процедуры, состав руководства, структуру субъекта, проводимые закупки и конкурсы, различного рода документы, объявления, отчеты, фото, видео и т. д.

Информацию о физических лицах можно получить посредством изучения сайтов (порталов), которые принято называть социальными сетями, где личные профили являются составными частями (web-страницы). Среди наиболее популярных сайтов, предоставляющих возможность создания личных профилей (страниц), на сегодняшний день можно выделить: vk.com (ВКонтакте); ok.ru (Одноклассники); mail.ru (Мой мир); facebook.com; twitter.com; instagram.com.

Согласно данным, опубликованным Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в 2019 г., около 79 % граждан поддерживает общение в интернете [9]. Лидером по посещаемости на постсоветском пространстве является социальная сеть «ВКонтакте». Ежедневно в Беларуси ее посещает 1,6 млн человек [10; 11, с. 13]. Соответственно, значительная часть информации об объектах оперативного обслуживания может быть получена на страницах пользователей.

Таким образом, интернет, являясь достаточно специфичной средой проявления общественных отношений, с одной стороны, способствует воплощению большинства видов деятельности общества (политическая, финансово-экономическая, коммерческая, образовательная, культурная и т. д.), в связи с чем на основе общих интересов, в том числе и участия в совместной деятельности, в сетях создаются многочисленные группы территориально удаленных субъектов [12, с. 72]. С другой стороны, при таком неограниченном потоке информации довольно сложно выделить информацию, представляющую оперативный интерес, способствующую не только выявлению, раскрытию преступлений, установлению лиц, к ним причастных, но и реализации некоторых специфических задач, например подбор лиц для оказания содействия ОВД при проведении ОРМ.

Вместе с тем среди правонарушений экономической направленности только некоторые могут быть совершены посредством использования сети Интернет. К ним относятся незаконная предпринимательская деятельность, реализация ювелирных изделий из драгоценных камней и металлов, сбыт контрафактной продукции.

Выявить в интернете факт совершения иных преступлений в сфере экономики достаточно сложно. По этой причине необходимо искать следы, содержащие «отголоски» (типичные следы) совершенных преступлений, т. е. когда результат (последствия) совершенного противоправного деяния находит свое отражение в виртуальной среде.

В связи с этим нами подготовлены методические рекомендации по использованию в оперативно-служебной деятельности подразделений БЭП программных продуктов (например, YASIV; VK Paranoid Tools; Creepy; Botsman, VK Fake, TinEye, FindFace и т. д.), специализирующихся на поиске преимущественно в социальных сетях, а также в иных информационных интернет-ресурсах необходимой открытой информации, указывающей на криминальный аспект деятельности.

Их использование в сочетании с данными, содержащимися в информационных системах, учетах и иных базах данных, используемых ОВД, позволяет получать общую информацию об объектах оперативной заинтересованности (личные данные, адреса фактического проживания (пребывания, расположения), используемые номера мобильной связи, электронной почты и т. д.), выявлять связи различного уровня с учетом степени общения, осуществлять поиск по фотографии (изображению), выявлять связь с размещаемыми в сети Интернет объявлениями и т. д.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Организация поисковых действий в интернете сотрудниками оперативных подразделений нами рассматривается как разновидность оперативного поиска, направленного на получение первичной информации, представляющей оперативный интерес. Данные действия не ограничивают конституционные права граждан и не требуют дополнительной правовой регламентации в рамках действующего оперативно-розыскного законодательства.

Поиск и анализ информации в сети Интернет в соответствии с разработанными нами методическими рекомендациями по использованию программных продуктов позволяет выявлять дополнительные источники оперативно-розыскной информации, тем самым расширять границы ее поиска и в целом решать задачи, связанные с осуществлением оперативно-розыскной деятельности на более высоком профессиональном уровне.

Список использованных источников

1. Доронин, А.И. Аналитическая разведка / А.И. Доронин // Мир безопасности. – 2003. – № 2. – С. 29–32.
2. Осипенко, А.Л. Оперативно-розыскной мониторинг информационных ресурсов глобальных компьютерных сетей / А.Л. Осипенко // Оперативник (сыщик). – 2009. – № 3. – С. 27–31.
3. Бурьяк, А. Аналитическая разведка [Электронный ресурс] / А. Бурьяк. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1017064/Buryak-Analiticheskaya_razvedka.html – Дата доступа: 19.08.2019.
4. Алферов, В.Ю. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / В.Ю. Алферов, А.И. Гришин, Н.И. Ильин ; под общ. ред. В.В. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – Саратов : Саратов. соц.-экон. инст. (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – 296 с.
5. Boyd, D. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship [Электронный ресурс] / D. Boyd, N. Ellison. – Режим доступа: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jcmc.2008.13.issue-1/issuetoc> – Дата доступа: 19.08.2019.
6. Социальные медиа как ресурс интегрированных коммуникативных практик : монография / под ред. Л.П. Шестеркиной. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2017. – 296 с.
7. Градюшко, А.А. Социальные медиа как инструмент современной интернет-журналистики / А.А. Градюшко // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 69–73.
8. Лежебоков, А.А. Социальные медиа как вид интернет-коммуникаций / А.А. Лежебоков, Е.А. Сергоде-ев // Новая наука: современное состояние и пути развития : Междунар. науч.-практ. конф. (30 окт. 2016 г., Оренбург) : в 2 ч. – Стерлитамак : АМИ, 2016. – Ч. 2. – С. 229–232.
9. Беларусь в цифрах, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_13297. – Дата доступа: 20.08.2019.
10. Пользователи соцсетей: кто они? Ключевая статистика по соцсетям в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2016/02/07/polzovateli-sotssetey-kto-oni-klyuchevaya-statistika-po-sotssetyam-v-belarusi.html> – Дата доступа: 10.08.2019.
11. Кареев, Я. На старт, внимание, взлет! Время большой игры / Я. Кареев // Планета. – 2017. – № 5. – С. 12–18.
12. Маслакова, Е.А. Особенности детерминации преступлений в сфере компьютерной информации / Е.А. Маслакова // Наука и практика. – 2013. – № 1. – С. 71–73.

Дата поступления в редакцию: 06.09.19

S.V. Pilyushin, Senior Lecture of the Department of Detective Activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

INTERNET AS A SOURCE OPERATIONAL INFORMATION

The article considers the possibility of searching the Internet for information of operational interest in solving a number of tasks in combating crimes in the economic sphere. The possibility of studying the content of social media using specialized software products is considered.

Keywords: operational-search activity, Internet search, Internet monitoring, identification of economic crimes, primary information.

УДК 343.985.8

А.Н. Толочко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: tolochko28061981@mail.ru)

**ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИНЦИПЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
НА ОСНОВЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ**

Охарактеризованы и систематизированы проблемы оперативно-розыскной теории и практики, для решения которых необходимо задействовать потенциал других уголовно-правовых наук. Выработаны принципы решения обозначенных проблем и, как следствие, принципы развития теории и практики оперативно-розыскной деятельности на основе выявления, изучения и использования междисциплинарных связей. Акцентируется внимание на том, что данные принципы носят универсальный характер и подходят для совершенствования любой уголовно-правовой науки и соответствующего ей вида правоохранительной практики.

Ключевые слова: оперативно-розыскная теория, уголовно-правовая наука, междисциплинарная связь

Особенность системы уголовно-правовых наук состоит в том, что каждая из них, оказывая влияние на другие науки своей системы, обеспечивает их развитие [1, с. 89]. Взаимообогащение уголовно-правовых наук происходит за счет связей между ними. Совершенствуются на основе межнаучных связей, как следствие, и соответствующие виды практической правоприменительной правоохранительной деятельности, обеспечиваемые уголовно-правовыми науками. Межнаучная связь не всегда очевидна, и чтобы ее использовать согласно обозначенным целям, ее нужно сначала выявить.

Комплексное выявление и изучение всей совокупности связей между уголовно-правовыми науками видится спорным, и здесь обозначается необходимость формирования особой не разработанной на данный момент методологической основы. Возникает также вопрос, в рамках какой специальности Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь следует выполнять подобное исследование, если придавать ему статус диссертационного?

Соответственно, видится наиболее правильным делать в исследованиях акцент на какой-то одной уголовно-правовой науке и отдавать предпочтение только ее междисциплинарным внутрисистемным связям, то есть условно ставить эту науку «в центр» системы и изучать, как она связана с другими науками системы, какое влияние на основе выявленных связей могут оказать на нее эти науки, как за счет этого она может обогатиться. В этом случае при реализации данного влияния и наступившем в результате этого ее реальном обогащении, которое осуществит исследователь в своей диссертации, монографии, налицо эффект того, что вся система наук как бы «работает» на развитие одной науки, на которой сконцентрировано основное внимание, а результат исследования есть ни что иное, как выяснение значения системы уголовно-правовых наук для ее развития.

Степень потребности той или иной уголовно-правовой науки в развитии, основанном на учете внутрисистемных межнаучных связей, т. е., соответственно, в выявлении и изучении этих связей, определяется проблемами обеспечиваемой данной наукой практической деятельности и ее собственно теоретическими пробелами, для устранения которых важна помощь других уголовно-правовых наук. Эти же критерии определяют и перечень уголовно-правовых наук, влияние которых на нашу науку на данный момент особенно необходимо.

Сегодня одной из наиболее остро нуждающихся в выше указанных преобразованиях уголовно-правовых наук является теория оперативно-розыскной деятельности. Она объективно имеет много проблем, выражающихся в основном в низкоэффективной работе практических сотрудников оперативных подразделений. Решение этих проблем невозможно без целого ряда идей, представлений, разработок, концептуальных познавательных подходов, авторами которых являются представители других уголовно-правовых дисциплин.

Об этом нам позволил судить анализ практики, основанный на анкетировании оперативных сотрудников, изучении дел оперативного учета, обобщении статистических данных и собственных наблюдениях. В исследовательской деятельности по уголовно-правовым наукам перечисленные меры образуют главное средство установления факта действительности, содержащего в себе проблемное знание, что является отправной точкой исследования. Выделенная таким образом проблемная ситуация подтверждает актуальность, более выразительно определяет суть исследовательской задачи и детерминирует цель исследования.

Так, на эмпирическом уровне исследования представилось возможным выделить три основных блока проблем, предопределяющих необходимость совершенствования научного обеспечения и практической реализации одновременно нескольких направлений деятельности, которыми охватывается вся ОРД.

К ним относятся:

1. Раскрытие преступлений и розыск лиц. Анализ дел оперативного учета позволяет сделать высоковероятностный вывод о недостаточном умении оперативных сотрудников при реализации указанных функций действовать эффективным образом, в частности, вводить в заблуждение противоборствующую сторону, что является следствием незнания необходимого комплекса и имеющих возможность быть полезными для выполнения названных задач оперативно-тактических построений, их соотношения, возможностей и особенностей формирования одних построений на основании других, их сочетания, объединения в группы, и, самое главное, – следствием недостаточного понимания того, в какие именно моменты необходимо принимать и реализовывать решения по их использованию.

Все это вытекает из недостаточной теоретической разработанности оперативно-розыскной тактики обозначенных направлений деятельности. Подтверждением этому является проведенный анализ специальной литературы оперативно-тактической направленности. Так, в большинстве публикаций не учитываются все типичные оперативно-розыскные ситуации, возникающие в рассматриваемых сферах, и основных направлениях работы, необходимых для достижения конечных целей, и, соответственно, вариативность действий в зависимости от ситуации либо направления работы, возможность их комбинирования.

Такая научная продукция сегодня не может являться достаточным подспорьем для практических сотрудников, и требуются незамедлительные меры по ее оптимизации. По этой причине с учетом имеющегося положения дел представляется целесообразным уделить внимание не столько поисково-познавательной, сколько научно-познавательной деятельности в области оперативно-розыскной тактики раскрытия преступлений и оперативно-розыскной тактики розыска лиц как наиболее сложным направлениям для исследователей. Видится необходимым создание унифицированной методики научных исследований в данных областях, а именно методики научной разработки оперативно-тактического обеспечения раскрытия отдельных видов преступлений и розыска различных категорий лиц, которая (разработка) может осуществляться на самостоятельном уровне и в рамках проведения комплексных диссертационных или монографических исследований по так называемым линейным темам, где тактические аспекты изучаются обычно наряду с организационными и правовыми. Такого рода новшество позволит исследователям быстро и эффективно осуществлять научные разработки в указанных областях, проецируя специфику раскрытия преступлений того или иного вида (розыска лиц той или иной категории) на заранее заготовленную конструкцию.

Оперативно-розыскная тактика во многом начала свое формирование в рамках криминалистики, однако, несмотря на большое количество уже произведенных к настоящему времени адаптационных заимствований, многие оперативно-тактические положения продолжают заметно уступать соответствующим тактико-криминалистическим. Например, система тактико-кри-

миналистических построений согласно изученным публикациям по-прежнему видится куда более выстроенной, последовательной и логически выдержанной, чем ее оперативно-розыскной аналог.

Среди уголовно-правовых наук наибольший опыт в разработке основ построения моделей (программы, схемы, алгоритмы) решения исследовательских задач также имеет криминалистика [2].

Изложенное свидетельствует о целесообразности задействовать именно криминалистический потенциал для совершенствования деятельности оперативных сотрудников по раскрытию преступлений и розыску лиц.

Ведя речь об использовании в раскрытии преступлений и розыске лиц уже упомянутых выше оперативно-тактических построений (тактический прием или оперативная комбинация), нельзя обойти стороной то, что они довольно часто осуществляются оперативными сотрудниками не только для реализации оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в обеспечительно-вспомогательных целях, но и вне ОРМ, т. е. как цельные самостоятельные образования, если того требует та или иная оперативно-розыскная ситуация. Однако проводятся данные действия вне какой-либо правовой основы: налицо ярко выраженная прикладная и одновременно теоретико-правовая проблема, характеризующаяся проведением оперативными сотрудниками при решении задач ОРД действий (не всегда и не только тактического свойства), отличных от ОРМ, не предусмотренных Законом об ОРД и явственно не вытекающих из полномочий оперативных сотрудников, определенных другими актами законодательства. Сюда можно отнести следующие организационные действия: засаду, погоню, посты и заслоны на автодорогах, постановку лица на различные контрольные и сторожевые учеты, оповещение (в том числе посредством направления розыскных ориентировок и заданий) различных организаций, учреждений и силовых структур, размещение информации в СМИ, ориентирование конфиденентов и др.

Перечисленные и многие иные сходные с ними организационные и тактические способы и механизмы осуществления ОРД при их надлежащем теоретическом обосновании и правовой регламентации заметно расширят и обогатят оперативно-розыскной инструментарий. Их глубокий анализ и придание им правового статуса позволят решить еще одну проблему, связанную с безосновательным проведением ОРМ в отдельных случаях, в частности, для первичного выявления признаков преступлений и причастных к ним лиц. Дело в том, что законодатель позволяет проводить ОРМ только при наличии уже достоверно установленных сведений указанного характера, а именно о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а также о гражданине, его подготавливающем, совершающем или совершившем либо осведомленном о нем.

Наряду с теорией ОРД правоохранительную практику необходимым инструментарием обеспечивает и уголовный процесс, в чем состоит одно из наиболее существенных и практически значимых проявлений связи между этими двумя науками. Целесообразно полагать, что прогрессивные и получаемые одобрение практикой уголовно-процессуальные научные подходы к разработке и совершенствованию процессуальных действий, регламентации их проведения должны непременно перениматься и учитываться оперативно-розыскной теорией.

2. Изобличение лиц, осуществляющих преступную деятельность. Анализ дел оперативного учета свидетельствует о крайне невысоком уровне изучения личности фигурантов, их социально-демографических и нравственно-психологических свойств, несмотря на то что получение такой информации является главным залогом успеха обозначенного направления работы. Одним из наиболее действенных, простых и быстрых способов сбора указанных сведений является проведение ОРМ «оперативное внедрение», тем более что редакцией Закона об ОРД от 15 июля 2015 г. заметно упрощены условия его проведения: проникновение конфиденнта или оперативного сотрудника осуществляется не именно в преступное формирование, обладающего всей соответствующей атрибутикой, как было ранее, а просто в окружение интересующего нас гражданина, предположительно осуществляющего преступную деятельность, или среду представляющих для нас интерес граждан.

Однако на практике оперативное внедрение не только не является ядром изобличительной работы, что могло бы в значительной степени укреплять ее наступательно-разведывательные возможности, но и в изобличительных целях (как, впрочем, и в других) практически не проводится. Одной из причин этого является отсутствие четкого представления практическими сотрудниками о понятиях «окружение гражданина» и «среда граждан», куда может внедряться

лицо. Другая причина – это проблемный вопрос о возможности причинения вреда правоохраняемым интересам, за долгие годы своей актуальности зарекомендовавший себя как наиболее сложный и важный в рассматриваемой теме.

Перечисленные, а также некоторые другие признаки оперативного внедрения необходимо изучать с позиций не только теории ОРД, но и уголовного права, так как они в той или иной мере затрагивают сферу его действия, в силу чего их даже называют уголовно-правовыми признаками оперативного внедрения или признаками, имеющими уголовно-правовое значение [3, л. 127–141].

3. Оперативный поиск, оперативно-розыскная профилактика. Большинство проблем оперативного поиска и оперативно-розыскной профилактики относится к организационным основам этих видов деятельности. Речь идет главным образом о кадровой численности и структуре оперативных подразделений, их отраслевой и линейной специализации. Все эти характеристики оперативных подразделений определяются структурой преступности, ее видами и формами, учение о которых разработано в теории криминологии (рецидивная, групповая, профессиональная, организованная).

Посредством обобщения приведенных доводов и умозаключений относительно необходимости влияния различных уголовно-правовых наук на указанные сегменты теории и практики ОРД не сложно прийти к выводу о том, что данными науками, значение которых для развития оперативно-розыскной теории и практики необходимо исследовать, являются криминалистика, уголовный процесс, уголовное право и криминология.

Совершенствование теории и практики ОРД, основанное на учете междисциплинарных связей в системе уголовно-правовых наук, должно осуществляться по определенным принципам (правилам), при разработке которых мы отталкивались от методологических подходов предшественников к решению сходных задач, нами обобщенных и тщательно проанализированных.

Предлагаемые нами принципы могут быть раскрыты посредством ниже приведенной схемы, отображающей этапы нашего исследования. К слову, результаты прохождения отдельных этапов, формирующих основу эмпирического уровня познания, уже были представлены выше. Разработанной нами схеме мы попытались придать максимально универсальный характер так, чтобы она подходила для аналогичного, т. е. основанного на учете междисциплинарных связей совершенствования любой науки-элемента системы уголовно-правовых наук, а, следовательно, и соответствующего ей вида правоохранительной практики. Иными словами, это универсальная схема решения исследовательских задач по изучению значения системы уголовно-правовых наук для развития любой науки-элемента системы и соответствующего ей вида правоохранительной практики. Итак, с учетом предмета нашего исследования оно (исследование) включает следующие этапы:

1-й этап. Выявление в оперативно-розыскной теории и практике максимального числа объектов научного интереса:

а) проблем различного характера и степени сложности, отрицательно влияющих на конечное выполнение задач ОРД (трудности, пробелы, негативные факторы, недостатки, недоработки, упущения, просчеты и др.);

б) участков, не содержащих ярко выраженных проблемных зон и имеющих потенциал развития (рост, преумножение, повышение качества, эффективность, расширение спектра возможностей и др.).

2-й этап. Распределение выявленных в оперативно-розыскной теории и практике проблем и участков, имеющих потенциал развития, по группам со следующими признаками:

а) проблемы (участки), для преодоления (оптимизации) которых необходимы исключительно возможности оперативно-розыскной науки;

б) проблемы (участки), для преодоления (оптимизации) которых достаточно возможностей оперативно-розыскной науки;

в) проблемы (участки), для преодоления (оптимизации) которых наряду с оперативно-розыскной наукой в рекомендательном плане может быть задействован потенциал других уголовно-правовых наук;

г) проблемы (участки), для преодоления (оптимизации) которых наряду с оперативно-розыскной наукой необходим потенциал других уголовно-правовых наук;

д) проблемы (участки), для преодоления (оптимизации) которых необходим исключительно потенциал (активное вмешательство) других уголовно-правовых наук.

3-й этап. Систематизация проблем и участков, имеющих потенциал развития, отнесенных к подпунктам «в», «г», «д» 2-го этапа, служащая основой для структуризации исследования и лучшего понимания, какие именно уголовно-правовые науки необходимо (можно) задействовать для преодоления (оптимизации) выявленных проблем (участков, имеющих потенциал развития).

4-й этап. Обобщение и анализ сделанных на предыдущем этапе умозаключений относительно целесообразности привлечения тех или иных уголовно-правовых наук для преодоления (оптимизации) выявленных проблем (участков, имеющих потенциал развития) и определение на данной основе ограниченного элементного состава системы уголовно-правовых наук, с которыми мы будем работать, условно помещая в центр этой системы оперативно-розыскную теорию, что позволит более глубоко сосредоточиться на наиболее интересных и важных для нас междисциплинарных аспектах, не растекаясь мыслью по огромному древу всех наук, знания которых используются в борьбе с преступностью.

5-й этап. Выяснение того, как именно оперативно-розыскная теория (практика) может быть связана с другими (уже четко определенными в предыдущем пункте) уголовно-правовыми науками (видами практической правоохранительной деятельности) непосредственно в выявленных проблемных местах и участках, имеющих потенциал развития, относящихся к подпунктам «в», «г», «д» 2-го этапа.

6-й этап. Изучение установленных связей, то есть, определение того, как каждая связь может способствовать преодолению (оптимизации) выявленных в оперативно-розыскной теории и практике проблем (участков, имеющих потенциал развития).

7-й этап. Непосредственно преодоление (оптимизация) выявленных в оперативно-розыскной теории и практике проблем (участков, имеющих потенциал развития), сопряженное с подключением возможностей других уголовно-правовых наук.

Дополнительного и более глубокого анализа заслуживают 5–7-й этапы приведенной схемы, принципиально раскрывающие процесс реализации цели любой межнаучной (межотраслевой) связи. Абстрактно эта реализация выглядит следующим образом:

- а) выявленная связь;
- б) основанное на данной связи возможное влияние (воздействие) той или иной уголовно-правовой науки на оперативно-розыскную теорию и практику, способствующее их развитию (обогащению, совершенствованию);
- с) непосредственно воплощение влияния рассматриваемой уголовно-правовой науки на оперативно-розыскную теорию и практику;
- д) развитие оперативно-розыскной теории и практики.

В завершение считаем необходимым сделать некоторые пояснения к изложенному.

Итак, определение содержания п. «б» есть не что иное, как изучение связи, указанной в п. «а». Претворение в жизнь пунктов «с», «д» представляет собой использование выявленной и изученной связи и осуществляется ученым в ходе исследовательской деятельности, а не само по себе, как ошибочно может показаться; п. «д» вытекает из п. «с», является его логическим продолжением.

С определенной долей условности связь между науками (видами правоохранительной практики) можно рассматривать как некую точку соприкосновения. Определив ее в каком-то проблемном месте (участке, имеющем потенциал развития) оперативно-розыскной теории либо практики, мы в этом месте мысленно строим «мостик» между оперативно-розыскной теорией (практикой) и той уголовно-правовой наукой (видом правоохранительной практики), которая может способствовать преодолению (оптимизации) выявленной проблемы (участка), и определяем, каким образом по данному «мостику» может поступать информация от данной науки (вида практики) к оперативно-розыскной теории (практике), обогащая ее, подпитывая и тем самым способствуя преодолению (оптимизации) выявленной проблемы (участка, имеющего потенциал развития). Как ранее было определено, под информацией, поступающей от одной науки (вида практики) к другой в целях обогащения последней, подразумеваются прежде всего заимствуемые знания (разработки, принципы деятельности и др.), а также подходы к их получению и реализации, т. е. механизмы решения различных научных и практических задач.

Наконец, комплексная научная деятельность по определению содержания и выполнению всех указанных пунктов («а», «б», «с», «д») представляет собой квинтэссенцию процесса исследования значения рассматриваемой уголовно-правовой науки для развития оперативно-розыскной теории и практики в части, касающейся конкретной связи, указанной в п. «а».

Список использованных источников

1. Дулов, А.В. Взаимосвязь наук уголовно-правового цикла как направление формирования общей теории борьбы с преступностью : в 2 ч. / А.В. Дулов // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений : материалы. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 26 мая 2011 г. / Акад. упр. МВД России ; редкол.: Б.Я. Гаврилов [и др.]. – М., 2011. – Ч. 2. – С. 81–91.
2. Гучок, А.Е. Модели решения исследовательских задач криминалистики : монография / А.Е. Гучок ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск : БГУФК, 2013. – 250 с.
3. Шкабин, Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08, 12.00.09 / Г.С. Шкабин. – М., 2018. – 409 л.

Дата поступления в редакцию: 08.07.19

A.N. Tolochko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Detective Activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PRECONDITIONS AND PRINCIPLES OF THE DEVELOPMENT OF OPERATIVE SEARCHING THEORY AND PRACTICE ON THE BASE OF INTERDISCIPLINARY LINKS

There were characterized and systemized the problems of operative searching theory and practice that may be solved by obligatory using of the potential of other criminal law sciences. There were developed principles of solving these problems and, as a result, developing the theory and practice of operative searching action based on detection, researching and using interdisciplinary links. Mentioned principles are universal and may be used for developing any of the criminal law sciences and appropriate to it kind of law-enforcement practice.

Keywords: operative searching theory, criminal law science, interdisciplinary link.

УДК 343.985.8

В.Н. Цынкевич, адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: vladimirnikolaevic105@gmail.com)

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЙ

Анализируются научные взгляды на понятие идентификации. Обосновывается место и роль идентификации в установлении признаков хищений в легкой промышленности. Исследуются вопросы привлечения специалиста для проведения товароведческих исследований в оперативно-розыскной деятельности. Предлагаются рекомендации по предоставлению необходимых материалов для указанных исследований. Формулируются выводы о значимости идентификации при обнаружении признаков рассматриваемой группы преступлений.

Ключевые слова: идентификация, специалист, признаки, хищение, легкая промышленность, вопросы, исследование.

Следует констатировать, что в ряде случаев, несмотря на положительные тенденции предложенной нами диагностики признаков хищений в легкой промышленности, обойтись без оценки похищенного имущества специалистом крайне затруднительно. В ходе совершения преступных действий по созданию излишков товарно-материальных ценностей, их временному утаиванию, перемещению за пределы территории предприятия, оформлению подложных документов и др. возникают следы, не подверженные визуальному восприятию в полной мере или частично, что требует применения специального оборудования, физико-химических и физико-механических методов лабораторного исследования, выполнения сложных расчетов.

Решение обозначенной проблемы тесно связывается с идентификацией – процессом установления тождества неизвестного объекта известному на основе каких-либо имеющихся признаков. По мнению С.М. Потапова, идентификации могут подлежать всевозможные материальные предметы и явления, их роды и виды, количества и качества, участки пространства и моменты времени, человеческая личность в целом и ее отдельные признаки, физические свойства человека и его умственные способности, его внешние действия и внутренние психические акты [1, с. 69].

Методика затронутой процедуры активно используется в различных отраслях знаний криминального цикла и не имеет при этом существенных различий. Проводя исследование в рассматриваемой области, Т.А. Седова в этой связи выделяет следующую закономерность: «Никакие самые исчерпывающие перечни признаков не позволят провести резкую грань между смежными видами идентификации, они лишь подчеркнут некоторую их специфичность, обусловленную в основном разным характером объектов и разным подходом к решению тех или иных задач» [2, с. 7].

Отмеченные автором объекты традиционно разделяют на две категории: идентифицируемые (тождество которых устанавливается) и идентифицирующие (имеющиеся в наличии и позволяющие установить это тождество). Основное значение такой дифференциации выражается в отграничении предмета исследования от материальной фактуры, предназначенной для него. Достаточно удачной по смыслу, на наш взгляд, является классификация, предлагаемая В.Я. Колдиным, который именует объект, подлежащий установлению, искомым, а изучаемый по отображениям-образцам – проверяемым [3, с. 9].

В практическом аспекте теоретические положения идентификации реализуются в системах приемов познания фактических обстоятельств, сложившихся при выявлении преступлений, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), направленных на установление личности преступника, проведение связей от изъятых следов к имевшему место событию.

Так, в рамках диагностики признаков хищений в сфере легкой промышленности невозможно определить, имеются либо отсутствуют качественные и количественные нарушения в составе готовой продукции. Кроме того, при ее обнаружении в тайниках, местах временного хранения или сбыта возникает необходимость в идентификации и выяснении изготовителя. Выполнить это самостоятельно оперативному сотруднику не под силу, и здесь сразу можно говорить о необходимости привлечения специалиста для товароведческого изучения, осуществляемого проведением ОРМ «исследования предметов и документов», с помощью которого решаются задачи установления групповой принадлежности товаров (определение группы, вида, сорта, комплектности); принадлежности отдельных единиц или множества товара к одной группе (марке, модели, артикулу, типу, виду); соответствия (несоответствия) качества продукции требованиям технических нормативных правовых актов, сертификату качества либо эталонам-образцам (за исключением бытовых сложнотехнических товаров); соответствия (несоответствия) фактических характеристик качества товара маркировочным обозначениям, зафиксированным на ярлыке, этикетке; соответствия (несоответствия) фактических товарных свойств товара показателям качества, содержащимся в сопроводительных документах на их реализацию; соответствия (несоответствия) упаковки, условий транспортирования, сроков и условий хранения требованиям технических нормативных правовых актов.

Перечисленные задачи достигаются путем четкой постановки вопросов, подлежащих изучению, которые указывают на компетентность оперативного сотрудника и элиминируют (лат. *eliminare* – удалять) лишние затраты времени на корректирование, согласование нового перечня. Для исключения неточностей формулировка вопросов производится в следующей редакции:

соответствует ли фактическое качество предоставленных изделий требованиям технических нормативных правовых актов установленным для этого вида товара?

соответствуют ли качественные показатели предоставленных изделий утвержденному эталону-образцу?

соответствует ли упаковка предоставленного товара требованиям технических нормативных правовых актов?

каковы марка, модель, предприятие-изготовитель, назначение или область применения предоставленных изделий?

соответствуют ли фактические характеристики предоставленных изделий маркировочным обозначениям, указанным на ярлыке, этикетке?

как расшифровывается маркировка предоставленного товара? Что обозначают имеющиеся символы, цифры и буквы?

соответствуют ли данные маркировки количественным и качественным показателям предоставленного товара?

соответствуют ли данные о маркировке на ярлыках, этикетках на предоставленном изделии требованиям технических нормативных правовых актов?

соответствовали ли условия транспортировки предоставленного товара требованиям технических нормативных правовых актов?

имеются ли на предоставленном изделии дефекты? Если да, то каковы причины их образования? Какова остаточная стоимость данного изделия?

При осуществлении данного исследования может понадобиться репрезентативный образец (достаточное по количеству и качеству отображение специфических общих и частных свойств идентифицируемого объекта [4, с. 90]), что в обязательном порядке о нем заранее выясняется оперативным сотрудником у сведущего лица. В связи с этим предоставленный для анализа материал должен содержать объем информации для индивидуализации проверяемого объекта.

Наряду с непосредственным анализом произведенных изделий, их эталонов специалист работает со сведениями, отражающими состояние товара, и произошедшими изменениями с его участием в хозяйственных операциях, которые касаются приемки, разбраковки, реализации и пр. Нужную информацию об особенностях происхождения товарно-материальных ценностей (сертификаты, удостоверения о качестве, технические паспорта) он получает из документов, характеризующих качество и упаковку перед сдачей на склад готовой продукции и отправкой покупателю (спецификации, счета-фактуры, товарно-транспортные накладные), содержащих условия и сроки транспортирования (квитанции о приемки груза, акт недостачи или повреждения), фиксирующих качество при приемке (акты испытаний, экспертиз, лабораторных исследований, дефектные ведомости, оценки и переоценки, паспорт на товар, журналы приемки и разбраковки товаров), а также из процессуальных документов о проведении оперативно-розыскных мероприятий (протоколы, удостоверяющие изъятие материалов и предоставление их сведущему лицу).

Функции оперативного сотрудника в процессе привлечения специалистов сводятся к отбору необходимых документов и материалов, правильному формулированию вопросов, ответы на которые следует получить. Вместе с тем успех выявления рассматриваемой категории преступлений зависит во многом от степени квалификации специалиста. Инициатору исследований следует понимать, что сведущее лицо привлекается точно, а не комплексно (например, как может осуществляться сплошным методом проверка контролирующими органами). Так, специалист анализирует не весь производственный процесс, и поэтому важно уяснить границы и этапы сбора сведений, способствующих формированию практического алгоритма действий. К ним относятся, на наш взгляд, следующие: ознакомление с общим порядком ведения учетно-технологической документации на интересующем предприятии с помощью его работников, которые не заинтересованы в сокрытии преступления; установление самого объекта исследования (сырье, полуфабрикат, готовая продукция) на основании имеющейся в распоряжении оперативной информации; определение сроков исследования и перечня фактуры; изъятие данных и предоставление их специалисту.

Ответить на поставленные вопросы по рассмотренным исследованиям могут эксперты Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, общества с ограниченной ответственностью «Судебно-экспертная коллегия», общества с дополнительной ответственностью «Федкон» и другие специалисты, способные подтвердить свою компетентность (например, лицензией на оказание соответствующих услуг), так как законодательством перечень требований, предъявляемых к этой категории участников ОРД, четко не регламентирован).

Проведенный анализ научно-практических взглядов по изучаемому вопросу показывает, что оперативно-розыскная идентификации следов хищений в сфере легкой промышленности – процесс по организации привлечения сведущих лиц в качестве специалистов для проведения исследований, осуществляемых в целях достоверного подтверждения сведений о нарушениях технико-экономических показателей, которые указывают на признаки совершения преступлений данной группы.

Подводя общий итог, формулируем следующие выводы:

При хищениях в сфере легкой промышленности образуется сложная совокупность идеальных и материальных следов, отражающихся в технико-экономических показателях субъектов хозяйствования, обличенных в цифровые значения. Для выявления данных следов оперативному сотруднику необходимо провести аналитическую работу с технико-экономическими показателями интересующих объектов – диагностировать признаки совершения преступления. Обнаружение грубых расхождений в технико-экономических показателях составляют суть аналитического процесса, положительные результаты которого носят исключительно вероятностный характер и требуют дополнительной проверки, всесторонней оценки в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Данное обстоятельство обусловлено человеческим фактором допущения неумышленных ошибок, повлекших за собой изменения в отчетных документах.

Анализ рассматриваемой группы хищений показывает, что основные несоответствия формируются в следующих сопряженных парах технико-экономических показателей: превышении нормативного расхода сырья над количеством выпускаемой продукции; превышении количества выпускаемой продукции над пределами реальных мощностей производства; увеличении производственных затрат и необоснованное удорожание себестоимости одного из видов продукции; существенном занижении качества получаемого сырья от одного из поставщиков грузополучателем; отпуске готовой продукции или сырья покупателю по заниженной цене, отличающейся по отношению к другим; снижении объемов выпускаемой продукции и увеличении фонда заработной платы; превышении норм закупки сырья над реальной возможностью ее оприходования на производстве; завышенном расходе электроэнергии по отношению к количеству произведенного товара; списании сырья на технологические издержки и превышенном или нормативном количестве изготовленной продукции; увеличении выбраковывания сырья и приобретении его в больших количествах; повышенных объемах уценки дорогостоящего вида изделий над другими.

Установленные несоответствия в технико-экономических показателях объясняются вмешательством в технологический процесс, что сказывается на особенностях готовой продукции, ее учете, транспортировке и т. д. Не имея специальных знаний, оперативный сотрудник самостоятельно не может определить факт нарушения в готовой продукции, период и обстоятельства его возникновения. В этой связи возникает необходимость в идентификации произведенных товаров посредством осуществления товароведческих исследований. В процессе привлечения специалистов важно отобрать необходимые документы и материалы, правильно сформулировать вопросы, подлежащие выяснению.

Список использованных источников

1. Потапов, С.М. Принципы криминалистической идентификации / С.М. Потапов // Сов. гос. и право. – 1940. – № 1. – С. 66–81
2. Седова, Т.А. Проблемы методологии и практики нетрадиционной криминалистической идентификации / Т.А. Седова. – Л. : Изд. Ленингр. ун-та, 1986. – 105 с.
3. Колдин, В.Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз / В.Я. Колдин. – М. : Гос. изд. юрид. лит., 1957. – 135 с.
4. Колдин, В.Я. Экспертная криминалистическая идентификация / В.Я. Колдин, З.И. Кирсанов, Ю.К. Орлов. – М. : РФЦСЭ, 1996. – 186 с.

Дата поступления в редакцию: 28.03.19

V.N. Tsynkevich, Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

IDENTIFICATION IN IDENTIFYING THEFT

The scientific views on the concept of identification are analyzed, its place and role in establishing signs of theft in light industry are substantiated. The issues concerning the involvement of a specialist for merchandising research in operational search activities are investigated. Recommendations for providing the necessary materials for these studies are given. Conclusions about the importance of identification when detecting signs of the considered group of crimes are formulated.

Keywords: identification, specialist, the signs, theft, light industry, questions, research.

УДК 343.985

Ю.М. Юбко, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь;

В.Н. Михневич, старший оперуполномоченный ОБЭП Первомайского РУВД г. Минска

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ: О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ЖКХ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

В двух частях

Часть 2

Рассматриваются подходы к формированию источников доказательств по материалам доследственных проверок и уголовным делам для установления «объекта» и «объективной стороны» хищения, совершенного должностным лицом ЖКХ путем злоупотребления служебными полномочиями.

Ключевые слова: обстоятельства, подлежащие доказыванию; объект хищения; объективная сторона хищения; источники доказательств; способ совершения хищения; должностное лицо ЖКХ; фиктивно трудоустроенное лицо.

Все деяния, описанные законодателем в гл. 24 УК, имеют единый родовый объект – общественные отношения собственности [1, с. 221]. Как свидетельствует анализ следственной практики, должностное лицо ЖКХ использует свои служебные полномочия для получения выгоды имущественного характера для себя, завладевает имуществом или приобретает право на имущество. При этом предметом хищения являются: денежные средства ЖКХ; предметы материального мира, имеющие определенную экономическую ценность для ЖКХ; право на имущество ЖКХ (отраженное в документах право должностного лица на владение, пользование и распоряжение материальными ценностями ЖКХ). Схема доказывания «объекта преступления» в исследуемой сфере, по нашему мнению, зависит от предмета преступного посягательства, на завладение которым направлены действия должностного лица ЖКХ.

Совокупность источников доказательств по материалам доследственных проверок и уголовным делам рассматриваемой категории при доказывании «объекта преступления» может быть представлена: вещественными доказательствами (документы, отражающие финансово-хозяйственную деятельность ЖКХ); протоколами следственных действий (осмотр, обыск, выемка); протоколами оперативно-розыскных мероприятий о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, которые составлены в установленном законом порядке с приложением соответствующей записи прослушивания; иными документами и носителями информации (банковские документы, сообщения операторов сотовой связи, видеозаписи и пр.), истребованными в соответствии с ч. 2 ст. 103 УПК; показаниями свидетелей, подозреваемого (обвиняемого), удостоверяющими обстоятельства и факты, которые свидетельствуют о преступной деятельности должностного лица ЖКХ.

Установление объективной стороны рассматриваемого деяния предполагает доказывание в ходе производства по материалам доследственных проверок или уголовным делам фактов использования должностным лицом ЖКХ своих служебных полномочий для противоправного завладения имуществом ЖКХ или приобретением права на него. При этом важное место в данном процессе занимает установление в процессе доказывания таких обстоятельств, как способ совершения хищения, время, место его совершения и др.

Установление указанных элементов объективной стороны необходимо как для уяснения механизма хищения, совершенного должностным лицом ЖКХ (каким образом использовались должностные полномочия в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступления), так и с целью собирания материальных и интеллектуальных следов совершенного преступления в ходе доследственной проверки, а также принятия правильных процессуальных решений на основании собранных доказательств на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Анализ практики органов уголовного преследования Республики Беларусь позволяет констатировать, что наиболее распространенным способом изучаемого деяния является хищение денежных средств из фонда заработной платы ЖКХ за счет списания их на вымышленных трудоустроенных работников («мертвые души»). Установление данного способа совершения хищения следует организовывать по следующей схеме путем доказывания:

- а) факта фиктивного трудоустройства конкретного работника ЖКХ;
- б) невыполнения фиктивно трудоустроенным работником своих должностных обязанностей;
- в) получения денежных средств фиктивно трудоустроенным работником или должностным лицом ЖКХ, осуществившим его трудоустройство.

Система источников доказательств по материалам и уголовным делам рассматриваемой категории, по нашему мнению, может быть условно классифицирована на следующие группы: документы и другие носители информации; показания участников уголовного процесса; процессуальные документы.

При этом доказывание элементов способа (а, б, в) совершения хищения должностным лицом ЖКХ должно осуществляется путем формирования совокупности источников доказательств.

Факт фиктивного трудоустройства устанавливается следующей совокупностью источников доказательств по материалам и уголовным делам рассматриваемой категории:

- истребованными (ч. 2 ст. 103 УПК), изъятыми (ст. 212 УПК) оригиналами документов о трудоустройстве фиктивно трудоустроенного лица, а также должностного лица ЖКХ (личное дело, должностные инструкции за период фиктивного трудоустройства);
- истребованными (ч. 2 ст. 103 УПК), изъятыми (ст. 212 УПК) оригиналами табелей учета рабочего времени фиктивно трудоустроенного лица, которые должны быть изучены и осмотрены на предмет их утверждения и наличия подписей других должностных лиц ЖКХ;
- показаниями работников кадрового подразделения ЖКХ (на предмет порядка оформления конкретного работника ЖКХ, а также об их осведомленности о невыполнении им должностных обязанностей);
- показаниями должностных лиц ЖКХ (на предмет порядка составления и предоставления табелей учета рабочего времени, а также об их осведомленности о включении в него лица, которое фактически не исполняло свои должностные обязанности);
- показаниями фиктивно трудоустроенного лица;
- показаниями должностного лица ЖКХ, осуществившего фиктивное трудоустройство конкретного работника;
- компакт-диском, содержащим информацию о телефонных соединениях между абонентским номером должностного лица ЖКХ и абонентским номером фиктивно трудоустроенного лица, подтверждающую общение как до момента трудоустройства, так и во время трудоустройства (увольнения).

Доказывание невыполнения фиктивно трудоустроенным лицом своих должностных обязанностей осуществляется путем формирования следующей совокупности источников доказательств:

- показаниями членов бригады, в которой якобы осуществляло трудовую деятельность фиктивно трудоустроенное лицо (перед началом допроса целесообразно изучить состав бригады, уделив внимание времени трудоустройства каждого из ее членов и временному промежутку, в течение которого осуществлялось увольнение кого-либо из них и оформление фиктивно трудоустроенного лица; при необходимости следует допросить уволенных лиц на предмет периодического присутствия в составе бригады посторонних лиц, а также непосредственно должностным лицом ЖКХ, осуществившим фиктивное трудоустройство лица);
- протоколом опознания фиктивно трудоустроенного лица по фотографии работниками бригады с целью установления выполнения им каких-либо работ в составе бригады и в целом на предприятии ЖКХ;
- информацией сотовых операторов, позволяющей установить факт нахождения фиктивно трудоустроенного лица на месте предполагаемого выполнения работ (т. е. установить (опровергнуть) факты выполнения лицом должностных обязанностей в конкретно определенном месте, тем самым доказать, что лицо действительно выполняло (или не выполняло) обязанности согласно штатному административно-территориальному распределению; при этом полученная

информация не может быть использована в процессе доказывания в случае проживания фиктивно трудоустроенного лица в месте предполагаемого выполнения работ);

- показаниями фиктивно трудоустроенного лица;
- показаниями должностного лица ЖКХ, осуществившего фиктивное трудоустройство конкретного работника.

В связи с тем, что заработная плата начисляется работникам ЖКХ на банковскую пластиковую карту либо на вкладные расчетные счета, доказывание эпизодов получения денежных средств фиктивно трудоустроенным работником или непосредственно должностным лицом ЖКХ осуществляется путем формирования следующей совокупности источников доказательств:

– информацией, полученной из банковских учреждений по запросу о движении денежных средств по расчетному счету (карт-счету) как фиктивно трудоустроенного члена бригады, так и должностного лица ЖКХ, осуществившего его трудоустройство (о платежных операциях на различных торговых объектах, совершении платежей за коммунальные услуги или услуги средств мобильной связи, что позволяет установить номер оплачиваемого расчетного счета и физическое лицо, являющееся их владельцем);

– информацией, полученной по запросу от сотовых операторов, позволяющей установить факт нахождения фиктивно трудоустроенного работника и должностного лица ЖКХ, осуществившего его трудоустройство, до (после) снятия денежных средств из конкретного банкомата (расчетного счета) в одном временном промежутке;

– записями с камер видеонаблюдения банкоматов (банков);

– наличием доверенности на получение денежных средств с вkladного расчетного счета фиктивно трудоустроенного лица на должностное лицо ЖКХ;

– показаниями фиктивно трудоустроенного лица;

– показаниями должностного лица ЖКХ, осуществившего фиктивное трудоустройство конкретного лица.

С учетом того обстоятельства, что денежные средства в результате совершения хищения могут перечисляться на вкладной расчетный счет и затем сниматься непосредственно должностным лицом ЖКХ с него, следует производить выемку видеозаписей в учреждении банка, на которых будет зафиксирован подозреваемый, совершающий финансовую операцию.

Сотрудник органа уголовного преследования обязан также осуществлять комплексный анализ сведений о движении денежных средств по расчетному счету фиктивно трудоустроенного лица, о его сотовых соединениях с целью установления контактов с должностным лицом ЖКХ.

Время совершения хищения с учетом особенностей способа исчисляется сутками и месяцами с момента оформления фиктивно трудоустроенного лица до момента его непосредственного обнаружения.

Ведя речь о месте совершения преступления, необходимо принимать во внимание, как объекты ЖКХ, на которых совершались преступные действия должностным лицом (отдел кадров, где проводилось оформление фиктивно трудоустроенного лица; рабочее место должностного лица ЖКХ и его рабочий компьютер, на котором осуществлялась подготовка табелей рабочего времени фиктивно трудоустроенного лица; бухгалтерия, где проводился расчет за конкретно отработанный период времени, и т. п.), так и объекты, где должна была осуществляться трудовая деятельность фиктивно трудоустроенного лица.

Установление места и времени совершения хищения производится путем формирования следующей совокупности источников доказательств:

– документов, свидетельствующих о принятии на работу фиктивно трудоустроенного лица (приказ, личное дело);

– табелей учета рабочего времени фиктивно трудоустроенного лица;

– бухгалтерских документов о начислении заработной платы за отработанный период времени фиктивно трудоустроенному лицу;

– показаний работников ЖКХ о выполнении работ фиктивно трудоустроенным лицом;

– показаний подозреваемого должностного лица ЖКХ;

– показаний фиктивно трудоустроенного лица;

– протоколов оперативно-розыскных мероприятий о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров;

– информации, полученной от сотовых операторов о соединениях абонентов (подозреваемых);
– сведений из банковского учреждения о движении денежных средств по расчетному счету фиктивно трудоустроенного лица.

Завладение должностным лицом имуществом неразрывно связано с причинением вреда собственнику – ЖКХ, который измеряется стоимостью похищенного имущества [2, с. 201].

Анализ деятельности органов уголовного преследования свидетельствует о том, что в результате фиктивного трудоустройства лица предприятию ЖКХ причиняется ущерб (вред), размер которого исчисляется суммами выплаты лицу заработной платы в период с момента его трудоустройства до выявления признаков хищения органом дознания. В этой связи уже в процессе производства по материалу доследственной проверки органу дознания для определения его размера необходимо истребовать с предприятия ЖКХ сведения о периоде выплат заработной платы и размере выплаченной суммы с разбивкой по месяцам.

В ходе досудебного производства установление характера и размера причиненного вреда по делам рассматриваемой категории является обязательным в соответствии с требованиями п. 4 ч. 1 ст. 89 УПК. При этом в аспекте рассматриваемого состава преступления его доказывание имеет значение как для квалификации, так и для индивидуализации ответственности должностного лица ЖКХ (ч. 3, 4 ст. 210 УК).

Конструкция п. 5 ч. 1 ст. 89 УПК требует от органа дознания и предварительного следствия в ходе досудебного производства установить обстоятельства, свидетельствующие о том, что имущество приобретено преступным путем или является доходом, полученным от использования этого имущества. С учетом данного требования при организации проверки по материалам и в ходе предварительного следствия необходимо изучить материальное благосостояние (положение) должностного лица ЖКХ, подозреваемого (обвиняемого) в совершении хищения для собирания фактических данных о том, что принадлежащее ему имущество приобретено преступным путем. Для выполнения данного требования законодателя необходимо в ходе проверки и дальнейшего производства по уголовному делу доказать, что похищенные денежные средства (товарно-материальные ценности) использованы должностным лицом ЖКХ для удовлетворения корыстных интересов. Например, похищенные денежные средства использованы для приобретения вещей, предметов, необходимых для удовлетворения своих личных потребностей (потребностей его родственников). Похищенное имущество ЖКХ может использоваться также в личных целях и для удовлетворения потребностей своих близких. Устанавливая обстоятельство, указанное законодателем в п. 5 ч. 1 ст. 89 УПК, следует иметь в виду, что схема доказывания обусловлена особенностями предмета преступного посягательства. При этом будут иметь место следующие ситуации: расхититель завладел денежными средствами ЖКХ; расхититель завладел товарно-материальными ценностями ЖКХ или приобрел право на имущество ЖКХ. С учетом складывающихся ситуаций может быть построен алгоритм действий следователя (лица, производящего дознание).

Применительно к ситуации, когда похищены денежные средства ЖКХ, необходимо доказать: способ их хищения; какие меры были предприняты должностным лицом для завладения ими; каким образом похищенные денежные средства использовались должностным лицом ЖКХ в личных интересах или использовались в интересах близких ему лиц; наличие совокупности источников доказательств, устанавливающих отмеченные обстоятельства. Спектр его действий по приобретению с их помощью материальных благ может быть обширен: приобретение имущества, используемого в личных интересах, оплата различных видов услуг для себя и своих близких и т. п.

В ситуации, когда должностное лицо завладевает товарно-материальными ценностями ЖКХ, или приобрело право на имущество ЖКХ, следует устанавливать: каким имуществом и с какой целью осуществлено завладение; право на какое имущество ЖКХ приобретено; способ хищения имущества; кто владеет и пользуется похищенным имуществом ЖКХ (непосредственно расхититель или его близкие); как распорядилось похищенным имуществом должностное лицо ЖКХ при условии его отсутствия (у него или у его близких); какой доход получен расхитителем при установлении факта реализации похищенного имущества; наличие совокупности источников доказательств, устанавливающих отмеченные обстоятельства.

Приведенный перечень источников доказательств является условным и может быть расширен с учетом особенностей складывающейся следственной ситуации.

Изложенный авторами подход по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по материалам доследственных проверок и уголовным делам о хищениях, совершенных должностным лицом ЖКХ путем злоупотребления служебными полномочиями позволяет сформировать систему источников доказательств по установлению структурных элементов рассматриваемого состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) органом уголовного преследования.

Список использованных источников

1. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / А.И. Лукашов [и др.]; под общ. ред. А.И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.
2. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.]; под ред. В.А. Кашевско-го. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 734 с.

Дата поступления в редакцию: 15.03.19

Y.M. Yubko, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Investigation of Crimes of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*; **V.N. Mikhnevich**, *Senior operative of the Economic Crime Department of Pervomaiski district unit of internal affairs of Minsk*

ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES TO BE PROVED ON THE MATERIALS AND CRIMINAL CASES OF THE THEFTS COMMITTED BY AN OFFICER OF THE HOUSING AND UTILITIES SECTOR BY ABUSING OFFICIAL AUTHORITY (PART 2)

This article discusses approaches to the formation of sources of evidence necessary for materials and criminal cases to establish the “object” and “objective side” of the theft committed by an official of the housing and communal services through abuse of official authority.

Keywords: circumstances to be proved; object of theft; the objective side of the theft; sources of evidence; method of committing theft; official housing and utilities; fictitiously employed person.

УДК 343.1

Р.Р. Алекперов, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: ruselalekperov@gmail.com)

О ПОНЯТИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Рассматривается вопрос определения меры пресечения в виде заключения под стражу. Устанавливается ее связь с изоляцией лица с помещением в его место содержания под стражей. Проводится обзор научных взглядов об исследуемом понятии. Акцентируется внимание на основных правах и свободах, ограничиваемых этой мерой пресечения, выделяющих ее среди других. Раскрываются цели, преследуемые заключением под стражу, способ и содержание принудительного воздействия в результате его применения. Выносится предложение о совершенствовании законодательства в изучаемом вопросе путем нормативного закрепления определения понятия заключения под стражу.

Ключевые слова: заключение под стражу, мера пресечения, принудительное воздействие, ограничение права, изоляция, цель.

Всякое заключение под стражу предполагает изоляцию лица. В настоящий момент в белорусском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует определение понятия меры пресечения в виде заключения под стражу (является одним из значений дефиниции «арест» [1, с. 28]). Как видится, связано это с тем, что на формирование норм действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) большое влияние оказало аналогичное советское законодательство. Становление последнего, в свою очередь, происходило под влиянием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Однако, как показало исследование, ни в нормах данного Устава, ни в уголовно-процессуальном законодательстве, действовавшем в БССР, не содержались дефиниции понятия исследуемой меры пресечения. С учетом установленной преемственности юридической техники думается, что законодатель при разработке УПК не посчитал нужным давать это определение.

Вместе с тем содержание понятия – логически оформленной мысли о классе предметов и явлений, представлении о чем-нибудь [1, с. 561] – состоит из совокупности признаков, входящих в состав толкуемого предмета [2, с. 543]. Нормативное закрепление определения рассматриваемого термина в уголовно-процессуальном законодательстве будет способствовать более четкой его интерпретации и, как следствие, идентификации в системе мер пресечения.

Анализ отечественного законодательства показывает, что арест в некоторых отраслях права связан с изоляцией лица (ч. 1 ст. 6.7 КоАП, ч. 1 ст. 54 УК). Одной из мер пресечения является домашний арест. В ч. 1 ст. 125 УПК и ч. 1 ст. 175 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств его суть заключается в изоляции подозреваемого, обвиняемого от общества без его содержания под стражей. Как считает Т.А. Савчук, законодатель раскрыл понятие этой меры пресечения через понятие заключения под стражу [3, с. 35]. Следуя такой логике, предположим, что суть меры пресечения в виде заключения под стражу видится в изоляции подозреваемого, обвиняемого от общества в специально предназначенных для этого местах под надзором, охраной. При этом следует отметить, что многие процессуалисты, давая определение данной мере пресечения, придерживаются аналогичного мнения [3, с. 35; 4, с. 377].

В юридической литературе существует множество дефиниций рассматриваемого понятия. К.В. Попов считает эту меру пресечения самой строгой, состоящей в содержании обвиняемого

(подозреваемого) под стражей в целях обеспечения его надлежащего поведения [5, с. 23]. Р.В. Орлов говорит о ней как об исключительной, применяемой только на основании судебного решения в отношении обвиняемых (подозреваемых), подсудимых на основаниях и в порядке, установленных УПК РФ [6, с. 7].

Чем больше признаков предмета будет взято при характеристике его понятия, тем меньше окажется количество однородных предметов, имеющих такие же признаки [2, с. 543]. Анализ вышеуказанных определений, на наш взгляд, не позволяет в полной мере сделать этого.

В.В. Смирнов определяет меру пресечения в виде заключения под стражу как предварительное лишение свободы подозреваемого, обвиняемого, применяемое на основаниях и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судом в целях воспрепятствования занятию преступной деятельностью, попыткам скрыться от органов следствия и суда, а также для установления истины по уголовному делу и исполнения приговора [7, с. 7].

Полагаем, при определении понятия заключения под стражу необходимо учитывать, что данная мера применяется, во-первых, органами, ведущими уголовный процесс (ч. 2 ст. 119 УПК); во-вторых, к подозреваемому и обвиняемому (ч. 1 ст. 117 УПК), а также к лицу на основании исполнения просьбы органа иностранного государства либо в связи с его нахождением в международном розыске с целью выдачи (ч. 1, 2 ст. 512 УПК); в-третьих, устанавливается определенный срок ее действия (ст. 127 УПК).

Мера пресечения в виде заключения под стражу обусловлена такими детерминантами, как правоограничительный критерий, содержание и способ принудительного воздействия, цель этого средства уголовно-процессуального принуждения, так как они позволяют выделить его среди иных мер пресечения.

Правоограничительный критерий. Заключение под стражу ограничивает многие основные права и свободы личности, нормативно закрепленные в Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция). В нормах права, а также в специальной литературе часто можно встретить понятия «ограничение права» и «лишение права». В данном случае представляется логичным согласиться с тем, что лишение права следует воспринимать как частный случай их ограничения, более строгое его проявление [3, с. 23; 8, с. 18].

Так, заключение под стражу сопряжено с изоляцией лица от общества, реализуемой путем помещения его в специально предназначенные для этого учреждения – места содержания под стражей. Согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь «О порядке и условиях содержания лиц под стражей» (далее – Закон) к ним относятся следственные изоляторы, изоляторы временного содержания, гауптвахты, исправительные учреждения и арестные дома. В этих местах устанавливается определенный режим; лица, взятые под стражу, находятся под постоянным надзором и охраной. Соответственно, в данном случае ограничиваются предусмотренные Конституцией права на свободу и неприкосновенность личности (ст. 25); на неприкосновенность личной жизни (ст. 28); на свободу передвижения и выбор места жительства (ст. 30); на получение информации (ст. 34); на свободный выбор трудовой деятельности (ст. 41); на собственность (ст. 44). Кроме того, лица, взятые под стражу, ограничиваются в праве на управление делами государства, в избирательном праве (ст. 37–38 Конституции). Последнее правовое ограничение нормативно закреплено в ст. 4 Закона Республики Беларусь «О республиканских и местных собраниях», ст. 64 Конституции и ст. 4 Избирательного кодекса Республики Беларусь.

Необходимо иметь в виду, что многие из указанных прав также ограничиваются теми или иными мерами пресечения (практически все из перечисленных – домашним арестом). В этой связи считаем, что для идентификации заключения под стражу в системе мер пресечения необходимо выделить те личные права, которые иными мерами пресечения не ограничиваются либо ограничиваются в большей степени. Полагаем, что таковыми являются неприкосновенность личности и свобода передвижения.

В ст. 25 Конституции закреплено право лица на личную свободу (право распоряжаться по своему усмотрению телом, психикой, нравственностью и безопасностью). Неприкосновенность личности – право на такое состояние, при котором личная свобода не стесняется путем принуж-

дения [9]. Следует согласиться с тем, что неприкосновенность личности включает в себя право на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность и половую свободу личности, честь, достоинство и нравственную свободу, нормальное течение психических процессов, индивидуальную свободу человека, выражающуюся в возможности располагать собой по своему усмотрению [10, с. 64]. Многие авторы склоняются к точке зрения о том, что заключение под стражу сопряжено с лишением лица свободы [11, с. 73; 12, с. 125; 13, с. 116]. Отметим, что указанные авторы используют понятие «свобода», не конкретизируя ее вида. Если и говорить о каком-либо лишении права лица, взятого под стражу, то это в первую очередь касается свободы передвижения и выбора места жительства (ст. 30 Конституции).

Содержание принудительного воздействия. Данный критерий следует учитывать для понимания, в какой принудительной форме государство воздействует на субъект правоотношений. Согласимся, что принуждение, присущее мерам пресечения, по своему содержанию является физическим, психическим и моральным воздействием. По мнению З.Ф. Ковриги, заключение под стражу относится к первому из перечисленных [12, с. 99]. Отметим, что эта мера пресечения вбирает в себя и иные формы воздействия. Однако физическое воздействие при ее применении, по нашему мнению, проявляется в наивысшей степени по сравнению с остальными.

Ф.М. Кудин в качестве одного из данных способов принудительного воздействия (правоохраны) выделяет предупреждение [14, с. 37], к которому можно отнести меры пресечения. Это обусловлено тем, что они воздействуют преимущественно путем предотвращения ненадлежащих действий подозреваемых, обвиняемых, создающих серьезную угрозу для реализации правоотношений, складывающихся между органами, ведущими уголовный процесс, и этими лицами. Однако, если вышеуказанные действия совершаются либо уже совершены, данные средства принуждения пресекают их.

Цели заключения под стражу интерпретируются по-разному, а их анализ показывает, что в своем большинстве они детерминированы основаниями для применения мер пресечения.

Необходимо согласиться с В.М. Корнуковым в том, что заключение под стражу – наиболее результативная мера с точки зрения обеспечения вышеуказанного поведения лиц, к которым оно применяется [15, с. 79], так как практически лишает возможности совершения ими каких-либо ненадлежащих действий ввиду их строгой изоляции от общества. В связи с этим указанная мера пресечения, предупреждая и пресекая вышеуказанные действия, фактически устраняет их.

Таким образом, цель заключения под стражу можно сформулировать как устранение ненадлежащих действий, закрепленных в ч. 1 ст. 117 УПК, при раскрытии оснований применения мер пресечения. Кроме того, при взятии лица под стражу в порядке, предусмотренном ст. 512 УПК, считаем, что данное процессуальное действие направлено на решение вопроса об экстрадиции лица.

П.С. Элькинд выделяет перспективную (ожидаемую) и ближайшую (посредством которой достигается первая) цели [16, с. 39–41]. Думается, ближайшей целью заключения под стражу является изоляция лица от общества путем помещения в специально предназначенные для этого учреждения. На это косвенно указывает ст. 9 Закона, согласно которой устанавливаемый в местах содержания лиц под стражей режим обеспечивает изоляцию лица, его надзор и охрану. Значение слова «изолировать» – «отдалить от других, лишая общения с кем-нибудь, ограждая от чего-нибудь» [1, с. 242].

С учетом вышеизложенного понятия исследуемой меры уголовно-процессуального принуждения можно определить следующим образом: «Заключение под стражу – мера пресечения, применяется органами, ведущими уголовный процесс, в установленном законом порядке к подозреваемым, обвиняемым, а также на основании ст. 512 УПК к лицам, находящимся в международном розыске, на определенный срок в форме физического воздействия, чем изолирует их от общества с целью ограничения их неприкосновенности и лишения свободы передвижения путем помещения в специально предназначенные для этого учреждения, пресекая следующие возможности: скрыться от органов уголовного преследования, воспрепятствовать следствию и рассмотрению уголовного дела судом (в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации доказательств, неявки

по вызовам вышеуказанных органов), совершить преступление, противодействовать исполнению приговора, и кроме вышеперечисленного для решения вопроса об экстрадиции».

Итак, представленную дефиницию положительно отличает содержательная сторона и точность, что исключает вариативную интерпретацию ее восприятия. Данное определение отражает суть заключения под стражу и способствует его отличию от иных мер пресечения. Считаем, что его целесообразно закрепить в ч. 1 ст. 126 УПК.

Список использованных источников

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. – 4-е изд., доп. – М.: Темп, 2006. – 944 с.
2. Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона; под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – СПб.: Типо-Литография И.А. Евфрона, 1898. – Т. XXIV. – 961 с.
3. Савчук, Т.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.А. Савчук. – Минск, 2014. – 234 л.
4. Уголовный процесс. Общая часть: учебник / И.В. Данько [и др.]; под общ. ред. И.В. Данько. – Минск: Акад. МВД, 2012. – 478 с.
5. Попов, К.В. Проблемы участия суда в применении мер пресечения: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 / К.В. Попов; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2004. – 29 с.
6. Орлов, Р.В. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения на предварительном расследовании в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 / Р.В. Орлов; Байкал. гос. ун-т экономики и права. – Иркутск, 2008. – 25 с.
7. Смирнов, В.В. Арест как мера пресечения при производстве предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 / В.В. Смирнов; ВНИИ МВД СССР. – М., 1978. – 23 с.
8. Зайцева, Л.Л. Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева, А.Г. Пурс. – Минск: Харвест, 2011. – 224 с.
9. Васильева, Е.Г. Принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе [Электронный ресурс] / Е.Г. Васильева // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвуз. сб. науч. трудов / РИО БашГУ; отв. ред. З.Д. Еникеев. – Уфа, 2003. – Режим доступа: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20033/index.htm>. – Дата доступа: 01.09.2019.
10. Петрухин, И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И.Л. Петрухин. – М.: Юристъ, 1999. – 391 с.
11. Лившиц, Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц. – М.: Юрид. лит., 1964. – 138 с.
12. Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 175 с.
13. Михайлов, В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе / В.А. Михайлов. – М.: Право и закон, 1996. – 299 с.
14. Кудин, Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве / Ф.М. Кудин. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 136 с.
15. Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 137 с.
16. Элькин, П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 143 с.

Дата поступления в редакцию: 02.09.19

R.R. Alekperov, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ABOUT THE CONCEPT OF PERFORMANCE MEASURES IN THE TYPE OF SECURITY CONCLUSION

The issue of determining a preventive measure in the form of detention is being considered. Her connection with the isolation of a person with placement in his place of detention is being established. A review of scientific views on the studied concept is carried out. Attention is focused on fundamental rights and freedoms limited by this measure, in particular, helping to distinguish it from other preventive measures. Disclosed are the goals pursued by detention, the method and content of the coercive effect as a result of its application. A proposal is made to improve legislation in this matter by normatively fixing the definition of the concept of detention.

Keywords: detention, preventive measure, coercive effect, restriction of law, isolation, purpose.

УДК 343.1

М.М. Якубель, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: mayak81@list.ru)

ЛИЦО, СОВЕРШИВШЕЕ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ, КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматривается понятие «лицо, совершившее общественно опасное деяние». Исследуются группы субъектов, которые его образуют. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что существующее определение не дает четкого представления о лицах, в отношении которых предварительное расследование и судебное разбирательство должно вестись по правилам производства о применении принудительных мер безопасности и лечения. Формулируются предложения по совершенствованию терминологии уголовно-процессуального кодекса.

Ключевые слова: лицо, совершившее общественно опасное деяние; участник уголовного процесса; процессуальное положение; психическое расстройство (заболевание); производство по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения.

Тема защиты прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство по уголовному делу, вызывала и продолжает вызывать интерес в среде ученых-процессуалистов. Вместе с тем проблема обеспечения прав психически больных субъектов, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в отечественной научной литературе освещается не активно. В этой связи представляется интересным подвергнуть теоретическому осмыслению отдельные положения действующей уголовно-процессуальной регламентации в обозначенной сфере с целью оценки ее эффективности.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) закрепляет (п. 49 ст. 6) понятие участника уголовного процесса, включая в его содержание судью, прокурора, государственного обвинителя, начальника следственного подразделения, следователя, начальника органа дознания, лицо, производящее дознание, подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и иных лиц, принимающих участие в уголовном процессе¹. Такое определение позволяет причислить к этой категории и субъекта, именуемого «лицо, совершившее общественно опасное деяние». Указанное понятие используется в законе для обозначения участников, в отношении которых ведется производство по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения.

Согласно п. 13 ст. 6 УПК содержание названной категории образуют лица, совершившие общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости или заболевшие после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием). Следует отметить, что Республика Беларусь стала первой на постсоветском пространстве страной, законодательно закрепившей отдельное наименование для таких субъектов и возможность рассматривать их как самостоятельных участников уголовного процесса. Тем не менее указанный прогрессивный шаг не повлек за собой комплексной оптимизации производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения, а породил целый ряд вопросов как теоретического, так и практического характера. Наиболее значимые из них связаны с отсутствием в УПК правового механизма трансформации подозреваемого, обвиняемого в лицо, совершившее общественно опасное деяние, а также с неопределенностью процессуального статуса данного субъекта.

Сам термин, использованный законодателем для обозначения упомянутого участника уголовного процесса, нельзя признать удачным. Его лексическое значение с большей долей вероятности предполагает отнесение к содержанию данной категории лиц, совершивших любое опасное для общества деяние: преступление, административное правонарушение, гражданско-правовой деликт и т. п., а не психически больных субъектов, совершивших деяния, запрещенные Особенной частью Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

¹ Следует оговориться, что первоначально указанная норма содержала исчерпывающий перечень участников уголовного процесса, однако после изменений, внесенных в текст УПК Законом от 4 января 2008 г. № 308-З, к ним были отнесены не только названные в п. 49 ст. 6 субъекты, но и «иные лица, принимающие участие в уголовном процессе».

В целях определения объема понятия «лицо, совершившее общественно опасное деяние» важно рассмотреть более подробно групповые признаки субъектов, включенных законодателем в его содержание.

Для уяснения содержания первой категории («лицо, совершившие общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости») следует обратиться к содержанию ч. 1 ст. 28 УК, которая определяет состояние невменяемости как невозможность лица сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие хронического психического расстройства (заболевания), временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики. Таким образом, рассматриваемую группу субъектов образуют лица, которые на момент совершения общественно опасного деяния, предусмотренного Особенной частью УК, находились в одном из состояний, включенных в соответствии с ч. 1 ст. 28 УК в понятие «невменяемость», и вследствие этого не имели возможности сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими. Вместе с тем отдельные ученые (П.А. Колмаков, А.Н. Ларин, А.П. Овчинникова, С.Я. Улицкий, А.А. Хомовский, А.Г. Яцкевич) в своих работах справедливо отмечают, что лицо может обоснованно именоваться совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости только тогда, когда наличие у него такого состояния установлено решением суда по уголовному делу. Сходной позиции придерживается и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, в постановлении № 1 от 28 марта 2013 г. которого указывается, что «Решение вопросов о невменяемости... относится к компетенции суда».

Разделяя приведенную позицию, полагаем не совсем корректным использование законодателем термина «невменяемость» применительно к досудебным стадиям уголовного процесса. Кроме того, категория «лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости» не позволяет судить о психическом состоянии субъекта на момент производства по уголовному делу. Таким образом, по смыслу Закона (п. 13 ст. 6 УПК) обязанность следователя – вести расследование в «особом» порядке – в данном случае обуславливается лишь наличием у лица психического расстройства (заболевания) на момент совершения противоправного деяния и не зависит от состояния его умственных способностей во время проведения предварительного следствия. Другими словами, если лицо на момент совершения общественно опасного деяния страдало психической патологией, включенной в соответствии со ст. 28 УК в понятие «невменяемость», то расследование должно проводиться в порядке гл. 46 УПК, даже если к моменту осуществления процессуальных действий лицо выздоровело либо его психическое состояние значительно улучшилось. Такой подход, как представляется, не в полной мере согласуется с назначением производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения: обеспечить дополнительными процессуальными гарантиями субъекта, процессуальная дееспособность которого ограничена психическим расстройством (заболеванием) в момент проведения расследования по делу. Тем не менее указанное положение воспринято правоприменителями и реализуется в их деятельности. Так, например, при производстве по уголовному делу, возбужденному в отношении гражданина П. по ст. 14, ч. 1 ст. 205 УК, совершившего покушение на хищение мопеда, по результатам проведения комплексной судебно-психиатрической и наркологической экспертизы было установлено: «В момент совершения инкриминируемого деяния у П. отмечалось временное расстройство психики в форме алкогольного делирия..., в силу которого он не мог сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими». Однако на момент проведения экспертизы: «...алкогольный делирий у подэкспертного купировался, каких-либо психических расстройств... у П. не наблюдается. По своему психическому состоянию в настоящее время он способен самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе». Несмотря на вывод эксперта о полной процессуальной дееспособности подозреваемого на момент расследования, следователь дальнейшее производство по делу осуществлял в «особом» порядке, предусмотренном гл. 46 УПК, реализуя тем самым дополнительные процессуальные гарантии применительно к лицу, которое в этом фактически не нуждалось [1].

Вопрос о целесообразности ведения «особого» производства в отношении таких субъектов является дискуссионным и вряд ли имеет однозначный ответ. Доводы «против» таких действий

уже изложены выше. Что касается аргументации «за», то здесь возможно провести определенную аналогию с производством по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет. Так, в случае достижения несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым восемнадцатилетия, которое обуславливает уголовно-процессуальную дееспособность лица, начатое в отношении него производство, регламентированное гл. 45 УПК, не прекращается, а устраняются лишь отдельные процессуальные гарантии, в применении которых отпадает необходимость (прекращается участие законных представителей подозреваемого или обвиняемого, не применяется правило о сокращенном времени допроса и др.). Другие процессуальные гарантии (например, обязательное участие защитника в производстве по делу) осуществляются в отношении совершеннолетнего субъекта в силу того, что предусмотренное уголовным законом деяние он совершил в несовершеннолетнем возрасте.

В этой связи представляется, что идея о ведении «особого» производства, регламентированного гл. 46 УПК, в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости, но выздоровевших ко времени производства по уголовному делу, отвечает современным тенденциям развития отечественного уголовно-процессуального законодательства, вектор совершенствования которого направлен на обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса. Необходимой видится в данном случае лишь терминологическая доработка наименования рассматриваемой группы субъектов с учетом тезиса о том, что правом на установление невменяемости обладает только суд. В качестве возможного варианта предлагается замена категории «лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости» оборотом «лицо, страдавшее в момент совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, психическим расстройством (заболеванием), включенным в соответствии с ч. 1 ст. 28 УК в понятие невменяемость». Использование такой формулировки позволит правильно обозначить рассмотренную группу субъектов и избежать преждевременного (для досудебных стадий уголовного процесса) вывода о невменяемости таких лиц.

Для того чтобы очертить круг субъектов, входящих в понятие с наименованием «лица, заболевшие после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием)», необходимо определить содержание понятия «психическое расстройство (заболевание)». В общем смысле оно обозначает «болезни, вызванные расстройством мозговых центров, мозговой деятельности человека» [2, с. 634]. Законодатель вкладывает в него несколько иное значение. Так, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об оказании психиатрической помощи» психическое расстройство (заболевание) определяется как состояние (заболевание), обусловленное расстройством психического здоровья человека вследствие нарушения функционирования организма в результате воздействия биологических, физических, химических, психологических, социальных, иных факторов, характеризующееся психопатологическими и (или) поведенческими нарушениями и подтвержденное диагнозом, установленным врачом-специалистом или врачебно-консультационной комиссией.

Если использовать приведенное определение для понимания смысла исследуемого нами понятия, то оборот «лица, заболевшие после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием)» объединит в себе субъектов, которые на момент совершения преступления были психически здоровы, однако после его совершения впали в состояние (заболевание), обусловленное расстройством психического здоровья человека вследствие нарушения функционирования организма в результате воздействия биологических, физических, химических, психологических, социальных, иных факторов, характеризующееся психопатологическими и (или) поведенческими нарушениями и подтвержденное диагнозом, установленным врачом-специалистом или врачебно-консультационной комиссией.

Вместе с тем и это определение видится не совсем удачным, так как не позволяет судить о характере и степени психической патологии, которые также влекут различные юридические последствия. Например, психическая болезнь может полностью лишить лицо возможности «сознавать значение своих действий или руководить ими» (ч. 1 ст. 442 УПК), может проявиться лишь в неспособности лица «самостоятельно осуществлять свое право на защиту» (п. 4 ч. 1 ст. 45 УПК), а может и вовсе не сказаться на процессуальной дееспособности субъекта. Между тем к какой

бы группе не относилась психическая патология, выявленная у участника уголовного процесса, она согласно существующей регламентации (п. 13 ст. 6 УПК) входит в использованную законодателем категорию «психическое расстройство (заболевание)», вследствие чего субъект должен признаваться «лицом, совершившим общественно опасное деяние», и производство в отношении него должно осуществляться по правилам гл. 46 УПК. Другими словами, субъектом производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения должно становиться лицо, заболевшее после совершения преступления любой психической болезнью, в том числе и той, которая не лишает его возможности сознавать значение своих действий или руководить ими. Однако это противоречит содержанию ч. 1 ст. 442 УПК, согласно которой принудительные меры безопасности и лечения, предусмотренные ст. 101 УК, применяются судом к лицам, совершившим общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости или заболевшим после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими. Кроме того, непонятно, следует ли применять правила, предусмотренные гл. 46 УПК, при осуществлении предварительного расследования, ведущегося в отношении лиц:

– страдавших на момент совершения преступления и продолжающих страдать после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), влекущим признание лица уменьшено вменяемым;

– страдавших на момент совершения преступления и продолжающих страдать после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), которое не лишает лицо возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, т. е. психической патологией, влекущей признание лица вменяемым в отношении совершенного им общественно опасного деяния.

Указанные категории субъектов не могут быть отнесены к «заболевшим после совершения преступления», так как у них психическое расстройство наступило до совершения преступления, имело место во время его совершения и продолжается после окончания преступной деятельности.

Представляется, что, закрепляя п. 13 ст. 6 УПК Республики Беларусь понятие «лицо, совершившее общественно опасное деяние», законодатель намеревался включить в его содержание лиц, совершивших общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости, и лиц, заболевших после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими. Другими словами, он стремился обозначить лиц, которые в момент возникновения уголовно-правовых и осуществления уголовно-процессуальных отношений страдали заболеванием, исключающим возможность назначения в отношении них уголовного наказания. Критерием разделения этих субъектов на две категории стал временной параметр, так как если лицо страдало психическим заболеванием на момент совершения общественно опасного деяния, то оно является невменяемым, а если приобрело заболевание после совершения преступного деяния, то такое деяние уже называется преступлением, а лицо следует именовать заболевшим после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием). Однако неудачная формулировка, использованная законодателем, исказила предполагаемый смысл и допустила неоднозначное понимание термина.

Устранить создавшуюся правовую ошибку видится возможным путем конкретизации содержания п. 13 ст. 6 УПК с учетом ранее сформулированных в данной работе положений. Таким образом, под категорией «лицо, совершившее общественно опасное деяние» следует понимать лицо, страдавшее в момент совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, психическим расстройством (заболеванием), включенным в соответствии с ч. 1 ст. 28 УК в понятие «невменяемость» или заболевшее таким психическим расстройством (заболеванием) после совершения преступления.

Внесение соответствующих изменений в текст уголовно-процессуального закона позволит четко обозначить круг субъектов, в отношении которых производство по уголовному делу должно вестись по правилам гл. 46 УПК, что будет способствовать надлежащему обеспечению прав и законных интересов граждан, страдавших психическим расстройством (заболеванием) во время совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, или заболевших после совершения преступления.

Список использованных источников

1. Архив суда Речицкого района Гомельской области за 2009 г. – Уголовное дело № 292.
2. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д.Н. Ушаков. – М. : Дом Славянской книги, 2008. – 960 с.

Дата поступления в редакцию: 23.07.19

M.M. Yakubel, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

PERSON WHO MADE PUBLIC DANGEROUS ACTION AS A SUBJECT OF CRIMINAL PROCEDURE RELATIONSHIPS

The concept of “a person who has committed a socially dangerous act”, explores the groups of subjects that form it is discussed in the Article. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the existing definition does not give a clear picture of the persons in respect of whom the preliminary investigation and trial should be conducted according to the rules of proceedings on the use of compulsory security measures and treatment. The proposals to improve the terminology of the criminal procedure code are formulated.

Keywords: a person who has committed a socially dangerous act, a participant in a criminal process, procedural status, mental disorder (illness), criminal proceedings on the application of enforced measures of safety and treatment.

КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.97

А.Ю. Асабин, адъюнкт Института национальной безопасности
Республики Беларусь
(e-mail: alexan7307@gmail.com)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Рассматриваются место и роль международного взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с транснациональной преступностью.

Анализируется международная правовая база, обеспечивающая институциональную платформу сотрудничества. Исследуется деятельность международных организаций, осуществляющих координацию и содействие правоохранительным органам различных государств в предупреждении, выявлении и пресечении преступлений, затрагивающих несколько национальных юрисдикций.

Называются основные формы взаимодействия, используемые в международной практике для эффективного решения задач противодействия транснациональным криминальным угрозам. Раскрывается их содержание.

Ключевые слова: международное сотрудничество, правоохранительные органы, транснациональная преступность, международные организации, взаимодействие, международно-правовые акты, формы сотрудничества, правовая помощь.

Расширение масштабов преступности, ее быстрый выход за пределы национальных юрисдикций, увеличение ущерба, причиняемого личности и обществу, представляют все большую угрозу архитектуре международной безопасности и стабильности, актуализируя необходимость объединения усилий, организации институционального и межведомственного сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с данным социально опасным явлением.

Глобализация как процесс усиления взаимодействия и взаимозависимости оказывает фундаментальное воздействие на современное общество, способствуя расширению межнациональных коммуникаций и торгово-производственных контактов. Либерализация внешнеэкономической деятельности, рост миграции населения, усиление движения товарно-транспортных потоков во времени и пространстве формируют сложную конфигурацию интеграционных связей, способствуя не только процессам развития национальных экономик, но и облегчая незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, оружия и боеприпасов, контрабанду товарно-материальных ценностей и иные преступления трансгосударственного характера.

Борьба с транснациональной преступностью вызывает определенные сложности у всех государств, так как компетенция национальных правоохранительных органов не распространяется на иностранные юрисдикции, а без помощи стран-партнеров невозможно полноценно противостоять ее угрозам.

Исследование международно-правового механизма противодействия транснациональной преступности, роли межгосударственного сотрудничества в разработке и применении наиболее эффективных форм и методов борьбы с ее проявлениями обуславливает актуальность заявленной темы.

Противодействие транснациональной преступности занимает особое место в международной повестке дня и привлекает все большее внимание специалистов, занимающихся разработкой уголовно-правовых мер борьбы с угрозами криминального характера.

Проблематика противодействия трансгосударственным противоправным деяниям получила определенную проработку в научных источниках. Отечественный и мировой опыт про-

тиводействия указанным преступлениям, вопросы становления и совершенствования его международно-правовых основ, организации взаимодействия и координации действий правоохранительных органов рассматривались в работах И.И. Басецкого [1], Н.А. Легенченко [1], С.С. Тупеко [2], В.В. Меркушина [3], Т.А. Дикановой [4], В.Е. Осипова [4], А.В. Скачко [5], О.В. Танкевича [6], А.З. Игнатюка [7].

Транснациональная преступность как социально-правовой феномен не является новым явлением, однако ее распространение в условиях динамично проходящих процессов глобализации часто принимает экспоненциальный характер. Противостояние криминальным угрозам международного характера, сдерживание активности преступных формирований выступает доминирующей задачей правоохранительных органов, одним из ключевых элементов выполнения которой является необходимость тесного сотрудничества с зарубежными партнерами, координации усилий по выработке и реализации национальных, региональных и международных мер реагирования на конкретные виды противоправной деятельности транснационального характера.

Практика противодействия преступности, затрагивающей несколько национальных юрисдикций, свидетельствует о ряде факторов, препятствующих эффективному международному сотрудничеству: различия в структуре правоохранительных органов, затрудняющие определение иностранными представителями подразделения, уполномоченного заниматься конкретным видом деятельности либо предоставлять необходимую информацию; языковые барьеры; различия в законодательстве и юридической практике [8, с. 14–15].

В целях устранения указанных проблем мировым сообществом выработан ряд инструментов, включающих в себя формирование институционального пространства и учреждение международных организаций, осуществляющих координацию сотрудничества правоохранительных органов различных государств.

Международные нормы, определяющие всеобъемлющие и скоординированные подходы в противодействии преступным посягательствам транснационального характера, легитимизирующие основания сотрудничества правоохранительных органов, разрабатывались и принимались мировым сообществом в различных международно-правовых актах. Одним из ведущих является Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности с дополнительными протоколами к ней 2000 г. (далее – Конвенция). Преимуществом указанного документа явилось то, что он укрепил и расширил правовую платформу международного сотрудничества и явился важным шагом в противодействии международным криминальным угрозам. В качестве основополагающих мер противодействия транснациональной организованной преступности в Конвенции определена необходимость принятия государствами, ратифицировавшими договор, законодательных и иных мер по криминализации участия в организованной преступной группе (ст. 5), отмыванию доходов от преступлений (ст. 6), противодействию коррупции (ст. 8), воспрепятствованию осуществлению правосудия (ст. 23).

Несмотря на прогрессивный характер, Конвенция имеет и недостатки: в ней отсутствует определение транснациональной организованной преступности, о противодействии которой заявлено в названии, не регламентирована необходимость криминализации иных, активно используемых сфер противоправной деятельности международной преступности – контрабанды товаров, незаконной торговли наркотическими средствами и психотропными веществами, культурными ценностями и т. д.

Имплементация норм Конвенции в законодательства стран-участниц осуществлена с учетом особенностей национальных правовых систем. Так, в Республике Беларусь международный договор ратифицирован Законом Республики Беларусь от 3 мая 2003 г. № 195-З «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности». Нормативный правовой акт принят с определенными ограничениями, касающимися необходимости криминализации обещания либо предложения дачи взятки и установления уголовной ответственности юридических лиц.

Кроме рассматриваемой Конвенции мировым сообществом принят ряд иных международно-правовых актов, нормы которых регламентируют как отдельные сферы противодействия транснациональной преступности (Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений и т. д.), так

и конкретные ее виды (Конвенция ООН против коррупции, Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и др.).

Правовые нормы указанных актов имплементированы в национальное законодательство Республики Беларусь. Помимо этого, активная законотворческая деятельность по разработке и принятию соглашений относительно противодействия транснациональной преступности осуществляется Республикой Беларусь и на региональном уровне в рамках различных интеграционных образований. Так, в 2001 г. в Минске подписано Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, в 2010 г. заключен Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов Таможенного союза, а также ряд иных.

Кроме ратификации международно-правовых актов глобального и регионального масштаба Республикой Беларусь заключено большое количество договоров двустороннего характера, регламентирующих вопросы правовой помощи по уголовным делам и выдаче лиц, совершивших преступления.

Учреждение мировым сообществом международных организаций в различных сферах правоохранительной деятельности призвано обеспечить легитимную платформу для сотрудничества и укрепления связей национальных органов и структур, в том числе содействия и координирования борьбы с транснациональной преступностью.

Ведущей международной организацией полицейского сотрудничества является Международная уголовная полиция (далее – Интерпол), в настоящее время объединяющая более 190 стран-участниц. Межправительственный характер организации признан ООН, с которой подписано соглашение о сотрудничестве и утвержден статус наблюдателя на Генеральных ассамблеях ООН [9].

Отличительной чертой структурной организации Интерпола является учреждение международной сети полицейских органов – Национальных центральных бюро Интерпола. Сотрудничество полицейских структур осуществляется в соответствии с национальным законодательством на равноправной основе и призвано развивать и поддерживать коллективные усилия в противодействии криминальным угрозам и вызовам.

Содействие в борьбе с преступностью и терроризмом, защита здоровья и безопасности населения в качестве одного из ключевых направлений деятельности декларируется Всемирной таможенной организацией (далее – ВТамО). Учрежденная мировым сообществом в качестве Совета таможенного сотрудничества, она является самостоятельным межправительственным органом, основная миссия которого заключается в продвижении безопасности и содействии международной торговле, включающей унификацию и упрощение процедур таможенных операций, скоординированного управления таможенными границами и обмена информацией между заинтересованными сторонами [10].

Национальные таможенные структуры в своих странах выполняют ведущую роль в предупреждении и пресечении незаконного перемещения товаров через таможенные границы, в связи с чем в повседневной служебной деятельности сталкиваются с широким спектром преступлений транснационального характера. Ключевым элементом в успешном противодействии преступности в таможенной сфере является своевременный обмен информацией и оперативными данными, обработку и направление которых обеспечивает ВТамО.

Осуществляя запрещенные виды деятельности в теневом сегменте экономики, представители транснациональной преступности преследуют цели получения сверхдоходов, что в последующем ставит задачи их легализации и использования, в том числе для финансирования своего дальнейшего функционирования. Так, И.И. Басецкий и Н.А. Легенченко указывают, что вложение криминальных денег в легальный бизнес придает организованным преступникам определенную респектабельность в обществе, обеспечивает несправедливое конкурентное преимущество, что в конечном итоге тормозит внутреннее инвестирование и доступ иностранного капитала, приводя к стагнации в экономике [1, с. 291].

В целях противодействия незаконному отмыванию финансовых средств мировым сообществом создана международная группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег

(далее – ФАТФ). Данная организация является межправительственным органом, призванным устанавливать стандарты и содействовать эффективной реализации правовых мер по борьбе с отмыванием денежных средств, финансированием терроризма и другими, связанными с ними угрозами целостности международной финансовой системы [11, с. 7].

Для координации усилий в противодействии транснациональной преступности на региональном уровне странами, входящими в СНГ, создан ряд специальных органов и учреждений, призванных стать платформами межведомственного сотрудничества в вопросах правоохранительной деятельности.

Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ, Совет руководителей органов безопасности и спецслужб государств – участников СНГ и ряд иных организаций, учрежденных под эгидой СНГ, как постоянно действующие межгосударственные органы в рамках компетенции принимают участие в разработке международно-правовых актов в сфере борьбы с транснациональной преступностью, координируют взаимодействие национальных подразделений, содействуют обмену опытом и укреплению сотрудничества между ведомствами.

Правоприменительная практика правоохранительных органов различных стран за годы сотрудничества выработала ряд форм взаимодействия, обеспечивающих эффективную реализацию уголовно-правовых и иных мер реагирования на преступную деятельность транснационального характера, регламентация которых осуществлена в различных международно-правовых актах. К ним относятся следующие:

1. Обмен информацией оперативного и справочного характера по вопросам противодействия транснациональной преступности. Данная форма сотрудничества является значимым элементом процесса выявления и пресечения преступлений, обеспечивает результативность расследования путем получения необходимых сведений о личности преступников, сфере их противоправных устремлений, механизме преступной деятельности и иных актуальных данных.

Учитывая важность обмена информацией, мировым сообществом внедряется практика учреждения центров накопления и передачи информации, в том числе в рамках международных организаций. Так, Интерполом осуществлена разработка и ведется администрирование 17 полицейских баз данных с информацией о преступлениях и лицах, их совершивших, доступ к которым осуществляется в круглосуточном режиме [9]. ВТамО создана Сеть таможенного контроля, которая представляет собой глобальную базу данных, обеспечивающую обмен оперативной информацией, в том числе сведениями об изъятиях национальными таможенными формированиями запрещенных к перемещению товаров.

2. Оказание взаимной правовой помощи и выдача лиц, совершивших преступления. Противоправные деяния, затрагивающие несколько национальных юрисдикций, создают определенные сложности в их расследовании, что детерминирует необходимость оказания помощи в процессуально-следственных действиях и иных мероприятиях в сфере уголовного преследования.

3. Специальные формы сотрудничества, включающие в себя содействие в проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий, организация и осуществление специальных операций, направленных на борьбу с конкретными видами транснациональной преступности.

Эффективный метод пресечения транснациональной преступности – специальные операции правоохранительных и иных компетентных органов, проводимые на глобальном и на региональном уровнях. Под совместной координацией Интерпола и ВТамО в мае 2018 г. на территории 93 стран проведена операция «Гроза», направленная на пресечение преступлений против незаконного оборота диких видов флоры и фауны. По итогам осуществлено 1 974 изъятия предметов преступлений, задержано 1 400 подозреваемых лиц [12].

С февраля по март 2019 г. проведена международная антинаркотическая операция ОДКБ «Канал-центр», участие в которой приняли правоохранительные органы стран-членов организации. В результате скоординированных действий из незаконного оборота изъято 11,4 тонн наркотических веществ, возбуждено около 4 тыс. уголовных дел. Изъято 307 единиц огнестрельного оружия [13].

4. Обмен опытом правоохранительных органов, содействие в обеспечении подготовки кадров, включающем в себя организацию и проведение учебных курсов, стажировок, семинаров, осуществление научных исследований и т. д.

5. Совместная деятельность по совершенствованию международно-правовой базы – разработка и принятие межведомственных актов, направленных на углубление сотрудничества и взаимной помощи в вопросах повышения эффективности противодействия транснациональной преступности.

Рассмотренные формы сотрудничества правоохранительных органов не являются исчерпывающими и дополняются иными, чья апробация и введение в служебную практику определяются взаимной заинтересованностью взаимодействующих сторон.

Несмотря на разработку и применение правоохранительными органами достаточно разнообразных форм сотрудничества, эффективность их практического использования часто находится в корреляции с необходимостью обеспечения национальных интересов взаимодействующих сторон. Определенное влияние оказывают и различающиеся правовые системы, сферы уголовного законодательства, социокультурные и иные различия в обществе.

Указанное вносит определенные сложности в организацию полноценного сотрудничества (оказание правовой помощи; выдача лиц, совершивших преступления), обуславливая необходимость адаптации взаимных контактов в соответствии с национальными интересами стран-сотрудниц.

Транснациональная преступность как сложное социально опасное явление постоянно совершенствует механизмы противоправной деятельности, обладая гибкостью организационной структуры и применяемых способов и приемов противоправной деятельности, обеспечивающих адаптацию своих интересов к институциональным, режимным и иным условиям в странах и регионах.

Кроме того, особая пространственная конфигурация преступной деятельности, обусловленная нахождением ее участников на территории различных государств, а иногда и континентов, в ряде случаев способствует избеганию уголовной ответственности организаторами, ограничивая пресечение противоправной деятельности задержанием рядовых исполнителей – перевозчиков контрабандных грузов, наркокурьеров и т. д. Указанное способствует повышению конспирирования и технологичности транснациональной преступности, что включает в себя проработку более сложных маршрутов, использование новых транспортных средств и способов связи, обустройство тайников и т. д.

Кроме функционирования на традиционных криминальных рынках представителями транснациональной преступности активно осуществляется поиск новых сфер криминального бизнеса. В частности, все большую озабоченность мирового сообщества вызывает проникновение транснациональной преступности в киберпространство. Противоправные деяния в сфере Интернет-мошенничества, хищения финансовых средств, иных преступлений с использованием высоких технологий получают стремительное распространение во всем мире.

Эти условия диктуют необходимость постоянного совершенствования правоохранительной деятельности компетентных органов, в том числе путем регулярного мониторинга и внесения новаций в международно-правовую базу, регулирующую общественные отношения в сфере противодействия транснациональной преступности, а также путем активизации действующих и выработки новых форм межведомственного взаимодействия и двусторонних контактов заинтересованных стран.

Таким образом, анализ международно-правового инструментария взаимодействия правоохранительных органов позволяет сделать следующие выводы:

эффективное противодействие транснациональной преступности практически невозможно без организации тесного сотрудничества и координации усилий правоохранительных органов на международном уровне;

правовое регулирование общественных отношений в сфере борьбы с транснациональной преступностью достаточно подробно регламентировано международным законодательством с учетом определенных этапов его совершенствования и обогащения рядом новаций;

исследование наиболее актуальных форм сотрудничества правоохранительных органов свидетельствует о стремлении заинтересованных государств придать им прикладную направленность и детализированный характер, что обусловлено необходимостью организации эффективного противодействия конкретным видам транснациональной преступности;

практическая значимость международного сотрудничества заключается в разработке и применении мировым сообществом многоуровневых мер борьбы с преступлениями трансна-

ционального характера, комплексное использование которых обеспечивает синергетический эффект служебной деятельности правоохранительных органов всех государств;

качественному взаимодействию правоохранительных органов на международном уровне должна способствовать соответствующая трансформация нормативной правовой базы, обеспечивающая унификацию и гармонизацию национальных законодательств в соответствии с международно-правовыми стандартами с целью исключения перенаправления криминальных устремлений транснациональной преступности в юрисдикции с либеральными мерами уголовного преследования;

угрозы и вызовы, создаваемые транснациональной преступностью, требуют принятия комплексных и скоординированных межгосударственных мер реагирования, в связи с чем международное сотрудничество является важнейшим инструментарием, призванным объединять усилия правоохранительных органов в борьбе с криминальными проявлениями трансгосударственного характера направленным, на укрепление потенциала безопасности отдельных стран и мирового сообщества в целом.

Список использованных источников

1. Басецкий, И.И. Организованная преступность : монография / И.И. Басецкий, Н.А. Легенченко. – Изд. 2-е. – Минск : Акад. МВД, 2002. – 551 с.
2. Тупеко, С.С. Теория и практика борьбы с транснациональной преступностью в Республике Беларусь: оперативно-розыскной аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.С. Тупеко. – Минск, 2010. – 147 л.
3. Меркушин, В.А. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной организованной преступностью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В.А. Меркушин ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 20 с.
4. Диканова, Т.А. Борьба с таможенными преступлениями и отмыыванием «грязных денег» : метод. пособие / Т.А. Диканова, В.Е. Осипов. – М. : Юнити-Дана ; Закон и право, 2000. – 310 с.
5. Скачко, А.В. Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей: концептуальные подходы к регламентации ответственности и предупреждению в законодательстве современной России / А.В. Скачко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 312 с.
6. Танкевич, О.В. Криминалистическая характеристика и стратегия раскрытия транснациональных преступлений : автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Танкевич ; Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 1997. – 19 с.
7. Игнатюк, А.З. Контрабанда и иные правонарушения во внешнеэкономической деятельности : теория и практика расследования / А.З. Игнатюк. – М. : Изд. деловой и учеб. лит. ; Минск : Амалфея, 2001. – 320 с.
8. Петран, А.С. Национальное центральное бюро Интерпола в Республике Беларусь / А.С. Петран, А.И. Вершель. – Минск : МВД, 2013. – 59 с.
9. Interpol [Electronic resource] // Mode of access: <https://www.interpol.int>. – Date of access: 17.06.2019.
10. World Customs Organization [Electronic resource] // Mode of access: <http://www.wcoomd.org/en/about-us/what-is-the-wco/goals.aspx>. – Date of access: 17.06.2019.
11. Международные стандарты по противодействию отмыыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения : рекомендации ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыыванием денег) / ФАТФ. – М. : МУМЦФМ, 2013. – 216 с.
12. Wildlife crime: global seizures and arrests in transcontinental operation [Electronic resource] // World Customs Organization. – Mode of access: <http://www.wcoomd.org/en/media/newsroom/2018/june/wildlife-crime-global-seizures-and-arrests-in-transcontinental-operation.aspx>. – Date of access: 17.06.2019.
13. В Алматы подвели итоги международной операции ОДКБ «Канал – Центр». Изъято более 11 тонн наркотиков [Электронный ресурс] // Организация Договора коллективной безопасности. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/itogi2019/?sphrase_id=60882. – Дата доступа: 17.06.2019.

Дата поступления в редакцию: 21.07.19

A.Y. Asabin, Postgraduate student of Institute of National security of the Republic of Belarus

CURRENT ISSUES ON TRANSNATIONAL CRIME COUNTERACTION: INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

The article discusses the place and role of international law enforcement cooperation against transnational crime.

The analysis of international legal framework providing an institutional platform for cooperation has been carried out; the activities of international organizations coordinating and assisting law enforcement bodies of various states in preventing, detecting and suppressing crimes under several national jurisdictions have been investigated.

The content of the main forms of international interaction for effective reaction on transnational criminal threats is disclosed.

Keywords: international cooperation, law enforcement agencies, transnational crime, international organizations, interaction, international legal acts, forms of cooperation, legal assistance.

УДК 343.4

В.В. Вабищевич, аспирант кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета
(e-mail: r999m@mail.ru)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Рассматриваются криминологические риски, способствующие росту преступных посягательств на персональные данные. Акцентируется внимание на том, что информационно-коммуникационные технологии внедряются и развиваются значительно быстрее, чем законодательные и правоохранительные органы могут реагировать на этот рост. Предлагаются меры, направленные на предупреждение и профилактику посягательств на персональные данные. Отмечается, что действующие нормы уголовного права не в полной мере учитывают специфику института персональных данных. Указывается на необходимость наладить освещение проблем последствий посягательств на персональные данные в средствах массовой информации для преодоления правового нигилизма руководителей учреждений и предприятий, а также отдельных граждан.

Ключевые слова: персональные данные, криминологические риски, защита информации, совершенствование законодательства, конституционные права, информационная безопасность.

Анонимность глобальных информационных сетей, быстрота передачи информации и доступность работы с ними позволяют использовать данные преимущества для совершения противоправных деяний. Структура киберпреступности, к которой преимущественно относятся посягательства на персональные данные, заметно отличается в разных странах и зависит от характера и степени развития информационных технологий, распространения сети Интернет, использования электронных сервисов, электронной коммерции и т. п. [1]

Президент Республики Беларусь подчеркнул, что технологичность открывает новые возможности для преступного вмешательства, несанкционированного получения и использования данных, в том числе личных, на что надо обратить внимание. И в этой связи необходимо не только принимать оперативные меры реагирования на подобные угрозы, но и действовать на их упреждение.

Угроза таких преступлений составляет серьезную проблему для общества, а борьба с ними является стратегически важной задачей для правоохранительных органов, особенно в части, касающейся реализации мер, направленных на эффективное противодействие росту киберпреступлений, своевременное установление лиц, совершивших преступные деяния, и получение доказательств, подтверждающих их совершение [2]. Знание типов личности преступников необходимо как для раскрытия уже совершенных ими преступлений, так и для их предупреждения [3, с. 64].

Исследователи к причинам и условиям посягательств на персональные данные относят различные обстоятельства. Г.Г. Зуйков, например, определяет совокупность условий и причин, которые вызывают совершение преступлений, и относит к ним следующие:

прямую причину посягательства;
условия, способствующие действию прямых причин и конкретному преступному деянию;
обстоятельства, формирующие прямые причины, а также условия, которые способствуют действию факторов, определяющих причину.

Прямой причиной, по мнению автора, обычно выступают антисоциальная направленность личности, а сами посягательства на персональные данные с субъективной стороны совершаются только умышленно [4].

С.И. Ушаков разделяет все обстоятельства, формирующие антисоциальную направленность, на субъективные и объективные условия, к которым относит непродуманную кадровую политику и ненадлежащее отношение к вопросу обеспечения защиты информации [5].

Е.А. Маслакова указывает, что довольно часто в компаниях, обрабатывающих большие объемы информации, отсутствуют отделы или службы по обеспечению информационной безопасности [6].

Так, в Германии были проведены виктимологические исследования, в ходе которых изучался опыт пострадавших от интернет-преступлений. Опрошенные респонденты отметили ряд последствий:

ущерб, нанесенный использованием вредоносного программного обеспечения через Интернет (компьютер был до такой степени заражен вирусами, «червями» или «троянами», что это повлекло за собой потерю данных или материальный ущерб);

неправомерное использование персональных данных при пользовании Интернетом (номер банковской карты, данные кредитной карты, право доступа к компьютеру);

намеренное и неоднократное преследование и обременение своим присутствием или вниманием (сталкинг), а также психологическое насилие посредством фотографирования, постановки в неловкое положение, угроз [7].

В связи с создавшейся тенденцией такого вмешательства видится необходимым рассмотреть возможность проведения виктимологических исследований и в Республике Беларусь, что позволит законодателям и правоприменителям более четко сформулировать элементы составов преступлений.

В целом к условиям, способствующим совершению посягательств на персональные данные, можно отнести следующие.

1. Информационно-коммуникационные технологии внедряются и развиваются значительно быстрее, чем законодательные и правоохранительные органы могут реагировать на этот рост.

Эмпирическое исследование интернет-преступности обусловлено эволюцией преступного профессионализма – использованием новых компьютерных технологий при совершении деяний, признаки которых не содержатся в уголовно-правовых нормах [8].

Только в Беларуси в рамках Евразийского экономического союза в системе законодательства отсутствует специализированный нормативный правовой акт, посвященный охране персональных данных. Беларусь не присоединилась к Конвенции Совета Европы «О защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера».

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) отсутствуют специальные составы преступлений, предусматривающие в качестве непосредственного объекта защиту персональных данных, а действующие редакции статей УК, так или иначе связанные с посягательством на персональные данные, не претерпели существенных изменений с 1999 г., т. е. с момента принятия уголовного закона.

Однако О.А. Зигмунт отмечает, что проблема отставания уголовного законодательства от криминальной действительности, порождающей высокую латентность и незащищенность граждан в информационной сфере, наблюдается и в европейских государствах, и в России [9].

2. Глобальность и трансграничность информационных систем.

Возможность манипуляций преступника с идентичностью (использование чужих имен, адресов, паролей и т. п.) создает ситуации, когда он находится на одном континенте, преступление непосредственно совершается на другом, а последствия преступления наступают на третьем.

Так, Т.Л. Тропина, В.А. Номоконов отмечают, что угроза киберпреступности превратилась в острую проблему, требующую координации действий на международном уровне. С того момента, когда государство включается в информационный обмен посредством сети Интернет, оно само и его граждане становятся уязвимыми для посягательств из любой точки земного шара [1].

3. Количество пользователей и анонимность сети Интернет.

С увеличением количества пользователей увеличивается возможность использования сети для совершения преступлений, а также растет потенциальная возможность стать их жертвой. Анонимность сети Интернет затрудняет обнаружение преступников.

4. Латентность, в том числе искусственная.

Преступные манипуляции с персональными данными, которые хранятся в автоматизированных информационных системах, являются достаточно латентными, что ограничивает применение мер юридической ответственности к потенциальным преступникам. Как отмечает Д.А. Ястребов, опросы следователей и судей, предпринимателей и потерпевших от неправомер-

ного доступа к компьютерной информации, в том числе персональным данным, позволили выявить такую тенденцию, как рост латентности данного вида преступлений [10].

Автор подчеркивает, что одним из путей преодоления латентности преступлений в сфере высоких технологий является преодоление правового нигилизма руководителей учреждений, предприятий, организаций, а также отдельных граждан путем освещения проблем компьютерной преступности в средствах массовой информации.

К причинам искусственной латентности компьютерной преступности в первую очередь относят нежелание потерпевшей стороны сообщать в правоохранительные органы о преступных посягательствах на их компьютерные системы.

5. Низкая грамотность в правовой и информационной сферах.

Эксперты отмечают, что не все пользователи осознают необходимость сохранности личной информации. Очень часто потерпевшие даже не догадываются о преступных действиях, совершенных против них и направленных на нарушение конфиденциальности информации, так как в отличие от бумажных носителей информация никуда не исчезает. Кроме этого, до сих пор лицо, совершившее преступление в компьютерной сфере, как правило, рассматривают как гения и не относят к разряду типичных уголовников («эффект Робина Гуда») [10].

Порою пренебрежительность и неосведомленность владельцев компьютерной информации способствует привлечению внимания преступных элементов к ним. В связи с этим необходимо наладить освещение тяжести последствий совершения посягательств на персональные данные в средствах массовой информации для преодоления правового нигилизма.

6. Сложный процесс изобличения и наказания виновных.

«Компьютерный преступник» – это только один из видов субъектов посягательства на персональные данные. Е.В. Беляев определяет, что компьютерные преступники подразделяются на начинающих (школьники, студенты), закрепившихся (технические консультанты, системные администраторы), профессионалов (начальники отделов информационных технологий в банках, государственных учреждениях). Они отличаются тем, что высокая техническая подготовленность – их основная черта, высокая латентность преступлений – основа их мотивации, внутренняя предрасположенность – основное условие становления на преступном пути. По данной причине портрет личности «компьютерного преступника» можно определить на 30–40 %, что делает изобличение и наказание виновных для правоохранителей достаточно сложным [11].

Для преодоления данной проблемы необходимо наладить повышение эффективности правоохранительной деятельности, требовательности к уровню профессионализма работников правоохранительных органов в сфере защиты персональных данных.

Некоторые авторы предлагают создавать на базе государственных учреждений специальные факультеты, где могла бы вестись подготовка специалистов в области компьютерной безопасности, а также предусмотреть постоянное функционирование системы переподготовки специалистов по профилактике и расследованию преступлений в сфере информационной безопасности [12, с. 116–127]. Координация действий заинтересованных структур в ее обеспечении позволит проводить профилактику преступлений и эффективно взаимодействовать при обнаружении признаков совершения преступления [13, с. 463].

Специалисты в России указывают на отсутствие четкого алгоритма взаимодействия подразделений полиции и других структур, что ведет к тому, что большая часть преступлений остается нераскрытой, оперативники не могут получить достаточных данных для квалификации преступления. Кроме того, кадровый состав суда, прокуратуры и полиции не имеет надлежащего уровня подготовки для профилактики таких преступлений и их эффективного расследования.

К особенностям посягательств на персональные данные можно отнести:

тенденцию к увеличению числа лиц женского пола, совершающих компьютерные преступления [14];

динамику повышения доли женщин среди лиц, совершивших преступления в сфере высоких технологий, обусловленного профессиональной ориентацией (секретарь, бухгалтер, контролер, делопроизводитель, кассир и др.) на использование компьютерной техники в работе [15];

рост посягательств на персональные данные, совершенных лицами до шестнадцати лет (например, подростки украли жесткие диски с личными данными учеников и использовали их в своих целях) [16].

По мнению известного американского специалиста по борьбе с фишингом (разновидность компьютерного мошенничества) Лэнса Джеймса, в XXI в. наибольшее распространение среди компьютерных преступников получили скрипткидди (script kiddies) [17, с. 42], особенностями которых является их юный возраст, непрофессиональные хакерские способности, наличие свободного времени, упорство в достижении поставленной цели, использование уже готовых кодов, разработанных специалистами [17, с. 43].

Таким образом, в соответствии с вышеизложенным можно сделать выводы:

Действующие нормы уголовного права не в полной мере учитывают специфику института персональных данных.

К криминологическим рискам, способствующим совершению посягательств на персональные данные, следует отнести: быстрый рост развития информационно-коммуникационных технологий по сравнению с реагированием законодательных и правоохранительных органов на этот рост; глобальность и трансграничность информационных систем; рост количества пользователей и анонимность сети Интернет; латентность; низкую грамотность граждан в правовой и информационной сферах; сложный процесс изобличения и наказания виновных лиц и др.

В целях профилактики посягательств на персональные данные необходимо: наладить освещение их последствий в средствах массовой информации; рассмотреть возможность проведения виктимологических исследований; принять меры по повышению эффективности правоохранительной деятельности, требований к уровню профессионализма работников правоохранительных органов в сфере защиты персональных данных; наладить координацию действий заинтересованных структур в обеспечении компьютерной безопасности и др.

Список использованных источников

1. Номоконов, В.А. Киберпреступность: угрозы, прогнозы, проблемы борьбы / В.А. Номоконов, Т.Л. Тропина // *Information Technology and Security*. – 2013. – № 1. – С. 86–94.
2. Чекунов, И.Г. Криминологические и уголовно-правовые аспекты предупреждения киберпреступлений / И.Г. Чекунов // *Росс. следователь*. – М. : Юрист, 2013. – № 3. – С. 36–43.
3. Юзиханова, Э.Г. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступления против собственности в нефтегазовом комплексе / Э.Г. Юзиханова, С.А. Лысенко // *Юрид. наука и правоохран. практика*. – 2011. – № 3. – С. 61–65.
4. Зуйков, Г.Г. К вопросу о понятии причин преступления и условий, способствующих его совершению / Г.Г. Зуйков // *Вопр. предупрежд. преступности*. – № 2. – 2005. – С. 15.
5. Ушаков, С.И. Преступления в сфере обращения компьютерной информации / С.И. Ушаков // *Теория, законодательство, практика*. – Ростов н/Д, 2001. – С. 169.
6. Маслакова, Е.А. История правового регулирования уголовной ответственности за компьютерные преступления / Е.А. Маслакова // *Информац. право*. – 2006. – № 4. – С. 27.
7. Зигмунт, О.А. Кибер- и интернет-преступность в Германии и России: возможности сравнительного исследования / О.А. Зигмунт, А.В. Петровский // *Юрид. наука и правоохран. практика*. – 2015. – № 4. – С. 180–188.
8. Тропина, Т.Л. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? / Т.Л. Тропина // *Междунар. правосудие*. – 2012. – № 3. – С. 86–95.
9. Зигмунт, О.А. Компьютерная преступность в Германии / О.А. Зигмунт // *Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна : сб. материалов Междунар. Балт. криминолог. конф. : в 2 ч.* – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – Ч. 1. – С. 157–159.
10. Ястребов, Д.А. Вопрос о латентности неправомерного доступа к компьютерной информации в Российской Федерации / Д.А. Ястребов // *Юрид. мир*. – 2008. – № 10. – С. 61–64.
11. Беляев, Е.В. Типы личности «компьютерного преступника» / Е.В. Беляев // *Законодательство и экономика*. – 2014. – № 5. – С. 74–77.
12. Подольный, Н.А. Отдельные проблемы расследования преступлений, совершенных с применением компьютерных технологий / Н.А. Подольный // *Библ. криминалиста*. – 2013. – № 5. – С. 116–127.
13. Россинская, Е.Р. Криминологика / Е.Р. Россинская. – М. : Норма ; ИНФРА-М, 2012.
14. Попов, А.Б. Криминологическая характеристика личности, совершающего преступление, предусмотренное ст. 272 УК РФ / А.Б. Попов // *Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. – 2009. – № 8. – С. 411–413.
15. Дьяков, В.В. Указ. соч. 8. – С. 129–131.
16. Подростки украли жесткие диски с данными ЕГЭ. Но там оказались списки старшеклассников и перечень предметов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mel.fm/novosti/8217506-podrostki-ukrali-zhestkiye-diski-s-dannymi-yege-no-tam-okazalis-tolko-spiski-starsheklassnikov-i-pra>. – Дата доступа: 04.06.2019.

17. Джеймс, Л. Фишинг. Техника компьютерных преступлений / Л. Джеймс ; пер. с англ. Р. В. Гадицкого. – М. : НТ Пресс, 2008. – С. 320.

Дата поступления в редакцию: 05.09.19

V.V. Vabischevich, Postgraduate student of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law of the Belarusian state University

CRIMINOLOGICAL PREDICTION AND PREVENTION OF ILLEGAL INTERFERENCE WITH PERSONAL DATA

Criminological risks contributing to the growth of criminal encroachments on personal data are considered. It is emphasized that information and communication technologies are being introduced and developed much faster than legislative and law enforcement agencies can respond to this growth. Proposals are made for measures aimed at preventing and preventing attacks on personal data. It is noted that the current norms of criminal law do not fully provide for all the specifics of the Institute of personal data. It is pointed out that it is necessary to establish coverage of the consequences of attacks on personal data in the media to overcome the legal nihilism of heads of institutions, enterprises and individuals.

Keywords: personal data; criminological risks; information protection; improvement of legislation; constitutional rights; information security.

УДК 343.8

А.Г. Горбель, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: alesya-radchenko@mail.ru)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНЩИНЫ, СТРАДАЮЩЕЙ АЛКОГОЛИЗМОМ

Рассматривается криминологическая характеристика женщины отклоняющегося поведения, связанного с употреблением спиртных напитков. Излагаются причины и условия, ситуации в различных сферах жизнедеятельности, способствующие вовлечению лиц женского пола в употребление алкоголя. Представлены основные признаки, характеристики, свойства личности женщин, страдающих алкоголизмом, их социальные связи и позиции на уровне семьи, в сфере труда, неформального общения. Составлен обобщенный криминологический портрет указанного типа отклоняющегося поведения.

Ключевые слова: социальные отклонения, пьянство, алкоголизм, женщина, злоупотребляющая спиртными напитками, характеристики женщины, страдающей алкоголизмом, профилактика пьянства и алкоголизма женщин.

Поведение человека продиктовано определенными социальными и правовыми нормами. Отступление либо нарушение сложившихся социальных норм порождает социальные отклонения, которые проявляются в индивидуальных поступках и поведении личности. Из всего перечня таких отклонений [1, с. 7] наиболее распространенными являются пьянство и алкоголизм. Их опасность заключается в том, что злоупотребление спиртными напитками подрывает здоровье человека, влияет на количество самоубийств, характер административных проступков, состояние и динамику преступности, ведет к социальному заражению нации.

О распространенности указанного негативного явления в стране свидетельствуют следующие статистические сведения. В 2018 г. около 163 тыс. граждан состояли на учете с синдромом зависимости от спиртных напитков. Кроме того, около 90 тыс. находятся под наблюдением медицинских работников по причине злоупотребления алкоголем [2, с. 18]. Значительная часть граждан (из них более 15 % женщин) проходят медико-социальную реадaptацию в лечебно-трудовых профилакториях, функционирующих на территории Беларуси.

Несмотря на незначительный удельный вес «пьяной» преступности во всем массиве общественно опасных деяний – около одной пятой, – в последние годы около четырех пятых долей убийств и угроз убийством, фактов умышленного причинения тяжких телесных повреждений, сопротивления сотрудникам органов внутренних дел, а также половина изнасилований совершаются в состоянии алкогольного опьянения. На этой почве совершается более трех пятых долей грабежей и разбоев, хулиганств, угонов транспортных средств, более двух пятых – насильственных действий сексуального характера [3, с. 388; 352].

В результате употребления спиртных напитков разрушаются положительные качества личности. Алкоголь способствует социальной инертности индивида, в то время как государству и обществу необходимо работоспособное и социально активное население, владеющее хорошим интеллектуальным потенциалом и трудовыми навыками, проявляющее инициативу в общественно полезной деятельности. И не случайно среди уклоняющихся от трудоустройства и выполнения обязанностей по воспитанию и материальной поддержке детей значительная часть приходится на лиц, страдающих алкоголизмом.

Особую тревогу вызывает активное вовлечение женщин в злоупотребление спиртными напитками. На протяжении продолжительного времени проблема женского алкоголизма мало привлекала ученых. Только с середины 60-х гг. XX в., когда наметился значительный рост пьянства среди женщин, ученые стали проводить научные исследования данного асоциального явления, отслеживать его динамику, изучать специфические особенности и разрабатывать пути и методы борьбы с ним [4, с. 110.].

Таким образом, с середины XX в. проблема пьянства лиц женского пола начала всерьез беспокоить как общественность, так и ученых. Белорусские исследователи также освещали вопросы женского алкоголизма, усиления активности женщин в других формах отклоняющегося поведения, преступности. Данной проблематике посвящены работы В.А. Ананича, Н.А. Барановского, Б.И. Дергая, О.Г. Каразея, М.Ю. Кашинского, Н.А. Легенченко, В.К. Стешица, С.М. Свило, Ю.И. Селятыцкого, И.Л. Федчука, В.М. Хомича и др. [5]. Исследования, однако, носили фрагментарный характер, касались отдельных аспектов обозначенной проблемы, что не позволило создать ее цельную теоретическую концепцию, сформировать полноценный портрет правонарушителя данного типа.

Для устранения этого пробела нами в рамках деятельности криминологической лаборатории Академии МВД был проведен анкетный опрос женщин, содержащихся в лечебно-трудовом профилактории № 3 управления Департамента исполнения наказаний в г. Минску и Минской области. Его результаты позволили составить среднестатистический криминологический портрет женщины, злоупотребляющей спиртными напитками, с вычленением признаков, свойств и качеств ее личности.

По социально-демографическим признакам почти 98 % опрошенных женщин, страдающих алкоголизмом являются гражданками Республики Беларусь, представительницы Российской Федерации составляют 2 %. Значительная доля – около 80 % приходится на женщин трудоспособного возраста. Около 47 % относится к возрастной группе от 31 до 40 лет, 28 % – от 41 до 50 лет, 19 % – от 18 до 30 лет, около 6 % – женщины старше 50 лет. Примечательно, что почти три четверти – это работоспособные, сформировавшиеся личности. Настораживает и значительный высокий процент пристрастившихся к спиртным напиткам лиц молодого возраста, которые должны получать образование, создавать семьи, совершенствоваться в профессиональной деятельности.

Следует отметить, что именно средний возраст, от 31 до 40 лет, больше связан с высокой социальной активностью, с накоплением переживаний и аффективных состояний, с ростом тревоги за себя и своих близких. Кроме того, это период также связан и со временем наибольшего накопления конфликтов личности как с самой собой, так и с социальной средой.

Исследование семейного положения пьющих женщин показало, что 28 % из них не замужем, около 24 % состоят в законных брачных отношениях, около 23 % разведены, около 14 % сожительствуют и почти 11 % – вдовы.

Образовательный уровень пьющих женщин свидетельствует, что большинство из них имеют низкий уровень образования и культуры: среднее образование – около 52 %, среднее специальное – 28 %, базовое – около 18 %, высшее – 2 %. Как правило, окончив среднюю общеобразовательную школу, многие не стремятся продолжить образовательный процесс и получить специальность. Как следствие, отсутствие профессии затрудняет поиск работы на рынке труда, из-за чего страдает их материальное благополучие. Основная часть девушек получает профессию низкооплачиваемых специальностей при помощи краткосрочных курсов. Недостаток средств на жизненное обеспечение, содержание детей и семьи порождает беспокойство, в результате чего женщина пытается уйти от бытовых проблем, употребив дозу алкоголя. Однако алкоголь не решает жизненные и бытовые вопросы, и с каждым разом их становится только больше: невыход на работу либо появление на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения, а для лиц,

обязанных выплачивать расходы на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, и новый состав административного правонарушения либо преступления, предусмотренного ст. 174 УК Беларуси [6].

При характеристике таких лиц место жительства и территориальный признак определяют и их социальный статус. Более 50 % женщин до направления в лечебно-трудовой профилакторий проживали в областных и районных городах и около 49 % являлись жителями сельской местности. Не имели определенного места жительства 0,4 % женщин. По состоянию на начало 2018 г. количество женщин, проживающих в сельской местности (1 076,1 тыс. человек) в четыре раза ниже численности женщин, проживающих в городах (3 994,2 тыс. человек) [7, с. 7]. Исходя из этого четко просматривается соотношение женского пьянства в городской и сельской местности 1 : 4, что указывает на высокий уровень алкоголизации женского населения на селе.

По социальному положению 98 % пьющих женщин относят себя к рабочему классу, около 2 % – к служащим и 0,3 % – к предпринимателям. Сфера трудовой деятельности женщин до направления в лечебно-трудовой профилакторий охватывала в основном низкооплачиваемые профессии (животновод, уборщица, полевод, продавец и др.).

При исследовании установлено, что 60 % женщин воспитывались в полной семье, почти 24 % воспитывала мать, около 1,6 % – отец и почти 3 % являются сиротами и воспитывались в детском доме. Около 80 % женщин считают, что они росли в благополучной семье, в 90 % – родители не были лишены родительских прав, в 78 % – родители не состояли на учете в наркологическом диспансере. Вместе с тем почти половина опрошенных указали, что родители употребляли спиртное; 27 % ответили, что спиртное употреблял отец, и около 4 % – мать; 22 % воспитывались в семье, где алкоголь родители не употребляли. При этом около 66 % женщин отрицательно относятся к употреблению родителями спиртных напитков, 31 % – нейтрально и только 3 % положительно.

Как установлено в ходе исследования, 75 % опрошенных женщин имеют детей, из них 63 % лишены родительских прав. Причиной лишения родительских прав 42 % указали злоупотребление алкоголем, около 25 % лишены, так как нигде не работали, 29 % – не занимались воспитанием детей, и 4 % тех, кто имел ненадлежащие жилищные условия.

Следует отметить, что почти 60 % опрошенных женщин в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь № 18 от 24 ноября 2006 г. «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» обязаны возмещать расходы на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении [8, с. 7]. У 36 % дети находятся на государственном обеспечении, 20 % воспитывают приемные семьи, у 20 % дети находятся на воспитании у родственников, у 9 % воспитанием занимается отец ребенка. Выполнение семейных обязанностей у женщин занимает значительную долю свободного от трудовой деятельности времени.

Лица, обязанные возмещать расходы на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, равно как и незамужние девушки, не обременены домашними заботами, а также воспитанием детей, соответственно, такая категория женщин больше времени проводит в общественных местах, развлекательных заведениях, ведет аморальный образ жизни, злоупотребляет спиртными напитками, в результате чего возникает соблазн для совершения противоправных деяний.

Исследование показало, что наличие у женщины статуса лица, обязанного выплачивать расходы на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, положительным образом влияет на их трудоустройство. Так, более 70 % из опрошенных имели постоянное место работы, в силу этого только каждая третья женщина до направления в ЛТП не работала. Заслуживает внимание тот факт, что около 80 % трудоустроенных женщин были довольны своей работой, однако 65 % работниц допускали прогулы. При этом в качестве причин прогулов практически все женщины назвали употребление спиртных напитков. Кроме того, почти 90 % работающих женщин понимают и признают, что пьянство мешает работе.

Представляют научный и практический интерес поводы, влияние других лиц, ситуации, способствующие вовлечению в употребление спиртных напитков. Как показали результаты опроса, впервые предложение употребить алкоголь поступило от друзей 60 % женщинам, около 16 % – от одноклассников, 6 % предложили попробовать алкоголь родители, 3 % – иные родственники и 15 % женщин решили попробовать сами. На вопрос, кто оказывает влияние на пристрастие к спиртным напиткам, 44 % респондентов ответили, что друзья, 39 % – общество, 12 % – телевиде-

ние и реклама. Около 62 % опрошенных женщин указали, что свой досуг они проводят с друзьями. У 71 % из них в окружении присутствовали лица, имеющие судимость либо злоупотребляющие алкоголем. Более того 65 % женщин, страдающих алкоголизмом, ранее привлекались к уголовной ответственности. Следовательно, именно социальная среда женщин напрямую оказывает непосредственное воздействие на их вовлечение в злоупотребление спиртными напитками.

Особую тревогу вызывает возраст начала употребления спиртных напитков. Из результатов опроса следует, что 0,2 % женщин впервые употребили алкоголь в возрасте до 5 лет, 0,8 % – от 6 до 10 лет, 12 % – в возрасте от 11 до 15 лет, 42 % – от 16 до 20 лет, 41 % – от 21 до 25 лет, 4 % – старше 26 лет. По видам спиртных напитков 42 % впервые выпили пиво, около 27 % вино, 14 % – водку, 10 % – шампанское, около 4 % – самогон, 1,5 % – коньяк и почти 2 % – ликер. При этом на вкус большинству (почти 80 %) спиртное не понравилось.

Если говорить о месте употребления спиртных напитков, то картина выглядит следующим образом: 42 % женщин впервые употребили спиртное в гостях, 23 % – на улице, 13 % – на дискотеке, 10 % – в семье, 7 % – в баре либо ресторане; 73 % женщин признались, что их родители не знали о первом употреблении алкоголя.

Значительная часть женщин (около 80 %) употребляла спиртные напитки в компании с друзьями и подругами, 12 % – с коллегами, 7 % – с родственниками, а около 4 % – в одиночестве. В зависимости от вида употребляемого алкоголя около 37 % женщин в основном употребляли вино и водку, 25 % – пиво, 2 % – самогон. Почти 50 % женщин выпивали спиртное ежемесячно, 24 % – с периодичностью один раз в неделю, 18 % – по выходным дням, 10 % – ежедневно. 63 % предпочитали принимать алкоголь в вечернее время, 24 % – днем, 11 % – утром и 2 % – ночью. Около 70 % женщин впадали в запой, а 73 % состояли на учете у нарколога; 66 % проходили курс лечения от алкоголизма, при этом 44 % считают, что лечение не оказало на них положительного воздействия. Более того, около 67 % вообще не считают себя зависимыми от алкоголя.

При изучении психических особенностей женщин установлено, что после распития спиртных напитков около 40 % становились спокойными, около 35 % чувствовали себя бодрыми, у 21 % преобладало чувство веселья, агрессию ощущали около 4 %.

С целью установления причин употребления алкоголя 32 % женщин признались, что чаще всего употребляли спиртные напитки для похмелья, 29 % пытались забыть о проблемах, 19 % – для снятия стресса, 12 % – для поднятия настроения. 5 % – просто от безделья; 3 % откровенно ответили, что просто любят выпить.

В связи с большими нагрузками по выполнению домашних хлопот, воспитанию детей женщины намного чаще, чем мужчины подвергаются стрессу и нервным расстройствам. После семейных ссор, разводов, смерти близких психические травмы женщин носят глубокий, затяжной характер. Зачастую женщине сложно найти правильный выход из создавшейся ситуации, что приводит к употреблению алкоголя, наркотиков и совершению различных правонарушений. Доказано, что в определенные физиологически обусловленные периоды неустойчивость психических процессов у женщин может усиливаться [9, с. 135]. Этими обстоятельствами и объясняется наибольший процент употребления алкоголя для похмелья либо как способ избавиться от проблем.

При изучении отношения женщин к алкоголю 99 % женщин поведали, что не желали бы, чтобы их дети употребляли спиртные напитки. Около 74 % высказали намерение не употреблять в дальнейшем спиртное, 21 % не желают отказываться от алкоголя после освобождения из лечебно-трудового учреждения, 5 % не смогли дать конкретный ответ по поводу дальнейшего отношения к спиртному.

Таким образом, в ходе исследования установлено, что личность женщин, страдающих алкоголизмом, обладает целым рядом отличительных признаков – демографических, нравственных, уголовно-правовых, психологических. Эти отличительные признаки и особенности такого типа личности прямо определяют образ жизни, а также специфику женского противоправного поведения, во многом отличающегося от мужского.

Большую роль в формировании личности женщины, страдающей алкоголизмом, играет социальная среда, наличие семьи и иных социально полезных связей, постоянного места работы, престижность профессии и уровень заработной платы.

Результаты проведенного опроса позволили определить модель личности современной женщины, проживающей на территории Республики Беларусь, страдающей алкоголизмом. Это

гражданка Республики Беларусь, в возрасте 31–40 лет, имеющая общее среднее образование, воспитывавшаяся в полной и благополучной семье рабочих, не состоящая в брачных отношениях, проживающая в сельской местности, имеющая постоянное место работы, при этом не имеющая профессии, без определенных увлечений, имеющая детей, в отношении которых лишена родительских прав по причине злоупотребления спиртными напитками, как правило, являющаяся лицом, обязанным возмещать расходы на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, имеющая судимость, систематически употребляющая преимущественно вино либо водку с друзьями обычно вечером после работы, впадающая в запой из-за похмелья.

Предложенная модель личности женщины, страдающей алкоголизмом, имеет значение для познания причин и условий вовлечения указанной категории лиц в злоупотребление алкоголем, находящихся в различных сферах общения, деятельности. А разработанный перечень ее личных качеств, характерных свойств и определенных признаков поведения позволит осуществить эффективные меры антиалкогольного воспитания данной категории лиц, недопущения постоянного потребления ими спиртных напитков.

Список использованных источников

1. Социальные отклонения / С.В. Бородин [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрид. лит., 1989. – 368 с.
2. Изотова, Н. Пагубные привычки: избавление возможно / Н. Изотова // На страже. – 2018. – 13 июля. – С. 18.
3. Ананич, В.А. Криминология / В.А. Ананич, Н.А. Аникеева, С.М. Свило. – Минск : Акад. МВД, 2015. – 410 с.
4. Лекции о влиянии алкоголя на организм человека. Алкоголь и потомство / В.А. Таболин [и др.]. – М. : Высш. шк., 1988. – 110 с.
5. Свило, С.М. Преступность женщин в Республике Беларусь : монография / С.М. Свило. – Минск : Акад. МВД, 2009. – С. 104.
6. Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2018 г. и среднегодовая численность населения за 2017 г. [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/76c/76c083dbe392adcde3d455e03d7d5096.zip>. – Дата доступа: 25.02.2019.
7. Рыжков, В.Д. Практическая психология женских кризисов / В.Д. Рыжков. – СПб. : Лань, 1998. – 256 с.

Дата поступления в редакцию: 05.03.19

A.G. Gorbel, Postgraduate of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF AN ALCOHOL-ADDICT WOMAN

The article highlights the criminological characteristics of a woman whose deviant behavior is associated with the use of alcoholic beverages. The causes and conditions, situations in various spheres of life, contributing to addiction of women to alcohol are considered. The main features, characteristics, properties of alcohol-addict women, their social connections and positions at the family level, in the sphere of employment, informal communication are presented. As a result the generalized criminological portrait of the specified type of deviant behavior is formed.

Keywords: social deviations; drunkenness; alcoholism; woman abusing alcohol; characteristics of an alcohol-addict woman; prevention of drunkenness and alcoholism of women.

УДК 343.8

*А.А. Жук, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии
МВД Республики Беларусь
(e-mail: alex.zhuk82@gmail.com)*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕЖИМА ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ОСУЖДЕННЫМИ, ОСТАВЛЕННЫМИ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ И ТЮРЬМАХ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ

Отражены характерные особенности обеспечения режима отбывания наказания в виде лишения свободы в следственных изоляторах и тюрьмах. Произведен анализ действующего законодательства о режим-

ных требованиях в отношении исследуемой категории осужденных. Предложены дополнения и изменения в отдельные положения уголовно-исполнительного законодательства с целью его совершенствования.

Ключевые слова: режим, следственный изолятор, работы по хозяйственному обслуживанию, меры по обеспечению режима.

Надлежащее исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы неразрывно связано с режимом, установленным в исправительных учреждениях. В этой связи для обеспечения регламента пребывания осужденных в местах лишения свободы употребляется понятие «режим», который имеет всеобщее значение и распространяется на все категории осужденных, в том числе и на тех, кто оставлен в следственных изоляторах и тюрьмах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство подробно регулирует вопросы, связанные с определением режима. Помимо отдельной главы Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК), посвященной режиму в исправительных учреждениях, еще ряд статей данного кодекса так или иначе касаются режима отбывания наказания и его обеспечения.

Режим в исправительном учреждении согласно ч. 1 ст. 73 УИК понимается как установленный законодательством Республики Беларусь порядок исполнения и отбывания наказания, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание определенных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, изменение условий отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного.

Многофункциональность режима характеризует тот факт, что он является превалирующим средством исправления осужденных, создавая одновременно условия для применения других средств исправления (труд, воспитательная работа, образование, профессиональное обучение, общественное воздействие). Правильно организованный процесс исправления личности осужденного посредством режима должен обеспечивать осознанное принятие осужденными необходимости соблюдения дисциплины и определенных моделей поведения в обществе. А это в свою очередь является одной из основ ликвидации социально-психологических дефектов личности преступника [1].

В следственном изоляторе устанавливается режим, обеспечивающий соблюдение прав, свобод и законных интересов лиц, содержащихся под стражей, исполнение ими своих обязанностей, их изоляцию, охрану и надзор за ними, раздельное размещение в камерах, а также безопасность лиц, содержащихся под стражей, сотрудников мест содержания под стражей, других лиц и выполнение задач, установленных УПК и УИК.

В целях обеспечения режима в следственном изоляторе действуют Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (далее – ПВР СИЗО), утвержденные постановлением МВД Республики Беларусь от 13 января 2004 г. № 3, в соответствии с которыми устанавливается порядок приема и размещения, правила поведения этих лиц, их изоляция и др.

Вместе с тем в указанных Правилах нет ни одной главы или параграфа, регламентирующих требования режима в отношении осужденных, отбывающих наказание в отряде хозяйственного обеспечения следственного изолятора, несмотря на то, что процесс исполнения (отбывания) наказания данной категории осужденных предусмотрен Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее – ПВР ИУ). Это является в некоторой степени пробелом действующего законодательства и практики его применения.

Сравнительный анализ положений законодательства, регулирующего порядок содержания лиц под стражей и отбывания лишения свободы в части соблюдения и обеспечения режима, позволил выявить еще один явный недостаток: ни в ПВР СИЗО, ни в ПВР ИУ не содержится полного, развернутого определения режима, установленного в этих учреждениях. На этом основании видится необходимым внести соответствующие изменения и дополнения в следующие нормативные правовые акты: Общие положения Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов и Общие положения Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений дополнить под-

робными определениями действующего в учреждениях режима, регламентировать в них процессы регулирования порядка и условий отбывания наказания изучаемой категорией осужденных.

Режим сам по себе статичен и для собственного существования должен располагать необходимыми средствами, которые в научной литературе именуется как средства или меры по обеспечению режима. Их чаще разделяют на две группы:

средства общего характера, к которым можно отнести соблюдение законности всеми участниками уголовно-исполнительных отношений, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание, индивидуальную работу с осужденными, меры поощрения, стимулирующие правомерное поведение, работу самодеятельных организаций, общественное воздействие;

специальные средства, которые обеспечивают профилактику, предотвращение и пресечение преступлений и иных правонарушений: охрану осужденных и надзор за их поведением, меры взыскания, обеспечивающие требуемое поведение, оперативно-розыскную деятельность, технические средства надзора и контроля, режим особых условий, меры безопасности (применение физической силы, специальных средств и оружия).

Режим в исправительных учреждениях, а также в следственном изоляторе должен обеспечивать охрану и изоляцию осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Непосредственно охрана в соответствии с ведомственными нормативными актами определяется как деятельность органов внутренних дел, направленная на исключение возможности совершения лицами, содержащимися под стражей, противоправных действий, в том числе действий, препятствующих производству по уголовному делу, исполнению наказания, международных обязательств Республики Беларусь, а также обеспечивающая защищенность лиц, содержащихся под стражей, от противоправных посягательств, угрожающих их жизни и (или) здоровью.

Об этом говорится в Инструкции о порядке конвоирования, изоляции, охраны лиц, содержащихся под стражей, и надзора за ними, утвержденной постановлением МВД Республики Беларусь от 20 декабря 2016 г. № 333.

Режимные требования реализуются различными способами. Основным из них является обязательная изоляция осужденного от общества и вытекающие отсюда ограничения прав и свобод, постоянный контроль за ним и его поведением, в чем прежде всего выражается сущность наказания в виде лишения свободы.

Особый способ изоляции осужденных в ИК сопряжен с реализацией значительного объема правовых ограничений и степенью принуждения, что заставляет иметь детально разработанную правовую основу их исполнения, так как это затрагивает характер и содержание правовых отношений, в которых находят преломление вопросы нравственности, этики, психологии, педагогики и другие важные социальные и духовные аспекты организации совместного отбывания наказания больших групп осужденных [2]. В исправительных колониях общежития (отряды) находятся в изолированных локальных участках, что не препятствует общению осужденных непосредственно в жилых и производственных помещениях. Такая же ситуация наблюдается в отрядах осужденных хозяйственного обслуживания следственных изоляторов, изолированных от корпусов, где в камерах содержатся подозреваемые и обвиняемые.

Изоляция от общества обеспечивается вооруженной охраной осужденных, системой аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора за поведением осужденных, в том числе с целью предупреждения уклонения от отбывания наказания, побегов осужденных. За осужденными также ведется круглосуточный надзор, осуществляемый всем персоналом учреждения, но основная нагрузка в данном случае приходится на дежурную смену учреждения во главе с дежурным помощником начальника учреждения.

Таким образом, под надзором понимается система мер, направленных на обеспечение процесса исполнения наказания в виде лишения свободы путем постоянного контроля над поведением осужденных в местах их размещения и работы, предупреждения и пресечения противоправных действий, обеспечения изоляции, а также безопасности осужденных и персонала. Надзор за осужденными осуществляется повсеместно: в жилых помещениях и на рабочих местах, во время сна и личного времени, в столовой, библиотеке, во время проведения длительных и краткосрочных свиданий.

Уголовно-исполнительное законодательство (ст. 77) создает правовую основу применения и использования мер безопасности (физическая сила, специальные средства и огнестрельное оружие). Особый характер этих средств подчеркивается наличием в законе нормы, требующей минимального причинения вреда осужденным при их применении, и запрещением их использования в отношении женщин с видимыми признаками беременности и осужденных с явными признаками инвалидности, за исключением случаев оказания ими вооруженного сопротивления, совершения группового или вооруженного нападения на работников исправительного учреждения и военнослужащих или иных действий, угрожающих жизни и здоровью граждан.

Как показывает практика, в связи с законопослушным поведением физическая сила, специальные средства и тем более огнестрельное оружие к осужденным из отрядов хозяйственного обслуживания в большинстве своем не применяется.

Неотъемлемым требованием режима выступает обеспечение полного исполнения осужденными возложенных на них обязанностей и реализации их прав и законных интересов. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 10 УИК осужденные имеют право на получение информации о своих правах и обязанностях, порядке и условиях отбывания назначенного судом наказания. Администрация учреждения или органа, исполняющего наказание, обязана предоставить осужденным указанную информацию, а также ознакомить их с изменениями порядка и условий отбывания наказания. Практический опыт работы автора показывает, что сегодня для осужденных, в частности занятых хозяйственным обслуживанием СИЗО и тюрем, предоставлены все возможные условия для того, чтобы они в полной мере владели необходимой информацией о своих правах, обязанностях и т. д. Доказательством тому служат надлежащим образом оформленные информационные стенды в расположении отрядов хозяйственного обслуживания с размещенной на них актуальной для осужденных информацией; возможность получения осужденными необходимой информации из регулярно обновляющегося эталонного банка данных правовой информации, организация проведения сотрудниками учреждения занятий в рамках правового просвещения осужденных и т. д.

Оперативно-розыскной деятельности наряду с остальными средствами обеспечения режима отводится значимая роль. Ее задачи по обеспечению безопасности содержащегося контингента и работников особенно актуальны в СИЗО и тюрьмах ввиду специфики данных учреждений. Следует отметить, что осужденные отрядов хозяйственного обслуживания находятся в фокусе особого внимания оперативных подразделений учреждений, в которых они отбывают наказание. В ходе выполнения своих трудовых обязанностей они так или иначе контактируют с лицами, содержащимися в камерах, и часто подвержены отрицательному влиянию с их стороны. В таких случаях и появляется необходимость в помощи оперативных подразделений во избежание негативных последствий подобного рода ситуаций.

Меры дисциплинарного воздействия одновременно являются и средством исправления осужденных, и оценочной реакцией администрации следственного изолятора на поддержание точного и неуклонного исполнения требований режима. При этом к осужденным, выполняющим работы по хозяйственному обеспечению СИЗО и тюрем, характеризующимся в основной массе положительно, меры взыскания и поощрения применяются дифференцированно. Осужденные данной категории редко совершают нарушения установленного в учреждении режима.

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что исполнение (отбывание) наказания и применение исправительного воздействия есть не что иное, как реализация основных средств исправления осужденных, среди которых режим является преобладающим и обеспечивающим средством, что в конечном счете служит гарантией и условием обеспечения законности и правопорядка в учреждениях системы ДИН.

Список использованных источников

1. Пленкин, Ю.В. Правовые и организационные основы изоляции осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юр. наук / Ю.В. Пленкин. – Самара, 2007. – С. 6.
2. Салахова, В.Б. Личность осужденного в условиях исполнения наказания / В.Б. Салахова, Р.И. Хайрудинова // Власть. – 2015. – Т. 23. – № 9. – С. 100.

Дата поступления в редакцию: 17.09.19

A.A. Zhuk, *Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

ENSURING THE REGIME FOR SERVING DEPRIVATION OF LIBERTY BY THE CONVICTS LEFT IN THE REMAND CENTERS AND PRISONS FOR JANITORIAL SERVICES

Characteristic features of the regime for serving a sentence of deprivation of liberty in the remand centers and prisons are considered in the article. Current legislation on regime requirements for the category of convicts in focus is analyzed. Amendments and additions to the certain provisions of the penal legislation are proposed.

Keywords: regime, remand center, janitorial services, measures to ensure the regime.

УДК 343.35

В.А. Караваяева, *преподаватель-методист отдела контроля качества образовательного процесса, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: 2006_victory@mail.ru)*

ПРОБЛЕМЫ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ (ПРИМЕЧАНИЯ ГЛАВЫ 35 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Рассматриваются проблемы нормотворческой техники примечаний, расположенных в гл. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против интересов службы». Отмечается, что в большинстве случаев примечания Особенной части дополняют либо детализируют отдельные нормы и институты Общей части. На основании анализа формы и содержания примечаний, расположенных в уголовном законе, сформулированы требования к их расположению, структуре и последовательности изложения, а также порядку разъяснения терминов.

Ключевые слова: нормотворческая техника, примечание, конструирование уголовного закона, интересы службы, должностное лицо.

Анализ Уголовного кодекса Республики Беларусь, законов о внесении в него изменений и дополнений свидетельствует о тенденции к максимальной детализации уголовно-правовых норм путем использования примечаний. С 1922 г. (УК РСФСР) количество примечаний в принятых уголовных законах стремительно увеличивается. Сегодня с уверенностью можно констатировать, что примечание остается одним из наименее исследованных структурных элементов уголовного закона. Особую значимость приобретает проблема построения и применения примечаний к нормам, предусматривающим уголовную ответственность за преступления против интересов службы, правильная юридическая оценка которых непосредственно влияет на эффективность их применения.

В зарубежной литературе особенности использования примечаний в нормативном правовом акте рассматривались в работах В.М. Баранова [1], А.П. Войтовича [2], К.А. Воскресенского [3], Т.В. Кашаниной [4], Д.А. Керимова [5], К.К. Панько [6], А.И. Рарога [2], С.Н. Рубановой [7], Д.В. Чухвичева [8] и др. В Республике Беларусь некоторые аспекты указанной проблемы изучали Н.А. Бабий [9], А.В. Барков [10], А.В. Конюк [11], В.В. Лосев [11], В.В. Марчук [12], А.Л. Савенок [13] и др. В настоящее время в Беларуси отдельные монографические и диссертационные исследования, посвященные проблемам построения и применения примечаний к нормам, предусматривающим уголовную ответственность за преступления против интересов службы, отсутствуют. Конкретные требования нормотворческой техники, предъявляемые к форме и содержанию примечаний, отечественной уголовно-правовой наукой не разработаны.

Изучение юридической литературы выявляет различное отношение ученых к использованию примечаний в уголовном законодательстве. По данному вопросу существует несколько противоположных точек зрения. Так, Т.В. Кашанина отмечает, что примечания ухудшают структуру нормативного правового акта, «усложняют и без того сложные документы» [4, с. 131]. По мнению Д.В. Чухвичева, примечания «засоряют и загромождают законодательство, ухудшают структуру нормативных актов, отвлекают внимание исполнителей и затрудняют ссылку и цитирование норм права; деструктурируют акт, рассеивают внимание субъектов правового предписания, затрудняют формулирование норм, создавая впечатление неравноценности,

второстепенности изложенных в примечаниях положений, также являющихся выражением норм права» [8, с. 191].

Напротив, А.П. Войтович и А.И. Рарог утверждают, что примечания просто незаменимы в Уголовном кодексе и обосновывают свою точку зрения тем, что законодатель не может полностью отказаться от употребления слов иностранного происхождения, специальных терминов, общеупотребительных слов (хищение, эксплуатация и др.). Необходимость размещения таких понятий в примечаниях, по мнению указанных авторов, вполне оправдана – она определяется не новизной термина, а целью выделения специфики предмета уголовно-правового регулирования (сферы применения уголовного закона) [2, с. 2]. Д.А. Керимов указывает, что отказ от примечаний в тексте уголовного закона был бы неоправданным, так как «в них можно удобно разместить указания, не имеющие принципиального значения» [5, с. 54].

Ретроспективный анализ примечаний в отечественном уголовном законодательстве, а также исследование действующего Уголовного кодекса свидетельствует о том, что отказаться от примечаний в настоящее время не представляется возможным, поскольку в большинстве случаев в данном структурном элементе содержатся положения, непосредственно влияющие на квалификацию содеянного. Однако процесс построения и применения примечаний должен происходить на основе конкретных требований нормотворческой техники, позволяющих повысить качество действующего уголовного закона.

Исследование примечаний, расположенных в гл. 35 УК «Преступления против интересов службы», свидетельствует о том, что они относятся к различным структурным элементам Особенной части УК: главе и статьям. Примечания к главе состоят из четырех различных по содержанию положений, объединенных единым названием «Примечания». В примечаниях к ст. 431–433 УК закреплены специальные виды освобождения лица от уголовной ответственности.

Согласно общему требованию нормотворческой техники, закрепленному в ч. 1 п. 34 приложения к Закону Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах» (далее – Закон), примечания могут обозначаться цифрой, звездочкой либо словами «Примечание.» или «Примечания:». В Общей и Особенной частях УК законодатель использует различные способы их обозначения. Примечание, расположенное в Общей части УК, обозначается звездочкой, в то же время расположенные в Особенной части УК примечания имеют названия «Примечание.» или «Примечания:». В структурном элементе уголовного закона под названием «Примечание» размещается единичное положение, относящееся к определенной главе либо статье. В структурном элементе уголовного закона под названием «Примечания» размещается несколько обособленных положений, различных по содержанию.

Общие требования к форме и содержанию примечаний, закрепленные в Законе и приложении, не отражают особенностей их размещения в различных структурных элементах нормативного правового акта. Анализ Особенной части УК показывает, что в большинстве случаев примечание распространяет свое действие на тот структурный элемент уголовного закона, в котором оно расположено. Например, примечание к ст. 431 УК содержит специальный вид освобождения от уголовной ответственности лица и распространяется исключительно на данную статью. Однако исследование примечаний к гл. 35 УК позволяет полагать, что содержащиеся в них положения не всегда распространяются на главу в целом. Так, ч. 3 и 4 примечаний к гл. 35 УК относятся к отдельным статьям: ч. 3 распространяется на ст. 430–433 УК, а ч. 4 – на ст. 430–432 УК. Одновременно положение, расположенное в примечании к ст. 432 УК, относится к ст. 430–432 УК, что свидетельствует об отсутствии единого подхода по указанному вопросу. Полагаем, что для совершенствования нормотворческой техники уголовного закона следует придерживаться единого требования для расположения примечаний к структурным элементам уголовного закона, согласно которому если положение, закрепленное в примечании, распространяется на две и более статьи (главы) Особенной части УК, то оно должно располагаться в примечании к соответствующей главе (разделу).

Несмотря на указание законодателя, расположенное в ст. 1 УК, примечания, состоящие из нескольких «частей», не образуют единую норму. Каждой «части» соответствует самостоятельное положение, являющееся формой конкретизации нормы или института, к которым относится. При этом в сравнении со статьей Особенной части УК, которая представляет собой законченное нормативное правовое предписание однородного содержания, каждая «часть» примечаний не связана с

остальными. Полагаем, что «частью» могут называться положения, включающие в себя в рамках одной статьи. На этот факт в своем исследовании обращает внимание С.Н. Рубанова [7, с. 26]. С целью совершенствования нормотворческой техники уголовного закона примечания, включающие в себя несколько различных по содержанию положений, на наш взгляд, целесообразно размещать отдельно друг от друга и обозначать соответственно: «Примечание 1», «Примечание 2» и т. д. Подобный подход позволит отразить самостоятельное значение каждого примечания.

Анализ примечаний, состоящих из нескольких частей, позволяет сделать вывод об отсутствии единого подхода к их последовательности. Так, в ч. 1 примечаний закреплены дефиниции (примечания к гл. 26 УК, гл. 37 УК, примечание к ст. 325 УК, ст. 327 УК, ст. 282-1 УК и др.); положения, устанавливающие размер ущерба (примечания к гл. 30 УК); в ч. 1 примечаний к гл. 35 УК расположено положение, устанавливающее правила назначения наказания по совокупности преступлений и закрепляющее обстоятельство, которое должно признаваться существенным вредом. В силу значительного распространения в Особенной части УК примечаний, состоящих из нескольких положений, необходимо установить единую последовательность их составных элементов.

Анализ примечаний, расположенных в Особенной части УК, свидетельствует о том, что в большинстве случаев они дополняют либо детализируют отдельные нормы и институты Общей части. Однако в силу того, что примечания распространяются на конкретные главы и статьи Особенной части, они не могут быть помещены в статьи Общей части УК.

Так, ч. 1 примечаний к гл. 35 УК одновременно закрепляются вопросы множественности преступлений, а также раскрывается понятие существенного вреда применительно к рассматриваемой главе. Положение, касающееся наступления ответственности по совокупности преступлений, является детализирующим по отношению к ст. 42 УК «Совокупность преступлений». Размещение в примечании к гл. 35 УК подобного положения обусловлено спецификой субъекта большинства преступлений против интересов службы. Размеры ущерба, закрепленные ч. 2 примечаний к гл. 35 УК, являются определяющими при разграничении преступного и не преступного деяния и поэтому детализируют нормы, изложенные в гл. 3 УК «Преступное деяние». Частью 3 примечаний к гл. 35 УК закреплен перечень имущества, переданного в качестве взятки или незаконного вознаграждения, которое не подлежит обращению в доход государства. Данное положение конкретизирует общую норму, касающуюся изъятия предмета преступления в собственность государства, закрепленную ст. 46¹ УК «Специальная конфискация». Специальные виды освобождения от уголовной ответственности, закрепленные ч. 4 примечаний к гл. 35 УК, детализируют нормы, изложенные в гл. 12 УК «Освобождение от уголовной ответственности и наказания».

Взаимосвязь примечаний и предписаний Общей части УК можно констатировать, анализируя иные главы Особенной части УК. Например положение, закрепленное ч. 2 примечаний к разд. X УК, в котором изложены особенности наступления уголовной ответственности за преступления, совершенные в составе преступной организации или банды, связано со ст. 19 УК «Преступная организация», расположенной в гл. 3 УК «Преступное деяние». Положение, закрепленное ч. 2 примечаний к гл. 25 УК, касающееся особенностей назначения наказания в виде лишения свободы лицу, впервые осуждаемому за преступление, не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое преступление против порядка осуществления экономической деятельности, является специальным по отношению к общей норме, закрепленной ст. 57 УК «Лишение свободы» гл. 9 УК «Наказание и его виды».

Учитывая тесную взаимосвязь примечаний Особенной части УК с нормами и институтами Общей части УК, считаем целесообразным для примечаний использовать логическую последовательность изложения Общей части УК. Первоначально законодатель расположил общие положения, касающиеся уголовного закона в целом, а затем иные положения, регламентирующие уголовную ответственность. Исходя из этого вначале целесообразно располагать примечания следующим образом: разъясняющее термин; касающееся преступного деяния (совершения преступления в соучастии, организованной группой и т. д.); определяющее вопросы множественности преступлений (повторности, совокупности); закрепляющее особенности назначения отдельных видов наказаний; содержащее специальные виды освобождения от уголовной ответственности и т. д. Данный подход позволит обеспечить расположение примечаний в логической последовательности, а также способствовать их правильному применению.

Анализ Особенной части УК позволяет констатировать, что достаточно часто законодатель использует примечания для разъяснения отдельных терминов. Согласно общему требованию нормотворческой техники, расположенному в ч. 2 п. 5 ст. 30 Закона, «определения наиболее важных, малоизвестных специальных терминов, используемых в нормативном правовом акте и являющихся общими для всех его нормативных правовых предписаний, могут излагаться в начале текста нормативного правового акта, заключительных положениях этого акта либо в приложении к нему в логической последовательности или алфавитном порядке». В УК для разъяснения терминов используются не только примечания, но и ст. 4 УК «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса», размещенная в Общей части. Полагаем, что для обеспечения единого подхода необходимо сформулировать отдельные требования разъяснения терминов применительно к ст. 4 УК, примечанию к разделу (главе) и статье Особенной части.

Так, для размещения термина в ст. 4 УК необходимо в первую очередь руководствоваться следующим требованием: значение термина является общим для всего Уголовного кодекса. При этом не следует полагаться на степень его важности и известности, поскольку каждое слово, закрепленное в уголовном законе, влияет на эффективность его применения.

Разъяснение термина в примечании к структурным элементам Особенной части УК, как правило, обусловлено ограниченной сферой его применения – отдельной главой либо статьей (статьями). Например, понятие дохода от предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), закрепленное ч. 1 примечаний к ст. 233 УК, распространяется только на указанную статью. В то же время в примечаниях нередко содержатся положения, которые распространяются на всю главу либо несколько статей. Понятие эксплуатации, содержащееся во многих статьях Особенной части УК, имеет специальное значение для ст. 181, 181-1, 182 и 187 УК. Данное значение отличается от иных статей, не указанных в примечании.

Термин, разъяснение которого осуществляется в примечании к статье, может иметь общее значение для нескольких статей, расположенных в различных главах или разделах Особенной части УК. Так, признаки транспортного средства закреплены примечанием к ст. 317 УК. При этом данный термин распространяется не только на указанную статью, но и на ст. 214 (Разд. VIII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности»), 317-1 и 318 УК (Разд. X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения»). Указание на данный факт содержится в примечании к ст. 214 УК, которым закреплено, что «признаки транспортного средства указаны в примечании к статье 317 настоящего Кодекса» [15]. Согласно общему требованию нормотворческой техники, изложенному в ч. 1 п. 5 ст. 30 Закона, определение термина указывается, как правило, в структурном элементе нормативного правового акта, в котором этот термин используется впервые. В связи с тем, что значение термина является общим для статей, расположенных в разных разделах Особенной части УК, необходимо воспользоваться диспозитивностью вышеуказанной нормы Закона. На наш взгляд, понятие транспортного средства целесообразно разъяснить в ст. 4 УК.

Таким образом, проведенный анализ позволил сформулировать следующие требования нормотворческой техники, предъявляемые к примечаниям в Уголовном законе:

если положение, закрепленное примечанием, распространяется на две и более статьи (главы) Особенной части УК, то оно должно располагаться в примечании к соответствующей главе (разделу);

примечания, излагающие различные по содержанию положения, должны размещаться отдельно друг от друга и обозначаться соответственно: «Примечание 1», «Примечание 2» и т. д. В основу их последовательности может быть положен порядок расположения норм и институтов Общей части УК;

разъяснение термина осуществляется в ст. 4 УК, если его значение является общим для всего Уголовного кодекса либо для нескольких глав (статей), размещенных в различных разделах Особенной части УК;

разъяснение термина, значение которого является общим для двух и более статей (глав) Особенной части, расположенных в одной главе, осуществляется в примечании к соответствующей главе (разделу);

разъяснение термина в примечании к статье Особенной части УК осуществляется в том случае, если его значение распространяется только на указанную статью.

Список использованных источников

1. Баранов, В.М. Ретроспективный анализ примечаний в российском уголовном законодательстве / В.М. Баранов, А.П. Кузнецов, Ю.В. Сомова // Юрид. техника. – 2008. – № 2. – С. 78–86.
2. Войтович, А.П. Примечания в уголовном законе (сущность, виды, общая характеристика) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.П. Войтович. – Ульяновск, 2006. – 184 л.
3. Воскресенский, К.А. Юридическая техника: частные вопросы совершенствования уголовного закона: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / К.А. Воскресенский. – СПб., 2008. – 209 л.
4. Кашанина, Т.В. Юридическая техника / Т.В. Кашанина. – М. : Эксмо, 2007. – 510 с.
5. Керимов, Д.А. Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие / Д.А. Керимов. – М. : НОРМА-ИНФРА, 2000. – 127 с.
6. Паныко, К.К. Примечания как нетипичное средство уголовного нормотворчества / К.К. Паныко // Современное право. – 2005. – № 11. – С. 66–70.
7. Рубанова, С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.Н. Рубанова. – Краснодар, 2011. – 173 л.
8. Чухвичев, Д.В. Законодательная техника: учеб, пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция» / Д.В. Чухвичев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. – 239 с.
9. Бабий, Н.А. О необходимости соблюдения принципа системности построения уголовного закона [Электронный ресурс] / Н.А. Бабий // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
10. Барков, А.В. Уроки законотворчества в уголовном праве / А.В. Барков // Совершенствование правового регулирования и механизмов функционирования системы противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 окт. 2013 г. / редкол.: И.О. Грунтов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – С. 13–18.
11. Конюк, А.В. Прокурорско-судебная практика по уголовным делам о коррупционных и других преступлениях против интересов службы : практ. пособие / А.В. Конюк, В.В. Лосев. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2019. – 472 с.
12. Марчук, В.В. Структура уголовно-правовой нормы / В.В. Марчук // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2006. – Вып. 17. – С. 162–175.
13. Савенок, А.Л. Теория эффективности уголовного закона / А.Л. Савенок. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 258 с.

Дата поступления в редакцию: 28.10.2019

V.A. Karavaeva, *Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

PROBLEMS OF LEGISLATIVE TECHNIQUE (NOTES IN CHAPTER 35 OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

The article discusses the problems of legislative technology that are characteristic of the notes located in Chapter 35 of the Criminal Code of the Republic of Belarus “Crimes against the interests of the service”. The relationship of the notes in the Special Part of the Criminal Law with the norms and institutions of the General Part is noted. Based on the analysis of the notes located in the Criminal Code, requirements are formulated for their location, structure and sequence of presentation, as well as the procedure for explaining the terms.

Keywords: legislative technique, note, criminal law construction, service interests, official.

УДК 343.96

М.Ю. Кашинский, кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: m.kashinsky@yandex.ru)

**ПРЕСТУПНОСТЬ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ:
ИСТОРИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Проводится ретроспективный анализ криминологических взглядов на проблему преступности лиц с психическими расстройствами. Рассматриваются и обобщаются мнения ученых-криминологов по проблеме преступности лиц с психическими расстройствами.

Ключевые слова: преступность лиц с психическими расстройствами, междисциплинарный и системно-комплексный подходы в криминологии, предупреждение преступности.

Актуальность изучения преступности лиц с психическими расстройствами и разработка действенных мер, направленных на противодействие ей, в наше время не подлежит сомнению. В эволюционном плане интерес к проблеме преступности лиц с психическими расстройствами возник у мыслителей еще с глубокой древности, что нашло отражение в исторических документах, философских трактатах и законодательных актах. Однако в указанных трудах эта проблема затрагивалась крайне опосредованно, в основном – сквозь призму познания природы и анализа сущности преступлений в целом, а также причин, порождающих преступность.

С позиции криминологии первые попытки рассмотреть психические расстройства и их взаимосвязь с преступностью начали предприниматься учеными, начиная с XVIII в. Исторически первая научная работа, содержащая попытку объяснить криминогенные факторы на основе проведенного эмпирического исследования, написана итальянским психиатром и родоначальником антропологического направления криминологии Ч. Ломброзо. В своей работе «Преступный человек с точки зрения антропологии, юриспруденции и тюрьмоведения» (1876), основанной на результатах изучения строения тела (и особенно головы) нескольких тысяч преступников [1, с. 214–215], ученый пришел к выводу, что у большинства из них отмечаются физические аномалии, по которым они могут быть распознаны: скошенный лоб, удлинненные или неразвитые мочки ушей, складки лица, гипертрихоз или облысение, чрезмерная или притупленная чувствительность к боли, выдающиеся надбровные дуги, массивная нижняя челюсть и некоторые другие, свидетельствующие о существовании типа примитивного человека. Ч. Ломброзо разработал знаменитую теорию прирожденного преступника, согласно которой «преступник есть особый природный тип, скорее больной, чем виновный. Преступником не становятся, а рождаются. Это своеобразный двуногий хищник, которого подобно тигру не имеет смысла упрекать в кровожадности. Преступного человека необходимо выявить по ряду признаков и изолировать (либо уничтожить)» [2, с. 50]. Ч. Ломброзо впервые разработал классификацию преступников, которая повлияла на последующие попытки криминологов систематизировать преступников по группам: прирожденные преступники (40 % всех нарушителей закона); душевнобольные преступники; преступники по страсти, в том числе и «политические маньяки» (по мнению самого Ч. Ломброзо); случайные преступники; привычные преступники [3]. Первоначально Ч. Ломброзо считал основой преступления атавизм. В дальнейшем к причинам преступного поведения наряду с атавизмом он отнес эпилепсию и нравственное помешательство. Свои научные выводы ученый основывал «на изучении 383 черепов умерших, 3 839 черепов живых людей, всего им обследованы и опрошены 26 886 преступников, которые сравнивались с 25 447 студентами, солдатами и другими добропорядочными гражданами. Причем Ч. Ломброзо изучал не только соплеменников, но и исследовал черепа средневековых преступников, вскрывая их захоронения» [2, с. 50], и именно он во время исследования фактического материала поставил вопрос о причинности преступного поведения и личности преступника [3], тем самым внося вклад в развитие криминологии. Основная мысль исследователя заключалась в том, что причина преступного поведения представляет собой цепь взаимосвязанных причин. В более поздних своих работах Ч. Ломброзо модифицировал свою теорию: произвел дополнительный анализ других факторов, влияющих, по его мнению, на преступность (метеорологические, климатические, этнические, культурологические, демографические, экономические, воспитательные, наследственные, семейные, профессиональные и др.). При этом он признавал, что прирожденный преступник – человек ненормальный, но не сумасшедший, и необязательно совершающий преступление. При благоприятных внешних и социальных факторах преступные склонности могут так и не реализоваться в течение всей его жизни. Как отмечает Г.Г. Шиханцов, ученый положил начало глубоким системным исследованиям личности преступника, явившись создателем криминальной психологии [4, с. 58–59].

Сторонниками и продолжателями идей Ч. Ломброзо стали известные европейские ученые-юристы и медики того времени: Р. Гарофало, А. Морро, Э. Ферри (Италия), Э. Крепелин (Германия), Ш. Летурно (Франция), Э. Хэвлок (Англия), Э. Хуттон, У. Шелдон (США)

Так, Р. Гарофало, например, создал теорию естественных и искусственных преступлений, низменности человеческой природы, естественные преступления связывая с посягательством

на одно из двух основных чувств: *pieta* (лат. отвращение к причинению другим людям страданий) и *grobia* (лат. уважение к чужому праву собственности). Он разделял мнение Ч. Ломброзо о существовании прирожденных преступников с чертами «диких людей и умственной отсталости». А. Морро, в свою очередь, рассматривал преступление как биологическое явление, вызванное атрофией функций центральной нервной системы [1, с. 214–215].

О формировании преступного поведения высказывался и Э. Ферри, особо выделяя роль психических отклонений: «Антропология доказывает фактами, что преступник не есть нормальный человек, что, наоборот, вследствие своих органических и психических ненормальностей, наследственных и приобретенных, он составляет специальный класс, особую разновидность человеческого рода» [5, с. 67]. Ученый отмечал, что между преступлением и помешательством существует частая и глубокая аналогия, не делал никаких различий между вменяемыми и невменяемыми, а «настоящих помешанных» считал крайним выражением типа прирожденного преступника, выделяя при этом тип преступника помешанного, душевнобольного [5, с. 148], рекомендовав рассматривать преступность как болезнь, а карательную систему – как клинику [5, с. 32]. В то же время Э. Ферри уделял внимание не только биологическим (антропологическим) факторам преступности, но и социальным, при этом достаточно фундаментально охарактеризовал влияние на преступность социальных, экономических и политических факторов. В дальнейших своих исследованиях именно социальным факторам он отводил приоритетную роль: «Рост и уменьшение преступности зависят главным образом от социальных факторов, которые легче других могут быть изменены и исправлены по воле законодателя» [5, с. 191]. Для объяснения генезиса преступления ученый рекомендовал исследовать условия семейной и общественной жизни преступника и его антропологические (анатомические, физиологические, психические) особенности.

А.М. Герри первым произвел распределение преступников по возрастным группам, показав, что в возрасте от 25 до 30 лет преступность достигает апогея. Он обнаружил, что бедность как причина преступности не играет определяющей роли: «в наихуднейших департаментах Франции мошенничество и воровство встречались реже всего» [6, с. 73]. Важнейшей причиной преступности А.М. Герри считал, что снижению требований морали в обществе нельзя противостоять только развитием интеллекта: для этого необходимо морально ответственное воспитание в плане надежного становления характера.

Л.А.Ж. Кетле рассматривал преступность как общественное явление и считал, что человек – это продукт физического и социального окружения, своей среды, а также своей индивидуальности. Всякое преступление готовит само общество, а преступник является всего лишь его инструментом. Каждое общественное образование с необходимостью приносит с собой определенное количество преступлений того или иного типа, которые вырастают из его организации как неизбежные следствия. Исследователь установил, что практически все явления в обществе взаимосвязаны и одни обуславливаются другими. Преступная деятельность в обществе формируется по вероятностному принципу и предопределяется уголовно-статистически. Он также считал, что склонность к преступлению, быстро усиливаясь, достигает вершины к 20–25 годам, так как в этот период жизни физическая сила и желания человека оказываются максимальными и не могут достаточно эффективно сдерживаться рассудком.

Достаточно глубоко и объективно проанализировали причины преступности в капиталистическом мире основоположники теории научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс, к числу основных факторов преступности отнеся социальное неравенство, эксплуатацию трудящихся, органическими последствиями которой являются безработица, крайняя бедность и нищета, низкий уровень образования и воспитания в рабочей среде. К. Маркс писал: «Хотя доступные рабочему наслаждения возросли, однако то общественное удовлетворение, которое они доставляют, уменьшилось по сравнению с увеличившимися наслаждениями капиталиста, которые рабочему недоступны, и вообще по сравнению с уровнем развития общества», «потребности и наслаждения носят общественный характер, они относительны» [7, с. 446].

Ф. Энгельс разработал концепцию социальной войны всех против всех, согласно которой сущность капиталистического общества заключается в безжалостной эксплуатации одного человека другим. В труде «Положение рабочего класса в Англии» он показывает, как определенные условия жизни людей буквально автоматически создают типичные схемы поведения: «... нищета пре-

доставляет рабочему на выбор: медленно умирать с голоду, сразу покончить с собой или брать то, что ему требуется, где только возможно, т. е., попросту говоря, красть. И тут мы не должны удивляться, если большинство предпочитает воровство голодной смерти или самоубийству» [8, с. 248]. В этом же исследовании автором подчеркивается постоянное нервное, взвинченное состояние рабочих, затрудняющее самоконтроль, когда кроме пьянства и хронических заболеваний причиной такого состояния выступает зависимость от случайностей и невозможность самому что-нибудь сделать для улучшения своего положения [8, с. 336]. Безработица оказывает отрицательное влияние на психику не только тех, кто потерял работу, но практически всех трудящихся, постоянно ощущающих ее угрозу. Глубокое социально-психологическое исследование воздействия безработицы на преступность было одной из крупнейших вех в криминологическом анализе причин преступности. В последующем изучению данного феномена на Западе было посвящено множество монографий, которые подтвердили выводы Ф. Энгельса [2, с. 42].

Основу уголовно-социологической теории заложили Г. Тард (1843–1904) и Э. Дюркгейм (1858–1917). Г. Тард разработал теорию профессионального преступного типа и теорию преступного подражания, согласно которой движущей силой, заложенной в основе всей деятельности общества, включая и преступность, является подражание. При этом подражание есть социальная «форма движения», благодаря которой мысль передается от одного мозга к другому. Э. Дюркгейм же утверждал, что наличие в обществе отклоняющегося поведения – явление нормальное, а социальные явления не следует интерпретировать в биологических и психологических категориях. Они должны быть предметом социологического исследования. Согласно его теории аномии избежать отклоняющегося поведения нельзя, поскольку в обществе наблюдается огромное разнообразие различных видов поведения. Без преступлений общество оказывается болезненно законтролированным. Преступность является двигателем общественного прогресса и условием социальных изменений в обществе, который логическим образом включен в число основных условий существования социальной организации [6, с. 74]. Понятие «аномия» определял как состояние без норм, без законов. Состояние аномии характеризуется распадом социальных связей и дезориентацией людей относительно обязательных социальных норм поведения, ведет к проявлению эгоистических тенденций, таящихся в человеке, в результате чего возникает социальная дезорганизация, сопровождающаяся ростом разного рода отклоняющегося поведения, включая преступность. Весьма интересны также его исследования влияния психопатических состояний человека на социально значимое поведение [9, с. 39–73].

В начале XX в. Г. Гросс, основавший в 1898 г. «Архив криминологии», попытался перенести некоторые серьезные достижения физиологической и экспериментальной психологии на психологию допроса и дачи показаний. В труде «Судебная психология» он ознакомил юристов с полученными новейшими результатами исследований в области психофизиологии и экспериментальной психологии, где достаточно внимания уделяет влиянию психических ненормальностей на поведение преступника во время совершения преступления и после него [6, с. 70].

Приблизительно в то же время Э. Кречмер и его последователи-криминологи на основе своих психофизических исследований пришли к выводу о соответствии каждой физической конституции человека определенному типу преступного поведения (речь идет о теории конституционального предрасположения) [10].

Значительное влияние на представление об этиологии преступного поведения оказали теории психоанализа. Так, З. Фрейд не интересовался проблемами преступности и только однажды занимался этим вопросом по обращению А. Эйнштейна с просьбой дать рекомендации по устранению агрессивности людей и организации управления психическим развитием человека таким образом, чтобы его как можно лучше научить противостоять психозу ненависти и разрушения [2, с. 131–132]. Но последователи З. Фрейда (К. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм и др.) сделали немало, чтобы приспособить, а порой и усовершенствовать его учение для объяснения причин преступности и обоснования мер борьбы с ней. Сторонники психоанализа, изучающие преступность, несмотря на множество различий в тонкостях интерпретации, исходили из одного общего положения: в основе насильственного преступного поведения лежит Thanatos (инстинкт агрессии, разрушения), который непреодолим и непременно проявляется не просто в агрессивных, но и в противоправных деяниях, а само преступное поведение носит замещающий характер, символизируя вытесненные в подсознание конфликты [1, с. 223–224].

Механизм перенесения, описанный З. Фрейдом [11, с. 275–287], позволяет понять истоки многих безмотивных преступлений, в том числе и таких, когда мстят не тому лицу, которое причинило вред, а другому, как правило, более слабому. Методика углубленного анализа скрытых в подсознании психических травм, оказывающихся причинами неврозов и навязчивых состояний, продуцирующих преступное поведение, позволила разработать клинические методы коррекции личности преступника [2, с. 36]. Обнаруженные ученым механизмы сопротивления и вытеснения дают возможность понимать процесс субъективного искажения восприятия реальности как основу психологической самозащиты. Заслуживают особого внимания его рассуждения о механизмах влияния пограничной психопатологии на поведенческие реакции [12].

В дальнейшем положения психоанализа З. Фрейда активно использовались зарубежными криминологами для формулирования новых теорий преступности и разработки новых подходов к противодействию ей.

Так, У. Реклесс на основе фрейдистских схем сформулировал концепцию внутреннего регулирования поведения. Он отмечал, что для возможности управления своим поведением и удержания от преступных импульсов «необходимо в процессе воспитания человека сформировать у него самосознание, сильное эго, хорошо развитое супер-эго, сопротивляемость различным отвлекающим факторам, способность переносить фрустрацию, развивать чувство ответственности, целенаправленность, способность находить удовлетворение в заместителях криминальных побуждений, способность к рациональному поведению» [2, с. 137].

В дооктябрьский период в России феномен преступности изучался достаточно широко, была законодательно оформлена система мер предупреждения преступлений в виде Устава о предупреждении преступлений (1832, 1842, 1857, 1900 гг.). Теоретические представления о причинах преступности корнями уходили в традиционную русскую философию и духовную жизнь. Взгляды известных юристов того времени А.А. Жижиленко, Е.Н. Ефимова, А.Ф. Кистяковского, В.Д. Набокова, В.Д. Спасовича, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого характеризовались отрицательным отношением к жестким наказаниям, смертной казни осознанием необходимости предупреждения преступлений посредством решения социальных проблем. После октябрьского периода исследование преступности сосредоточилось в криминологических кабинетах [13, с. 15], первый из которых был открыт в 1918 г. в Петрограде. Позже такие кабинеты были созданы в Москве, Саратове, Ростове-на-Дону, Минске, Тифлисе, Ташкенте и других городах. «В их штатах, пишет И.И. Дашин, числились юристы-социологи, врачи-антропологи, психологи, психиатры, статисты. Соотношение названных специалистов зависело от ведомственной подчиненности учреждения (правоохранительный, административный орган, орган здравоохранения, при котором они состояли)» [14, с. 57]. Работа кабинетов заключалась в анализе состояния и динамики преступности в регионе, криминологическом изучении с использованием специальных анкет и вопросников, производстве экспертиз по уголовным делам, организации консультаций для практических работников.

Государственный институт по изучению преступности и преступника был открыт в 1925 г. Для изучения личности осужденных была создана экспериментальная клиника при институте, в которой отрабатывались различные методы исправительно-трудового воздействия [15, с. 74–75]. В этот период наблюдается усиление позиций социологической криминологии: издаются работы по анализу моральной статистики, личности преступника и другим темам. Тогда же начинается интенсивное изучение социологии преступности и ее видов, личности преступника, мотивации преступного поведения, ведутся другие интереснейшие исследования. Регулярно издаются сборники статей и научные монографии (М.Н. Гернет «Моральная статистика» (1922) и «Преступность и самоубийства во время войны и после нее» (1927); В.И. Куфаев «Юные правонарушители» (1924); С.В. Познышев «Криминальная психология. Преступные типы» (1926); Г.И. Волков «Уголовное право и рефлексология» (1926) [16, с. 14]). В многочисленных статьях обобщались психологические и социологические наблюдения различных категорий преступников, профессиональной, организованной, рецидивной преступности. Преступное поведение рассматривалось в его социологическом, психологическом и клиническом аспектах. В криминологических исследованиях широко использовались достижения биологии, психиатрии, психологии, теории рефлексов В.М. Бехтерева (1857–1927) и И.П. Павлова (1849–1936). Однако все это

противоречило диктаторскому сталинскому режиму и не вписывалось в официально признанные ленинские утверждения о «коренной причине преступности». В этой связи начиная с 1929 г. и до середины 30-х гг. советская криминология подверглась уничтожающему разгрому, поводом для которого послужило обвинение в пропаганде идей Ч. Ломброзо о врожденном преступнике. Криминологические кабинеты были ликвидированы, а институты по изучению преступности преобразованы в учреждения по изучению уголовной политики и уголовного права. Криминологию постигла судьба генетики и кибернетики: она была объявлена «буржуазной лженаукой». В результате криминологические исследования надолго прекратились.

В Республике Беларусь системно и целенаправленно проблема предупреждения противоправного поведения лиц с расстройствами психики ранее как отдельно взятая комплексная проблема не исследовалась. Отдельные ее аспекты рассматривались В.А. Ананичем, Н.А. Барановским, Г.А. Василевичем, О.В. Русецким, В.М. Хомичем, В.П. Шиенком, Г.Г. Шиханцовым и др. (разработка проблем профилактики преступности и ее фоновых явлений), А.И. Габой, Г.Н. Мухиным (изучение особенностей расследования общественно-опасных деяний лиц с психическими аномалиями), А.Н. Пастушеней, В.Г. Стукановым, В.Б. Шабановым и др. (исследование проблемы предупреждения противоправного поведения в среде осужденных); А.Д. Балашовым, Е.И. Скугаревской (клинико-психопатологическое исследование общественно опасных деяний невменяемых лиц, страдающих шизофренией), М.Л. Тушинским, А.В. Шевчуком и др. (медицинские вопросы аутоотравматизма осужденных).

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Проблема предупреждения преступности лиц с психическими расстройствами интересовала общество постоянно. Первые научные попытки рассмотреть психические расстройства как одну из причин совершения преступлений, а также отдельные вопросы уголовной ответственности лиц, страдающих ими, неоднократно предпринимались криминологами, криминалистами, психиатрами, психологами, социологами и философами в XVIII–XIX вв.

На протяжении всего исторического периода развития криминологии исследователи искали причины конкретного преступного поведения в биологических особенностях человека и несовершенном социальном устройстве общества. Развитие этих научных направлений часто протекало в конфликтном ключе, когда представители одного направления доказывали несостоятельность взглядов другого. Все многообразие криминологических взглядов, объясняющих как преступность в целом, так и преступность лиц с психическими расстройствами в зависимости от определяющей роли факторов в этиологии преступного поведения можно разделить на два направления (группы, модели): биологическое и социальное. В рамках каждого направления можно выделить достаточное количество криминологических теорий (концепции, школы). Биологическое направление связывает психические отклонения и преступное поведение человека с влиянием биологических причин (особенности строения его тела, деятельность желез внутренней секреции, хромосомный набор, уровень интеллекта, «нарушение психического равновесия» (психопатия) и др.) и включает в себя антропологические (прирожденный преступник; конституционные типы; конституциональное предрасположение и др.), психиатрические (психопатологические), эндокринологические, хромосомная, психологические (психоанализ и др.) и другие теории. Социальное направление (с влиянием социальных причин) включает в себя социологические (аномия, преступное подражание, дифференцированная связь, стигматизация и др.), социалистические (работы К. Маркса и Ф. Энгельса), экономические (депрессии, экспансии и др.) и другие теории.

Несмотря на бурное развитие и значимые достижения науки XIX–XX вв., а также научно-техническую революцию середины XX в., системно-комплексные криминологические исследования, посвященные противодействию преступности лиц с психическими расстройствами, ни белорусскими, ни зарубежными учеными-юристами ранее не проводились

Проведенные учеными исследования преступности и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами не исчерпывают названную проблему вообще и для Республики Беларусь в частности, поскольку затрагиваемые проблемы рассматривались, как правило, с позиции одной науки, представителем которой являлись авторы (социология, психология, пси-

хиатрия, уголовное право, криминалистика и др.), и описаны на материалах конкретных стран и для конкретных стран. В Республике Беларусь системно и целенаправленно проблема противодействия преступности лиц с психическими расстройствами ранее как отдельно взятая комплексная проблема не исследовалась.

Список использованной литературы:

1. Холыст, Б. Криминология: основные проблемы / Б. Холыст. – М. : Юристъ, 2000. – 511 с.
2. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология : учеб. пособие / С.М. Иншаков. – 2-е изд.– М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2003. – 383 с.
3. Ломброзо, Ч. Преступный человек / Ч. Ломброзо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: svinc.spb.ru/content/documentsp?cntID=100156734 – Дата доступа: 12.07.2019.
4. Шиханцов, Г.Г. Криминология : учебник / Г.Г. Шиханцов. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 296 с.
5. Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 658 с.
6. Шнайдер, Г.Й. Криминология / Г.Й. Шнайдер. – М. : Прогресс. Универс, 1994. – 501.
7. Маркс, К. Наемный труд и капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 39 т. – М., 1957. – Т. 6. – С. 428–459.
8. Маркс, К. Положение рабочего класса в Англии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 39 т. – М., 1955. – Т. 2. – С. 231–517.
9. Дюркгейм, Э. Самоубийство : социол. этюд / Э. Дюркгейм. – СПб. : Союз, 1998. – 492 с.
10. Кречмер, Э. Строение тела и характер / Э. Кречмер. – М. : Эксмо, 2003. – 416 с.
11. Фрейд, З. Введение в психоанализ : лекции / З. Фрейд. – М. : Наука, 1991. – 456 с.
12. Фрейд, З. Очерки по психологии сексуальности / З. Фрейд. – Минск : БелСЭ, 1990. – 166 с.
13. Долгова, А.И. Теория криминологии: проблемы, поиски, решения / А.И. Долгова // Вопросы борьбы с преступностью / ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка : редкол.: И.И. Карпец (отв. ред.) [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1988. – № 46. – С. 15–23.
14. Даньшин, И.Н. Введение в криминологическую науку. / И.Н. Даньшин. – Харьков : Право, 1998. – 144 с.
15. Курс советской криминологи : в 2 т. / под ред. В.Н. Кудрявцева [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1985. – Т. 1 : Предмет. Методология. Преступность и причины. Преступник. – 416 с.
16. Зелинский, А.Ф. Криминология : курс лекций / А.Ф. Зелинский. – Харьков : Прапор, 1996. – 206 с.

Дата поступления в редакцию: 22.09.19

M.Y. Kashinsky, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE CRIMINALITY OF PERSONS WITH MENTAL DISORDERS: A HISTORICAL-CRIMINOLOGICAL ASPECT

The retrospective analysis of criminological views on the problem of crime of persons with mental disorders is carried out. The opinions of criminologists on the problem of criminality of persons with mental disorders are considered and generalized.

Keywords: criminality of persons with mental disorders, interdisciplinary and system-integrated approaches in criminology, crime prevention.

УДК 343.541

К.В. Поляков, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: S5741922@tut.by)

О ПОНЯТИИ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ

Рассматривается содержание понятия детской порнографии. Указывается на необходимость уточнения категорирования порнографии на видовые составляющие. Выделяются проблемы некорректного использования установленных признаков порнографии при выявлении порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего. Предлагается уточнение понятия детской порнографии.

Ключевые слова: детская порнография, несовершеннолетние, признаки детской порнографии, действия сексуального характера, категорирование порнографии.

Сегодня вопрос о понятии детской порнографии, ее природе, характеристиках и причине распространения остается открытым. Чаще всего с проблемой в установлении принадлежности исследуемых предметов либо материалов к порнографическим сталкиваются работники республиканской экспертной комиссии по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости и культурологической экспертизы Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, в состав которой входят специалисты различных областей науки. При принятии решения о принадлежности исследуемого материала к порнографическому учитываются не только требования руководящих документов, но и мнения социологов, сексологов, психологов, этимология самого термина. Этот подход, с одной стороны, способствует раскрытию некоторых свойств данного феномена, с другой – не отражает целостную картину. Некоторые исследователи характеризуют детскую порнографию с позиции социологии (А.А. Яковлева, А.А. Грицанов и др.) как проявление духовного кризиса определенных общностей. Сексологи и психиатры (И.С. Кон, В.В. Нагаев и др.) дают ей оценку с точки зрения воздействия детской порнографии на психику как потребителя, так и несовершеннолетнего. Юристы рассматривают детскую порнографию как угрозу общественной нравственности. Неоднозначность в толковании этого понятия неизбежно приводит к субъективному уяснению содержания и смысла нормы уголовного закона. Для обеспечения единого понимания субъектами правоотношений и специалистами экспертных организаций термина «детская порнография» необходимо законодательное разъяснение в точном соответствии с текстом нормы уголовного закона, т. е. буквально.

В Республике Беларусь противодействие изготовлению и распространению детской порнографии рассматривается комплексно. Так, согласно ст. 9 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» (далее – Закон о правах ребенка) каждый несовершеннолетний имеет право на защиту своей личности от любых видов эксплуатации и насилия. Государство обеспечивает неприкосновенность его личности, осуществляет защиту от всех видов эксплуатации, совершения действий, связанных с изготовлением, распространением порнографических материалов или предметов порнографического характера. Ст. 37¹ Закона о правах ребенка обеспечивает право на защиту от информации, причиняющей вред его здоровью и развитию. К такой категории относится информация, способная оказать негативное влияние на здоровье, физическое, нравственное и духовное развитие детей, побуждающая к совершению преступлений, в том числе связанных с изготовлением, распространением порнографических материалов или предметов порнографического характера.

Защита прав несовершеннолетних осуществляется различными способами, в том числе и применением норм уголовного закона к лицам, покусившимся на них. Охрана некоторых прав несовершеннолетних реализуется в ст. 343¹ Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК) «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего». В ходе противодействия преступлениям указанной категории правоохранительные органы сталкиваются с двумя проблемами: выявление в материалах либо предметах элементов порнографии и определение степени участия несовершеннолетнего в создании этого материала или предмета.

Решая первую, правоохранительные органы обращаются к п. 2 Положения о республиканской экспертной комиссии по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 октября 2008 г. № 1571 (далее – Положение о республиканской экспертной комиссии), в котором указывается, что «Порнографические материалы или предметы порнографического характера с изображением несовершеннолетнего – разновидность порнографических материалов или предметов порнографического характера, которая включает в себя материалы или предметы, содержащие любое изображение или описание ребенка либо воспринимающиеся как изображение или описание ребенка либо совершеннолетнего лица, имитирующего ребенка, совершающего реальные или смоделированные действия сексуального характера либо принимающего участие в совершении таких действий или в их имитации, либо реалистичное изображение, в том числе созданное с использованием анимации или электронной техники образа ребенка, совершающего или участвующего в совершении действий сексуального характера, а равно любое изображение или описание половых органов ребенка в сексуальных целях». Указанная трактовка разъясняет, что порнографические материалы или предметы порнографического характера с изображением не-

совершеннолетнего – это разновидность порнографических материалов или предметов порнографического характера, обладающих определенными признаками.

У Т.Ф. Ефремовой понятие «разновидность» раскрывается, как «тот, кто или то, что представляет видоизменение, частное проявление какой-либо общей категории, какого-либо типа, явления» [1]. Используя категории философии, где видовой объект должен обладать всеми свойствами общего объекта и иметь некоторые специфические свойства, утверждать, что порнографические материалы или предметы порнографического характера с изображением несовершеннолетнего являются таковыми, возможно при условии, что указанные предметы и материалы обладают признаками порнографии (общий объект), которые содержатся в Инструкции Министерства культуры Республики Беларусь «О порядке выпуска, тиражирования, показа, проката, продажи и рекламирования эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения», утвержденной постановлением Министерства культуры Республики Беларусь от 8 мая 2007 г № 18 (далее – Инструкция Министерства культуры). Указанный документ раскрывает понятие порнографии: «Порнография – вульгарно-натуралистическая, омерзительно-циничная, непристойная фиксация половых сношений, самоцельная, умышленная демонстрация большей частью обнаженных гениталий, антиэстетичных сцен полового акта, сексуальных извращений, зарисовок с натуры, которые не соответствуют нравственным критериям, оскорбляют честь и достоинство личности, ставя ее на уровень проявлений животных инстинктов». Указанное понятие характеризуется обилием оценочных категорий: «омерзительно-циничная», «непристойная», «антиэстетичные» и др., смысл которых подлежит расширенному толкованию, в связи с чем результат практического применения искусствоведческой экспертизы может существенно варьироваться, приводя к искажению заложенной в определении цели. Таким образом, имеющаяся формулировка не в полной мере позволяет использовать понятие порнографии. Существующее определение порнографии немногим отличается от сформулированного ранее учеными, что с учетом изменчивого характера порнографии не всегда соответствует действительности.

Этимологическую основу понятия «порнография» составляют греческие слова *porno* – проститутка и *grapho* – пишу, рисую, описываю, которые в целом можно перевести как описание полового акта, изображение непристойностей. Существует две версии возникновения данного термина. Согласно одной «под порнографией первоначально понимались фрески сексуального содержания, украшавшие стены публичных домов в Древних Афинах, являвшиеся одновременно средством привлечения клиентов и каталогом предоставляемых услуг» [2, с. 43], после чего слово «порнография» употреблялось для обозначения откровенно непристойного и циничного изображения половой жизни людей. По другой – термин возник в XVIII в. во Франции с появлением книги Ретифа де ла Бретонна «Порнография, или размышления порядочного человека об истинной безнравственности проституции».

Первая попытка научного определения порнографии сделана на Четвертом Международном конгрессе в Париже в 1910 г.: «все, что имеет непристойный характер, что расположением лиц, поз обнаруживает специальное стремление породить нездоровые представления о сексуальной жизни и своим содержанием выдает желание автора вызвать похотливые и развратные мысли» [3, с. 57]. Выработанная формулировка определения изначально была лишена ясности по причине неоднозначного восприятия содержащихся в ней терминов: «непристойный характер», «нездоровые представления», «похотливые и развратные мысли».

В словаре А.П. Евгеньевой в качестве синонимов непристойности выделяется «неприличие» и «бесстыдность»; стыд трактуется как чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины; приличие – как правило поведения [4, с. 516–517]. Подобные категории, в том числе «стыд», используются при характеристике сознания личности и для разных людей существенно отличаются по наполненности смысловой составляющей.

Несмотря на обозначенные сложности восприятия термина «порнография» в большинстве случаев его пытаются раскрыть именно через понятие «непристойность» как «вульгарно-натуралистическое, непристойное изображение половой жизни в литературе, изобразительном искусстве, театре, кино и пр.» [5, с. 1229].

Д.В. Шмыков под порнографией понимает «противоречащее принципам общественной нравственности вульгарно-натуралистическое, циничное изображение половых органов, специальное детализированное изображение гениталий, сцен полового акта, сексуальных извращений, оскорбляющих честь и достоинство человека» [6, с. 270]. Данное определение также характеризуется обилием оценочных категорий.

Р.С. Джинджолия трактует порнографию как «описание или изображение половых органов, полового акта, половых аномалий и изощрений в непристойном виде, осуществленное вопреки нравственным принципам эротического искусства, с нарушением требований научной сексологии и педагогики, способные вызвать извращенное сексуальное чувство» [7, с. 18].

В исследованиях М.В. Гусаровой под порнографией понимается «детальная демонстрация половых органов либо полового акта, умышленно созданная с целью производства сильного полового возбуждения, не обладающая при этом культурной, научной и исторической ценностью, и являющуюся по своей сути оскорбительной для общественной нравственности» [8, л. 28].

В теории существуют определения порнографии и без чрезмерной нагрузки оценочными характеристиками. В частности, В.Н. Куликов раскрывает ее как «вид эротических произведений, предметов, изображениями которых являются развратные действия, квалифицируемые как проституция, насилие, садизм, мазохизм, педофилия, зоофилия, некрофилия, копрофилия, урлангия» [9, с. 18]. Указанная формулировка в большей степени рассматривает порнографию с позиции сексологии. При этом автор отождествляет порнографию и эротику, что, по нашему мнению, является неверным.

Исследователи в своих научных трудах пытались дать определение порнографии, исходя из желания отделить его от эротики. Но, по мнению О.Ш. Петросяна, для разграничения указанных понятий необходимо раскрыть содержание дефиниции «порнография». А.Г. Донченко также приходит к выводам о необходимости отделения порнографии от эротики [10, с. 190].

Исходя из законодательного определения и мнения большинства ученых можно выделить следующие признаки, характерные для понятия порнографии:

- фиксирование внимания потребителя на половом акте, манипуляциях с гениталиями;
- ориентирование только на стимуляцию сексуального возбуждения;

- демонстрация сексуальных сцен вне художественной задачи с уточняющими грубо натуралистичными, циничными, непристойными деталями;

- возможно изображение социально или морально осуждаемых форм половых контактов (гомосексуализм, групповой секс, половые контакты с животными и т. д.).

Вопрос о понятии «порнография» остается дискуссионным. Оценка материалов, предметов на принадлежность к порнографии по критериям большинства ученых позволяет прийти к выводу о том, что материал или предмет является порнографическим либо эротическим. Согласно инструкции Министерства культуры, если фиксация половых сношений обладает признаками «вульгарно-натуралистическая, омерзительно-циничная, непристойная» и др., то это является порнографией, в отсутствии указанных признаков – это эротика. Соответственно, следуя «логической цепочке», фиксация половых сношений с несовершеннолетними в отсутствии этих признаков, формально может быть эротикой с участием несовершеннолетнего.

Для здравомыслящего человека любая фиксация половых сношений несовершеннолетних вообще не имеет прав на использование, поскольку деяние противоречит моральным и нравственным нормам общества. Понятие, применяемое в указанной Инструкции Министерства культуры, предназначено для разграничения порнографии и эротики. Использование этого определения в формулировании понятия детской порнографии не в полной мере отвечает сути преступного деяния.

Исходя из того, что деяния, предусмотренные ст. 343¹ УК, имеют международный характер, и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетних тесно связано с международными преступными организациями, необходимо учитывать международный опыт в раскрытии понятия «детская порнография».

Республика Беларусь Законом от 3 декабря 2001 г. «О присоединении Республики Беларусь к Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии» присоединилась к указанному соглашению. В п. «с»

ст. 2 этого акта дано следующее определение: «Детская порнография означает любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка, главным образом, в сексуальных целях».

Согласно ст. 9 Конвенции Совета Европы от 23 ноября 2001 г. № «О преступности в сфере компьютерной информации» понятие детской порнографии включает в себя порнографические материалы, отображающие:

- а) участие несовершеннолетнего лица в откровенных сексуальных действиях;
- б) участие лица, кажущегося несовершеннолетним, в откровенных сексуальных действиях;
- с) реалистические изображения несовершеннолетнего лица, участвующего в откровенных сексуальных действиях.

Под реалистическими изображениями понимают фотографии, сделанные при помощи различных технологий путем замены изображения взрослых изображениями детей.

Конвенция Совета Европы от 25 октября 2007 г. «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия» (Лансаротская конвенция) также раскрывает понятие детской порнографии – «любые материалы, которые изображают ребенка, совершающего реальные или смоделированные сексуально откровенные действия, или любое изображение половых органов ребенка в сексуальных целях».

Межпарламентская Ассамблея Содружества Независимых Государств в 2008 г. постановила рекомендовать для использования в национальных законодательствах модельный закон «О противодействии торговле людьми» от 3 апреля 2008 г. № 30 – 11. В ст. 3 понятие детской порнографии раскрывается как «материалы или предметы, содержащие любые изображения или описания ребенка или совершеннолетнего лица, имитирующего ребенка, совершающего или имитирующего действия сексуального характера или принимающего участие в совершении таких действий или в их имитации, либо реалистичные изображения (в том числе созданные с использованием анимации и электронной техники) образа ребенка, совершающего или участвующего в совершении действий сексуального характера, а равно любое изображение или описание половых органов ребенка в сексуальных целях».

Анализ международных актов и опыта противодействия порнографии с изображением несовершеннолетних в различных государствах демонстрирует использование общепринятого термина «детская порнография». В международной юриспруденции указанное понятие характеризуется общими признаками, присущими содержащейся в материалах и предметах информации, которая представляет:

- сексуальные действия несовершеннолетних;
- имитацию сексуальных действий несовершеннолетних;
- половые органы ребенка главным образом в сексуальных целях.

Детская порнография не может рассматриваться как разновидность порнографических материалов или предметов порнографического характера в том определении, которое дано нам законодательно. Эта дефиниция является разновидностью более концептуального понятия порнографии. Дефиниции, описываемые понятием «порнографические материалы» или «предметы порнографического характера», также, как и детская порнография, являются видовыми объектами общей категории «порнография». Данная проблема может быть разрешена путем включения в законодательство Республики Беларусь современного международно-правового термина «детская порнография».

Указанное понятие должно раскрывать ее сущность посредством использования максимально возможного количества однозначно интерпретируемых выражений и быть лаконичным. Предметы и материалы, содержащие детскую порнографию, по своей сути – это результат фиксации на различных носителях информации о совершении некоторых преступлений против половой неприкосновенности заведомо несовершеннолетних. Для описания объективной стороны преступления в отношении несовершеннолетних в УК используются понятия «действия сексуального характера» и «развратные действия». Вместе с тем легальное определение этим действиям в законодательстве также отсутствует.

Различные подходы в трактовании понятия детской порнографии, действий сексуального характера также, как и порнографии, неминуемо приводят к использованию оценочных показателей. Затруднительно формулировать термин, не используя оценочные категории для уголовно-правовых норм, объектом преступления которых является общественная нравственность. Противоречие между абстрактным и конкретным в формулировании понятия детской порнографии неизбежно. Использование необходимых оценочных показателей в данном случае является не ошибкой, а способом описания действительности. Так, В.Н. Кудрявцев считал, что «существование в законодательстве оценочных понятий объясняется тем, что они дают возможность хорошо учитывать социальную обстановку, специфические обстоятельства дела... Существование в законе оценочных понятий неизбежно. Они полезны, если устанавливаются для тех случаев, когда это необходимо и когда правильно применяются на практике. Вот почему важно подчеркнуть, что употребление этих понятий ни в коем случае не должно порождать произвола. Оценочные суждения должны основываться на реальных фактах, отражать требования закона, истолковываться во взаимосвязи с другими институтами и понятиями права» [11, с. 117–118].

Основываясь на приведенных доводах, для единообразного толкования национального и международного законодательства в раскрытии понятия детской порнографии необходимо заменить в Положении о республиканской экспертной комиссии по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости термин «порнографические материалы или предметы порнографического характера с изображением несовершеннолетнего» на «детская порнография» с раскрытием содержания этой дефиниции. Наиболее правильное описание анализируемого явления может трактоваться следующим образом: «Детская порнография – материалы или предметы либо сцены, содержащие информацию о совершении в отношении несовершеннолетнего реальных или смоделированных действий сексуального характера, изображения или описания половых органов несовершеннолетних в сексуальных целях».

Применение именно такого определения детской порнографии в практической деятельности способно обеспечить надлежащую защиту общественной нравственности и предотвратить вред, причиняемый нормальному развитию несовершеннолетних. Оно может стать хорошей основой для единообразного толкования ст. 343¹ УК.

Список использованных источников

1. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : ок. 1900 словообразоват. единиц / под ред. Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М. : Астрель, 2005. – 636 с.
2. К вопросу о нормативном определении порнографии : сб. науч. ст. / V Омские торгово-экономические чтения ; ред. кол.: С.В. Белим. – Омск : Ом. ин-т (фил.) РГТЭУ, 2007. – 447 с.
3. Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К» / под ред. В.Я. Железнова [и др.]. – М. : Бр. А. и И. Гранат и К. – 420 с.
4. Словарь синонимов русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Астрель : АСТ, 2002. – 648 с.
5. Российский энциклопедический словарь : в 2 кн. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М. : Большая Рос. энцикл., 2001.
6. К юридическому определению порнографии : сб. науч. ст. // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки ; ред. кол.: О.А. Кузнецова. – Пермь : ПГНИУ, 2013. – № 2. – 278 с.
7. Джинджолия, Р.С. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.С. Джинджолия. – М., 2001. – 49 с.
8. Гусарова, М.В. Незаконный оборот порнографических материалов или предметов: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.В. Гусарова. – Н. Новгород, 2010. – 262 с.
9. Куликов, В.Н. Предмет как орудие преступления, предусмотренного статьей 242 УК РФ / В.Н. Куликов // Рос. следователь. – 2005. – № 3. – С. 15–19.
10. Донченко, А.Г. Понятие порнографии в российском уголовном праве / А.Г. Донченко // Изв. вузов. Правоведение. – 2011. – № 2. – С. 186–192.
11. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 1999. – 301 с.

Дата поступления в редакцию: 29.07.19

K.V. Polyakov, Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ON THE CONCEPT OF CHILD PORNOGRAPHY

The content of the concept of child pornography is considered. The necessity of clarifying the categorization of pornography into specific components is indicated. The problems of the incorrect use of established signs of pornography in identifying pornographic materials or objects of a pornographic nature with the image of a minor are highlighted. Clarification of the concept of child pornography is proposed.

Keywords: child pornography, minors, signs of child pornography, sexual acts, categorization of pornography.

УДК 343.541

В.В. Стальбовский, преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: vudiksvv@gmail.com)

**КОНЦЕПЦИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ИЛИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В двух частях

Часть 2

Анализируются современные тенденции преступности сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних; статистика, динамика и латентность указанной группы общественно опасных деяний. Определяются зоны особой активности лиц, имеющих склонность к совершению сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних, и соответствующие меры по блокированию их причин и условий. Предлагаются виды комплексных криминологических и организационных мероприятий, отраженных в предлагаемой национальной Концепции.

Раскрываются особенности комплексного противодействия преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних. Сформулированы необходимые меры организационно-правового, уголовно-правового, социально-правового характера для всех субъектов профилактики на различных государственных уровнях.

Предлагаются меры противодействия исследуемому виду преступлений, основанные на выявлении отличительных особенностей педофилов в социуме, необходимые для всех уровней адресатов профилактики, непосредственно занимающихся проблемами обеспечения безопасности несовершеннолетних от посягательств насильственно-сексуального характера.

Ключевые слова: предупреждение и профилактика преступности, половая свобода и половая неприкосновенность, меры криминологического характера, превенция, сексуальные посягательства, криминологическое противодействие, детерминанты преступности, зона особой активности педофилов, интернет-груминг несовершеннолетних, интернет-сообщество педофилов, сексуальная преступность в отношении несовершеннолетних.

Глава 3. Мероприятия настоящей Концепции

Настоящей Концепцией предусматривается поэтапная (до 2021 г.) реализация комплекса организационно-правовых, организационно-практических и иных мероприятий, осуществляемых государственными органами (организациями) и общественными институтами по предупреждению преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних.

3.1. Организационно-правовые мероприятия.

3.1.1. Изучить и обобщить статистические сведения о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних и на основе полученных данных составить прогноз развития данной разновидности преступности.

3.1.2. Определить комплекс причин, способствующих совершению преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних.

3.1.3. Изучить практику применения и исполнения наказания в отношении преступников рассматриваемой категории.

3.1.4. Изучить уровень рецидива среди лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, отбывших наказание.

3.1.5. Проработать вопрос о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство, предусмотрев:

увеличение количества субъектов предупреждения и профилактики рассматриваемой группы преступлений, включая расширение возможностей населения в общественном контроле и профилактическом наблюдении, превентивном надзоре;

блокирование и нейтрализацию основных причин и условий, способствующих совершению преступлений рассматриваемого вида;

осуществление дифференцированного подхода при назначении и исполнении наказаний в отношении лиц, совершивших преступления рассматриваемого вида;

обеспечение дополнительной защиты прав и безопасности несовершеннолетних.

3.1.6. Определить необходимость разработки и принятия самостоятельных нормативных правовых актов, направленных на предупреждение преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних (Законы «О сексуальном образовании несовершеннолетних», «Об информационной безопасности несовершеннолетних», «Об основах профилактики преступлений в сети Интернет», Указ Президента «О формировании и утверждении единой базы лиц, страдающих педофилией и иными расстройствами сексуального предпочтения»).

3.2. Организационно-практические мероприятия.

3.2.1. В рамках реализуемой политики:

определить деятельность по предупреждению преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних в качестве одного из основных направлений государственной молодежной политики; молодежные общественные объединения и государственные органы и иные организации, участвующие в пределах своей компетенции в реализации государственной молодежной политики, рассматривать в качестве дополнительных субъектов предупредительной деятельности;

активизировать деятельность в идеологическом контексте всех субъектов профилактики, учреждений образования, общественных объединений по работе с несовершеннолетними, военнослужащими, неработающими лицами молодежного возраста, молодежью, входящей в группу риска, освобожденными из исправительных учреждений; для этого обеспечить учет интересов, предпочтений и потребностей всех возрастных категорий и социальных слоев несовершеннолетних;

активизировать работу с несовершеннолетними, склонными к бродяжничеству, попрошайничеству, а также с беспризорными, состоящими на учете в инспекции по делам несовершеннолетних; создать единый информационный банк данных лиц вышеуказанных категорий.

3.2.2. В рамках реализации образовательной политики:

пересмотреть формы работы педагогических коллективов по правовому воспитанию молодежи в учреждениях образования;

усилить взаимодействие образовательных учреждений с представителями органов государственной власти, деятелями науки и культуры, бизнеса, средств массовой информации в целях формирования у несовершеннолетних гражданского самосознания и патриотизма, правовой культуры, степени личной ответственности за будущее страны, получения ими умеренного сексуального образования согласно национальным приоритетам;

в рамках образовательно-просветительской работы в комплекс воспитательных мероприятий учреждений образования включить сексуальное образование и просвещение лиц, склонных к деструктивному поведению;

в комплекс по коллективному просмотру в рамках единых дней информирования в общеобразовательных учреждениях включить телепередачи, художественные и документальные фильмы, видеоматериалы, содержащие видеобзоры совершенных преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, повлекших правовые последствия, о степени аморальности и безнравственности соответствующих общественно опасных действий; общеобразовательные документальные фильмы, содержащие материалы о юридическом факте наступления уголовной ответственности за указанные деяния, отражающие

правомерный возраст вступления в половые отношения между личностями; об общественных стандартах полового воспитания и просвещения с их последующим обсуждением;

обеспечить многообразие в использовании современных интерактивных форм и методов, психолого-педагогических приемов, направленных на формирование правовой культуры и личной ответственности несовершеннолетних за свои поступки;

проработать вопрос о введении должности «инспектор по правовому воспитанию» в учебных образовательных учреждениях всех уровней согласно законодательству об образовании, предусмотрев возможность комплектования этих должностей за счет пенсионеров территориальных органов внутренних дел, в том числе бывших сотрудников инспекции по делам несовершеннолетних, сотрудников уголовного розыска, которые на профессиональном уровне могут выявлять лиц, склонных к совершению преступлений, лиц, обладающих виктимологическими свойствами, организовать их учет, проводить профилактические беседы, а при необходимости оперативно организовать взаимодействие с правоохранительными органами и социальными службами;

внедрить социальный мониторинг учащихся и студентов учебных заведений с целью своевременного выявления, диагностики отклоняющегося и деструктивного поведения в их среде и контроля за складывающейся ситуацией.

3.2.3. В рамках осуществления социальной политики в отношении семьи:

повысить статус семьи в обществе посредством широкой пропаганды в молодежной среде семейных ценностей, материнства и отцовства, а также путем предоставления дополнительных гарантий безопасности несовершеннолетним в семье;

оптимизировать ресурс семьи по формированию навыков и установок законопослушного и ответственного поведения воспитуемых детей, вовлекать родителей в реализацию мероприятий предупредительной направленности;

разработать многоуровневую систему обязательной подготовки будущего родителя, направленную на формирование необходимого психолого-педагогического и юридического базиса, необходимого для предупреждения негативных проявлений в поведении детей, подростков и молодежи;

подготовить для семьи, образовательных учреждений, органов здравоохранения, трудовых коллективов методические рекомендации о формах и методах отклоняющегося поведения детей, подростков и молодежи и возможных мерах и способах их нейтрализации;

рассмотреть возможность создания специализированных региональных центров, в состав которых включить социальных работников, педагогов, психологов, юристов, которые могут оказывать квалифицированную помощь семьям в решении жизненных проблем; организовывать и проводить различные мероприятия предупредительной направленности;

создать при общеобразовательных школах институты дружинников из числа родителей для патрулирования территории возле школы в вечернее время суток осенне-зимний период.

3.2.4. Относительно трудовой занятости несовершеннолетних:

пересмотреть систему трудоустройства несовершеннолетних, расширив возможности временного и постоянного трудоустройства, в том числе для учащихся и студентов; создать благоприятные условия для реализации предпринимательского потенциала;

разработать систему предоставления налоговых льгот как молодым предпринимателям, так и юридическим лицам, массово привлекающим на работу несовершеннолетних и оказывающим услуги в сфере досуга;

разработать программу социализации молодежи в сельской местности, направленную на привлечение, закрепление и стимулирование молодых специалистов;

определить порядок выявления несовершеннолетних, не занятых учебой и трудом, и организовать учет таких лиц в единой информационной базе;

обеспечить развитие института стройотрядов, активное вовлечение несовершеннолетних в проекты государственного масштаба подчеркивая патриотизм и значимость их в деле государства.

3.2.5. В рамках организации досуга несовершеннолетних:

провести мониторинг досуга несовершеннолетних;

создать условия для полноценного и разнообразного использования свободного времени несовершеннолетних, при этом особое внимание уделить представителям рабочей, сельской молодежи и лицам, склонным к совершению правонарушений;

рекомендовать создание на базе учреждений, организаций и предприятий, спортивно-туристических центров независимо от формы собственности приобретение для их функционирования соответствующего инвентаря;

проработать вопрос о строительстве стадионов и спортплощадок для массового занятия физкультурой и спортом с соответствующими системами безопасности;

для коммерческих спортивных секций и других развивающих кружков ввести пятипроцентную квоту предоставления услуг на безвозмездной основе детям, подросткам и молодежи, находящимся в социально опасном положении;

проработать вопрос о внедрении инновационных и альтернативных форм проведения досуга несовершеннолетних, особенно в вечернее время, в том числе уделить внимание развитию экстремальных видов спорта, вызывающих интерес у несовершеннолетних;

разработать и реализовать комплекс дополнительных мероприятий по обеспечению занятости общественно полезной деятельностью максимального количества несовершеннолетних;

3.2.6. В рамках охраны здоровья:

активизировать деятельность медицинских работников, общественных организаций, средств массовой информации по профилактике, лечению, предупреждению распространения социально-значимых заболеваний среди несовершеннолетних (туберкулез, ВИЧ-инфекция, наркомания, алкоголизм, заболевания, передающиеся половым путем и др.);

подготовить и реализовать программу антиалкогольного и антинаркотического воспитания несовершеннолетних;

внести предложения по ограничению продажи спиртных напитков лицам, не достигшим 21-летнего возраста;

обеспечить прохождение курса психологической коррекции личности, прохождение специализированных психотерапевтических программ для лиц, склонных к совершению педофильских посягательств и признанных педофилами;

создать единую систему реабилитации жертв педофильных и инцестуозных посягательств на основе их финансовой поддержки в осуществлении квалифицированной психологической и социальной помощи;

разработать и внедрить программу, предусматривающую следующие медико-предупредительные меры в отношении лиц, страдающих расстройствами сексуального предпочтения:

проведение процедуры добровольной химической кастрации как условие условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы и замены неотбытой части наказания более мягким наказанием при совершении насильственно-сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних;

введение принудительной хирургической кастрации при рецидиве насильственно-сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних;

обеспечение диспансерного наблюдения и лечения у врача психиатра;

проведение обязательных принудительных консультаций сексопатолога;

введение принудительного наблюдения психолога;

введения принудительного наблюдения социальным работником;

обеспечение обязательного курса социальной реабилитации;

обеспечение обязательного курса психологической коррекции.

3.2.7. В рамках совершенствования деятельности органов внутренних дел:

повысить эффективность деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

организовать подготовку и переподготовку сотрудников органов внутренних дел по предупреждению преступности сексуального характера с привлечением иностранных специалистов;

обеспечить обязательную государственную геномную регистрацию лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления и преступления против половой свободы или половой неприкосновенности несовершеннолетних;

установить уголовную ответственность за хранение порнографических материалов с участием детей на личных серверах пользователей; предусмотреть ответственность за распространение и рекламу «педофильной идеологии» в СМИ, телекоммуникационных сетях, глобальной компьютерной сети Интернет;

внедрить практику проведения ежегодных учебно-методических сборов командиров и актива молодежных отрядов охраны правопорядка на базе внутренних войск Министерства внутренних дел и подразделений УВД облисполкомов, ГУВД Минского горисполкома по вопросам профилактики преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

обеспечить меры по запрету нахождения вблизи детских образовательных и оздоровительных учреждений на определенном расстоянии лиц, ранее осужденных за насильственно-сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних или состоящих в «Едином реестре лиц, страдающих педофилией и иными расстройствами сексуального предпочтения»;

реализовать программу по общественному контролю за местом жительства лиц, ранее совершавших преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

популяризовать и усилить роль института дружинников в профилактике преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

создать условия для участия населения в превентивном надзоре и профилактическом наблюдении за лицами, освободившимися из мест лишения свободы (институт дружинников);

ввести ограничения во времени пребывания вне жилого помещения для преступников (на уровне виктимологической профилактики и комендантского времени для несовершеннолетних);

ужесточить условия превентивного надзора и профилактического наблюдения (ст. 80, 81 УК Республики Беларусь);

создать Единый реестр лиц, страдающих педофилией и иными расстройствами сексуального предпочтения.

3.2.8. В рамках совершенствования системы исполнения наказания:

исключить применение института условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким наказанием в отношении осужденных повторно за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

выработать эффективную систему мер лечения лиц, страдающих сексуальными отклонениями в местах их строгой изоляции с вынесением экспертного заключения перед освобождением о возможности находиться в условиях свободы в связи с тяжелым заболеванием;

разработать методику оказания медицинской и психологической помощи лицам, страдающим сексуальными отклонениями;

проработать вопрос о целесообразности использования новых форм надзора за поведением осужденных за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних с использованием электронного мониторинга спутниковой навигации;

усовершенствовать систему сексуального образования осужденных, склонных к совершению преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

разработать и внедрить программу социальной реадaptации осужденных указанной категории;

рассмотреть целесообразность создания районных реадaptационных центров для лиц, страдающих сексуальными отклонениями;

обеспечить оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве лицам молодежного возраста, освобожденным из учреждений уголовно-исполнительной системы, и осуществление других мер по их социальной реабилитации.

Глава 4. Научное и информационное обеспечение.

4.1. Организовать научное сопровождение исследования проблем предупреждения преступности сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних. Для этого целесообразно: при Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь создать лабораторию исследования проблем предупреждения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

аккумулировать и анализировать статистические и другие сведения о противоправных проявлениях в нравственно-половой сфере, отслеживать динамику, выявлять тенденции, прогнозировать развитие;

на основе полученных данных проводить постоянный мониторинг причин и условий криминальных проявлений в нравственно-половой сфере;

изучить зарубежный опыт по вопросу предупреждения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних с заимствованием положительного опыта и оперативного внедрения в практическую сферу;

организовать проведение ежегодных международных и республиканских научно-практических конференций по совершенствованию форм и методов работы субъектов профилактики по противодействию преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

разработать предложения по созданию действенной системы предупреждения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

обеспечить тесное взаимодействие науки, образования и практики.

4.2. В целях информационного обеспечения:

4.2.1. Использовать возможности средств массовой информации и глобальной компьютерной сети Интернет для привлечения внимания к проблеме преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних.

4.2.2. Организовать проведение пресс-мероприятий по вопросам предупреждения различных антисоциальных проявлений в нравственной сфере.

4.2.3. Организовать подготовку, издание и распространение видео- и печатной продукции по вопросам предупреждения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних и развития правовой культуры в зонах особой активности преступности указанного вида.

Глава 5. Заключительные положения.

Реализация настоящей Концепции осуществляется под руководством Совета Министров Республики Беларусь путем координации деятельности всех субъектов предупреждения и профилактики преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних.

Актуальность и практическая значимость Концепции для деятельности правоохранительных органов, для всех адресатов профилактики обусловлена рядом неразрешенных на настоящий момент проблем и противоречий, возникающих в процессе комплексного противодействия преступлениям сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних; отсутствием единой государственной программы, направленной на снижение количественно-качественных показателей в рассматриваемой сфере и выработку единых подходов в определении инновационных эффективных мер предупреждения и профилактики рассматриваемого вида преступности.

Указанным обусловлена необходимость совершенствования практической деятельности государственных органов в сфере уголовно-правового и криминологического направлений противодействия преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних путем принятия и совершенствования в дальнейшем вышеприведенных мер.

Дата поступления в редакцию: 29.04.19

V.V. Stalbovsky, Lecturer at the Department of the Penal Law of the Faculty of Corrections of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONCEPT PREVENTION AND PREVENTION OF CRIMES AGAINST SEXUAL IMMUNITY OR SEXUAL FREEDOM OF MINORS IN THE REPUBLIC OF BELARUS (PART 2)

The current trends characteristic of sexual crimes against minors, the statistics, dynamics and latency of this group of socially dangerous acts are analyzed, the zones of special activity of persons who have a tendency to commit sexual crimes against minors with appropriate measures to block the causes and conditions of complex criminological and organizational arrangements reflected in the national concept.

The features of a comprehensive response to crimes against sexual integrity or sexual freedom of minors are disclosed. Formulated measures of organizational-legal, criminal-legal, social-legal nature necessary for all levels of subjects of prevention and prevention at various state levels. Areas of particular activity are defined for persons who have a tendency to commit sexual crimes against minors, which should be emphasized in regulatory legal acts.

Measures are proposed to counteract the type of crimes against sexual freedom or sexual inviolability of minors, based on identifying the distinctive features of pedophiles in society, necessary for all levels of prevention recipients who are directly involved in ensuring the safety of minors from violent sexual assault.

Keywords: crime prevention and prevention, sexual freedom and sexual immunity, criminological measures, prevention, sexual assault, criminological opposition, crime determinants, area of special activity of pedophiles, Internet grooming of minors, online pedophile community, juvenile sex crime.

УДК 343.846

А.А. Тум, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: tsitalex@tut.by)

ИНСТИТУТ ПРОБАЦИИ: ИНТЕГРАЦИЯ В ОБЩЕСТВО ЛИЦ, ОСВОБОДИВШИХСЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Анализируются проблемы интеграции в общество лиц, освобожденных условно-досрочно из исправительных учреждений. Аргументируется необходимость трансформации правового поля, регулирующего общественные отношения в указанной сфере, обусловленная образованием нового государственного ведомства – службы пробации. Акцентируется внимание на сложностях, связанных с введением института пробации. Предлагается ступенчатое внедрение службы пробации в качестве альтернативы. Актуализируется изучение вопроса централизации и координации деятельности существующих органов и учреждений, участвующих в мероприятиях по интеграции в общество лиц, освобожденных от наказания условно-досрочно.

Ключевые слова: исполнение наказания, социальная адаптация, условно-досрочное освобождение, пробация.

Разрешению вопросов интеграции в общество лиц, освобожденных от наказания в виде лишения свободы условно-досрочно, придается особое значение со стороны не только ученых, но и практических работников правоохранительных органов, вовлеченных в указанную сферу. Результаты проведенного представителями управления надзорно-исполнительной деятельности МВД Республики Беларусь масштабного анкетирования в исправительных учреждениях лиц, имеющих две и более судимости, показали, что в большинстве случаев рецидива можно было бы избежать при условии успешной интеграции в общество осужденных после первого освобождения [1].

Общие начала правового регулирования интеграции в общество лиц, освобождающихся от наказания (в том числе и условно-досрочно), изложены в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь (далее – УИК), где одной из задач (ч. 1 ст. 2) выступает социальная адаптация осужденных в процессе отбывания наказания. Вопросам реализации указанной задачи посвящена гл. 26, устанавливающая перечень мероприятий, которые должны быть выполнены при освобождении осужденного от наказания. Вместе с этим суд при принятии решения об освобождении от наказания условно-досрочно должен установить планы относительно будущего поведения осужденного. Это положение закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 марта 2009 г. № 1 «О назначении судами наказания в виде лишения свободы», где в п. 9 указано, что суды при рассмотрении представлений администрации исправительных учреждений должны помимо оценки степени исправления осужденного выяснить его социальные установки, которые свидетельствуют о готовности последнего вести правооптимальный образ жизни после освобождения.

Анализ уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также судебной практики Республики Беларусь показывает, что в правоприменительной сфере остается ряд вопросов, требующих дополнительного научного осмысления в части реализации в постпенитенциарный период социальных установок осужденного, которые он излагает суду, а также в координации деятельности уполномоченных должностных лиц и организаций, вовлеченных в социально-адаптационные мероприятия [2]. В рамках сказанного необходимо отметить, что процесс интеграции в общество лиц, освобождающихся из исправительных учреждений, нуждается в централизации и координации посредством установления единого органа, ответственного за ведение вышеуказанного процесса и единой сопроводительной документации, на основании которой и осуществлялась бы реализация социально-адаптационных мероприятий. Введение службы про-

бации в данном случае видится наиболее продуманным решением. Соглашаясь с рациональностью данного предложения, необходимо отметить, что для введения нового государственного ведомства потребуются достаточно большие финансовые государственные затраты. В этой связи предлагается рассмотреть вопрос о ступенчатом становлении института пробации, где первым этапом выступит введение в правоприменительную практику основ по интеграции в общество лиц, освобожденных от наказания условно-досрочно, путем принятия Закона Республики Беларусь «О социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания в виде лишения свободы». В качестве этих основ предлагается в данном Законе разрешить два вопроса: 1) разработать единый документ, на основе которого будет осуществляться централизация и координация деятельности органов, исполняющих наказания, и органов, осуществляющих постпенитенциарное сопровождение осужденного; 2) учредить орган для осуществления постпенитенциарного сопровождения интеграции осужденного в общество в период неотбытой части наказания. В перспективе результаты реализации указанных положений возможно будет трансформировать в самостоятельное государственное ведомство – службу пробации.

Установление правового регулирования взаимодействия органов, осуществляющих постпенитенциарное сопровождение лиц, освобожденных от наказания условно-досрочно, с органами исполнения наказаний способно оказать позитивное влияние на создание правовой базы для дальнейшей трансформации указанной деятельности в институт пробации. Несмотря на целесообразность введения данного института в Республике Беларусь, концептуальные основы его организационно-правового построения требуют тщательного научного осмысления. Необходимо в первую очередь определить целевую основу деятельности института пробации. Либо это будет государственная структура, имеющая целью предупреждение рецидивной преступности и исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы (организована в Латвии), либо институт, целью которого является проведение работы с лицами, освобожденными от наказания (по примеру Эстонии). Возможен вариант наделения института пробации и функциями по реализации иных мер уголовно-правового характера, как в Дании, либо какой-то своей, отличный от направлений иных государств путь развития указанного института.

Для решения вопросов социальной адаптации осужденных и выработки единой стратегии необходимо наладить взаимодействие ее субъектов на уровнях пенитенциарного и постпенитенциарного контроля [3, с. 278].

Характерной чертой социальной адаптации является то, что в нее вовлечено большое количество субъектов, каждый из которых выполняет свою отдельную задачу. При этом в Республике Беларусь до сих пор нет подразделения, ответственного за координацию мероприятий по социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания в виде лишения свободы условно-досрочно. В этой связи целесообразно учредить орган, осуществляющий координацию заинтересованных субъектов, деятельность которых необходима для успешной интеграции в социум лица, освобожденного от наказания условно-досрочно. Республика Беларусь обладает достаточно обширной социальной инфраструктурой для проведения социально-адаптационных мероприятий. С.А. Аляшкевич, например, подчеркивает, что важнейшим звеном в предупреждении рецидивной преступности путем проведения мероприятий по социальной адаптации «должны выступать уже существующие дома временного (ночного) пребывания для лиц, не имеющих постоянного места жительства, штат сотрудников которых необходимо комплектовать квалифицированными специалистами заинтересованных государственных органов, а возможность участия в данном процессе общественных организаций следует расширять, в том числе путем реализации механизма государственного социального заказа» [2]. Соглашаясь с данным утверждением, отметим, что на центр социальной адаптации в свое время обратил внимание советский ученый-пенитенциарист И.В. Шмаров. По его мнению, административный надзор за лицами, освобожденными от наказания, как предупредительная мера не всегда дает необходимый эффект. В связи с этим исследователь предлагает использовать центры социальной адаптации для оказания содействия в интеграции в общество лиц, освобожденных от наказания (в том числе и условно-досрочно) [4, с. 51]. Представляется, что в данном случае целесообразно создать на основе центров социальной адаптации подразделения, занимающиеся разработкой социально-адаптационных мероприятий, которое будет структурным звеном уголовно-исполнительных инспекций. На данный момент именно у уголовно-исполнительных инспекций накоплен зна-

чительный опыт взаимодействия лиц, состоящих у них на учете, с субъектами, взаимодействие с которыми было бы необходимо для интеграции осужденного в общество после условно-досрочного освобождения.

Необходимо также разработать процедуру взаимодействия подразделения по социальной адаптации с субъектами, принимающими участие в интеграции лица, освобожденного от наказания условно-досрочно, в общество и контроле за его поведением. Для этого целесообразно ввести в правоприменительную практику документальное оформление планируемых с лицом, освобождаемым условно-досрочно от наказания в виде лишения свободы, социально-адаптационных мероприятий, которые предлагается реализовывать путем составления «Плана пребывания в период неотбытой части наказания лица, освобожденного от наказания условно-досрочно» (далее по тексту – План пребывания). Наиболее оптимальным вариантом по структуре будет установление в Плане пребывания двух разделов мероприятий постпенитенциарного сопровождения: «контрольно-надзорных мероприятий» и «социально-адаптационных мероприятий». В Республике Беларусь аналогов такому виду документа не существует. Например, можно рассмотреть опыт стран, граничащих с Республикой Беларусь, и отметить, что похожий документ на уровне субъекта федерации предусмотрен в Кировской области России – «Карта социального сопровождения для лица, освобожденного из учреждения уголовно-исполнительной системы», принятый Постановлением правительства Кировской области 16 марта 2016 г. № 89/165. В данном документе закрепляется перечень мер, необходимых для проведения социально-адаптационных мероприятий, а недостаток его заключается в том, что он не содержит раздела с мероприятиями для лиц, освобожденных условно-досрочно. Более того, сам документ оформлен и реализуется в бумажной форме, что существенно осложняет доступ к нему всех заинтересованных субъектов, проводящих с ним мероприятия по социальной адаптации. Ведение Плана пребывания целесообразно осуществлять в электронном виде с возможным доступом к нему лиц, ответственных за проведение как мероприятий по контролю за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, так и социально-адаптационных мероприятий. В Плане пребывания целесообразно предусмотреть возможность изложения социальных установок осужденного относительно жизни на свободе еще в процессе отбывания наказания перед подачей представления об условно-досрочном освобождении в суд.

Перед подачей представления об условно-досрочном освобождении от наказания в качестве обязательных мероприятий целесообразно ст. 187 УИК закрепить необходимость составления Плана пребывания в качестве приложения к представлению об условно-досрочном освобождении, который направляется в суд. В дальнейшем данный План будет являться своеобразной «дорожной картой» в выстраивании модели поведения осужденного после условно-досрочного освобождения. Целесообразно также закрепить обязанность должностных лиц указанных органов, на которые возложена обязанность по постпенитенциарному сопровождению лиц, освобожденных условно-досрочно (например, уголовно-исполнительные инспекции), принимать участие в разработке Плана пребывания еще в период отбывания осужденным наказания. Вовлечение органов, занимающихся постпенитенциарным сопровождением лиц, освобожденных условно-досрочно, в разработку и утверждение Плана пребывания еще на стадии отбывания наказания в виде лишения свободы позитивно скажется как на осуществлении контрольных мероприятий в период неотбытой части наказания, так и успешной работе по социальной адаптации лица, освобожденного условно-досрочно.

План пребывания в обязательном порядке должен содержать: сведения о предстоящем месте жительства; сведения о предполагаемом месте работы; сведения о круге общения; иные сведения, необходимые для проведения контрольных мероприятий; просьбы осужденного о помощи в социальной адаптации (например, предоставление жилья, работы, медицинской помощи и т. д.). При утверждении Плана пребывания судом осужденный должен выполнять утвержденные мероприятия. Систематичность их выполнения будет подтверждать готовность вести правопослушный образ жизни после истечения неотбытой части наказания, назначенной по приговору суда.

Изложенное свидетельствует о том, что централизация организации процесса социальной адаптации в рамках должностных обязанностей уголовно-исполнительных инспекций позволит создать институт «усеченной пробации». Представляется, что правовое оформление данного института в том виде, в каком оно предлагается, показывает сходство по кругу участвующих

субъектов, а также по функциональным обязанностям органа, отвечающего за централизацию социально-адаптационных мероприятий, с кругом обязанностей, которые выполняются при проведении пробационных мероприятий в отношении лиц, освобождающихся от наказания условно-досрочно в зарубежных странах. В данном случае в роли органа пробации выступает уголовно-исполнительная инспекция, которая будет выполнять функции как по надзору за лицами освобожденными от наказания условно-досрочно, так и мероприятия по их социальной адаптации.

В случае введения такой организации процесса социальной адаптации общество получит двойной эффект: во-первых, будет упорядочена система оказания социальной помощи освобожденным условно-досрочно из исправительных учреждений граждан без снижения эффективности проводимого контроля; во-вторых, будет сделан первый шаг к началу становления института пробации в Республике Беларусь, что в дальнейшем окажет положительное влияние на разработку правового механизма института пробации. Кроме того, введение предложенного организационно-правового механизма не будет финансово обременительно для государственного бюджета ввиду развитой социальной инфраструктуры и наработанной практики работы уголовно-исполнительных инспекций по взаимодействию с негосударственными организациями.

Список использованных источников

1. Горлач, Т. Рецидив лечится участием / Т. Горлач // На страже. – 2019. – 18 янв. – С. 7.
2. Социальная адаптация осужденных: проблемы, возможности, приоритеты [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/gu/main.aspx?guid=308923>. – Дата доступа: 28.01.2019.
3. Байдуж, Р.В. Ресоциализация осужденных в Украине: проблемы теории и практики / Р.В. Байдуж // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2008. – № 4. – С. 276–279.
4. Шмаров, И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания / И.В. Шмаров. – М. : Юрид. лит., 1974. – 136 с.

Дата поступления в редакцию: 16.05.19

A.A. Tit, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Penal Law of the Faculty of Corrections of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

INSTITUTE OF PROBATION: INTEGRATION OF PERSONS RELEASED ON PAROLE FROM CORRECTIONAL INSTITUTIONS INTO THE SOCIETY

The problems of integration into society of persons released on parole from correctional institutions are analyzed. The necessity of transformation of the legal field regulating public relations in this area, aimed at the introduction of a new state Agency – probation service, is argued. Attention is focused on the difficulties associated with the introduction of the Institute of probation it is Proposed to use the step-by-step introduction of measures inherent in the probation service as an alternative. Attention is focused on the study of the centralization and coordination of the activities of existing bodies and institutions involved in the integration of persons released from punishment on parole into society.

Keywords: execution of punishment, social adaptation, parole, probation.

УДК 343.01

*Т.Г. Хатеневич, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Гродненского государственного университета им. Я. Купалы
(e-mail: txat@grsu.by)*

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ ПАРАДИГМЫ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Анализируется целевая направленность института освобождения от уголовной ответственности. Данный институт рассматривается как активно развивающийся. Обсуждается вопрос о целях дальнейшего совершенствования института освобождения от уголовной ответственности, а также о целях воздействия средствами института на участников конфликтных охранительных уголовно-правовых от-

ношений. *Формулируется вывод о необходимости применения парадигмы целеполагания при прогнозировании дальнейшего развития института освобождения от уголовной ответственности.*

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, уголовно-правовое воздействие, цели уголовной ответственности, целесообразность.

Структура института освобождения от уголовной ответственности (далее – Институт) в Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь включает в себя девять из шестнадцати видов освобождения от уголовной ответственности. В Особенной части установлено двадцать пять специальных видов освобождения от уголовной ответственности за сорок шесть видов преступлений.

Квантитативный анализ подвижности института показывает, что с 2001 г., когда действующий УК вступил в силу, изменения и дополнения вносились в гл. 12 «Освобождение от уголовной ответственности и наказания» более двенадцати раз. Например, редакция ст. 86 УК изменялась шестью законами. Изменения вносились в 2002 г., 2003 г. (дважды), 2005 г., 2006 г., 2008 г. (дважды), 2009 г., 2010 г. (дважды), 2011 г., 2015 г. Законом от 5 января 2015 г. № 241-З были внесены изменения и дополнения в восемь из шестнадцати статей главы. Кроме того, в 2003 г. была подвергнута корректировке ст. 20 УК «Освобождение от уголовной ответственности участника преступной организации или банды». Отдельно может быть численно измерена мобильность норм об освобождении в Особенной части УК Республики Беларусь.

Динамизм и гибкость рассматриваемого Института проявляются и в содержательных моментах. Например, в 2003 г. расширился субъектный состав правоотношений, связанных с освобождением от уголовной ответственности и наказания. В 2005 г. увеличилось количество видов освобождения (ст. 88¹ УК). С 2009 г. в русле принципов уголовной политики гуманизма, справедливости, экономии мер уголовно-правового воздействия законодатель расширил возможности освобождения от уголовной ответственности, предусмотрев его применение по ряду видов не только за преступления, относящиеся к категории не представляющих большой общественной опасности, но и за менее тяжкие (ст. 88, 89 УК). В 2015 г. Институт дополнился нормами о новой форме заглаживания вины перед обществом – уголовно-правовой компенсации. Постоянно увеличивается количество норм, устанавливающих освобождение за отдельные виды тяжких и особо тяжких преступлений (примечания к статьям Особенной части УК), что связано с появлением новых вызовов и угроз международного характера.

Прогнозное моделирование дальнейшего развития института освобождения от уголовной ответственности невозможно без учета парадигмы целеполагания. Цели являются четкими стратегическими установками организации деятельности, идеями, опережающими действие. Целеполагание дает возможность управлять развитием Института, ориентируясь на заранее определенные цели.

В ст. 44 УК определены три цели уголовной ответственности (исправление лица, совершившего преступление; общая и частная превенция), а также обозначено призвание уголовной ответственности способствовать восстановлению социальной справедливости. В тех ситуациях, когда в процессе правоприменения возникает проблема выбора конкретной меры уголовно-правового воздействия, цели упреждают недопустимые отклонения от заданных параметров направленности такого воздействия посредством указания на исправление и превенцию. Отметим, что о целях субъектам правоприменения напоминают постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (далее – ВС), что значимо в контексте процессов управления уголовно-правовым воздействием, практической реализации целей уголовно-правовой политики. Так, в п. 2 постановления Пленума ВС от 30 сентября 2010 г. № 9 «О назначении судами уголовного наказания» отмечено, что «наказание определяется на основе убежденности суда в его необходимости и достаточности для исправления лица, совершившего преступление, предупреждения новых общественно опасных деяний как со стороны осужденного, так и других лиц, а также восстановления социальной справедливости. Только справедливое наказание виновного способствует эффективному осуществлению целей уголовной ответственности». В постановлении «О применении судами мер уголовной ответственности, предусмотренных ст. 77–79 УК», судам неоднократно рекомендуется обратить внимание на достижимость целей уголовной ответственности как на ориентир правоприменительного решения о том, какую из мер ответственности применить.

Достаточно внушительной является теоретическая основа дальнейшего совершенствования нормативной регламентации целей уголовной ответственности, созданная белорусскими (А.В. Барков [1], Э.А. Саркисова [2], В.М. Хомич [3; 4], А.В. Шидловский [5] и др.) и зарубежными учеными.

Применительно ко всему механизму уголовно-правового воздействия на весомость проблемы определения целей обращено внимание Д.В. Шаблинской, которая определяет механизм уголовно-правового воздействия (в узком понимании) как целенаправленное и взаимообусловленное осуществление принуждения и убеждения в уголовно-правовой сфере [6, с. 291], а также обозначает, что положения, сформулированные в ст. 44 УК, можно отнести и к целям уголовно-правового воздействия [6, с. 286]. Автор указывает, что «Реализация мер уголовно-правового воздействия направлена на восстановление нарушенных общественно опасным деянием законности и правопорядка, социально-полезных общественных отношений, нормальных жизненных условий человека на удовлетворение общественного правосознания, на разрушение негативной ценностной ориентации. Одновременно должны минимизироваться и заглаживаться вредные последствия, причиненные общественно опасным деянием. Изложенное можно обобщить единым собирательным понятием – восстановление социальной справедливости» [6, с. 286].

В то же время скромно и противоречиво представлены на нормативном и доктринальном уровнях вопросы целеполагания, определения целей функционирования в отношении освобождения от уголовной ответственности как управляемого и воздействующего объекта правовой действительности. Исправление названо лишь в ст. 86 УК Республики Беларусь в числе фактов, подлежащих прогнозируемому оцениванию правоприменителем. В связи с этим и в п. 3 постановления Пленума ВС от 29 марта 2012 г. № 1 указывается на исправление обвиняемого и упоминается, что «освобождение от уголовной ответственности по основанию, указанному в ст. 86 УК, может иметь место, если судом будет установлено, что для исправления обвиняемого и предупреждения совершения им новых преступлений достаточно применения одной из мер административного взыскания ... ». Возникает вопрос о роли, принадлежности данной целевой установки и о возможности ее отнесения к мерам уголовной ответственности, от которых надлежит отказаться в результате правоприменительного выбора. Все виды освобождения от уголовной ответственности являются альтернативой для правоприменительного выбора негативного или позитивного стимулирования, однако об исправлении и превенции идет речь только в ст. 86 УК.

В научных источниках при редких упоминаниях о целях освобождения от уголовной ответственности называются предупреждение совершения новых, более тяжких преступлений при неприменении уголовной репрессии к виновным [7, с. 11], исправление и перевоспитание лица и предупреждение совершения им новых преступлений [8, с. 9] и др. При этом зачастую указывается, что цели Института – это те же цели уголовной ответственности. Вообще, обращение к категории цели при разработке проблематики освобождения от уголовной ответственности, как показывает анализ научных источников, более чем умеренно.

В отношении этого Института более логично рассматривать (разбирать) категории целесообразности, целенаправленности и целеустремленности, в которых цель получает различный статус. Это связано с определенной спецификой освобождения от ответственности как метода регулирования охранительных уголовно-правовых отношений. Категории целесообразности, целенаправленности, целеустремленности получили хорошее разъяснение в философии, психологии, широко применяются в теории управления, экономике как компоненты целеполагания.

В уголовно-правовой литературе более всего внимание уделено вопросу нецелесообразности привлечения к уголовной ответственности, рассматриваемому, как правило, в качестве основания освобождения от уголовной ответственности [9, с. 26].

Целесообразность – обусловленность, внутренняя оправданность, итог приспособления к объективным условиям в эволюционном процессе, разумность, практическая полезность, наличие замысла, соответствие поставленной или намеченной цели. В праве целесообразность являлась предметом научного анализа в качестве принципа юридической ответственности [10], принципа уголовно-процессуальной деятельности [11], принципа уголовно-правового воздействия [12, с. 18].

В уголовном праве проблемы целесообразности рассматривали В.М. Бавсун, А.И. Марцев [13; 14]. Целесообразность в уголовном праве – это прежде всего способность законодателя в нормах уголовного закона закреплять наиболее эффективные средства противодействия преступности. В основе уголовно-правовой целесообразности должно быть заложено разумное начало и наиболее рациональный подход при применении отдельных его норм и положений [14, с. 97]. Целесообразность тесно связана с определением оснований освобождения от уголовной ответственности как субъект-объектной деятельности в процессах законодательного моделирования. Например, одним из дискуссионных вопросов целесообразного выбора является разумная необходимость установления факультативности (дискретности) ряда видов освобождения. Этот вопрос обозначен в научной литературе как проблема целеполагания [15; 16, с. 26]. Целесообразность освобождения от уголовной ответственности определяется также в рамках охранительных правоотношений, субъект-объектной деятельности в процессе правоприменения. Думается, что о критериях выбора целесообразного решения, освобождения от уголовной ответственности на самом деле идет речь в постановлении Пленума ВС.

Возможность и целесообразность решения об освобождении от ответственности по дискреционным основаниям зависит от публично-правовой оценки правоприменительным органом в каждом конкретном случае фактических обстоятельств и их совокупного прогностического потенциала. В уголовно-правовых отношениях свободой выбора также обладают совершивший преступление (который соглашается с освобождением) и потерпевший, волеизъявление которого является условием примирения. Однако усмотрение совершившего преступление и потерпевшего, влияющее на развитие уголовно-правовых конфликтных охранительных отношений, не оценивается с точки зрения целесообразности как соответствующий целям противодействия преступности, разумности и рациональности избрания средств их реализации ввиду публичной природы уголовно-правовых отношений. Иная ситуация при возбуждении уголовного дела частного и частно-публичного обвинения и прекращении уголовного преследования по делу частного обвинения.

Итак, сопоставлением достижимости задач, целей, реализуемости функций уголовного права и минимальности произведенных для этого затрат ресурсов общества контролируется целесообразность решения правоохранительного органа. Таким образом, целесообразность освобождения от уголовной ответственности выражается в выборе случаев отказа (на уровне законотворчества и правоприменения) от применения мер уголовной ответственности согласно критерию достижимости целей и задач уголовно-правового регулирования и уголовно-правового воздействия.

В теории управления наряду с целесообразностью компонентом целеполагания является целенаправленность; разница между целесообразностью и целенаправленностью сходна с результатами сопоставления целевого и причинного подходов к объяснению социальных явлений. В научной литературе можно отыскать упоминания о направленности института освобождения от уголовной ответственности, а отдельно – о направленности его развития. А.Г. Антонов, например, указывает, что специальные основания – это «нормы, направленные на прекращение совершаемых преступлений либо (и) предупреждение других, зачастую более тяжких уголовно наказуемых деяний, а в ряде случаев – и на выявление совершенных преступлений посредством предусмотренного в примечаниях позитивного посткриминального поведения...». Автор приходит к выводу о направленности данных оснований на более полную реализацию принципа экономии репрессии, предупреждение и пресечение преступлений некарательными средствами, стимулирование позитивного посткриминального поведения виновного, минимизацию уголовно-правового принуждения [7, с. 11]. Л.Л. Зайцева отмечает, что «институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим при условии его направленного развития мог бы стать основой для реализации в уголовном процессе Республики Беларусь многих существенных элементов восстановительного правосудия» [17, с. 303].

Целенаправленность в философии – интенция на соответствие действий поставленным целям [18, с. 43]. Если целесообразность – категория, характеризующая жизнеобеспечение, направленность на самосохранение, поддержку равновесия и функционирование всего уголовно-права с помощью средств освобождения от уголовной ответственности, то целенаправлен-

ность очерчивает процессы адаптации к внешним условиям (правовой среде) самого освобождения от уголовной ответственности как института и меры воздействия. Целенаправленность освобождения от уголовной ответственности обеспечивает стабилизацию развития Института и его воздействующего регулирования за счет реактивного управления (в рамках субъект-объектной деятельности на уровнях законодательного моделирования и уголовно-правовых охранительных отношений). Воздействие на общественные отношения и их участников методом освобождения от уголовной ответственности может быть целенаправленным, если предопределено идеальными целями, увязанными с ценностными установками (принципами) внешней и внутренней среды права. Так, В.К. Дуюнов выразил мнение о необходимости закрепления даже в уголовном законе единой стройной системы общих и институциональных уголовно-правовых целей, когда в законе формулируются общие цели и задачи уголовно-правового воздействия и в строгом соответствии с ними цели применения отдельных уголовно-правовых институтов: наказания, освобождения от ответственности, освобождения от наказания и т. д. [12, с. 6]. Представляется, что целенаправленность освобождения от уголовной ответственности определяется только путем совокупного анализа всех способов регулирования охранительных отношений, всей сложноорганизованной системы уголовно-правового регулятивного воздействия. Целенаправленное уголовно-правовое воздействие, включающее возможности освобождения от уголовной ответственности, может быть охарактеризовано как эквивифинальное, которое отличается пластичностью, гибкостью, способностью достигать одного и того же результата (цели) различными способами и исходя из разных начальных условий [19, с. 6]. Соответственно, объяснимо дублирование целей уголовной ответственности, основанной на принуждении как методе управления, при сохранении аналогичной целенаправленности для освобождения от уголовной ответственности, выражающем убеждение (второй метод управленческой деятельности).

Высшая степень целевой субъектности – целеустремленность, которая в качестве способности преодолевать препятствия на пути к цели, является третьей подсистемой целеполагания. Целенаправленная система ориентирована на смену деятельности, настроена выбирать вариант в соответствии с целями, приспосабливаться, гибко реагировать на ситуацию извне, вырабатывать цели и достигать их, стремиться влиять на внешнюю среду и изменять ее на основе проактивного управления, включающего прогноз и активное управление. Целеустремленность в философии – интенция действий на достижение поставленных целей [18, с. 48]. Позитивной иллюстрацией привнесения качеств целеустремленности в систему уголовно-правового воздействия в целом и в отдельные виды освобождения от уголовной ответственности является модель диспозитивного режима уголовно-правового регулирования. Цель диспозитивного режима – обеспечение безопасности частного лица посредством самостоятельной защиты права на частный интерес – становится частью цели системы более общего уровня [20, с. 65].

Таким образом, целесообразность, рассматриваемая как основание освобождения от уголовной ответственности или принцип уголовной ответственности (уголовного преследования), преломление установленных в законе целей уголовной ответственности к природе и идейному содержанию освобождения от ответственности вряд ли могут отразить его целенаправленность в механизме уголовно-правового воздействия, все оттенки целеустремленного развития на современном этапе института освобождения от уголовной ответственности, воздействия его средств на участников общественных отношений. По этой причине следует обратить внимание на необходимость постановки проблемы в более общем охвате – как проблемы целеполагания – при конструировании норм об освобождении от уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. Барков, А.В. Цели уголовной ответственности: законотворчество и правоприменение / А.В. Барков // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе : сб. науч. тр. – Минск : Акад. МВД, 2012. – С. 247–266.
2. Саркисова, Э.А. Цели уголовной ответственности и средства их обеспечения в контексте современных реалий уголовной ответственности [Электронный ресурс] / Э.А. Саркисова // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Хомич, В.М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (Теоретическая концепция и правовая модель института уголовной ответственности) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.М. Хомич. – Минск, 1997. – 35 с.
4. Хомич, В.М. Уголовная ответственность: правовое и социальное содержание / В.М. Хомич // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика : сб. науч. ст. – Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2017. – С. 282–288.
5. Шидловский, А.В. Цели уголовной ответственности и их реализация при назначении наказания / А.В. Шидловский // Назначение наказания по уголовному праву Беларуси. – Минск : БГУ, 2015. – 295 с.
6. Шаблинская, Д.В. Механизм уголовно-правового воздействия и его функциональное назначение / Д.В. Шаблинская // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч. ст. / Э.А. Саркисова [и др.] ; под ред. Д.В. Шаблинской. – Минск : Бизнесофсет, 2016. – С. 280–294.
7. Антонов, А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.Г. Антонов. – Рязань, 2013. – 44 с.
8. Дубинин, Т.Т. Ответственность и освобождение от нее по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.Т. Дубинин. – М. : Акад. наук СССР, 1985. – 18 с.
9. Кукреш, Л. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты / Л. Кукреш, Э. Саркисова // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 3. – С. 26–30.
10. Геворгян, Г.А. Принцип целесообразности в механизме реализации юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Г.А. Геворгян. – Казань, 2012. – 27 с.
11. Апостолова, Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.Н. Апостолова. – М., 2010. – 62 с.
12. Дуюнов, В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.К. Дуюнов – М., 2001. – 50 с.
13. Бавсун, М.В. Целесообразность в уголовном праве : монография / М.В. Бавсун. – Омск : Ом. акад. МВД России, 2004. – 172 с.
14. Бавсун, М.В. Целесообразность в уголовном праве / М.В. Бавсун, А.И. Марцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 94–106.
15. Сидоренко, Э.Л. Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: кризис целеполагания / Э.Л. Сидоренко // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2015. – № 1. – С. 50–60.
16. Сидоренко, Э.Л. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: в поисках уголовно-политического начала / Э.Л. Сидоренко // Мировой судья. – 2015. – № 11. – С. 26–31.
17. Зайцева, Л.Л. Восстановительное правосудие – альтернатива уголовному преследованию / Л.Л. Зайцева // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – С. 298–306.
18. Ильин, В.В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis* / В.В. Ильин. – М. : Проспект, 2015. – 272 с.
19. Борзенков, В.Г. Целенаправленность / В.Г. Борзенков // Энцикл. эпистемологии и философии науки / под ред. И.Т. Касавина. – М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
20. Сидоренко, Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования : монография / Э.Л. Сидоренко. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 496 с.

Дата поступления в редакцию: 11.11.19

T.G. Khatsianeovich, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Y. Kupala State University of Grodno*

INSTITUTE OF THE REFUSAL FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY IN THE LIGHT OF THE GOAL-SETTING PARADIGM

The article presents an analysis of the target orientation of the institute of refusal from criminal responsibility. This institute is considered as actively developing. Therefore, the question is raised about the goals of further improvement of the institute of refusal from criminal responsibility as well as about the goals of the impact of the institute on the participants of conflicting protective legal relations. The conclusion is formulated about the necessity of using the goal-setting paradigm when forecasting the further development of the institute of refusal from criminal responsibility.

Keywords: refusal from criminal responsibility, criminal law impact, goals of criminal liability, expediency.

УДК 343.8

В.Б. Шабанов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета;

О.М. Савастей, начальник уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: o_savastey@tut.by)

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Раскрываются представления о сути труда осужденных к лишению свободы через развитие взглядов на труд вообще, на роль и место человека в обществе. Анализируется законодательство и правоприменительная практика Республики Беларусь в этой сфере на основе исторического, международного опыта. Освещаются организационные и правовые проблемы регулирования труда осужденных к лишению свободы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: труд, трудовая занятость граждан, труд осужденных к лишению свободы, цели привлечения осужденных к труду, правовое регулирование труда осужденных, принцип разделения труда осужденных, производственная деятельность предприятий уголовно-исполнительной системы, труд несовершеннолетних осужденных.

С 28 января 2020 г. вступает в силу Трудовой Кодекс Республики Беларусь в новой редакции, в которой внесены значительные изменения и дополнения, касающиеся приема на работу, срочного трудового договора, условий труда, гарантий отдельным категориям работников, коллективных трудовых отношений и т. д. Целью изменений является создание условий для эффективной и гибкой занятости населения, а также дополнение социальных и трудовых гарантий для работников.

Значимость трудовой занятости граждан находит понимание как со стороны законодателя, так и правоприменителя, и связано это с тем, что труд положен в основу любых общественных отношений и существенно влияет на отношения и взаимодействия людей. В этой связи законодательство как очень динамично развивающаяся система оперативно реагирует на запросы общества. Например, только с 2005 г. изменения Трудового Кодекса коснулись более 20 раз. Кроме того, ни один объект теоретических исследований не занимает такого значительного места в науке, как реализация гражданином права на труд.

Вышеприведенные изменения в трудовом законодательстве не затронули правового регулирования труда осужденных к лишению свободы, однако современное белорусское законодательство в этой области постоянно совершенствуется и приводится в соответствие с международными правовыми актами.

Отдельные проблемы в деятельности учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, разрабатывались в трудах белорусских ученых и специалистов (А.И. Гладкевич, А.В. Вениосов, В.М. Хомич, В.Б. Шабанов, А.В. Шарков и др.).

Теория и практика управления и организации производственно-хозяйственной деятельности предприятий, функционирующих в уголовно-исполнительной системе нашей страны, практически не изучалась.

При исследовании общественных отношений, складывающихся в процессе правового регулирования труда осужденных к лишению свободы и организации их трудовой деятельности, нами выявлены некоторые проблемы. Они связаны не только с решением вопросов трудовой адаптации и социальной реабилитации осужденных к лишению свободы, но и с недостаточной эффективностью организации труда, неисполнением исковых обязательств по возмещению ими материального ущерба от совершенных преступлений, а также с совершением новых преступлений гражданами, отбывавшими уголовное наказание в виде лишения свободы.

Необходимо отметить, что складывающиеся общественные отношения носят комплексный, междисциплинарный характер, затрагивают институты не только трудового права, но и административного, гражданского, семейного, финансового, уголовно-исполнительного и др.

Представления о сути труда осужденных в определенной мере отражают развитие взглядов на труд вообще, на роль и место человека в обществе.

На первый взгляд, ответ на вопрос о том, что считать трудом, очевиден, ибо каждый из нас сталкивается с этим понятием ежедневно. Однако в научной литературе нет четкого и однозначного определения понятия труда.

Ф. Энгельс, например, называл труд источником всякого богатства, отмечая, что он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство; а также еще и нечто бесконечно большим, чем это – первым основным условием всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека.

В процессе своей эволюции труд существенно усложнялся: человек стал выполнять более сложные и разнообразные операции, применять все более организованные средства труда, ставить перед собой и достигать более высокие цели.

Многие ученые придерживаются точки зрения, что труд сам по себе стал источником удовлетворенности, позволяющим реализовать свойственные человеку стремления к самовыражению в труде. Желание работать часто связывают с осознанием индивидуумом принадлежности к человеческому сообществу, участия в общей жизни, совместном создании своей среды.

Так, А.И. Зубков указывал, что «труд является не только средством биологического развития человека, но выступает и средством постоянного развития и формирования потребностей личности, способствует развитию личных способностей, навыков и умений их удовлетворения» [1, с. 8].

Рассматривая вопрос о ценности труда, следует отметить, что в широком смысле она представляет собой фиксированную в сознании человека характеристику его отношения к труду.

Д.В. Трубицын, например, подробно останавливается на ценностном отношении человека к труду в развитом индустриальном обществе. Он отмечает, что «качество жизни определяется качеством труда». «Единственный источник богатства народа – это труд, труд, приложенный к природе и с необходимостью порождающий те или иные общественные системы. Это труд, развивающий и воспитывающий, ведущий человека по его историческому пути от более примитивных форм присваивающего хозяйства к вершинам производящей экономики. При этом происходит безусловная общественная и внутренняя трансформация человека, которая вместе с индустриальными и информационными технологиями, а вернее, в процессе их создания обретает новый духовный мир, свободу и независимость [2, с. 211–230].

Большинство исследователей приходят к определению, что труд – сознательная целенаправленная деятельность по созданию материальных и духовных благ, необходимых для удовлетворения потребностей каждого индивидуума и общества в целом, которая формирует не только общество, но и человека, побуждает его к приобретению знаний и профессиональных навыков, взаимодействию с другими людьми, усложнению потребностей. В самой человеческой природе, как отмечают исследователи, изначально заложена потребность трудиться как необходимое и естественное условие существования.

Е.Г. Ширвинд утверждал, что «труд лишенных свободы по характеру его организации, по условиям его работы принципиально не отличается от труда всех граждан». При этом не отрицал некоторых различий между трудом свободных граждан и заключенных [9, с. 24].

Другие считают, что различия между трудом заключенных и трудом свободных граждан неизбежны, они будут существовать до тех пор, пока будет существовать сам труд заключенных, ибо эти различия порождаются целями и особенностями этого труда [4, с. 12].

Труд осужденных к лишению свободы в Беларуси (как в России и некоторых других странах) регулируется нормами трудового и уголовно-исполнительного права. Среди них наиболее важную роль играют принятые 20 октября 2000 г. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее – ИУ), утвержденные постановлением МВД Республики Беларусь № 174. В частности, они определяют перечень работ, на которых запрещается использовать труд осужденных. Это связано с обеспечением безопасности функционирования исправительных учреждений.

В соответствии с п. 3 Концепции развития организаций уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) и лечебно-трудовых профилакториев (далее – ЛТП) МВД Республики Беларусь на 2016–2020 гг., обеспечение полного и эффективного привлечения к труду осужденных в организациях УИС отнесено к приоритетным задачам.

В июне 2019 г. в ИУ и ЛТП по данным Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь было занято оплачиваемым трудом 100 % численности заключенных, подлежащих привлечению к труду (июнь 2018 – 99,9 %). Это достигнуто в результате проведенной работы по расширению участков низкоквалифицированного труда, изысканию дополнительных заказов, повышению спроса за выполнение сменных заданий. При этом вывод на неполную рабочую неделю (1–2 раза в неделю) составил 48 % занятых на участках низкоквалифицированного труда. Выполнение норм выработки в среднем составило 30,2 % (июнь 2018 г. – 28,4 %). Уровень заработной платы позволил взыскать с осужденных в счет возмещения стоимости содержания по ИК – 16 %, СИЗО и тюрьмам – 35,4 %.

Нельзя судить об эффективности применения рассматриваемого средства исправления только по обеспеченности осужденных работой. Решающее значение имеет совокупность различных факторов: материально-технических, социально-экономических и организационных.

Так, специфические условия производственной деятельности предприятий УИС не могут гарантировать получение высокого экономического эффекта. В категоричной форме такая задача и не должна ставиться. Одна из проблем – это отсутствие четких целей привлечения осужденных к труду, что является предметом широкого обсуждения юристов, экономистов, психологов. Наибольшей поддержкой пользовалась точка зрения, согласно которой основные цели привлечения осужденных к труду сводились к экономическим, воспитательным и оздоровительным [4, с. 11–17]. В законодательстве Беларуси эти цели не конкретизированы, за исключением тематики исправления осужденных. В ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) законодатель относит общественно полезный труд к числу основных средств исправления осужденных.

Под исправлением осужденных понимается формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни (ч. 2 ст. 7 УИК). Очень важно понимать, что воспитывает не труд вообще, а квалифицированный труд, требующий специальной подготовки, наличия у работника знаний, умений и навыков.

По своей сути, персонал предприятия УИС – субъект исправительного процесса. Надо признать, что персонал, организующий производственный процесс, не является в полной мере заинтересованной стороной как субъект исправительного процесса, поскольку материальные интересы персонала обеспечиваются из коммерческих результатов производственной деятельности [4, с. 90].

Концептуально перед предприятиями УИС остро стоит проблема: какова их реальная цель и правильно ли она формулируется?

В ст. 130 Исправительно-трудового кодекса БССР от 6 ноября 1926 г. было закреплено, что «занятие заключенных работами имеет воспитательно-исправительное значение, ставя своей целью приучить их к труду и, обучив какой-либо профессии, дать им тем самым возможность при выходе из исправительно-трудового учреждения жить трудовой жизнью».

Показательно, что эти нормы согласуются с Минимальными стандартными правилами ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы, 2015 г.), Правилом 99 которых закреплено следующее:

«организация и методы работы в тюремных учреждениях должны быть максимально приближены к тем, которые приняты за их стенами, чтобы заключенные приучались таким образом к условиям труда на свободе»;

«тем не менее интересы заключенных и их профессиональную подготовку не следует подчинять соображениям получения финансовой прибыли от тюремного производства».

В современном национальном законодательстве, в отличие от российского, аналогичное положение не нашло своего отражения.

Признавая приоритет общепризнанных принципов международного права, необходимо на первое место поставить не экономические, а воспитательные и социальные цели. Это обусловлено необходимостью ресоциализации осужденных, адаптации их к трудовой деятельности после освобождения.

Целями труда их должны стать удовлетворение собственных материальных потребностей, выполнение обязательств перед потерпевшими от преступлений и т. п.

Существенное значение должны иметь сублимационные цели труда, предусматривающие переключение энергии осужденных на социально-полезные дела.

Важную роль имеет и оздоровительная цель, так как участие в трудовой деятельности способствует сохранению физического и психического здоровья осужденных к лишению свободы.

Определение четких целей привлечения осужденных к труду, закрепление их в УИК, на наш взгляд, позволит вести поиск и внедрение новых эффективных форм трудоустройства осужденных.

Анализируя законодательство и правоприменительную практику, следует сделать вывод о том, что основными принципами привлечения к труду осужденных к лишению свободы выступают обязанность труда, подчинение производственной деятельности предприятий УИС их основной задаче – исправлению осужденных.

В то же время осужденные, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, а также инвалиды 1 и 2 группы привлекаются к труду по их желанию. Иными словами, в их отношении действует принцип добровольности труда в местах лишения свободы.

В этой связи принцип разделения труда осужденных на обязательную и добровольную составляющие, предложенный Е.А. Корякиным, заслуживает внимания [5, с. 47].

Представляется, что обязательная часть труда осужденных к лишению свободы, как элемент отбывания наказания, позволит выработать у них привычку трудиться, компенсировать затраты на содержание. В свою очередь, введение добровольного труда будет способствовать формированию у них уважительного отношения к труду, повышению уровня материального обеспечения, станет поощрительной мерой.

Согласно ч. 2 ст. 98 УИК «несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду в соответствии с законодательством Республики Беларусь о труде». Указанное положение находится в той же части ст. 98 УИК, которая делает исключение из обязательности труда для пенсионеров и инвалидов. Трудовое законодательство исходит из принципа свободы (добровольности) труда. Практика идет по пути того, что прямого исключения из обязательности труда для осужденных несовершеннолетних УИК не содержит. Полагаем целесообразным для устранения двусмысленности в толковании ч. 2 ст. 98 УИК соответствующее положение перенести в ст. 99 «Условия труда осужденных к лишению свободы», где сформулировать особенности труда несовершеннолетних этой категории. Это связано также с ограничением их трудовой правоспособности (права на бронь рабочего места, заключения трудового договора и др.) и отсутствием четкой правовой регламентации привлечения к труду в трудовом и уголовно-исполнительном законодательстве.

Правовые основы привлечения осужденных к лишению свободы к работам без оплаты труда определяются ст. 101 УИК. Однако не конкретизируются виды работ, понятие «благоустройство» не раскрывается. В трудовом законодательстве подобной нормы также не закреплено.

Кроме того, согласно ст. 334 Правил внутреннего распорядка осужденных к лишению свободы, содержащихся в тюрьмах, запрещено привлекать к работам по хозяйственному обслуживанию. Наряду с этим в ст. 335 Правил закреплено, что в случае необходимости администрация тюрем может привлекать таких осужденных к ремонтно-строительным работам, понятие которых также не раскрывается.

В целях выработки единого подхода руководством ИУ по реализации отраженных выше норм необходимо дать четкие определения понятий «благоустройство», «работы по хозяйственному обслуживанию» и др., определить категорию осужденных и виды работ, а также предложить механизм реализации этих положений в УИК и Правилах внутреннего распорядка. Видится логичным наделить руководство ИУ полномочиями по привлечению осужденных к спасательным, аварийно-восстановительным и неотложным работам по обеспечению жизнедеятельности учреждений [6, с. 87].

Наличие указанных пробелов ведомственного и межведомственного правового регулирования, необходимость всестороннего изучения механизма привлечения к труду осужденных к лишению свободы на основе исторического, международного опыта, а также с учетом положений наработанной в настоящее время практики требуют дальнейшего научного обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы нашего государства.

Представляется, что подготовка законопроектов, научная разработка программы совершенствования организации трудоустройства осужденных к лишению свободы консолидирует усилия всех заинтересованных, в том числе с возможностью использования механизмов государственного регулирования.

Список использованных источников

2. Трубицын, Д.В. Модернизация России и стран Востока: опыт философской интерпретации / Д.В. Трубицын. – Новосибирск : Наука, 2010. – 367 с.
3. Ширвинд, Е.Г. Советское исправительно-трудовое право / Е.Г. Ширвинд, Б.С. Утевский. – М. : Госюриздат, 1957. – 218 с.
4. Гладкевич, А.И. Организация производственно-хозяйственной деятельности предприятий ИУ в современных условиях хозяйствования : монография / А.И. Гладкевич. – Минск : РУМЦ ФВН, 2002. – 100 с.
4. Крахмальник, Л.Г. Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР / Л.Г. Крахмальник. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1963. – 155 с.
5. Корякин, Е.А. Трудовая занятость осужденных к лишению свободы в России и ее влияние на профилактику рецидивной преступности: постановка проблемы для исследования / Е.А. Корякин // Всерос. криминолог. журн. – 2017. – № 1. – С. 43–51.
6. Уткин, В.А. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации / В.А. Уткин // Уголов. юстиция. – 2015. – № 2. – С. 81–88.

Дата поступления в редакцию: 03.10.19

V.B. Shabanov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminalistics of the Belarusian State University; O.M. Savastey, Head of the Faculty of Corrections of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

LEGAL REGULATION OF THE LABOUR OF PERSONS, SENTENCED TO IMPRISONMENT: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

The authors reveal the essence of the labour of persons, sentenced to imprisonment, through the development of scientific views on labour in general, the role and place of a person in a society. Legislation and law-enforcement practice of the Republic of Belarus in this sphere are analyzed on the basis of the historical and international experience. The organizational and legal problems of regulation of the labour of persons, sentenced to imprisonment, are shown; ways of their solution are proposed.

Keywords: labour, employment of citizens, labour of persons, sentenced to imprisonment, purposes of involvement of convicts in labour activities, legal regulation of the labour of convicts, the principle of specialization of labour of convicts, production activities of enterprises of the penitentiary system, labour of convicted juveniles.

ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 349.2 + 340.114.5

Е.В. Боровая, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: borev@yandex.ru)

ТРУДОУСТРОЙСТВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК УСЛОВИЕ ИХ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются процесс социализации подростков, понятие девиантного поведения и причины его формирования. С учетом особенностей психологического развития в пубертатный период обосновывается необходимость трудоустройства несовершеннолетних как обязательное условие их социализации и профессионального самоопределения. Акцентируется внимание на значении труда в становлении личности несовершеннолетнего, подчеркивается специфика правовой регламентации трудовых отношений с несовершеннолетними, предлагаются направления совершенствования правового регулирования труда несовершеннолетних.

Ключевые слова: социализация, девиантное поведение, трудоустройство несовершеннолетних, особенности труда несовершеннолетних.

Эффективная работа государственных органов с молодежью в целях реализации положений Закона Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» невозможна без изучения и применения на практике основ возрастной психологии, которые не только объясняют особенности формирования личности в разных возрастных периодах, но и демонстрируют механизм формирования поведения, в том числе девиантного.

Социализация личности – процесс многогранный. Одним из основных его направлений является освоение социального опыта и выработка ценностно-нормативной ориентации личности, при которой предписания общественных норм воспринимаются как свои собственные жизненные установки. Такая ценностно-нормативная ориентация личности формируется путем политического, трудового, нравственного и правового воспитания [1, с. 110]. Процесс социализации начинается с рождения и продолжается всю жизнь. Важным этапом социализации индивида является подростковый возраст, поскольку именно на данной стадии взросления человек осознает себя личностью.

Период позднего подросткового и юношеского возраста условно выделяется у молодых людей с 14 до 19 лет. С. Холл полагал, что подростковая стадия в развитии индивида соответствует эпохе романтизма и воспроизводит эпоху хаоса, когда природные устремления человека сталкиваются с требованиями социальной жизни [2, с. 35]. По мнению психологов, занимающихся изучением возрастной психологии (И.В. Шаповаленко, И.В. Дубровина, Л.С. Выготский и др.), подростковый возраст характеризуется выходом на новую социальную позицию, связанную с поиском собственного места в обществе [3, с. 245].

Уяснение для себя наиболее значимых мотивов знаменует развитие личности. Такое осознание приводит к перестройке всех систем и установок и формирует идеальное «Я», которое влияет и на социальную приспособляемость, и на уровень тревожности, и на особенности мотивации, а также накладывает запреты и моральные ограничения на все поведение человека. Собственные качества, к которым он стремится, определяют для него ближние и дальние цели, а различие между идеальным и реальным «Я» служит источником мотивации [4, с. 89].

Важным для общества является формирование у личности чувства ответственности (за порученное дело, взятые обязательства, выполняемую работу и т. д.), связанного с ним чувства контроля со стороны окружающих и способность к самопроверке – «детекция ошибок» [5, с. 122–123].

В подростковом возрасте происходят значительные изменения в мотивационной сфере, которые характеризуются усилением потребности в принадлежности к группе, потребности в дружбе, профессиональной ориентации, автономии и самоутверждении и т. д. Важной особенностью подросткового возраста являются фундаментальные изменения самосознания, его Я-концепции. Именно в этом возрасте формируется самооценка. У делинквентных подростков самооценка всегда находится в противоречии с оценкой социума (родители, педагоги, класс): она всегда выше. В этом, по мнению ученых-психологов, заключается пусковой механизм делинквентности, толчок к асоциальному поведению, который не позволяет реализовать важнейшую потребность – в уважении. На этом фоне развивается ощущение личного дискомфорта. Подросток ищет выход и находит его при переходе в группу, в которой оценка его другими участниками адекватна собственной самооценке либо превосходит ее. Таким образом, вопрос формирования ценностных ориентаций подростка во многом определяется характеристикой той группы, которая удовлетворяет потребности подростка в уважении. Данная группа может быть как нормативной, что способствует формированию позитивной правовой направленности личности, так и контрнормативной, что может вызвать формирование девиантного поведения.

Для поведенческих проявлений подростка характерны повышенная эмоциональная реактивность, непосредственность реакций, ориентация на соперничество, конкуренцию, борьбу, возрастающее стремление освободиться от опеки, контроля и покровительства старших и т. д. Их проявление также может влиять на развитие девиантного поведения.

Девиантное поведение (от позднелат. *deviation* – отклонение) – широкий спектр поведенческих действий (поступков), не соответствующих моральным, эстетическим и правовым нормам и предписаниям, как официально установленным, так и фактически сложившимся в определенном обществе [6, с. 25]. Как видно из данного определения, девиантное поведение может выражаться через различные варианты поведенческих действий, начиная от внешнего эпатирования окружающих при помощи изменения своего внешнего вида (многочисленные пирсинги на лице, татуировки и т. д.) до совершения асоциальных и даже противоправных поступков.

Вместе с тем следует согласиться с мнением тех психологов, которые отмечают, что у каждой личности есть какой-либо талант, свои положительные особенности. Талант – это большая ценность, принадлежащая не только его носителю. Чем больше возможностей будет предоставлено для реализации одаренности конкретной личности, тем больше пользы получит общество. Наоборот, связывание творческой инициативы, подавление одаренности оборачивается для общества многократными просчетами. Деформация такой личности приводит к различным социальным утратам, рождая алкоголизм, скепсис, цинизм [1, с. 118].

Как отмечают А.Н. Пастушеня и А.А. Урбанович, в подростковом возрасте наиболее активно формируются мотивы асоциального поведения. По статистическим данным в течение года на 100 тыс. подростков совершается 2 030 преступлений (на 100 тыс. человек всего населения – 1 629) [7, с. 400]. Причинами негативной девиации выступают: приобщение подростков к алкоголю (среди значимых мотивов – традиции и обычаи, соблюдение которых является включением в подростковую группу; представление, что спиртное есть символ зрелости и взрослости; стремление освободиться от тревоги и одиночества); подростковая наркомания (основана на психическом экспериментировании, поиске новых ощущений, протесте, желании войти в группировку, уйти от проблем); подростковая преступность (имеет выраженную мотивацию). По данным В.В. Лунова, подросткам 14–16 лет присущи два вида криминальной мотивации: корыстная (более 50 %) и насильственно-эгоистическая (40 %), при этом три четверти преступлений носят ситуационно-импульсивный характер. В 16–17 лет криминальные мотивы усложняются, снижается количество преступлений по корыстным мотивам (до 40 %) [7, с. 143].

При оптимальных условиях воспитания указанные особенности несовершеннолетних могут быть нивелированы соответствующей социально положительной деятельностью. При неблагоприятных социальных условиях эти особенности могут приобрести отрицательную направленность. Психическая деятельность подростка достаточно динамична, что делает его восприим-

чивым как к положительным, так и к социально отрицательным влияниям. Самым сложным, по мнению психологов, является этап отрочества, когда человек в 14–16 лет уже и не ребенок, но еще и не взрослый. Данный возраст определяется как «социальный импринтинг» – возраст повышенной впечатлительности ко всему тому, что делает человека взрослым.

Полагаем, что одним из основных направлений социально положительного влияния на несовершеннолетних может быть включение их в трудовой коллектив. Труд представляет собой сложную деятельность, осуществление которой предполагает определенный уровень физического и психического развития. Так, способность к труду формируется у детей достаточно рано. Важным воспитательным моментом социализации в семье является обучение ребенка младшего возраста делать уборку в собственной комнате, помогать в работе по дому и т. д. Однако этот труд чаще всего носит эпизодический характер, а осознанное и систематическое выполнение определенного вида трудовой деятельности формируется именно в подростковом возрасте. Неслучайно трудовое законодательство связывает возникновение трудовой правосубъектности с достижением определенного возраста.

Реализация функций труда требует создания определенных предпосылок: 1) отбор людей, наиболее пригодных для конкретной деятельности; 2) профессиональная подготовка; 3) рациональные условия и организация трудового процесса; 4) удобство и эффективность условий труда; 5) адекватность человека рабочим нагрузкам; 6) система безопасности труда, сохранение профессионального здоровья и долголетия, психологической поддержки работоспособности [8, с. 143].

В соответствии с белорусским законодательством допускается заключение трудового договора с лицом, достигшим шестнадцатилетнего возраста. С письменного согласия одного из родителей (усыновителей (в новой редакции Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) – удочерителей), попечителей) трудовой договор согласно ч. 2 ст. 21 ТК может быть заключен с лицом, достигшим четырнадцати лет, для выполнения легкой работы или занятия профессиональным спортом, которые не являются вредными для его здоровья и развития, не препятствуют получению общего среднего, профессионально-технического и среднего специального образования.

Следует отметить, что в настоящее время содержание ст. 24 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка», регламентирующей порядок привлечения несовершеннолетних к труду, не соответствует положениям ТК. Полагаем, что ее содержание должно быть приведено в соответствие с действующим ТК, а ч. 2 ст. 24 изложена в следующей редакции: «По достижении шестнадцати лет дети имеют право на самостоятельную трудовую деятельность. С письменного согласия одного из родителей (усыновителя (удочерителя) попечителя) трудовой договор может быть заключен с ребенком, достигшим четырнадцати лет, на условиях и в порядке, установленных законодательством Республики Беларусь».

По оценкам психологов, в современной молодежной среде наблюдается деформация таких ценностей как «труд» и «досуг», их соотношения. Превалирует ценность «я работаю, чтобы отдышаться», а не ценность – «я отдыхаю, чтобы работать». Полагаем, что применительно к содержанию ценностей «труд» и «досуг» уместно говорить об их гармоничном сочетании в жизни каждого человека.

Заключение трудового договора будет также способствовать профессиональному самоопределению подростка (эти вопросы изучали Н.С. Пряжников, Г.В. Матвеева, Е.А. Климов и др.).

Обобщая опыт профессионального самоопределения подростков, можно выделить следующие психологические факторы, определяющие его: осознание ценности общественно полезного труда; общая ориентировка в социально-экономической ситуации в стране; осознание необходимости общей и профессиональной подготовки для полноценного самоопределения и самореализации; общая ориентировка в мире профессионального труда; выделение дальнейшей профессиональной цели (мечты); согласование мечты с другими важными жизненными целями (семейными, личностными, досуговыми); знание о выбираемых целях; знание о внутренних препятствиях, осложняющих движение к избранной цели, и др. Одной из особенностей профессионального самоопределения подростков в настоящее время является ориентация на престижность избираемой профессии, высокий уровень доходов от профессиональной деятельности, возможность быстрого карьерного роста.

В настоящее время можно говорить о манипулировании общественным мнением в средствах массовой информации (особенно в социальных сетях, других интернет-порталах), когда в сознании подростков формируется представление о какой-то конкретной профессии как самой «авторитетной», «престижной». Например, в настоящее время профессия программиста считается наиболее значимой, предоставляющей возможность быстрого продвижения по карьерной лестнице и достижения материального благополучия. Такой стереотип конформистского поведения подрывает самую суть профессионального самоопределения, моделирует стиль жизни молодого человека, не исходя из его личных способностей, склонностей и талантов, а исходя их оценки данной профессии со стороны окружающих как наиболее престижной.

Учитывая психофизиологические особенности несовершеннолетних, законодательство предусматривает ряд специальных норм, регламентирующих труд несовершеннолетних. Трудовое законодательство предусматривает льготы по установлению сокращенной продолжительности рабочего времени, более продолжительных отпусков, в области установления условий труда, гарантий по охране труда и т. д. В целях обеспечения нормального развития подростков и охраны их здоровья ст. 274 ТК устанавливает, что запрещается привлекать работников, не достигших восемнадцатилетия, на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на подземных и горных работах. Список работ, на которых запрещается привлечение к труду лиц моложе восемнадцати лет, утвержден постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 17 июня 2013 г. № 67. Законодатель устанавливает запрет на подъем и перемещение несовершеннолетними тяжестей вручную сверх установленных для них предельных норм, утвержденных постановлением Министерства здравоохранения от 13 октября 2010 г. № 134. Запрещается привлекать несовершеннолетних работников к ночным и сверхурочным работам, работам в праздничные и выходные дни. Кроме того, в соответствии со ст. 279 ТК заработная плата работникам моложе восемнадцати лет при сокращенной продолжительности ежедневной работы выплачивается в таком же размере, как работникам соответствующих категорий при полной продолжительности рабочего дня; а при сдельных работах оплачивается по сдельным расценкам, установленным для взрослых работников, с доплатой по тарифной ставке за время, на которое продолжительность их ежедневной работы сокращается по сравнению с продолжительностью ежедневной работы взрослых работников.

Наличие такого значительного количества льготных условий труда приводит к тому, что наниматели не очень охотно принимают на работу несовершеннолетних. Полагаем, что следует в законодательном порядке предусмотреть некоторые льготы, например, в сфере налогообложения, стимулируя тем самым нанимателей принимать на работу лиц моложе восемнадцати лет.

Привлечение к труду несовершеннолетних не только важнейший элемент их социализации, но и действенное средство профилактики правонарушений, поскольку позволяет несовершеннолетним иметь независимый и законный источник доходов, дисциплинирует организацию свободного от получения образования времени (как работник несовершеннолетний должен подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка, установленным у нанимателя). Труд формирует позитивные качества: ответственность, трудолюбие, работоспособность, коммуникабельность, толерантность, стрессоустойчивость, умение рационально организовывать и использовать свое время и способности и т. д. Кроме того, трудоустройство несовершеннолетних будет способствовать приобретению ими профессиональных умений и навыков, позволит более осознанно и взвешенно подойти к выбору будущей профессии, т. е. будет формировать в их сознании образ будущей профессиональной жизни и путей получения необходимого образования, тем более, что в настоящее время достаточно остро стоит вопрос необходимости выработки страхового трудового стажа, который будет постепенно повышаться до двадцати лет.

Список использованных источников

1. Васильев, В.Л. Юридическая психология : учеб. для вузов / В.Л. Васильев. – М. : Юрид. лит., 1991. – 464 с.
2. Овчарова, Р.В. Криминальная мотивация несовершеннолетних правонарушителей и ее коррекция / Л.В. Овчарова, Ю.А. Малюшина. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. – 176 с.
3. Шаповаленко, И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология) / И.В. Шаповаленко. – М. : Гардарики, 2005. – 349 с.

4. Морозов, А.В. Деловая психология. Курс лекций : учебник / А.В. Морозов. – СПб. : Союз, 2000. – 576 с.
5. Васильев, В.Л. Юридическая психология : учебник для вузов / В.Л. Васильев. – 5-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Питер, 2005. – 655 с.
6. Мицкевич, В.В. Словарь основных терминов, понятий и определений юридической психологии / В.В. Мицкевич. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Акад. МВД, 2015. – 187 с.
7. Пастушеня, А.Н. Юридическая психология : учеб. пособие / А.Н. Пастушеня, А.А. Урбанович. – Минск : Акад. МВД, 2015. – 203 с.
8. Психология : учеб. для гуманитарных вузов / под общ. ред. В.Н. Дружинина. – СПб. : Питер, 2001. – 656 с.

Дата поступления в редакцию: 24.09.19

E.V. Borovaya, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Labour Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

EMPLOYMENT OF MINORS AS CONDITION OF THEIR SOCIALIZATION

The article deals with the peculiarities of the process of socialization of teenagers, the concept of deviant behavior and its reasons. On the basis of the peculiarities of psychological development in puberty the necessity of employment of minors as the necessary condition of their socialization and professional self-determination is substantiated. The importance of labour in the formation of the personality of a minor is considered, the features of the legal regulation of labour relations with minors are shown, some directions of improving the legal regulation of labour of minors are proposed.

Keywords: socialization, deviant behavior, employment of minors, peculiarities of work of minors.

УДК 341

А.И. Бородич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируются международные правовые акты и национальное законодательство, регулирующие осуществление оперативно-розыскной деятельности. Рассматриваются уровни правового регулирования и основные правовые формы сотрудничества в области оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: международное право, международный договор, международное правовое регулирование, оперативно-розыскная деятельность, правовая основа оперативно-розыскной деятельности, уровни правового регулирования, противодействие преступности.

Правовую основу оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) составляют нормативные правовые акты, представляющие собой систему правовых норм международного и национального (внутригосударственного) права. В соответствии с их юридической силой в данной области можно выделить определенные уровни правового регулирования.

Конституционный уровень включает в себя нормы Конституции Республики Беларусь и решения Конституционного Суда Республики Беларусь по вопросам конституционности норм Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Например, при проверке конституционности указанного закона Конституционный Суд отметил, что им закрепляются права граждан, в отношении которых проводятся или проводились оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), граждан, привлеченных органами, осуществляющими ОРД, к подготовке проведения ОРМ и (или) участию в них, а также права организаций на ОРД обжалование действий органов, осуществляющих ОРД, в вышестоящие органы, осуществляющие ОРД, прокурору или в суд в соответствии с законодательными актами. Это означает, что любое лицо, которое полагает, что при проведении ОРМ нарушены или ограничены его права, свободы и законные интересы, может выбрать по своему усмотрению способ их юридической защиты.

Международно-правовой уровень объединяет общепризнанные принципы и нормы международного права, базируется на международных договорах Республики Беларусь, которые являются согласно ст. 8 Конституции Республики Беларусь составной частью ее правовой системы.

Законодательный уровень составляют нормативные правовые акты законодательной, исполнительной и судебной власти (решения, принятые республиканским референдумом; законы Республики Беларусь; декреты, указы Президента Республики Беларусь; постановления Совета Министров Республики Беларусь; постановления Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь; постановления Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь; нормативные правовые акты Верховного Суда Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры, нормотворческих органов, подчиненных (подотчетных) Президенту Республики Беларусь; нормативные правовые акты министерств, иных республиканских органов государственного управления и др. (ст. 3 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах») как непосредственно по вопросам ОРД, так и регулирующие определенные правоотношения в области ОРД. Данный уровень состоит из Закона об ОРД, Уголовного, Уголовно-процессуального, Уголовно-исполнительного кодексов Республики Беларусь и иных законов, содержащих нормы, регулирующие ОРД.

Ведомственный уровень представляют: органы, осуществляющие ОРД (органы внутренних дел, государственной безопасности, пограничной службы; Служба безопасности Президента Республики Беларусь; Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь; органы финансовых расследований Комитета государственного контроля; таможенные органы; разведывательные службы Вооруженных Сил Республики Беларусь (ст. 12 Закона об ОРД)), которые определяют нормативными правовыми актами порядок возмещения вреда, причиненного гражданам и организациям при проведении ОРМ, вид, объем, порядок компенсации затрат, понесенных гражданами, оказывающими или оказывавшими содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, гражданами, привлеченными ими к подготовке проведения оперативно-розыскных мероприятий и (или) участию в них, в связи с их участием в ОРМ, организациями в связи с осуществлением ОРД, а также порядок устранения наступивших в связи с этим для граждан и организаций негативных последствий, если иное не определено законодательными актами (ст. 14 Закона об ОРД). Кроме того, руководителями данных органов осуществляется контроль за ОРД.

Исследуя существующие международные правовые акты, касающиеся в той или иной степени регулирования ОРД, необходимо отметить, что международное право представляет собой систему юридических принципов и норм, направленных на установление сотрудничества во всех областях международных отношений, выражающих общечеловеческие ценности, выработанных в процессе согласования позиций государств (наций и народов, борющихся за свое самоопределение) и иных субъектов международного права (международных (межправительственных, неправительственных) организаций, государствовподобных образований, индивидов).

В своей совокупности принципы представляют собой Хартию основных прав и обязанностей государств, образуют основу общего международного права и служат основным критерием правомерности поведения субъектов. Высший юридический авторитет принципов заключается в том, что они отнесены к категории императивных норм. Основные принципы международного права закреплены в Уставе ООН (ст. 2), Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г. (п. 1), Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 1975 г.

В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, наряду с другими содержится принцип «Обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом». Данный принцип предполагает добросовестное соблюдение государствами при сотрудничестве друг с другом норм международного права и Устава ООН, в том числе и в реализации одной из основных своих социальных функций – противодействие преступности.

Согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» заключение, вступление в силу, официальное опубликование, регистрация, хранение, учет, исполнение, приостановление действия и прекращение международных договоров Республики Беларусь осуществляются в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, общепризнанными принципами международного права, Венской конвенцией о праве международных догово-

воров (1969), другими международными договорами Республики Беларусь, настоящим Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь.

В современный период наблюдается активизация и интернационализация преступности, опасность которой усугубляется тем, что при совершении преступлений используются новейшие достижения науки и высокие технологии, что предполагает осуществление ОРД с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно, направленной на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства (ст. 1 Закона об ОРД). В таких условиях возрастает актуальность и межгосударственного сотрудничества в вопросах противодействия современным вызовам и угрозам, исходящим от транснациональной организованной преступности. В связи с этим необходимы знания в области международного права как особой правовой системы, понимание ее роли в регулировании международных правоотношений, навыки анализа международных договоров по вопросам сотрудничества государств в противодействии современным вызовам и угрозам в сфере правопорядка, позволяющие эффективно проводить ОРМ, проходя службу в органах, осуществляющих ОРД в соответствии с имеющейся квалификацией.

Основными источниками международного сотрудничества являются международные договоры и национальное законодательство. Источниками правового регулирования противодействия преступлениям уголовного международного характера являются: конвенции о борьбе с международными преступлениями и преступлениями международного характера; договоры о сотрудничестве и правовой помощи по уголовным делам; договоры, регулирующие деятельность международных организаций, в чью компетенцию входит противодействие преступности. Обязательства государств по вышеуказанным договорам заключаются прежде всего в определении международных уголовно наказуемых деяний, мер по предупреждению и пресечению таких преступлений, обеспечению ответственности преступников, установлению правил юрисдикции, регламентации правовой помощи по уголовным делам и регулировании взаимоотношений государств и международных правоохранительных организаций.

Следует отметить, что как вид деятельности государства ОРД находит свое регулирование во внутригосударственном законодательстве. Кроме того, ввиду тактических особенностей осуществления многие из нормативных правовых актов субъектов ОРД имеют ограничительный характер, свидетельствующий о степени секретности содержащихся в них сведений, ограничивающий распространение данных документов, тем самым давая органам, осуществляющим ОРД, возможность повышения эффективности негласной формы осуществления данной деятельности.

Вместе с тем суть и реализация ОРД остаются одинаковыми в различных государствах, так как преступления необходимо раскрывать независимо от формы регламентации и толкования данной деятельности во внутригосударственном законодательстве и международном праве. Это обусловлено социальным и правовым значением ОРД.

В этой связи, осуществляя сотрудничество по противодействию преступности, как и сотрудничество в экономической, социальной и других областях, государства используют две основные правовые формы, позволяющие осуществлять ОРД:

институциональная – сотрудничество в рамках международных организаций универсального и регионального характера – ООН, СНГ, ОДКБ, ОБСЕ, Интерпол и др.;

договорно-правовая или конвенционная – заключение и реализация двусторонних или многосторонних договоров, регулирующих отношения в данной сфере, с правоохранительными органами иностранных государств.

Республика Беларусь активно участвует в работе около 100 ведущих международных межгосударственных организаций, в том числе в ООН, СНГ, ОДКБ, ОБСЕ, Интерполе и др., а в 2015 г. стала наблюдателем в Шанхайской организации сотрудничества, приоритетные направления деятельности которой заключаются в совместном противодействии терроризму, экстремизму; развитию сотрудничества в энергетической, нефтегазовой, транспортной, телекоммуникационной и других областях.

В октябре 1993 г. на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Республика Беларусь принята в члены Интерпола. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 ноября 1993 г. № 774 образовано Национальное центральное бюро Интерпола в Республике Беларусь (далее – НЦБ Интерпола). В мае 2004 г. на 33-й Европейской региональной конференции Интерпола Республика Беларусь была избрана в Европейский комитет Интерпола.

Регулирование сотрудничества Республики Беларусь с международными организациями осуществляется на основе нормативных актов: Закона Республики Беларусь «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь»; Концепции национальной безопасности Республики Беларусь; постановления Совета Министров Республики Беларусь «О сотрудничестве Республики Беларусь с международными организациями» и др.

Международные договоры могут заключаться от имени Республики Беларусь (межгосударственные договоры), Правительства Республики Беларусь (межправительственные договоры), органов исполнительной власти (межведомственные договоры). Республика Беларусь является участницей целого ряда межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров, регулирующих оперативно-розыскные отношения в Республике Беларусь.

В настоящее время существует немалое количество международных договоров, направленных на противодействие отдельным уголовным преступлениям международного характера, к которым относятся и преступные посягательства на личные права человека (рабство и работорговля, торговля людьми без цели обращения в рабство, пытки, сексуальная эксплуатация, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, распространение порнографии). Например, в сфере противодействия торговле людьми: Конвенция о рабстве; Международная конвенция о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами; Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей; Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека; Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений.

Перечисленные договоры затрагивают международные правовые аспекты ОРД, регулируют деятельность государств, основных субъектов международных правоотношений и правоохранительных органов, участников внутригосударственных правоотношений по противодействию торговле людьми. Так, Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности в ст. 20 «Специальные методы расследования» определено, что «государство-участник, в пределах своих возможностей и на условиях, установленных его внутренним законодательством, принимает необходимые меры, с тем чтобы разрешить надлежащее использование контролируемых поставок и в тех случаях, когда оно считает это уместным, использование других специальных методов расследования, таких как электронное наблюдение или другие формы наблюдения, а также агентурные операции, его компетентными органами на его территории с целью ведения эффективной борьбы против организованной преступности» (ст. 20). Эти необходимые меры и определяют основные аспекты сущности ОРД. Конвенция ООН против коррупции (2003) также предусматривает проведение контролируемых поставок, использование электронного наблюдения и агентурных операций.

На основе международных договоров действует международная организация по координации работы в борьбе с преступностью в лице генерального секретариата Интерпола и НЦБ Интерпола иностранных государств. Оперативно-розыскные запросы, следственные поручения и сообщения правоохранительных и иных государственных органов Республики Беларусь через НЦБ Интерпола направляются для осуществления розыска, ареста перемещенных за границу доходов от преступной деятельности, похищенных предметов и документов, проведения иных оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий по делам, находящимся в производстве этих органов.

Значительный вклад в развитие правового регулирования правоохранительной деятельности вносят международные нормативные акты, принятые СНГ, ОДКБ, в числе которых многосторонние и двусторонние акты и соглашения по отдельным вопросам. В частности, договаривающиеся стороны приняли решение осуществлять сотрудничество по основным направлениям борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Стороны определили и формы такого

сотрудничества: исполнение запросов и просьб по уголовным делам, делам оперативного учета; обмен оперативно-розыскной, оперативно-справочной и криминалистической информацией о готовящихся или совершенных преступлениях и причастных к ним лицах; содействие в проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Например, решением Совета глав государств (1999) одобрена Концепция взаимодействия государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью, которой в качестве основных форм взаимодействия компетентных органов признано проведение совместных ОРМ на территориях государств – участников СНГ. Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (2002) определяется объем правовой помощи (ст. 6), заключающийся в том, что «Договаривающиеся Стороны оказывают взаимную правовую помощь путем выполнения ... розыска лиц, осуществления оперативно-розыскных мероприятий в рамках расследуемого уголовного дела, уголовного преследования, выдачи лиц для привлечения их к уголовной ответственности или приведения приговора в исполнение, розыска и ареста (изъятия) денежных средств и имущества, полученных преступным путем, а также доходов от преступной деятельности, розыска имущества и денежных средств гражданских ответчиков для исполнения решений по гражданским делам, коммерческим и иным экономическим спорам, признания и исполнения исполнительных надписей, судебных решений по гражданским делам и приговоров» (ст. 6). Согласно данной статье Договаривающиеся Стороны могут оказывать взаимную правовую помощь путем осуществления ОРД, проведения ОРМ, а также и в иных формах и видах, исходя из конкретных обстоятельств, интересов правосудия и общества в целом и в соответствии с внутренним законодательством Договаривающихся Сторон.

В целях взаимодействия и координации действий в борьбе с преступностью решением Совета глав государств СНГ (1996) создан Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ. Для координации взаимодействия министерств внутренних дел государств – участников СНГ в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и иными опасными видами преступлений, решением Совета глав правительств СНГ (1993) создано Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ.

Наиболее значимо оперативно-розыскное международное сотрудничество по уголовным делам, возбужденным по фактам терроризма, экономических преступлений, в частности, легализации криминальных финансовых доходов, компьютерных преступлений, незаконного оборота оружия и боеприпасов. Например, согласно ст. 5 Протокола о взаимодействии государств – членов Организации договора о коллективной безопасности по противодействию преступной деятельности в информационной сфере (2014) Стороны в рамках Протокола осуществляют сотрудничество в формах: «... 2. Исполнение обращений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также процессуальных действий в соответствии с международными договорами о правовой помощи и другими соответствующими международными договорами, участниками которых являются Стороны» (ст. 5).

Важное практическое значение в ОРД имеют различные двусторонние договоры (например, Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Молдова о сотрудничестве в области борьбы с преступностью (г. Кишинев, 2002); Договор между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в борьбе с преступностью (г. Минск, 2003) и др.; соглашения о правовой помощи (например, Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области борьбы с преступностью (г. Минск, 2008) и др.

С помощью договоров можно осуществлять сбор сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности государств; предупреждение, выявление, пресечение преступлений, а также выявление граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших; розыск обвиняемых, скрывшихся от органа уголовного преследования или суда и (или) местонахождение которых этим органам неизвестно, граждан, без вести пропавших (безвестно исчезнувших), а также осужденных к наказанию в случаях, установленных законодательными актами и др. Например, в рамках международного правового сотрудничества в оказании правовой помощи по уголовным делам (межотраслевой правовой институт, нормы которого закреплены прежде всего в национальном законодательстве – Конституции Республики Беларусь,

Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах Республики Беларусь) на основании поручений (просьб) об оказании правовой помощи, запросов об оказании содействия осуществляется международная правовая помощь, в том числе и с применением форм и методов ОРД. Поручение (просьба) об оказании правовой помощи направляется по возбужденному уголовному делу в соответствии с положениями соответствующих статей межгосударственных договоров о правовой помощи, заключенных Республикой Беларусь с зарубежными государствами. Запрос об оказании содействия направляется до возбуждения уголовного дела по делам оперативного учета, по которым требуется проводить оперативно-розыскные мероприятия, обмениваться оперативной информацией, а также по материалам проверок.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что законодательство Республики Беларусь по регулированию ОРД включает в себя большое количество нормативных правовых актов, в том числе международного характера. Имеющиеся договоры по противодействию преступности регулируют многостороннее и двустороннее сотрудничество в области ОРД. Кодификация ОРД в международном праве – одно из важнейших направлений повышения ее эффективности на международном уровне.

Дата поступления в редакцию: 19.09.19

A.I. Borodich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OPERATIVELY-SEARCH ACTIVITY

Analyzed international legal acts and national laws governing the exercise of investigative activities. Discusses the levels of legal regulation and the principal legal forms of cooperation in the field of operational-investigative activity.

Keywords: international law, international Treaty, international legal regulation of operational-investigative activity, legal basis of operational search activities, the levels of legal regulation, combating crime.

УДК 341

А.И. Бородич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь;

А.А. Подупейко, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Рассматривается незаконная миграция как одна из сфер деятельности транснациональной организованной преступности, субъектами которой являются иностранные граждане или лица без гражданства. Обосновывается сущность понятий «организация незаконной миграции», «организованная преступность, специализирующаяся на незаконной миграции», «противодействие организации незаконной миграции», «международное сотрудничество по противодействию организации незаконной миграции».

Ключевые слова: незаконная миграция, международное сотрудничество, противодействие организации незаконной миграции, организация незаконной миграции.

Процессы глобализации привели к резкой активизации миграционной активности. Потоки мигрантов из государств с менее развитой экономикой в государства с более высоким уровнем жизни значительно увеличились. В таких условиях мигранты выступают фактором, который проявляется во всех сферах жизни государства (экономической, культурной, политической, социальной) и непосредственно оказывает влияние на образование принципиально новых правоотношений. Таким образом, миграция является лакмусовой бумажкой состояния общества, государства, их барометром и одним из наиболее динамичных способов реагирования населения на меняющуюся социально-экономическую ситуацию.

В современных условиях закономерности миграции населения, свидетельствующие о том, что усиление миграционных потоков напрямую связано с уровнем технологического прогресса и развития коммуникаций, а экономические факторы являются их движущей силой, приобрели системный, устойчивый и определяющий характер. По мнению В.А. Ионцева, мировым миграциям населения характерны основные закономерности: постоянный рост вынужденных мигрантов; сравнительная стабильность трудовой миграции; увеличение численности незаконных мигрантов [1, с. 3–6]. Перемещения вынужденных мигрантов будут существовать до тех пор, пока существует реальная опасность их жизни, разные виды дискриминаций или невозможность существования в стране проживания. Трудовая миграция будет неизбежно возрастать по мере потребности национальных рынков труда в рабочей силе и стабильности в государствах, принимающих мигрантов, и уменьшаться в случае насыщения рынка.

Незаконная миграция населения стала международной проблемой, и основными причинами, стимулирующими ее, являются экономические, политические, этнические, религиозные, демографические и экологические проблемы в различных странах. Незаконная миграция сегодня по степени общественной опасности выходит на одно из первых мест в перечне вызовов и угроз правам, свободам и законным интересам личности, а также мировой общественности и государствам.

Незаконную миграцию, на наш взгляд, необходимо рассматривать с двух позиций: как отдельное преступление само по себе и как преступление, совершенное организованной преступной группой. В первой позиции субъектами являются граждане Республики Беларусь, граждане других государств, лица без гражданства, нарушившие правила въезда, выезда, пребывания и транзитного проезда. Здесь можно согласиться также с Р.А. Каламкаряном, который к субъектам относит лиц, пересекающих государственные границы по бытовым мотивам, для занятия контрабандой и другими правонарушениями, для сокрытия других преступлений, с целью избежать ответственности за их совершение преступления [2, с. 171]. Во второй позиции речь идет о незаконной миграции как сфере деятельности транснациональной организованной преступности, т. е. ее организации.

Согласно ст. 371¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь организация либо руководство или содействие деятельности по незаконному въезду в Республику Беларусь, пребыванию на территории Республики Беларусь, транзитному проезду (транзиту) через территорию Республики Беларусь или выезду из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства (организация незаконной миграции) наказываются арестом, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок. Организация незаконной миграции, совершенная способом, представляющим опасность для жизни или здоровья иностранных граждан или лиц без гражданства, либо связанная с жестоким или унижающим их достоинство обращением, либо совершенная повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества или без конфискации [3].

Под организацией незаконной миграции следует понимать обеспечение с целью получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды, незаконного въезда на территорию государства любого лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории. В связи с этим особое значение приобретает осознание мировым сообществом в целом масштабов угрозы, создаваемой организованной преступностью, которой быстро и легко удается пересекать государственные границы, игнорируя национальные законы. Транснациональные организованные преступные группы осуществляют подготовку к незаконному пересечению границы по поддельным документам, т. е. безупречное изготовление бланков национальных паспортов различных стран и их дальнейшую пересылку по почте либо курьером к месту нахождения потенциальных нелегальных мигрантов. Этому способствует наличие разветвленной сети подпольных лабораторий по изготовлению поддельных документов, расположенных в европейских государствах [3]. Преступные организации, которые организуют такую деятельность или содействуют ей, высокодинамичны и легко адаптируются к современным условиям противодействия им.

В обобщенном виде модель функционирования преступной организации, специализирующейся на незаконной миграции, в качестве основных элементов может включать в себя: формирование изначального (использование имеющегося) теневого капитала; поиск вынужденных мигрантов в государствах выезда; выбор вынужденных мигрантов для незаконного их переме-

щения в государства въезда; проведение через подконтрольные банковские учреждения банковских операций; подбор, приобретение, расстановку сил и средств преступной деятельности; создание (использование имеющегося) канала незаконной миграции; переправу незаконных мигрантов; осуществление незаконного перемещения мигрантов через государственную границу; получение преступного дохода; воспроизводство функционирования организованной преступной структуры; легализацию, потребление теневого капитала; поиск новых источников получения сверхдохода.

Таким образом, под организованной преступностью, специализирующейся на незаконной миграции, предлагается понимать социально-опасное явление, характеризующееся устойчивым функционированием организованных структур по осуществлению незаконной миграции, с целью получения максимальных финансовых доходов. Данным преступлениям свойственны монополизация и расширение противоправной деятельности, а также их совершение не только выходцами из криминальной среды, но и втянутыми в этот процесс физическими и юридическими лицами, сотрудниками правоохранительных органов, органов власти и управления, иногда ничего не подозревающими.

Территория Республики Беларусь по-прежнему используется незаконными мигрантами в качестве транзитного коридора в государства Европейского Союза. Наибольшая незаконная миграционная активность проявляется гражданами Алжира, Афганистана, Вьетнама, Ганы, Египта, Индии, Иордании, Ирака, Ирана, Йемена, Ливана, Марокко, Нигерии, Пакистана, Сирии, а также некоторых государств СНГ.

Незаконная миграция сопутствует административным правонарушениям против порядка управления, предусмотренным гл. 23 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 23.29 «Незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь», 23.30 «Нарушение пограничного режима», 23.31 «Нарушение режима Государственной границы Республики Беларусь», 23.32 «Нарушение режима в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь»). Кроме того, незаконная миграция способствует разнообразной организованной преступной деятельности. Она создает предпосылки и условия для совершения таких транснациональных преступлений, как терроризм, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, контрабанда, торговля людьми, вербовка людей для эксплуатации и т. п., которые представляют угрозу национальным интересам Республики Беларусь. Обеспечение безопасности является неотъемлемой частью эффективной деятельности всех заинтересованных ведомств, в том числе и по противодействию незаконной миграции как социально-опасному, криминальному явлению. В связи с этим под противодействием организации незаконной миграции предлагается понимать регулируемую национальным законодательством деятельность субъектов внутригосударственных правоотношений (государственные органы, юридические и физические лица, общественные и иные организации) по защите законных интересов личности, общества и государства от транснациональной организованной преступности.

Понятие транснационального преступления дано в ст. 3 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой в Палермо 15 ноября 2000 г. (далее – Конвенция): «Преступление носит транснациональный характер, если оно: а) совершено более чем в одном государстве; б) совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; в) совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность более чем в одном государстве; или д) совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве». Государства – участники Конвенции сотрудничают друг с другом в целях повышения эффективности правоприменительных мер для борьбы с преступлениями, охватываемыми Конвенцией, в том числе и в сфере незаконной миграции. Каждое государство-участник принимает эффективные меры, направленные на укрепление или, где это необходимо, налаживание каналов связи между их компетентными органами, учреждениями и службами с целью обмена информацией обо всех аспектах преступлений, охватываемых Конвенцией; на сотрудничество с другими государствами-участниками в проведении совместных расследований преступлений, охватываемых Конвенцией, с целью установления

личностей и местонахождения лиц, подозреваемых в совершении таких преступлений, или местонахождения других причастных лиц; на перемещение доходов от преступлений или имущества, полученного в результате их совершения; имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении таких преступлений; на предоставление в надлежащих случаях необходимых предметов или необходимого количества веществ для целей анализа или расследования; на содействие эффективной координации между их компетентными органами, учреждениями и службами и поощрение обмена сотрудниками и экспертами, включая, при условии заключения заинтересованными государствами-участниками двусторонних соглашений или договоренностей, направление сотрудников по связям; на обмен с другими государствами-участниками информацией о конкретных средствах и методах, применяемых организованными преступными группами, включая в соответствующих случаях маршруты и средства транспорта, а также использование поддельных удостоверений личности, измененных или поддельных документов или других средств сокрытия их деятельности; на обмен информацией и координацию административных и других мер, принимаемых в надлежащих случаях с целью заблаговременного выявления преступлений, охватываемых Конвенцией.

Являясь сложным антисоциальным, криминальным явлением, не имеющим государственных границ, организованная преступность породила новую криминогенную ситуацию, которая для ее разрешения наряду с принятием действенных законодательных организационно-управленческих мер требует вложения значительных материальных ресурсов в целях оснащения правоохранительных органов и обучения сотрудников методам борьбы с ней. Необходима согласованная деятельность, направленная на наиболее оптимальное использование имеющихся сил, средств и возможностей для успешного выполнения стоящих задач, эффективное международное сотрудничество государств, их правоохранительных органов.

Международное сотрудничество по противодействию организации незаконной миграции есть регулируемая нормами международного и национального права совместная деятельность субъектов международного права и субъектов внутригосударственных правоотношений по реализации правовой защиты сбалансированных интересов личности, общества и государства от деятельности транснациональной организованной преступности. Правовой основой такого сотрудничества становятся соответствующие международные договоры, которыми эти транснациональные преступления криминализуются в международном праве.

По мнению ученых, физические лица (индивиды) в ограниченном объеме также являются субъектами международного права. Хотя данная точка зрения не получила всеобщего признания, отметим, что применительно к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью индивиды в соответствии с нормами международного права обладают международными правами и обязанностями, а также способностью обеспечивать выполнение субъектами международных правовых норм.

Среди субъектов правоохранительной деятельности прежде всего выделяются специализированные государственные органы, осуществляющие борьбу с преступностью и наделенные законом определенными полномочиями, включая применение государственного принуждения – правоохранительные органы. Органы законодательной и судебной власти, не являясь специализированными правоохранительными органами, принимают участие в борьбе с преступностью опосредованно, выполняя функции охраны права в ходе законодательной деятельности и осуществления правосудия, соответственно. Представители иных органов исполнительной власти, общественных организаций и юридических лиц, которым закон разрешает выполнение некоторых функций в борьбе с преступностью, преимущественно осуществляют деятельность, связанную с предупреждением и профилактикой незаконной миграции. Особую группу субъектов составляют физические лица, лично участвующие или оказывающие содействие в борьбе с преступностью, в том числе в предупреждении преступлений. Общим признаком для всех субъектов является то, что при всех различиях в их правовом статусе, характере и содержании их прав и обязанностей и в выполняемых ими функциях, они участвуют в противодействии преступности.

В связи с этим можно предложить следующий комплекс основных направлений сотрудничества: определение стратегии противодействия росту незаконной миграции, транснациональной организованной преступности; подготовка научно-обоснованных прогнозов по вопросам обеспечения национальной безопасности государств на основании тщательного изучения и оценки

политической и оперативной обстановки; подготовка предложений о совершенствовании деятельности субъектов, участвующих в противодействии незаконной миграции; сотрудничество в практической деятельности по выявлению, предупреждению и пресечению преступной деятельности при пересечении государственных границ; сотрудничество в области подготовки и специализации кадров.

Таким образом, современные международные отношения характеризуются значительной взаимозависимостью государств. Ни одно государство не может противостоять организации незаконной миграции изолированно и учитывать только свои национальные интересы. По этой причине роль международного сотрудничества возрастает и заключается в объединении усилий по регулированию деятельности государств (их правоохранительных органов) в противодействии современным вызовам и угрозам, исходящим от организации незаконной миграции.

В современных условиях актуальным и целесообразным является изучение проблем, связанных, в частности, с необходимостью определения организационно-тактических особенностей противодействия незаконной миграции, а также выбор эффективных мер противодействия, поиск и внедрение адекватных форм и методов работы правоохранителей, научно обоснованных подходов к организации и тактике противодействия организации незаконной миграции.

Список использованных источников

1. Ионцев, В.А. Мировые миграции / В.А. Ионцев // Новое в жизни, науке, технике. – 1992. – № 1. – 62 с. – (Серия Экономика).
2. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебник для академического бакалавриата / отв. ред. Р.А. Каламкарян. – М. : Юрайт, 2016. – 349 с.
3. Анализ правового регулирования борьбы с незаконной переправкой лиц в Республике Беларусь, Республике Молдова и Украине // Европейская комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.refworld.org.ru/docid/533d12c16a.html>. – Дата доступа : 17.03.2018.

Дата поступления в редакцию: 19.06.19

A.I. Borodich, Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; *A.A. Podupeyko*, Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

INTERNATIONAL COOPERATION ON COMBATING ILLEGAL MIGRATION

Illegal migration is considered as one of the spheres of activity of transnational organized crime, the subjects of which are foreign citizens or stateless persons. The essence of the concepts «organization of illegal migration», «organized crime specializing in illegal migration», «counteraction to the organization of illegal migration», «international cooperation on countering the organization of illegal migration is substantiated».

Keywords: illegal migration, international cooperation, combating illegal migration, organization of illegal migration.

УДК 341.3

В.Н. Вежновец, кандидат юридических наук, доцент, профессор международного права частного учреждения образования «БИП – институт правоведения»;

С.Г. Луговский, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь, доцент
(e-mail: 1482370@mail.ru)

ПЕРЕГОВОРЫ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Обращается внимание на определение понятия конфликта, в частности международного. Рассматриваются международные переговоры как один из способов локализации и прекращения межгосударственно-

го конфликта; предлагается процедура его урегулирования. Акцентируется внимание на понимании структуры переговоров: целях, специфике, ведении, разрешении и результативности.

Ключевые слова: конфликт, международные переговоры, участники международных переговоров, переговоры, компромисс, разрешение конфликта.

Прежде чем рассматривать переговоры как способ разрешения конфликта, необходимо определиться с пониманием последнего. В юридической литературе встречаются различные его определения. Мы акцентируем внимание на международном конфликте, который, на наш взгляд, как и любой внутригосударственный, представляет собой столкновение противоположных интересов, целей, ценностей, в том числе взглядов на эволюцию международного сотрудничества и связанных с их реализацией действий субъектов международных отношений [1]. Более того, такие столкновения являются результатом не только деятельности самого государства на международной арене, но часто обусловлены действиями других субъектов международных отношений.

Древние мыслители, изучая межплеменные и межгосударственные конфликты, пытались осмыслить данный феномен с целью минимизации их негативных последствий. Например, Цицерон говорил о двух способах разрешения споров: переговорах и применении силы. И если первый способ предполагает взаимодействие людей, то второй свойственен животным, и к нему следует прибегать только в случае невозможности воспользоваться первым [2, с. 236].

Г. Гроций в своей работе «О праве войны и мира» одним из способов предотвращения войн и, соответственно, конфликтов предложил «путь третейского суда». Сильные правители им пренебрегают, как достойный путь его выбирают сторонники справедливости и мира. При этом ученый обосновал вывод о том, что войн можно избежать путем «конференции», или переговоров [3, с. 539, 546].

Интересовал вопрос разрешения конфликтов и Ф. Бэкона. Обращая внимание на различные способы их урегулирования, он отмечал, что на «каждый случай болезни» существуют соответствующие лекарства. В частности, Ф. Бэкон считал важным способом урегулирования социально-политических конфликтов искусство политического маневрирования, и не менее важным – заботу власти о том, чтобы у недовольных не оказалось надлежащего вожака, который бы мог их объединить [4, с. 382–385].

Одним из способов локализации и прекращения межгосударственного конфликта являются переговоры – процесс, в котором с целью согласования спорных вопросов участвуют две или более стороны. Они активны и самостоятельно принимают решение; сам процесс переговоров несколько хаотичен и непредсказуем, а во время его проведения возможны манипуляции и давление на одну сторону для достижения цели другой стороной.

Цель переговоров – достижение согласия между противоборствующими сторонами, что может быть успешным только в случае существования ряда необходимых для этого условий. И главным здесь выступает готовность противоположных сторон изменить радикально-конфронтационный тип поведения на компромиссный.

Переговоры в условиях конфликта имеют свою специфику, накладывают на участников особую ответственность за принимаемые решения. Принятое несвоевременное или неверное решение влечет продолжение или даже усиление конфронтации со всеми вытекающими последствиями. Участники переговоров в таких условиях смотрят друг на друга, как на соперников, которых сесть за стол переговоров вынудили определенные обстоятельства: или взаимозависимость, или отсутствие иного способа достичь взаимоприемлемого решения возникшей проблемы. Во время переговоров проявления активизации сотрудничества весьма слабы. Стороны длительное время придерживаются ранее выбранной позиции, и каждая стремится сохранить свое лицо, оказывая давление. Ситуация может стать острой, если одна из сторон почувствует по отношению к себе неуважение. В таких случаях стороны применяют словесные атаки, бурные дискуссии, иногда – угрозы применения силы и другие устрашающие действия.

При ведении таких переговоров акцентируется внимание на вскрытии слабых мест в позициях другой стороны, раскрытии ее истинных намерений. Дискуссии могут принимать полемический характер, а предложения формулируются в расчете на то, чтобы поставить партнера в как можно более сложное и невыгодное положение. Конфликт – враг переговоров, обычно оборачивается против его инициаторов, наносит ущерб всем участникам и никак не может быть рекомендован в качестве стиля ведения переговоров, так же как и их превращение в спор.

Наилучшие предпосылки для поиска взаимоприемлемого решения создает прагматический подход к переговорам.

Достижение взаимоприемлемого решения на переговорах в условиях конфликта возможно, если его участники «нейтрализуют» негативное представление друг о друге и не будут эмоционально реагировать, так как обстановка взаимоуважения способствует формированию более адекватного восприятия как самого предмета спора, так и друг друга. Спокойное общение значительно расширяет возможности переговоров, позволяет сторонам не только глубже понять суть обсуждаемой проблемы, но и выйти за ее рамки, обсудить более широкий спектр вопросов, позитивно воспринять нужды друг друга. В случае налаживания такого общения переговоры становятся одним из наиболее приемлемых способов конструктивного решения проблемы.

Динамика конфликта представляет собой процесс, предполагающий активность всех сторон. Следовательно, для того чтобы погасить конфликт, стороны должны заключить договор относительно норм и правил, которые позволили бы им определить реальное соотношение сил. Достижение компромисса – основная цель урегулирования конфликта.

И здесь также оправдана следующая позиция: конфликтами необходимо управлять, не только минимизируя потери, но и максимально увеличивая общую выгоду для противоборствующих сторон. Компромисс предполагает совместную выработку взаимоприемлемого для конфликтующих сторон решения; в отличие от консенсуса он ориентирован на решение спорной проблемы совместными усилиями сторон и состоит в основном из взаимных уступок [4].

Из всех способов преодоления противоборства сторон наиболее эффективными являются переговоры между ними. Они могут начаться, если стороны, во-первых, имеют общие интересы кроме противоречащих; во-вторых, считают достижение определенного понимания или согласия более выгодным для них, чем конфликтная ситуация; в-третьих, вступают в дискуссию в поисках взаимно удовлетворяющего решения. В переговорах должен учитываться как можно более широкий спектр мнений. Принимая во внимание тот факт, что в международных переговорах может быть большое количество акторов с самыми разными взглядами на пути разрешения конфликта, отметим, что достижение согласия может быть осложнено. В то же время с увеличением числа акторов повышаются шансы формирования устойчивой коалиции. Человечество накопило огромный опыт ведения таких переговоров. В последние десятилетия выкристаллизовались соответствующие правила и процедуры. Переговоры становятся более успешными по мере укрепления доверия между участниками.

Успешное разрешение конфликта зависит от анализа сути, целей, динамики развития конфликтной ситуации с учетом эмоционального состояния и личностных качеств участников переговоров. Для начала важно определить истинную причину конфликтной ситуации, различить ее объективные и субъективные предпосылки. Осознанию величины вклада конфликтующих сторон в конфликт и, следовательно, переходу к рациональному анализу и поиску выхода из создавшейся ситуации способствует стремление сторон к достижению определенных целей.

Акторам необходимо уяснить, что активное противостояние и форсирование выработки решения только ухудшают конфликтную ситуацию. Начиная переговорный процесс, участникам лучше всего выговориться, то есть «выплеснуть» избыток отрицательных эмоций безопасным способом. Другими словами, изложить собственную точку зрения на предмет спора, невзирая на то, что конфликт может длиться достаточно долго (месяцы, годы, десятилетия). Затем, оценив готовность к разрешению конфликта по двум основным индикаторам (эмоциональному – положительному контакту глазами и интеллектуальному – наличию представления о проблеме и возможных способах ее решения), можно переходить к обсуждению путей разрешения конфликта. Если обсуждение приняло эмоциональный характер с резкими реакциями, то это негативно сказывается на результативности переговоров, так как стороны теряют объективность и критичность суждений, снижается аргументированность доводов и предложений, а конфликт приобретает затяжной характер.

Например, для вооруженного конфликта исследователи выделяют три основных варианта его разрешения: перемирие, урегулирование, разрешение.

Перемирие – прекращение на какое-то время вооруженных столкновений (т. е. до подписания соглашения конфликт находился в вооруженной стадии) – исторически восходит к Средним

векам, когда враждебные действия прекращались в дни, устанавливаемые церковью. Перемирие как таковое практически не касается противоречий, заложенных в основе конфликта, но позволяет на какое-то время (иногда это значительный его промежуток) остановить насилие. В одних случаях к перемирию может принуждать третья сторона, угрожая применением санкций, нанесением бомбовых ударов и т. д., если враждебные действия не будут прекращены. В других – участники конфликта могут сами идти на перемирие в расчете на то, что в дальнейшем начнут переговоры об урегулировании проблемы или просто получают передышку. Перемирие может быть длительным (например, Соглашение о перемирии в Корее 1953 г.). Однако стороны обычно хорошо осознают его временный характер и в этот период ведут себя сообразно тому, что они собираются делать.

Урегулирование конфликта подразумевает нахождение решения путем увязывания интересов и целей сторон и тем самым снижения остроты противоречий. Разрешение конфликта предполагает полное преодоление существующих противоречий между участниками, переводя их отношения на принципиально иной уровень [5, с. 162].

Полностью разрешенным считается тот конфликт, база которого исчерпана. Если конфликтная ситуация только изменилась, то конфликт развивается далее, причем как по конструктивному, так и по деструктивному пути.

В литературе для успешного ведения переговоров в условиях конфликта существует множество рекомендаций, которые обобщенно можно сформулировать следующим образом:

концентрировать внимание на интересах сторон, а не на позициях;

избегать угроз негативных последствий;

вносить такие предложения, чтобы последствия их реализации были более привлекательными, чем последствия отказа от нее;

стремиться выработать объективный общеприемлемый критерий, на основании которого будет выработываться взаимовыгодное решение;

выносить на обсуждение альтернативные варианты решения, не ограничиваясь только одним [6].

Переговорщикам одной стороны нужно попытаться представить себя на месте переговорщиков другой и полагаться на свои способности при разрешении конфликтных ситуаций; пытаться сосредоточиться на правилах игры в системе, в которой они по воле судьбы оказались; постараться отойти от предубеждений в отношении друг друга; сконцентрироваться на выработке общепонятного языка при ведении переговоров [7, с. 264]. Переговорами можно назвать лишь те из них, которые направлены на совместное разрешение конфликта. Ключевым здесь является понятие «совместное», так как при односторонних шагах стороны пытаются разрешить конфликт путем несогласованных действий.

Негативное эмоциональное отношение конфликтующих сторон друг к другу не всегда позволяет вступать в переговоры: сильные негативные эмоции мешают конструктивному их ведению. Именно по этой причине едва ли не единственным способом разрешения таких конфликтов может быть медиация, позволяющая последовательно подвести стороны к тому, чтобы они начали договариваться и уважительно принимать ценности друг друга.

По итогам переговоров могут приниматься следующие типы совместных решений:

компромисс (стороны идут на взаимные уступки);

асимметричное решение (уступки одной стороны значительно превышают уступки другой);

нахождение принципиально нового решения путем сотрудничества (базируется на открытом корпоративном анализе истинного соотношения интересов оппонентов и позволяет им рассматривать существующую проблему шире изначально заданных позиций).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что успех переговоров зависит от нацеленности сторон на совместное разрешение проблемы. Если переговоры проводятся сторонами конфликта с другой целью, то разрешить конфликт вряд ли удастся. Переговоры лишь тогда являются наилучшей альтернативой в разрешении конфликта, когда стороны имеют общее переговорное пространство, чтобы, используя различные стили и тактики поведения, найти взаимоприемлемое решение.

Список использованных источников

1. Надеждин, Н.Н. Роль переговоров в регулировании и разрешении международных конфликтов / Н.Н. Надеждин // Тр. Дальневост. гос. техн. ун-та. – 2004. – № 138. – С. 101–110.
2. Цицерон, М. Про державу. Про законы. Про природу богів / М. Цицерон. – К. : Основы, 1998. – 476 с.
3. Гроций, Г. О праве войны и мира : в 3 кн. / Г. Гроций. – М., 1994. – 868 с.
4. Бекон, Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Бекон. – 2-е изд. – М., 1979. – 595 с.
5. Колобов, О.А. Технологии предупреждения и разрешения конфликтов / О.А. Колобов, А.М. Дорожкин, Н.Е. Григорьева // Вестн. ННГУ. – 2007. – № 3. – С. 199–203.
6. Лебедева, М.М. Политическое урегулирование конфликтов : учеб. пособие / М.М. Лебедева. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
7. Профилактика и разрешение деструктивных явлений в конфликте / Н.У. Заиченко [и др.] // Педагогика и психология образования. – 2010. – № 3. – С. 37–53.

Дата поступления в редакцию: 09.07.19

V.N. Vezhnovets, Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Professor of International Law, Private Educational Institution "BIP – Institute of Law"; S.G. Lugovskiy, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

NEGOTIATIONS AS ONE OF THE METHODS OF SETTLEMENT OF INTERNATIONAL CONFLICTS

The focus is on the definition of conflict. International negotiations are considered as one of the ways to localize and end the interstate conflict. A procedure for resolving an international conflict is proposed.

Keywords: negotiations, conflict, negotiators, negotiators, truce, compromise, conflict resolution.

УДК 349.6

М.А. Кравцова, кандидат юридических наук, доцент кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: marina-005@tut.by)

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ПРИРОДООХРАННЫМИ ОРГАНАМИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Рассматриваются общественные отношения, складывающиеся в сфере охраны окружающей среды в рамках взаимодействия Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь с органами внутренних дел. Определяется содержание правоохранительной деятельности органов внутренних дел в экологической сфере. Подчеркивается, что взаимодействие может выражаться в обмене информацией, совместном планировании и осуществлении каких-либо мероприятий и в иных формах.

Ключевые слова: правоохранительные органы, нарушения экологического законодательства, взаимодействие, профилактика, предупреждение правонарушений, охрана окружающей среды.

Правоохранительная деятельность в экологической сфере, осуществляемая ОВД, по своему содержанию весьма многогранна и включает в себя непосредственные действия, оказывающие прямое позитивное влияние на природные объекты, и опосредованные мероприятия или меры, в конечном итоге способствующие надлежащей охране природных объектов, оздоровлению окружающей природной среды.

Экологическая функция ОВД реализуется преимущественно в рамках правоприменительной и правоохранительной деятельности. Под правоприменительной следует понимать деятельность различных подразделений и служб ОВД по практическому повседневному исполнению и осуществлению требований норм экологического законодательства, отнесенных к компетенции МВД, а также осуществление взаимодействия ОВД с природоохранными органами и организациями в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь. В свою очередь, правоохранительная деятельность выражается главным образом в применении мер юридического воздействия к нарушителям экологического законодательства [1, с. 36].

Как отмечается в правовой литературе, для экологической преступности характерна высокая латентность (число преступлений во много раз ниже по сравнению с числом административных правонарушений); противоправному поведению свойственны массовость и широкая распространенность; возникновение новых видов противоправного поведения (незаконная торговля природными объектами) с одновременным распространением коррупционного преступного поведения; все больше экологических преступлений совершается с целью извлечения незаконной прибыли и усиления корыстной направленности. Следует отметить, что по некоторым своим признакам экологические преступления в значительной части являются одновременно и экономическими (противоправное использование природных ресурсов) и корыстными (незаконная охота, рыбный промысел) преступлениями, но по своим негативным последствиям, причиняемому ущербу они почти всегда превосходят их [2, с. 120].

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел» ОВД осуществляют свою деятельность во взаимодействии с другими государственными органами, общественными объединениями, иными организациями, в том числе с иностранными, и гражданами.

Некоторые авторы взаимодействие ОВД с гражданами и государственными и общественными организациями относят к принципам административной деятельности ОВД [3, с. 55]. Взаимодействие может выражаться в обмене информацией, совместном планировании и осуществлении каких-либо мероприятий, в иных формах. Вместе с тем принцип взаимодействия имеет, скорее, не правовой, а организационный характер. Подавляющее большинство правоприменительных актов принимается ОВД самостоятельно в соответствии с действующими нормами права. Законодательство не обязывает их при этом согласовывать свои действия с какими-либо организациями или лицами [4, с. 110].

Так, С.М. Ожегов, например, термин «взаимодействие» определяет, как взаимную связь двух явлений, взаимную поддержку [5, с. 65]. В словаре В.И. Даля понятие «взаимодействие» рассматривается, как происходящий от слова «взаимный» (воздавать друг другу, равно отвечать, оплачивать, оказывать добро или зло, какое от кого принял, взаимное содействие предметов, обоюдное, круговое) [6, с. 190]. В военном энциклопедическом словаре понятие «взаимодействие» – явление, согласованное по целям, задачам, месту, времени и способам выполнения действий войск для достижения целей операции [7, с. 127].

С управленческой точки зрения категория «взаимодействие» рассматривается авторами как одна из форм управления, представляющая собой направленное воздействие, осуществляемое для достижения конкретной цели. Данное взаимодействие – связь элементов системных образований, через которую они взаимно дополняют друг друга, чем создают условия для успешного функционирования всей системы [8, с. 72].

А.Н. Литвинов и Т.С. Гавриш считают, что взаимодействие в сфере профилактической деятельности представляет собой взаимную связь между субъектами профилактики, выраженную в согласованных действиях между ними [9, с. 106].

А.А. Аксенов обращает внимание на равноправие субъектов, осуществляющих совместную деятельность, как на важнейший признак, характеризующий неподчиненных друг другу субъектов управленческой деятельности [10, с. 34]. По мнению Т.Л. Маркелова, комплексность категории «взаимодействие» подтверждается тем, что данная деятельность включает в себя действия субъектов, работающих совместно, по обращению, взаимосвязи и взаимопомощи в решении общих задач [11, с. 110].

В научной литературе по вопросам государственного управления выделяют три взаимодействующие модели: совместно-индивидуальная деятельность, совместно последовательная деятельность, совместно взаимодействующая деятельность. Названные виды совместной деятельности характерны и для ОВД.

Взаимодействие в системе ОВД принято подразделять на внутреннее и внешнее. Внутрисистемное взаимодействие ОВД – это взаимодействие служб и подразделений самого ОВД, внешнее предполагает совместную деятельность ОВД с другими государственными и общественными органами, а также гражданами.

Как отмечает И.С. Баженов, в организации внесистемного взаимодействия главным субъектом является руководитель органа ОВД на любом уровне управления. Автор объясняет это тем, что на

данного руководителя возложена задача борьбы с преступностью, а без должной организации внесистемного взаимодействия с иными правоохранительными и государственными органами невозможна эффективная работа по обеспечению общественной и личной безопасности [12, с. 288].

Категорию «взаимодействие» необходимо отличать от термина «координация» (координационная деятельность). Так, С.И. Ожегов координацию определяет как согласование, установление целесообразного соотношения между какими-нибудь действиями, явлениями [5, с. 194].

С.В. Якубов считает, что координационную деятельность следует рассматривать как предусмотренные законом, объективно обусловленные и постоянно согласованные действия правоохранительных органов с целью реализации субъектами правоохранительной деятельности совместных мероприятий по наиболее актуальным направлениям противодействия правонарушениям и преступлениям. Данный вид деятельности, по убеждению автора, реализуется под организационным руководством соответствующего органа. Результат координационной деятельности – осуществление уголовно-правовой политики государства по противодействию преступности и обеспечению безопасности человека, общества и государства [13, л. 56].

По мнению Р.Н. Зинурова, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью представляет собой предусмотренное законом, объективно обусловленное, согласованное и постоянное взаимодействие, осуществляемое под организационным руководством соответствующей территориальной прокуратуры с целью реализации субъектами правоохранительной деятельности совместных действий (мероприятий) по противодействию правонарушениям и преступлениям [14, л. 33].

На первом этапе всеми совместно работающими органами проводится информационно-аналитическая работа, определяются участники и возможные формы взаимодействия с ними. На следующем этапе – подготовительном – составляется порядок организации взаимодействия. Далее на этапе проектирования совместной деятельности разрабатываются специализированные программы и планы работы; определяются общие цели и задачи, система будущих мероприятий. На этапе принятия решений созданные планы и программы трансформируются в совместные решения и корректируются с учетом меняющейся действительности. На этапе непосредственного осуществления взаимодействия реализуются совместно принятые решения и запланированные мероприятия. На контрольном этапе проводится проверка исполнения решений, принятых взаимодействующими субъектами. Заключительный этап обратной связи предполагает оценку эффективности принятых решений и качества их реализации, а также включает определенные корректировки [82, с. 57].

По мнению Д.Н. Безрядина, к основным формам взаимодействия ОВД с другими государственными и общественными структурами следует относить: обмен информацией, выполнение отдельных мероприятий по просьбе иной службы, согласованное планирование мероприятий, оказание содействия в выполнении мероприятий другой службой; совместное проведение отдельных мероприятий, создание специальной группы для решения конкретных задач [15, с. 92].

Н.Д. Нечевина к формам взаимодействия ОВД с другими органами и гражданами относит разработку и реализацию совместных планов и отдельных мероприятий, совместное изучение состояния преступности и общественного мнения, обмен необходимой информацией, совместную разработку рекомендаций (предложений) по вопросам укрепления законности и общественного порядка, проведение совместных мероприятий в области правовой пропаганды, подготовку граждан, участвующих в обеспечении правопорядка [16, с. 59].

ОВД в соответствии с ч. 1 ст. 1 Закона об ОВД являются государственными правоохранительными органами, осуществляющими борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающими общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них законодательными актами Республики Беларусь.

Основные задачи ОВД закреплены ст. 2 Закона об ОВД, одной из которых является профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений, производство дознания по уголовным делам, ведение административного процесса в соответствии с их компетенцией.

Согласно Положению о Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, утвержденному Указом Президента Республики Беларусь от 21 мая 2012 г. № 237 «О некоторых вопросах Государственной инспекции охраны животного и

растительного мира при Президенте Республики Беларусь», Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь (далее – Государственная инспекция) является специально уполномоченным государственным органом, осуществляющим в пределах своей компетенции государственный контроль за охраной и использованием диких животных, относящихся к объектам охоты и рыболовства, древесно-кустарниковой растительности и иных дикорастущих растений, лесного фонда, земель под дикорастущей древесно-кустарниковой растительностью (насаждениями), обеспечением рыбоводческими организациями сохранности рыбы, содержащейся в прудах этих организаций.

Основными задачами Государственной инспекции являются осуществление государственного контроля за исполнением законов, решений Президента Республики Беларусь, Правительства Республики Беларусь и других государственных органов, регулирующих отношения охраны и использования объектов животного и растительного мира, земель, а также осуществление государственного контроля за обеспечением рыбоводческими организациями сохранности рыбы, содержащейся в прудах этих организаций.

Для реализации поставленных задач Государственная инспекция наделена широкими полномочиями. Общей функцией, пересекающейся с деятельностью ОВД, является самостоятельное или во взаимодействии с другими государственными органами и иными организациями осуществление предупреждения, выявления и пресечения правонарушений и ведение административного процесса. И если в отношении последней функции составы правонарушений разделены по отдельным статьям КоАП, и каждый государственный орган вправе вести административный процесс только по тем правонарушениям, которые отражены в данных статьях, то деятельность по предупреждению, выявлению и пресечению экологических правонарушений и преступлений в большинстве случаев носит совместный характер и подпадает под правовую категорию «взаимодействие».

Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что компетенция ОВД по данному направлению деятельности намного шире, чем у Государственной инспекции. Это обусловлено следующими факторами. Во-первых, по Закону об ОВД профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений отнесена к основным задачам ОВД. Предупреждение, выявление и пресечение правонарушений является одной из многочисленных функций, составляющих содержание компетенции Государственной инспекции, необходимым видом деятельности для достижения задач данного государственного органа. Во-вторых, согласно Закону об ОВД сотрудники осуществляют профилактику, выявление, пресечение не только административных правонарушений, но и преступлений. Государственная инспекция вправе осуществлять данные мероприятия только в отношении административных правонарушений и вести соответствующие административные процессы. В сфере расследования экологических преступлений можно только предположить, что ОВД и Государственная инспекция могут осуществлять совместную деятельность, так как данный вопрос в Положении о государственной инспекции не урегулирован.

Основным законодательным актом, направленным на совершенствование правовых и организационных основ деятельности по профилактике правонарушений, является Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон об основах деятельности по профилактике правонарушений). Исходя из смысла данного закона можно заключить, что предупреждение правонарушений рассматривается как одно из профилактических направлений.

Однако в Положении о Государственной инспекции предупреждение наряду с выявлением и пресечением правонарушений определено в виде одной из функций данного государственного органа. Закон ОВД для раскрытия данной задачи использует термин «профилактика», что соответствует Закону об основах деятельности по профилактике правонарушений.

В целях исключения неправильного толкования норм права предлагается изменить и изложить подп. 10.2 п. 10 гл. 2 Положения о Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь 21 мая 2012 г. № 237, в следующей редакции: «10.2. самостоятельно или во взаимодействии с другими государственными органами и иными организациями осуществляет функции по профилактике, выявлению и пресечению правонарушений».

В соответствии со ст. 5 Закона об основах деятельности по профилактике правонарушений Государственная инспекция является одним из субъектов такой профилактики. Однако больше в тексте названного закона Государственная инспекция не упоминается и о ее роли в проведении мероприятий по профилактике правонарушений можно только сделать предположение. С учетом того, что именно в профилактической деятельности ОВД и Государственная инспекция осуществляют совместную работу, в Закон об основах профилактики правонарушений необходимо добавить положения, содержащие профилактические мероприятия, выполняемые как Государственной инспекцией самостоятельно, так и во взаимодействии с другими государственными органами, в частности с ОВД.

Следует отметить, что кроме Государственной инспекции ОВД в сфере охраны окружающей среды взаимодействуют и с другими государственными органами, например с Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды, Министерством здравоохранения, МЧС Республики Беларусь.

Таким образом, к основным видам взаимодействия ОВД с Госинспекцией относятся следующие: борьба с нарушениями экологического законодательства; выявление причин и условий, способствующих совершению экологических правонарушений; разработка мер по их предупреждению; оказание содействия работникам межрайонных инспекций в установлении личностей нарушителей природоохранного законодательства, привлечении их к ответственности; прием на временное хранение изъятого оружия и боеприпасов; организация совместных рейдов по выявлению нарушений Правил ведения охотничьих и рыболовных хозяйств, охоты и рыбной ловли, а также фактов незаконного нахождения транспортных средств вблизи водных объектов, водоохраных зон, мест массового отдыха и других запрещенных территорий; внесение ОВД представлений по фактам правонарушений; оказание содействия в осуществлении мер по охране и защите от загрязнения природных богатств; борьба с браконьерством и нарушениями правил охоты и рыболовства; регистрация, учет, надзор за техническим состоянием автотранспортных средств, принадлежащих физическим и юридическим лицам; осуществление охраны объектов природы или природных комплексов; обеспечение проведения мероприятий по рациональному использованию природных ресурсов (земли, леса, воды и других объектов природы).

Список использованных источников

1. Сапогин, А.Н. Экологическая деятельность органов внутренних дел : курс лекций / А.Н. Сапогин. – Минск : Акад. МВД, 2011. – 87 с.
2. Криминология : учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2005. – 912 с.
3. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть общая : учебник / С.Н. Бочаров [и др.]. – 4-е изд. с испр. и доп. – М. : МУ МВД России, Щит-М, 2003. – 308 с.
4. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть общая : учебник / О.И. Бекетов [и др.]. – М. : ЦОКР МВД России, 2009. – 264 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Мир и Образование ; Оникс, 2011. – 736 с.
6. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Рипол классик, 2006. – Т. 1. – 754 с.
7. Военный энциклопедический словарь / под ред. С.В. Ахромеева. – 2-е изд. – М. : Воениздат, 1986. – 863 с.
8. Туманов, Г.А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка / Г.А. Туманов. – М. : Юрид. лит., 1972. – 232 с.
9. Литвинов, А.Н. Профилактика преступлений. От теории к практике : науч.-практ. пособие / А.Н. Литвинов, Т.С. Гавриш. – М. : ЭКМОС, 2003. – 160 с.
10. Аксенов, А.А. Организация взаимодействия в системе исправительно-трудовых учреждений : учеб. пособие / А.А. Аксенов. – Рязань : Науч.-исслед. и ред.-изд. отд., 1979. – 69 с.
11. Маркелов, Т.Л. Взаимосвязь органов прокуратуры с общественностью в борьбе с правонарушениями / Т.Л. Маркелов // Проблемы участия общественности в борьбе с преступностью : сб. науч. тр. – М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1978. – С. 110–122.
12. Баженов, И.С. К вопросу о понятии и содержании организации внесистемного взаимодействия органов внутренних дел / И.С. Баженов // «Чер. дыры» в рос. законодательстве. – 2007. – № 2. – С. 288–290.

13. Якубов, С.В. Административно-правовая сфера деятельности органов прокуратуры : координация противодействия правонарушениям : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С.В. Якубов. – М., 2008. – 198 л.
14. Зинуров, Р.Н. Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (Тенденции и закономерности) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11 / Р.Н. Зинуров. – Уфа, 2003. – 351 с.
15. Безрядин, Н.П. Взаимодействие органов прокуратуры и арбитража в предупреждении потерь материальных ценностей / Н.П. Безрядин // Вопросы укрепления социалистической законности в хозяйственных отношениях. – М., 1978. – С. 91–98.
16. Нечевина, Н.Д. Правовое регулирование участия граждан в обеспечении правопорядка в современный период : монография / Н.Д. Нечевина. – М. : ВНИИ МВД России, 2006. – 62 с.

Дата поступления в редакцию: 08.07.19

M.A. Kravtsova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Economic Security of Academy of the MIA of the Republic of Belarus

INTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES WITH ENVIRONMENTAL AUTHORITIES IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

We consider the public relations that are developing in the field of environmental protection in the framework of the interaction of the State Inspectorate for the Protection of Fauna and Flora under the President of the Republic of Belarus with the internal affairs bodies. The content of law enforcement activities of the internal affairs bodies in the environmental field is determined. It is emphasized that interaction can be expressed in the exchange of information, joint planning and implementation of any activities and in other forms.

Keywords: law enforcement agencies, violations of environmental legislation; interaction, prevention, crime prevention, environmental protection.

УДК 342.4

*Е.Н. Мазаник, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: mazanik.e@mail.ru)*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются вопросы конституционного контроля в Республике Беларусь. Акцентируется внимание на порядке осуществления конституционного контроля со стороны органов судебной власти и применении ими норм Конституции Республики Беларусь.

Ключевые слова: конституционный контроль, государственные органы, Конституционный Суд, судебная власть, конституционное правосудие.

Правовая система любого современного государства эффективно функционирует лишь при условии соблюдения иерархии нормативных правовых актов, в первую очередь соответствия их Конституции, нормы которой являются основой правового государства, идеологической ценностью и выражением мнения его граждан. Основную роль в соблюдении данного условия играет конституционный контроль.

Идея контроля за конституционностью правовых актов появилась в начале XVII в. в Великобритании и была связана с деятельностью Тайного совета, который признавал законы легислатур (законодательных собраний) колоний недействительными, если они противоречили законам английского Парламента, изданным для этих колоний, или общему праву.

Институт конституционного контроля возник в Соединенных Штатах Америки в 1803 г. по решению Верховного суда США, который постановил, что федеральная Конституция – высший закон страны, и любой закон Конгресса, противоречащий Конституции, может быть признан судом неконституционным. Этот пример позднее был заимствован рядом латиноамериканских государств (Доминиканская Республика (1844), Мексика (1847), Аргентина (1860), Бразилия (1891) [1, с. 16]. До Первой мировой войны ему последовали некоторые европейские страны –

Норвегия, Греция, частично Швейцария. В дальнейшем эту модель с теми или иными оговорками использовали Боливия, Колумбия, Дания, Канада, Австралия и др.

На европейском континенте модель конституционной юстиции сформировалась в начале XX в. Идея европейской модели принадлежит австрийскому юристу Г. Кельзену, участнику разработки австрийского Федерального конституционного закона 1920 г. Впервые она была закреплена в Конституции Чехословакии 1920 г., образовавшей отдельный Конституционный суд [1, с. 20]. После Второй мировой войны отдельные конституционные органы были созданы в Испании, Турции, Франции, Португалии.

Термин «конституционный контроль» понимается в широком (распространяется на все издаваемые акты) и узком (осуществляется в отношении актов законодательной власти) смыслах [1, с. 15].

Конституционный контроль – это установленная Конституцией или иным законом процедура контроля над содержанием правовых актов, принимаемых в государстве, на предмет их соответствия Конституции [2, с. 38] осуществляемая уполномоченными органами.

В юридической литературе различают две формы конституционного контроля: предварительный и последующий. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» предварительный контроль заключается в обязательной проверке конституционности законов, принятых Парламентом Республики Беларусь, а также не вступивших в силу международных договоров. Последующий – проведение Конституционным Судом проверки конституционности актов, указанных в ч. 4 ст. 116 Конституции Республики Беларусь.

Большинство ученых сходятся во мнении, что конституционный контроль призван обеспечивать конституционную законность и разрешать спорные ситуации между различными органами государственной власти в части правотворчества и правоприменения.

При введении в свою правовую систему определенной модели конституционного контроля государствами учитывались особенности системы государственных органов, национальных правовых систем, исторические предпосылки, а также социально-экономические условия.

Основными моделями конституционного контроля в настоящее время являются американская, европейская и смешанная.

Для американской модели характерно осуществление контроля всеми судами; контроль является последующим и связан с рассмотрением конкретного спора [2, с. 41]. К этой же системе относится проверка конституционности только верховными судами. Конституционный контроль осуществляется посредством общих процедур, используемых при разрешении других споров в отношении всех нормативных правовых актов. При этом суды действуют изолированно и независимо друг от друга, что не способствует выработке единой позиции относительно применения того или иного правового акта. Решения суда являются обязательными только для спорящих сторон и не обязывают иных субъектов правоприменительной деятельности. Американская модель ограничивает возможности проверки конституционности актов, которые не затрагивают права граждан, однако вызывают сомнения в их конституционности у других субъектов права [3, с. 13, 14].

В качестве положительного опыта применения американской модели конституционного контроля можно рассматривать то обстоятельство, что инициировать проверку применяемого нормативного правового акта могут все субъекты, которые могут обращаться в суды общей юрисдикции.

Европейская модель носит централизованный характер: создается специализированный орган конституционного контроля, задачей которого является проверка на соответствие Конституции в первую очередь правовых актов. Он также может наделяться и иными полномочиями [2, с. 41].

Специализация как правило приводит к росту профессионализма и совершенствованию осуществления того или иного вида деятельности. Тем не менее наличие конституционных и общих судов может привести к принятию различных, а порой и противоречивых решений по одному и тому же вопросу [3, с. 13]. Рассматриваемая модель ограничивает круг субъектов, обладающих правом инициировать конституционный контроль.

В научной литературе четко не определены критерии отнесения конституционного контроля к смешанной модели. Большинство исследователей указывают, что она предполагает сочетание

ряда элементов вышеназванных моделей [2, с. 41]. К признакам смешанной модели относят проведение контроля различными органами в отношении актов различного происхождения.

Отдельные авторы выделяют «модель британского Содружества», «смешанную американско-европейскую» (гибридную), «французскую», «иберийскую» (южноамериканскую) модели и др.

Государства – участники СНГ в основном избрали европейскую модель конституционного контроля, когда контроль осуществляется специализированным органом.

Специфическим органом европейской модели является Конституционная палата Верховного Суда Кыргызстана, которая также является обособленным, специализированным органом конституционного контроля (имеет собственную нормативную правовую базу, наделена полномочиями, которые не могут быть переданы Верховному Суду, предусмотрен особый порядок ее формирования, итоговые акты Конституционной палаты не могут быть изменены Верховным Судом). Исключением из всех стран СНГ является Туркменистан, где реализована модель «советской эпохи», при которой соответствующими полномочиями наделен законодательный орган государственной власти [4, с. 7].

В научной литературе также нет единого мнения относительно модели конституционного контроля, реализуемой в Республике Беларусь.

По мнению М.С. Кургузикова, правовая охрана конституций в странах СНГ, участницей которого является и Республика Беларусь, реализована на основе европейской модели конституционного контроля, когда в системе органов государственной власти формируется специализированный обособленный орган, основной задачей которого является проверка конституционности нормативных правовых актов [4, с. 7].

Г.А. Василевич пишет: «Если исходить из содержания ст. 112, 116 Конституции Республики Беларусь, можно сказать, что у нас присутствуют элементы смешанной модели конституционного контроля. Однако на практике суды (общие, экономические) свои полномочия в данной сфере не реализуют, отсутствует взаимодействие между ними и Конституционным Судом в вопросе непосредственного применения конституционных норм [2, с. 42].

В то же время А.В. Гулякевич в качестве одной из особенностей европейской модели конституционного контроля приводит следующее: «Создание органа конституционной юстиции не лишает иные суды полномочий контролировать конституционность актов государственных органов за пределами юрисдикции Конституционного Суда» [5, с. 9]. Он утверждает, что в Республике Беларусь сложилась «смешанная» система конституционного контроля, где вопросы конституционности наряду с Конституционным Судом Республики Беларусь решают и другие государственные органы и должностные лица в пределах своих конституционных возможностей [6, с. 7].

Однако, несмотря на то, что государственные органы, находясь в иерархической подчиненности, обладают правом отмены актов нижестоящих органов, не всегда причиной отмены является неконституционность последних. В ч. 1 ст. 116 также определяется, что контроль за конституционностью нормативных актов в государстве осуществляется Конституционным Судом Республики Беларусь.

Проанализировав признаки основных моделей конституционного контроля, а также мнения ученых, можно сделать вывод о том, что вопрос отнесения конституционного контроля в Республике Беларусь к той или иной модели остается дискуссионным.

Также не выработана единая позиция исследователей относительно места органов конституционного контроля в системе ветвей власти.

Отдельные авторы считают, что органы конституционного контроля не входят ни в одну из ветвей власти, их можно отнести к особой, четвертой ветви – контрольной [7, с. 14].

По мнению Г.А. Василевича, И.Ю. Остаповича, место органов конституционного контроля в системе государственных органов характеризуется относительным своеобразием. С одной стороны, они отнесены к органам судебной власти, причем в законодательстве различных стран это могут быть суды общей юрисдикции либо специализированные суды. С другой – их деятельность осуществляется независимо не только от органов законодательной и исполнительной власти, но и может напрямую влиять на принятие решений последними [8, с. 21].

А.В. Гулякевич пишет, что наряду с Конституционным судом в системе конституционного контроля активно функционируют Президент Республики Беларусь, законодательная, исполнительная и судебная власти, взаимодействуя с Конституционным судом, сдерживая и взаимно дополняя друг друга и, в конечном счете, достигая единой цели – укрепления законности и правопорядка в стране [6, с. 1]. Более того, он пишет о необходимости широкого понимания термина «конституционный контроль», который должен осуществляться всеми ветвями власти для соблюдения соответствия нормативных правовых актов Конституции Республики Беларусь [6, с. 3].

По мнению А.Н. Пугачева, независимо от того, рассматривается конституционный контроль в качестве четвертой власти, как это было предусмотрено Конституцией Республики Беларусь 1994 г., либо на конституционном уровне закрепляется дуализм системы единой судебной власти, как это отражено в Конституции Республики Беларусь 1994 г., главной, основной формой деятельности этого органа является судебная, причем Конституционный Суд стоит на одном уровне с другими высшими органами государственной власти. Но поскольку действующей Конституцией данный институт включен в систему «сдержек и противовесов», он, как и другие органы государства, несет в себе признаки, свойственные каждой из противоположных властей [9, с. 4].

В соответствии с ч. 4 ст. 116 Конституции Республики Беларусь субъектами инициативы конституционного контроля являются Президент Республики Беларусь, Палата представителей, Совет Республики, Верховный Суд, Совет Министров. Из этой нормы следует, что роль указанных государственных органов в системе конституционного контроля является весьма значимой, но ведущие позиции занимает Конституционный Суд Республики Беларусь.

Однако ст. 5 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей закреплено, что Конституционный Суд входит в судебную систему и является органом судебного контроля за конституционностью нормативных правовых актов в государстве, осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

Возвращаясь к позиции Г.А. Василевича относительно реализации ч. 2 ст. 112 Конституции, следует отметить, что в научных трудах значительного количества белорусских авторов указанному вопросу уделяется большое внимание.

Н.А. Карпович отмечает, что в соответствии с Кодексом о судостроительстве и статусе судей ходатайства о внесении предложения в Конституционный суд о проверке конституционности нормативного правового акта суды общей юрисдикции в лице председателей соответствующих судов вносят в Верховный Суд. Президиум Верховного Суда, рассмотрев данные ходатайства, в случае признания их обоснованными обращается в Конституционный суд с предложениями о даче заключений [10, с. 143].

Гулякевич А.В. предлагает «ст. 7 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей дополнить нормой следующего содержания: «Если при рассмотрении дела в любой инстанции суд (судья) придет к выводу о несоответствии Конституции Республики Беларусь нормативного правового акта, подлежащего применению в конкретном деле, он принимает решение в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и сообщает о принятии такого решения в Конституционный Суд Республики Беларусь, Верховный Суд Республики Беларусь, Генеральную прокуратуру Республики Беларусь [6, с. 4, 5].

При систематическом обращении судей (два и более раза в год) в Конституционный Суд Республики Беларусь и отсутствии соответствующих обращений в орган конституционного контроля по вопросам конституционности этих нормативных правовых актов со стороны государственных органов, обладающих правом инициировать проверку конституционности акта в соответствии с ч. 4 ст. 116 Конституции Республики Беларусь, Конституционный Суд Республики Беларусь вправе ставить вопрос перед Президентом Республики Беларусь о необходимости анализа их правоприменительной практики, в частности, о ее соответствии нормам и принципам Конституции Республики Беларусь» [6, с. 5].

По мнению А.Н. Пугачева, необходимо вменить в обязанности судам общей компетенции инициировать возбуждение процесса, связанного с проверкой нормативного акта, если у них возникают сомнения относительно его конституционности при применении в конкретном деле [9, с. 5].

На основе анализа мнения ученых и нормативных правовых актов Республики Беларусь можно сделать следующие выводы.

В соответствии с ч. 2 ст. 112 и ч. 4 ст. 116 Конституции в Республике Беларусь законодательно закреплена «смешанная» модель конституционного контроля.

Проблема реализации положений ч. 2 ст. 112 Конституции Республики Беларусь, по мнению автора, состоит в следующем. Нормы Конституции обладают прямым действием и могут использоваться в судебной правоприменительной практике. В то же время, несмотря на то что в судебном разбирательстве могут исследоваться нормативные правовые акты, изданные различными государственными органами, суд при принятии решений по конкретному делу руководствуются, как правило, законами (кодексами), которые проходят предварительный конституционный контроль до подписания их Президентом Республики Беларусь, что подразумевает соответствие их Конституции Республики Беларусь. Принятие судом (судьей) обоснованного решения об использовании нормы Конституции напрямую предполагает углубленные знания в области конституционного права.

В заключение следует отметить, что в Республике Беларусь избрана оптимальная модель конституционного контроля, позволяющая эффективно использовать систему сдержек и противовесов в правотворчестве государственных органов, наделяющая суды общей юрисдикции компетенцией принимать решения в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и осуществлять предварительный и последующий конституционный контроль.

Список использованных источников

1. Конституционный контроль в зарубежных странах : учеб. пособие / И.А. Алебастрова [и др.] ; отв. ред. В.В. Маклаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. – 671 с.
2. Василевич, Г.А. Конституционное правосудие / Г.А. Василевич. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – 277 с.
3. Ломовцева, М.Л. Российская и американская системы конституционного контроля: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М.Л. Ломовцева ; Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2004. – 23 с.
4. Кургузиков, М.С. Конституционный контроль в странах Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М.С. Кургузиков ; Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2016. – 25 с.
5. Гулякевич, А.В. Конституционный контроль : пособие / А.В. Гулякевич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 102 с.
6. Гулякевич, А.В. Контроль за конституционностью нормативных правовых актов в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.В. Гулякевич ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – 25 с.
7. Ермолов, И.А. Роль конституционных судов в осуществлении конституционного контроля в республиках Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И.А. Ермолов ; Рос. Акад. наук ; Ин-т г-ва и права. – М., 2002. – 26 с.
8. Василевич, Г.А. Нормативность решений специализированных органов конституционного контроля в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан: сравнительно-правовое исследование / Г.А. Василевич, И.Ю. Остапович. – Минск : Право и экономика, 2016. – 310 с.
9. Пугачев, А.Н. Конституционный суд Республики Беларусь (теоретико-правовые проблемы организации и функционирования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Н. Пугачев ; Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы. – Гродно, 1999. – 18 с.
10. Совершенствование доступа к конституционному правосудию : материалы Междунар. конф., посвящ. 5-летию Конституц. Суда Респ. Беларусь (Минск, 30–31 мая 2019 г.) / редкол.: Н.А. Карпович [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2019. – 180 с.

Дата поступления в редакцию: 21.10.19

E.N. Mazanik, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

CONSTITUTIONAL CONTROL IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article presents the analysis of problems, connected with the implementation of the constitutional control in the Republic of Belarus. The emphasis is made upon the order of implementing constitutional control by the bodies of judicial power and the order they exercise the rules of the Constitution of the Republic of Belarus.

Keywords: constitutional control, state bodies, Constitutional court, judicial power, constitutional justice.

УДК 342

А.А. Подупейко, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Рассматриваются международные стандарты, основные принципы в сфере защиты прав несовершеннолетних. Выделены этапы разработки и принятия правовых норм по защите прав несовершеннолетних на международном уровне. Представлена характеристика основных международных документов и проведено анализ соответствия законодательства Республики Беларусь международным актам в сфере защиты прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: принципы, защита, права несовершеннолетних, декларация, конвенция, Конституция Республики Беларусь.

Несовершеннолетние должны иметь право на особые защитные меры, и во многих странах уже имеют. Установление таких возможностей обусловлено тем, что последствия негативного воздействия среды и социума для них могут быть более разрушительными, чем для взрослых, так как именно в этот период идет развитие и становление личности в социальной, психологической и физической областях. Насилие и хронический стресс отрицательно влияют на физическое и психологическое здоровье любого человека, а юного – в большей степени, и могут привести к некоторым отклонениям в организме. Подростки не отдают себе отчет о собственном, иногда рискованном поведении, и только ищут себя в обществе, а выработанные поведенческие модели будут использовать во взрослой жизни. Пострадавшие от преступления несовершеннолетние часто замыкаются в себе, испытывают определенные страдания и страх, стеснение, теряют чувство безопасности и доверие ко взрослым. Некоторые начинают злоупотреблять психоактивными веществами и наркотиками, чтобы заглушить эмоциональные страдания, предпринимают попытки суицида [1, с. 51–56].

Активно проблемами обеспечения и защиты прав и свобод детей ученые и политики стали заниматься достаточно давно. Огромное влияние на развитие национальных законодательств в области защиты прав несовершеннолетних (детей) оказали принятые международные нормативные акты. Можно выделить несколько этапов разработки и принятия правовых норм, регулирующих в различной степени жизнедеятельность детей.

Первый этап (конец XIX в. – начало XX в.) ознаменован образованием первой организации по защите прав детей «Спасите детей» (Великобритания, 1919 г.). Главной целью организации стало создание структур и условий по защите детей во всем мире. Позже в Женеве создан «Международный союз спасения детей» (1920 г.) и принята Женевская Декларация по защите прав детей (1923 г.).

В 1924 г. Пятой Ассамблеей Лиги Наций в Женеве одобрена и утверждена «Декларация прав ребенка» – первый международный документ по правам ребенка, ставший своеобразной программой для создания одинаковых условий на воспитание, образование, обеспечение, физическое и духовное развитие. Документ призывал родителей, общественные организации, правительство признать права детей и совместно воплощать их в жизнь. Таким образом, провозглашались принципы, направленные на защиту от рабства, детской проституции и торговли детьми.

Второй этап (середина XX в.), связанный с образованием в 1946 г. Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), стал началом деятельности Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) по защите прав детей.

В 1948 г. ГА ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека, в которой отмечается, что «материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой» (ст. 25).

Однако в определении правового статуса несовершеннолетнего особое значение обрела принятая ГА ООН 20 ноября 1959 г. Декларация прав ребенка (далее – Декларация), где предусматривались наиболее важные правила принципиального характера. Одним из основных таких правил стало равенство прав всех без исключения детей, без различия или дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, нацио-

нального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства, касающегося самого ребенка или его семьи. Кроме того, в Декларации не только перечислялись права ребенка как гражданина, но и выделялись в качестве самостоятельных положения, касающиеся его воспитания в семье.

Следующий этап (конец XX в.) характеризуется принятием международным сообществом ряда важнейших актов по защите прав несовершеннолетних. Например, Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, – Пекинские правила (29 ноября 1985 г.) – отражают две важнейшие цели отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (п. 5). Первая – содействие благополучию несовершеннолетнего – главная цель тех правовых систем, в которых делами несовершеннолетних правонарушителей занимаются суды по семейным делам или административные власти. Но в то же время уточняется, что благополучию несовершеннолетнего должно уделяться особое внимание и в правовых системах, придерживающихся модели уголовного преследования, что поможет избежать именно карательных санкций (см. также п. 14). Вторая – соблюдение «принципа соразмерности», широко известного как средство ограничения использования карательных санкций, выражающихся, в основном, в использовании принципа воздаяния по заслугам в соответствии с тяжестью правонарушения.

Реакция на действия молодых правонарушителей должна основываться не только на тяжести правонарушения, но и учитывать особенности личности. Индивидуальные особенности правонарушителя (например, социальный статус, положение в семье, ущерб, нанесенный правонарушителем и прочие факторы, связанные с личностью правонарушителя) должны оказывать влияние на соразмерность ответных действий (например, принятие во внимание желания правонарушителя компенсировать ущерб, нанесенный жертве, или желание вести полноценную и полезную жизнь) [2, с. 297–298].

Необходимо также отметить и международно-правовой акт – Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.). Система правосудия в отношении несовершеннолетних обязана защищать их право на безопасность и содействовать их хорошему физическому и умственному состоянию. В указанном документе говорится о том, что тюремное заключение должно применяться лишь как крайняя мера.

Современное международное право сформировало правовые нормы, еще в большей степени направленные на защиту и регулирование прав несовершеннолетних. Они закреплены в универсальных и региональных договорах обязательного и рекомендательного характера. Основной является Конвенция ООН о правах ребенка (далее – Конвенция), принятая Генеральной Ассамблеей 20 ноября 1989 г. и вступившая в силу 2 сентября 1990 г. (ратифицирована Республикой Беларусь 28 июля 1990 г.).

По сравнению с Декларацией (включает 10 коротких декларативных положений) Конвенция уже содержит 54 статьи, учитывающие практически все стороны, связанные с жизнью и положением ребенка в обществе. Данный законодательный документ не только конкретизирует, но и развивает положения Декларации, возлагая на принявшие ее государства правовую ответственность за действия в отношении детей. Конвенция в частности утверждает признание ребенка частью человечества и недопустимость его дискриминации; провозглашает приоритет интересов детей перед потребностями государства и общества; акцентирует внимание на необходимость особой заботы о сиротах, инвалидах, беженцах, правонарушителях; провозглашает ребенка полноценной и полноправной личностью, самостоятельным субъектом права.

Государства – участники Конвенции должны совершенствовать национальное законодательство и привести его в соответствие с ее положениями, способствовать повышению эффективности внутригосударственных механизмов защиты прав несовершеннолетних, а ключевой целью каждого государства должно стать улучшение положения детей, создание условий для их благоприятной жизнедеятельности, развития и обучения.

Таким образом, можно отметить, что в процессе становления правового регулирования статуса несовершеннолетних в нормах международного права несовершеннолетний прошел путь от объекта защиты до самостоятельного субъекта правоотношений.

Исходя из анализа международных договоров международное сообщество в сфере защиты несовершеннолетних движется по пути, включающему восемь основных позиций:

1. Создание единых стандартов прав и свобод несовершеннолетнего, которые должны обязательно соблюдаться государствами – участниками международных договоренностей в рамках национального правопорядка.

2. Образование специального механизма контроля соблюдения принятых государствами обязательств.

3. Поощрение функционирования международных и региональных организаций, принимающих активное участие в оказании социальной помощи и защите несовершеннолетних. Например, в соответствии со ст. 43 Конвенции о правах ребенка для оценки результатов, достигнутых государствами в выполнении обязательств, принятых ими на себя при ратификации Конвенции, в 1991 г. был создан Комитет ООН по правам ребенка. Свой первый доклад о соблюдении прав ребенка государства должны представить спустя два года после ратификации Конвенции. Впоследствии доклады представляются каждые пять лет.

В январе 1993 г. Комитет по правам человека принял «Заключительные замечания», в которых: рекомендовал государствам-участникам провести всеобъемлющую судебную реформу в том, что касается отправления правосудия в отношении несовершеннолетних; выразил озабоченность практикой направления детей, лишенных семейного окружения, в интернатные учреждения и рекомендовал развивать альтернативные формы ухода за детьми; выразил озабоченность случаями грубого и жестокого обращения с детьми как в семье, так и вне ее и предложил разработать процедуры и механизмы для рассмотрения жалоб детей на грубое и жестокое обращение с ними.

4. Разработка и внедрение комплексных социальных программ для оказания помощи наиболее нуждающимся семьям и детям (программы сети ЮНЕСКО по вынужденным переселенцам, программа ООН по профилактике распространения ВИЧ/СПИДа и др.).

5. Развитие сети уполномоченных по правам ребенка. Во многих странах мира данный институт получил широкое распространение (Австрия, Дания, Исландия, Испания, Норвегия, Финляндия, Швеция и др.).

6. Распространение знаний о правах несовершеннолетних и необходимости их защиты.

7. Совершенствование профессиональной подготовки специалистов – социальных педагогов и социальных работников, определение их роли и профессиональных характеристик как субъектов социальной защиты детства.

8. Совершенствование национальных систем социальной защиты детства с ориентацией на достижения мирового опыта.

Проведенный анализ прав и социальной защиты несовершеннолетних в зарубежных странах позволил обозначить две основные модели. Первая (Австрия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Италия, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция и др.) базируется на теории государства всеобщего благосостояния, согласно которой на государственном уровне проводится активная социальная политика, ориентированная на создание достойного уровня жизни, социального равенства, справедливости. Специфика модели заключается в доминирующей роли участия государства в сфере социальной защиты детства, несовершеннолетних.

Ориентация европейской стратегии защиты детства на принцип приоритета интересов несовершеннолетнего позволяет рассматривать социальную защиту детства в числе главных факторов экономического и социально-культурного развития цивилизованного общества. Право несовершеннолетнего на социальную защиту является основополагающим социально-экономическим правом человека и зафиксировано на конституционном уровне.

Вторая модель (США, страны Латинской Америки) отличается практическим отсутствием официально сформулированной государственной социальной политики защиты детства и характеризуется децентрализацией, проявляющейся в отсутствии централизованно координируемой детской и молодежной политики. Проблемы детства находятся в компетенции ряда министерств и ведомств на разных уровнях, не взаимосвязанных между собой. Отсюда отличие в содержании социальной защиты детства в территориальных рамках одного и того же государства.

Активными субъектами социальной защиты несовершеннолетних являются общественные и благотворительные организации. В государственных мероприятиях по социальной защите детства преобладает программно-целевой подход – реализация различных национальных программ помощи только нуждающимся категориям детей и семьям с детьми. Широко развита сеть социальной инфраструктуры для детей, большинство учреждений из которых платные.

Таким образом, защита прав ребенка на международном уровне и в зарубежных странах осуществляется в различных формах посредством различных механизмов и различных органов и организаций. Основная проблема в этой области заключается в рекомендательном характере большинства принимаемых решений и отдаленности деятельности многих структур от реальной жизни и реальных прав конкретных лиц.

Республика Беларусь как субъект международного сотрудничества также вносит свой вклад в обеспечение и гарантированность прав и свобод несовершеннолетних, а Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция) устанавливает, что «обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства. Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции и законах и предусмотренные международными обязательствами государства» (ст. 21). Так, всем комплексом прав и свобод обладают и дети, т. е. несовершеннолетние. Более того, ст. 32 Конституции закреплено, что «родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении. Ребенок не должен подвергаться жестокому обращению или унижению, привлекаться к работам, которые могут нанести вред его физическому, умственному или нравственному развитию».

Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им своего законодательства (ст. 8 Конституции). Беларусь ратифицировала все основные международные акты в области защиты прав несовершеннолетних (детей) и, реализуя свои обязательства перед мировым сообществом, приняла ряд законодательных актов в данной сфере. Важнейшим из них является Закон «О правах ребенка» (далее – Закон). Уже в преамбуле отмечается, что Закон основывается на Конституции Республики Беларусь, Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 г., определяет правовой статус ребенка как самостоятельного субъекта и направлен на обеспечение его физического, нравственного и духовного здоровья, формирование национального самосознания на основе общечеловеческих ценностей мировой цивилизации. Здесь же закреплено, что важнейшей политической, социальной и экономической задачей Республики Беларусь является всесторонняя гарантированная защита государством и обществом детства, семьи и материнства нынешнего и будущих поколений. Особая забота и социальная защита гарантируются детям с особенностями психофизического развития, а также детям, временно либо постоянно лишенным своего семейного окружения или оказавшимся в других неблагоприятных условиях и чрезвычайных ситуациях.

Закон определяет принципы государственной политики в отношении ребенка, его правовой статус, обязанности организаций и физических лиц по защите детства (ст. 2). Защита прав и законных интересов ребенка обеспечивается комиссиями по делам несовершеннолетних, органами опеки и попечительства, прокуратурой и судом, а также иными организациями, уполномоченными на то законодательством Республики Беларусь, которые в своей деятельности руководствуются приоритетом защиты прав и законных интересов детей (ст. 3).

Основные права и обязанности обучающихся, а также принципы и меры социальной защиты определены в Кодексе Республики Беларусь об образовании (ст. 31–49). В данном документе под социальной защитой обучающихся понимается комплекс мер, установленных государством в целях обеспечения получения образования обучающимися, направленных на их материальное обеспечение, предоставление им государственных социальных льгот, прав и гарантий, предусмотренных законодательными актами. Финансирование расходов на обеспечение социальной защиты обучающихся осуществляется за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов, а также иных источников в соответствии с законодательством. При этом основными принципами социальной защиты обучающихся являются: гарантированность со стороны государства получения образования, материального обеспечения, государственных социаль-

ных льгот, прав и гарантий и адресность. К мерам социальной защиты относятся: пользование учебниками и учебными пособиями; обеспечение питанием; охрана здоровья; стипендии и другие денежные выплаты; обеспечение одеждой, обувью и другими необходимыми средствами и предметами первой необходимости; обеспечение местами для проживания в общежитиях; поддержка выпускников; отпуска и др.

В целях обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, предупреждения безнадзорности, беспризорности, правонарушений несовершеннолетних, выявления и устранения их причин и условий принят Закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Законодательство Республики Беларусь, регулирующее деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, основывается на Конституции Республики Беларусь, общепризнанных принципах международного права (ст. 3). Деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних основывается на принципах законности, демократизма, гуманного обращения с несовершеннолетними, поддержки семьи и взаимодействия с ней, индивидуального подхода к воспитанию несовершеннолетних с соблюдением конфиденциальности полученной информации, государственной поддержки органов, учреждений и иных организаций, осуществляющих деятельность, связанную с профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обеспечения ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних (ст. 2).

Подводя итог, необходимо выделить ряд выводов.

В процессе становления правового регулирования статуса несовершеннолетних в нормах международного права несовершеннолетний прошел путь от объекта защиты до самостоятельного субъекта правоотношений.

Защита прав ребенка на международном уровне и в зарубежных странах осуществляется посредством различных форм, механизмов, органов и организаций. Основная проблема заключается в рекомендательном характере большинства принимаемых в этой области решений.

Стандартными правозащитными принципами, в том числе и для несовершеннолетних (пострадавших от преступлений), являются: недискриминация, безопасное и справедливое обращение, доступ к правосудию, доступ к частным искам и компенсациям, статус пребывания, медицинские и иные услуги, репатриация и реинтеграция, международное сотрудничество.

Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и обеспечивает соответствие им законодательства в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Нарастающее внимание общественности к проблемам защиты прав человека в целом и прав детей в частности является той движущей силой, которая способна повысить эффективность существующих механизмов защиты прав человека.

Список использованных источников

1. Шруб, М.П. Антитрафикинг и права человека : пособие / М.П. Шруб. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 188 с.
2. Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – 2-е изд., доп. – М. : НОРМА-ИНФРА, 2002. – 944 с.

Дата поступления в редакцию: 24.10.19

A.A. Podupeyko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS

International standards, basic principles in the sphere of protection of the rights of minors are considered. The stages in the development and adoption of legal norms for the protection of the rights of minors at the international level are determined. Characteristics of the main international documents and analysis of compliance of the legislation of the Republic of Belarus with the international acts in the sphere of protection of the rights of minors are represented.

Keywords: principles, protection, rights of minors, declaration, convention, Constitution of the Republic of Belarus.

УДК 343.826:342.72/73

Р.А. Середя, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: Sereda_R@mail.ru);

А.Н. Володащук, заместитель начальника исправительного учреждения по тыловому обеспечению Исправительной колонии-поселения № 26 управления Департамента исполнения наказаний МВД по Гродненской области

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫМИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются проблемы восстановления социальных связей осужденных и подготовки их к освобождению в условиях отбывания наказания в исправительной колонии-поселении. Обосновывается вывод о том, что реализация данной категорией лиц социально-экономических прав является залогом их успешной ресоциализации. Акцентируется внимание на недостаточной правовой урегулированности отбывания наказания в таких условиях, что порождает ряд правовых коллизий и проблем правоприменения.

Ключевые слова: исправительная колония-поселение, социально-экономические права, осужденный, ресоциализация, право на собственность, правоограничение.

Противодействие преступности как неотъемлемая составляющая обеспечения жизнедеятельности любого современного государства представляет собой сложный комплекс разноплановых мероприятий: профилактику противоправного поведения; пресечение преступлений; объективное ведение уголовного процесса; исполнение уголовных наказаний; работу по восстановлению нарушенных прав, большинство из которых непосредственно связаны с вторжением в конституционные права человека. На наш взгляд, одной из проблемных сторон деятельности правоохранительных органов является решение ключевой задачи по защите прав и свобод человека и ее сопряженность с принудительным ограничением названных прав.

Исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы занимает в приведенном перечне особое место в силу того, что предусматривает наиболее значительное ограничение основополагающих прав человека: право на личную свободу и неприкосновенность, свободу передвижения, тайну личной жизни и т. д. Все указанные ограничения необходимы, так как обусловлены целями уголовной ответственности – восстановлением социальной справедливости, недопущением совершения новых преступлений, исправлением осужденного.

Достижение обозначенных целей часто связано с длительным сроком пребывания осужденного в местах лишения свободы, что причиняет ущерб тем сторонам жизни человека, которые а priori не должны быть предметом уголовно-правового воздействия. Речь идет о снижении либо полной утрате социализации рассматриваемой категории лиц по причине того, что в местах лишения свободы они находятся на полном государственном обеспечении, ими утрачиваются наиболее важные, необходимые для законопослушного поведения социальные навыки: трудиться для получения средств к существованию, самостоятельно обслуживать себя (стирка одежды, приготовление пищи и т. п.), общаться с людьми в стремительно меняющемся обществе. За период отбывания наказания у осужденного могут быть разрушены прежние социальные связи, а после освобождения он вынужден выстраивать новые, что усугубляет его положение. Эти обстоятельства часто выступают причиной снижения ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также детерминируют постпенитенциарный рецидив.

По мнению Ю.В. Баранова, для данной категории лиц сущность ресоциализации – это вторичная, возобновленная социализация, включающая в себя процессы адаптации, интеграции, индивидуализации осужденного, которые носят длящийся характер.

При этом критериями эффективности ресоциализации являются характеризующие данный процесс количественные и качественные показатели: отсутствие рецидива после освобождения, создание осужденными либо освобожденными семей, устройство на работу, самосовершенствование путем получения образования или самообразования, ведение общественно одобряемого образа жизни [1].

Рассматриваемая проблема является предметом обсуждения и правового регулирования на национальном и международном уровнях. Так, п. 60 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Женеве в 1955 г., устанавливает, что режим, установленный в заведении, должен быть нацелен на сведение до минимума той разницы между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе, которая уничтожает в заключенных чувство ответственности и сознание человеческого достоинства.

При этом желательно, чтобы перед завершением срока наказания принимались меры к постепенному возвращению заключенного к жизни в обществе. С учетом особенностей каждого правонарушителя данную цель можно реализовать посредством введения особого режима для освобождаемых как в самом заведении, так и в каком-нибудь другом учреждении, а также освобождением заключенных на испытательный срок, в течение которого они остаются под надзором. Этот тезис нашел развитие в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), принятых резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 70/175 17 декабря 2015 г., где вопросам ресоциализации заключенных посвящена глава «Социальные связи и опека после освобождения». При этом правило 107 гласит, что с самого начала отбывания срока заключения следует думать о будущем заключенного после его освобождения. К этому его следует поощрять, а также помогать поддерживать и укреплять связи с лицами или учреждениями, находящимися за стенами тюрьмы, которые способны содействовать его включению в общественную жизнь и защите интересов его семьи.

Среди задач соответствующей отрасли законодательства в УИК Республики Беларусь также указывается на определение средств достижения целей уголовной ответственности и социальной адаптации осужденных в процессе ее реализации (ст. 2), а также определяется порядок освобождения от наказания и оказания помощи освобожденным в социальной адаптации (гл. 26 «Помощь освобожденным от отбывания наказания»). Однако нормы данного раздела касаются в основном социального и трудового устройства осужденных непосредственно после освобождения, не затрагивая при этом вопросов сохранения либо восстановления социальных связей освободившихся лиц.

Полагаем, что решение проблем ресоциализации указанной категории лиц находится в плоскости не столько его материальной поддержки и оказания организационной помощи по трудоустройству, сколько в восстановлении утраченных навыков существования в обществе в условиях свободы. В этой связи рассматриваемые задачи должны быть актуализированы не на стадии освобождения, а гораздо раньше – за несколько лет до него, что предопределяет существование самостоятельного направления деятельности по ресоциализации в перечне функций исправительных учреждений и обуславливает соответствующее построение их системы.

В этом направлении перспективным является использование прогрессивной системы исполнения наказаний, не одно десятилетие являющейся предметом обсуждения в пенитенциарной науке. Так, А.Б. Скаков отмечает, что в наиболее общем виде прогрессивную систему можно определить как организацию исполнения наказания, при которой в зависимости от поведения осужденного условия отбывания им наказания изменяются в сторону улучшения или ухудшения [2].

Прогрессивная система имеет позитивные и негативные стороны, но нельзя отрицать ее роли в процессе исправления преступников, так как именно элементы этой системы дают надежду осужденным на то, что через определенный период при соответствующем поведении они могут рассчитывать на смягчение режима, условно-досрочное освобождение, возможность совместного проживания с семьей и т. д. Стремление к таким изменениям в большинстве случаев является ярким доказательством исправления осужденного [3].

По мнению Д.В. Горбаня и В.Е. Южанина, основные цели прогрессивной системы отбывания наказания – стимулирование правопослушного поведения осужденных, индивидуализация и дифференциация наказания, подготовка к жизни на свободе путем последовательного снижения уровня правоограничений [4].

Интересующая нас третья цель рассчитана на осужденных, избравших правопослушное поведение, и предполагает постепенное приближение их правового положения к статусу лиц, не отбывающих наказание, путем последовательного улучшения условий содержания (сокраще-

ния правоограничений). Последовательность означает, что изменению вида исправительного учреждения должно предшествовать изменение условий отбывания наказания в пределах одного учреждения [5].

Идеи прогрессивной системы исполнения наказаний получили реализацию и в Республике Беларусь: в УИК приведен целый ряд институтов, связанных с изменением условий содержания осужденных, которое обусловлено степенью их исправления. Одним из наиболее перспективных, с нашей точки зрения, является институт перевода осужденных, содержащихся в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов, в исправительную колонию-поселение (далее – ИКП). Согласно ст. 69 УИК, на такой перевод могут рассчитывать осужденные, ставшие на путь исправления и отбывшие установленную часть срока наказания, назначенного в зависимости от тяжести совершенного преступления. Исключение составляют лица, осужденные к смертной казни, пожизненному заключению либо лишению свободы в порядке замены пожизненного заключения.

Сегодня в Республике Беларусь функционирует три ИКП: ИКП-16, где по приговору суда отбывают наказание мужчины, совершившие преступления по неосторожности (дорожно-транспортные происшествия, повлекшие уголовную ответственность); ИКП-21, где аналогичные наказания отбывают женщины, а также переводят осужденных-женщин и мужчин в порядке ст. 69 УИК; ИКП-26, куда в вышеназванном порядке переводят осужденных мужчин. И если в первом случае задача несколько упрощается, так как необходимо только сохранить и поддерживать имеющиеся социальные навыки и связи, то во втором и третьем случаях на первый план выходят задачи ресоциализации лица.

Для обеспечения вышеназванных целей в ИКП установлен особый режим содержания, в большей степени приближенный к реальным условиям проживания на свободе. К основным отличиям данного режима следует отнести следующее:

осужденные содержатся без охраны, пользуются правом свободного передвижения в пределах территории исправительной колонии-поселения, а с разрешения ее администрации могут передвигаться без надзора вне исправительной колонии-поселения, но в пределах территории соответствующей административно-территориальной единицы;

осужденным, не допускающим нарушений установленного порядка отбывания наказания и имеющим семьи, может быть разрешено проживание с ними в собственном либо арендуемом жилом помещении на территории исправительной колонии-поселения или за ее пределами;

осужденные могут носить гражданскую одежду, иметь при себе деньги, ценные бумаги и вещи;

осужденные могут получать посылки, передачи, бандероли и мелкие пакеты, а также иметь свидания без ограничения.

Кроме того, одним из важнейших отличий является перевод осужденных на практически полное самообеспечение. В отличие от иных исправительных колоний, где осужденных кормят, одевают и обслуживают за государственный счет, в ИКП они должны самостоятельно заботиться о своем материальном положении и пропитании. В этих целях осужденным предоставляется возможность трудоустройства на близлежащих предприятиях и приобретения продуктов питания и одежды в магазине на территории ИКП.

В рассмотренных характеристиках режима отбывания наказания в ИКП усматривается их направленность на ресоциализацию осужденных и сохранение (восстановление) ведущих социальных навыков. При этом здесь на первый план выходит реализация осужденными своих социально-экономических прав: права собственности, права на труд и его достойную оплату, право на создание и сохранение семьи, отдельные аспекты права на выбор места жительства. В этом и видится одна из главных целей перевода в ИКП: успешная ресоциализация через самостоятельную реализацию социально-экономических прав и свобод, что обуславливает специфику ИКП по отношению к иным исправительным учреждениям.

Одно из препятствий достижения указанной цели – несовершенство правового регулирования отбывания наказания в ИКП, в частности несоответствие устанавливаемых правоограничений вышеназванным целям ресоциализации.

Во-первых, хотелось бы обратить внимание на реализацию такого важнейшего социального права как возможность создания семьи – мощный инструмент ресоциализации. Так, осужденным, не допускающим нарушений порядка отбывания наказания, может быть предоставлена возмож-

ность проживания за пределами ИКП со своими семьями, соответственно, и возможность сохранить (восстановить) социально-позитивные связи и эффективнее адаптироваться в обществе, используя «ресоциализационный потенциал семьи» [6]. При этом возникают серьезные проблемы в разделении прав и обязанностей осужденных и прав и обязанностей членов их семей.

В частности, одно из средств контроля за указанной категорией осужденных есть право представителей администрации ИКП в любое время посещать помещения, где они проживают с семьей (ст. 122 УИК). Данная норма получила развитие в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее – ПВР), согласно которым помещения, в которых проживают осужденные с семьями, могут быть подвергнуты досмотру по решению начальника исправительной колонии-поселения (лица, его замещающего), а в их отсутствие – дежурного помощника начальника исправительного учреждения. При этом в законодательстве отсутствуют какие-либо пределы либо гарантии обеспечения законности такого вторжения. И если в отношении подавляющего большинства осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, подобные меры вполне оправданы и продиктованы необходимостью обеспечения режима, то в рассматриваемых нами случаях они могут привести к необоснованному ограничению конституционных прав на неприкосновенность жилища и тайны личной жизни членов семьи осужденного.

В данных обстоятельствах нужно принимать во внимание тот факт, что администрация ИКП должна давать объективную оценку степени исправления при предоставлении лицу возможности проживания с семьей за пределами исправительного учреждения. Такая возможность, на наш взгляд, выступает крайней формой доверия осужденному, доказавшему своим поведением свой выбор законопослушного пути и готовности вернуться в общество. Полагаем, что приоритетом должно быть не столько обеспечение режима и контроль за осужденным, сколько создание обстановки, приближенной к условиям свободы, минимизирующей принудительное вторжение в конституционные права.

В этих целях предлагаем установить ст. 122 УИК ограничение посещения указанных выше жилых помещений в ночное время за исключением безотлагательных случаев.

Во-вторых, существует целый ряд коллизий, связанных с реализацией осужденными, содержащимися в ИКП, права собственности. Как было отмечено выше, такие осужденные имеют права на неограниченное количество свиданий, писем и посылок и передач, что предполагает направленность на восстановление социальных связей с родными и близкими. Вместе тем вопросы телефонных переговоров остаются урегулированными общими нормами УИК (ст. 86) и ПВР (п. 147), которые предусматривают ограничение длительности переговоров (15 мин.) и контроль за ними со стороны администрации исправительного учреждения. На наш взгляд, такие ограничения не укладываются в общую концепцию условий ИКП, что требует самостоятельного правового регулирования данного вопроса. В частности, полагаем допустимым наличие в собственности у таких осужденных мобильного телефона и возможность пользования им в личное время.

Вызывает сомнение и целесообразность некоторых правоограничений, предусмотренных ПВР в отношении осужденных, проживающих с семьей за пределами ИКП (запреты содержать животных и птиц, заниматься огородничеством, разводить декоративных рыб, комнатные растения (п. 58.13); вывешивать фотографии, репродукции, открытки, вырезки из газет и журналов на стенах, тумбочках и кроватях (п. 58.14); отправлять и получать почтовую корреспонденцию, минуя администрацию учреждения (п. 58.27); пользоваться без разрешения администрации учреждения ресурсами глобальной компьютерной сети Интернет (п. 58.33) и др.). Данные запреты актуальны для исправительных колоний общего и более строгих режимов и связаны с условиями содержания осужденных. Однако в случае совместного проживания осужденного с членами семьи в собственном либо арендуемом жилище реализация таких ограничений либо нецелесообразна, либо вызовет необоснованное вторжение в права иных лиц.

На наш взгляд, большинство указанных противоречий связаны с отсутствием в системе источников уголовно-исполнительного законодательства самостоятельных правовых актов, регламентирующих особенности и порядок отбывания наказания в ИКП. На них распространяются общие ПВР, актуальные в первую очередь для исправительных колоний общего, усиленного, строгого и особого режимов с некоторыми оговорками в отношении ИКП. Однако ввиду особой специфики рассматриваемой категории исправительных учреждений данный подход порождает вышеуказанные противоречия и коллизии. К тому же для исправительных учреждений от-

крытого типа, обладающих схожими с ИКП специфическими чертами, действуют самостоятельные Правила внутреннего распорядка.

Итак, полагаем, что наиболее эффективным шагом по совершенствованию правового регулирования рассматриваемого института будет разработка и принятие самостоятельных Правил внутреннего распорядка исправительных колоний-поселений, в которых бы нашли отражение обозначенные нами специфические цели данных исправительных учреждений: восстановление социальных связей осужденных; выработка у них необходимых социальных навыков для возвращения в общество и законопослушного поведения. Принятие указанных Правил позволит обособить ИКП в качестве самостоятельного элемента прогрессивной системы исполнения наказаний, что устранил существующие противоречия в правовом положении осужденных.

Список использованных источников

1. Баранов, Ю.В. Сущность ресоциализации осужденных к лишению свободы и лиц, освобожденных из мест лишения свободы / Ю.В. Баранов // Вестн. ЧГУ, 2006. – № 4. – С.116–122.
2. Скаков, А.Б. Прогрессивная система исполнения лишения свободы и ее отражение в новом законодательстве Республики Казахстан / А.Б. Скаков. – Астана : Норма-К, 2004. – 151 с.
3. Полищук, Н.И. Правовые отношения и юридические факты: вопросы теории и практики / Н.И. Полищук. – Рязань : АПУ, 2006. – 197 с.
4. Горбань, Д.В. Проживание осужденных за пределами исправительных учреждений как элемент прогрессивной системы отбывания лишения свободы: проблемы теории и практики : монография / Д.В. Горбань, В.Е. Южанин. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2016. – 191 с.
5. Юшкин, С.В. Новое, или «хорошо забытое старое», в российском уголовном праве: система наказуемости как категория уголовного права и ее соотношение с системой наказаний / С.В. Юшкин // Рос. следователь. – М. : Юрист, 2001. – № 6. – С. 24–28.
6. Финаева, А.Г. Ресоциализационный потенциал семьи : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / А.Г. Финаева. – Саратов, 2012. – 150 с.

Дата поступления в редакцию: 05.07.19

R.A. Sereda, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; A.N. Valadashchyk, Deputy Head of the Correctional Institution for Logistics Support of the Correctional Institution «Correctional Colony-Settlement № 26» of the Penitentiary Department of the Ministry of Internal Affairs of Grodno Region

IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS BY CONVICTED PERSONS AS A CONDITION FOR THEIR SUCCESSFUL RESOCIALIZATION

The article is devoted to the problems of restoring of social ties and the preparing for release while serving a sentence in a correctional colony-settlement. The conclusion that the implementation of social and economic rights by convicted persons is the key to their successful resocialization is done. At the same time, the insufficient legal regulation of serving a sentence in such conditions causes a number of legal conflicts and problems of law enforcement.

Keywords: correctional colony-settlement, social and economic rights, convicted person, resocialization, right to property, restriction on the right.

УДК 342.417(1-67ЕАЭС)

*А.В. Смирнов, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: andreismirnoy25@gmail.com)*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Посредством сравнительно-правового анализа осуществляется научная оценка особенностей отражения конституционных принципов регулирования экономической деятельности в государствах – членах Евразийского экономического союза. Рассматриваются доктринальные позиции относительно дефинирования понятия «конституционные принципы». Акцентируется внимание на отсутствие между принципами и нормами регулирования экономической деятельности стран Союза существенных различий с учетом

высокой степени соотношения, что создает необходимые условия для конституционно-правового обеспечения процессов экономической интеграции государств – членов Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Конституция, конституционные принципы, основы, экономическая деятельность, государства-члены.

Государства – члены Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) согласно Договору о ЕАЭС учредили свою организацию, руководствуясь среди прочих принципом «суверенного равенства государств, необходимостью безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития».

Настоящим Договором также гарантируется один из основополагающих экономических принципов: свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, обеспечивается проведение скоординированной политики в отраслях экономики. «Однако ощутимые изменения можно будет увидеть не сразу, так как странам необходимо время для унификации внутреннего законодательства» [1, с. 114].

Достижение поставленных целей и решение задач, определенных Договором о ЕАЭС, невозможно без соответствующего правового обеспечения на национальном уровне и конституционного регулирования экономической деятельности. С данной точки зрения, основополагающие принципы и нормы регулирования экономической деятельности в государствах – членах ЕАЭС закреплены в национальных конституциях.

Принимая во внимание чрезвычайную значимость экономики как для ЕАЭС, так и для стран Союза, а также необходимость создания в государствах ЕАЭС условий и механизмов эффективного осуществления экономической деятельности путем соответствующего правового обеспечения на национальном уровне, видится целесообразным посредством сравнительно-правового анализа осуществить научную оценку особенностей отражения конституционных принципов регулирования экономической деятельности в государствах Союза.

Правовые принципы обеспечивают целостность правовой системы, определяют общий вектор ее развития, методы и основные направления правового регулирования, выступая объективно обусловленными исходными началами [2, с. 84] или исходными нормами [3, с. 371].

В онтологическом плане правовые принципы есть базовые идеи, формулирующие основу права. Они соучаствуют в создании правовых норм, оправдывают, легитимируют их, контролируя применение юридической нормы, выступая ориентиром при ее толковании, выявлении глубинного смысла [4, с. 668]. Развивая указанную мысль, ряд ученых характеризует принципы как самостоятельный, отличный от правовых норм и институтов, элемент системы права [5, с. 25].

При рассмотрении доктринальных позиций в дефинировании конституционных принципов и их соотношении с общеправовыми принципами выявляется и двойственность подходов.

Первый подход предполагает рассмотрение конституционных принципов в качестве разновидности отраслевых правовых принципов, призванных играть важную роль в обеспечении стабильности правовой системы [6, с. 22], и в то же время признавать примат общеправовых принципов.

Второй подход не связан с признанием главенства общеправовых принципов по отношению к конституционным и классифицированием правовых принципов по отраслям права, а в своем роде отождествляет общеправовые принципы с конституционными. Так, В.И. Крусс предлагает признать, что все правовые принципы должны быть конституционными по сути, а, следовательно, все конституционные принципы являются общеправовыми [7, с. 423–424]. В данном аспекте можно говорить об имманентности правовых принципов конституционным. Данный подход коррелирует с мнением А.Г. Тиковенко о том, что, будучи облеченными, прямо или косвенно, в формулы конституционного текста, правовые принципы приобретают конституционно-правовой характер, статус наиболее устойчивого высшего нормативно-ценностного ориентира, что позволяет их определять в качестве конституционных принципов [8, с. 85].

Согласно позиции А.Н. Пугачева, «конституционные принципы рассматриваются в качестве принципов-идей, выработанных доктриной конституционализма и обусловленных ее принципами, которые, получив конкретное выражение в Конституции, становятся принципами-нормами (принципами конституции)» [9, с. 110–111].

И.А. Алебастрова, например, отмечает, что конституционные принципы – это основа любой конституции, ее костяк, «суперконституция», «конституция в конституции и для конституции», существо конституционного документа, без которого он утратит внутренне единство и смысл, заключающиеся именно в наиболее полной и глубокой реализации заложенных в нем принципов [10, с. 13].

В целом, соглашаясь с вышеперечисленными научными позициями, видится логичным указать на необходимость оценки принципов регулирования экономических отношений, прямо закрепленных в текстах Основных Законов государств – членов Союза. Поиск непосредственных форм объективации конституционных принципов будет осуществляться преимущественно в главах (разделах) конституций стран – участниц ЕАЭС, закрепляющих основы конституционного строя. Подобный методологический подход обусловлен научным фактом того, что основы конституционного строя представляют собой «устои государства, его основные принципы» [11, с. 125], или, как пишет М.В. Баглай, «нормы-принципы» [12, с. 99].

Экономическая основа конституционного строя Республики Беларусь определена в принципах и нормах, формализованных ст. 13 Конституции Республики Беларусь 1994 г.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, нашедшей отражение в решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 23 января 2018 г. № Р-1120/2018 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году», «для устойчивого социально-экономического развития в условиях глобализации и динамизма интеграционных процессов необходимы современные подходы к формированию законодательного регулирования в сфере экономики. При этом требуется обеспечение правовой определенности и стабильности законодательства в сфере гражданского оборота, осуществление предпринимательской деятельности, создание необходимых условий для эффективной защиты имущественных прав на основе конституционных ценностей». К числу таких конституционных ценностей относится конституционная экономика, «важнейшими составляющими которой, согласно позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, закрепленной решением от 28 декабря 2017 г. № Р-1117/2017 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», являются предоставление государством всем равных прав для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, равных возможностей свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» (ч. 2 и 4 ст. 13 Конституции Республики Беларусь). Данные положения являются основополагающими для осуществления экономической деятельности в Республике Беларусь. Их реализация предполагает для соответствующих субъектов свободное избрание сферы экономической деятельности, осуществление данной деятельности индивидуально либо путем участия в экономических объединениях, самостоятельное определение экономической стратегии развития своего бизнеса, использование своего имущества в целях экономической деятельности.

По мнению Л.Г. Козыревой, вышеперечисленные положения Основного Закона предполагают принцип «свободы предпринимательства» или «свободы экономической деятельности», на который «опираются основные экономические права, закрепленные в Конституции» [13, с. 59–60; 14, с. 24–25]. Такой подход автора соотносится с правовыми позициями Конституционного Суда Республики Беларусь, обозначенными в решении от 2 июля 2014 г. № Р-941/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О ценообразовании», который в процессе толкования ст. 13 Конституции и выявления конституционно-правового смысла ч. 2 и 4 указал на то, что данные нормы предполагают прежде всего свободу предпринимательства, которая представляет собой универсальный (интегрированный) конституционно-правовой принцип, объединяющий несколько относительно самостоятельных принципов правового регулирования отношений в сфере предпринимательской деятельности (принципы равенства, неприкосновенности собственности, свободы договора, свободы конкуренции и др.).

По вопросу регулирования экономической деятельности в текстах Конституции Российской Федерации 1993 г. и Конституции Республики Армения 1995 г. не подразумевается, а непосредственно провозглашается принцип «свободы экономической деятельности».

Например, в соответствии с ч. 1 ст. 8 Конституции РФ «гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности». В данном положении речь идет об основах конституционного строя, где государство устанавливает основы экономической системы.

Особым смыслом категория «свобода экономической деятельности» наполняется в тексте гл. 2 Конституции РФ. Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 27 декабря 2012 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений п. «в» ч. 1 и ч. 5 ст. 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной думы Федерального собрания РФ» отмечает, что Конституция предопределяет «свободу экономической деятельности как право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности», имея ввиду соответствующее положение ч. 1 ст. 34 Конституции, предусматривающее, основываясь на постановлении Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 84 Федерального закона «Об акционерных обществах», возможность определения сферы этой деятельности и осуществления ее как в индивидуальном порядке, так и в форме коллективного предпринимательства.

В Конституции Республики Армения в статье «Экономический строй» конституирована «свобода экономической деятельности» как основополагающий принцип социальной рыночной экономики государства (гл. 1 ст. 11).

Конституционный Суд Республики Армения в своей правовой позиции, отраженной в постановлении от 13 июля 2010 г. № ПКС-903 «По делу об определении вопроса соответствия ст. 56, 57 и 58 Закона «Об акционерных обществах», так определил значение данного принципа: «юридически гарантированная возможность свободного использования своих способностей и имущества для незапрещенной законом хозяйственной деятельности». Названный подход органа судебного конституционного контроля Республики Армения корреспондирует выше обозначенной правовой позиции Конституционного Суда РФ о сущности свободы экономической деятельности.

В свою очередь, гл. 2 Основного Закона Республики Армения («Основные права и свободы человека и гражданина) содержит ст. 59 «Свобода экономической деятельности и гарантия экономической конкуренции», в которой, как представляется, раскрывается содержание свободы экономической деятельности. На правомерность такого вывода указывает само название статьи. Так, «каждый имеет право на занятие экономической деятельностью, включая занятие предпринимательской деятельностью».

В связи с этим Г.А. Гаджиев отмечает, что конституционный принцип свободы экономической деятельности «коррелирует целому ряду основных экономических прав и свобод и прежде всего праву на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности» [15, с. 122].

По мнению В.И. Крусса, в постановлении Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2001 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности абз. 2 и 3 п. 2 ст. 7 Федерального закона «О налоге на добавленную стоимость» «находит признание доктринальное по сути положение о том, что в ст. 8 и 34 Конституции совокупно закреплена свобода предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности именно в качестве целостного конституционного полномочия» [16, с. 289–290].

Считаем возможным прийти к заключению о том, что взгляды ученых-конституционалистов, правовые позиции конституционно-судебной практики, содержание проанализированных положений Конституций РФ и Республики Армения позволяют определить свободу экономической деятельности не только как один из принципов экономического строя, но и как право человека и гражданина с особым значением в системе экономических прав.

В национальной правовой системе Республики Казахстан и Кыргызской Республики положения о регулировании экономической деятельности не нашли своего отражения в первых разделах Конституции Республики Казахстан 1995 г. и Конституции Кыргызской Республики 2010 г. соответственно, которые устанавливают основы конституционного строя данных государств. В связи с этим говорить о формальном закреплении принципов регулирования экономической деятельности в Конституциях данных государств в качестве принципов конституционного

строю, как это предусмотрено в Конституциях Республики Беларусь, РФ и Республики Армения, не представляется возможным.

В свою очередь, разд. II Конституции Республики Казахстан, в котором признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, закрепляет право на свободу предпринимательства. Так, согласно п. 4 ст. 26 «каждый имеет право на свободу предпринимательской деятельности, свободное использование своего имущества для любой законной предпринимательской деятельности». Субъекты предпринимательства вправе осуществлять любые виды предпринимательской деятельности, не запрещенные законами, а обязательными условиями развития предпринимательства, исходя из анализа иных положений п. 4 ст. 26 Конституции, является наличие свободной конкуренции производителей и недопущение захвата рынка монополистическими структурами.

В Конституции Кыргызской Республики в разделе втором «Права и свободы человека» содержится норма, согласно которой «каждый имеет право на экономическую свободу, свободное использование своих способностей и своего имущества для любой экономической деятельности, не запрещенной законом» (ч. 2 ст. 42). Согласно правовой позиции, выраженной в решении Конституционной Палаты Верховного Суда Кыргызской Республики от 28 декабря 2016 г. № 09-Р «По делу о проверке конституционности п.п. «б» п. 1 ст. 1 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности», в содержании экономической деятельности наибольшим образом отражается свобода при принятии экономических решений, то есть осознанное неограниченное использование личностью своих индивидуальных возможностей и особенностей, направленных на организацию и успешное ведение предпринимательской деятельности в условиях рыночной конкуренции. Полагаем, что данная норма закрепляет емкий по содержанию формат данного права, гарантируемого государственной поддержкой развития конкуренции, пресечением попыток субъектов права занимать доминирующее положение на рынке и применять недозволенные формы и приемы конкуренции.

Как право на свободу предпринимательства в Республике Казахстан, так и право на экономическую свободу в Кыргызской Республике, по мнению автора, предполагает возможность формирования имущественной базы предпринимательства и использования имущества, свободную реализацию на рынке произведенного товара, включая право на свободу договора. И с этой точки зрения утверждать о существенном отличии исследуемых прав, закрепленных в названных государствах, не представляется возможным.

Как отмечается в послании Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 июня 2018 г. «О состоянии конституционной законности в Республике Казахстан», углубление интеграционных процессов в рамках ЕАЭС неизбежно ставит вопрос о согласовании национального законодательства государств-членов. В этом процессе важно обеспечить безусловное соблюдение верховенства Конституции, синхронизацию отечественного и интеграционного правового регулирования.

Таким образом, оценивая особенности конституционных принципов регулирования экономической деятельности в странах ЕАЭС, возможной представляется констатация вывода о том, что между ними имеются различия и характерные особенности объективации в текстах национальных конституций. Национальная практика государственного строительства в странах Союза указывает на нормативное признание экономики в качестве конституционной ценности. В то же время имеют место некоторые национальные особенности оформления правовых основ регулирования экономической деятельности, проявляющиеся в определении конституционно-правовых норм экономической направленности в качестве принципов конституционного строя либо рассмотрении их как средства объективации конституционных прав и свобод личности в экономической сфере. Несмотря на подобную рассогласованность между принципами и нормами регулирования экономической деятельности как элементами конституционной экономики национальных правовых систем государств Союза, отсутствуют существенные отличия при наличии высокой степени корреляции, что создает необходимые условия для конституционно-правового обеспечения процессов экономической интеграции государств – членов ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Шабалина, Е.И. Регулирование интеграционного развития регионов Евразийского экономического сообщества / Е.И. Шабалина, А.И. Харитonenko // Вопр. экономики и упр. – 2016. – № 5. – С. 112–116.

2. Тиковенко, А.Г. Конституционные ценности и принципы как основа нормотворчества и правоприменения / А.Г. Тиковенко // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма : сб. науч. тр. / под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск : Акад. МВД, 2015. – С 79–86.
3. Венгерова, А.Б. Теория государства и права / А.Б. Венгерова. – М. : Юриспруденция, 1999. – 528 с.
4. Мальцев, Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М. : Норма, 2011. – 800 с.
5. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть : учеб. для вузов / отв. ред. Б.А. Страшун. – М. : Норма, 2005. – 896 с.
6. Гаджиев, Г.А. Принципы права и право из принципов / Г.А. Гаджиев // Сравнит. конституц. обозрение. – 2008. – № 2. – С. 22–45.
7. Крусс, В.И. Теория конституционного правопользования / В.И. Крусс. – М., 2007. – 751 с.
8. Тиковенко, А.Г. Конституционные принципы как основа динамизма конституционно-правового регулирования общественных отношений / А.Г. Тиковенко // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2015. – № 2. – С. 84–93.
9. Пугачев, А.Н. Конституционные принципы и принципы конституции: методологические проблемы различия правовых явлений / А.Н. Пугачев // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 13. – С. 109–118.
10. Алебастрова, И.А. Конституционные принципы: форма выражения, место в системе права и его источники / И.А. Алебастрова // Конституц. и муницип. право. – 2007. – № 8. – С. 12–16.
11. Козлова, Е.И. Конституционное право России : учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М. : Юристъ, 2002. – 585 с.
12. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М.В. Баглай. – М. : Норма, 2000. – 776 с.
13. Козырева, Л.Г. Правовые основы экономической деятельности / Л.Г. Козырева // Юрид. мир. – 2016. – № 3. – С. 58–62.
14. Козырева, Л.Г. Конституционные основы предпринимательской деятельности и правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь / Л.Г. Козырева // Юрид. мир. – 2014. – № 5. – С. 24–28.
15. Гаджиев, Г.А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации / Г.А. Гаджиев. – М. : Манускрипт, 1995. – 232 с.
16. Крусс, В.И. Право на предпринимательскую деятельность – конституционное полномочие личности / В.И. Крусс ; редкол.: С.А. Авакьян (отв. ред.). – М. : Юристъ, 2003. – 672 с.

Дата поступления в редакцию: 11.07.19

A.V. Smirnov, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY IN MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Through a comparative legal analysis, a scientific assessment of the features of the reflection of constitutional principles of regulation of economic activity in the member states of the Eurasian Economic Union was carried out. The doctrinal positions regarding the definition of the concept of "constitutional principles" are considered. Attention is focused on the lack of essential differences between the principles and norms of regulating the economic activities of the countries of the Union in the presence of a high degree of correlation, which creates the necessary conditions for the constitutional support of the processes of economic integration of the member states of the Eurasian Economic Union.

Keywords: constitution, constitutional principles, fundamental, economic activity, member states.

УДК 347.22

А.Р. Черепок, кандидат юридических наук, доцент кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь

РАЗДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ КАК РЕГУЛЯТОРА И ФУНКЦИЙ СОБСТВЕННИКА

Освещаются теоретические проблемы и необходимость разделения функций государства по управлению государственным имуществом и функций, реализуемых государством в рамках осуществления правомочий собственника. Обосновывается необходимость такого отделения на примере республиканской

собственности, закрепленной за унитарными предприятиями, с точки зрения континуального характера гражданско-правовых отношений и межотраслевой комплексности правовых отношений государственной собственности. В качестве примера приводится опыт республиканских унитарных предприятий.

Ключевые слова: государственная собственность, управление государственной собственностью, функции собственника, правомочия владения, пользования и распоряжения.

Согласно ст. 107 Конституции Республики Беларусь, осуществление функций собственника и управление собственностью Республики Беларусь, в том числе в отношении имущества Республики Беларусь, закрепленного за юридическими лицами, возложены на Совет Министров Республики Беларусь, делегирующий отдельные функции органам государственного управления. С учетом положений ст. 210 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) функции любого собственника реализуются посредством осуществления правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом. При этом юридические лица, которым предоставлено государственное имущество на производных вещных правах, также реализуют правомочия владения, пользования и распоряжения.

Базовыми, основополагающими отношениями указанных субъектов по поводу имущества Республики Беларусь, закрепленного за юридическими лицами, являются отношения государственной собственности, поскольку и после передачи имущества в хозяйственное ведение оперативное управление юридических лиц государство сохраняет право собственности на переданное имущество. Более того, согласно ст. 210 ГК, имущество, приобретаемое юридическим лицом, основанном на республиканской собственности, приобретает в собственность Республики Беларусь. Однако ГК не раскрывает ни триаду правомочий собственника в целом, ни каждое правомочие по отдельности. В результате перечень правомочий, характеризующих и детализирующих владение, пользование и распоряжение имуществом как для собственника, так и для субъектов производных вещных прав является открытым. Ряд ученых в состав данной триады как целого включают правомочие управления, некоторые ученые склонны к выделению управления из состава триады правомочий в самостоятельное правомочие.

А.В. Венедиктов видел в праве собственности как праве присвоения право индивида или коллектива использовать средства и продукты производства «своей властью и в своем интересе». Отдельные правомочия, по его мнению, являются только средством осуществления собственником его права собственности как права присвоения средств производства [1, с. 39]. А.М. Оноре выделил 11 правомочий в составе собственности. Л. Беккер подсчитал, что комбинация различных правомочий может дать до 1 500 различных вариантов правомочий собственника [2, с. 19–20]. В.А. Витушко, например, пришел к выводу о том, что если рассматривать право собственности как систему (в объективном и субъективном смыслах), то такое право содержит различное число правомочий и прав, и на разных уровнях этой системы можно получить практически любой из перечисленных вариантов. По мнению ученого, право собственности должно содержать в себе как минимум три правомочия (владения, пользования и распоряжения), которые являются частями права собственности (в субъективном смысле), но целым по отношению к иным правомочиям. Правомочие владения включает обновление, восстановление и хранение имущества; обновление – капитальный и текущий ремонт имущества своими силами и силами подрядчика, т. е. на договорных началах, равно как и хранение может осуществляться собственными силами и на основании договоров хранения [3, с. 89–90]. Аналогичным образом расщепляются правомочия пользования и распоряжения, и можно заключить, что эта система состоит из множества уровней и бесконечного числа правомочий, которые распределяются между осуществляющими функции собственника государственными органами и организациями, а при закреплении имущества государства за юридическими лицами происходит более глубокое распределение системы данных правомочий.

Осуществлять управление необходимо при реализации любого из перечисленных правомочий (будь то правомочия собственника или правомочия субъекта производных вещных прав) на любом уровне системы, так как управление включает планирование, прогнозирование, анализ состояния, учет и контроль. Нельзя, например, реализовать правомочие владения, не обеспечив сохранность имущества (иначе владеть будет нечем). А для обеспечения сохранности имущества необходимо планирование и прогнозирование (каким образом обеспечить сохран-

ность с учетом требований технического, технологического, нормативного правового характера для определенных видов имущества (продукты питания, медикаменты, оружие, боеприпасы и т. п.), наличия либо отсутствия помещений для хранения, оборудования и т. п.), анализ состояния хранимого имущества (сроки годности, полезного использования и т. п.), учет имущества (бухгалтерский, оперативный, статистический и др.) и контроль за его состоянием (проведение инвентаризаций, внезапных проверок сохранности имущества, плановых и внеплановых ревизий и др.). Перечисленные правомочия являются составляющими правомочия владения. И так при реализации любого из всей системы правомочий собственника или субъекта производных вещных прав. При реализации любого правомочия собственника (субъекта производных вещных прав) осуществляется процедура принятия управленческого решения. Указанное позволяет сделать вывод о «растворении» управления в системе правомочий владения, пользования и распоряжения, характеризующих право собственности и производные вещные права. В ст. 210 ГК Республики Беларусь предусматривается для собственника-государства возможность совершать по своему усмотрению в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящие вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляющие прав и защищаемых законом интересов других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, а также распоряжаться им иным образом.

Функции управления имуществом государства как регулятора находятся преимущественно в плоскости государственного регулирования национальной экономики. В данном случае организация управления государственной собственностью представляет собой сложную совокупность действий государства: определение государственной политики в области государственной собственности; образование институциональной основы управления (учреждение органов исполнительной власти и наделение их компетенцией), учреждение субъектов, осуществляющих непосредственное владение государственной собственностью (определение видов субъектов, установление их правового статуса, осуществление учета и регистрации); учет объектов государственной собственности в целом (инвентаризация, классификация объектов, учет в реестрах объектов и сделок с ними); распределение объектов государственной собственности между субъектами; осуществление непосредственного управления в различных формах (приватизация, разграничение государственной собственности, национализация, гражданско-правовые сделки, управление пакетами акций, банкротство и пр.) [4].

Преломляя мнение заслуженного юриста Беларуси В.А. Фадеева об основных проблемах, решаемых в ходе разделения функций собственника-государства и функций регулятора-государства, к проблеме разграничения данных функций в отношении имущества, закрепленного за республиканскими унитарными предприятиями, можно заключить, что в нашем случае должны решаться проблемы, затрагивающие:

- оптимизацию перечня объектов, находящихся только в собственности государства, и видов деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства;

- исключение преимуществ в осуществлении отдельных видов деятельности для субъектов, основанных на республиканской собственности, для нейтрализации проблемы исключения на этом рынке других игроков;

- поэтапную реструктуризацию республиканских унитарных предприятий, в том числе организационную, финансовую и реструктуризацию активов предприятия (или диверсификацию бизнеса); структуры капитала.

- формирование четко определенного правового статуса республиканских унитарных предприятий;

- отказ от необоснованного субсидирования (дотирования) республиканских унитарных предприятий;

- отказ от отраслевого управления республиканскими унитарными предприятиями и формированием единой структуры по управлению государственным имуществом в том смысле, что

в лице отраслевых органов при наличии мощных лоббистов данные предприятия добиваются льгот, привилегий, субсидий и т. д.

Все функции по реальному управлению государственным имуществом, в том числе имуществом, закрепленным за унитарными предприятиями, предлагается передать, например, Государственному комитету по имуществу Республики Беларусь (далее – Госкомимущество), а министерства и концерны будут по-прежнему заниматься технической политикой в подведомственной отрасли [5].

Однако эти вопросы важны также и для любого собственника имущества, которое в том числе закреплено за субъектом производных вещных прав. Любой собственник решает, каким имуществом владеть, как вести бизнес с участием собственного имущества (определяя при этом структуру активов, пассивов, организационно-правовую форму юридического лица, которому передается имущество), каков будет правовой статус учреждаемого юридического лица (формулируя цели, задачи, права, обязанности, ответственность и др.), будут ли выделены дополнительные источники финансирования этому юридическому лицу, как будет производиться управление юридическим лицом (единолично, коллегиально) и т. д. Так, исходя из п. 6 ст. 113 ГК, собственник имущества унитарного предприятия принимает решение о создании унитарного предприятия, определяет цели его деятельности, утверждает его Устав, изменения и (или) дополнения, вносимые в него, назначает на должность руководителя унитарного предприятия, заключает, изменяет и прекращает с ним трудовой договор (контракт) или гражданско-правовой договор, принимает решение об изъятии имущества у унитарного предприятия в порядке и случаях, предусмотренных законодательством либо Уставом, осуществляет контроль за деятельностью унитарного предприятия, использованием по назначению и сохранностью имущества, ему принадлежащего, имеет другие права и обязанности в соответствии с ГК, иными законодательными актами и Уставом.

По этой причине, с точки зрения системного характера правомочий, возможности их расщепления между системой органов государственного управления, выступающих на стороне собственника, такого рода проблемы могут вполне решаться в рамках реализации правомочий собственника-государства системой органов государственного управления и Правительством Республики Беларусь, как это предусмотрено в Конституции Республики Беларусь и ГК Республики Беларусь. Следует лишь рассматривать действия органов государственного управления как регулятивной системы по решению перечисленных выше проблем одновременно с осуществлением этой же системой правомочий собственника-государства. При этом гражданско-правовая основа осуществления органами государственного управления правомочий собственника-государства должна являться базисом регулятивных отношений, связанных с владением, пользованием и распоряжением государственным имуществом. Только в этом случае будет формироваться сбалансированный властный интерес к эффективному управлению государственной собственностью.

Еще А.В. Венедиктов отметил, что под управлением государственным имуществом следует понимать возложенные на государственный орган в отношении предоставленного ему государством имущества совокупные функции и, соответственно, обязанности и права, осуществляемые им в отношении этого имущества, и совокупность правовых действий, совершаемых государственным органом по поводу этого имущества, а не только административно-правовые функции и административно-правовые акты управления [1, с. 39].

Проблема отделения функций собственника по управлению государственным имуществом от функций государства по управлению имуществом как регулятора в настоящее время должна рассматриваться в первую очередь в контексте вытеснения в системе органов государственной власти, выступающих от имени собственника-государства, функций государственного управления имуществом функциями правового (нормативного) регулирования соответствующих отношений. Ведь, несмотря на массив имеющихся нормативных правовых актов, проблема эффективности экономической деятельности государственных коммерческих организаций не решена. В данном случае следует помнить, что экономические отношения развиваются по своим законам, а юридические нормы, какими бы они ни были, фиксируют «вчерашние» правила в экономических отношениях. Еще одна проблема в управлении государственным имуществом с точки зрения гражданского права – нечеткое определение статуса государства, Республики Бе-

ларусь, Правительства Республики Беларусь, системы органов государственного управления в вещных правоотношениях с государственной собственностью [6, с. 33–39].

Для эффективного функционирования системы государственных органов в области управления государственным имуществом следует с позиции системного подхода распределить правомочия владения, пользования и распоряжения, права и обязанности, ответственность с учетом баланса интересов субъектов, осуществляющих от имени государства право собственности, субъектов, за которыми государственное имущество закреплено на производных вещных правах, третьих лиц, чьи интересы связаны с использованием государственной собственности, в том числе и лиц, осуществляющих непосредственное использование государственного имущества в рамках гражданско-правовых, административно-правовых, трудовых отношений.

Одному из подходов к системному распределению правомочий, прав и обязанностей, ответственности посвящена экономическая теория прав собственности, выступающая в настоящее время в качестве методологической и общетеоретической основы институциональной модели экономики.

Центральной идеей института собственности в рамках рассматриваемой теории является представление о пучке правомочий (по сути составляет право собственности), способном распределяться между участниками обмена правомочиями по различным основаниям в процессе потребления, производства, обмена [7, с. 45–59]. На наш взгляд, в данном случае следует иметь в виду как юридически обособленных участников обмена правомочиями (уровень организаций, обособленных структурных подразделений (филиалов, представительств) и пр.), так и лиц, фактически осуществляющих правомочия, так как на процесс распределения пучка правомочий влияют фактические отношения собственности, имеющиеся в обществе устои, традиции, обычаи, характеризующие действительные (реальные) отношения граждан к государственному имуществу. Соответственно, при распределении правомочий владения, пользования и распоряжения между субъектами права государственной собственности, производных вещных прав необходимо учитывать критерий соблюдения баланса интересов:

Республики Беларусь, Правительства и системы органов государственного управления, осуществляющих от имени государства права собственника;

республиканских юридических лиц, владеющих, пользующихся и распоряжающихся государственным имуществом на производных вещных правах;

работников (включая государственных служащих органов государственного управления, осуществляющих от имени Республики Беларусь права собственника), участвующих в фактическом использовании государственного имущества, уровень их образования, правового и экономического мышления, знаний технического, технологического характера, бережливого и осмотрительного отношения к государственному имуществу и т. п.

Например, при расщеплении правомочия владения имуществом, находящимся в собственности Республики Беларусь, закрепленным за республиканским унитарным предприятием на производном вещном праве, планирование и прогнозирование владения определенным видом государственного имущества будет осуществляться на уровне юридического лица и органов государственного управления, осуществляющих в соответствии с п. 5 ст. 113 ГК Республики Беларусь право собственности от имени государства. Так, МВД установило для входящих в состав (систему) органов внутренних дел республиканских унитарных предприятий (далее – РУП МВД) правила хранения средств телекоммуникаций (далее – СТК) путем принятия приказа МВД № 333 от 17 сентября 2012 г. Установление порядка хранения такого имущества является, с одной стороны, «действием регулятора», а с другой стороны – реализацией правомочия владения собственником, так как МВД выступает в имущественных отношениях от имени собственника-государства на основании п. 5 ст. 113 ГК Республики Беларусь. Фундаментальной основой принятия МВД акта законодательства, регулирующего указанные отношения с имуществом Республики Беларусь, являлся факт представления интересов собственника в имущественных отношениях. Государство в собственных интересах планирует обеспечение МВД надлежащими видами имущества, а МВД, как представитель собственника-государства, планирует эффективное владение выделенным имуществом, в том числе посредством принятия нормативных правовых актов, формирующих тот или иной правовой режим соответствующего вида имущества.

РУП МВД планирует количество необходимых СТК, места их расположения, хранения неиспользуемых СТК, прогнозирует их количество на основе годовых планов снабжения, технического обслуживания и т. п., планирует назначение ответственных за сохранность указанного имущества лиц, списание СТК, в том числе неликвидных, и т. д. Указания для осуществления такого рода действий закрепляются в локальных актах РУП МВД (планах технического обслуживания, производственных программах, утвержденных приказом директора РУП и др.), что также является реализацией правомочия владения имуществом государства, но уже в рамках производного вещного права – права хозяйственного ведения. И в этом случае фундаментальной основой принятия локальных актов РУП МВД, регулирующих условия планирования и прогнозирования владения СТК, составляющих собственность Республики Беларусь, являлся факт представления интересов собственника-государства, которые трансформировались в интересы РУП МВД, закрепленные в уставе таких субъектов. Таким образом, на уровне РУП МВД планирование и прогнозирование владения СТК осуществляется в форме принятия перечисленных и иных локальных актов.

Отмечая роль МВД и РУП МВД, мы не приблизились к фактическим отношениям, связанным с прогнозированием и планированием владения СТК. Следует учитывать, что фактические расчеты планов снабжения, обслуживания, ремонтов и т. п. осуществляются конкретными работниками МВД и РУП МВД, чья деятельность должна выстраиваться на личной заинтересованности в рациональном использовании выделенного государственного имущества, что невозможно без системы мотивации (моральной, материальной, профессиональной и пр.), понимания места, роли и ответственности таких лиц в перераспределении материальных ресурсов, принадлежащих государству. Ведь после утверждения планов снабжения, обслуживания и ремонтов МВД, РУП МВД как субъекты права займутся проведением конкурентных процедур закупок, заключением соответствующих гражданско-правовых договоров, проведением расчетов по договорам и т. д. Эти действия также будут осуществляться конкретными работниками МВД, РУП МВД в рамках трудовых отношений. Не зря отмечено советскими юристами, что гражданско-правовые, административно-правовые обязательства предприятий в сфере производства в конечном счете реализуются в трудовых правоотношениях [8, с. 136]. В этой связи следует возрождать идею о вовлечении коллектива унитарного предприятия в процесс управления государственным имуществом, закрепленным за такими юридическими лицами, о чем говорил профессор В.А. Витушко [6, с. 34].

Анализ сложных отношений владения, пользования и распоряжения государственным имуществом, закрепленным за республиканскими юридическими лицами, учитывающий внутриотраслевую и межотраслевую комплексность правоотношений собственности и производных вещных прав, позволяет сделать вывод о целесообразности формирования правовых условий для развития такого института государственной собственности, который на основе учета особенностей менталитета граждан Республики Беларусь, сложившихся традиций и обычаев в фактических отношениях владения, пользования и распоряжения имуществом государства предоставил бы правовые возможности использования собственности Республики Беларусь в сбалансированных интересах граждан, государства и общества.

При этом гражданско-правовая основа осуществления органами государственного управления правомочий собственника-государства должна являться базисом регулятивных отношений, связанных с владением, пользованием и распоряжением государственным имуществом, так как государство не только для учреждаемых им юридических лиц, но и для себя устанавливает условия и порядок владения, пользования и распоряжения собственным имуществом посредством издания актов различной юридической силы органами государственной власти и управления.

Список использованной литературы

1. Венедиктов, А.В. Государственная социалистическая собственность / А.В. Венедиктов. – Л. ; М. : Изд-во АН СССР, 1948. – 840 с.
2. Лазар, Я. Собственность в буржуазной правовой теории : [пер. с нем.] / Я. Лазар ; спец. науч. ред. и вступ. ст. В.А. Кикотя. – М. : Юрид. лит., 1985. – 192 с.
3. Витушко, В.А. Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В.А. Витушко. – Минск : Белорус. наука, 2007. – Ч. 1. – 565 с.
4. Четвериков, В.С. Институт государственного управления и правового регулирования в деятельности исполнительной власти [Электронный ресурс] / В.С. Четвериков // Вестн. Моск. ун-та МВД России,

2010. – Режим доступа: [http:// cyberleninka.ru/article/n/institut-gosudarstvennogo-upravleniya-i-pravovogo-regulirovaniya-v-deyatelnosti-ispolnitelnoy-vlasti](http://cyberleninka.ru/article/n/institut-gosudarstvennogo-upravleniya-i-pravovogo-regulirovaniya-v-deyatelnosti-ispolnitelnoy-vlasti). – Дата доступа: 15.04.2019.

5. Фадеев, В.А. / Государство собственник и регулятор // [Электронный ресурс]: <https://neg.by/novosti/otkrytj/gosudarstvo---sobstvennik-i-regulyator>. – Дата доступа: 16.05.2019.

6. Проблемы вещного права в союзном государстве Беларуси и России : монография / под ред. В.П. Павлова. – М. : РУСАЙН, 2019. – 490 с.

7. Капелюшников, Р.И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем) / Р.И. Капелюшников ; Акад. наук СССР, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений ; отв. ред. В.И. Кузнецов. – М. : [б. и.], 1990. – 90 с.

8. Левин, Б.Р. Юридические формы государственного руководства социалистическим производством / Б.Р. Левин // Изв. вузов. Правоведение. – 1961. – № 1. – С. 135–139.

Дата поступления в редакцию: 19.09.19

A.R. Cherepok, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

SEPARATION OF FUNCTIONS OF THE STATE ON ADMINISTRATION OF THE STATE PROPERTY AS A REGULATOR OF FUNCTIONS OF PROPRIETOR

Recently in the Republic of Belarus the necessity of separation of functions of the state on management and functions realized by the state within implementation of powers of the owner is actively discussed. This article highlights the problems for such distribution in terms of the continuum of civil law relations and inter-sectoral complexity of legal relations of the state property.

Keywords: the state property, the state property management, ownership functions, ownership, use and disposal powers.

УДК 340.130

А.В. Григорьев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: grigor-alex@mail.ru)

ПРОБЛЕМА ЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА ПРАВОВОЙ НОРМЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОТРАСЛЯХ БЕЛОРУССКОГО ПРАВА

В четырех частях

Часть 3

Исследуются различные подходы к структуре правовой нормы с точки зрения деонтической логики. Анализируются двухэлементный и трехэлементный подходы к структуре правовой нормы на примере норм охранительного права. Акцентируется внимание на специфике структурных элементов норм международного права. Рассматривается антрополого-правовой подход к структуре правовой нормы.

Ключевые слова: гипотеза, диспозиция, норма права, санкция, структура, теория права, юридическая наука.

В юридической науке трехэлементную структуру нормы права обычно называют логической структурой (ее элементы в виде гипотезы, диспозиции и санкции выводятся логическим путем, так как могут содержаться в различных статьях (частях) нормативного правового акта (актов). Двухэлементная структура нормы права носит название реальной, которая обычно отождествляется с элементами статьи нормативного правового акта (нормативного предписания). Однако Н.Ф. Ковкель в исследовании «Логика и язык закона» на основе анализа логической природы правовых понятий закона и его правовых предписаний приходит к выводу о том, что трехэлементную структуру нормы права точнее именовать полной юридической структурой, а двухэлементную – неполной юридической структурой или структурой нормативного предписания [1, с. 77–78].

Дело в том, что большинство ученых отождествляют норму права с нормативным предписанием. Хотя с точки зрения деонтической логики норма права относится к категории логических норм, а нормативные предписания – к числу нормативных (деонтических) высказываний (определяются современной логикой как выражения, в которых что-либо разрешается, запрещается или указывается на обязательность осуществления либо не осуществления определенного действия), выступая формой выражения логических норм. При этом нормативные предписания образуются посредством использования деонтических модальностей. Дело в том, что деонтическая логика оперирует объективными деонтическими модальностями (модусами), две из которых – «обязательно» и «запрещено» – являются ее сильными модальностями, а модальность «разрешено» – слабой.

Так, с точки зрения деонтической логики подавляющее большинство нормативных предписаний, содержащихся в Конституции Республики Беларусь, Уголовном кодексе Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, всех процессуальных кодексах и ряде иных законов Республики Беларусь, сформулировано именно дескриптивным языком в виде повествовательных, констатирующих, а не побудительных нормативных предложений. Являясь нормативными высказываниями с деонтическими модальностями, эти предписания выражаются не прескриптивным языком в форме побудительных предложений, а дескриптивным языком в форме повествовательных предложений. При этом грамматическая

форма таких предписаний не адекватна их логической природе. Основной причиной неадекватного выражения нормативных предписаний закона в грамматических предложениях является стремление к законодательной экономии: краткому, компактному выражению содержания закона в его тексте. Предложения повествовательного характера чаще всего используются законодателем в тех случаях, когда необходимо в одном предписании выразить различные деонтические модальности, адресатами которых выступают различные субъекты права. Например, в предписании ч. 1 ст. 139 УК имплицитно выражены следующие деонтические модальности: запрет совершения убийства, адресованный всем субъектам уголовного права; обязывание и разрешение суду наказывать лиц, совершивших убийство, указанным в предписании способом; обязывание преступника претерпевать меры наказания, определенные судом [1, с. 87].

Наибольший интерес представляет строение нормы охранительного права. В рамках доктрины уголовного, административного, налогового и ряда других отраслей права не сформировалось однозначного представления о структуре правовой нормы. При этом в научной литературе довольно часто имеют место противоречивые суждения. Согласно двухэлементному подходу в структуре уголовно-правовой нормы выделяют только два ее элемента: (гипотезу и санкцию) или (диспозицию и санкцию). При этом под диспозицией понимается часть нормы, в которой содержится указание на конкретное деяние, признаваемое преступлением. Представители трехэлементной структуры нормы права подходят к этому критически, так как полагают, что их оппоненты учитывают нормативные положения только Особенной части УК, отождествляя структуру нормы права со статьей нормативного правового акта. Так, сторонники трехэлементной структуры уголовно-правовой нормы утверждают, что уголовно-правовые нормы Особенной части УК, как и в целом правовые нормы, содержат три элемента: гипотезу, диспозицию и санкцию. Однако в статьях Особенной части УК (частях статей) в соответствии с приемами законодательной техники выделяются только две части: диспозиция и санкция. В диспозиции фактически в свернутом виде законодатель включает как гипотезу, так и диспозицию уголовно-правовой нормы.

Аналогичные рассуждения можно встретить при исследовании структурных элементов заещающих норм административного права. Тем не менее ни один из подходов не стал господствующим в правоведении.

Проанализированные нами подходы к структуре нормы права характерны для романо-германской правовой семьи, где основным источником (формой) права признается нормативный правовой акт. Свои особенности имеет структура нормы права в англосаксонской правовой семье, где, как известно, основным источником (формой) права выступает юридический прецедент. Специфика англосаксонской правовой семьи состоит в том, что нормы общего права обуславливаются в первую очередь ее неписаной формой. Неписанный характер общего права заключается в том, что его нормы, как правило, лишь подразумеваются в судебных решениях, а не изложены в них прямо. По этой причине в юридической и судебной практике США, работах теоретического плана сам термин «правовая норма» редко применяется в отношении судебных решений. Значительно чаще юриспруденция прибегает к использованию или самого термина «прецедент», который привязывается к индивидуальному решению, его установившему, или понятия «судебная доктрина», которое связывается обычно с целой серией однотипных судебных решений. В этой связи сама норма общего права в значительной степени отличается от нормы права в романо-германской правовой семье, а структурные элементы (гипотеза, диспозиция, санкция) норм общего права, выведенных из отдельного судебного казуса, настолько расплывчаты, что не только не поддаются описанию, но нередко являются просто «неуловимыми» [2, с. 91–92].

Дискуссионным является вопрос о структуре норм международного права, которое обладает определенной спецификой по сравнению с внутригосударственным правом. Утверждается, что такие нормы состоят из двух частей. Первая называется объемом коллизионной нормы. В ней говорится о соответствующем правоотношении, к которому она применима. Вторая носит условное название коллизионной привязки. Привязка – это указание на закон (правовую систему), который подлежит применению к данному виду отношений [3, с. 83].

Тем не менее для норм международного права также может быть применима трехэлементная структура норм права, так как в статьях международных договоров явно выражены гипотеза и диспозиция. Что касается санкции, то следует учитывать, что, с одной стороны, большая часть норм международного права носит рекомендательный характер, в силу чего в них отсутствует

санкция, с другой – содержащиеся в международном праве общепризнанные принципы и иные обязательные нормы права носят императивный характер, предусматривая негативные последствия за их нарушение. Но отсутствие четких санкций не означает отсутствия санкций вообще: подобное утверждение, по мнению Е.А. Петровой, лишило бы международное право какой-либо юридической силы. Большинство норм современного международного права имеет письменную форму и договорный характер. В статьях международных договоров чаще всего явно выражены лишь гипотеза и диспозиция. Однако, исходя из общепризнанного принципа международного права « *Pacta sunt servanda*», любое нарушение государством взятых на себя международных обязательств должно повлечь за собой международно-правовую ответственность. В этой связи санкции в международно-правовых нормах в любом случае подразумеваются и могут содержаться в специальных международных договорах [2, с. 94].

Отыскание всех структурных элементов правовой нормы необходимо для правильного понимания мысли законодателя, выраженной в норме права с помощью языковых средств. Установление точного смысла правовой нормы, который не совпадает с ее языковым (текстуальным) выражением, осуществляется в процессе толкования. Для решения этой задачи необходимо использовать достижения юридической лингвистики. Так, с точки зрения языкового анализа нормы права интерес представляет работа Ю.А. Гавриловой «Толкование права по объему» (2008 г.). По утверждению автора диссертации, для корректного толкования нормы права необходимо введение в понятийный аппарат юриспруденции понятия смыслового поля правовой нормы и концепта. В положениях, выносимых на защиту, исследователь приводит следующие дефиниции: «Смысловое поле – это мера распространения смысла и пределов действия правовой нормы. Оно характеризуется сложной структурой, включающей в себя смысловое ядро и смысловую периферию. Каждый из данных элементов объединяет определенные слои смыслового поля и оттенки смысла. Смысловое ядро – это первооснова, содержательная доминанта правовой нормы. Ядро представляет собой определенный концепт (ценность), получивший идейное обоснование и нормативно-понятийное закрепление в логической структуре правовой нормы. Оно включает в себя инвариантный слой (концепт и идею) и нормативно-понятийный слой (гипотеза, диспозиция и санкция). Смысловая периферия – это «подвижная» часть смысла правовой нормы, в которой раскрываются, дополнительные оттенки этого смысла в виде предметного, праксеологического (слоя актуализированной юридической практики), оценочного и символично-ассоциативного слоев» [4, с. 11].

Продолжая обозначенную мысль, В.И. Павлов полагает, что если толкование нормы требует выявления таких сложных элементов, как смысловое поле, ядро, периферия, значит теоретическая работа по созданию нормы права должна определять эти правовые образования, причем носящие не субстанциальный, а антрополого-правовой, идейно-смысловой характер и неизменно связанные с моделью человека в праве и с его деятельностью. В этой связи, по мнению ученого, структура нормы права должна содержать помимо элементного логического строения нормы права еще и иной тип представления, обусловленный ее антропологическим смыслом. Таким смыслом выступает понимание нормы права в едином цельном антрополого-текстуальном значении; выделении знаково-текстуального (документарное знаковое выражение правила поведения в нормативном правовом акте либо ином источнике права) и смыслового значения (актуализация знакового выражения нормы права субъектом понимания, осуществляемая на уровне правового существования исходя из личностных свойств субъекта) нормы права. Собственно, это и есть конструкция нормы права в энергично-правовом дискурсе, дискурсе антрополого-правовом. Следовательно, в юридическом смыслообразовании участвует правовой смысл, не только проектно представленный в тексте нормативного правового акта, но и рождающийся на уровне конкретного правового существования лица, эту норму реализующего [5, с. 159–160].

Рассмотрение структуры нормы права в таком онтологическом контексте характерно для антропологического подхода. В этом состоит отличие подходов, применяемых в основном для классических типов правопонимания в рамках логической структуры нормы права. Такие подходы к структуре нормы права были сформированы в различных правовых традициях и применяются для национального и международного законодательства. Однако при этом содержанием классического юридического дискурса выступает нормативный порядок, как правило, исключая

ющий антропологическое содержание юридической деятельности. В результате этого игнорируются личностные юридически значимые ценности в праве, а многие современные проблемы современного правоведения, в том числе определения структуры нормы права, уже не могут быть разрешены в рамках классических подходов. Все более очевидно, что «идеальная модель» правового регулирования не может быть реализована явлениями только юридического характера (реализация норм права, юридическая ответственность, принципы права, юридические факты, механизм принуждения и др.). Кроме того, в последнее время все больше подвергается критике юридический детерминизм, согласно которому все проблемы можно решить, опираясь лишь на арсенал юридических методов и средств.

В этой связи антропологическое правопонимание как направление неклассической юридической науки претендует на переосмысление человека в праве и структуры нормы права как элементов правовой реальности. В антропологическом подходе к праву последнее выявляется в ситуации встречи человека в праве с нормой права и фактом правовой жизни – именно в этой точке осуществляется измерение нормативности права в контексте его человекомерности. Для антропологии права именно человекомерность, факт правового существования является ключевым критерием измерения, поскольку право ценно не столько своей абстрактной сущностью, сколько качеством обеспечения правового бытия как конкретного правового существования человека в правовой действительности [6, с. 325–375].

При таком подходе структуру нормы права следует рассматривать не только как классический коррелят ее традиционных структурных элементов (гипотеза, диспозиция, санкция), т. е. представлять ее не только структурно-логически, но и структурно-онтологически, как юридический знак, призванный указывать на два элемента: правовой смысл (смысловое значение) и объект правового регулирования (предметное значение). При этом акцент делается на онтологической структуре нормы права, которая отражает способ ее существования и реализации в правовой действительности.

Если объект правового регулирования, или предметное содержание нормы права как юридического знака (знаковой части нормы права), всегда более или менее определен в виде собственного нормативного регулирования как указания на способ динамики правовых отношений, направление разворачивания регламентируемой юридически значимой жизненной ситуации, то правовой смысл нормы как юридического знака требует интерпретационной работы, поскольку смысловое значение знака – это то, что понимает под ним пользователь данного знака. При этом правовой смысл в таком значении выступает, как мысленное содержание юридического (нормативного правового) тела (знака), или определенной письменно зафиксированной формы (статья, глава, раздел нормативного правового акта), правила поведения, которое выражается и усваивается только в процессе актуального понимания (герменевтики) правового знака через придание ему субъектом определенного значения.

В дальнейшем такой правовой смысл в таком контексте в сочетании с опытом реализации нормативных положений образует правоприменительную практику, в рамках которой появляются самостоятельные правовые смыслы как результат приложения норм права к жизненным ситуациям. И здесь важно отметить, что эти правовые смыслы создаются конкретными практиками-правоприменителями – судьями, прокурорами, следователями [7, с. 558].

Окончание следует

Список использованных источников

1. Ковкель, Н.Ф. Логика и язык закона / Н.Ф. Ковкель. – Минск : Право и экономика, 2009. – 299 с.
2. Петрова, Е.А. Основные подходы к структуре нормы права в различных правовых традициях / Е.А. Петрова // Lex russica. – 2015. – № 1. – С. 84–95.
3. Богуславский, М.М. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Междунар. отношения, 1994. – 416 с.
4. Гаврилова, Ю.А. Толкование по объему : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю.А. Гаврилова ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2008. – 30 с.
5. Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В.И. Павлов. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 262 с.

6. Павлов, В.И. Антропологическая концепция права / В.И. Павлов // Постклассическая онтология права : монография / под общ. ред. И.Л. Честнова. – СПб. : Алетей, 2016. – 688 с.

7. Павлов, В.И. Судебное правотворчество в контексте теории интерпретации и антропологической концепции права : в 2 ч. / В.И. Павлов, Н.М. Дубрава // Юрид. техника. – 2014. – № 8. – Ч. 2. – С. 553–560.

Дата поступления в редакцию: 22.10.19

A.V. Grigoriev, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE PROBLEM OF ELEMENTAL COMPOSITION OF LEGAL NORMS IN THE THEORETICAL LEGAL SCIENCE AND BRANCHES OF BELARUSIAN RIGHT (PART 3)

The article examines different approaches to the structure of the legal norm from the point of view of deontic logic. The analysis of the two-element and three-element approach to the structure of the legal norm on the example of the rules of protective law is given. Attention is drawn to the specifics of the structural elements of international law. The anthropological and legal approach to the structure of the legal norm is analyzed.

Keywords: hypothesis, disposition, norms of law, sanction, structure, theory of law, legal science.

УДК 343.8

*Н.В. Куйко, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: avant_n@mail.ru)*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕПАРТАМЕНТА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТА СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются вопросы становления и развития современной уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь с момента распада СССР до настоящего времени. Проанализированы проблемы, сформировавшиеся после образования СНГ, и пути их решения. Характеризуются организационно-управленческие преобразования в пенитенциарной системе Беларуси, отражаются ключевые достижения и результаты ее функционирования с момента провозглашения независимости страны. Определена роль уголовно-исполнительной системы в обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь.

Ключевые слова: наказание, уголовно-исполнительная система, уголовно-исполнительный кодекс, Департамент исполнения наказаний, лишение свободы, исправительные учреждения, лечебно-трудовые профилактории, заключение под стражу.

Структурным элементом национальной безопасности Республики Беларусь выступает социальная безопасность, под которой понимается состояние защищенности жизни, здоровья и благополучия граждан, духовно-нравственных ценностей общества от внутренних и внешних угроз.

Важное место в системе гарантий социальной безопасности Беларуси принадлежит деятельности по обеспечению общественной безопасности и безопасности жизнедеятельности населения, снижению уровня преступности и криминализации общества, предупреждению и борьбе с преступностью. Исполнение наказания – одна из составляющих борьбы с преступностью, следовательно, уголовно-исполнительная система выступает одним из средств обеспечения национальной безопасности республики.

С обретением независимости для Беларуси начинается новый этап в развитии государства, одной из характерных особенностей которого стало укрепление правовой основы государственной и общественной жизни (ст. 59 Конституции). Прекращение существования СССР всесторонне повлияло на функционирование общества и государства; не стала исключением и сфера исполнения наказаний. В рассматриваемый период политика государства в области борьбы с преступностью подверглась существенным преобразованиям. Основное ее содержание в применении правовых средств заключалось в дальнейшей дифференциации назначения и испол-

нения наказаний, в том числе расширение применения видов наказаний, не связанных с лишением свободы, оптимальная минимизация применения лишения свободы в качестве наказания за совершенное преступление. Перед органами, исполняющими наказание, были поставлены новые ориентиры, менялась практика их деятельности, возникла необходимость формирования качественных подходов к решению задач исправления осужденных, их ресоциализации и последующей интеграции в общество.

В начале 90-х гг. XX в. в стране действовала устаревшая, не отвечающая складывающимся общественно-политическим и социально-экономическим процессам нормативная правовая база, регламентирующая исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности.

На момент распада СССР значительная часть осужденных, совершивших преступление на территории Беларуси, отбывала наказание в учреждениях Российской Федерации. Возврат этих осужденных обусловил существенное увеличение численности осужденных в исправительно-трудовых учреждениях (далее – ИТУ) Республики Беларусь, материально-техническая база которых не позволяла обеспечить исполнение наказания на должном уровне. В то же время межгосударственные договоры о передаче осужденных для отбывания наказания в государствах, гражданами которых они являются, отсутствовали.

Прогнозируя дальнейший рост численности лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), правительство приняло ряд организационно-практических мер. Ряд лечебно-трудовых профилакториев (далее – ЛТП) были преобразованы в исправительные учреждения, под ИТУ были переданы высвободившиеся военные городки, на базе которых созданы исправительно-трудовые колонии. Это позволило снять напряженность в учреждениях УИС, не допустить массовых беспорядков, групповых неповиновений и стабилизировать оперативную обстановку.

В июне 1991 г. управление исправительно-трудовых учреждений МВД преобразовано в управление по исправительным делам Главного управления по исполнению наказаний МВД Республики Беларусь, в сентябре 1994 г. – в Главное управление по исполнению наказаний и тыловому обеспечению МВД Республики Беларусь, а в марте 1996 г. – в Главное управление по исполнению наказаний МВД Республики Беларусь (далее – ГУИН). ГУИН состояло из штаба и управлений по оперативно-режимной работе, производству и коммунально-бытовому обеспечению спецконтингента, финансового обеспечения, бухгалтерского учета и отчетности, а также исполнению наказаний, не связанных с лишением свободы.

ГУИН отвечало за исполнение уголовных наказаний по приговорам судов в виде лишения свободы, содержание заключенных под стражей, исполнение условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением к труду, исполнение наказания в виде исправительных работ. В областях республики были созданы отделы по исправительным делам и исполнению видов наказаний, не связанных с лишением свободы, на которые возлагались контроль подведомственных учреждений и спецкомендатур, оказание им организационной помощи.

В ноябре 1991 г. было принято решение о необходимости приведения условий содержания осужденных и подследственных к международным стандартам. Определился ряд кардинальных изменений в режиме отбывания наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества.

В сентябре 1996 г. ГУИН было преобразовано в Комитет по исполнению наказаний (далее – КИН) МВД Республики Беларусь. В областях были введены должности заместителей начальников УВД по исполнению наказаний. Эти организационные преобразования значительно повысили статус указанной службы, определили направления совершенствования ее дальнейшей организационной структуры, придали ей большую самостоятельность.

В ноябре 1996 г. были значительно расширены возможности применения институтов условно-досрочного освобождения от наказания, утверждена Государственная программа первоочередных мер по оздоровлению обстановки в исправительно-трудовых учреждениях и совершенствованию системы исполнения наказания в виде лишения свободы. Один из ее пунктов предусматривал подготовку Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК). Необходимость его принятия диктовалась тем, что реализация уголовно-исполнительной политики невозможна без существенных изменений законодательной базы, которая определяла бы основные направления в области исполнения наказаний.

В первой половине 1997 г. завершилось реформирование организационной структуры КИН. Она состояла из аппарата начальника КИН, управления по организации исправительно-го процесса, управления оперативно-режимной работы, управления исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, кадрового аппарата, управления организации производства и тылового обеспечения, управления финансового обеспечения и бухгалтерского учета. Впервые было создано управление по организации исправительного процесса, которое по своим задачам и функциям охватывало в основном весь спектр деятельности ИТУ.

В октябре 1997 г. в Исправительно-трудовой кодекс (далее – ИТК) внесены изменения, предусматривающие порядок исполнения и отбывания наказания в виде ареста и пожизненного заключения, а через два года (в 1999 г.) образованы областные управления исполнения наказаний, подчиняющиеся напрямую КИН.

С учетом того, что в Беларуси продолжал действовать ИТК 1971 г., в 1997 г. началась работа по подготовке УИК, который был принят в 2000 г. и введен в действие с 1 января 2001 г. При разработке кодекса учтены прежний опыт в области исполнения наказания и продолжена практика имплементации в отечественное законодательство общемировых прогрессивных идей в области исполнения уголовных наказаний, реализации международных стандартов в сфере отправления правосудия. Новый УИК впервые в истории законодательства Беларуси об исполнении наказаний урегулировал порядок и условия исполнения всех видов наказаний и иных мер уголовной ответственности, предусмотренных УК. Так, в новом кодексе впервые формируются цели, задачи и принципы законодательства, закрепляющие основные положения пенитенциарной политики Республики Беларусь. Реализация принципов указанного законодательства находит свое выражение в правовом положении осужденных, которому в законе уделяется много внимания, что создает гарантии защиты их прав, свобод и законных интересов. Определяя правовой статус осужденных, кодекс учел международные нормы и стандарты, относящиеся к исполнению наказаний и обращению с заключенными: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955) (занимают особое место среди документов, касающихся лишения свободы); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984); Всеобщая декларация прав человека (1948); Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979); Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни (1984), и др. В УИК также определяются основные средства исправления осужденных и впервые дается понятие «исправление осужденных» (ч. 2 ст. 7) вместо термина «исправление и перевоспитание осужденных». Такое изменение было обусловлено тем, что осужденному в период отбывания наказания должны прививаться элементарные навыки социально полезного поведения, поэтому ставить перед правоохранительными органами и учреждениями задачу перевоспитания осужденных, особенно в условиях изоляции от общества, нецелесообразно. Кодекс предусматривает и комплекс положений, регулирующих порядок и условия исполнения наказаний, применения средств исправления осужденных, порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, процедуру участия органов государственной власти и органов местного управления, а также граждан в исправлении осужденных, порядок освобождения от наказания и оказания помощи освобожденным лицам. В УИК дифференцируются условия отбывания наказаний в зависимости от категории осужденных.

Указом Президента Республики Беларусь от 19 июня 2000 г. № 349 Комитет по исполнению наказаний МВД Республики Беларусь преобразован в Комитет исполнения наказаний при МВД Республики Беларусь, а в сентябре 2001 г. преобразован в Комитет исполнения наказаний МВД Республики Беларусь.

В 2003 г. завершена длительная работа по подготовке Закона Республики Беларусь «О порядке и условиях содержания лиц под стражей», закрепившего прогрессивные идеи обеспечения прав человека при реализации меры пресечения в виде заключения под стражу. Принятый закон уже соответствовал ведущим мировым стандартам в рассматриваемой сфере.

Завершающим этапом формирования современной УИС Республики Беларусь является издание Указа Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2003 г. № 603, в соответствии с которым Комитет исполнения наказаний преобразован в Департамент исполнения наказаний (далее – ДИН) МВД Республики Беларусь.

В июле 2007 г. принят Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», согласно ст. 11 которого органы и учреждения УИС функционально входят в состав системы органов внутренних дел Республики Беларусь, выступая составной частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

В настоящее время в соответствии со ст. 21 указанного закона органы и учреждения УИС (ДИН и подчиненные ему подразделения и учреждения) осуществляют функции по исполнению и регулированию отбывания наказаний, принудительной изоляции и медико-социальной реадaptации с обязательным привлечением к труду граждан, находящихся в ЛТП; по исполнению меры пресечения в виде заключения под стражу, актов амнистии и помилования; по осуществлению розыска лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, принудительной изоляции и медико-социальной реадaptации с обязательным привлечением к труду; по руководству деятельностью органов и учреждений УИС МВД, ЛТП.

В начале 2010 г. принят Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них», определивший основания и порядок для направления граждан в ЛТП, организацию деятельности ЛТП, правовое положение граждан, находящихся в них, основания для прекращения пребывания, продления и сокращения срока пребывания граждан в ЛТП, иные отношения, возникающие при исполнении решений судов о направлении граждан в ЛТП.

С учетом тщательного анализа складывающейся ситуации в сфере противодействия преступности и исполнения наказаний разработана и утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Важным направлением реформирования УИС стало определение государственной политики по обеспечению прав человека в отношении осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей. Кроме того, продолжена планомерная работа по приведению национального законодательства в соответствие с международными нормами и стандартами в области соблюдения прав человека, а также внесены изменения в различные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы исполнения наказаний. Одним из результатов реализации концепции стало снижение уровня назначаемого лишения свободы в системе уголовных наказаний.

В 2016 г. утверждена Концепция развития организаций уголовно-исполнительной системы и лечебно-трудовых профилакториев МВД Республики Беларусь, закрепившая основные направления дальнейшего совершенствования и развития ДИН, управлений ДИН по областям, управления ДИН по г. Минску и Минской области, учреждений и предприятий УИС, ЛТП МВД Республики Беларусь. Основной целью реализации данной концепции является повышение организациями УИС эффективности исполнения наказаний, меры пресечения в виде заключения под стражу, направления и пребывания граждан в ЛТП, исправительного и предупредительного воздействия в отношении осужденных, лиц, содержащихся под стражей, граждан, находящихся в ЛТП.

В настоящее время структуру УИС составляют: центральный орган управления – ДИН, 6 управлений по областям, 19 исправительных колоний, в том числе 7 исправительных колоний для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, 8 исправительных колоний для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, 3 исправительных колонии-поселения, 1 исправительная колония особого режима, 1 воспитательная колония, 3 тюрьмы, 6 следственных изоляторов, 29 исправительных учреждений открытого типа и 7 арестных домов. Кроме того, в подчинении ДИН МВД находится 8 ЛТП, которые организационно в структуру УИС не входят.

Для организации труда осужденных в учреждениях УИС имеется соответствующая материальная база на республиканских унитарных производственных предприятиях (образованы в 2004 г.) или в производственных мастерских исправительных учреждений, а также в иных организациях всех форм собственности с обеспечением надлежащей охраны и изоляции. В УИС функционируют 15 предприятий, 4 филиала и 9 внебюджетных производственных мастерских, имеющих собственную производственную базу.

Знаковым событием явилось проведение в мае 2017 г. в г. Минске заседания Совета руководителей пенитенциарных служб государств – участников СНГ. В мероприятии принимали участие представители Исполнительного комитета СНГ, пенитенциарных служб Республики Беларусь, Федеральной службы исполнения наказаний России, Киргизии, Армении, Казахстана, Таджикистана, Азербайджана, Молдовы, Синодального отдела Московского Патриархата по тюремному

служению. В рамках встречи подписан ряд документов, направленных на совершенствование взаимодействия и деятельности пенитенциарных служб государств – участников СНГ и обеспечение безопасности в пенитенциарной сфере Содружества.

Таким образом, именно в области исполнения наказаний достигаются охранительные цели уголовного закона и наказания, происходит исправление преступника, устраняется опасность его личности для общества. Обеспечение социальной стабильности, постоянного роста качества и уровня жизни населения напрямую связано с повышением эффективности исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности.

Стабильное функционирование органов и учреждений УИС выступает одним из существенных аспектов реализации политики государства в сфере правоохранительной деятельности, направленной на защиту конституционных прав и свобод граждан, выполнение специфической государственной задачи по обеспечению национальной безопасности.

В системе обеспечения национальной безопасности страны уголовно-исполнительная политика является одним из направлений нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности, гарантирующим защиту конституционных прав и свобод, законных интересов личности, общества и государства.

Принятые с момента провозглашения независимости Республики Беларусь меры значительно повысили статус УИС, определили направления совершенствования ее дальнейшей организационной структуры, придали ей большую самостоятельность.

Дата поступления в редакцию: 14.11.19

N.V. Kiyko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Penal Executive Law Academy of the MIA of the Republic of Belarus

BASIC STAGES OF FORMATION OF THE DEPARTMENT OF EXECUTION OF PUNISHMENTS AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL SECURITY SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article deals with the formation and development of modern penal system of the Republic of Belarus from the moment of the collapse of the USSR to the present. The analysis of problems that took place after formation of the CIS and ways to solve them are found carried out. Characteristic of organizational and managerial transformations in the penitentiary system of Belarus are given, key achievements and results of its functioning from the moment of the country's independence are reflected. The role of the penal system in ensuring the national security of the Republic of Belarus is determined.

Keywords: punishment, penal system, penal code, penitentiary department, imprisonment, correctional institutions, medical labor dispensaries, detention.

УДК 342.91

О.В. Коховец, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: oleg.kohovec@mail.ru)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОРЯДКА ОБЖАЛОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Предпринята попытка ретроспективного анализа порядка обжалования на территории Беларуси в составе Великого княжества Литовского. Выявлены основные тенденции и закономерности развития института обжалования на белорусских землях в рассматриваемый период. Проведен анализ законодательства Великого княжества Литовского, регламентирующего порядок обращения и рассмотрения жалоб, от отдельных нормативных правовых актов до первых кодифицированных сборников права. Определены роль и значение Статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. и их влияние на качественное развитие института обжалования.

Ключевые слова: жалоба, обжалование, статут, устная жалоба, сборники права, институт обжалования.

Решение задач по совершенствованию и реформированию законодательства в сфере обжалования в государственном управлении невозможно без комплексного сравнительно-исто-

рического анализа, обращения к законодательному опыту предыдущих эпох. Обращение к историко-правовому методу исследования позволяет выявить определенные закономерности формирования института обжалования, а также установить тенденции его развития на территории белорусского государства в конкретный исторический период.

Анализируя процесс становления рассматриваемого института в Великом княжестве Литовском, следует отметить, что в существовавшей тогда системе законодательства особое место отводилось «волостным привилеям», которые выдавались тем или иным волостям в результате подачи жалобы различными слоями населения на противоправные действия органов местного управления. Так, Я.А. Юхо отмечает, что «гаспадарскія лісты, статуты, вырокі выдаваліся валасцям часцей за ўсё ў выніку чалавітнай скаргі насельніцтва на парушэнне даўніны і самавольства мясцовай адміністрацыі» [1, с. 154]. И.Н. Кузнецов указывает, что «волостные привилеи, как правило, выдавались по просьбе жителей волостей, расположенных на государственных (великокняжеских) землях, в связи с произволом администрации (незаконное увеличение размера податей, новые подати и повинности)» [2, с. 46]. В качестве примера следует привести факт выдачи подобной «привилеи» в 1535 г. жителям Усвятской и Озерицкой волостей в связи с их жалобой на витебского воеводу, а в 1536 г. – жителям Могилевской волости в связи с поступившей Великому князю жалобой на державца.

Особый интерес в рамках рассматриваемой проблематики вызывает деятельность в городах, получивших Магдебургское право, общих собраний городского населения, которые помимо решения общегородских вопросов рассматривали те или иные жалобы. Так, Т.И. Довнар отмечает, что «на гэтых сходах выпрацоўваліся скаргі і чалавітныя ўраду, разглядаліся пытанні выдаткоўвання гарадскіх грошай, маглі даваць справаздачы бурмістры, выносіліся пастановы аб зборы сродкаў на гарадскія патрэбы, выказваліся патрабаванні аб пазбаўленні пасады тых ці іншых службоўцаў гарадскога кіравання, часам разглядаліся неадкладныя крымінальныя справы» [3, с. 72].

Новым этапом развития института обжалования в Великом княжестве Литовском стало осуществление общегосударственной кодификация права, которая имела своей целью создание абсолютно нового систематизированного законодательства, соответствующего юридическим потребностям того времени. Отличительной чертой проведенной кодификации являлась унификация права, которая предусматривала замещение местного права отдельных регионов единым общегосударственным правом. Это свидетельствовало о факте законодательного закрепления правового порядка, в соответствии с которым все органы государственного управления и их должностные лица обязаны осуществлять свою деятельность только согласно действующему законодательству, что благоприятно отразилось на дальнейшем развитии института обжалования, так как в результате кодификации права были устранены имеющиеся неточности и разночтения, а также введен принцип единообразия.

Первым примером проведенной кодификации норм права явился Судебник Казимира 1468 г., основная задача которого заключалась в введении в судебную практику принципа единообразия при отправлении правосудия. Этот нормативный правовой акт состоял из 25 статей, среди которых особый интерес в рамках исследуемой проблематики вызывает содержание ст. 21, закрепляющей право обращения с жалобой «а которыи бы сами собою порубы делали, а любо наезды чинили: ино, кому сталася кривда, тот и маеть ся нам жаловати» [4, с. 31]. Согласно рассматриваемому документу, окончательное решение по поступившей жалобе принималось непосредственно Великим князем, а в случае его отсутствия паны-рада должны были провести предварительные проверочные мероприятия, установив объективность поданной жалобы, и в последующем принять меры, направленные на задержание лица, в отношении которого она поступила. По данному поводу С.Г. Ковалева отмечает: «... радні пани мали лише встановити сам факт правопорушення за поданою скаргою, після чого правопорушніка слід було ув'язнити до повернення великого князя у Литву» [5, с. 92].

Помимо Судебника Казимира 1468 г. значительное влияние на развитие и преобразование института обжалования на белорусских землях оказало издание таких кодифицированных сборников права как Статуты Великого княжества Литовского (1529, 1566 и 1588 г.).

Статут 1529 г. явился первым кодифицированным сборником норм права Великого княжества Литовского, в котором получает свою четкую регламентацию право обжалования неправо-

мерных действий тех или иных лиц. При этом следует отметить, что немаловажная роль в восстановлении и защите прав населения в анализируемый период отводилась судам, принимавшим жалобы, а также устанавливавшим порядок их рассмотрения. В Статуте 1529 г. закрепляется право обращения с соответствующей жалобой на действия наместника в вышестоящий орган в связи с ненадлежащим рассмотрением последним ранее поступившей жалобы (ст. 5). Кроме того, указанная статья содержит алгоритм обжалования тех или иных решений должностных лиц государства, что являлось значительным достижением, поскольку данный алгоритм подробно разъяснял населению ВКЛ саму процедуру обращения с жалобой и, следовательно, способствовал гарантированной защите и восстановлению нарушенных прав. В анализируемом сборнике права находит свое юридическое закрепление слово «жалобник», как характеристика лица, обратившегося с жалобой, что отображается в содержании ст. 12: «Коли бы который жалобник, позвавши, на року завитом готов не был и з своими доводы ку которой ся справе брал, тот свою реч тратит, а врадник не маеть ему отволоки допушати» [6, с. 77]. Приведенная статья также указывает на юридические и правовые последствия, которые могут наступить в случае непредставления лицом, обратившимся с жалобой, доказательств по ней в установленный срок. В данной ситуации жалоба не будет рассмотрена по существу, а жалующемуся будет отказано в предоставлении какой-либо отсрочки для приведения иных доводов. К тому же кроме вышеуказанных качественных изменений порядка обжалования Статут 1529 г. вводит ответственность для тех лиц, которые обратились с жалобой и впоследствии не явились в суд без уважительной причины (ст. 13). Анализируемый нормативный правовой акт, значительно опережая время, закрепил право обращения с жалобой в суд в случае совершения в отношении кого-либо неправомерных действий «кестли бы хто мел кого позвы позвати, тогды маеть жалобу свою в позвех выобразити» [6, с. 77].

Статут 1566 г. включил в себя нормы права предыдущего Статута, в значительной степени расширив отдельные их них. Это коснулось и норм, регламентирующих порядок обжалования, что было обусловлено необходимостью соответствия текущим требованиям развивающегося государства и его населения. В рассматриваемом нормативном правовом документе получает четкую регламентацию деятельность судов как основных государственных органов, уполномоченных принимать, рассматривать и выносить решения по жалобам. В этой связи возникла необходимость в качественном изменении деятельности судебной системы, а также расширения прав населения в суде путем внедрения законодательного порядка обращения с соответствующей жалобой на неправомерные действия в ходе судебного процесса (ст. 28). Дальнейшее развитие института обжалования на белорусских землях в период ВКЛ связано с введением более четкого порядка обращения с жалобой, а также специально предназначенного для этой цели бланка, который в последующем регистрировался в суде (ст. 29). Регистрация поступающих жалоб свидетельствовала о появлении более сложной организации деятельности правозащитных органов существующей и в наше время, а также исключала факт утери жалобы или отрицания ее подачи, что в значительной мере способствовало обеспечению соблюдения прав населения государственными органами. В ст. 30 Статута 1566 г. устанавливаются обязанности сторон в суде при рассмотрении той или иной жалобы с целью недопущения затягивания судебного процесса, возможности предоставления новых доказательств и при необходимости воспользоваться правом обращения за советом к своим адвокатам, без написания дополнительной жалобы «... абы у суду жалобы отпоръ поряднѣ безъ сваровъ и непотребного забавенья и проволоки шли, такъ уставуемъ, ижъ напередъ сторона поводова не чынечы жалобы ... маеть дать на правѣ позовѣ чести и позву своего слушнымъ доводомъ подпирати» [7, с. 114]. Это свидетельствовало о новом этапе развития института обжалования на территории Беларуси, а также усовершенствовании порядка рассмотрения обращений населения государственными органами.

В период нахождения Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой по-прежнему особое место в защите и восстановлении прав отводилось системе судебных органов, деятельность которых на принципиально новом уровне закреплена в отдельном разделе статута 1588 г. Так, в ст. 48 статута 1588 г. говорится о возможности обращения с жалобой в суд на действия лиц, нарушивших права тех или иных граждан либо причинивших им вред «... калі б каму ад чыіх-небудзь ураднікаў, слуг, баяр і падданных якія крыўды, шкоду ў справах звычайных, акрамя захопу земляў, чыніліся, тады павінен бок істцовы ўзяць ад пісара земскага позвы,

у якіх, апісаўшы ўсю скаргу сваю, тое дадаваць, каб яму з тымі абвінавачанымі тэрмін разгляду ўстанавіў і справядлівасць учыніў» [8, с. 85]. Указанная стат'я в том числе устанавливает сроки рассмотрения поступившей жалобы по существу, алгоритм действий лица, права или интересы которого были нарушены, сроки явки в суд лиц, в отношении которых была подана жалоба, а также в зависимости от совершенного поступка предусматривает соответствующие штрафные санкции. Это свидетельствует о появлении в анализируемом нормативном правовом акте процессуальных норм. В данном нормативном правовом акте вводится в юридический оборот понятие устной жалобы, что указывает на появление первой классификации жалоб, а также утверждается порядок их рассмотрения по существу (ст. 59). В ст. 86 Статута 1588 г. разъясняется порядок обжалования постановлений и решений суда и его должностных лиц в вышестоящие судебные инстанции, что на данном этапе развития правовой системы явилось значительным шагом вперед, так как подобная система обжалования законодательно закреплена и в настоящее время «калі б каму з падданных нашых пастанова суда земскага або замкавага, як саміх ваявод, старостаў, так і іх ураднікаў судовых або падкаморнага, або камісарская не згодная з правам падалося як істцу, так і адказчыку, тады кожнаму з тых бакоў, як істцу, так і адказчыку, можна будзе пасля судовай пастановы абскардзіць у галоўны суд аб тым, што яму судзіць належыць» [8, с. 100]. С целью усовершенствования порядка обжалования, исключения фактов необоснованно направленных обращений законодателем утверждается перечень обстоятельств, при наличии которых жалоба не принимается к рассмотрению (ст. 88). К качественным изменениям законодательства в сфере обжалования в рассматриваемый период следует отнести установление ответственности (штрафных санкций) для лиц, которыми жалоба была подана безосновательно, что имело положительный практический эффект, так как освобождало судебные органы от рассмотрения подобных дел, а также служило залогом уменьшения количества таких жалоб. Кроме того, анализируемый сборник права устанавливал срок подачи жалобы на постановление, вынесенное судом, а также подробно разъяснял порядок действий лица, выразившего несогласие с принятым решением (ст. 90).

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что правовое закрепление порядка обжалования в Великом княжестве Литовском прошло путь от отдельных нормативных правовых актов до принятия кодифицированных сборников права, в которых свою четкую регламентацию получает право обращения с жалобой. В этот период происходит зарождение процессуальных норм, предпринимается первая попытка законодателя классифицировать жалобы на письменные и устные, впервые устанавливаются требования к содержанию жалобы, сроки ее подачи и рассмотрения, а также ответственность лиц, обратившихся с необоснованной жалобой. Указанные достижения свидетельствуют о зарождении института обжалования на территории белорусского государства. Являясь прогрессивными для своего времени, они оказали значительное влияние на формирование последующего законодательства, регулирующего вопросы подачи жалоб.

Список использованных источников

1. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / Я.А. Юхо. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 270 с.
2. Кузнецов, И.Н. История государства и права Беларуси : пособие для студентов высш. учеб. заведений / И.Н. Кузнецов, В.А. Шелкопляс. – Минск : Тесей, 2004. – 320 с.
3. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.
4. Юргинис, Ю. Судебник Казимира 1468 г. / Ю. Юргинис. – Вильнюс : Минтис, 1967. – 34 с.
5. Ковальова, С.Г. Судебник великого князя Казимира Ягайловича : монографія / С.Г. Ковальова. – Миколаїв : Вид-во ЧДУ им. Петра Могили, 2009. – 112 с.
6. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. под ред. К.И. Яблонского. – Минск : изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 253 с.
7. Доўнар, Т.І. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо ; рэдкалегія Т.І. Доўнар і інш. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с.
8. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на бел. мову А.С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2005. – 207 с.

Дата поступления в редакцию: 21.07.19

O.V. Kokhovets, *Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

LEGAL REGULATION OF THE ORDER OF APPEAL ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE PERIOD OF THE GREAT DUCHY OF LITHUANIA

An attempt was made to retrospectively analyze the appeal procedure in Belarus as part of the Grand Duchy of Lithuania. The main trends and patterns of development of the institution of appeal on Belarusian lands in the period under review are identified. The analysis of the legislation of the Grand Duchy of Lithuania, regulating the procedure for handling and considering complaints from individual regulatory legal acts to the first codified collections of law. Definition of the role and significance of the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania 1529, 1566 and 1588 and their impact on the quality development of the institution of appeal.

Keywords: complaint, appeal, statute, oral complaint, collections of law, institute of appeal.

УДК 356.15

А.А. Крыварот, *кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі (e-mail: tak_tav@tut.by)*

УЗАЕМАДЗЕЙННЕ ПАРТЫЗАН БЕЛАРУСІ І УКРАЇНЫ НА ГОМЕЛЬШЧЫНЕ (лістапад 1942 – люты 1943)

На аснове аналізу апублікаванай літаратуры і архіўных дакументаў упершыню ў гістарыяграфіі падрыхтаваны абагульняльны матэрыял аб сумесных баявых дзеяннях савецкіх партызан Беларусі і Украіны супраць нямецкіх акупантаў на тэрыторыі Гомельшчыны ў перыяд, калі Чырвоная армія разгарнула контр наступленне на паўднёвым участку савецка-германскага фронту. Прадстаўлены звесткі аб узаемадзеянні партызан на арганізацыйным умацаванні сваіх атрадаў, пры правядзенні аперацый па разгроме гарнізонаў праціўніка і яго транспартных камунікацый. Зроблены вывад аб тым, што баявая актыўнасць партызан значна знізіла магчымасці германскага камандавання па выкарыстанні аб'ектаў у рэгіёне для патрэб вермахта на фронце.

Ключавыя словы: гарнізон, воінскі эшалон, дыверсія, камунікацыі, карная аперацыя, партызанскі атрад, партызанскае злучэнне, рэйд, спецадраздзяленне.

Савецкім ваенна-палітычным кіраўніцтвам былі мабілізаваны ўсе наяўныя ў краіне рэсурсы для разгрому германскіх войск і іх сатэлітаў на Волзе і Паўночным Каўказе. У рэалізацыі сваіх стратэгічных планаў Стаўка Вярхоўнага Галоўнакамандавання важнае месца адводзіла партызанскаму фактару. У такі лёсавызначальны для савецкай дзяржавы момант прыкметную ролю ў актывізацыі дзейнасці партызан у тыле праціўніка адыграла нарада прадстаўнікоў партыйных органаў, камандзіраў і камісараў партызанскіх злучэнняў і атрадаў, скліканая ЦК ВКП(б) у канцы жніўня – пачатку верасня 1942 г. у Маскве. Паводле аднаго з рашэнняў нарады, у якой прымала ўдзел кіраўніцтва СССР, прадугледжвалася перабазіраванне з бранскіх лясоў праз беларускую тэрыторыю на Правабярэжную Украіну злучэнняў С.А. Каўпака і А.М. Сабурова. Партызанскія фарміраванні павінны былі разгарнуць дыверсійную работу ў вызначаных раёнах, каб перашкодзіць ворагу дастаўляць рэзервы да Волгі і Паўночнага Каўказа, дзе ў той час адбываліся вырашальныя баі. Асаблівасцю гэтых рэйдаў стала ўзаемадзеянне беларускіх і ўкраінскіх партызан у лістападзе 1942 – лютым 1943 г.

Праблема баявой садружнасці беларускіх і ўкраінскіх партызан у адзначаны перыяд фрагментарна адлюстравана ў калектыўных работах [1–3], манаграфіях [4; 5], разнастайных зборніках [6–9], навукова-папулярных працах [10].

Нягледзячы на наяўнасць у публікацыях розных жанраў даволі значнай колькасці невялікіх па аб'ёме звестак па праблеме, у гістарыяграфіі яшчэ адсутнічае комплекснае даследаванне ўплыву ўзаемадзеяння партызан суседніх рэспублік на магчымасці гітлераўскага камандавання па выкарыстанні транспартных камунікацый і іншых тылавых аб'ектаў на тэрыторыі Гомельшчыны для патрэб войск вермахта і іх сатэлітаў на паўднёвым участку савецка-германскага фронту ў лістападзе 1942 – лютым 1943 г.

Мэта артыкула – на аснове аналізу апублікаваных прац, дакументаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь паказаць уклад сумесных баявых дзеянняў партызан Беларусі і Украіны на тэрыторыі Гомельшчыны ў перамогу войск Чырвонай арміі падчас іх контрнаступлення на Волзе.

З прыбыццём на Гомельшчыну ў пачатку лістапада 1942 г. украінскіх рэйдавых злучэнняў С.А. Каўпака і А.М. Сабурава пачаўся новы этап партызанскай барацьбы супраць гітлераўскіх акупантаў на тэрыторыі Беларускага Палесся. Напярэдадні правядзення рэйда ўкраінскія партызаны для эфектыўнага выканання задач па разбурэнні чыгуначных камунікацый і іншых аб'ектаў праціўніка атрымалі самалётамі з савецкага тылу аўтаматычную зброю, вялікі запас узрыўчаткі, гарматы, мінамёты, медыкаменты, радыёстанцыі, абмундзіраванне [4, с. 130; 5, с. 64; 11, с. 109].

Злучэнні С.А. Каўпака і А.М. Сабурава, якія налічвалі ў сваім складзе адпаведна 1 084 і 1 620 байцоў, былі добра ўзброены, мелі сувязь з Цэнтрам і значны вопыт узброенай барацьбы супраць германскіх акупантаў. Адразу пасля прыбыцця на беларускую тэрыторыю ўкраінскія партызаны ўстанавілі кантакты з мясцовымі партызанскімі падраздзяленнямі. У пачатку другой дэкады лістапада 1942 г. у вёсцы Міхалёўка Лоеўскага раёна сакратар Гомельскага падпольнага абкама І.П. Кожар, сакратары Гомельскага падпольнага гаркама КП(б)Б Е.І. Барыкін і С.Ф. Антонаў, сакратар Гомельскага падпольнага абкама камсамола Д.А. Рудак, камандзіры атрадаў А.М. Бяленчык і М.П. Аніпка сустрэліся з камандаваннем злучэнняў. Беларускамі атрадам была аказана апэратыўная дапамога ва ўстанаўленні сувязі з Цэнтрам. Для пастаяннага абмену разведінфармацыяй пры штабе ўкраінскага злучэння на пэўны час застаўся Д.А. Рудак. Ад мясцовых партызан і падпольшчыкаў украінскія партызаны атрымлівалі разведзвесткі, неабходныя для правядзення рэйда. У сваю чаргу гомельскім партызанам была перададзена невялікая колькасць зброі і боепрыпасаў: два ротныя мінамёты і 20 мін да іх, процітанкавае ружжо і патроны да яго, дзве скрыні патронаў для вінтовак, тры аўтаматы, 50 гранат і некалькі проціпяхотных мін. Падчас яшчэ адной нарады ў штабе С.А. Каўпака 13 лістапада 1943 г. у пасёлку Лясное з удзелам камандзіраў беларускіх атрадаў А.М. Бяленчыка, М.Ф. Турчынскага, В.П. Палавінкі, І.С. Фядосенкі была абмеркавана падрыхтоўка сумеснага ўдару па чыгуначнай станцыі Дзямехі. Камандаванне беларускіх атрадаў таксама ўстанавіла сувязь са штабам злучэння А.М. Сабурава, які размяшчаўся ў вёсцы Амелькаўшчына [4, с. 136, 147; 6 с. 545; 8, с. 56, 367; 9, с. 363; 10, с. 52–53].

З моманту прыбыцця рэйдавых злучэнняў на беларускую тэрыторыю і да лютага 1943 г. асноўным відам іх узаемадзеяння з мясцовымі партызанамі былі сумесныя ўдары па гарнізонах праціўніка ў населеных пунктах і на чыгуначных станцыях, што давала магчымасць зрываць пастаўкі людскіх і матэрыяльных рэсурсаў ворага на фронт. Ужо праз некалькі дзён пасля фарсіравання Дняпра ў раёне Лоева ўкраінскія партызаны разам з мясцовымі падраздзяленнямі разграмілі апорныя пункты ворага ў Вялікіх Вайдовічах, Буйновічах, Рашаве, Гаршкове, Бывалках і Крупейках. Найбольш значнай сумеснай баявой аперацыяй быў напад на варожы гарнізон у райцэнтры Хойнікі, які налічваў да 350 акупантаў. У баявой аперацыі разам з дзвюма ротамі злучэння А.М. Сабурава прымалі ўдзел атрады: Лоеўскі «За Радзіму» (камандзір Р.І. Сінякоў) і Гомельскі «Бальшавік» (камандзір І.С. Фядосенка). Змаганне за апорны пункт пачалося ў ноч з 14 на 15 лістапада 1942 г. і працягвалася амаль 14 гадзін. У гэтым баі каманда падрыхтоўкі узарвала вадакачку, два чыгуначныя масты, знішчыла ўсе стрэлачныя пераводы, ачысціла і падпаліла пакгаўзы. Падчас нападу партызаны ліквідавалі 218 акупантаў і 20 узялі ў палон. Цяжкія страты панеслі і партызаны: 16 чалавек забіты і 25 паранены. У выніку яшчэ адной сумеснай аперацыі з удзелам роты Рэчыцкага атрада і батальёна злучэння С.А. Каўпака ў ноч на 16 лістапада 1942 г. партызаны захапілі чыгуначную станцыю Дзямехі, узарвалі завод, вывелі з эксплуатацыі сувязь і станцыйнае абсталяванне. Разгром гарнізонаў у Хойніках і Дзямехах меў не толькі вялікае значэнне для ўздыму баявога духу партызан. Захоп вялікіх складоў з прадуктамі дазволіў істотна папоўніць свае харчовыя запасы мясцовым атрадам і ўкраінскім злучэнням, якія рыхтаваліся да выхаду на камунікацыі праціўніка ў Кіеўскай, Жытомірскай і Ровенскай абласцях. Частка захопленых прадуктаў, жывёлы і збожжа была перададзена жыхарам навакольных вёсак [2, с. 352; 3, с. 480; 5, с. 76; 10, с. 53, 56].

Рэйд злучэнняў С.А. Каўпака і А.М. Сабурава па тэрыторыі Гомельшчыны стаў моцным імпульсам для актывізацыі дзейнасці мясцовых партызанскіх атрадаў і груп, якія ў шэрагу выпадкаў часова далучаліся да ўкраінскіх фарміраванняў і сумесна змагаліся супраць германскіх акупантаў і іх памагатых. Ельскі атрад (камандзір А.С. Мішчанка) з канца лістапада 1942 г. на працягу двух

месяцаў дзейнічаў разам са злучэннем С.А. Каўпака. Падраздзяленне захоўвала самастойнасць, але знаходзілася ў раёне базіравання рэйдавага злучэння. За гэты час атрад павялічыўся да 250 чалавек, умацаваўся арганізацыйна, узбагаціўся баявым вопытам. Першай сумеснай аперацыяй украінскіх партызан і Ельскага атрада быў разгром буйнога варожага гарнізона ў райцэнтры Лельчыцы. Для разбурэння інжынерных збудаванняў праціўніка ў Лельчыцах злучэнне С.А. Каўпака шырока прымяніла гарматы. Падчас бою з 25 на 26 лістапада 1942 г. партызаны вызвалілі з турмы больш за 100 савецкіх грамадзян, знішчылі сотні акупантаў, дзве бронемашыны, электрастанцыю, тры нямецкія прадпрыемствы, два масты праз раку Убарць. Акрамя таго, зімой 1942–1943 гг. каўпакаўцы і мясцовыя партызаны нападлі на тылавыя аб'екты ворага ў Тураўскім і Жыткавіцкім раёнах [2, с. 352; 3, с. 480; 5, с. 76; 8, с. 157; 10, с. 53–54; 12, л. 6; 13, л. 11, 35; 14, л. 50 аб].

Асноўным раёнам дыслакацыі злучэння С.А. Каўпака і Ельскага атрада ў канцы лістапада 1942 г. сталі лясы паміж Лельчыцкім і Алеўскім раёнамі на мяжы Беларусі і Украіны непадалёку ад чыгункі Сарны – Корасцець. Адсюль партызаны ў ноч на 5 снежня 1942 г. нанеслі моцны ўдар па камунікацыях праціўніка. У выніку аперацыі, якая атрымала назву «Сарненскі крыж», групы падрыўнікоў узарвалі дзевяць чыгуначных мастоў на ўчастках Сарны – Лунінец, Сарны – Ковель, Сарны – Роўна, Сарны – Корасцець і такім чынам парушылі рух на ўсіх чыгуначных лініях, якія падыходзілі да станцыі Сарны. Партызаны змаглі паралізаваць работу чыгуначнага вузла амаль на паўтара месяцы, як раз у той час, калі Чырвоная армія разгарнула контрнаступленне супраць германскіх войск і іх сатэлітаў пад Сталінградам [2, с. 355; 10, с. 56].

Прыкметны ўплыў на разгортванне ўзброенага супраціўлення ворагу на паўднёвым захадзе Гомельшчыны ў канцы 1942 – пачатку 1943 г. аказала злучэнне А.М. Сабурава. Адрозна пасля разгрому гарнізона ў Хойніках украінскія і беларускія партызаны фарсіравалі Прыпяць, а затым занялі вёску Барбараў і райцэнтр Нароўля. Беларускае тэрыторыя на правабярэжжы Прыпяці стала плацдармам, адкуль былі нанесены ўдары па камунікацыях праціўніка на поўначы Жытомірскай вобласці і населенаму пункту Славечна. Разам з актыўнымі ўдарамі па тылавых аб'ектах праціўніка ўкраінскае злучэнне аказвала пэўную арганізацыйную і баявую дапамогу мясцовым падраздзяленням. Напрыклад, некалькі месяцаў у склад украінскага злучэння ў якасці самастойнай адзінкі ўваходзіў Лельчыцкі атрад (камандзір І.А. Колас). Баявы вопыт беларускае падраздзяленне набірала ў сумесных баях з украінскімі партызанамі па разбурэнні камунікацый і разгроме апорных пунктаў захопнікаў у Лельчыцкім, Петрыкаўскім, Мазырскім раёнах. Пастаянны колькасны рост Лельчыцкага атрада дазволіў у будучым выдзяляць арганізатарскія групы для разгортвання партызанскага руху ў Петрыкаўскім, Жыткавіцкім і Тураўскім раёнах. Асаблівасцю дыслакацыі ўкраінскіх рэйдавых злучэнняў зімой 1942–1943 г. на тэрыторыі беларускага Палесся было тое, што іх падраздзяленні пры выкананні баявых задач час ад часу дзейнічалі аўтаномна ў той ці іншай мясцовасці рэгіёна. Напрыклад, батальён пад камандаваннем І.Д. Селівоненкі са злучэння А.М. Сабурава базіраваўся на тэрыторыі Нараўлянскага раёна і ўзаемадзейнічаў з мясцовым атрадам імя С.М. Кірава (камандзір У.П. Яромаў). Пачынаючы з другой дэкады снежня 1942 г. беларускія і ўкраінскія партызаны правялі шэраг выніковых аперацый на левабярэжжы ракі Славечна, у тым ліку разграмілі паліцэйскія ўчасткі ў вёсках Бебярэжская Рудня і Кірава [8, с. 482, 14, л. 51аб; 15, л. 3].

Баявая актыўнасць украінскіх рэйдавых злучэнняў на транспартных камунікацыях, выніковыя ўдары па гарнізонах, агульны ўздым руху супраціўлення акупантам на беларускім Палессі выклікалі сур'ёзную занепакоенасць у гітлераўскага камандавання. Для барацьбы з беларускімі і ўкраінскімі партызанамі ў рэгіёне акупанты на працягу некалькіх тыдняў сфарміравалі буйную групоўку з адборных часцей СС, жандармерыі і паліцыі. Нягледзячы на катастрофічнае становішча германскіх войск і іх сатэлітаў у другой палове снежня 1942 г. пад Сталінградам, для барацьбы з партызанамі прыцягваліся і франтавыя часці. Першы ўдар карнікаў сіламі дзвюх груповак у складзе пяці батальёнаў быў нанесены з раёна вёскі Хочын па месцы дыслакацыі злучэння С.А. Каўпака і Ельскага атрада. 22 снежня 1942 г. беларускія партызаны сумесна з дзвюма ротамі 3-га батальёна ўкраінскага злучэння на поўдзень ад населенага пункта Глушкевічы на працягу чатырох гадзін адбівалі наступленне акупантаў колькасцю больш за 700 чалавек. За гэты час на ўчастку Ельскага атрада былі знішчаны дзясяткі карнікаў, а страты партызан склалі 6 забітых і 7 параненых. Пасля двух сутак бесперапынных жорсткіх атак акупантаў беларускія і ўкраінскія партызаны ў сувязі з недахопам боепрыпасаў, значнай перавагай ворага ў асабовым складзе і

ўзбраенні пакінулі раён баёў і сталі прабівацца ў паўночным напрамку. На сваім шляху злучэнне С.А. Каўпака і Ельскі атрад у 20-гадзінным кровапралітным баі прарваліся праз заслон варожага батальёна ў населеным пункце Букча Тураўскага раёна, разбілі зборны батальён акупантаў каля вёскі Тонеж, фарсіравалі Прыпяць і размясціліся каля возера Чырвонае ў Жыткавіцкім раёне [7, с. 548; 11, с. 131–134; 12, л. 5аб; 13, л. 21].

На новым месцы дыслакацыі з мэтай каардынацыі баявых дзеянняў 3 студзеня 1943 г. у вёсцы Ляхавічы па ініцыятыве С.А. Каўпака была праведзена нарада, у якой прынялі ўдзел камандзіры партызанскіх фарміраванняў Гомельшчыны, Брэстчыны і Міншчыны. Усяго ў студзені 1943 г. злучэнне С.А. Каўпака падтрымлівала сувязі больш чым з 50 беларускімі партызанскімі фарміраваннямі. Пры дапамозе беларускіх партызан і мясцовага насельніцтва злучэнне С.А. Каўпака на лёдзе Чырвонага возера абсталявала пасадачную пляцоўку, што дало магчымасць з 15 студзеня 1943 г. прымаць з Вялікай зямлі самалёты са зброяй, боепрыпасамі, узрыўчаткай, медыкаментамі, а таксама адпраўляць у савецкі тыл параненых і цяжка хворых. Функцыянаванне аэрадрома на працягу двух тыдняў садзейнічала ўмацаванню баяздольнасці партызан рэгіёна і актывізацыі дыверсійнай дзейнасці на камунікацыях. У канцы студзеня 1943 г. базіраванне беларускіх і ўкраінскіх фарміраванняў у населеных пунктах каля Чырвонага возера стала немагчымым праз пастаянныя налёты нямецкай авіяцыі на партызанскія вёскі, разбурэнне акупантамі аэрадромнай паласы, а таксама ў сувязі з падрыхтоўкай у раёне буйной карнай экспедыцыі. Паводле рашэння, прынятага на нарадзе каманднага складу партызанскіх фарміраванняў 28 студзеня 1943 г., злучэнне С.А. Каўпака, каб адцягнуць на сябе сілы акупантаў, у пачатку лютага 1942 г. пакінула сваю базу і з баямі стала прабівацца ў напрамку Пінска. У новай баявой сітуацыі Ельскі атрад, які атрымаў з Вялікай зямлі радыёстанцыю і боепрыпасы, перайшоў да самастойных баявых дзеянняў на чыгунцы і шашы Мазыр – Оўруч [7, с. 401, 548; 11, с. 131–134; 12, л. 5 аб; 13, л. 35].

Яшчэ адным аб'ектам нападу карнікаў стала месца сумеснага базіравання беларускага атрада У.П. Яромава і ўкраінскага батальёна І.Д. Селівоненкі. У канцы снежня 1942 г. – пачатку студзеня 1943 г. партызаны былі блакіраваны паміж вёскамі Хільчыха і Дубень у Нараўлянскім раёне падраздзяленнямі СС і жандармерыі, батальёнам і артбатарэяй 2-й славацкай дывізіі, якія захапілі вёскі Антонаў, Грушаўка, Белабярэжская Рудня. З прычыны значнай колькаснай перавагі акупантаў і недахопу боепрыпасаў партызанскія падраздзяленні не сталі ўвязвацца у зацяжныя баі з ворагам і дзякуючы моцнаму ўзгодненаму ўдару вырваліся з блакады. Падчас маршу, які адбываўся ў цяжкіх умовах, беларускім і ўкраінскім партызанам удалося фарсіраваць Прыпяць і прабіцца праз заслон немцаў і паліцаяў у вёсцы Мухаеды. У выніку жорсткага бою партызаны знішчылі 18 акупантаў, а са свайго боку страцілі трох байцоў. У амелькаўскіх лясах Хойніцкага раёна, куды перайшлі беларускія і ўкраінскія партызаны з Нараўлянскага раёна, ужо знаходзіліся пяць атрадаў Гомельскага партызанскага злучэння [1, с. 311–312; 8, с. 482, 484; 15, л. 5–6].

Сітуацыю з канцэнтрацыяй у амелькаўскіх лясах значнай колькасці партызанскіх сіл вырасыла выкарыстаць гітлераўскае камандаванне, каб ліквідаваць падраздзяленні Гомельскага злучэння, Нараўлянскі атрад і ўкраінскі батальён І.Д. Селівоненкі. У пачатку трэцяй дэкады студзеня 1943 г. у раён базіравання партызан была сцягнута вялікая групоўка праціўніка колькасцю да 8 тыс. салдат і афіцэраў у складзе 2-й славацкай дывізіі, зборнага батальёна мадзяр, падраздзяленняў немцаў і паліцаяў, а таксама воінскай часці французцаў, якая накіроўвалася на фронт. Для падтрымкі наступу карнікаў гітлераўскае камандаванне накіравала артылерыйскія, танкавыя і авіяцыйныя падраздзяленні. Беларускія і ўкраінскія партызаны 26 і 27 студзеня 1943 г. стрымлівалі навалу карнікаў шляхам правядзення засад і манеўраных баёў. Калі абстаноўка ў раёне баёў істотна пагоршылася, на нарадзе камандна-палітычнага складу было вырашана тэрмінова змяніць месца дыслакацыі. Падчас маршу ў новы раён з 30 студзеня да 4 лютага 1943 г. беларускія і ўкраінскія падраздзяленні прайшлі каля 100 кіламетраў, разграмілі восем паліцэйскіх участкаў, у тым ліку ў вёсках Карма, Пружыншчы, Гараховішчы, Чэрнін, Уюнішчы, Любань, здабылі звыш 80 вінтовак, шэсць кулямэтаў, значную колькасць боепрыпасаў. Найбольш складаным быў пераход чыгункі Калінкавічы – Рэчыца, дзе ў сутычках з ворагам прымалі ўдзел амаль усе партызанскія сілы. Нягледзячы на тое, што па чыгуначнай лініі ўвесь час курсіраваў нямецкі бронецягнік, які з кулямэтаў і гармат вёў моцны агонь, партызанам колькасцю 3 тыс. чалавек удалося паспяхова фарсіраваць чыгунку. На тэрыторыі Акцябрска-Любанскай зоны беларускія

і ўкраінскія партызаны перагруппавалі свае сілы, папоўнілі запасы боепрыпасаў, адправілі параненых у савецкі тыл і ў канцы лютага 1943 г. накіраваліся ў Рэчыцкі раён, дзе разгарнулі баявыя дзеянні супраць акупантаў [1, с. 311–312; 8, с. 57–58, 482, 484; 15, л. 5–6].

Знаходжанне на акупіраванай тэрыторыі Беларусі рэйдавых злучэнняў С.А. Каўпака і А.М. Сабурава садзейнічала пашырэнню партызанскага руху і падвышэнню баяздольнасці мясцовых партызан у шэрагу раёнаў Палескай вобласці ў лістападзе 1942 г. – лютым 1943 г.

Асноўным відам узаемадзеяння беларускіх і ўкраінскіх партызан былі баявыя ўдары па фашысцкіх тылавых аб'ектах. У азначаны перыяд партызанскія фарміраванні сумесна падарвалі 15 мастоў на чыгуначных лініях і сем на шашэйных дарогах, разграмілі дзве чыгуначныя станцыі з абсталяваннем і прадпрыемствамі, значным запасам паліва для патрэб фронту, ліквідавалі некалькі дзясяткаў апорных пунктаў ворага, забілі і паранілі больш за тысячу акупантаў. Пры разгроме буйных гарнізонаў праціўніка ў райцэнтрах Хойнікі і Лельчыцы быў захоплены вялікі запас сельскагаспадарчай прадукцыі, нарабаванай акупантамі ў мясцовага насельніцтва і падрыхтаванай для адпраўкі на фронт.

Партызаны сваімі актыўнымі баявымі дзеяннямі вымушалі акупацыйны рэжым трымаць у рэгіёне значную групіроўку ахоўных войск, а таксама прыцягваць для правядзення карных аперацый франтавыя фарміраванні, уключаючы артылерыйскія, танкавыя і авіяцыйныя падраздзяленні.

Вышэй адзначанае дазваляе канстатаваць, што ў выніку сумесных аперацый беларускіх партызан і рэйдавых украінскіх злучэнняў на Гомельшчыне гітлераўскае камандаванне было пазбаўлена магчымасці бесперашкодна выкарыстоўваць транспартныя камунікацыі і іншыя тылавыя аб'екты рэгіёна для забеспячэння франтавых часцей вермахта неабходнай колькасцю матэрыяльных і людскіх рэсурсаў.

Баявыя дзеянні беларускіх і ўкраінскіх партызан на тэрыторыі Палескага рэгіёна можна разглядаць у якасці рэальнай дапамогі Чырвонай арміі ў разгроме германскай вайскавай групіроўкі ў раёне Волгі ў канцы студзеня – пачатку лютага 1943 г.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / редкол.: А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1984. – Т. 2. – 551 с.
- 2/ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / редкол.: А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1985. – Т. 3. – 531 с.
3. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / рэдкал.: І.М. Ігнаценка [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 4 : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.) / рэдкал.: І.С. Краўчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – 1975. – 640 с.
4. Богатырь, З.А. Борьба в тылу врага / З.А. Богатырь. – М. : Мысль, 1969. – 470 с.
5. Зенина, А.Н. Боевое содружество советских партизан в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 / А.Н. Зенина. – Киев : Наук. думка, 1985. – 208 с.
6. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Документы и материалы : в 3 т. – Минск : Беларусь, 1967. – Т. 1. – 744 с.
7. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Документы и материалы : в 3 т. (ноябрь 1942 – июль 1943). – Минск : Беларусь, 1973. – Т. 2, кн. 1. – 680 с.
8. Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941–1944 гг.) : сборник воспоминаний / редкол.: чл.-кор. АН БССР И.С. Кравченко [и др.]. – Минск : Госиздат БССР, 1961. – 506 с.
9. Советские партизаны: из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны : сб. ст. / ред.-сост. В.Е. Быстров. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Гослитиздат, 1963. – 799 с.
10. Филимонов, А.А. В едином боевом строю: о совместных действиях русских, белорусских, украинских, литовских, латышских, молдавских партизан / А.А. Филимонов, А.Д. Титов, Н.И. Эполетов // Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории Беларуси ; ред. А.М. Литвин. – Минск : Ин-т истории НАН Беларуси, 2005. – 126 с.
11. Ковпак, С.А. От Путивля до Карпат / С.А. Ковпак. – Київ : Держлітвидав України, 1962. – 202 с.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 269.
13. НА РБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 278.
14. НА РБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 283.
15. НА РБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 288.

A.A. Kryvarot, *Candidate of historical Sciences, Associate Professor, leading researcher of the Institute of history of National Academy of Sciences of Belarus*

INTERACTION OF THE PARTISANS OF BELARUS AND UKRAINE ON THE GOMEL REGION TERRITORY (NOVEMBER 1942 – FEBRUARY 1943)

The article based on the analysis of published literature and archival documents for the first time in the historiography of the prepared material on the joint combat operations of the soviet partisans of Belarus and Ukraine against the German occupiers on the territory of Gomel region in the period when the Red Army launched a counter-offensive in the southern sector of the Soviet-German front, provides information about the interaction of the partisan by strengthening its ranks in operations to rout the garrison of the enemy and its transport communications. It is concluded that the combat activity of the partisan significantly reduced the ability of the German command to use facilities in the region for the needs of the Wehrmacht at the front.

Keywords: garrison, troop train, sabotage, kommunikatsii, a punitive operation, a partisan detachment, the partisan unit, RAID, special forces.

УДК 351.74(09)(476)

С.Ф. Лапанович, *кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь*
(e-mail: sergl976@tut.by)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСОВ КОМАНДНОГО СОСТАВА МИЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ ССРБ (1921 г.)

Рассматриваются условия и процесс организации курсов командного состава Милицейской службы при Главном Управлении Рабоче-Крестьянской Милиции, деятельность которых стала началом милицейского образования в Советской Белоруссии.

Ключевые слова: Советская Социалистическая Республика Белоруссия, правоохранительные органы, Главное Управление Рабоче-Крестьянской Милиции, курсы командного состава, милицейская служба, образовательный процесс.

Представители партии большевиков в ночь с 1 на 2 января 1919 г. подписали в Смоленске Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии, который провозгласил создание Белорусской Советской Республики, а уже 2–3 февраля 1919 г. в Минске на I Всебелорусском съезде Советов была принята первая Конституция, юридически закрепив новое название государства – Социалистическая Советская Республика Белоруссия (ССРБ).

Под давлением Центрального комитета (ЦК) Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)) Всебелорусский съезд Советов принял Декларацию об объединении Беларуси и Литвы в единую советскую республику (ЛитБел). Главной внешней и военно-политической проблемой объединенной республики было предотвращение войны с Польшей, однако эта задача не была выполнена. После того, как в июле 1919 г. польские войска оккупировали большую часть территории ЛитБела, республика прекратила свое фактическое существование (юридически была ликвидирована после подписания мирного договора между РСФСР и Литвой от 12 июля 1920 г.). В ходе польско-советской войны 31 июля 1920 г. Минский губернский военно-революционный комитет и представители партийных и советских органов приняли Декларацию о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии. ССРБ восстанавливалась в размере только 6 уездов (Минского, Борисовского, Игуменского (Червенского), Слуцкого, Бобруйского, Мозырского) Минской губернии с населением примерно 1,5 млн человек.

В таких сложных условиях становления белорусского советского государства разворачивалась деятельность по формированию молодой белорусской милиции, и одной из важнейших проблем, с которой она столкнулась, стал подбор, подготовка и обучение кадров. Задачи по организации непосредственно милицейского образования и специальной подготовки дополнялись необходимостью общеобразовательного обучения сотрудников милиции – остро стояла проблема массовой неграмотности и малограмотности населения, что прежде всего касалось и привле-

каемых к милицейской службе выходцев из рабочих и крестьян. Уже в первые годы советской власти по инициативе Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), местных партийных и советских органов для работников милиции создавались школы и курсы – вначале в РСФСР, а потом и в других советских республиках.

Политсекретариат Главного Управления Милиции (ГУМ или Главмилиция) республики принял решение ликвидировать неграмотность среди сотрудников к началу 1922 г. В Минске открылось шесть школ грамоты для милиционеров, похожие программы реализовывались для сотрудников уездных органов милиции. Через два года республиканские газеты опубликовали сообщение, что в целом завершена работа по ликвидации неграмотности среди личного состава милиции и началось «наступление на малограмотность» [1, с. 60–61].

Новый этап в истории милицейского образования начался с приказа № 69 ГУМ НКВД РСФСР от 17 апреля 1921 г. Так, были утверждены Положение и Программа курсов командного состава при губернских и областных управлениях милиции – правовые документы, в последующем внесшие единообразие в систему подготовки кадров во всех советских республиках. В ССРБ вопрос о курсах по подготовке работников милиции рассматривался в марте 1921 г. на заседании коллегии НКВД республики. На основании вышеназванного российского Положения о курсах командного состава милиции были разработаны республиканские приказ и положение.

Организационно-правовые основы создания первых милицейских курсов в г. Минске были заложены в приказе милиции республики № 83 от 27 июля 1921 г. (далее – приказ № 83) и в «Положении о курсах командного состава Милицейской службы при Главном Управлении Рабоче-Крестьянской Милиции ССРБ». Были также разработаны и утверждены «План и программа курсов Командного состава при Главном Управлении Рабоче-Крестьянской Милиции ССРБ», расписание предметов преподавания на курсах командного состава и штатный перечень курсов командного состава. Все указанные выше документы утвердил нарком внутренних дел И.А. Адамович (будущий Председатель Совета Народных Комиссаров (СНК) республики в 1924–1927 гг.), а подписали ВРИД начальник Главмилиции ССРБ Ф.И. Варганов (Процко-Варганов) и начальник Политсекретариата Главмилиции ССРБ Л.С. Леонов. Рассмотрим подробнее их содержание.

В преамбуле приказа № 83 отмечалось, что в период завершения внутренней организационной работы по укреплению милиции необходимо приступить к систематической подготовке квалифицированных работников командного состава, недостаток которых резко отражается на боевой и милицейской службе. Подчеркивалось, что в период, когда «внутреннюю вооруженную опору и стражем Советов является рабоче-крестьянская милиция, которая должна вести не только решительную борьбу с бандитизмом, уголовными преступлениями и контрреволюцией, но и содействовать проведению в жизнь целого ряда декретов в области экономической политики (продналог, свободная торговля, кооперация и т. д.), требующей внимательного и добросовестного отношения к крестьянству, в этот переходный, чрезвычайно трудный момент Красная Милиция должна быть крепко организована и дисциплинирована, а это возможно только при наличии опытного, теоретически и практически хорошо подготовленного командного состава». Признавалось, что Советская Белоруссия за время своего существования не имела возможности подготовить милицейских работников, поэтому этот недостаток необходимо было исправить путем открытия специальных учебных заведений по милицейской службе [2].

На основании вышеизложенного и в соответствии с приказами Главмилиции РСФСР нарком И.А. Адамовичем были сделаны следующие распоряжения:

помощнику по политической части, начальнику Политсекретариата Леонову, немедленно приступить к организации постоянных «Курсов Командного Составы Милицейской Службы при Главном Управлении Милиции Республики»;

ответственным руководителем курсов командного состава назначить Леонова, которому к 4 августа необходимо выработать положение о курсах, план работы, программу курсов и смету и оборудовать соответствующее помещение для курсов, общежитие для курсантов и столовую для них;

курсы открыть не позже 15 августа, к этому сроку начальнику Политсекретариата сделать разверстку на места по уездам в зависимости от количества милиционеров;

срок обучения на курсах установить 4 месяца;

количество курсантов одного выпуска (4 месяца) не должно превышать 150 милиционеров;

обслуживание курсов в хозяйственном отношении возложить на отдел снабжения Главмилиции, которому в срочном порядке выполнить все требования ответственного руководителя курсов; ответственному руководителю курсов немедленно войти в соглашение с соответствующими центральными учреждениями и лекторами на предмет привлечения их к преподаванию на курсах; ввиду особой важности, срочности и боевого характера организации курсов Леонову составить соответствующую комиссию и привлечь к канцелярской работе двух сотрудников для проведения в жизнь всего вышеупомянутого;

все требования и ходатайства по организации курсов отделами милиции исполнять в боевом порядке;

начальнику Материального Отдела забронировать для курсантов и штата сотрудников (комвзводов, комроты и т. д.) 180 полных комплектов обмундирования обуви, белья и вооружения, а также заготовить постельное белье и койки. И.А. Адамович требовал докладывать о ходе работ по организации курсов ежедневно.

В «Положении о курсах командного состава Милицейской службы при Главном Управлении Рабоче-Крестьянской Милиции ССРБ» (далее – Положение) определялись цели (поднятие познаний комсостава путем теоретической и практической подготовки); направленность (всесторонняя подготовка слушателей к занятию должностей вплоть до начальника уездной милиции) и срок обучения (4 месяца). Штат курсантов формировался с учетом местных условий, но «не менее 60 и не более 150 человек». В Положении подчеркивалось, что «на курсы командуются наиболее развитые милиционеры», которые должны быть грамотными (уметь бегло читать и писать, знать четыре правила арифметики), и те, кто проходил службу в дореволюционной или Красной Армии. Все поступающие на курсы подлежали «милицейскому освидетельствованию; не принимались лица, имеющие болезни или какие-либо физические недостатки, препятствующие прохождению милицейской службы» [2].

В хозяйственном отношении обслуживание курсов было возложено на ГУМ республики. Все виды довольствия курсанты должны были получать по нормам как старшие милиционеры.

В Положении указывалось, что курсы делятся на две части: учебную и строевую. Общее руководство деятельностью курсов и ответственность за правильную постановку всей работы было возложено на начальника курсов (назначал начальник милиции (Начмилиции) республики). Руководство политической работой на курсах поручается помощнику по политической части начальника курсов (назначался начальником Политсекретариата милиции республики). Руководство учебной частью курсов осуществляет начальник учебной части (по представлению начальника курсов назначается Начмилиции). Руководство строевой частью входило в обязанности начальника курсов, при котором состояло 2–3 взводных командира.

В строевом отношении курсы представляли собой отдельную роту. Курсанты должны были размещаться в казармах, внутренний распорядок для них устанавливается с соблюдением требований Устава внутренней службы Красной Армии.

Преподавательский состав (в оригинале – персонал) курсов приглашался начальником учебной части по соглашению с начальником курсов и утверждался Начмилиции. Оплата труда преподавателей производилась по профессионально-тарифным ставкам. По окончании срока обучения для слушателей устанавливалась проверка знаний комиссией в составе Начмилиции (председатель) и двух членов по его назначению. Окончившие курсы должны были получать «удостоверения с отзывом об показанных успехах с отметкой о должности, к занятию которой комиссия признает их подготовленными». При этом последующие назначения окончивших курсы производились Начмилиции республики по представлению начальника курсов [5].

Содержание учебной и строевой частей подготовки курсантов было отражено в «Плане и программе курсов командного состава при Главном Управлении Рабоче-Крестьянской Милиции ССРБ». Предметы преподавания учебной части были разделены на три отделения: общее, специальное и политической грамоты.

На общем отделении курсанты должны были получить знания по общеобразовательным предметам и общее представление о Конституции республики. Это отделение предполагало изучение девяти предметов: русский язык, арифметика, география, советская конституция и законодательство, законоведение (включало общую теория права, административное право, гражданское право, уголовное право, формы Советского судопроизводства (народные суды, съезды

народных судей, трибуналы, ВЧК и его органы, особые отделы ВЧК и их органы)), политическая экономия, история рабочего движения в России и других странах (рис. 1) [6].

На наш взгляд, такие перечень и содержание учебных дисциплин объясняется тем, что задачи непосредственно милицейского образования и специальной подготовки дополнялись необходимостью общеобразовательного развития сотрудников милиции.

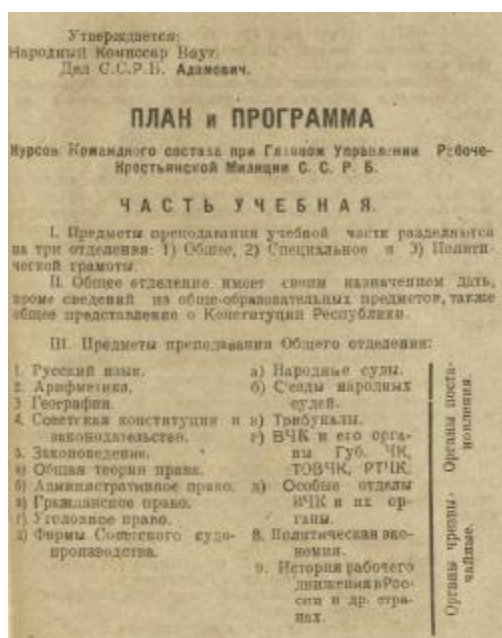

Рис. 1. Фрагмент учебного плана и программы

На специальном отделении изучались структура и компетенция милиции и других «органов охраны Республики», а предметы изучения позволили понять широкий круг обязанностей милиции начала 1920-х гг. (далее – сохранены оригинальные формулировки):

А. Органы НКВД, структура и круг его ведения (1. Местные исполкомы и отделы Управления, их структура и круг работы. 2. Взаимоотношения исполкомов и отделов Управления с губернским, городским и уездным управлением милиции).

Б. Органы охраны (1. Милиция – а) Положение о милиции, б) структура милиции в центре и на местах, в) милиция уездно-городская, сфера ее деятельности, компетенция и соподчиненность, г) милиция особых видов, водная и железнодорожная, их органы управления, сфера деятельности, компетенция и подчинение, д) взаимоотношения между отдельными видами милиции). 2. Чрезвычайные комиссии. 3. Войска ВЧК, их назначение и организация. 4. Взаимоотношение милиции с органами охраны).

В. Делопроизводство милиции (1. Канцелярское делопроизводство в управлениях милиции уезда и ниже. 2. Делопроизводство уголовно-юридического характера. 3. Составление протоколов уголовного характера, опрос, дознание, удостоверение личностей, справка о судимости, меры пресечения до суда и направление по подсудности).

Г. Деятельность милиции (1. Борьба с дезертирством военным и трудовым. 2. Борьба с преступностью и бандитизмом. 3. Борьба с спекуляцией и запрещенной торговлей. 4. Борьба с проституцией. 5. Борьба с винокурением и наркотизмом. 6. Охрана порядка и спокойствия. 7. Наблюдение за чистотой и санитарным состоянием. 8. Проведение в жизнь мероприятий по трудовой повинности и по сбору натурального налога. 9. Оказание содействия судебным и другим органам. 10. Оказание помощи при различного рода несчастиях и стихийных бедствиях (спасение утопающих, повесившихся, пожары наводнения и т. д.). 11. Обязанности милиции при эпидемиях, при объявлении местностей неблагополучными, угрожаемыми по эпидемиям, надзор в таких случаях за проходящими гуртами скота. 12. Предоставление приюта подкинутым младенцам и больным. 13. Проведение в жизнь декретов и распоряжений органов власти).

Д. Деятельность милиции при наличии банд (1. Действия милиции самостоятельные, как отдельной войсковой единицы. 2. Действия милиции в составе частей Красной Армии, частей осо-

бого назначения. 3. Обязанности милиции при объявлении местностей на «исключительных» положениях – чрезвычайной охраны, военном положении, осадном положении).

Е. Действия милиции в местностях, угрожаемых неприятелем (1. Приведение милиции в боевое положение. 2. Включение ее в состав действующих частей, выход ее из состава действующих частей и возвращение к своим прямым обязанностям. 3. Эвакуация и реэвакуация при приближении неприятеля и удалении его дел в имущества органов милиции, арестованных, живого и мертвого инвентаря).

Ж. Уголовный розыск (1. Органы уголовного розыска в центре и на местах назначения их, сфера их деятельности, компетенция и соподчиненность. 2. Общие сведения из теории розыска, методы регистрации преступников, дактилоскопия, фотография и др. 3. Судебная медицина) [7].

Идеологическая составляющая обучения отражалась в отделении политической грамоты, в рамках которой курсантам разъяснялось значение важнейших событий и актов Октябрьской революции. Предметы курса политической грамоты включали рассмотрение вопросов: Февральская и Октябрьская революция. Система советов – власть диктатуры пролетариата. Экономические принципы Советской власти – вопрос земельно-продовольственный, организация производства. Советская власть и просвещение. Государство и церковь. Национальный вопрос. Охрана труда и социальное обеспечение. Гражданская война как неизбежное явление борьбы классов за власть. Война гражданская и империалистическая. Красная Армия как защитница завоеваний Октябрьской революции. Российская Коммунистическая партия как боевой авангард социальной революции. Профессиональные союзы – опора Советской власти, РКП – стержень профессионального движения.

На наш взгляд, содержание строевой части было тесно связано с общей тенденцией к военизации милиции в этот период и включала изучение следующих военных законов и программ (далее – сохранены оригинальные формулировки):

I. Устав внутренней службы (Обязанности военнослужащих. Внутреннее устройство частей войск. Особые обязанности военнослужащих. Помещение военнослужащих казарменно. Распределение времени и повседневный порядок. Наряды на внутреннюю службу. Развод и смена суточного наряда, отправление и следование команд. Обязанности по сохранению здоровья. Обязанности при арестовании военнослужащих).

II. Строевой устав (Строй и управление ими. Начальное обучение. Шереножное учение. Взводное учение. Рассыпной строй. Рассыпное учение. Штыковой бой).

III. Стрелковое дело (Общие сведения о винтовке. Части винтовки. Принадлежности винтовки. Взаимодействия частей винтовки. Боевой патрон. Разборка и сборка винтовки. Чистка винтовки. Сбережение винтовки. Осмотр винтовки. Случаи неправильного действия винтовки. Ознакомление с револьвером и стрельбой из него. Выстрел. Полет пули (траектория). Дальность полета пули. Рассеивание. Площадь рассеивания. Сердцевина. Срединные отклонения. Прицел, прицеливание. Правильная и неправильная мушка. Причины неверности выстрела. Зависимость полета пули от погоды и местности. Стрельба из-за закрытий. Стрельба по аэроплану. Обстрел кавалерии. Стрельба по площадям. Стрельба по невидимым целям. Поражаемое пространство. Мертвое пространство).

IV. Устав гарнизонной службы (О начальниках гарнизона и комендантах. Общее положение для караулов. Наряд караулов. Пароль и пропуск. Развод караулов. Смена караулов. Смена часовых. Порядок соблюдаемый в караулах. Обязанности лиц караула).

V. Полевой устав (Управление войсками. Разведывание. Отдых и его охранение. Походное движение и его охранение. Бой).

VI. Дисциплинарный устав (Введение. Положение общее. Общие правила связанности. Права и обязанности начальников и подчиненных. О мере поощрения и взысканиях, налагаемых в дисциплинарном порядке. О жалобах).

VII. Окопное дело (Цель, значение и польза закрытий. Ознакомление с устройством закрытий. Размер закрытий, разбивка окопов, производство работ и смена рабочих, маскировка, отвод воды, убежище, проволочные заграждения).

VIII. Пулеметное дело (Общее ознакомление с пулеметом системы Максима и Кольта. Части пулемета. Взаимодействия частей пулемета. Задержки. Сбережение пулемета. Стрельба из пулемета).

IX. Военная типография (Условные знаки. Чтение планов и карт. Общее понятие о глазомерной съемке) [8].

Количественный состав и должности руководства и сотрудников командных курсов были утверждены в штатном расписании (рис. 2) [9].

Утверждено:
Нарком. ин. Дед. Александр.

ШТАТЫ
курсов командного состава

Наименование должностей	Число шт.	Заработная плата	Окладная плата	Удельный расход в руб.
Начальник курсов	1	20	3900	40%
Помощник нач. по подготовке	1	24	3900	41%
Начальник учебн. части	1	22	3100	36%
Начальник клас.	1	22	—	—
Вспомог. наряды	2-3	20	2900	30%
Демонстр.	1	15	2800	—
Машинистка	1	—	—	—
Копировальщик	1	—	—	—
Копировальщик	1	14	2800	36%
Пом. наставника	1	12	—	—
Уборщица по кв. курсов	2	8	1520	—
Пом. бухгалт.	1	—	—	—
Секретарь	1	—	—	—
Итого	18-19			

Подписан и подписан:
Врид. Начальника Главного Управления С.С.Р.Б. Варгасов

Начальник Главного Управления
Главного Управления С.С.Р.Б. Яковлев

Рис. 2. Штатное расписание курсов

Первая неделя учебных занятий курсов прошла с 3 по 8 октября 1921 г. Начальником курсов стал А.С. Романовский, начальником учебной части – А.Е. Храковский и зам. по строевой части – Г.М. Резников [10]. Командные курсы находились на улице Долгобродской (тогда, сейчас – проспект Машерова) и действовали по следующему распорядку: начало занятий в 9.00, с 9.00 до 11.00 – изучение предметов, с 11.00 до 13.00 – строевые занятия, с 13.00 до 15.00 – обед и отдых, с 15.00 до 18.00 – учебные занятия, с 18.00 до 19.00 – строевые занятия.

Отметим, что необходимость повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников милиции привела к реорганизации командных курсов. В конце 1921 – начале 1922 гг. была признана необходимость преобразовать курсы командного состава милицейской службы в полноценные школы милиции. В марте 1922 г. на базе курсов приказом была открыта Школа милиционеров (по ряду документов – Милицейская школа) г. Минска при Главном управлении рабоче-крестьянской милиции ССРБ. 12 ноября 1925 г. НКВД БССР издало приказ № 190 «О реорганизации школы милиционеров в школу младшего комсостава милиции». 7 декабря 1925 г. по инициативе Минского городского Совета с целью увековечивания памяти советского деятеля М.В. Фрунзе школе милиции было присвоено его имя. С этого момента учебное заведение обретает свое самое известное название – Школа милиции имени М.В. Фрунзе при Управлении милиции и уголовного розыска НКВД БССР.

Таким образом, начало 1920-х гг. стало сложным и противоречивым периодом в истории милицейского образования, когда путем поисков форм деятельности и направлений развития осуществлялось становление организационно-правовых основ этой сферы. Первыми формами организации профессионального милицейского образования стали курсы по подготовке командного состава, которые под влиянием возросших требований и усложнившейся общественно-политической жизни были трансформированы в школу милиции для более глубокого (общеобразовательного, политического и юридического) уровня подготовки сотрудников милиции.

Список использованных источников

1. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 36. Оп. 1. Д. 147. Л. 4а.
3. НАРБ – Ф. 36. Оп. 1. Д. 147. Л. 4б.
4. НАРБ – Ф. 36. Оп. 1. Д. 147. Л. 5а.
5. НАРБ – Ф. 36. Оп. 1. Д. 147. Л. 5б.
6. НАРБ – Ф. 36. Оп. 1. Д. 147. Л. 6а–6б.
7. НАРБ – Ф. 36. Оп. 1. Д. 147. Л. 7а–7б.

8. НАРБ – Ф. 36. Оп. 1. Д. 147. Л. 8.

9. НАРБ – Ф. 36. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.

10. НАРБ – Ф. 37. Оп. 3. Д. 3. Л. 16.

Дата поступления в редакцию: 16.10.19

S.F. Lapanovich, *Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

LEGAL FRAMEWORK CREATION AND ACTIVITY OF TEAM COURSES MILITARY SERVICE UNDER THE MAIN MANAGEMENT WORKING AND PEASANT POLICE OF THE SSRB (1921)

The article discusses the conditions and the process of organizing courses for the command staff of the Police Service at the Main Directorate of Workers and Peasants Police, whose activities marked the beginning of police education in Soviet Belarus.

Keywords: Soviet Socialist Republic of Belarus, law enforcement agencies; Main Directorate of the Workers 'and Peasants' Militia, courses for commanding personnel, police service, educational process.

УДК 351.742 (476) (091) (043.3)

А.И. Мурашко, *кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь*
(e-mail: mourashko@tut.by)

К ИСТОРИИ КИНОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОБАК В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ЖАНДАРМОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Рассматривается исторический опыт использования собак в служебной деятельности жандармской железнодорожной полиции Российской империи.

На основе опубликованных и неопубликованных архивных источников, научных исследований анализируется становление и развитие кинологической службы в жандармских полицейских управлениях железных дорог в Российской империи в начале XX в.

Ключевые слова: Российская империя, правоохранительные органы, жандармерия, жандармская железнодорожная полиция, железная дорога, собаки-ищейки, кинологическая служба.

Изучение историографии показало, что вопросам использования собак в правоохранительной деятельности посвящен ряд научных трудов, в большинстве которых исследуются возможности применения обонятельных способностей служебно-розыскных собак, а вопросы истории кинологической службы затрагиваются косвенно [1–4]. Имеется незначительное количество исследований, которые более детально описывают историю применения собак правоохранительными органами. Среди них необходимо отметить работы украинского правоведа В.Н. Чисникова, который изучал вопросы развития служебного собаководства в Российской империи в контексте использования собак-ищейек в уголовном розыске России [5, 6]. Проблеме привлечения собак органами государственной безопасности посвящен раздел «Служебные собаки Охранной агентуры» издания «Повседневная жизнь российских жандармов», подготовленного двумя бывшими сотрудниками этих органов Б.Н. Григорьевым и Б.Г. Колоколовым [7]. В то же время аспектам, связанным с использованием собак в деятельности железнодорожных жандармов Российской империи, должного внимания со стороны исследователей не уделялось. Это обстоятельство определяет актуальность выбранной нами темы исследования.

В конце XIX – начале XX в. в мировой правоохранительной практике активно начинают использовать обонятельные возможности собак при раскрытии и расследовании правонарушений, для розыска и преследования правонарушителей, поисков похищенного, выполнения охранных функций. Накопившийся в Западной Европе в XIX в. положительный опыт использования в правоохранительной сфере служебных собак был изучен и применен в России, в том числе жандармской железнодорожной полицией.

Одной из первых использовать служебных собак начала Дворцовая полиция Российской империи. В 1907 г. ее представитель Е. Аспольм приобрел в Германии шесть собак, три из которых уже были дрессированы. После этого приобретения с 24 декабря 1907 г. в Петергофе был открыт первый питомник служебных собак, который возглавил Е. Аспольм [7].

В это же время заведующий Регистрационным отделом Департамента полиции В.И. Лебедев активно начал изучать вопрос о применении собак в полицейском деле. Ознакомившись с зарубежной литературой по служебному собаководству и с непосредственной практикой использования служебных полицейских собак в странах Западной Европы, он подготовил и издал брошюру «Полицейские собаки», в которой обобщил результаты исследования и пришел к выводу, что применение собак в охранно-сторожевой полицейской службе не только вполне возможно, но и крайне необходимо [8].

По инициативе Департамента полиции, Дворцовой полиции, Отдельного корпуса жандармов 23 сентября 1908 г. в Санкт-Петербурге было создано Российское общество поощрения применения собак в полицейской и сторожевой службе, которое вскоре стало издавать журнал «Полицейская и военно-сторожевая собака». Председателем совета общества был избран вице-директор Департамента полиции С.П. Белецкий, а его товарищем (заместителем) назначен В.И. Лебедев. Перед обществом ставилась задача всячески оказывать содействие практике широкого применения собак в разносторонних условиях полицейской и сторожевой службы в масштабах Российской империи [8].

21 июня 1909 г. в Санкт-Петербурге при Российском обществе поощрения применения собак в полицейской и сторожевой службе состоялось открытие питомника полицейских сыскных собак, который стал в Российской империи основным кинологическим подразделением по подготовке проводников и собак-ищеек для полицейских подразделений [5, с. 6].

Что же касается применения собак железнодорожными жандармами в своей деятельности, то в 1909 г. одним из первых их начало использовать жандармское полицейское управление Юго-Западных железных дорог [9, с. 743]. В 1913 г. на кредиты, выделенные управлением железных дорог, здесь было обустроено два собственных питомника для собак-ищеек [5, с. 7].

Активное приобретение и применение собак-ищеек в регионах Российской империи началось после того, как 18 мая 1910 г. Департамент полиции направил губернаторам циркуляр, в котором указывалось на результативность работы с собаками-ищейками. Аналогичный циркуляр был направлен Министром путей сообщения с рекомендациями управлениям железных дорог приобретения служебных собак.

С 1911 г. жандармские полицейские управления железных дорог (далее – ЖПУ ж. д.) все более активно начинают использовать собак. Как правило, они приобретались для ЖПУ ж. д. за счет местных администраций или управлений железных дорог. Например, в 1914 г. ЖПУ Амурской железной дороги приобрело 7 розыскных собак на средства, отпущенные Приамурским генерал-губернатором и управлением Амурской железной дороги [10, с. 412]. В этом же году управление Полесских железных дорог закупило 4 собаки-ищейки и передало их в распоряжение Виленского ЖПУ ж. д. Питомник находился на станции Ляховичи в ведении начальника Барановичского жандармского отделения [11, д. 181, л. 183].

В октябре 1913 г. по прошествии 5 лет с момента создания Российского общества поощрения применения собак в полицейской и сторожевой службе Департаментом полиции был сделан анализ результатов этой деятельности. За подписью директора Департамента полиции С.П. Белецкого губернаторам, градоначальникам, начальникам ЖПУ ж. д. и другим руководителям правоохранительных органов был направлен запрос об использовании собак в служебной деятельности. По неполным данным (не все руководители предоставили информацию) по состоянию на 1 апреля 1914 г. в деятельности полиции использовались 629 собак. Предпочтение отдавалось немецким овчаркам и доберманам-пинчерам. Насчитывалось 367 дрессировщиков. В 1914 г. как минимум в 10 ЖПУ ж. д. из 33 применялись служебные собаки. Больше всего питомцев содержалось в Киевском ЖПУ ж. д. (23 особи) и ЖПУ Привислинских ж. д. (14 особей) [9, с. 743–744].

Надо отметить, что железнодорожные жандармы использовали возможности собак в первую очередь для раскрытия преступлений (обычно хищений). В этом деле им должны были оказывать помощь железнодорожные служащие, для которых разрабатывались нормативные акты, регламентирующие их деятельность в данной сфере общественных отношений.

Так, например, 20 октября 1914 г. был издан приказ Полесских железных дорог «О порядке пользования собаками-ищейками для раскрытия преступлений, совершенных на территории Полесских дорог». Данный документ был согласован с начальником Виленского ЖПУ ж. д. [11, д. 181, л. 183]. В соответствии с этим приказом при обнаружении кражи или покушения на кражу грузов или казенного имущества на территории станций и в поездах, а равно при обнаружении в полосе отчуждения другого рода преступлений служащий должен был информировать местного жандармского унтер-офицера, который в соответствии с обстоятельствами определял необходимость вызова собаки-ищейки на место преступления. При этом следовало иметь в виду, что успешный розыск мог быть лишь при выполнении следующих условий:

промежуток времени от момента кражи до вызова не должен превышать 1–2 суток, если в течение этого времени следы преступников не были смыты дождем или засыпаны снегом;

чтобы к предметам, бывшим рядом с похищенным или прилегающим к тем местам, где шел злоумышленник, никто не прикасался до приезда собаки;

при обнаружении кражи грузов из вагонов в составе поездов во время стоянки на станции вызов собак мог производиться при отсутствии сомнений, что кража совершена на данной станции, а также если задержка обворованных вагонов, необходимая для прибытия собак, не повлияет на своевременность прибытия грузов к месту назначения;

в случае кражи вещей у пассажиров в пассажирских поездах вызов рекомендовалось делать тогда, когда поезду предстояло следовать через станцию расположения собак, при чем депеша о вызове должна быть не менее как за 1 час до проезда поездом этой станции;

вызов собак для розыска должен быть произведен по возможности секретно дабы злоумышленники не приняли мер к сокрытию следов.

Кроме жандармских унтер-офицеров в случае их отсутствия собак могли вызывать начальники станций или разъездов.

При получении телеграммы о вызове собак начальник жандармского полицейского отделения немедленно должен был отправить жандарма с собакой первым отходящим в сторону происшествия поездом.

При перевозке собак-ищеек по железной дороге жандарм с собакой размещались в служебных отделениях поездов.

Железнодорожным агентам вменялось в обязанности принимать меры к сохранению следов преступления. Все, что носило на себе следы преступления, должно было тщательно охраняться, причем следы ног скрывшихся злоумышленников надлежало прикрывать какими-либо предметами, но не прикасаться к таковым предметам руками, а использовать для этого багры, крючки и прочий инвентарь. Лицо, поставленное для охраны следов, должно было находиться не ближе 10–15 шагов от этих следов и ходить в одном направлении [11, д. 181, л. 183].

Совместная деятельность железнодорожников и полицейских жандармов с собаками приносила положительные результаты. Так, в Люботинском отделении Кременчугского ЖПУ ж. д. в марте 1913 г. на станции Краснопавловка служебная собака Флот успешно нашла похищенную на станции мануфактуру и выявила в близлежащей деревне крестьян, ее похитивших. В июне эта же собака нашла похищенный кожаный товар из вагона на станции Кременчуг и помогла установить преступников [12]. В октябре 1915 г. розыскная собака Волна Амурского ЖПУ ж. д. с проводником унтер-офицером Балденковым установила преступника, совершившего на станции Куэнга убийство неизвестной женщины [10, с. 441].

В 1914 г. только на Юго-Западных железных дорогах после года использования служебных собак раскрываемость преступлений в полосе железнодорожных отчуждений увеличилась и составила 56 % [5, с. 7].

Надо отметить, что довольно часто железнодорожные жандармы со служебными собаками оказывали полиции помощь в поиске преступников. Так, например, служебная собака Грейф Владикавказского ЖПУ ж. д. в феврале 1914 г. помогла установить конокрадов, которые в станице Алексеевской Кубанской области похитили лошадей [13]. В ноябре 1915 г. розыскная собака Виндавец Петроградо-Виндавского ЖПУ ж. д. по просьбе местного исправника была направлена в поселок Локня, где помогла полиции установить и задержать двух преступников, совершивших грабеж в отношении купца Т. Гаврилова. В этом же месяце по приказу начальника Царско-сельского отделения Петроградо-Виндавского ЖПУ ж. д. полицейская собака Дуса с жандармом-

проводником оказали помощь местному уряднику в поиске преступников, ограбивших дачу купца Беленького [14, с. 25].

В то же время, несмотря на имеющийся положительный опыт применения служебных собак жандармской полицией, некоторые считали, что роль собак в правоохранительной деятельности переоценена. В ноябре 1914 г. в журнале «Вестник полиции» под заголовком «Мнение анонимного «наблюдателя» вышла статья «Полицейские собаки в настоящем и будущем» с критическим анализом использования собак в оперативно-служебной деятельности. Автор статьи, проанализировав затраты на содержание служебных собак с кинологами и результаты их работы, сделал вывод, что результативность и ценность задействования собак в области полицейского розыска преувеличены, при этом полицейскими структурами не обращено внимание на возможности использования служебных собак при несении охранно-сторожевой службы [15]. Действительно, изучение использования служебных собак ЖПУ ж. д. показало, что сторожевые функции собаками практически не выполнялись.

Таким образом, в начале XX в. железнодорожными жандармами Российской империи был внедрен западноевропейский передовой опыт по использованию служебных собак в правоохранительной деятельности, а основное направление их применения было связано с раскрытием преступлений, совершенных на объектах железнодорожного транспорта. Использование собак-ищек в оперативно-розыскной деятельности приносило положительные результаты, но короткий период использования служебных собак ЖПУ ж. д. (до 1917 г.) не позволяет дать более полную оценку эффективности деятельности жандармов в данной сфере.

Список использованных источников

1. Койсин, А.А. Применение служебных собак при осмотре места происшествия / А.А. Койсин // Сиб. юрид. вестн. – 2012. – № 2. – С. 134–138.
2. Койсин, А.А. Использование служебно-розыскных собак при работе с запаховыми следами (образованиями) на месте происшествия / А.А. Койсин // Сиб. юрид. вестн. – 2010. – № 2. – С. 169–172.
3. Ревенко, Н.И. Применение служебно-розыскных собак в раскрытии преступлений / Н.И. Ревенко // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Право». – 2009. – № 4. – С. 227–229.
4. Сергиевский, Д.А. Использование запаховых следов человека при раскрытии и расследовании преступлений в России и за рубежом в исторической ретроспективе / Д.А. Сергиевский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 6: в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 175–179.
5. Чисников, В.Н. Собаки-ищетки на службе уголовного сыска Российской империи (к 100-летию кинологической службы МВД России) / В.Н. Чисников // Оперативник (сыщик). – 2010. – № 1. – С. 3–8.
6. Чисников, В.М. Собаки-шукачі на службі карного розшуку Російської імперії / В.М. Чисников // Кримінал. вісн. – 2010. – № 1. – С. 211–225.
7. Григорьев, Б.Н. Повседневная жизнь российских жандармов / Б.Н. Григорьев, Б.Г. Колоколов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<http://www.rulit.me/books/povsednevnyaya-zhizn-rossijskih-zhandarmov-read-285927-311.html>). – Дата доступа: 20.03.2018.
8. Лебедев, В.И. Полицейская сторожевая собака. Издание Российского Общества поощрения применения собак в полицейской и сторожевой службе [Электронный ресурс] / В.И. Лебедев. – Режим доступа: <https://topwar.ru/97005-den-kinologa-mvd-kak-poyavilos-i-razvivalos-policeyskoe-sobakovodstvo.html>. – Дата доступа: 17.01.2019.
9. Полицейские собаки в России // Вестн. полиции. – 1914. – № 43. – С. 743–744.
10. Отчет о работе розыскных собак жандармского полицейского управления Амурской железной дороги // Вестн. полиции. – 1916. – № 14. – С. 412–414; – № 15. – С. 440–441.
11. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2415. – Оп. 1.
12. Санитарные и полицейские собаки // Вестн. полиции. – 1914. – № 12. – С. 234.
13. Собаки Владикавказской железной дороги // Вестн. полиции. – 1914. – № 10. – С. 199.
14. Работа розыскных собак Великолуцкого отделения Петроградо-Виндавского жандармского управления железных дорог // Вестн. полиции. – 1916. – № 1. – С. 25–26.
15. Полицейские собаки в настоящем и будущем // Вестн. полиции. – 1914. – № 48. – С. 849–851.

Дата поступления в редакцию: 30.09.19

A.I. Murashko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ON THE HISTORY OF THE DOG SERVICE: THE USE OF DOGS IN THE OFFICIAL ACTIVITIES OF THE RAILWAY GENDARMES OF THE RUSSIAN EMPIRE

The article deals with the historical experience of using dogs in the official activities of the gendarme railway police of the Russian Empire.

On the basis of the published and unpublished archival sources, scientific researches formation and development of the dog service in gendarme police departments of the railroads in the Russian Empire at the beginning of the XX century is analyzed.

Keywords: the Russian Empire; enforcement authorities; gendarmerie; gendarme railway police; railroad; search dogs, dog service.

УДК 340.114.5

Е.И. Стабровский, адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: egor_stab@mail.ru)

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В ПРАВОВОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ В VI–XVIII вв.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Анализируется историческое развитие и формирование идей правового сознания в правовой мысли Беларуси. Выделяются особенности правового сознания на белорусских землях в различные исторические периоды. Исследуются взгляды белорусских мыслителей на правовое регулирование. Акцентируется внимание на связи развития правового сознания с христианской религией и византийским правом.

Ключевые слова: правовое сознание, право, правовой обычай, христианство, правовая мысль Беларуси.

Изучение и решение современных проблем правового сознания должны основываться на анализе эволюции его форм с учетом особенностей отечественной правовой культуры. В связи с этим анализ развития и формирования идей о правосознании в правовой мысли Беларуси с VI по XVIII в. представляется актуальным и оправданным.

Значительный вклад в исследование вопросов истории политико-правовой мысли на территории Беларуси внесли В.Н. Бибило, Г.А. Василевич, А.Ф. Вишневский, И.В. Вишневская, Г.В. Дербина, Т.И. Довнар, В.И. Ермолович, В.Ф. Сокол, И.А. Юхо и др. Отдельные аспекты теории правового сознания среди белорусских ученых-правоведов также рассматривали В.А. Абрамович, Е.В. Борщева, Н.А. Горбатов, С.Г. Дробязко, Е.М. Ефременко, С.А. Калинин, В.И. Павлов, Н.В. Сильченко, Д.В. Щербик, Н.М. Юрашевич и др.

Восточнославянский регион имеет свои особенности развития правового сознания, судить о котором можно только обратившись к истории. Так, в 1-м тысячелетии н. э. основным источником регулирования отношений выступали обычаи. Исторические источники («Готовская война» Прокопия Кесарийского (VI в.); «Стратегикон» Маврикия (VI в.)) дают основания утверждать, что народ на этих землях издревле жил в народоправстве, имел любовь к свободе, счастье и несчастье в их жизни считал общим делом; вся жизнь и узаконения были одинаковы, считалось, что владыкой над всем является только бог – творец молний. А.Ф. Вишневский, например, указывает, что «паступова частка звычайу пачала набываць рысы абавязковасці, нярэдка суправаджалася прымусам, які быў санкцыянаваны родаплемяннымі органамі і абшчынамі, і ў рэшце набыла якасці звычайнага права» [1, с. 27].

Возникновение первых государств-княжеств на территории Беларуси свидетельствует о коренном изменении общественного устройства. В IX в. происходит усиление Полоцкого княжества, складывается зависимость от него других княжеств, возникает соперничество с Киевом и Новгородом. О проявлении правового сознания в это время можно говорить на основании наличия в летописных источниках сведений «аб мірных дамовах князёў полацкіх з Кіеўскім князем» [2, с. 73].

Принятие христианства меняет принципы общественного устройства, становится другой ориентация правосознания: появляется религиозный характер христианского вероучения. Так, в богословских рассуждениях отечественных мыслителей о политике, власти, праве, законе уже преобладают идеи божественного происхождения власти, исполнение которой происходит в форме религиозно-нравственного служения. Правовые нормы начинают испытывать воздействие христианской морали, и светские памятники права подвергаются сильному влиянию норм церковного законодательства (например, Устав Владимира, Устав Ярослава).

В период Полоцкого княжества правовое сознание формируется уже не только под влиянием христианской религии, но и Византийского церковного законодательства, в котором нашли отражение нормы классического римского права. В литературе отмечается, что «основной особенностью рецепции византийского права является как сам христианизированный характер последнего, так и его восприятие русским правосознанием как синтезированного с христианским дискурсом» [3, с. 77]. Полагаем, что эти тенденции можно отнести и к государствам-княжествам наших предков.

На этих территориях содержание взглядов на власть и закон, содержание духовной и политико-правовой культуры во многом определили белорусские просветители Евфросинья Полоцкая, Кирилл Туровский, Климент Смолятич и др. Христианская религия выступила ведущим источником права и фактором правосознания. Понимание значимости правового регулирования и письменного закрепления правил поведения было отражено в правовых актах княжеств, содержащих нормы международного, гражданского, административного, уголовного, процессуального права.

В Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) оформляется законодательная база, появляются кодифицированные правовые акты, определяющие отношения человека и права, индивидуализацию уголовной ответственности, неизбежность ответственности, подчинение как богатых, так и бедных одинаковым писаным государственным законам. Как подчеркивает белорусский исследователь Д.В. Щербик, «право стало восприниматься как система, а государство в отличие от предыдущего периода правотворческой активности народа – как активный законодатель» [4, с. 9]. При этом сохранялась роль обычая как источника права. Профессор Т.И. Довнар по этому вопросу отмечает, что «у вобласці заканадаўства звычай амаль да канца XVI ст. меў важнае значэнне. У многіх выпадках закон браў свой пачатак са звычайнага права» [5, с. 19]. Таким образом, правовое сознание рассматриваемого периода отражало важные с политической и правовой точки зрения основополагающие идеи, взгляды на государственное устройство, правовое положение различных слоев населения, принципы и основания юридической ответственности.

В отличие от княжеств Северо-Восточной Руси (Владимирское, Московское, Рязанское, Тверское и др.), оказавшихся под влиянием Золотой Орды, для ВКЛ было характерным наличие двух тенденций: сохранение и развитие древнерусского права и рецепция римского права западноевропейским путем (в основном через Польшу) [4, с. 16; 6; 7].

В политико-правовой мысли того времени формировалась идея об организации жизни на прочной правовой основе. Например, та же Т.И. Довнар отмечает: «пры распрацоўцы новых крымінальна-правовых норм улічваліся дасягненні сусветнай юрыдычнай навукі, ідэі такіх прагрэсіўных беларускіх мысліцеляў, як Ф. Скарына, А. Волан, Л. Сапега і інш.» [5, с. 132]. Глубоко гуманистический характер носила антропология Ф. Скорины, который указывал, что писаное право должно соответствовать обычаям каждой земли, быть справедливым, полезным и доступным, и обосновывал необходимость верховенства закона во всех сферах общественных отношений [8, с. 8]. Он считал, что в основу писаного права должно быть положено естественное право, и делал при этом акцент на нормах права. И.В. Вишневская по этому поводу замечает, что правовые идеи Ф. Скорины нашли отражение в первом систематизированном своде письменного права ВКЛ (Статуте 1529 г.), включившим в себя гуманистические идеи эпохи Возрождения [9, с. 61].

Политико-правовую тематику продолжил философ М. Литвин, который акцентировал внимание на том, что жизнь общества, государства и личности должна не только подчиняться правовым законам, но и отвечать нормам морали. Нормой жизни государства, по его мнению, должно быть такое состояние, когда вожди и народ живут по одному закону [10, с. 58]. В отличие от Ф. Скорины, М. Литвин, характеризуя правосознание, во главу угла ставил соблюдение норм морали.

Выдающимся мыслителем, внесшим вклад в развитие правовой идеологии ВКЛ, выступил А. Волан. По его мнению, важнейшим свойством человека является свобода, которая дается ему от рождения природой [8, с. 8]. Главным условием благополучия и счастья в обществе он считал правовую обязанность тех, кто стоит у власти [11, с. 60]. Право он понимал как выражение разумной, коллективной, всеобщей воли народа, как наивысший разум, заложенный в природе [12, с. 71].

С правовым закреплением идей гуманизма в ВКЛ связана и законотворческая, и государственная деятельность подканцлера ВКЛ Л. Сапег. В государстве, на его взгляд, должен верховенствовать закон, т. е. право должно охранять добрую славу, здоровье и имущество человека, а знание законодательства своего государства является нравственной обязанностью каждого гражданина [13, с. 73]. Как отмечают Т.И. Довнар, «галоўны тэарэтычны вывад Сапегі – мы з'яўляемся нявольнікамі законаў з той мэтай, каб маглі карыстацца вольнасцямі» [14, с. 12]. В от-

личие от Статута ВКЛ 1529 г., который своевременно так и не был опубликован и распространялся в рукописном виде, Статут ВКЛ 1588 г. был издан в Вильно в таком количестве, чтобы не только каждый повет, но и все желающие могли им пользоваться [15, с. 97; 16 с. 20]. Создание Статута 1588 г. во многом оказалось возможным благодаря усилиям именно Л. Сапеги. Так, А.Ф. Вишневецкий и Я.А. Юхо указывают на то, что в этом законодательном акте нашли отражение государственно-правовые идеи того времени и даже те, что опережали свое время, проявилась богатая правовая культура белорусского народа [17, с. 29]. В статутах ВКЛ можно видеть разработанные юридические конструкции, сформированные в том числе под влиянием рецепции римского права и рассчитанные на высокий уровень правосознания [7].

Обобщая период ВКЛ, следует подчеркнуть, что именно в данный период получают оформление идеи свободы, интеллектуального и нравственного совершенствования личности, культурного развития народа, утверждаются правовые формы государственного регулирования. Правовым сознанием интеллектуальных элит оказались восприняты идеи римского права, рецепция которого с учетом местных особенностей в значительной степени повлияла на развитие и оформление правовой системы государства. Так, правовое сознание отдельной личности или группы оказывает влияние на формирование правовых взглядов населения и направлений правового развития государства.

Образование Речи Посполитой, заключение Брестской церковной унии 1596 г., события Реформации и Контрреформации обусловили дальнейшее развитие взглядов на справедливость законов, правовое положение сословий, организацию государственной власти. В Речи Посполитой усилилось влияние католической церкви, так как политика этого государства предполагала отстаивание в первую очередь интересов католической шляхты, а интересы православного населения ВКЛ учитывались в меньшей степени. Основа таких изменений, как отмечает С.А. Калинин, была связана с Кревской унией 1385 г., расколовшей религиозную идентификацию, подчинившей православное большинство католическому меньшинству [18, с. 45–46].

Видным мыслителем XVII в. являлся монах Богоявленского монастыря в Полоцке С. Полоцкий, покинувший Речь Посполитую и занимавшийся своим творчеством в Московской Руси. Он писал, что человек ответственен за свои поступки, и для недопущения зла у него с детских лет надо именно воспитывать добродетели, так как они не передаются по наследству. Каким человеком станет в будущем, зависит от него самого, от его добрых дел [19, с. 236–237]. Главную причину общественного неустройства С. Полоцкий видел в невежестве и необразованности людей и выступал за открытие школ, в которых бы мог учиться каждый независимо от сословия.

Принятие 3 мая 1791 г. Конституции Речи Посполитой, первой в Европе и второй в мире (после США), является свидетельством высокого уровня правового сознания мыслителей Речи Посполитой. Основными идеями, отраженными в данной Конституции, стало признание за шляхтой всех политических и экономических прав, ее верховенства в жизни общества, оставление крепостной зависимости крестьян с гарантированием правовой защиты. Однако ввиду внутригосударственных противоречий и внешнего воздействия положения данной Конституции не были претворены в жизнь.

Таким образом, на белорусских землях имела место традиция преемственности идей о правосознании. С 1-го тысячелетия н. э. начинают формироваться идеи правового регулирования; основным источником права в этот период выступает правовой обычай. Фундаментальным фактором развития правового сознания с возникновением государств-княжеств явилось принятие христианства, что создало основу для изменений в общественном и государственном устройстве. Рецепция и христианский дискурс обусловили формирование правового сознания под воздействием византийского церковного законодательства, содержащего нормы классического римского права. В эпоху ВКЛ среди белорусских мыслителей развивались западноевропейские идеи о правосознании, ценности гуманизма и ренессанса под влиянием западного пути принятия римского права. В итоге достижениями правового сознания мыслителей белорусских земель явились принятые Статуты ВКЛ и Конституция Речи Посполитой. Идеи правового сознания в правовой мысли Беларуси создали основу для развития правовой культуры населения, формирования и оформления правового государства.

Список использованных источников

1. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дап. / А.Ф. Вішнеўскі. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 319 с.

2. Доўнар, Т.І. Полацкія граматы – помнікі права старажытнай Беларусі / Т.І. Доўнар // Юстыцыя Беларусі. – 2007. – № 7. – С. 73–75.
3. Павлов, В.И. Специфика рецепции византийского права в древнерусском праве: уголовное, уголовно-процессуальное и гражданское право / В.И. Павлов // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2018. – Вып. 13. – С. 75–83.
4. Щербик, Д.В. Дискретность и преемственность в развитии права Беларуси : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.В. Щербик ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2009. – 24 с.
5. Доўнар, Т.І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–VI стагоддзях / Т.І. Доўнар. – Мінск : ПроPILEI, 2000. – 224 с.
6. Ермолович, В.И. Влияние римского права на развитие гражданского законодательства средневековых славянских стран / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр.; редкол.: В.Н. Бибило [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 20. – С. 127–149.
7. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнэсансу : манаграфія [Электронны рэсурс] / Г.У. Дзёрбіна // Беларуская Палічка. – Рэжым доступу: http://knihi.com/Halina_Dzierbina/Prava_i_siamja_u_Bielarusi_epochi_Reniesansu.html. – Дата доступу: 10.05.2019.
8. Довнар, Т.И. Историко-правовая наука Беларуси : проблемы и перспективы / Т.И. Довнар // Право и демократия : сб. науч. тр. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 20. – С. 5–31.
9. Вішнеўская, І.У. Прававая канцэпцыя Францыска Скарыны і Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года / І.У. Вішнеўская // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыйналізму (да 480-годдзя прыняцця) : зб. навук. арт. – Мінск : РІВШ, 2009. – 140 с.
10. Козел, А.А. Очерки истории политической и правовой мысли Беларуси (XII–XX вв.) / А.А. Козел. – Минск : Право и экономика, 2018. – 156 с.
11. Вішнеўскі, А.Ф. Правапрымяненне ў палітыка-прававой думцы Беларусі эпохі адраджэння / А.Ф. Вішнеўскі, І.У. Вішнеўская // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2018. – № 2. – С. 56–60.
12. Вішнеўская, І.У. Андрэй Волан – вялікі беларускі мысліцель эпохі Адраджэння і Рэфармацыі / І.У. Вішнеўская // Юстыцыя Беларусі. – 2007. – № 9. – С. 70–71.
13. Васілевіч, Р.А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р.А. Васілевіч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. – Мінск : Права і эканоміка, 2001. – 363 с.
14. Доўнар, Т.І. Леў Іванавіч Сапега / Т.І. Доўнар // Юстыцыя Беларусі. – 2003. – № 3. – С. 10–12.
15. Бибило, В.Н. Политические и правовые аспекты Статута Великого княжества Литовского 1529 г. / В.Н. Бибило // Право и демократия : сб. науч. тр. – Минск : БГУ, 2015. – Вып. 26. – С. 90–107.
16. Бибило, В.Н. Историческая легитимация Белорусского государства по Статуту Великого княжества Литовского 1588 г. / В.Н. Бибило // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г. : да 430-годдзя выдання : зб. навук. арт. па матэрыялах канф. / рэдкал.: С.А. Балашенка [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – 255 с.
17. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дап. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 320 с.
18. Калинин, С.А. Геокультурное (нарративное) изменение в методологии познания белорусской государственности / Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г. : да 430-годдзя выдання : зб. навук. арт. па матэрыялах канф. / рэдкал.: С.А. Балашенка [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – 255 с.
19. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии : избр. произведения XVI – нач. XIX в. / под общ. ред. В.А. Сербента. – Минск : АН БССР, 1962. – 524 с.

Дата поступления в редакцию: 10.09.19

Y.I. Stabrovsky, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of MIA of the Republic of Belarus

THE GENESIS OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE LEGAL THOUGHT OF BELARUS IN THE VI-XVIII CENTURIES: BASIC TRENDS

The historical development and formation of ideas of legal consciousness in the legal thought of Belarus is analyzed. The features of legal consciousness on the Belarusian lands in various historical periods are highlighted. The views of Belarusian thinkers on legal regulation are investigated. Attention is focused on the connection between the development of legal consciousness with the Christian religion and Byzantine law.

Keywords: legal consciousness, law, legal custom, Christianity, legal thought of Belarus.

УДК 378.6

В.Е. Везломцев, кандидат философских наук доцент кафедры философии и истории Академии ФСИН России;

Т.Г. Терещенко, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: tati2034@yandex.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИИ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН ГУМАНИТАРНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЦИКЛОВ

Анализируется компетентностная структура основных профессиональных образовательных программ, реализуемых Академией ФСИН России и Академией МВД Республики Беларусь, а также содержательной части рабочих программ с целью формирования модели устойчивого антикоррупционного поведения будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы посредством интеграции необходимых компетенций и планируемых результатов обучения. Изложенный материал ориентирован на обмен опытом в рамках сотрудничества и координацию основных направлений совершенствования образовательного процесса. Рассматриваемое направление реализуется в контексте Программы по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 гг., предусматривающей в том числе и подготовку высококвалифицированных и высокоморальных сотрудников, способных преодолевать риски коррупционного характера и эффективно применять систему мер противодействия коррупции с учетом современных реалий.

Ключевые слова: антикоррупционное поведение, компетентностная структура, образовательная программа, сотрудник уголовно-исполнительной системы, компетенция, дисциплины гуманитарного и профессионального циклов.

Вопрос эскалации коррупции и противодействие ей в последнее время находится под пристальным вниманием государственных органов и общественности в целом. Руководством многих стран, в том числе руководством ФСИН России и ДИН МВД Республики Беларусь за последние годы был предпринят ряд мер, направленных на активизацию работы по профилактике коррупции в сфере исполнения уголовных наказаний, формированию соответствующей нормативной правовой базы, созданию организационных основ противодействия коррупции в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС). Однако этот этап можно назвать лишь началом работы в деле противодействия рассматриваемому социальному и правовому явлению.

Формирование устойчивого антикоррупционного поведения сотрудника – это перманентный процесс, осуществление которого ведется в течение всей профессиональной деятельности. И краеугольным камнем в таком формировании является получение антикоррупционных знаний, умений и навыков уже в процессе обучения. Такое образование сотрудников УИС представляет собой целенаправленную системную деятельность государства, общества, образовательного учреждения и обучаемых по созданию ценностной основы негативного отношения к коррупционным проявлениям. Оно направлено на выработку нравственных ценностей сотрудника, основанных на знаниях в области противодействия коррупции, соответствующих интересам развития государства и осознанного личностного развития [1, с. 4].

Реализуемый образовательными учреждениями компетентностный подход предполагает комплексную реализацию его общекультурных и профессиональных составляющих в процессе

всего периода обучения. Элементы формирования негативного отношения к коррупционным проявлениям делают возможным структурирование образовательной среды таким образом, чтобы эффективно реализовывать предлагаемые стандартом компетенции, комплексно, максимально задействовав возможности образовательных учреждений.

В настоящее время все чаще поднимается вопрос об интеграции общенаучных и профессионально значимых знаний, умений и навыков как средств формирования компетенций обучающихся курсантов образовательных учреждений ФСИН России [2, с. 80]. В полной мере данное положение соответствует и обучающимся в учреждениях образования Республики Беларусь.

Обозначенное детерминирует подготовку не просто образованных специалистов с качественной теоретической базой, но и подготовленных профессионалов-практиков, готовых осуществлять целостный и системный анализ проблем правоохранительной деятельности с ориентацией на социальные факторы развития общества. Современное понимание процесса интеграции профессиональной и общеобразовательной подготовки обучающихся образовательных учреждений ФСИН России и Республики Беларусь делает возможным качественно улучшить профессиональные способности будущих специалистов.

Совокупность личностных, социальных и профессиональных компетенций, формируемых различными видами образовательного процесса в образовательных учреждениях ФСИН России, обуславливает детерминанты социальной направленности личности – тот комплекс мотивов, который превращает абстрактную способность обучающегося к деятельности в деятельность конкретную, осознанную и целенаправленную, реализуемую в условиях определенных общественных отношений. Таким образом, одним из основных аспектов педагогического процесса является формирование социальных и профессиональных качеств личности, соответствующих конкретному уровню развития общества. Именно эту задачу призвано решить интегративное обучение – овладение выпускником комплексом знаний, умений и навыков, получаемых в ходе изучения отдельных дисциплин, исходя из конечной цели подготовки специалиста для УИС. Переход от преимущественно информативного типа обучения к иным, в том числе интегрированным, предполагает активное развитие познавательных, творческих способностей обучающихся, их умение систематизировать, обобщать и применять комплекс знаний, необходимых в профессиональной деятельности.

Достижение обозначенной цели становится возможным благодаря интегративному подходу к подготовке обучающихся. Анализ практической деятельности выпускников показывает, что в настоящее время нельзя соглашаться с традиционным параллелизмом множества учебных дисциплин, слабо сопряженных и недостаточно ориентированных на главную цель профессиональной подготовки сотрудника УИС.

Необходим продуманный эффективный подход к интеграции содержания образования и процесса обучения. Тематический анализ содержания учебных программ на основе изучения связей структурно-логической схемы, планирующей и учебно-программной документации делает возможным определить взаимосвязанные темы, которые в дальнейшем будут более подробно изучены. Анализируется характер и содержание профессиональной деятельности сотрудника УИС с целью установления корреляции между общеобразовательными и профессиональными дисциплинами, формирующими специалиста по направлениям деятельности. Учебный материал выделенных тем, вступающих в интегрированные связи, пересматривается и уточняется с точки зрения единого применения терминов и дефиниций различных учебных дисциплин, применения межпредметных знаний при решении комплексных задач профессиональной деятельности, переноса знаний и умений, полученных при изучении одной дисциплины, в другую.

Знания, умения и навыки, которыми должен обладать выпускник, формируются во время обучения при выполнении разноуровневых заданий и решении комплексных междисциплинарных задач. Подготовка обучающихся к профессиональной деятельности должна основываться на системном ориентировании в предметах обучения, обеспечивающем углубление общих теоретических знаний; процесс обучения необходимо осуществлять с учетом реализации правил и принципов межпредметной интеграции.

Большинство качеств, составляющих личностно-социально-профессиональный статус сотрудника УИС, требуют знаний различных учебных дисциплин, которые невозможно сформировать

ровать в процессе обособленного изучения отдельных предметов. Таким образом, чем более системный характер приобретает подготовка специалиста, тем более широкими становятся границы его возможностей при решении профессиональных задач.

Примером этому служат дисциплины антикоррупционной направленности с их ярко выраженной междисциплинарной связью. В них проявляется интеграция юридических дисциплин с многочисленными дисциплинами гуманитарного профиля (социология, психология, профессиональная этика, экономика и др.).

Если требования к содержанию профессионального обучения четко определяются федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования через планируемые результаты освоения образовательной программы, выражаемые в формировании компетенций, то к дисциплинам антикоррупционной направленности предъявляются дополнительные требования. Процесс обучения направлен на профессиональную подготовку обучающихся, формирование у них умений выявить и устранить причины коррупции на самых ранних стадиях проявления, адаптироваться к реальным практическим действиям, направленным на активное противодействие коррупции в социуме.

Так, Академия ФСИН России реализует основные профессиональные образовательные программы. Рассмотрим формирование модели устойчивого антикоррупционного поведения сотрудника путем интеграции знаний, умений и навыков в планируемые результаты подготовки специалистов юридического профиля.

Например, ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 – Юриспруденция (в Академии ФСИН России реализуется ведомственная специализация – Организация режима в УИС) предполагает формирование у обучающихся ряда профессиональных компетенций (далее – ПК), направленных на усвоение устойчивого антикоррупционного поведения:

ПК-12 – Способность выявлять, давать оценку коррупционному поведению и содействовать его пресечению;

ПК-14 – Готовность принимать участие в проведении юридической экспертизы проектов нормативных правовых актов, в том числе в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции;

ПК-24 – Способность осуществлять противодействие коррупции и защиту сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, в УИС.

В соответствии с основными профессиональными образовательными программами для обучающихся данные профессиональные компетенции формируются в процессе изучения следующих учебных дисциплин: «Криминология», «Административное право», «Земельное право», «Делопроизводство и режим секретности». Содержание компетенций определяет ФГОС ВО, а перечень планируемых результатов обучения по дисциплине предоставлен на выбор образовательного учреждения (кафедр, авторов, разработчиков).

В соответствии с утвержденными рабочими программами дисциплина «Криминология» (изучается на 2-м курсе) формирует ПК-12, которая предполагает знания о методике криминологических исследований преступности, особенностях криминологического планирования и мер борьбы с преступностью, учит использовать методы анализа и обработки показателей преступности, правильно применять в практической деятельности полученную юридически значимую информацию для предупреждения преступности, владеть навыками анализа и оценки состояния и развития преступности, применения эффективных мер предупреждения преступности в соответствии с современными тенденциями ее развития.

ПК-14 формируется в ходе изучения дисциплин «Административное право» (изучается на 2-м курсе) и «Земельное право» (изучается на 3-м курсе). В перечень планируемых результатов обучения по данным дисциплинам также включены элементы формирования устойчивого антикоррупционного поведения: проводить юридическую экспертизу проектов нормативных правовых актов в области административного права, в том числе в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции; проводить юридическую экспертизу проектов нормативных правовых актов в области земельного права, в том числе в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции и т. п.

В соответствии с утвержденными рабочими программами дисциплина «Делопроизводство и режим секретности» (изучается на 1-м курсе) формирует ПК-24. Обучающийся, освоивший дан-

ную компетенцию, должен: иметь знания о понятии государственной тайны и иных охраняемых законом тайн, сведениях, составляющих государственную тайну и сведениях конфиденциального характера, организационно-правовых основах режима секретности и т. п.; использовать методы и средства обеспечения информационной безопасности с целью предотвращения несанкционированного доступа, злоумышленной модификации или утраты информации, составляющей государственную тайну, и иной служебной информации; обеспечивать защиту государственной тайны и соблюдение режима секретности в процессе служебной деятельности.

Основная профессиональная образовательная программа по направлению подготовки 40.03.01 содержит 57 учебных дисциплин. Проанализированные профессиональные компетенции 12, 14, 24 в соответствии с утвержденными основными профессиональными образовательными программами встречаются в четырех дисциплинах на 1–3-м курсах обучения. На наш взгляд, этого недостаточно для создания качественной модели устойчивого антикоррупционного поведения. По этой причине в основных профессиональных образовательных программах, реализуемых в Академии ФСИН России, отдельные элементы знаний, умений и навыков внесены в планируемые результаты обучения целого ряда дисциплин, формирующих иные компетенции.

Например, дисциплина «Арбитражный процесс» (изучается на 4-м курсе) формирует ПК-5. В соответствии с содержанием рабочей программы данной дисциплины тема № 2 «Предмет, метод и принципы арбитражного процессуального права» содержит рекомендации по изучению значения законодательства о борьбе с коррупцией в реализации принципов арбитражного процесса. Тема № 8 «Неисковые производства» содержит рекомендации по изучению реализации положений законодательства о борьбе с коррупцией в производстве по делам об оспаривании правовых актов в арбитражном процессе. Вопросы антикоррупционной направленности учтены в содержании вопросов для подготовки к зачету. Аналогичные требования изложены и представлены при изучении учебных дисциплин:

«Гражданский процесс» (в аспекте изучения значения гражданского процессуального права в условиях формирования правового государства и борьбе с коррупцией);

«Гражданское право» (в рамках заключения и реализации отдельных видов договоров);

«Криминалистика» (при организации расследования коррупционных уголовных дел);

«Организация охраны» (рекомендации по изучению профилактики коррупционных и иных правонарушений сотрудников подразделений охраны);

«Правовое регулирование и организация режима» (особенности предотвращения коррупционных правонарушений в УИС);

«Правоохранительные органы» (рекомендации по изучению вопросов прохождения службы в УИС, в том числе и в условиях борьбы с коррупцией);

«Семейное право» (рекомендации по изучению семейно-правовых мер по противодействию коррупции);

«Уголовное право» (меры уголовно-правового характера по борьбе с коррупцией).

Таким образом, содержание рассмотренных учебных дисциплин, изучаемых с 1-го по 4-й курс по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция позволяет выстроить систему междисциплинарных связей по формированию профессиональных компетенций антикоррупционной направленности.

Однако создание устойчивой модели антикоррупционного поведения невозможно без активного неприятия коррупционных проявлений на личностном мировоззренческом уровне. С целью активизации морального фактора в деятельности сотрудников УИС в содержание дисциплин социально-гуманитарного цикла внесены элементы, формирующие непримиримое отношение к коррупции на личностном уровне. В соответствии с утвержденными рабочими программами элементы вышеобозначенных знаний, умений и навыков внесены в содержание дисциплин «Профессиональная этика», «Экономика», «Пенитенциарная психология и педагогика».

В рамках профессиональной подготовки на базе учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» при получении высшего образования (специализация «Уголовно-исполнительная деятельность») осуществляется преподавание циклов социально-гуманитарных дисциплин, специальных дисциплин, дисциплин специализации и дополнительных видов подготовки.

В соответствии с квалификационными характеристиками специалиста-выпускника для специальности «Правоведение», специализации «Уголовно-исполнительная деятельность», требования к компетентности выпускника устанавливаются на приобретении профессиональных знаний в пределах правоохранительной, профилактической и уголовно-исполнительной деятельности.

Одним из элементов профессиональной подготовки современного сотрудника УИС Беларуси выступает и получение знаний в контексте антикоррупционного образования. Данное направление получило особую актуальность с 2015 г., когда был принят Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией». Так, по инициативе Генерального прокурора Республики Беларусь разработана и внедрена во все учебные заведения страны учебная дисциплина «Противодействие коррупции» на основании одноименной типовой учебной программы. Это нововведение согласуется с положениями системы мер противодействия коррупции, что предусматривает организацию антикоррупционного обучения государственных должностных лиц, а также лиц, обучающихся в учреждениях образования (ст. 5 Закона).

Так, в рамках обучения рассматриваются признаки коррупции как антисоциального явления. Обучающиеся получают целостное представление о негативных последствиях коррупции, учатся анализировать детерминанты, а также виды и формы коррупционного поведения. В рамках учебных занятий осуществляется ознакомление обучающихся со структурой и динамикой коррупции в республике, зарубежных странах, дается системное представление о деятельности субъектов противодействия коррупции. Особый акцент смещается на формирование навыков по выявлению коррупционного поведения, рисков, обуславливающих коррупционные правонарушения, определению реальных последствий коррупции, включая меры юридической ответственности, преодолению конфликтов интересов.

В рамках интеграции антикоррупционных знаний отдельные положения методики расследования коррупционных преступлений, освещения полномочий государственных органов в сфере борьбы с коррупцией, мер уголовно-правового характера борьбы с коррупцией доводятся при изучении таких учебных дисциплин, как «Криминалистика», «Уголовное право», «Административное право», «Гражданское право», «Гражданский процесс», «Прокурорский надзор», «Культура и этика руководителя», «Криминология и профилактика преступлений».

Содержание рассмотренных учебных дисциплин позволяет говорить о создании целостной модели устойчивого антикоррупционного поведения. Интеграция элементов содержания дисциплин гуманитарного и профессионального циклов способствует организации непрерывного педагогического воздействия на протяжении всего курса профессиональной подготовки.

Таким образом, в рамках образовательного процесса целенаправленно формируется антикоррупционная позиция будущего сотрудника УИС. В процессе обучения он получает разнообразную информацию антикоррупционной направленности, которая позднее им сопоставляется, включается в общекультурные и профессиональные знания. В целом, образовательная среда учреждений высшего образования предоставляет ему условия для глубокого осмысления, а то и корректировки своего отношения к коррупционным проявлениям в социуме. Тем самым закладывается гуманитарный и профессиональный фундамент для формирования нетерпимости к коррупции как одна из базовых характеристик будущего профессионального сотрудника УИС.

Резюмируя вышесказанное можно констатировать, что путем интеграции соответствующих знаний, умений, навыков и содержательного компонента в дисциплины гуманитарного и профессионального циклов создаются условия для формирования устойчивого антикоррупционного поведения сотрудника УИС.

Список использованных источников

1. Николаев, С.М. Концептуальные положения реализации антикоррупционного образования сотрудников правоохранительных органов / С.М. Николаев // Интернет-журн. «Науковедение». – 2015. – Т. 7. – № 2. – С. 1–16.
2. Синников, В.Б. Формирование профессиональной компетенции курсантов образовательных учреждений МВД России на основе интегративного обучения при проведении оперативно-тактических учений / В.Б. Синников, А.Ф. Арсланов // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2012. – № 1. – С. 80–86.

Дата поступления в редакцию: 09.04.19

V.E. Vezlomtsev, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy and History sub-department of the Academy of FPS of Russia; T.G. Tereschenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head Deputy at the Department of Criminal Executive Rights of the Criminal Executive Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

FORMATION OF ANTI-CORRUPTION BEHAVIOR WITHIN INTEGRATION OF HUMANITARIAN AND PROFESSIONAL SUBJECT MATTERS

The article analyzes the competence structure of basic professional educational programs implemented by the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, as well as the substantive part of the work programs to form a model of sustainable anti-corruption behavior of future employees of the penitentiary system by integrating the necessary competencies and planned learning outcomes. The information presented in the article may be useful to the faculty of educational institutions of various profiles in the framework of the exchange of experience and coordination of the main directions of improvement of the educational process. This direction is implemented in the context of the Anti-Crime and Corruption Program for 2017–2019, which provides for the training of highly qualified and highly moral employees who are able to overcome the risks of corruption and effectively apply a system of anti-corruption measures taking into account modern realities.

Keywords: anti-corruption behavior, competence-based structure, educational program, penal system officer, competence, humanitarian and professional subject matters.

УДК 378.1

А.Н. Пастушеня, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, заслуженный работник образования Республики Беларусь

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДАННОСТИ
ПРОФЕССИИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
И СРЕДСТВА ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**

С позиций структурно-функционального подхода рассматривается «преданность профессии» как профессионально важное личностное качество, которое необходимо формировать в процессе профессионального образования. Опираясь на анализ работ по изучению родственного явления (преданность организации) и результаты проведенного автором эмпирического исследования среди сотрудников органов внутренних дел, излагается психологическая структура преданности профессии, содержательные характеристики ее составляющих элементов, типология преданности по степени мотивационного проявления, а также средства формирования этих составляющих.

Ключевые слова: личность сотрудника органов внутренних дел, преданность профессии, лояльность к организации, представленность профессии в психическом мире личности, готовность к службе в органах внутренних дел, средства формирования преданности профессии.

Профессиональное образование призвано не только обеспечить формирование системы профессиональных компетенций у будущих работников, но и преданность профессии как определенному роду трудовой деятельности. Такую преданность можно охарактеризовать, как уверенность в правильности своего профессионального выбора и готовность трудиться в избранной профессиональной сфере при отсутствии внутренних предпосылок ее смены. Исследования феномена преданности профессии, факторов, влияющих на становление и изменение, в советской и современной отечественной психологии в прямой постановке не проводились. Не обнаружены исследования этой проблемы и в западной научной литературе. Вопросы преданности профессии не включены в учебные пособия по психологии и педагогике профессионального образования, организационной психологии, психологии труда и управления. Вместе с тем в российской и западной научной литературе имеются работы по проблеме лояльности (преданности) организации, которая представляет собой иное явление. Так, работник может быть предан своей профессии, но не испытывать лояльного отношения к организации, в которой работает, и, наоборот, может лояльно относиться к организации, но не испытывать удовлетворенность профессией как родом трудовой деятельности.

Анализ работ по проблеме преданности организации полезно учитывать при раскрытии феномена преданности профессии, ее обусловленности и формирования. В русскоязычной литературе такой анализ представлен в диссертационных исследованиях М.И. Магуры [1], В.И. Доминяка [2]. Из него видно, что большинство исследователей придерживаются концепции Л. Портера [3], выделившего в приверженности организации три компонента: идентификацию – присвоение целей организации, гордость организацией; вовлеченность – желание прилагать усилия для внесения своего вклада в достижение целей организации; лояльность – эмоциональную привязанность к организации, желание оставаться ее членом. Приверженность организации представляет собой психическое образование, включающее позитивную оценку работником своего пребывания в ней, намерение действовать ради ее целей и ценностей и сохранить свое членство в ней. М.И. Магура, М.Б. Курбатова, например, выделили три типа приверженности: истинную (без выдвижения особых условий); прагматическую (выгодность); вынужденную (отсутствие возможности найти другую работу) [4].

В лояльности организации как психическом образовании выделен ряд составляющих. Как правило, в исследованиях реализуется структурный подход, предложенный Дж. Мейером и Н. Аллен [5], которые отмечают следующие ее составляющие: аффективную (идентификация, вовлеченность, эмоциональная приверженность), продолженную (осознание нерациональных затрат в случае ухода и выгодность остаться), нормативную (ощущение обязательств по отношению к организации, в том числе в связи с вкладами в работника организации). Опираясь на эту структуру, можно выявлять индивидуальные особенности лояльности, определяемые проявлением указанных мотивационных акцентов, которые ее обуславливают. В эмпирических исследованиях выявлены различные корреляты лояльности к организации [1; 2; 6]. К ним относится прежде всего удовлетворенность работой в организации, имеющая различные проявления: удовлетворенность руководством, непосредственным руководителем, возможностью карьерного роста, реальным продвижением, уровнем оплаты, системой оплаты, возможностями внерабочей деятельности, а также удовлетворенность собственной жизнью в целом. Обнаружены положительные корреляционные связи с производительностью труда, ростом компетентности работника, внешней престижностью организации, уровнем полномочий, разнообразностью работы, автономией, организационной поддержкой, справедливостью оценки работы и вознаграждения, возможностью карьерного роста, доверительными отношениями с коллегами, супружеской поддержкой. Отрицательные корреляции выявлены с недостатком ресурсов, ролевой неопределенностью, высокой нагрузкой, конфликтом интересов работы и личной жизни, доступностью альтернативных мест работы.

В.И. Доминяк, в частности, обращает внимание на то, что лояльность работника к организации объясняется соответствием различных условий работы в организации его личным ожиданиям, в частности, тех условий, которые указаны выше как корреляты лояльности [2]. Этот подход носит характер оценочного отношения к организации исходя из сложившихся притязаний работника, однако в нем не находят места некоторые составляющие, основанные на эмоциональных отношениях к различным сторонам организации, сложившихся у сотрудника в результате пережитых им событий в процессе работы в этой организации, в том числе отношений к коллегам и собственным достижениям.

Рассматривая формирование лояльности к организации, Г. Беккер обосновывает [7], что она выстраивается постепенно через последовательность персональных решений, каждое из которых не влечет за собой каких-либо важных последствий, а вносит свой вклад в формирование привязанности к организации. Например, люди могут привязываться к организациям через последовательность таких решений, как взносы в пенсионный фонд, согласие на повышение и более высокие уровни ответственности, покупка дома в кредит и т. д. При ее наличии работник продолжает трудиться в ней, хотя мог бы найти себе более перспективную, увлекательную работу, что предполагает сформированность сдерживающих факторов в ситуациях, когда появляется желание данную организацию покинуть. Процесс формирования преданности организации состоит из нескольких этапов. Для новых сотрудников он начинается с инициации – процедуры обращения (посвящения) в мир ценностей и ритуалов компании. Социально-психологический аспект заключается в приобщении, принятии в значимую группу и признании этого факта дру-

гими ее членами. Следующий этап развития преданности организации – интериоризация норм и критериев компании. Когда сотрудник прошел инициацию и вступил в референтную группу, почувствовал себя ее членом, перед ним встает проблема ориентации: как определить, какие в этой группе существуют правила и нормы повседневной жизни, что здесь поощряется, а за что наказывают, что является образцом для подражания и какие существуют критерии успешности. В качестве транслятора таких установок выступают «образцовые сотрудники», служащие примером для подражания. Целенаправленные действия по формированию преданности организации обычно затрагивают два аспекта: содержание (знание о компании – объективная составляющая) и отношение (восприятие этого содержания, выработка определенного подхода к нему – субъективная составляющая). Эти суждения Г. Беккера представляются весьма оправданными и полезными для учета при разработке путей и методики формирования преданности как организации, так и профессии.

С учетом приведенных данных, как видится, в научном объяснении профессиональной преданности гипотетически логично исходить из того, что она обусловлена положительной субъективной представленностью профессии во внутреннем мире личности, сочетаемая в некоторой мере с положительным образом организации, в которой данная деятельность может осуществляться. Эта субъективная представленность профессии проявляется на различных уровнях психического отражения: в осознаваемом значении и личностном смысле профессии, образном значении, в эмоциональном отношении к ней как роду деятельности, в том числе к ее условиям, результатам и другим сторонам, в установочных явлениях, выражающих фиксацию принятых решений по поводу избрания профессии (выбор правильный) и ее положительной оценки (профессия достойная), а также в связанных с ней целевых установках (освоить и достичь успехов), в установках, выражающих идентификацию с чертами профессионального Я-образа (какой я должен быть как профессионал). На наш взгляд, преданность профессии может иметь и различную степень проявления, которую можно оценить по интегративному параметру отношения к ней в совокупности с готовностью трудиться в соответствующей профессиональной сфере.

Опираясь на эти посылки, нами эмпирически изучены феномены субъективной представленности профессии у сотрудников органов внутренних дел в плане отношения к ней, удовлетворенности ее выбором и готовности работать в избранной профессиональной сфере, осуществляя службу в ОВД. Исследование проводилось с помощью интервью с использованием вопросов проективного характера по выявлению личностных акцентов в видении различных сторон профессии, отношения к ней и признаков указанной готовности. Использовались вводные высказывания, настраивающие на нужный аспект обсуждения. Например: «Ваша профессия связана со службой в ОВД. В ней сотрудники видят плюсы и минусы, одних она устраивает, других нет – все естественно и объективно. Что вы можете сказать о своей профессиональной принадлежности (или выборе профессии)?». Основываясь на начальных высказываниях респондентов, развертывалось обсуждение вопросов конкретного содержания, что позволяло более точно понять изучаемый феномен, например: «Если подумать о возможности смены профессии, то что можно об этом сказать?», «Какие возможны причины смены профессии?» «Что вы имеете в виду?», «А если это исключить, то есть ли еще причины?» и т. п. Использовались вопросы по изучению внешних и внутренних явлений, обуславливающих преданность профессии, как и побуждения ее сменить, например: «Что побуждает вас продолжать службу в ОВД?», «Что снижает это побуждение?», «Что вы ощущаете, будучи сотрудником ОВД?», далее уточнение: «Что положительного и отрицательного вы ощущаете?». Применялись также вопросы, предполагающие ответы от лица другого сотрудника, который склоняется сменить профессию – «Что обуславливает у него такое желание, что он при этом испытывает, думает?». Актуализировались воспоминания конкретных событий, обстоятельств, наблюдений, размышлений, влияний других лиц, обусловивших формирование оценочных выводов и решений по поводу своей профессиональной принадлежности.

Анализ проведенных бесед с действующими сотрудниками инспекторского состава и руководителями подразделений ОВД, а также с бывшими сотрудниками, которые оставили службу в ОВД по собственной инициативе, позволил сформулировать следующие выводы.

Преданность профессии имеет различную степень мотивационной выраженности, которая выражает «силу желания оставаться в профессии» и обусловлена внутренней гармоничностью.

Противоположным явлением выступает неудовлетворенность профессией, сопряженная с желанием ее сменить. Можно выделить следующие типы приемлемости профессии:

высокая преданность – высокая ценностная значимость профессии в сочетании с удовлетворенностью своим выбором, гордостью за профессиональную принадлежность и с несомненным желанием продолжать службу;

преданность среднего уровня – преобладание ценностной значимости службы в ОВД при наличии незначительных проявлений неудовлетворенности и отсутствии предпосылок ее смены (отсутствуют сомнения в необходимости продолжения службы);

преобладающая приемлемость при наличии противоречий – преобладание установки продолжать службу в ОВД, но при этом сотрудник допускает возможность ее смены в случае ухудшения условий или при возникновении существенно более благоприятной альтернативы;

противоречивое отношение к продолжению службы в ОВД с преобладанием мотивации ее продолжения в связи с пройденным путем и выгодностью завершить службу для более раннего и высокого пенсионного обеспечения (свойственно отдельным сотрудникам со стажем службы, приближающимся к тому, который дает право на получение пенсии);

противоречивое отношение к продолжению службы и настроенность на смену профессии при ухудшении условий или при возникновении благоприятной альтернативы (свойственно некоторым сотрудникам в начале служебной карьеры).

Преданность профессии сотрудника ОВД выражает ее положительную представленность в психическом складе личности, как трудовой деятельности, включая представленность ее содержания, условий, задач, результатов, а также самоощущение в связи со службой в ОВД и со своим профессиональным статусом. Комплексно сформированная преданность профессии представляет собой интеграцию ряда составляющих:

1. Ценностно-смысловая приемлемость – видение положительных сторон профессии и доминирующая их значимость по сравнению с осознаваемыми трудностями и отрицательными сторонами, в том числе по сравнению с иными объективно возможными и субъективно допустимыми для лица профессиями. Причем возможно такое положение, когда определенная другая профессия является для лица более привлекательной, однако у него сложилось понимание, что она для него реально не доступна в силу недостаточных способностей поступить на обучение по ней или работать в ее сфере либо в силу иных объективных причин. В этой связи приемлемость избранной профессии определяется также и ее доступностью. Эта ценностно-смысловая составляющая преданности профессии формируется в результате информационных влияний, преподносящих положительные стороны профессии сотрудника ОВД: социальной значимости, достойного материального вознаграждения труда, возможность овладения жизненным опытом, проявления достойных качеств и т. д.

2. Эмоциональная привлекательность профессии – эмоционально положительная окрашенность образа профессиональной деятельности – ее процесса и результата. Ее формирование обеспечивается насыщением рассказов о профессиональной деятельности эмоционально положительным содержанием. Оно может выражаться в описании и демонстрации положительных чувств, которые испытывают сотрудники ОВД, выполняя свою работу, действуя эффективно, добиваясь успехов, а также в образном описании и наблюдении в реальности или при демонстрации видеосюжетов об успешной и «красиво» осуществляемой деятельности. Формирование эмоциональной составляющей преданности профессии также обеспечивается положительным стимулированием собственных профессиональных действий и их результатов (похвала руководителя, одобрение коллег, близких людей), созданием ситуаций ощущения профессионального успеха. Эмоционально положительной окрашенности профессиональной деятельности способствует наличие в ее процессе состязательности, вызывающей эмоциональный подъем и азарт. Такая состязательность потенциально присуща различным видам правоохранительной деятельности, которую можно актуализировать, придавая успешным действиям значение профессиональной борьбы и победы: раскрытию преступлений, склонению обвиняемого к правдивым показаниям, исправляющему переубеждению правонарушителя, выявлению скрываемых действий или предметов и т. д.);

3. Привлекательность образа представителя профессии, который ассоциируется с образом самого себя в этой роли и обеспечивает удовлетворенность собой в связи с принадлежностью к профессии. Она создается образными рассказами о представителях профессии в контексте их успешности, встречами-беседами с профессионалами, обладающими харизмой и способными донести информацию о том, чем она интересна, и увлеченности ею, уважительным обращением к обучающимся и действующим сотрудникам как к представителям достойной профессии с использованием терминологии обращения, возвышающего принадлежность к профессии, позитивным воображением себя в роли профессионала.

4. Совокупность усвоенных оценочных убеждений о том, что профессия является достойной (социально необходимой, несущей добро людям, интересной, творческой, требующей мастерства и достойных личных качеств), и люди, работающие в ней в своем большинстве обладают положительными качествами. Эти убеждения формируются внушающими воздействиями, сопровождающими процесс обучения и воспитательную работу, а также путем включения обучающихся в обсуждение достоинств и интереса в профессии, ее социальной необходимости и пользы, проявляемых сотрудниками положительных качеств, а также сложностей профессии в контексте отличия от примитивности.

5. Оптимистичные профессиональные ожидания, выражающие уверенность в объективной возможности и собственной способности освоить профессию и в успешности будущей профессиональной деятельности. Их формирование обеспечивается психологической поддержкой, оптимистичным внушением возможности и способности достичь профессиональных успехов, педагогическим стимулированием положительных результатов в учебе в сочетании с внушением успехов в будущей деятельности, обсуждением профессиональных перспектив, доведением личных историй вхождения в профессию и достижения в ней высоких результатов и профессионального статуса.

6. Установка, выражающая профессиональную идентичность – присвоение профессии с принятием роли субъекта этой деятельности при удовлетворенности этой ролью и своей профессиональной миссией. Такая установка проявляется в убеждении «Это моя профессия, моя будущая работа» и сочетается со статусно-ролевой составляющей Я-образа – «я – сотрудник милиции». Ее сформированность дает психологические основания для формирования установок долга – «это мой долг», «я должен это делать», «я должен поступать именно так», а на их основе – формирование мотивационного механизма «профессиональной совести». Этот механизм выполняет функцию психологического барьера уклонения от выполнения профессиональной обязанности или совершения поступков, противоречащих профессиональному долгу. Такая установка формируется прямым и косвенным внушением с положительным ценностным и эмоциональным контекстом, созданием педагогических ситуаций, в которых осуществляется взаимное внушение и самовнушение данного утверждения, сопряженного с чувством гордости, а также путем позитивного оценочного подкрепления выполненных действий, соответствующих профессиональному долгу.

7. Привязанность к профессиональной общности, втянутость в межличностные отношения, опосредованные общей профессиональной принадлежностью. Она формируется созданием педагогических ситуаций проявления взаимопомощи, коллективного одобрения индивидуальных профессиональных успехов, а также ситуаций, обеспечивающих личное самоутверждение обучающегося в профессиональной общности.

8. Установка на неприятие негативизма в профессии и разочарования в ней, которая проявляется в личных убеждениях типа «эта работа не для слабых и глупых». Такая установка сочетается с установкой на внутреннюю атрибуцию ответственности «трудности есть в любой работе, но не надо в них искать причины для оправдания своей слабости», а также с оптимистичной установкой на преодоление трудностей («справлюсь», «упорство принесет успех», «дорогу осилит идущий») и самоуважением в связи с их неизбежным преодолением. Формирование этих установок обеспечивается использованием указанных установочных фраз в воспитательном и управленческом общении с будущими сотрудниками ОВД, педагогическим побуждением использования этих фраз в самооценке и самовыражении перед коллективом, в личном самонастройке.

Понимание таких структурных составляющих преданности профессии, их содержания, механизмов и средств их формирования дает основания для целенаправленного осуществления работы по ее воспитанию и оказания воспитывающих влияний в процессе обучения.

Представленность профессии в психическом мире личности, которая выражает отношение к ней и готовность трудиться по ней, может содержать противоречия между ценностно-смысловыми, эмоциональными и установочно-диспозиционными образованиями, а также внутри этих образований. Так, сотрудник может признавать ценностно-смысловую значимость службы в ОВД («выгодность» для своих личных интересов), но испытывать отрицательное эмоциональное отношение к ее отдельным составляющим, интегрируемое в преобладающее отрицательное отношение к ней в целом. Либо он может испытывать приверженность профессии, но неудовлетворенность организационными условиями службы и отношением со стороны руководства. Либо он может осознавать отсутствие личностного смысла продолжения службы, но испытывать привычку находиться в процессе служебной деятельности и в своем профессиональном статусе, несмотря на трудности и нервно-психические нагрузки при ее осуществлении. Наличие негативных проявлений в этих элементах субъективной представленности профессии определяет задачи индивидуально воспитательной и психокоррекционной работы по их снижению и нейтрализации.

Наиболее сильными факторами поддержания у сотрудника преданности профессии при неблагоприятных условиях службы, наличии трудностей и неудач выступают «ценящее» отношение со стороны руководства и коллег в сочетании с таким отношением и поддержкой членов семьи. При высоком уровне преданности профессии сотрудник в случае неблагоприятных условий службы и других факторов, способных отрицательно влиять на мотивацию, проявляет волевую мобилизованность и установку справиться с ними. Он относится к трудностям, как к испытаниям, которые необходимо выдержать и преодолеть для самоутверждения в своей профессиональной годности. При невысокой преданности профессии трудности и неблагоприятные условия снижают мотивацию продолжения службы.

Список использованных источников

1. Магура, М.И. Приверженность работников своей организации : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / М.И. Магура. – М. : МГУ, 1999. – 150 л.
2. Доминьяк, В.И. Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации : дис. ... канд психол. наук : 19.00.05 / В.И. Доминьяк. – СПб. : СПбГУ, 2006. – 222 л.
3. Porter, L.W. Managerial attitudes and Performance / L.W. Porter, E.E. Lawler, Richard D. Irwin. – 1968. – 209 p.
4. Магура, М.И. Современные персонал-технологии. Организационная приверженность / М.И. Магура, М.Б. Курбатова // Упр. персоналом. – 2001. – № 6. – С. 45–50.
5. Meyer, J.P. A three-component conceptualization of organizational commitment / J.P. Meyer, N.J. Allen // Human Resource Management Review, 1991. – № 1. – P. 61–89.
6. Джуэлл, Л. Индустриально-организационная психология : учебник / Л. Джуэлл. – СПб. : Питер, 2001. – 720 с.
7. Becker, H.S. Notes on the concept of commitment / H.S. Becker // American Journal of Sociology. – 1960. – V. 66. – P. 32–42.

Дата поступления в редакцию: 22.10.19

A.N. Pastushenya, Doctor of Psychological Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Psychology and Pedagogy of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS AND MEANS OF FORMING DEVOTING TO THE PROFESSION OF AN OFFICER OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

The article considers the “devotion to the profession” as a professionally important personal quality that needs to be formed in the process of professional education from the perspective of structurally functional approach.

Based on the analysis of works on the study of the related phenomenon – devoting to the organization and the results of empirical study conducted by the author among the officers of the Internal Affairs Bodies, the psychological structure of the devoting to the profession, the substantial characteristics of its constituent elements, the typology of the devoting by the degree of motivational manifestation, and also the means of forming these components are described.

Keywords: personality of an officer of the Internal Affairs Bodies, devoting to the profession, loyalty to the organization, profession representation in the person’s mental world, readiness to serve in the Internal Affairs Bodies, means of forming devoting to the profession.

УДК 37.035:340.114.5 159.923.2

В.Г. Стуканов, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Stukanov1972@gmail.com)

ФОРМИРОВАНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА СОТРУДНИКА МИЛИЦИИ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ДОВЕРИЯ К ОРГАНАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются результаты теоретического и эмпирического исследований, подтверждающие высокую оценку населением страны деятельности органов внутренних дел, в частности обеспечивающей безопасность от преступных посягательств. Акцентируется внимание сформированном в общественном правовом сознании образе сотрудника ОВД. Анализируется, что обуславливает доминирование агрессивного обвинительного уклона сотрудников ОВД во взаимодействии с гражданами, в том числе ведущими законопослушный образ жизни. Обосновывается необходимость формирования в общественном правосознании гуманистического образа сотрудника правоохранительных органов с имиджем, например, «защитника».

Сформулированы психолого-педагогические задачи формирования гуманистического образа и перечень мер организационно-практического характера.

Ключевые слова: имидж милиции, отношение к милиции, уровень доверия к органам внутренних дел, общественное правовое сознание.

Одним из показателей доверия к органам государственной власти вообще является отношение населения к милиции. Определяется это уровнем социально-правовой активности граждан, в том числе по поддержанию правопорядка в обществе: чем выше уровень доверия, тем выше активность населения, и наоборот. В связи с этим одной из важных задач государства является формирование высокого уровня доверия к милиции, создание оптимальных условий для эффективного выполнения органами внутренних дел служебных задач.

Отношение к милиции, степень доверия к ней определяется следующими базовыми оценочными представлениями населения: об уровне правопорядка в стране или регионе (насколько граждане ощущают состояние безопасности от преступных посягательств); о раскрываемости преступлений (в какой степени в обществе реализован принцип неотвратимости наказания); о профессиональных и морально-деловых качествах сотрудников милиции (имидж милиции); о необходимости выполнения гражданского долга по поддержанию правопорядка в обществе.

Рассмотрим доверие граждан к милиции через призму вышеназванных оценочных представлений.

Анализ криминогенной обстановки в Республике Беларусь свидетельствует о снижении за последнее десятилетие количества зарегистрированных преступлений более чем в 2 раза (с 192 500 случаев (2005) до 83 813 (2018)). При этом, по данным Следственного комитета, раскрываемость преступлений в последние годы составляет почти 70 %, тяжких и особо тяжких общественно опасных деяний – около 90 % [1].

Результаты эффективной работы ОВД по противодействию преступности обуславливают позитивное восприятие гражданами состояния безопасности в стране. Так, по результатам социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2018 г. [2], большинство населения страны удовлетворено состоянием охраны общественного порядка и испытывает чувство безопасности и защищенности от преступных посягательств и других правонарушений в населенных пунктах, где проживают. В частности, во время массовых общественных мероприятий чувствуют себя в безопасности примерно $\frac{2}{3}$ (73,6 %) опрошенных; состояние спокойствия за свою безопасность испытывает только каждый десятый опрошенный гражданин (11,4 %). При этом Институтом социологии НАН Беларуси отмечается положительная динамика ситуации с общественной безопасностью, что коррелирует с криминологическими данными об уровне преступности в стране.

Вышеуказанные данные подтверждаются результатами социологических исследований, проведенных Информационно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь [3]. Так, подавляющее число опрошенных (85,5 %) заявили, что ощущают себя в безопасно-

сти, находясь на улице, в общественных местах. Практически на таком же уровне (83 %) респонденты оценивают личную безопасность, присутствуя на массовых мероприятиях (празднование Дня города, 9 Мая и т. д.) в своем населенном пункте, районе.

В целом, Республика Беларусь воспринимается жителями как спокойная и безопасная страна; усилия государства, органов правопорядка существенно повлияли на такое восприятие не только населением Беларуси, но и многих других стран. В международном рейтинге по критерию «преступность» и «безопасность» в 2009 г. Беларусь занимала 52-е место, а в последние годы входит в двадцатку стран мира с низким уровнем преступности и высоким уровнем безопасности.

Высокую позицию в рейтинге городов занял Минск. Вероятность того, что в белорусской столице с человеком ничего не случится во время ночной прогулки, составила 76,13 балла. Данный индекс выше коэффициента безопасности столиц, окружающих Беларусь государств (Киев – 52,93; Москва – 59,06; Рига – 62,06; Вильнюс – 71,98; Варшава – 73,23) [5].

Вышеуказанные данные свидетельствуют о высокой оценке населением объективных результатов деятельности ОВД республики. Вместе с тем доверие к милиции во многом обусловлено представлениями о морально-деловых и профессиональных качествах сотрудников ОВД, профессиональном образе сотрудника (имиджа). По мнению более половины тех же респондентов (59,5 %), основным условием, от которого зависит уровень доверия жителей республики к правоохранительным и контролирующим органам, являются личностные качества их сотрудников (ответственность, профессионализм, честность, умение работать с людьми и т. д.) [3].

По мнению только пятой части опрошенных граждан [2], сотрудникам ОВД свойственна вежливость (19,1 %), каждый десятый опрошенный отметил внимательность (13,5 %), профессионализм (12,2 %), аккуратность и терпение (по 11,0 %), ответственность и отзывчивость (по 10,0 %), коммуникабельность и смелость (по 9,0 %), чувство юмора (8,1 %); незначительная часть опрошенных отметили справедливость (6,6 %), толерантность (3,7 %) и эрудицию (3,0 %). Абсолютное большинство респондентов вообще не смогли отметить положительные качества, присущие сотрудникам ОВД.

Ранее проведенное нами исследование (2016) [6] свидетельствует, что у населения сложились устойчивые стереотипы о том, что нередко сотрудники милиции нарушают законодательство, совершают коррупционные правонарушения (при этом восприятие степени коррумпированности чиновников, врачей, педагогов кардинально не отличается от восприятия степени коррумпированности милиции и судей), отличаются формализмом в работе, грубостью и бестактностью. Полученные нами результаты подтверждены исследованиями Информационно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь [3]. Так, в ходе опроса респондентам предлагалось среди перечня недостатков отметить те, которые в большей степени, по их мнению, присущи сотрудниками правоохранительных и контролирующих органов, судов. Респондентами в первую очередь были выбраны варианты игнорирования законодательства и проявления бюрократизма в деятельности анализируемых структур, в том числе милиции. Данной позиции придерживаются в среднем по 30,5 % граждан. Недостаточное взаимодействие с общественными организациями и населением, грубость, невнимательность, закрытость в работе, отсутствие гласности и необходимой информации, низкий профессионализм сотрудников назвали в среднем 22 % респондентов. Сомнительный моральный облик некоторых работников, наличие проявлений коррупции, отметили в среднем 16 % участников опроса, фальсификацию материалов – 8,5 %.

В настоящее время в общественном сознании сформирован образ сотрудника ОВД не как хранителя порядка, защитника граждан, а как задерживающего, пресекающего нарушения, карающего представителя органа власти. Имидж сотрудника милиции ассоциируется у населения с карой (наказанием), угрозой. При этом более 80 % опрошенных (2018) нами сотрудников ОВД со всех регионов республики идентифицируют свою деятельность с наказанием, карой. «Мы не можем быть хорошими, потому что мы привлекаем к ответственности», – типичная характеристика сотрудниками милиции своей профессиональной деятельности. Сотрудники милиции причисляют себя к профессиональному сообществу, главным (и нередко единственным) предназначением которого выступает наказание. Данная личностная позиция профессиональной

идентичности обуславливает доминирование агрессивно-обвинительного уклона сотрудников ОВД во взаимодействии с гражданами, в том числе с добропорядочными – ведущими законопослушный образ жизни.

Агрессивно-обвинительный стиль поведения милиции (А.Н. Пастушеня), «избыточное и нерациональное по своим последствиям агрессивное поведение сотрудников ОВД» является следствием недостатков профессиональной подготовленности, искаженного профессионального Я-образа сотрудника (считает необходимым проявление жесткого стиля обращения с гражданами), психологического выгорания, личностной предрасположенностью к агрессивному поведению; ситуационно-субъективными причинами (порождают отрицательное эмоциональное состояние сотрудника в результате влияния неблагоприятных жизненных событий, обстоятельств в семейно-бытовой сфере, в служебной деятельности, при взаимодействии с руководителями и коллегами) [7].

Противоречивая оценка гражданами сотрудников ОВД и результатов их деятельности выступает причиной недостаточно высокой гражданской позиции населения по участию в поддержании правопорядка в обществе. Позитивно оценивая организационные и практические меры, принимаемые ОВД по поддержанию правопорядка и общественной безопасности, и негативно оценивая имидж милиции, около половины опрошенных (2018) граждан (46,7 %) готовы при необходимости оказывать помощь милиции в борьбе с преступностью, вторая половина (51,2 %) проявляют пассивность и нежелание сотрудничать с ОВД [2]. При этом только треть респондентов (34,3 %) намерены сообщать о преступлениях и других правонарушениях, и только десятая часть готовы оказывать помощь в задержании преступника (12,1 %), участвовать в совместном патрулировании в общественных местах (9,4 %) [2].

Противоречивое восприятие милиции населением страны выражается в уровне доверия к ней. Результаты социологического исследования общественного мнения (2018) свидетельствуют, что милиция в основном вызывает доверие у половины населения (54,1 % опрошенных), из них «полностью доверяют» – 23,2 %, «скорее доверяют, чем нет» – 30,9 % [2]. Другая половина выражает недоверие ОВД. Вместе с тем отношение к белорусской милиции сопоставимо с уровнем доверия к полиции некоторых стран Европы и Северной Америки. Формирование и поддержание высокого уровня доверия граждан к ОВД предполагает создание и культивирование позитивного имиджа милиционера.

Стратегической задачей является формирование в общественном правосознании гуманистического образа сотрудника милиции, насыщение его нравственно-психологическими характеристиками («желающий помочь», «добропорядочный», «надежный», «уверенный», «стоящий на страже закона», «знающий», «скромный», «честный» и др.). При этом имидж милиционера должен ассоциироваться с ярким, позитивным символом, например «защитник».

Формирование гуманистического образа сотрудника милиции предполагает реализацию комплекса внутренних и внешних организационно-практических мероприятий. Внутренние мероприятия направлены на реализацию психолого-педагогической задачи по формированию профессионального Я-образа сотрудника-защитника, профессиональной идентичности представителя власти, помогающего людям (а не «карающего», «привлекающего к ответственности»). Через призму данной задачи необходимо осуществлять образовательный процесс и повышение профессионализма личного состава милиции, развивать коммуникативную компетентность правильного взаимодействия с гражданами, а также предупреждать психологическое выгорание (безразличие к результатам и последствиям своей деятельности, неудовлетворенность службой) и профессиональную деформацию личности (в первую очередь, агрессивно-обвинительное отношение к другим людям).

Внешние мероприятия по формированию гуманистического образа сотрудника милиции включают в себя, во-первых, организацию систематического квалифицированного информационного потока, направленного на общественное правосознание, предполагающего реализацию комплекса психолого-педагогических задач (табл. 1). В этих целях необходимо использование преимущественно популярных неправительственных СМИ и интернет-сайтов, а также специально созданных неофициальных (позиционирующих себя как неправительственные).

Психолого-педагогические задачи и направления деятельности по формированию гуманистического образа сотрудника милиции

Психолого-педагогические задачи	Направления деятельности СМИ, интернет
1. Укрепление в правовом сознании положительных представлений и ценностной значимости правоохранительной системы, в первую очередь милиции и суда	Разъяснение значимости и необходимости правоохранительных органов для стабильного функционирования общества и благополучия каждого гражданина; разрушение в общественном мнении стереотипа об органах внутренних дел как структуре, обеспечивающей безопасность только политической и государственной элиты общества; разрушение стереотипа о правоохранительных органах как о структуре, в которой мало профессионалов, сотрудники которой постоянно нарушают законодательство и коррумпированы; разъяснение задач и функций, выполняющих органами внутренних дел, в соответствии с законом, в том числе по обеспечению общественного порядка при проведении массовых мероприятий политического характера; позиционирование милиции не как карательного, а как защищающего, оказывающего помощь органа, действий суда – как восстанавливающего справедливость и т. д.
2. Формирование в правовом сознании ценностной значимости сотрудника правопорядка, позитивного, эмоционально привлекательного образа сотрудника органов внутренних дел	Формирование образа сотрудника органов внутренних дел как компетентного, порядочного, благородного, строго следующего букве закона; культивирование эмоционально привлекательного образа сотрудника органов внутренних дел, который всегда придет на помощь, защитит; постоянное освещение фактов оказания сотрудниками органов внутренних дел помощи населению, не связанной с исполнением профессиональных обязанностей (спасение утопающего, тушение пожара, оказание своевременной первой медицинской помощи и т. д.); подготовка репортажей о тяжелых повседневных буднях сотрудников органов внутренних дел; информирование о системе жесткого профессионального отбора в целях внушения мысли о том, что в органах правопорядка служат лучшие из лучших и т. д.
3. Разрушение убеждений о широкой распространенности в обществе противоправных деяний	Своевременное информирование населения о раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений, особенно вызвавших общественный резонанс либо если объектом преступного посягательства были дети, старики, беременные женщины, инвалиды; информирование населения об ухудшающейся криминогенной обстановке в других странах, отсутствии безопасности от преступных посягательств в вечернее время; позиционирование милиции в качестве главного защитника от растущей преступности и т. д.
4. Формирование общественного мнения (представлений, убеждений) о постоянно усиливающейся борьбе с преступностью	Постоянное информирование общественности о благоприятных тенденциях в борьбе с преступностью; систематическое опубликование данных, свидетельствующих об улучшении криминогенной обстановки в регионе, стране; укрепление уверенности населения в том, что милиция действует эффективно, добивается максимума с точки зрения вложенных в нее бюджетных затрат и имеющихся у нее сил и средств и др.
5. Формирование представлений о полной реализации в стране принципа неотвратимости наказания, эффективно осуществляемой государством борьбы с преступностью	Широкое освещение фактов привлечения к уголовной ответственности преступников, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, особенно вызвавшие общественный резонанс; информирование о поимке и наказании преступников, совершающих наиболее распространенные преступления (квартирные, карманные кражи, угон автотранспортных средств и др.), а также коррупционные преступления; в каждом материале (репортаже) подчеркивать тезис «о неотвратимости наказания» и т. д.

Психолого-педагогические задачи	Направления деятельности СМИ, интернет
6. Закрепление представлений (убеждений, ощущений) о состоянии безопасности от преступных посягательств, которые испытывают граждане	Формирование уверенности населения в возможности всегда и при любых обстоятельствах получить помощь со стороны сотрудников органов внутренних дел; информирование граждан об улучшении криминогенной ситуации; информирование о мерах, направленных на повышение эффективности работы с обращениями граждан, своевременного прибытия на место преступлений и т. д.
7. Формирование положительного отношения к участию в поддержании правопорядка, пресечению преступных посягательств, оказания помощи работникам правоохранительных органов в изобличении виновных	Разъяснение важности и необходимости партнерских отношений милиции и населения в профилактике правонарушений; регулярное освещение фактов оказания гражданами помощи сотрудникам милиции в раскрытии преступлений, задержании преступника, защите жизни и здоровья потерпевшего от преступного посягательства и т. д.; в каждом подобном материале необходимо подчеркивать, что, в конечном итоге, оказана помощь конкретным людям, а не только милиции

Во-вторых, формирование гуманистического образа сотрудника милиции невозможно без установления ОВД конструктивных отношений со средствами массовой информации, в первую очередь с негосударственными, и организации постоянного взаимодействия с ними. Взаимодействие между милицией и СМИ предполагает систематическое информирование последних о совершаемых преступлениях и своевременном реагировании на них ОВД, способах профилактики правонарушений, противостояния криминогенному воздействию, высокой технической оснащенности милиции, ее возможностях в раскрытии любых преступлений, значительном научном потенциале, способствующем совершенствованию форм и методов в охране общественного порядка, передовом опыте, работе конкретных сотрудников, их семьях, героических и благородных поступках, спортивных достижениях и др. Все это, с одной стороны, оказывает позитивное психологическое воздействие на население, с другой – предупредительное воздействие на правонарушителей. Милиции также необходимо первыми информировать СМИ о чрезвычайных происшествиях среди личного состава, показывая, что это вина не всей системы, а конкретных ее сотрудников. Лучше откровенно обсуждать с согражданами все самые насущные проблемы в обеспечении правопорядка, чем негатив станет известен из других, менее компетентных источников.

В-третьих, налаживание системы контрпропаганды – опровержения негативной информации об ОВД и их сотрудниках. Контрпропаганда должна быть своевременной, аргументированной; информация должна носить упреждающий характер, препятствовать распространению слухов; отличаться спокойствием и уверенностью; распространяться по всем основным каналам средств массовой информации, включая неправительственные, а также интернет; доводиться авторитетными в глазах населения источниками. Для этого желательно привлекать независимых журналистов с возможностью посещения тех объектов, деятельность которых подвержена необоснованной критике.

В-четвертых, организация партнерских отношений милиции с населением, налаживание должного взаимодействия и сотрудничества, которое существенно повышает эффективность борьбы с преступностью, а также авторитет органов правопорядка. Наличие подобных отношений повысит степень удовлетворенности работой милиции, улучшит доверие ко всей правоохранительной системе, будет стимулировать население оказывать ей всемерное содействие.

В-пятых, установление конструктивных отношений с неправительственными общественными организациями в целях организации информационно-психологического воздействия на общественное мнение (посредством проведения различного рода семинаров, конференций, «круглых столов» на правоохранительную тематику, издания специальной литературы и т. д.). В последующем необходимо привлекать неправительственные общественные организации для осуществления общественного контроля над деятельностью милиции.

Список использованных источников

1. Уровень раскрываемости преступлений возрос до 68,8% – Следственный комитет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/uroven-raskryvaemosti-prestuplenij-v-2016-godu-vozros-do-688-sledstvennyj-komitet-212238-2016>. – Дата доступа: 15.05.2018.
2. Информационно-аналитическая записка по результатам социологического исследования «Общественное мнение об эффективности работы органов внутренних дел на местном административно-территориальном уровне Республики Беларусь». – Минск : Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси, 2018. – 67 с.
3. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов соц. исследований [Электронный ресурс] / Информ.-аналит. центр при Адм. Президента Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://iac.gov.by/uploads/files/Sbornik-2018-ITOG-28.12.2018-a4na-sajt.pdf>. – Дата доступа: 12.03.2019.
4. Crime Index for Country 2019 Mid-Year [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp – Дата доступа: 25.09.2019.
5. Crime Index Rate 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.numbeo.com/crime/rankings_current.jsp – Дата доступа: 25.09.2019.
6. Стуканов, В.Г. Информационно-педагогическая система формирования правосознания личности : монография / В.Г. Стуканов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. – 279 с.
7. Пастушеня, А.Н. Нерациональная агрессия сотрудников органов внутренних дел и пути ее профилактики / А.Н. Пастушеня // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2015. – № 1. – С. 219–223.
8. Комлев, Ю.Ю. Общественное мнение как критерий официальной оценки деятельности полиции: состояние, тенденции, проблемы формирования и измерения / Ю.Ю. Комлев // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2012. – № 7. – С. 8–15 ; Полиция Европы [Электронный ресурс] // Проект «Европейское социальное исследование». – Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=363>. – Дата доступа: 30.04.2016 ; Яковлев, К.Л. Государственно-правовые основы организации правоохранительных органов зарубежных стран : монография / К.Л. Яковлев, Е.И. Яковлева, О.Н. Яковлева. – М. : ИНФРА-М, 2016. – 160 с.

Дата поступления в редакцию: 10.09.19

V.G. Stukanov, Doctor of Pedagogics, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, the Head of the Department of Psychology and Pedagogics of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE FORMATION OF THE HUMANISTIC IMAGE OF THE POLICE OFFICER AS A CONDITION OF INCREASING CONFIDENCE IN THE INTERNAL AFFAIRS

Based on the results of theoretical and empirical research, it was found that the country's population highly appreciates the objective results of the activities of the republic's internal affairs bodies and feels safe from criminal encroachments. At the same time, in the public legal consciousness, the image of an ATS officer was formed, not as a guardian of order, a defender of citizens, but as a punishing, suppressing violation, punishing representative of an authority. Police officers professionally identify themselves with a "punitive" image, which leads to the dominance of an aggressively-accusatory bias of police officers in interaction with citizens, including respectable people who lead a law-abiding lifestyle. In this regard, the strategic task is to create a humanistic image of a police officer in public justice, the image of a policeman should be associated with a bright, unambiguous positive symbol, for example, "defender".

The psychological and pedagogical tasks of forming a humanistic image of a police officer are formulated, as well as a list of organizational and practical measures.

Keywords: image of the police, attitude to the police, level of trust in internal affairs bodies, public legal consciousness.

УДК 159.9:34

*С.А. Стульба, кандидат психологических наук, доцент кафедры белорусского и иностранных языков Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: lana2205@tut.by)*

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИК В СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ**

Рассматриваются вопросы изучения профессиональной деятельности в современных психологических концепциях зарубежных и отечественных ученых. Выделены различные аспекты психологического анализа

и оценки профессиональной деятельности. Акцентируется внимание на основных направлениях изучения и результатах оптимизации профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, профессиональный выбор, профессиональное развитие, профессионально важные качества, профессионализация.

Понятие «деятельность» – одно из основополагающих в психологии и обозначает «активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности» [1, с. 29].

Основным элементом всякого рода деятельности выступает субъект, который ее планирует и осуществляет, контролирует и оценивает.

В своей взрослой жизни человек как индивид является субъектом многих видов деятельности, одни из которых относительно независимы, какие-то взаимосвязаны, некоторые параллельны. При этом каждый вид имеет свой определенный временной промежуток.

Если говорить о профессиональной деятельности глобально, то ей присущи все характеристики деятельности как таковой. Стоит, однако, упомянуть, что общие характеристики в данном случае конкретизируются, тем самым обозначая специфику профессиональной деятельности.

Профессиональная деятельность субъекта именно в социуме становится основной из всех выполняемых ее видов, и на нее уходит большая часть сознательной жизни каждого индивида. У профессиональной деятельности много характеристик и определенная специфика, что предполагает включение максимум профессионализма, соответственно высокой ее нормативности, четкие социальные требования к ее субъекту, процессу и результату труда.

Психологическое обеспечение профессиональной деятельности, являясь целостной концепцией, имеет свою предысторию, связанную с формированием во второй половине XX в. ее четких направлений в изучении самой профессиональной деятельности. Для того чтобы разобраться детально в сути вопроса, логично сначала проанализировать зарубежный опыт. В первую очередь здесь привлекают внимание работы М. Вудкока и Д. Фрэнсиса, Э. Гинцберга, Дж. Сьюпера, Р. Хейвигхерста, Д. Холланда и др.

Так, профессиональный выбор человека подробно рассмотрен Э. Гинцбергом, который считает, что данный выбор занимает более десятилетия, что подкрепляется последовательными решениями. Процесс выбора профессии является длительным и необратимым, потому как уже принятое решение ставит границы дальнейшим возможностям, а результат в итоге – это компромисс между внешними факторами: престижностью профессии, потребностью рынка труда, внутренними факторами (индивидуально-психологическими особенностями человека). Профессиональное развитие Э. Гинцберг видит как специфические фазы, последовательно сменяющиеся друг друга. Идеи ученого достаточно четко обозначены, поэтому были взяты за основу при разработке последующих теорий профессионализации [2].

Дж. Сьюпер, например, предложил свою идею периодизации развития профессионала, которая получила достаточно широкое распространение в западной психологии. Согласно его разработке профессиональное развитие – это ступенчатая модель. Вводя в обиход понятие «профессиональная зрелость», он понимает поведение личности, где каждому возрасту соответствуют свои задачи профессионального развития. При этом ученым акцентируется внимание на способах реализации человеком «Я-концепции», что включает индивидуальные профессиональные предпочтения и типы карьер. Таким образом, концепция карьерной зрелости Дж. Сьюпера объединяет в себе феноменологические концепты и ключевые положения дифференциальной психологии, где в основе заложено понимание профессионального развития, являющегося длительным и целостным процессом развития личности. Исследователь в своей теории соотносит этапы жизненного пути человека (его возраст) с профессиональным развитием. В результате этот подход в работах зарубежных и отечественных авторов стал наиболее популярным [3].

Д. Холланд в отличие от Дж. Сьюпера акцентирует внимание на определении личностного типа, отыскивая профессиональную сферу, более всего соответствующую данному типу, а следом – на выборе одного из четырех квалификационных уровней соответствующей профессиональной сферы, а не на стадильности развития человека в профессии [2].

Р. Хейвигхерст подошел иначе к изучению этапов профессионального пути, предложив их альтернативное видение. Именно приобретение установок и трудовых навыков для становления полноценного работника ученый выводит на первый план с учетом потребностей и способностей человека [2].

Этапы профессионального развития М. Вудкок и Д. Фрэнсис связывают с этапами карьерного продвижения человека. Они описывают обучение, достижение успеха, переоценку ценностей, пенсионный период – стадии деловой жизни в их соотношении с возрастом человека, выделяя тем самым основные или ведущие переломные периоды [4].

На основании изложенного выше позволительным представляется вывод о том, что в профессиональной деятельности во второй половине XX в. в зарубежной психологии основными выступают вопросы пролонгации профессионального отбора и становления профессионала. Если говорить об отечественной науке, то в данном случае можно подчеркнуть изначально дискретный характер интереса к профессиональной деятельности человека, который отмечается в основном рассмотрением отдельных этапов профессионального пути. Так, распространившаяся в 1910–1930-х гг. психотехника изучала соотношение психологии с решением практических вопросов, а основными вопросами изучения были вопросы профориентации, профотбора и профобучения. С середины 1970-х гг. уже более активно изучаются закономерности динамики профессионально важные качества (далее – ПВК) и профессиогенеза, что требует более подробного рассмотрения.

Первое направление, наиболее разработанное, – создание систем оценки ПВК в процессе профессионального отбора с изучением последующей динамики развития этих качеств. В отечественных исследованиях в середине 1970-х гг. впервые профессиональный психологический отбор был введен в летных училищах, позже проник и в другие профессии. Изначально отбор был направлен лишь на «входной» отбор: психологическое обследование претендентов с точки зрения психологии на этапе поступления в училище. Но специалисты по профессиональному отбору уже в начале 1980-х гг. чаще стали говорить о необходимости перехода к принципу «этапности» отбора (о нем же говорили, как о принципе динамического, пролонгированного отбора). Рассматриваемый принцип предполагает выработанную последовательность мероприятий, которые обеспечивают накопление информации о человеке в разное время его профессиональной деятельности: первичный или (входной) отбор; выбор специальности; профориентирование при распределении на службу; сбор сведений об успешности дальнейшей профессиональной деятельности (обратная связь). Этапность при отборе включает процедуру непрерывного изучения состояния и степени выраженности ПВК субъекта деятельности в каждый период его профессиональной подготовки и дальнейшей работы по специальности. Во время периодического психологического обследования, сбора, обобщения и анализа информации о проявлении свойств личности и ПВК таким образом осуществляется реализация принципа этапности в различных сферах жизни и профессиональной деятельности специалиста. В итоге использование данного принципа обеспечивает более развернутое во времени психологическое обеспечение профессионального отбора, осуществляемое на разных, но тем не менее взаимосвязанных этапах профессиональной деятельности. При всем этом следует отметить, что созвучная этому принципу мысль уже высказывалась намного раньше при изучении проблемы профессиональной ориентации.

По мнению Ф.Р. Дунаевского, профессиональная ориентация не может иметь статический характер и ограничиваться однократными испытаниями, стремясь при этом распределить людей по готовым и неподвижным профессиональным ложам на основании их результатов [1]. Решение проблемы – в динамичности, нацеленности на выявление и развитие имеющегося у человека потенциала.

Изучение динамики профессиональной деятельности вкпе с рассмотрением ПВК человека явилось в какой-то момент доминирующей тенденцией в отечественной психологии. Подтверждением могут служить научные работы К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анцыферовой, А.А. Благина, А.А. Крылова, Б.Ф. Ломова, Л.М. Митиной, Ю.П. Поваренкова, В.Ю. Рыбникова и др., которые занимались данной проблемой.

Одним из первых исследований процесса становления ПВК стал заниматься С.Р. Демидов. Изучая профессиональную деятельность пилотов, он доказал: увеличение их стажа работы развивает профессионально важные особенности мышления, при этом снижается чувство тревожности, формируется адекватная самооценка, усиливается самоконтроль.

Относительно развития профессионально значимые качества (далее – ПЗК) на различных этапах профессионального пути интересно докторское диссертационное исследование В.Л. Марищука. Начиная с этапа профотбора, ученый рассматривал динамику ПЗК в процессе профессиональной деятельности. Здесь он отмечал нелинейность связей ПЗК с успехами в профессиональной подготовке [5]. В итоге исследователь пришел к достаточно принципиальным выводам: 1) ПЗК можно вовремя корректировать с учетом высокой мотивации к профессии и некоторых недостатков (например, в важных психомоторных качествах); 2) для организации индивидуального подхода в учебно-воспитательном процессе и дальнейшей работы по формированию, совершенствованию и развитию ПЗК для экспертного заключения о пригодности абитуриента психодиагностические материалы очень информативны; 3) предварительное целенаправленное формирование ПЗК и тем самым развитие соответствующих способностей имеет достаточно положительное воздействие на успешность профессиональной подготовки и последующей профессиональной деятельности, т. е. ученый обосновывает идею о необходимости и значимости пролонгированного рассмотрения ПЗК на разных этапах профессионального пути: от этапа профотбора, профессиональной подготовки до этапа профессиональной деятельности.

Идея пролонгированного профотбора оказалась очень востребованной и до сих пор находит своих последователей. Сюда можно отнести исследование В.А. Корзунина о закономерностях динамики ПВК военных врачей в процессе профессионализации, а также о повышении квалификации в ходе изучения гетерохронности развития ПВК личности управленцев А.А. Виноградова [6] и др.

Еще одним глобальным направлением в отечественной психологии профессиональной деятельности выступает исследование пласта проблем профессиогенеза и профессионального развития человека.

Среди самых первых этим вопросом заинтересовался В.Д. Шадриков. Его концепция системогенеза деятельности (1976–1982) уже тогда привлекла внимание многих исследователей, которую ученый апробировал на учебной и профессиональной деятельности человека с учетом психологической системы деятельности, подвижной и преломляющейся в ПВК. Так, он проанализировал процессы развития и трансформации указанных блоков на разных этапах профессионализации: изучив психологическую систему профессиональной деятельности, он выделил функциональные ее блоки (цели и мотивы профессиональной деятельности, информационную основу деятельности, программу деятельности, принятие решения, подсистему ПВК) [7].

Отечественные ученые начиная с 1980-х гг. неоднократно предпринимали попытки создания теорий профессионального развития человека. Т.В. Кудрявцев, например, разработал концепцию профессионального становления личности (внутри учебной, учебно-профессиональной и профессиональной деятельности), а также предложил периодизацию профессионального развития (с учетом хронологического возраста человека) [8]. Примерно такие же стадии профессионального развития рассматривал А.Т. Ростунов, по мнению которого процесс формирования профессиональной пригодности – это система, объединяющая другие взаимосвязанные подсистемы: профориентацию, профотбор, профподготовку, профадаптацию [9].

Конец XX – начало XXI в. в отечественной психологии отмечался появлением других концепций профессионального развития.

Исследуя профессионально-образовательное пространство, Э.Ф. Зеер изучал процесс становления личности, объединяя его психологические и педагогические составляющие. В частности, ученый останавливался на изучении профессионального пути человека – вопросах развивающего профессионального образования [10].

При изучении проблемы развития личности субъекта-профессионала В.А. Бодров сформулировал понятие профессионализации, представив его как процесс формирования специфических видов трудовой деятельности личности на основе структурирования совокупности ее профессионально ориентированных характеристик. По убеждению ученого, процесс профессионализации длится на протяжении периода активности жизни человека, когда он осуществляет профессиональную деятельность [11].

Разработкой модели профессионализации личности занимался Ю.П. Поваренков, под которой он понимал процесс формирования личности и деятельности профессионала, выделяя стадии, периоды и фазы процесса профессионального становления личности. При этом он более разверну-

то представил тему профессионального самоопределения личности. Ю.П. Поваренков так же, как и Е.А. Климов, говорил о том, что профессиональное самоопределение не ограничивается только стадией адаптации, но реализуется и на других стадиях становления в профессии [12].

А.К. Маркова, например, изучая психологическую концепцию профессионализации, путь человека в профессии, использует пять уровней описания профессионализма (допрофессионализм, профессионализм, суперпрофессионализм, непрофессионализм, послепрофессионализм). Она рассматривает эти уровни на девяти этапах профессионализма (внутри уровня профессионализма – это адаптация к профессии, самоактуализация в профессии, свободное владение профессией; внутри уровня суперпрофессионализма – это владение профессией в форме творчества, свободное владение несколькими профессиями и приемами перехода, творческое самопроектирование себя как личности профессионала) [13].

В представленной Е.А. Климовым классификации этих же этапов он определяет фазы: опанта (период выбора профессии); адепта (овладение профессиональными знаниями и умениями, системой профессиональных ценностей); адаптанта (вхождение в профессию); интернала (приобретение профессионального опыта); мастерства (квалифицированное выполнение трудовой деятельности); авторитета (достижение профессионалом высокой квалификации); наставничества (передача профессионалом личного опыта). При всем многообразии фаз возможна их последовательная смена, а также возвращение к предыдущим (например, при выборе узкой специализации или смене места работы) [14].

Изучение вопросов развития профессионализма в последующие годы приобретает более высокий размах: от более глубокого методологического до тщательного теоретического рассмотрения. Подтверждением могут служить исследования Л.В. Абдалиной, И.П. Краснощеченко, М.И. Плугиной и др.

С учетом всего сказанного выше можно определиться с выводами. Следует констатировать факт двух достаточно хорошо оформившихся подходов к концепции генеза в профессиональной деятельности: оценка ПВК на разных этапах профессионального пути человека (в основном – это профотбор) и динамика становления профессионала. В принципе, оба подхода четко вписываются в психологическое обеспечение профессиональной деятельности, однако не исчерпывают полностью возможное его содержание.

Более расширенно свою позицию трактует Г.С. Никифоров, впервые предлагая к рассмотрению концепцию психологического обеспечения профессиональной деятельности (ПОПД) (1989). После споров на последнем Всесоюзном съезде Общества психологов СССР концепция ученого была впервые опубликована, а уже в 1996 г. он представил развернутую интерпретацию концепции.

Так, ведущая идея концепции ПОПД состоит в том, что психологическое обеспечение любого вида профессиональной деятельности от «входа» в профессию и до «выхода» из нее должно быть сквозным. Следует реализовать при этом психологическое обеспечение профессиональной деятельности, известные и апробированные психологические знания, т. е. прийти к соответствию имеющимся надежным, эффективным требованиям качества выполнения человеком своих профессиональных функций. Концепция вообще направляет на максимальную включенность психологии в профессиональный маршрут человека. В свою очередь, процесс практической реализации концепций связан с последовательными действиями психологов-специалистов, идущих шаг за шагом за человеком: с этапа профессионального самоопределения и далее. Их задача здесь – обеспечивать решение вопросов и задач, возникающих перед субъектом деятельности на профессиональном пути, так как их успешное решение предусматривает исследование определенных разделов психологического знания, в том числе всего того, что касается психологии профессиональной деятельности. На данном пути, где нет главного и второстепенного, все происходит тогда, когда должно. Еще Г.С. Никифоров, говоря об обеспечении сути процесса, предлагает исследовать понятие «сопровождение» [11], которое прижилось и получило распространение в психологической и педагогической литературе. Согласно концепции именно в процессе профессионального пути непрерывное психологическое сопровождение как процесс есть обязательное условие становления специалиста, что имеет значение и в последующем профессиональном совершенствовании.

Но для любой концепции всегда основным является ее практическая реализация, успех которой напрямую связан с использованием имеющихся методических средств и их совершенство-

ванием. Это предполагает, что применяемые те или иные задачи должны быть взаимосвязаны, распределены во времени и последовательно сменяться на этапах профессионального самоопределения («вход» в профессию), профессиональной подготовки, профессиональной адаптации, регулярной профессиональной деятельности, повышения профессиональной квалификации, адаптации к новым условиям жизнедеятельности («выход» из профессии).

Так, с 1989 г. концепция входит в практическое научное обращение. С одной стороны, ПОПД – методологическая основа ряда диссертационных исследований (Ф.И. Алексеева, Р.А. Березовская, Ю.И. Виданова, З.Ф. Дудченко, Н.Е. Пурнис, Н.Г. Соболев, Г.А. Токарева, Л.Г. Чернышева); с другой – с начала 1990-х гг. она имеет узконаправленное применение (используется при изучении представителей конкретных профессий). Так, Ю.Н. Сливкин, например, пытается применить концепцию при исследовании профессии менеджера. А.Г. Маклаков, работая над докторской диссертацией по психологическим проблемам сохранения профессионального здоровья военнослужащих, взял эту концепцию за основу. При этом ведущими этапами ученый называет профессиональный психологический отбор, психологическое сопровождение деятельности и психологическое обеспечение реабилитации [15].

Таким образом, следует заключить, что концепция психологического обеспечения профессиональной деятельности в процессе своего становления имела достаточно сложный, но интересный путь. Преломляясь через сознание и практическое апробирование как зарубежных, так и отечественных исследователей, она вобрала в себя лучший опыт, при этом не остановилась на пути совершенствования, а продолжала развиваться со временем. Так, основными концептами в рамках данной темы по-прежнему остаются ее ведущие направления: профессиональный выбор человека; профессиональное развитие с учетом специфики его фаз; личностный рост будущего профессионала; особенности уровней профессиональной сферы и их специфика; система оценки ПВК профессионала; динамичность профессиональной деятельности вообще и субъекта деятельности в частности; развитие профессионально важных особенностей мышления личности профессионала.

Список использованных источников

1. Митина, Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях / Л.М. Митина // *Вопр. психологии.* – 2000. – № 4. – С. 28–38.
2. Weiner, B. An attributional theory of motivation and emotion / B. Weiner. – New York : Springer, 1996. – XI, 304 p.
3. Vocational development : a framework for research / D.E. Super [et al.]. – New York : Teachers College : Columbia Univ., 1957. – XIV, 142 p.
4. Вудкок, М. Раскрепощенный менеджер = The unblocked manager : пер. с англ. / М. Вудкок, Д. Фрэнсис ; пер.: А.В. Верников, А.Ф. Ковалев. – М. : Дело, 2002. – 315 с.
5. Марищук, В.Л. Психологические основы формирования профессионально значимых качеств : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.06 / В.Л. Марищук ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1982. – 32 с.
6. Корзунин, В.А. Закономерности динамики профессионально важных качеств военных врачей в процессе профессионализации : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.04 ; 19.00.03 / В.А. Корзунин ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 44 с.
7. Шадриков, В.Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход / В.Д. Шадриков // *Высш. образование сегодня.* – 2012. – № 8. – С. 26–31.
8. Кудрявцев, Т.В. Психолого-педагогические проблемы высшей школы / Т.В. Кудрявцев // *Вопр. психологии.* – 2003. – № 2. – С. 20–30.
9. Ростунов, А.Т. Формирование профессиональной пригодности / А.Т. Ростунов. – Минск : Выш. шк., 1994. – 174 с.
10. Зеер, Э.Ф. Психология профессий / Э.Ф. Зеер. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 2001. – 243 с.
11. Бодров, В.А. Психологические исследования проблемы профессионализации личности / В.А. Бодров // *Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала : сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т психологии ; редкол.: В.А. Бодров [и др.].* – М., 2001. – С. 3–26.
12. Поваренков, Ю.П. Психология становления профессионала : учеб. пособие / Ю.П. Поваренков. – Ярославль : Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та, 2012. – 98 с.
13. Маркова, А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М. : Знание, 2007. – 308 с.
14. Климов, Е.А. Идеалы культуры и становление субъекта профессиональной деятельности / Е.А. Климов // *Психол. журн.* – 2005. – Т. 26, № 3. – С. 94–101.

15. Маклаков, А.Г. Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.03 / А.Г. Маклаков ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1996. – 37 с.

Дата поступления в редакцию: 05.11.19

S.A. Stulba, *Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Belorussian and Foreign Languages of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

RESEARCH OF THE PROFESSIONAL ACTIVITY AND ITS CHARACTERISTICS IN THE MODERN PSYCHOLOGICAL CONCEPTS

The article is devoted to the issues study of the professional activities in the modern psychological concepts of the foreign and domestic scientists. Various aspects of psychological analysis and the professional activity assessments are highlighted. The focus is on the main study directions and the results of optimizing professional activities.

Keywords: professional activity, professional choice, professional development, professionally important qualities, professionalization.

УДК 343

И.И. Басецкий, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД, главный редактор научно-практического журнала «Вестник Академии МВД Республики Беларусь»

О ТЕРМИНОЛОГИИ (НАИМЕНОВАНИЯХ) В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Обосновывается необходимость нового названия интегрированного курса и научно-педагогической школы. Рассматриваются варианты: «Юриспруденция Беларуси против преступности»; «Юриспруденция криминального цикла»; «Интегрированные науки криминального цикла в системе юриспруденции Беларуси»; «Теория оперативно-розыскной деятельности» («Оперативно-розыскная деятельность», «Оперативно-розыскная наука Беларуси», «Сыскология в Республике Беларусь»).

Предлагается провести анкетирование и интервьюирование научных и практических работников Беларуси, специалистов в области оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений и обсудить результаты в рамках очередной тематической республиканской научно-практической конференции.

Ключевые слова: современная преступность, оперативно-розыскное обеспечение (сопровождение) раскрытия и расследования преступлений, личность преступника нового времени, оперативно-розыскная деятельность, теория ОРД, сыскология, интегрированные юридические науки криминального цикла.

Поместить настоящий материал о становлении в независимой Беларуси оперативно-розыскной науки как о результате процесса ее развития побудила опубликованная во втором номере журнала за 2018 г. научная статья «Теория оперативно-розыскной деятельности: место, роль, значение в системе юридических наук криминального цикла» [1, с. 86–91].

Глубокая статья А.Н. Толочко оказалась актуальной и очень своевременной по ряду обстоятельств.

1. Изначально включенная в перечень юридических наук «Теория оперативно-розыскной деятельности» как дисциплина входила в научную специальность 12.00.09 – уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность.

Так, после распада СССР бывшие союзные республики стали суверенными государствами, а Беларусь и Российская Федерация вошли кроме СНГ в Союз двух государств.

2. Научные исследования в области теории и практики оперативно-розыскной деятельности, осуществляемые под эгидой УУЗ и НИУ МВД СССР, прежде направлялись и координировались в едином русле. В независимых странах эти же исследования остались без союзного организатора, при этом государства, став независимыми, в первую очередь позаботились о защите своих государственных и служебных секретов, и каждое выбрало свой путь.

3. Только Россия, не усложняя сути дела, начала печатать прежние секретные и новые такого же типа книги-монографии, учебные и научно-практические пособия, а также статьи и лекции, научные доклады и сообщения без ограничительного грифа. Несекретным стало и основанное 24 мая 2004 г. Общероссийское периодическое вневедомственное научно-практическое издание – журнал «Оперативник (сыщик)»¹.

¹ Последний, четвертый (57) номер журнала за ноябрь 2018 г., посвященный памяти его основателя А.Ю. Шумилова (1956–2018) был прислан И.И. Басецкому, как члену зарубежной секции Редакционного совета [2, 75 с.].

4. В постсоветский период ВАК Беларуси в специальности 12.00.09 оставлен только «уголовный процесс», а «оперативно-розыскная деятельность» (именно так, без теории ОРД) вошла в специальность 12.00.12 (криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность).

5. В конце 2017 г. из ВАК Беларуси на имя начальника Академии МВД Республики Беларусь пришло письмо «О номенклатуре специальностей научных работников Республики Беларусь по юридической отрасли науки» (по всей видимости, такие письма поступили и в другие юридические учреждения высшего образования и НИУ). В письме было предложено рассмотреть вопрос о возвращении научной специальности 12.00.09 в составе уголовного процесса, криминалистики, судебно-экспертной деятельности и оперативно-розыскной деятельности. В специальность 12.00.12 по ходатайству Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, скорее всего будет принято решение включить технические и химические науки (Видится обоснованным!)

В совокупности обстоятельств, прямо и косвенно влияющих на ход дискуссий о выборе новых названий теории и практики ОРД, их терминологии и направлений дальнейшего развития, существенную роль сыграл феномен А.Ю. Шумилова, новатора и неутомимого исследователя с широчайшим диапазоном научных интересов.

В память об этом выдающемся ученом приведем содержащиеся на последней странице первого тома его многотомной монографии «Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации» сведения об авторе.

«Шумилов Александр Юльевич (1956 г. р.), доктор юридических наук (1997), профессор (1999).

Основная область научных исследований: правовое регулирование складывающихся в профессиональной сыскной деятельности общественных отношений, юридическая наукометрия.

Опубликовал свыше 700 различных работ, включая более 300 и свыше 200 учебно-методических, в том числе: 17 монографий (8 авторских), 17 авторских препринтов (неоконченных монографий), 18 научно-практических комментариев (8 авторских), 12 энциклопедий и словарей (6 авторских), 8 учебников (4 авторских) и 42 учебных и учебно-практических пособия по оперативно-розыскной деятельности и другим видам профессионального сыска, а также теории и истории права, уголовному, уголовно-процессуальному, административному, военному праву и юридической наукометрии.

Основатель и руководитель научной школы в отечественной юриспруденции (школы профессионального сыска), которая готовит ученых по рассмотрению: 1) уголовно-, административно-, информационно-правовых аспектов безопасности России и 2) оперативно-розыскной деятельности и других видов профессионального сыска (сыскологии).

Подготовил трех докторов наук (12.00.09) и 21 кандидата юридических наук (12.00.08, 12.00.09, 12.00.14 и 12.00.03).

Основатель, главный редактор и председатель редакционного совета открытого специализированного периодического издания – журнала «Оперативник (сыщик)», издаваемого с 2004 г. и включенного в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки России.

А.Ю. Шумилов входит в число ста отечественных ученых-юристов, наиболее цитируемых в научных юридических журналах [3].

С именем и научным творчеством А.Ю. Шумилова связано основание, становление и развитие новой комплексной науки о профессиональном сыске всех субъектов ОРД, а также частной детективной и охранной деятельности в России [1; 4, с. 26–29; 5, с. 10–17; 6, с. 8–11]. Специалисты в области теории и практики ОРД в Беларуси приняли с осторожностью идеи российских коллег о сыскологии, но в дальнейшем, в своем большинстве приняв идеи А.Ю. Шумилова и его научной школы, тем не менее относительно многих проблем сыскологии составили собственную точку зрения.

Так, как результат процесса развития становление оперативно-розыскной науки в Республике Беларусь оказалось прерогативой ученых, сформировавшихся в стенах родной *alma mater*, находящихся в постоянном научном поиске и на подъеме исследовательской деятельности.

Резюме изложенному у каждого будет своим, но хочется надеяться, что получится выработать его коллективно в порядке обсуждения.

Сегодня на кафедре ОРД и в НПШ есть реальная опора на человеческий фактор и вехи истории, отраженной в закрытых, а в постсоветское время открытых источниках.

Хочется вспомнить, с каким трепетом изучали фактически первый в СССР капитальный научный труд А.И. Алексеева и Г.К. Синилова «Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» [7]; секретный «перекинув мостик» от советского в постсоветский период, от закрытых к открытым источникам, восхищались научным трудом А.В. Федорова и А.В. Шахматова «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» [8]. В Российской Федерации и Республике Беларусь приняты первые Законы об ОРД, с 2001 г. Россия открылась в научных публикациях по ОРД еще больше [9–10]. В Беларуси первый закрытый учебник по Общей части курса ОРД издан в Академии милиции МВД (прежнее название) в 1994 г.

В русле традиционных представлений и предложений ВАК Беларуси вышла в свет статья А.Н. Толочко [1, с. 5; 11, с. 86–91], по которой видится значимым именно сегодня обсудить ее содержание на теоретическом семинаре или за «круглым столом», организованных кафедрой ОРД и НПШ.

Список использованных источников

1. Толочко, А.Н. Теория оперативно-розыскной деятельности: место, роль, значение в системе юридических наук криминального цикла / А.Н. Толочко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 2. – С. 86–91.
2. Памяти Александра Юльевича Шумилова // Оперативник (сыщик). – 2018. – № 4. – 75 с.
3. Шумилов, А.Ю. Оперативно-розыскная наука Российской Федерации : монография : в 3 т. / А.Ю. Шумилов. – М. : Издат. дом Шумиловой И.И., 2013. – Т. I. – 455 с.
4. Шумилов, А.Ю. Термин «сыск» и современная оперативно-розыскная деятельность / А.Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 4. – С. 26–29.
5. Шумилов, А.Ю. Сыскология, или наука о профессиональной сыскной деятельности : первое знакомство / А.Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик). – 2007. – № 4. – С. 10–17.
6. Шумилов, А.Ю. Десять лет формирования новой науки (сыскологии): состояние, проблемы и перспективы : докл. на Второй Междунар. науч. интернет-конф. по сыскологии // Оперативник (сыщик). – 2017. – № 3. – С. 8–11.
7. Алексеев, А.И. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография / А.И. Алексеев, Г.К. Синилов. – М. : ВНИШ МВД ССР, 1973. – 328 с.
8. Федоров, А.В. Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность : учеб. пособие / А.В. Федоров, А.В. Шахматов. – СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 1999. – 118 с.
9. Шматов, М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук : монография / М.А. Шматов. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 228 с.
10. Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : тр. Акад. упр. МВД России / редкол. В.М. Атмажитов (отв. ред.), В.Г. Бобров [и др.]. – М., 2001. – 188 с.
11. Письмо ВАК Беларуси начальнику Академии МВД Республики Беларусь «О номенклатуре специальностей научных работников Республики Беларусь по юридической отрасли науки» от 13.10.2017 г. – № 215/1685. – 5 с.

Дата поступления в редакцию: 08.07.19

I.I. Basetsky, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus, Professor of the Department of Detective activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Editor-in-Chief of the journal "Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus"

ABOUT THE TERMINOLOGY (APPELLATION) IN THE THEORY AND PRACTICE OF COUNTERACTION CRIME

Variants of the name: «Law of Belarus against crime»; «criminal Law of the cycle»; «Integrated criminal science cycle in the system of law of Belarus»; «the Theory of operational-investigative activities» («Operational-investigative activity, Operational-investigative science of Belarus,» «Sickology in the Republic of Belarus»).

The author substantiates the need to focus attention within the NPS and on the Cathedral theme of traditionalist researchers, as the unforgettable Alexander Shumilov, doctor of law, Professor, who founded and led, until his untimely death, the scientific school of detectives of the Russian Federation, called adherents of the theory of

HORDES of ATS. It is proposed to conduct a survey and interviewing of scientific and practical workers of Belarus, specialists in the field of operational and investigative support for the disclosure and investigation of crimes and discuss the results at the Republican scientific and practical conference «Theory and practice of combating crime» in the fourth quarter of this year, 2019.

Keywords: modern crime, investigative support (support) of the disclosure and investigation of crimes, the study of the individual offender new time, of operational-investigative activity, theory of ORD, operational-investigative science in the broad and narrow sense, sickology integrated legal science criminal cycle in the system of jurisprudence, for discussion about the name of the operational-investigative science in the Republic of Belarus, the opinion and insights of the author.

УДК 343.3

П.Б. Музыченко, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета
(e-mail: Muzichenko59@mail.ru)

О ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, БЕЗОПАСНОЙ РАБОТЫ ТРАНСПОРТА И ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуализируется внимание на проблемах дорожной безопасности. Осуществляется юридический анализ составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации: ст. 263.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности», ст. 264 «Нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств» и ст. 268 «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта». Акцентируется внимание на уголовной ответственности пешеходов.

Ключевые слова: транспортные средства, безопасность движения транспорта; нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта; требования в области транспортной безопасности, участники движения; эксплуатация транспорта, уголовная ответственность.

Большая протяженность автомобильных дорог, огромное количество транспортных средств в Российской Федерации приводит к большому количеству дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), часть из которых являются последствиями преступного пренебрежения правилами дорожного движения (далее – ПДД). Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 1079) признает использование транспортных средств деятельностью, создающей повышенную опасность¹.

Вообще проблема трактовки понятия источника повышенной опасности в юридической литературе до настоящего времени остается достаточно спорной. Продолжаются дискуссии о том, что является источником повышенной опасности: свойства предметов и сил природы; объекты, обладающие особыми свойствами, создающие повышенную опасность для окружающих; люди и их деятельность, связанная с эксплуатацией источников повышенной опасности. Такая неопределенность отмечается при анализе ст. 1079 ГК.

Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (ст. 2) приводится определение понятия «транспортное средство» как устройства, предназначенного для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем.

С.Н. Абрамов и А.Ф. Попов, например, называют автомобиль комплексным источником повышенной опасности независимо от того, движется он или нет. Исследователи обосновывают свою формулировку наличием в автомобиле вредных химических веществ: бензина, масла, щелочи и др., обосновывая причинение вреда здоровью окружающих и окружающей среде возможным вытеканием этих веществ и возможным воспламенением бензина с тяжкими последствиями.

Можно согласиться с выводом о том, что при наличии комплекса вредоносных свойств транспортное средство представляет повышенную опасность в движении и в неподвижном состоянии, и поэтому оно должно быть признано источником повышенной опасности. Сомнения возника-

¹ Правовой анализ вопроса о транспорте как источнике повышенной опасности провел В.С. Баландин [1].

ют только относительно велосипеда или гужевой повозки. Здесь предлагается вопрос опасности решать в суде по конкретному уголовному делу, основываясь на заключении технических экспертиз. Вопрос о признании источником повышенной опасности недвижимого транспортного средства должен решаться исходя из свойств автомобиля, явившимися причиной вреда.

Логично согласиться с В.С. Баландиным [1], который указывает, что при анализе понятийного аппарата источника повышенной опасности, включая транспортные средства, можно сформулировать следующее определение: источник повышенной опасности – это устройство для перевозки людей либо грузов, которое в движении проявляет вредоносные свойства, не контролируемые человеком, а также в неподвижном состоянии из-за наличия в нем опасных веществ. Данная формулировка позволяет более точно квалифицировать правоотношения, после причинения вреда транспортным средством, как правило, в результате ДТП с точки зрения реализации норм ГК.

Так, транспортная безопасность – одна из важнейших социальных проблем в современном обществе. Научно-технический процесс непосредственно связан с развитием транспорта, транспортной инфраструктуры. Политика обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации основывается на соблюдении Конституции и законодательства, общепризнанных принципов и норм международного права. Решения и меры, принимаемые органами государственной власти в области укрепления транспортной безопасности, должны быть понятны каждому гражданину, носить упреждающий характер, обеспечивать равенство всех перед законом и неотвратимость ответственности и, кроме того, должны опираться на широкую поддержку общества.

Федеральным законом от 3 февраля 2014 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения транспортной безопасности» в УК была введена ст. 263.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности», предусматривающая санкции за нарушения требований транспортной безопасности. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (далее – Федеральный закон о транспортной безопасности) является основным нормативным правовым актом, регламентирующим вышеназванную статью.

В Законе о транспортной безопасности состав преступления состоит из двух частей: в первой – неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах; во второй – неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств лицом, ответственным за обеспечение транспортной безопасности. Объектом данного преступления является нарушение требований транспортной безопасности. Согласно Федеральному закону о транспортной безопасности он означает состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства, а также рассматривается в четырех направлениях:

как требования по обеспечению транспортной безопасности по видам транспорта, в том числе требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающие уровни безопасности;

требования по обеспечению транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры по видам транспорта на этапе их проектирования и строительства;

требования по обеспечению транспортной безопасности объектов (зданий, строений, сооружений), не являющихся объектами транспортной инфраструктуры и расположенных на земельных участках, прилегающих к объектам транспортной инфраструктуры и отнесенных в соответствии с земельным законодательством Российской Федерации к охраняемым зонам земель транспорта, учитывающие уровни безопасности;

требования по соблюдению транспортной безопасности для физических лиц, следующих либо находящихся на объектах транспортной инфраструктуры или транспортных средствах, по видам транспорта.

Перечисленные требования устанавливаются Правительством РФ и обязательны к выполнению физическими и юридическими лицами при обеспечении транспортной безопасности.

Объективная сторона преступления может быть выражена как в форме действия, так и бездействия.

Субъектом выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, которое находится на объекте транспортной инфраструктуры и обязано соблюдать требования в области транспортной безопасности. Законодатель предусматривает лишь неосторожную форму вины.

Установление субъективной стороны очень важно и для установления объективной стороны преступления, так как действие или бездействие признается преступным лишь тогда, когда поведение находится под контролем воли и сознания лица, его совершающего. По этой причине в объективную сторону включаются только те вредные последствия, которые виновный предвидел или в отдельных случаях должен и мог предвидеть, другими словами, те последствия, которые охватывались умыслом или неосторожностью виновного. Субъективная сторона характеризуется тем, что в силу прямого указания в законе по отношению к названным в ст. 263.1 УК последствиям может быть только неосторожная форма вины. И это является непонятным при квалификации умышленной формы вины. При преступной неосторожности виновный сознает, что не исполняет требования по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, предвидит возможность наступления указанных в диспозиции ст. 263.1 УК последствий своего деяния, но без достаточных оснований рассчитывает на их предотвращение либо не предвидит возможность наступления таких последствий своего деяния, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть.

Для квалификации преступления необходимо наступление причинения тяжкого вреда здоровью или крупного ущерба (сумма которого превышает один миллион рублей). За деяния, не приносящие тяжкого вреда здоровью или крупного ущерба, наступает административная ответственность по ст. 11.15.1 КоАП «Нарушение требований в области транспортной безопасности». Законодатель не раскрывает состав правонарушения, а лишь поясняет, что административная ответственность наступает в случае, если действия или бездействия по соблюдению и обеспечению транспортной безопасности не содержат признаков преступления.

Уголовную ответственность за нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерть человека устанавливает ст. 264 УК.

Предметом преступления являются механические транспортные средства. Они должны быть самоходными, т. е. иметь автомобильный двигатель. К ним относятся автомобили, автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, квадрациклы, мопеды, иные транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специально право, а также тракторы, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины.

В связи с новыми изменениями ПДД от 8 ноября 2017 г. к механическим транспортным средствам относят мопеды (двух- или трехколесное механическое транспортное средство, максимальная конструктивная скорость которого не превышает 50 км/ч, имеющее двигатель внутреннего сгорания с рабочим объемом, не превышающим 50 см³, или электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт).

Ответственность по ст. 264 УК наступает при условии, если на момент управления транспортным средством в состоянии опьянения водитель является лицом, подвергнутым административному наказанию по ч. 1 или 3 ст. 12.8 КоАП за управление транспортным средством в состоянии опьянения или по ст. 12.26 КоАП за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеет судимость за совершенные преступления, предусмотренные ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК.

Для привлечения виновного к уголовной ответственности не имеет значения лишение ранее прав на управление транспортным средством или отсутствие водительского удостоверения. Нарушение правил безопасности движения заключается в несоблюдении очередности проезда перекрестков, неподчинении сигналам светофора или жестам регулировщика, превышении скорости, выезде на встречную полосу движения, нарушениях при неправильном обгоне, несоблюдении требований дорожных знаков, а также при нарушениях правил эксплуатации транспорт-

ных средств, которые могут выражаться в перевозке пассажиров на необорудованном транспортном средстве, передаче управления ненадлежащему лицу, перевозке негабаритных грузов.

Следует обратить внимание на то, что при нарушении лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, ПДД или эксплуатации транспортных средств, повлекшими неосторожность причинения среднего вреда здоровью человека, законодатель предусматривает не уголовную, а административную ответственность. По нашему мнению, законодателю необходимо увеличить меру наказания: водитель, управляющий транспортным средством при причинении среднего вреда здоровью должен нести уголовную ответственность.

Если говорить в целом о значении ст. 264 УК, то прежде всего следует сказать о ее направленности на охрану безопасности дорожного движения, в частности, – на охрану жизни человека.

Однако представляется необходимым в ч. 1 ст. 264 внести изменения, дополнив ее следующими положениями: указать средний и тяжелый вред здоровью человека; определить понятие «мопед» как транспортное механическое средство; усилить ответственность водителей за наезд на пешеходов.

Чаще всего «жертвой» водителей становится пешеход. Усилив ответственность за нарушения правил дорожного движения, можно в определенной степени уменьшить вероятность тяжких и трагических последствий, тем самым повысив безопасность на дорогах.

Согласно ст. 268 УК «Нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта», общественная опасность таких деяний заключается в том, что они чаще всего причиняют телесные повреждения людям, влекут их гибель и причиняют крупный материальный ущерб. Общим и родовым объектом данного преступления выступают общественные отношения, охраняемые государством в сфере охраны общественной безопасности и общественного порядка, а непосредственным объектом преступления является безопасность движения и эксплуатации транспорта. Она обеспечивается соблюдением правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта как лицами, ответственными за вождение и эксплуатацию транспорта, так и другими участниками движения. Дополнительным объектом могут быть жизнь и здоровье людей.

Ответственность иных лиц, нарушающих правила, обеспечивающие безопасную работу транспорта, также регламентируется ст. 268 УК. При этом нарушение данных правил не увязывается с видом транспортных средств. Это может быть железнодорожный, воздушный, автомобильный, водный транспорт. При расследовании таких уголовных дел обязательно устанавливается, какие правила были нарушены и в чем они выражались.

В указанных преступлениях, соответственно, суть заключается в искусственных барьерах, создаваемых лицами, не управляющими транспортными средствами, но отвечающими за безопасность их работы. В этой связи преступлением не может быть сама эксплуатация неисправных автомобилей, лодок; несоблюдение водителями правил проезда, маневрирования при управлении автомобильным транспортом или плавающим средством в состоянии опьянения и т. д. В данных случаях квалификация деяния зависит от ситуации и его правового положения, либо лицо привлекается к ответственности по ст. 263 УК, если оно является работником транспорта, обязанным соблюдать правила безопасности в силу выполняемой работы, либо по статьям о преступлениях против личности или собственности, если оно не является таковым.

Объективная сторона анализируемого преступления выражается в форме действия либо бездействия. Обязательными признаками объективной стороны являются последствия нарушения правил безопасности дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, а также причинная связь с указанным деянием и последствиями: причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 268 УК), повлекшие по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 268 УК) или двух и более лиц (ч. 3 ст. 268 УК).

Большинство преступлений совершается пешеходами в сфере безопасности дорожного движения: переход проезжей части вне пешеходного перехода и в неустановленном месте; переход дороги в опасной близости перед движущимся транспортным средством, игнорирование сигналов светофора, нахождение в нетрезвом состоянии и т. д. Кроме того, пешеходы создают опасную ситуацию, стоя на разделительной полосе, а также находясь в нетрезвом состоянии на проезжей части дороги и т. п.

Состав преступления в связи с этим считается материальным. Преступление при наступлении указанных преступных последствий будет оконченным. Для наступления уголовной ответственности необходимо, чтобы был причинен тяжкий вред здоровью человека. При отсутствии указанного преступного последствия предусмотрено только административное наказание.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме неосторожности в виде легкомыслия или небрежности.

Мотивы и цели, заложенные в основе поведения нарушителя, могут быть самыми различными: от хулиганской выходки (пробежать дорогу на спор перед близко идущим транспортом, как это нередко делают дети и подростки) до самых благородных (спасение жизни человека). Мотивы и цели могут быть учтены в определенных случаях в качестве обстоятельств, смягчающих наказание.

В данном преступлении субъектом является вменяемое физическое лицо 16-летнего возраста, обязательно участвующее в движении транспортных средств (например, погонщик скота, водитель, пассажир, пешеход, велосипедист и т. д.). При этом не исключается уголовная ответственность лиц, управляющих гужевым транспортом. Действия водителя гужевого транспорта должны быть квалифицированы по данной статье лишь при условии нарушения, приведшего к ДТП с механическим транспортным средством. В других случаях его ответственность (например, наезд на пешехода) исключается (ст. 268 УК).

Рассматривая вопрос о повышении уголовной ответственности пешеходов, можно сделать вывод об их крайне редком привлечении к уголовной ответственности по ст. 268 УК РФ, но случаи привлечения все же имеются [4].

Например, случай из практики. Взрослая женщина (51 год), няня ребенка, проигнорировав запрещающий сигнал светофора, вышла на проезжую часть вместе со своей 4-летней воспитанницей. Пройдя примерно 2,5 м, она увидела приближающуюся машину. Женщина оценила ситуацию и решила закончить переход проезжей части. Ускорив шаг, пешеходы успели пересечь еще одну полосу для движения, в совокупности около 7 м, когда девочка попала под колеса двигавшегося по третьей полосе ВАЗ 2110.

Комментируя указанную ситуацию, можно сказать, что нельзя привлечь к административной или уголовной ответственности пешехода, который ведет ребенка слева от себя, но закон позволяет наказать его в том случае, если ребенку во время движения по причине нарушения правил безопасности будет причинен тяжкий вред здоровью. Именно так и произошло в описанной ситуации. Женщина-пешеход изначально нарушила ПДД, выйдя вместе с ребенком на пешеходный переход на запрещающий сигнал светофора. Однако это еще не являлось достаточным основанием для привлечения ее к уголовной ответственности, которая наступает в случае причинения тяжкого вреда здоровью. В ДТП с участием пешеходов, даже если они сами нарушили ПДД, выйдя на красный сигнал или перебегая дорогу в неположенном месте, проводится расследование. В том числе в обязательном порядке назначается автотехническая экспертиза, чтобы установить, имел ли водитель возможность остановиться, когда увидел впереди себя опасность. В случае если бы эксперт установил, что водитель мог избежать наезда, применив экстренное торможение, но не сделал этого, ответственность была бы возложена и на него. Но результаты экспертизы по данному делу были отрицательные, водитель не располагал такой возможностью, и к уголовной ответственности была привлечена женщина, чьи действия квалифицировались по ч. 1 ст. 268 УК (наказание в виде ограничения свободы до трех лет либо арест на срок от 2-х до 4-х месяцев, либо лишение свободы до 2-х лет). Уголовное дело рассматривалось в районном суде, женщина была признана виновной, однако родители ребенка настояли на примирении с подсудимой, возместившей им ущерб. Судом было принято решение о прекращении уголовного дела за примирением сторон [4].

Анализ приведенного выше уголовного дела вызывает к рассмотрению вопроса о необходимости принятия мер ужесточения наказания по ст. 268 УК, а именно о повышении срока ограничения, ареста и лишения свободы.

Как представляется, решение данных проблем, внесение изменений в действующее законодательство и дальнейшее формирование уголовного-правового механизма контроля за нарушениями правил эксплуатации транспортных средств, безопасной работой транспорта и

соблюдением ПДД снизит вероятность аварийности, тем самым повысит уровень безопасности на дорогах.

Список использованных источников

1. Баландин, В.С. Транспортное средство как источник повышенной опасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/16285-transportnoe-sredstvo-istochnik-povyshennoj-opasnosti>. – Дата доступа: 02.09.2018.
2. Абрамов, С.Н. Источник повышенной опасности: проблемы понятийного аппарата / С.Н. Абрамов, А.Ф. Попов // Законодательство. – 2004. – № 1, 2.
4. Законные требования. Уголовная ответственность для пешеходов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pogazam.ru/publications/2012/3/552>. – Дата доступа: 02.09.2018.

Дата поступления в редакцию: 21.10.19

P.B. Muzychenko, Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Legal Disciplines of the Pacific State University

ABOUT PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATIONS OF THE RULES OF OPERATION OF VEHICLES, SAFE WORK OF TRANSPORT AND TRAFFIC REGULATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the Russian Federation the considerable attention to problems of road safety was always paid and paid. In article the legal analysis of structures of the crimes provided by articles 263.1 of the criminal code of Russian Federation – violation of requirements in the field of transport safety, 264 criminal codes of Russian Federation - violation by the person operating the car, tram or other mechanical vehicle, traffic regulations or operation of vehicles and Art. 268 of the criminal code of Russian Federation – violation of the rules is considered, ensuring safe functioning of transport, and also a question of criminal liability of pedestrians which as are shown by practice quite often are responsible for road accidents.

Keywords: Vehicles, traffic safety of transport; violation of the rules, ensuring safe functioning of transport; requirements in the field of transport safety, participants of the movement; operation of transport, criminal liability.

УДК 351.74:004

Ю.А. Тимакина, кандидат экономических наук, доцент кафедры информационного обеспечения ОВД Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации» (e-mail: tja333@yandex.ru);

С.В. Чубейко, кандидат технических наук, преподаватель кафедры информационного обеспечения ОВД Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации» (e-mail: sgrey@mail.ru)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

На основе анализа теоретических и прикладных аспектов рассматриваются вопросы о возможностях и целесообразности использования информационных технологий для оценки эффективности управленческой деятельности в органах внутренних дел. Проанализированы критерии и методы, используемые для оценки управленческого труда, выявлены их преимущества и недостатки.

Ключевые слова: валидность, информационные системы, квалитетрические методы, ключевые показатели эффективности, модель, метод KPI, рейтинговая оценка, релевантность, сбалансированная система показателей, стратегия, транспарентность, эффективность управленческой деятельности.

Оценка деятельности сотрудников образовательной организации сферы высшего образования всегда являлась одной из острых, так как положительно принимаемых академическим

сообществом критериев не существует. Анализ действующих в образовательных организациях органов внутренних дел методик, и прежде всего рейтинговых оценок, показал, что, с одной стороны, для полного учета разнообразных критериев включается большое количество факторов, с другой – они дублируют друг друга. Деятельность в рамках указанной методики также требует обработки большого количества информации и оформления документов, что формирует неоднозначную реакцию, а иногда и сопротивление профессорско-преподавательского состава. В таких условиях перспективным и эффективным направлениями выступают система ключевых показателей эффективности (далее – КРІ) и система сбалансированных показателей (далее – ССП) в системе управления образовательным учреждением. Сегодня подобные системы успешно работают в коммерческих сферах экономики, позволяя более эффективно мотивировать и управлять персоналом. Метод КРІ, как и рейтинговый метод оценки, является одной из разновидностей квалиметрических методов, позволяет оценивать деятельность сотрудников и увязывать в единую систему стратегические интересы образовательной организации и конкретного работника. В этом заключается преимущество данного метода.

Если проанализировать, как используется указанный метод, то большая часть практических его реализаций связана с мотивацией и человеческим ресурсом. Особенности системы высшего образования и конкретно казенных учреждений вносят ограничения на применение системы КРІ в чистом виде, так как стратегические показатели находятся в некоммерческой области, поэтому особые сложности вызывает вопрос приведения в соответствие целей и результатов. Эффективность образовательной деятельности может быть оценена с помощью расчета совокупных результатов деятельности на единицу затраченных ресурсов. В этой связи можно рекомендовать использование инструментов квалиметрии, которые позволяют количественно оценить результаты разного рода и таким образом провести оценку социально-экономической эффективности деятельности казенных образовательных учреждений при подготовке отчетности и оценке деятельности. В исследовании, посвященном использованию метода КРІ в системах оценки эффективности, осуществленном в 2014 г. (Walden University (США)), Вилли Померой пришел к выводу, что на успешность практической реализации системы КРІ оказывают влияние внутренние и внешние факторы, обозначенные автором как барьеры [1]. К наиболее значительным внутренним барьерам на пути реализации КРІ относят политику образовательной организации и системы образования в целом, социально-психологический климат в образовательной организации, инфраструктуру и необходимость обучения.

Учитывая положительный опыт внедрения систем КРІ и тщательно анализируя недостатки, можно сказать, что внедрение данной системы в оценку деятельности образовательных организаций системы органов внутренних дел обусловлено необходимостью построения такой системы критериев оценки деятельности ППС, которая содержала бы небольшое число оцениваемых параметров и при этом обеспечивала бы взаимосвязь стратегических целей образовательной организации и сотрудников, а также получение объективных рейтинговых оценок образовательной организации [2, с. 29]. Таким образом, можно предложить следующий порядок формирования основных показателей КРІ в системе деятельности образовательной организации: формирование стратегии; разработка целей, задач по четырем направлениям: финансы, внутренние процессы, инфраструктура; определение КРІ по каждому направлению; декомпозиция КРІ до уровня каждого работника и подразделения; определение фактической результативности работников и размера стимулирующей надбавки. Ключевые показатели эффективности – наиболее значимая составляющая системы – включают в себя относительные показатели, характеризующие публикационную активность научно-педагогических работников образовательной организации, учебно-методическую деятельность, финансовые показатели.

Анализируя практический опыт внедрения системы ключевых показателей деятельности, можно сделать вывод, что продвижение системы КРІ не всегда дает положительный результат. В качестве основных причин можно отметить несформированные приоритеты при выборе показателей, недостаточный учет возможных факторов в процессе разработки, сложность внедрения.

Отечественные критерии деятельности образовательных организаций рассматриваются как тактические, оперативные. Для российских исследователей самым известным методом, объединяющим стратегическое и оперативное управления, является система сбалансированных

показателей. Данный метод позволяет связать стратегические цели организации с текущими, долгосрочное планирование с внутренними бизнес-процессами, увязать долгосрочную перспективу с рутинными действиями работников на всех уровнях. Авторами данного метода являются известные исследователи Р. Каплан и Д. Нортона [3, с. 56]. Метод ССП позволяет объединять качественные и количественные показатели деятельности и определяет конкретную корреляцию между целями и ключевыми показателями. Основным проблемным элементом стратегического управления образовательной организацией становится двухэлементное взаимодействие, которое реализует цикл управления вертикалей «руководство – преподаватель» и «работники – руководство». Если есть проблемы в работе данного информационного канала, то возникает необходимость такого инструмента, который бы позволил наделить процесс принятия решения реальной и необходимой информацией. Таким образом, системы КРІ и ССП можно считать новыми востребованными современными инструментами управления. Метод КРІ может стать основным подходом при принятии управленческих решений.

Перечень индикаторов для оценки деятельности образовательной организации и критериев достижения поставленных целей различаются в зависимости от отраслевой и ведомственной принадлежности. Поставленные цели являются отражением стратегических ориентиров, роста конкурентоспособности. В свою очередь, основной перечень критериев формируется исходя из регламентированных показателей государственной аккредитации образовательных учреждений. Существенным элементом построения системы КРІ выступает построение адекватной поставленным задачам системы оплаты труда профессорско-преподавательского и управленческого персонала. При этом переменная часть заработной платы, рассчитанная в соответствии с критериями КРІ, способствует более эффективному выполнению должностных обязанностей и связывает воедино интересы работников и сотрудников со стратегическими целями образовательной организации, способствует справедливому подходу к оценке индивидуального вклада каждого, стимулирует активность и инициативность сотрудников.

Предпосылкой полномасштабного введения КРІ в практику образовательной организации является рейтинговая система оценки деятельности научно-педагогических работников, в рамках которой производится регулярная ежесеместровая оценка, формируются векторы развития персонала. Введение показателей КРІ в рейтинговые формы деятельности позволит произвести разделение оценки по должностям, конкретизировать в зависимости от этого виды деятельности и формы представления результатов. Набор индикаторов оценки деятельности персонала образовательной организации, указанный в матрицах КРІ, может отражать оценку качества реализации профессиональных образовательных программ и соответствовать критериям ежегодного комплексного мониторинга эффективности образовательных учреждений.

На данном этапе деятельность научно-педагогических работников оценивается в области учебно-методической, научно-исследовательской деятельности, а также взаимодействия с обучающимися и сотрудниками и работниками. Внедрение критериев КРІ будет способствовать исключению субъективности и предвзятости суждений, окажет содействие в формировании высококомпетентного состава профессорско-преподавательского состава и научных работников. Кроме того, регулярный мониторинг будет способствовать своевременному выявлению проблем и их решению корректирующими и предупреждающими методами.

Следует отметить и то, что критерии оценивания для определения переменной части заработной платы (стимулирующей выплаты) будут общими для профессорско-преподавательского состава, но граница пороговых значений будет дифференцирована по должностным категориям.

Реализация и развитие имеющегося потенциала образовательной организации, расширение и углубление педагогических, организационных, ресурсных возможностей являются важнейшими функциями образовательной организации. Современное положение дел в управлении образовательными структурами на уровне образовательной организации можно охарактеризовать прежде всего как переход от управления учреждением и людьми к управлению информационными потоками.

При анализе исследований зарубежных ученых были выявлены следующие модели на базе метода управления по индикаторам: модель Европейского фонда управления качеством (European Foundation for Quality Management, EFQM); призма эффективности (The Performance Prism); метод «6 Сигм+ бережливое производство»; панель управления (Tableau de Bord).

Теоретические исследования показали, что отечественными образовательными организациями чаще используется система КРІ с ССП. Ключевым преимуществом этого метода управления по показателям является то, что он объединяет стратегическое и оперативное управление образовательной организацией. Применяемые здесь ключевые индикаторы эффективности деятельности организации составляют основу системы мотивации работников и руководителей высшего звена управления. Система КРІ на базе ССП содержит в себе шесть главных элементов: перспективы, стратегические цели, показатели, целевые значения, причинно-следственные связи, стратегические инициативы. При разработке системы КРІ создается система таблиц: матрицы стратегий, матрицы стратегических целей, матрицы ключевых показателей деятельности.

Общий план подготовки системы КРІ к внедрению состоит из определенных позиций. Разработка ключевых показателей деятельности может осуществляться и включать в себя следующие этапы: разработку видения организации; создание стратегии образовательной организации; представление целей организации; группировку бизнес-процессов образовательной организации; постановку целей внутренних бизнес-процессов; формирование ключевых индикаторов деятельности для конкретного бизнес-процесса; определение ответственности по структурным подразделениям за бизнес-процессы образовательной организации; постановку целей для всех структурных подразделений (факультетов, кафедр); назначение ключевых индикаторов для каждого подразделения образовательной организации; формирование системы оценки деятельности структурных подразделений; формирование мотивационных карт для всех научных работников (сотрудников образовательной организации). Количество главных целей не должно быть более пяти, а количество ключевых показателей деятельности для каждой единицы – не более десяти.

Таким образом, современный уровень образования требует совершенствования не только технологий организации образовательного процесса, но и технологий оценки системы управления образовательной организацией. Решение проблем образования начинается с построения адекватной уровню стоящих проблем системы оценивания деятельности сотрудников образовательных организаций, начиная от высшего руководства и заканчивая рядовыми сотрудниками. Преимуществом предлагаемой для внедрения системы КРІ является аналитика, которая позволяет использовать инструменты моделирования, планирования и мониторинга, что выступает мощным инструментом вовлечения сотрудников, курсантов и слушателей в стратегические цели образовательной организации.

Список использованных источников

1. Барбер, М. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция / М. Барбер // *Вопр. образования*. – 2013. – № 3.
2. Каплан, Р.С. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Р.С. Каплан, Д.П. Нортон ; пер. с англ. – М., 2015.
3. Gordon, C. Strategic Analysis of the Role of Information Technology in Higher Education – A KPI-centric model / C. Gordon [and] // *Jornal Communications of the IIMA*. URL: http://scholarworks.lib.csusb.edu/ciima/?utm_source=scholarworks.lib.csusb.edu%2Fciima%2Fvol15%2Fiss1%2F2&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages. – Дата обращения: 01.05.2019.
4. Клочков, А.К. КРІ и мотивация персонала. Полный сборник практических инструментов / А.К. Клочков. – М., 2017.
5. Пармендер, Д. Ключевые показатели эффективности. Разработка, внедрение и применение решающих показателей / Д. Пармендер ; пер. с англ. – М., 2018.
6. Салми, Д. Как государства добиваются международной конкурентоспособности университетов: уроки для России / Д. Салми // *Вопр. образования*. – 2013. – № 1.
7. Костин, А.В. Тезисы к заседанию круглого стола «Как и зачем измерять качество образования в вузе?» (20 ноября 2012 года, ЦЭМИ РАН) [Электронный ресурс] / А.В. Костин // Библиотека LABRATE.RU. URL: <http://www.labrate.ru/20121120/063804.doc>. – Дата обращения: 01.05.2019.
8. Pomeroy, L. Willie. Academic Analytics in Higher Education: Barriers to Adoption / L. Willie Pomeroy // 2014/ URL: <http://scholarworks.waldenu.edu/>. – Дата обращения: 01.05.2019.

Дата поступления в редакцию: 01.05.19

Y.A. Timakina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of information support of the Department of internal Affairs of the Federal state educational institution of higher education "Rostov law

Institute of the MIA of the Russian Federation”; S.V. Chubeyko, Candidate of Technical Sciences, Lecturer of the Department of information support of the Department of internal Affairs of the Federal state educational institution of higher education “Rostov law Institute of the MIA of the Russian Federation”.

THE USE OF KEY PERFORMANCE INDICATORS TO IMPROVE THE MANAGEMENT OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF THE SYSTEM OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

The introduction of new standards of education and a new system of financial support to improve the quality and competitiveness of education has changed the management system of educational institutions. The new management system includes an assessment of the activities of the educational institution as a whole, its departments and each employee individually. In the article on the basis of the analysis of theoretical and applied aspects the questions of possibility and expediency of use of information technologies for an assessment of efficiency of administrative activity in law-enforcement bodies are considered; the criteria and methods used for the assessment of management work are analyzed, their advantages and disadvantages are revealed.

Keywords: validity, information systems, qualimetric methods, key performance indicators, model, KPI method, rating evaluation, relevance, balanced scorecard, strategy, transparency, management efficiency.

УДК 347.77.028(477)

С.П. Филь, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-организационного отдела Государственного научно-исследовательского института МВД Украины
(e-mail: sveta.fyl@gmail.com)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАМОЖЕННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Исследуется вопрос защиты прав интеллектуальной собственности на таможенной границе Европейского союза и Евразийского экономического союза. Раскрывается содержание таможенной процедуры, направленной на защиту прав интеллектуальной собственности, предусмотренной Регламентом Совета Европейского союза о таможенных мерах по защите прав интеллектуальной собственности № 608/2013 и Таможенным кодексом Евразийского экономического союза. Характеризуются этапы осуществления таможенными органами указанной процедуры и отмечаются ее особенности для каждого союза.

Ключевые слова: защита прав интеллектуальной собственности, Европейский союз, Евразийский экономический союз.

Современные тенденции подъема экономики, научно-технического прогресса, либерализации международных рынков свидетельствуют о становлении результатов интеллектуальной деятельности как движущего фактора развития общества. Увеличение оборота объектов права интеллектуальной собственности в хозяйственной деятельности превращают эти объекты в важный инструмент конкуренции государств за доступ к инновационным ресурсам и рынкам инновационной продукции. Сегодня в Европейском союзе (далее – ЕС) почти каждое третье рабочее место (примерно 26 %) создано благодаря использованию объектов права интеллектуальной собственности, около 56 млн мест из них – вследствие использования имущественных прав на объекты права интеллектуальной собственности и примерно 20 млн мест – путем передачи имущественных прав на объекты права интеллектуальной собственности. Предприятия ЕС, которые уделяют должное внимание защите своих прав на интеллектуальную собственность, обеспечивают до 39 % ее ВВП и генерируют 90 % торговли ЕС с остальными странами мира. Интеллектуальная собственность способствует развитию оригинальности и разнообразия культуры, науки, успешной исследовательской и инновационной деятельности, созданию новых предприятий и рабочих мест, экономическому росту страны и приобретает все больше веса в международной торговле.

Актуальность подтверждается необходимостью обеспечения надлежащей защиты прав владельца нематериальных активов на таможенной границе для импорта товаров, содержащих объекты права интеллектуальной собственности, на международный рынок. Проблемы урегулирования международных отношений в сфере интеллектуальной собственности являются сложными и противоречивыми вследствие неравномерного экономико-правового развития каждой страны.

Основы регулирования таможенной защиты прав интеллектуальной собственности в зарубежных странах и региональных союзах исследовали Г.А. Андрощук, Б.И. Бабенко, И.М. Бенедикюк, Н.С. Гуляева, А.Н. Иванова, Е.Б. Леанович, Ю.А. Медведь, Е.С. Молдован и др. В своих работах ученые сравнивали национальный таможенный механизм защиты прав интеллектуальной собственности с европейскими странами и региональными союзами. При этом сравнение таможенных процедур, направленных на защиту прав интеллектуальной собственности на таможенной границе ЕС и Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), не нашло отражения в юридической науке, что и детерминирует актуальность выбранной темы.

Целью статьи является сравнение механизма таможенно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности в ЕС и ЕАЭС.

Создание экономических объединений ЕС и ЕАЭС позволяет их странам-участникам гармонизировать национальные нормы законодательства, в том числе сферу охраны и защиты прав интеллектуальной собственности с региональными правовыми нормами.

В свое время ЕС был образован с целью создания единых стандартизированных законов в сфере правосудия и правопорядка, формирования общей политики в области экономики, торговли, сельского хозяйства и регионального развития. В настоящее время к ЕС присоединились 28 европейских государств. На его территории с 30 октября 2013 г. вступил в силу новый Единый таможенный кодекс ЕС, утвержденный Регламентом ЕС № 952/2013 от 9 октября 2013 г. Указанный Кодекс предусматривает постепенный переход ЕС на единую таможенную систему и создание единых баз данных для всех стран-членов до 2020 г. Он устанавливает общие таможенные правила и процедуры, обеспечивающие осуществление торговли товарами между ЕС и другими государствами. Дополнительно к кодифицированному законодательному акту для обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности на таможенной границе в ЕС принят Регламент Совета ЕС о таможенных мерах по защите прав интеллектуальной собственности № 608/2013.

ЕАЭС был создан с целью свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведения скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Сейчас в него входят лишь пять стран: Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, а планируют еще присоединиться 17 стран. На территории ЕАЭС, как и в ЕС, действует кодифицированный нормативный правовой акт – Таможенный кодекс ЕАЭС. Вопросам защиты прав интеллектуальной собственности на единой таможенной территории посвящена гл. 52 «Меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, принимаемые таможенными органами».

Перемещение товаров, содержащих объекты права интеллектуальной собственности, осуществляется по соответствующей таможенной процедуре. Однако в каждом союзе она имеет свои особенности, на которые следует акцентировать внимание при рассмотрении ее алгоритма.

Первый этап указанной процедуры заключается в том, что правообладатель объектов права интеллектуальной собственности в случае достаточных оснований полагать, что при перемещении товаров через таможенную границу нарушаются его имущественные права, имеет возможность: подать в таможенный орган заявление о принятии мер, связанных с приостановлением пропуска таких товаров, по решению таможенного органа указанный в заявлении объект вносится в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, который ведет этот таможенный орган; представить в таможенный орган заявление о регистрации объектов права интеллектуальной собственности в таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности, который ведет этот таможенный орган. Все данные таможенного реестра распространяются между всеми таможенными органами и выкладываются на официальных сайтах таможенных органов. За регистрацию объектов интеллектуальной собственности в таможенном реестре предусмотрен залог возмещения ущерба тем лицам, чей товар приостанавливается таможенными органами по подозрению в перемещении контрафактной продукции, которая не будет доказана. Срок действия защиты прав на объект права интеллектуальной собственности в таможенном реестре ограничен и не может превышать срока действия имущественных прав на соответствующий объект права интеллектуальной собственности. Продолжительность действия объекта права интеллектуальной собственности в таможенном реестре составляет в ЕС один год, а в ЕАЭС – два года с возможностью продления по требованию правообладателя при

условии, что не изменились условия, на основании которых была подана заявка на принятие действий, либо право на объект не потеряло свою силу.

В этих союзах правообладателям объектов права интеллектуальной собственности предоставляется возможность защитить свои права как на региональном, так и национальном уровне путем регистрации объектов права интеллектуальной собственности в национальном таможенном реестре (реестры членов союза) и европейском (ЕС) или едином таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности государств-членов (ЕАЭС). Последний реестр, констатирует Н.С. Гуляева, закреплен только декларативно, т. е. по факту его нет, и правообладатель, который стремится защитить свои права на всей территории ЕАЭС, должен регистрировать свой товарный знак в каждом таможенном реестре стран-участниц [1].

С точки зрения Б.И. Бабенко и А.В. Миронова, региональный механизм защиты прав интеллектуальной собственности таможенными органами на территории ЕС практически гармонизированный со всеми ее странами, чего не скажешь о ЕАЭС, где, как и ранее, в каждой стране работают только национальные механизмы [2, с. 66–71].

В отличие от ЕАЭС, где только правообладатель и его уполномоченный представитель могут подать в таможенный орган заявку на внесение собственных объектов права интеллектуальной собственности в таможенный реестр, в ЕС такую заявку могут подать: правообладатели; организации коллективного управления; профессиональные защитные организации; союзы, группы производителей или другие подобные группы производителей товаров, предусмотренных нормативной правовой базой ЕС по географическим указаниям, которые представляют производителей продуктов с географическим указанием или представители таких групп, субъекты хозяйствования, имеющие разрешение использовать географическое указание, а также уполномоченные органы, осуществляющие контроль за данным географическим указанием.

В ЕС в соответствии со ст. 2 Регламента ЕС № 608/2013 владелец может зарегистрировать в таможенном реестре товарные знаки, авторские права и смежные права, патентные права (изобретения и полезные модели), промышленные образцы, коммерческие наименования, географические указания, сертификаты лекарственных средств и растений, сорта растений, топографии полупроводникового изделия. В таможенный реестр в ЕАЭС согласно ст. 385 Таможенного кодекса ЕАЭС правообладатель может подать только объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товаров. Такая позиция ЕАЭС, по мнению Е.Б. Леанович, объясняется тем, что таможенные органы начинали работу в сфере защиты прав интеллектуальной собственности именно по защите средств индивидуализации: товарных знаков и знаков обслуживания, и только в процессе работы постепенно приобретают опыт других объектов права интеллектуальной собственности [3, с. 112–113].

Второй этап алгоритма указанной процедуры заключается в том, что в случае осуществления таможенного контроля выявляются товары, при перемещении которых могут нарушаться права интеллектуальной собственности; таможенные органы приостанавливают их выпуск и сообщают об этом владельцу товара и правообладателя, которым он может принадлежать. Срок приостановления таких товаров не превышает 10 рабочих дней с возможностью продления еще на 10 рабочих дней (например, в ЕС такой срок составляет 30 дней).

На последнем этапе указанной процедуры при подтверждении судебным решением факта этого правонарушения таможенному органу представляются документы на изъятие таких товаров, наложение ареста или их конфискацию. Если товары оказались оригинальные, они выпускаются в соответствии с заявленной таможенной процедурой, а их владельцу правообладатель возмещает нанесенный ущерб.

Еще одно отличие между исследуемыми объединениями заключается в том, что на территории ЕС предусмотрена упрощенная процедура уничтожения контрафактных товаров с наименьшими затратами, а на территории ЕАЭС такая процедура досудебного разбирательства отсутствует. По мнению Е.Н. Иванова, данная процедура позволила бы уменьшить расходы правообладателя в большей степени из-за судебных издержек, нагрузки судебных органов и организации работы таможенных органов по выполнению процедуры уничтожения контрафактных товаров под таможенным контролем. В отличие от ЕС в ЕАЭС вообще не предусмотрено обязательное уничтожение контрафактных товаров таможенными органами [4, с. 34–41].

Таким образом, механизм таможенно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности в ЕС и ЕАЭС состоит из следующих этапов: 1) регистрации их объектов права интеллектуальной собственности в таможенном реестре; 2) приостановление таможенными органами товаров при перемещении их через таможенную границу, которые нарушают права зарегистрированных в таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности; 3) привлечение к ответственности правонарушителя по факту перемещения контрафактных товаров и их утилизация. Этот механизм в ЕС и ЕАЭС имеет свои особенности, связанные с применением таможенными органами процедуры, предусмотренной Регламентом Совета ЕС в таможенные меры по защите прав интеллектуальной собственности № 608/2013 и Таможенным кодексом ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Гуляева, Н. Интеллектуальное богатство Евразии. URL: <http://eurasiancenter.ru/infrastructureexperts/20150417/1004066332.html>. – Дата обращения: 20.04.2019.
2. Бабенко, Б.І. Особливості правового регулювання захисту об'єктів права інтелектуальної власності під час переміщення товарів через митний кордон України / Б.І. Бабенко, О.В. Миронов // Митна безпека. – 2014. – № 2. – С. 66–71.
3. Леанович, Е.Б. Регламентация вопросов интеллектуальной собственности в рамках Евразийской экономической интеграции / Е.Б. Леанович // Тр. фак. междунар. отношений : науч. сб. / редкол.: В.Г. Шадурский [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – 184 с. – Вып. III. – С. 112–113.
4. Иванова, Е.Н. Уничтожение под таможенным контролем как наиболее эффективный способ борьбы с контрафактом / Е.Н. Иванова // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2013. – № 4. – С. 34–41.

Дата поступления в редакцию: 30.06.2019

S.P. FyI, Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher Scientific-Organizational Department of the MIA of Ukraine

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF CUSTOMS AND LEGAL PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN THE EUROPEAN UNION AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article deals with the issue of protection of intellectual property rights at the customs border of the European Union and the Eurasian Economic Union. The content of the customs procedure aimed at protection of intellectual property rights, stipulated by the Regulation (EU) № 608/2013 of the European Parliament and of the Council of 12 June 2013 concerning customs enforcement of intellectual property rights and repealing Council Regulation (EC) № 1383/2003 and the Customs Code of the Eurasian Economic Union. It describes the stages of implementation by the customs authorities of the specified procedure and marks its features for each union.

Keywords: protection of intellectual property rights, European Union, Eurasian Economic Union.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

В.С. Ялович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ!

Юридическая общественность и Академия МВД Республики Беларусь, мы, его ученики, отметили юбилей – 70-летие со дня рождения одного из ведущих криминологов страны, доктора исторических наук, кандидата юридических наук, профессора, академика Международной славянской академии образования, науки, искусств и культуры Валерия Антоновича Ананича.

В.А. Ананич родился 17 сентября 1949 г. в деревне Благодать Дукорского сельсовета Пуховичского района Минской области в семье крестьян. В 1956–1966 гг. обучался в Жоровской восьмилетней и Дукорской средней общеобразовательных школах. Во время учебы отличался способностями в изучении гуманитарных дисциплин, которые в последующем были развиты в рамках системы высшего образования в области юриспруденции и истории. В школьные годы активно участвовал в художественной самодеятельности, занимался в драматическом кружке, увлекался спортом, являлся членом сборной команды школы по легкой атлетике, футболу и лыжам. В 17 лет выполнил нормативы 1-го разряда по последним двум видам, что позволило в будущем успешно преодолевать трудности армейской и милицейской службы, результативно работать в научно-педагогической сфере, сохраняя высокую работоспособность, которая отмечается коллегами и начальниками.

В 1966–1968 гг. обучался в ГПТУ № 32 полиграфистов Минска, получил специальность печатника. В 1968–1970 гг. служил в рядах Советской Армии, где прошел хорошую жизненную школу, стал отличником боевой и политической подготовки. Начал рядовым, затем стал сержантом – командиром отделения, старшим сержантом – заместителем командира взвода. Уже во время службы в армии приобщился к педагогической работе, разрабатывал методички и проводил занятия по строевой, тактической, технической и специальной подготовке. Как следует из одной характеристики, данной командирами, «В.А. Ананич являлся лучшим методистом подразделения».

Во время воинской службы активно участвовал в общественной жизни, избирался секретарем комсомольской организации подразделения, в 1970 г. стал кандидатом в члены КПСС. Уже тогда в окружной газете опубликовал свою первую статью «Дисциплина куёт победу». За успехи в службе и общественной работе многократно поощрялся, был удостоен чести сфотографироваться у развернутого Знамени части, а по окончании службы был занесен в Книгу Почета.

После демобилизации из армии работал на Минском автомобильном заводе, откуда в 1971 г. был направлен на службу в милицию. В 1971–1973 гг. обучался в Минской специальной средней школе милиции им. М.В. Фрунзе МВД СССР, которую окончил с отличием. Наряду с успешной учебой, участием в научных кружках занимался общественной работой в качестве секретаря партийной организации курса, в составе команды курса участвовал в КВН. В курсантские годы участвовал в охране общественного порядка при проведении в столице политических, массовых, спортивных и иных мероприятий, применял на практике соответствующие знания, необходимые умения и навыки.

По окончании учебы в средней школе милиции в 1973 г. УВД Мингорисполкома для дальнейшего прохождения службы выпускник В.А. Ананич был распределен в один из лучших органов

внутренних дел столицы – Октябрьский РОВД на должность участкового инспектора, где зарекомендовал себя с положительной стороны: успешно осуществлял индивидуальную профилактику правонарушителей и ранее судимых; выступал с лекциями и беседами в трудовых коллективах; предметно направлял работу добровольных народных дружин заводов «Колибр», медицинских препаратов, вагоноремонтного по поддержанию правопорядка на обслуживаемой территории; обучал дружинников формам и методам предупреждения и раскрытия преступлений. Уже на должности старшего участкового инспектора добился высоких результатов в налаживании совместно с администрацией Минского завода медицинских препаратов работы общественного пункта охраны правопорядка – одного из лучших в столице. Много работал по раскрытию неочевидных преступлений, используя личный сыск, выявил и принимал участие в задержании особо опасного вооруженного преступника – серийного убийцы, проявив смелость и решительность. За успехи в работе неоднократно поощрялся руководством Октябрьского, Московского РОВД, УВД Мингорисполкома, а в 1977 г. был награжден Почетной грамотой МВД БССР.

Руководство Октябрьского РОВД, УВД Мингорисполкома в 1974 г. оказало Валерию Антоновичу высокое доверие, разрешив поступить на заочное отделение Минского филиала заочного обучения Академии МВД СССР. Совмещая практическую работу и учебу, В.А. Ананич, в 1979 г. с отличием окончил милицейский вуз.

В связи с образованием Московского района столицы в 1977 г. обслуживаемая В.А. Ананичем территория перешла во вновь образованный район, где он проработал более года, набираясь опыта, совершенствуя свое служебное мастерство. В 1978 г. ему, тогда еще старшему лейтенанту, было предложено возглавить отделение профилактической службы в родном для него Октябрьском РОВД (его численность составляла более трети всего личного состава РОВД). Несмотря на молодость, подчиненность бывших коллег, намного старших по возрасту и стажу службы, в новой должности он зарекомендовал себя с положительной стороны. Умело организовывал работу участковых инспекторов милиции, сотрудников, выполняющих чисто профилактические функции и инспекции исправительных работ, проводил с ними занятия по служебной подготовке.

В этой должности наряду с организаторской работой активно занимался аналитической, готовил развернутые обобщенные материалы о состоянии преступности, ее отдельных видах в районе, вносил предложения и информационные записки в различные государственные органы по совершенствованию работы добровольных народных дружин, устранению причин и условий преступлений на конкретных объектах и предприятиях. Активно участвовал в общественной жизни коллектива, пользовался заслуженным авторитетом, уважением и высоким доверием. Избирался членом партийного бюро, председателем группы народного контроля и товарищеского суда.

Серьезным испытанием для В.А. Ананича стали Олимпийские игры 1980 г. Требовалось решить ряд проблем, связанных с контролем за ранее судимыми и поднадзорными, другими лицами отклоняющегося поведения. В связи с проведением предварительных матчей по футболу на столичном стадионе «Динамо» ему было поручено возглавить один из самых ответственных участков арены. Одновременно с несением службы на данном объекте, где были задействованы все сотрудники отделения, требовалось решать оперативно-служебные задачи. Коллектив отделения успешно справился с поставленными задачами, не допустив нарушений общественного порядка на вверенном объекте, в чем была немалая заслуга и Валерия Антоновича.

Занимаясь практикой, В.А. Ананич поддерживал и тесные связи с наукой: кафедрой криминологии и профилактики преступлений Минской высшей школы МВД СССР, где проводил совместные исследования рецидивной и бытовой преступности, выступал по вопросам организации профилактической работы, взаимодействия с общественностью.

В последующем указанной кафедрой, руководством Минской высшей школы МВД СССР он был рекомендован для поступления в очную адъюнктуру Московской высшей школы милиции МВД СССР. Успешно сдав вступительные экзамены, в октябре 1980 г. был зачислен в ведущий милицейский вуз СССР, в котором преподавали лучшие ученые Советского Союза в области юриспруденции. Подготовка адъюнктов осуществлялась в лидирующей научной среде, что благотворно повлияло на процесс работы В.А. Ананича над диссертацией теоретико-прикладного характера «Условия эффективности общей профилактики преступлений, осуществляемой органами внутренних дел в крупном городе». Обучение в очной адъюнктуре дало возможность не только эффективно про-

дить исследования по диссертации, но и участвовать во всесоюзных, столичных, вузовских научных конференциях, семинарах, и это положительно сказалось на становлении будущего ученого. Как результат диссертация была в срок подготовлена и успешно защищена в декабре 1983 г.

Преподавательская деятельность юбиляра началась в октябре 1983 г. на кафедре криминологии и профилактики преступлений Минской высшей школы МВД СССР. Мне, курсанту, довелось слушать лекции Валерия Антоновича, быть участником его семинарских и практических занятий, отличавшихся глубиной знаний правовой теории, практики работы органов внутренних дел, милиции, интересной методикой. В 1985 г. перспективный преподаватель В.А. Ананич был выдвинут на должность старшего преподавателя кафедры административного права и организации управления органами внутренних дел, где активно осваивал новые дисциплины и занимался научными исследованиями. В 1988 г. В.А. Ананич был назначен начальником этой кафедры, грамотно организовал деятельность коллектива, работая по принципу «управление на результат». Во время его руководства сотрудниками кафедры были защищены две докторские диссертации, что позволило по уровню замещения должностей профессорско-преподавательского состава с учеными степенями (90 %) занять одно из ведущих мест в вузе, проводить глубокие исследования проблем административной деятельности милиции, управления органами внутренних дел, в том числе в чрезвычайных ситуациях. По итогам исследований издан ряд сборников научных трудов под научной редакцией В.А. Ананича.

Сложное испытание выпало В.А. Ананичу в 1985, 1986, 1988 гг.: ему пришлось участвовать в трех специальных командировках для охраны общественного порядка в Москве на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов, в зоне ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и в Ереване в связи с межнациональным конфликтом между Арменией и Азербайджаном.

Необходимо особо отметить, что В.А. Ананич в ходе этих командировок проявил себя с лучшей стороны. Используя накопленный опыт и знания, он как командир взвода действовал грамотно и четко, обеспечивая общественный порядок на вверенном объекте в Москве, не допустив происшествий. В командировке в зону Чернобыльской АЭС, являясь начальником штаба самого крупного подразделения сводного отряда Минской высшей школы МВД СССР, показал себя умелым управленцем. Он эффективно сочетал штабные функции и действия по налаживанию службы, контролю за ее несением, постами и нарядами в экстремальной обстановке. В Ереване, занимая должность командира батальона, успешно руководил вверенным подразделением, в необходимых случаях исполнял обязанности командира сводного отряда Минской высшей школы МВД СССР. За работу в этих командировках Валерий Антонович поощрялся МВД СССР, БССР, награжден рядом государственных наград.

Мощная поддержка руководства вуза сыграла немаловажную роль в подготовке докторской диссертации. В связи с переходом на другую кафедру и преподаванием дисциплины «Научная организация управления органами внутренних дел» ему пришлось скорректировать тему, связав ее с деятельностью милиции Беларуси по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Докторская диссертация на тему «Деятельность милиции Белорусской ССР по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью (1971–1985 гг.)» была успешно защищена в апреле 1991 г. в Совете по защите диссертации Д 006.14.01 при Институте истории АН БССР. В 1992 г. юбиляру было присвоено высокое ученое звание профессора.

В 1992–1994 гг. в целях получения практического опыта В.А. Ананич по личной просьбе был переведен в МВД Республики Беларусь. Работал в штабе в должности старшего инспектора по особым поручениям отдела правового обеспечения и внешних связей, главного инспектора главной инспекции штаба. Участвовал в подготовке ряда проектов законов, постановлений правительства, ведомственных нормативных правовых актов. Вскоре последовало предложение, а затем откомандирование в распоряжение Совета Министров страны на должность ведущего специалиста Управления общественной безопасности и оборонной работы, преобразованное впоследствии в Государственный секретариат. В условиях динамичной разработки национального законодательства в течение 1993–1994 гг. он принимал участие в подготовке ряда проектов постановлений правительства по вопросам организации борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, правовому регулированию работы правоохранительных органов, их служб. Эта командировка позволила приобрести бесценный опыт в освоении технологии подго-

товки законов, постановлений Верховного Совета, правительства, обогатила новыми знаниями в области юриспруденции и законотворчества.

Став с 1994 г. профессором кафедры уголовного права и криминологии, а затем уголовно-исполнительного права Академии МВД Республики Беларусь, В.А.Ананич исходя из своего потенциалу и достижений по праву становится одним из ведущих криминологов страны, исследующих проблемы борьбы с преступностью. Результатом его усилий явилось создание и успешное функционирование научной школы по юридическим наукам, обеспечивающей криминологическое, уголовно-правовое, уголовно-исполнительное и административно-правовое предупреждение преступности и правонарушений, а также по истории милиции Беларуси второй половины XX в. и в современный период.

В.А. Ананич много работает с научно-педагогическими кадрами. Непосредственно участвовал в подготовке 8 докторов и 60 кандидатов наук, лично подготовил 10 кандидатов юридических наук и 1 магистра права. За время работы Академии В.А. Ананич внес существенный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел и других структур правоохранительной системы не только Беларуси, но и зарубежья. Валерий Антонович читал лекции для преподавателей Академии управления и Московского университета МВД России, Высшей полицейской академии ФРГ, Высшей школы полиции Республики Польша (Щитно) и др.

Научные работы В.А. Ананича по криминологии, теории управления правоохранительной деятельностью и органами внутренних дел, уголовного, уголовно-исполнительного и административного права, истории милиции пользуются огромным спросом у курсантов, преподавателей, научных работников Академии МВД, других вузов страны и на постсоветском пространстве. В числе его достижений – исследование процесса и закономерностей формирования научных воззрений на преступность, уголовно-правовых, уголовно-исполнительных, уголовно-процессуальных и административно-правовых средств борьбы с криминалом. В.А. Ананич разработал перспективные направления развития указанных отраслей научного знания; исследовал преступность в Республике Беларусь во второй половине XX вв., изучал ее современные тенденции, региональные особенности, причины и условия, обуславливающие состояние и развитие данного антисоциального явления. Подготовил методики изучения преступности, выявления и устранения детерминирующих ее факторов; исследовал эффективность функционирующей системы предупреждения преступности в стране и разработал предложения по ее усовершенствованию, информационному и правовому обеспечению.

Важно отметить вклад В.А. Ананича в разработку национального законодательства в сфере борьбы с преступностью, регулирующего деятельность правоохранительных органов. В 1993–2019 гг. в составе постоянно действующей рабочей группы Совета Безопасности Республики Беларусь, одноименных временных Исполкома СНГ, МВД, Минюста, Генеральной прокуратуры В.А. Ананич осуществлял разработку национального законодательства, государственных и межгосударственных программ в сфере борьбы с преступностью, реализация которых позволила не допустить разгула криминалитета в период становления государственности, а на рубеже XX–XXI вв. переломить ситуацию и добиться снижения преступности в стране. В его актив следует отнести участие в разработке проектов законов СССР, БССР «О милиции» (1989–1991 гг.), «Об органах внутренних дел» (2007), Указов Президента Республики Беларусь «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь» (2007 г.), «Об утверждении Положения о порядке проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь» (2011 г.) и др.

Под его непосредственным руководством исследованы механизм индивидуального преступного поведения, современные технологии криминологического прогнозирования преступности и индивидуального преступного поведения, а также познания, объяснения и организации эффективного предупреждения женской, рецидивной, экономической, коррупционной, пенициарной, бытовой, корыстной и корыстно-насильственной преступности, преступности несовершеннолетних и молодежи, а также иностранцев и лиц без гражданства; разработаны криминологический портрет личности преступника и методика ее изучения.

Профессор В.А. Ананич, являясь руководителем криминологической лаборатории на общественных началах кафедры уголовного-исполнительного права, в рамках деятельности этого кластерного объединения руководил выполнением ряда исследовательских проектов, в том числе

на уровне государств – участников СНГ. В их числе «Особенности проявления отдельных видов преступности на территории государств – участников СНГ и их предупреждение в современных условиях», «Выработка критериев оценки эффективности работы подразделений по контролю за оборотом наркотиков органов внутренних дел на региональном уровне».

Результатом исследований под научным руководством В.А. Ананича стали подготовленные монографии на темы «Проблемы предупреждения отдельных видов преступности» (2017 г.), «Проблемы борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков» (2019 г.), а также ряд учебников, учебных пособий, сборников научных трудов. Весом его вклад в подготовку коллективного труда «Милиция Беларуси: 100 лет. История и современность» (2016 г.). Сегодня внимание профессора и его учеников обращено к теме «Личность преступника: структурно-содержательная характеристика, предупреждение формирования и криминализации», а по результатам планируется издание монографии.

С участием Валерия Антоновича исследована деятельность органов внутренних дел по предупреждению преступлений и правонарушений в различных сферах социальной жизни, в условиях чрезвычайных ситуаций (социальные конфликты, техногенные аварии, природные катаклизмы и др.), разработаны алгоритмы действий служб и подразделений в таких условиях. Существенный вклад юбиляра в исследование деятельности милиции как субъекта борьбы с преступностью во второй половине XX в. и в современных условиях и разработку предложений по совершенствованию ее кадрового, идеологического и ресурсного обеспечения.

В.А. Ананич подготовил и внедрил в образовательный процесс инновационную систему учебно-методического, научного и прикладного сопровождения криминологической подготовки будущих юристов, не имеющей аналогов в других вузах страны и за рубежом. Эта система используется в образовательных учреждениях Беларуси и Международном учебном центре подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми.

В.А. Ананич является автором более 100 научных работ, в том числе 5 индивидуальных и 4 коллективных монографий, 30 учебных и учебно-методических пособий. Научные труды опубликованы в Беларуси, России, Молдове. В числе основных трудов: Особенности повышения эффективности предупреждения преступлений органами внутренних дел в крупных городах (Минск, 1986), Предупреждение преступлений патрульно-постовой службой милиции (Минск, 1988), Организация работы участкового инспектора милиции по профилактике правонарушений в общежитиях (Минск, 1990), Деятельность милиции и общественности Белорусской ССР по борьбе с преступностью (Минск, 1990), Организация работы с кадрами милиции в Белоруссии, 1971–1985 гг. (Минск, 1992), Милиция и общественность на страже правопорядка: На примере Республики Беларусь (Минск, 1993), Правовое регулирование работы с несовершеннолетними и молодежью (Минск, 1999), Предупреждение преступности: зарубежный опыт, международное сотрудничество (Минск, 2000), Словарь-справочник по криминологии и юридической психологии (Минск, 2003), Предупреждение рецидивной преступности (Минск, 2008), Криминология: научно-методологические основы (Минск, 2010), Введение в криминологию (Минск, 2013), Криминология (Минск, 2015), Анализ и прогнозирование преступности (Минск, 2017), Проблемы предупреждения отдельных видов преступности (Минск, 2017), Преступность иностранцев и лиц без гражданства в Республике Беларусь (Минск, 2019) и др.

С такой жизненной позицией и запалом профессор В.А. Ананич востребован и ведет активную организационную научно-педагогическую деятельность. С 1985 г. является членом Совета Академии МВД, был его секретарем, а с 2016 г. – ученого совета Академии МВД. С 1998 г. – член совета по защите диссертаций К 06 января 2001 г. при Академии МВД, с 2018 г. – его председатель. В 1999–2003 гг. был членом экспертного совета ВАК. Его профессионализм, научная подготовка, достижения оценены и признаны научным сообществом не только Беларуси, но и на постсоветском пространстве. Он является членом редакционных советов журналов «Вестник Академии МВД Республики Беларусь», «Вестник Воронежского института МВД РФ», «Академическая мысль» Академии управления МВД РФ, «Предварительное расследование» Следственного комитета Беларуси.

Заслуги В.А. Ананича по достоинству оценены государством. Он награжден орденом Почета, медалями «За трудовую доблесть», «За отличную службу по охране общественного порядка», «За безупречную службу» III, II, I степени, а также другими медалями и нагрудными знаками.

В его послужном списке около 150 поощрений, в том числе МВД СССР, МВД БССР, МВД Республики Беларусь, а также Исполкома СНГ, государственных органов Минска, также занесен в Книгу Почета Академии МВД.

С благодарностью юбиляр вспоминает своих учителей, командиров и начальников по службе в армии и милиции и в науке. Это – учительница русского языка и литературы В.М. Кунько, обществоведы Н.П. Страх, П.Л. Кардаш, воинские командиры Г.М. Беспалов, Г.П. Марченко, П.М. Михайлов, сотрудники милиции В.А. Данько, В.Д. Поворотный, А.Н. Шишенок, ученые-юристы А.И. Алексеев, В.В. Романов, А.Б. Сахаров, ученые-историки П.Т. Петриков, В.М. Фомин и др.

В повседневной жизни Валерий Антонович скромнен, уважительно относится к коллегам, отзывчив и принципиален, предельно выдержан, хорошо владеет лекторским мастерством, не лишен способностей полемиста. Он отличный семьянин. Его жена, Таисия Александровна, бывшая одноклассница, вот уже 47 лет является и критиком, и советчиком, и верным другом. Она 40 лет отработала на станции скорой помощи в сложных условиях. Радует его и дочь Светлана, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД. Она пошла по стопам отца, окончила юридический факультет БГУ, без отрыва от работы подготовила и успешно защитила диссертацию. Она в третьем поколении Ананичей, среди которых были учителя, директора школ, заведующий РОНО, заслуженный учитель республики, по отзывам курсантов и коллег успешно продолжает славные традиции своей большой семьи на педагогическом поприще.

Наше повествование о юбиляре было бы не полным, если бы мы не коснулись его увлечений, интересов, которые проявились уже в начале его осознанного жизненного пути. Это собирание, книжечтение исторической, мемуарной и художественной, в основном классической, литературы, а также юридической литературы, коллекционирование альбомов живописи. У него богатая личная библиотека, в которой собраны труды по философии, научному социализму, юриспруденции, социологии, психологии, педагогике, управлению. Любит посещать музеи, театр, спортивные соревнования.

В.А. Ананич достойно несет звание белорусского ученого и педагога, полон энергии и творческих планов. В нем, его поступках ярко выражены и проявляются честность, трудолюбие, совесть, доброта – человеческие качества, которым он следовал и следует в своей жизни, несмотря на ее трудности и ухабы, которых немало было на его пути. Всем нам импонирует его гражданская позиция, убеждения, нетерпимость к несправедливости. Он был и остается носителем лучших качеств советского человека, убежденным коммунистом и, несмотря на кульбиты современной истории, ни на один день не прерывал свое членство в коммунистической партии. Мы любим его, уважаем и можем сказать – Учитель, Педагог, прекрасный Человек, признанный специалист в отечественной юриспруденции.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Сопроводительные документы Договор неисключительной лицензии, заполненный согласно требованиям и подписанный автором, в двух экземплярах (форма договора размещена на сайте Академии: <http://academy.mia.by/index.php/nauka/vestnik-akademii>), внешняя рецензия, рецензия члена редколлегии журнала, выписка из протокола заседания кафедры о рекомендации статьи к опубликованию. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения.

Общие требования Текст представляется на бумажном носителе и в электронном виде. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. В имени файла указывается фамилия автора. Формат А4. Поля – не менее 2,5 см. Абзацный отступ – 1 см. Междустрочный интервал – полуторный. Страницы нумеруются. Гарнитура Times New Roman, кегль – 14 пт. Объем статьи – 8–10 страниц.

Структура статьи *УДК.*
Сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, телефон (служебный, домашний), e-mail.
Название статьи.
Аннотация (100–150 слов).
Ключевые слова.
Текст статьи.
Все аббревиатуры и сокращения расшифровываются при первом упоминании в тексте. Рисунки, схемы, диаграммы должны быть четкими. В тексте статьи должны быть ссылки на рисунки и таблицы, если их более двух (*рис. 1, табл. 1*).
Ссылки на использованную литературу обязательны. Список цитируемых источников оформляется по тем же правилам, что и в диссертации. Список размещается в конце статьи, ссылки располагаются по мере упоминания в тексте. Порядковые номера ссылок в тексте должны быть написаны в квадратных скобках (например, [1], [2]).
Английская версия сведений об авторе, названия статьи, аннотации и ключевых слов размещается после библиографических ссылок (ответственность за достоверность перевода несет автор).

**Редакция журнала оставляет за собой право не публиковать статьи,
не соответствующие предъявляемым требованиям,
а также не возвращает рукописи статей и электронные носители.**